СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИГОТОВИЛЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ СНАБДИЛЪ

Леонидъ Майковъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1812—1817)

Изданіе второе

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин. № 12

1900

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИГОТОВИЛЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ СНАБДИЛЪ

Леонидъ Майковъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1812—1817)

Изданіе второе

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин. № 12.

1900

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1900. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи наукъ, въ виду приближающейся столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина, положило предпринять критическое изданіе его сочиненій.

До сихъ поръ попытки приготовить такое изданіе не могли увѣнчаться успѣхомъ, главнымъ образомъ — по своей преждевременности: не всѣ сочиненія Пушкина могли сдѣлаться достояніемъ печати, рукописи его не были доступны изученію, и очень многое изъ сказаннаго Пушкинымъ или касающагося его жизни не могло быть объяснено съ достаточною полнотой и точностью. Нынѣ ходъ времени самъ собою устраняетъ эти затрудненія; протекло болѣе шестидесяти лѣтъ со дня его кончины; поколѣніе, ему современное, сошло съ поприща дѣятельности; тѣ общественныя отношенія и условія, среди которыхъ онъ жилъ, отдвинулись въ прошлое. Конечно, это прошлое еще мало изучено; но передъ нами остался самъ великій поэтъ, со своими безсмертными произведеніями, и мы еще не такъ далеко ушли отъ того періода русской жизни, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ, чтобъ его дѣло и личность успѣли затуманиться въ сознаніи потомства. Частичная работа надъ изученіемъ сочиненій Пушкина началась вслѣдъ за его кончиной; матеріалы для исторіи его жизни и творчества стали собираться давно и продолжаютъ открываться донынѣ. Чѣмъ болѣе накопляется такихъ матеріаловъ и толкованій къ нимъ, тѣмъ осязательнѣе становится необходимость подвести итоги этой дробной работѣ: итоги эти и должны заключаться въ критическомъ изданіи всего, что было написано Пущ-

кинымъ, и въ составленіи его жизнеописанія, какъ прямого и непосредственнаго объясненія его произведеній.

Предпринимаемое Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи изданіе сочиненій Пушкина должно заключать въ себѣ все, что̀ вышло изъ-подъ его пера и сохранилось донынѣ — какъ произведенія вполнѣ законченныя, такъ и отрывки и черновые наброски, оставшіеся не отдѣланными, и наконецъ, случайныя замѣтки и письма. Все это — памятники его дарованія и ума, все это — отраженія личности геніальнаго русскаго человѣка, и потому должно быть сохранено.

Въ общемъ распорядкѣ академическаго изданія не предположено никакихъ существенныхъ отступленій отъ той послѣдовательности, въ какой сочиненія Пушкина размѣщены въ извѣстныхъ изданіяхъ Анненкова, Геннади, Ефремова и Литературнаго Фонда, то-есть, стихи будутъ отдѣлены отъ прозы, затѣмъ въ стихотворной части лирика — отъ поэмъ и драмъ, а въ прозаической — разсказы и повѣсти отъ сочиненій историческихъ, отъ журнальныхъ статей и т. д. Притомъ, въ каждой части произведенія будутъ размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ.

Особою заботой академическаго изданія Пушкина должно быть установленіе правильнаго текста его произведеній. Еще самъ онъ жаловался, что стихи его печатались иногда небрежно, съ невѣрныхъ списковъ, въ редакціи, имъ отвергнутой. Послѣ его кончины такъ-называемое «посмертное» изданіе (въ 11 томахъ) продолжало эти искаженія: многое, заимствованное изъ рукописей поэта, было въ немъ напечатано съ пропусками или съ измѣненіями, сдѣланными чужою рукой, а многое, уже бывшее въ печати, но разсѣянное по журналамъ, вовсе не вошло въ его составъ. Послѣдующіе издатели старались исправить этотъ недостатокъ, но дѣлали поправки неопытною рукой или при скудныхъ пособіяхъ; бывало и такъ, что, руководимые усердіемъ болѣе, чѣмъ осторожностью, они позволяли себѣ измѣнять или дополнять Пушкинскій текстъ на основаніи ненадежныхъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ рукописи Пушкина, хранившіяся у его наслѣд-

никовъ въ большомъ количествѣ, поступили въ Московскій Публичный музей (въ 1880 году) и стали общественнымъ достояніемъ, открылась возможность провѣрить многое въ изданныхъ текстахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прослѣдить разныя фазы въ развитіи Пушкинскаго творчества. Рукописи поэта свидѣтельствуютъ, что, не смотря на краткость его жизни, трудъ его, какъ писателя, былъ огроменъ, очень тщателенъ и сложенъ. Нерѣдко созданіе различныхъ произведеній шло у Пушкина одновременно, и притомъ каждое изъ нихъ не разъ передѣлывалось и подвергалось внимательной обработкѣ. Къ піесѣ, давно задуманной, Пушкинъ возвращался много лѣтъ спустя, такъ-сказать, переливалъ ее въ новую форму, и лишь послѣ такого заботливаго труда она получала тотъ легкій и свободный складъ, который кажется намъ проявленіемъ внезапнаго вдохновенія. Случайныя замѣтки, разбросанныя по рукописямъ Пушкина, нерѣдко указываютъ первоначальные мотивы его творчества; выписки изъ книгъ даютъ понятіе объ объемѣ и характерѣ его чтенія; наконецъ, разсѣянныя по тетрадямъ числовыя помѣты помогаютъ опредѣлить хронологію его произведеній. Такимъ образомъ ближайшее изученіе рукописей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ, а также въ Императорской Публичной Библіотекѣ и у частныхъ лицъ, и затѣмъ сличеніе различныхъ изданій произведеній Пушкина, преимущественно изданій, выпущенныхъ подъ его непосредственнымъ надзоромъ, являются лучшимъ способомъ для установленія правильнаго Пушкинскаго текста. Въ академическомъ изданіи всѣ произведенія поэта, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати на его глазахъ, притомъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи будетъ допущено только для тѣхъ случаевъ, когда достовѣрно извѣстно, что подлинный Пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукой цензора или другого посторонняго понравителя. Что касается произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, текстъ ихъ будетъ воспроизводимъ въ точности по его собственнымъ рукописямъ, а

за отсутствіемъ таковыхъ, по копіямъ, наиболѣе заслуживающимъ довѣрія.

Съ вопросомъ объ установленіи правильнаго текста произведеній Пушкина тѣсно связанъ вопросъ о варіантахъ. Почти всѣ произведенія Пушкина, особенно стихотворныя, еще при жизни его были издаваемы по нѣскольку разъ, и почти въ каждомъ изданіи авторъ дѣлалъ измѣненія — поправлялъ, изрѣдка распространялъ и весьма часто сокращалъ напечатанное прежде; такимъ образомъ въ печати накопилось значительное количество варіантовъ къ его тексту; съ другой стороны, въ рукописяхъ поэта всѣ его первоначальные наброски покрыты помарками и поправками, и по этимъ рукописямъ можно прослѣдить, какъ тщательно авторъ отдѣлывалъ свои произведенія. Поэтому варіанты, какъ изъ печатныхъ изданій, такъ и изъ рукописей, должны найти себѣ мѣсто въ изданіи критическомъ, ибо они раскрываютъ предъ внимательнымъ читателемъ поучительный процессъ творчества поэта и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ строго относился онъ къ своимъ созданіямъ.

Пушкинъ вообще не спѣшилъ печатаніемъ своихъ произведеній, и нѣкоторыя изъ нихъ, почти совершенно законченныя, лежали у него въ портфелѣ по нѣскольку лѣтъ, ожидая очереди для изданія. Еще болѣе хранилось въ его бумагахъ разныхъ черновыхъ набросковъ и не обработанныхъ піесъ разнаго времени, въ томъ числѣ лицейской поры. Если въ великомъ художникѣ и геніально умномъ человѣкѣ мы цѣнимъ также строгаго судью надъ самимъ собою (а таковъ именно былъ Пушкинъ), то и въ критическомъ изданіи его произведеній желательно по возможности соблюсти ту точку зрѣнія, съ которой онъ самъ къ нимъ относился: наброскамъ его и недозрѣлымъ произведеніямъ, которыхъ онъ не пускалъ въ печать, должно быть отведено здѣсь особое мѣсто. При распредѣленіи всего написаннаго Пушкинымъ по годамъ наброски и отрывки будутъ помѣщаемы въ академическомъ изданіи въ концѣ каждаго года, въ видѣ дополненія къ совершенно законченнымъ произведеніямъ того же періода.

Необходимою частью критическаго изданія сочиненій Пушкина являются объяснительныя примѣчанія къ его тексту. Содержаніе ихъ должно быть литературное и историческое, то-есть, въ примѣчаніяхъ будутъ даны, вопервыхъ, указанія на взаимныя соотношенія между различными произведеніями Пушкина и на отношенія послѣднихъ къ обстоятельствамъ его жизни и къ сочиненіямъ другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ; во-вторыхъ, въ примѣчаніяхъ найдутъ себѣ мѣсто объясненія тѣхъ многочисленныхъ намековъ историческихъ и бытовыхъ, которые встрѣчаются у Пушкина.

Въ составъ приложеній къ академическому изданію Пушкина войдутъ: подробная біографія поэта и библіографія его сочиненій. Приложены также будутъ портреты Пушкина изъ разныхъ періодовъ его жизни, снимки съ его рукописей и рисунковъ и наконецъ другія изображенія, въ коихъ представится необходимость.

Все изданіе составитъ не менѣе двѣнадцати томовъ.

При первомъ извѣстіи о предположенномъ Академіей изданіи сочиненій Пушкина предпріятіе это было встрѣчено живымъ сочувствіемъ, какъ со стороны тѣхъ учрежденій, въ которыхъ имѣются рукописи Пушкина, такъ и со стороны частныхъ лицъ, такими рукописями обладающихъ. Рукописи эти, а равно другіе матеріалы о Пушкинѣ, были благосклонно доставляемы въ распоряженіе Академіи. Всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказывавшимъ Академіи содѣйствіе въ настоящемъ случаѣ, она почитаетъ долгомъ выразить свою глубокую признательность.

Редакція изданія поручена Отдѣленіемъ академику Л. Н. Майкову.

Отъ редактора.

Первый томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина содержитъ въ себѣ его такъ-называемыя «лицейскія» стихотворенія, то-есть, тѣ, которыя были имъ написаны въ бытность въ лицеѣ съ 1812 года по 9-го іюня 1817; а чтобы не разрывать полнаго года, здѣсь же помѣщены и тѣ стихи, которые Пушкинъ написалъ во второй половинѣ 1817 года.

Для подбора варіантовъ редакторъ воспользовался рукописями, принадлежащими отчасти Московскому Публичному музею и Императорской Публичной Библіотекѣ, отчасти частнымъ лицамъ. Подробныя о томъ указанія читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ.

При перепечаткѣ I-го тома редакторъ счелъ долгомъ принять во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя ему какъ въ печати, такъ и въ видѣ частныхъ сообщеній. Соотвѣтствующія исправленія и дополненія, гдѣ они оказались нужными, внесены какъ въ текстъ, такъ и въ примѣчанія.

Постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ редактора по изданію сочиненій Пушкина былъ Владиміръ Ивановичъ Саитовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Лирическія стихотворенія

1812.

	стр.
I. Пѣсня	3
II. Делія	4
III. Измѣны	5

1814.

I. Къ сестрѣ	11
II. Къ другу стихотворцу	15
III. Кольна. Подражаніе Оссіану	19
IV. Элегія	24
V. Осгаръ	26
VI. Леда. Кантата	29
VII. Венерѣ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала	32
VIII. Красавицѣ, которая нюхала табакъ	33
IX. Stances	35
X. Къ Натальѣ	36
XI. Къ молодой актрисѣ	39
XII. Опытность	41
XIII. Блаженство	43
XIV. Пирующіе студенты	46
XV. Къ Батюшкову	50
XVI. Къ Н. Г. Ломоносову	54
XVII. Романсъ («Подъ вечеръ осенью...»)	56

стр.

XVIII. Mon portrait 58
XIX. Городокъ. Къ *** 60
XX. Козакъ 74
XXI. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ 77
XXII. Эпиграмма. Подражаніе французскому («Супругою твоей...») 83
XXIII. На графа А. К. Разумовскаго ..... —
XXIV. Несчастіе Клита 84
XXV. Эпиграмма на поэму князя С. А. Ширинскаго-Шихматова ..... —
XXVI. Эпиграмма («Аристъ намъ обѣщалъ...») 85

1815.

I. Къ Дельвигу 89
II. Лицинію 92
III. Бова. Отрывокъ изъ поэмы 95
IV. Наполеонъ на Эльбѣ 104
V. Старикъ 107
VI. Разсудокъ и любовь 108
VII. Гробъ Анакреона 109
VIII. Мое завѣщаніе друзьямъ 111
IX. Вода и вино 114
X. Погребъ 115
XI. Воспоминаніе. Къ И. И. Пущину 116
XII. Батюшкову 118
XIII. Эпиграмма («Бывало, прежнихъ лѣтъ герой...») 120
XIV. Къ И. И. Пущину. 4-го мая 121
XV. Посланіе къ Юдину 124
XVI. Къ А. И. Галичу 131
XVII. Слеза 134
XVIII. Мечтатель 135
XIX. Къ живописцу 138
XX. Роза 139
XXI. Посланіе къ А. И. Галичу 140
XXII. Князю А. М. Горчакову 145
XXIII. Моему Аристарху 147
XXIV. Моя эпитафія 151

стр.

XXV. На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году 152
XXVI. Сраженный рыцарь 155
XXVII. Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ 157

1816.

I. Къ Машѣ 161
II. Усы. Философическая ода 162
III. Желаніе («Христосъ воскресъ...») 164
IV. Фавнъ и пастушка. Картины 165
V. Амуръ и Гименей 173
VI. Фіалъ Анакреона 175
VII. Посланіе Лидѣ 177
VIII. Пуншевая пѣсня. Изъ Шиллера 180
IX. Заздравный кубокъ 181
X. Истина 183
XI. Наѣздники 184
XII. Посланіе къ князю А. М. Горчакову 186
XIII. Къ принцу Оранскому 189
XIV. Сонъ. Отрывокъ 191
XV. «Любовь одна — весельe жизни хладной...» 198
XVI. Окно 200
XVII. Наслажденіе 202
XVIII. Надпись къ бесѣдкѣ 203
XIX. Твой и мой ..... —
XX. Къ Морфею 204
XXI. Пробужденіе 205
XXII. Къ письму 206
XXIII. Желаніе («Медлительно влекутся дни мои...») ..... —
XXIV. Къ ней («Эльвина, милый другъ, приди...») 207
XXV. Мѣсяцъ 208
XXVI. Уныніе («Мой милый другъ, разстался я...») 209
XXVII. Пѣвецъ 210
XXVIII. Элегія. Подражаніе («Я видѣлъ смерть...») 211
XXIX. Элегія («Счастливъ, кто въ страсти...») 212
XXX. Осеннее утро 213
XXXI. Къ Наташѣ 215
XXXII. Княжнѣ Волконской 216

	стр.
XXXIII. Элегія («Опять я вашъ...»)	217
XXXIV. Друзьямъ («Богами вамъ еще даны...»)	219
XXXV. А. А. Шишкову	220
XXXVI. Боже, царя храни!	222
XXXVII. Элегія («Я думалъ, что любовь...»)	223
XXXVIII. Слово милой	225
XXXIX. Лилѣ	—
XL. Къ молодой вдовѣ	226
XLI. «Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи...»,	228
XLII. Надпись на мой портретъ	—
XLIII. «Заутра съ свѣчкой грошевою...»	229
XLIV. Завѣщаніе	—
XLV. Экспромтъ на А	230
XLVI. Она	—
XLVII. «Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ...»	231
XLVIII. На смерть стихотворца	—
XLIX. «— Скажи, что̀ новаго? — Ни слова...»	—
L. Эпиграммы на Пучкову: 1. 2. 3	232

1817.

I. Торжество Вакха	235
II. Сновидѣніе	238
III. Стансы. Изъ Вольтера	239
IV. Письмо къ Лидѣ	241
V. Добрый совѣтъ	242
VI. Къ Баболовскому дворцу	—
VII. Couplets	243
VIII. Именины	245
IX. К. П. Бакуниной	—
X. Къ портрету П. Я. Чаадаева	246
XI. Къ портрету Каверина	—
XII. Къ портрету П. Х. Молоствова	—
XIII. Къ П. П. Каверину	247
XIV. Въ альбомъ А. Н. Зубову	248
XV. Портретъ	—
XVI. Добрый человѣкъ	249
XVII. Исторія стихотворца	—
XVIII. Дельвигу	250

стр.
XIX. Въ альбомъ Илличевскому 251
XX. «Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ...». 252
XXI. «Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...» ..... —
XXII. Разлука 253
XXIII. Товарищамъ 254
XXIV. Посланіе къ В. Л. Пушкину 256
XXV. Безвѣріе 259
XXVI. Къ ней («Въ печальной праздности я лиру забывалъ») 262
XXVII. Къ Жуковскому 264
XXVIII. «Простите, вѣрныя дубравы!...» 268
XXIX. Е. С. Огаревой, которой м.....тъ прислалъ плодовъ изъ своего сада 269
XXX. А. И. Тургеневу 270
XXXI. Къ *** («Не спрашивай...») 272
XXXII. «Краевъ чужихъ неопытный любитель...» 273
XXXIII. Н. И. Кривцову 274

Примѣчанія.

Введеніе 3

1812.

I. Пѣсня 18
II. Делія 20
III. Измѣны ..... —

1814.

I. Къ сестрѣ 23
II. Къ другу стихотворцу 28
III. Кольна. Подражаніе Оссіану 33
IV. Эвлега 38
V. Осгаръ 40
VI. Леда. Кантата 43
VII. Венерѣ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала 45
VIII. Красавицѣ, которая нюхала табакъ 52
IX. Stances 54

	стр.
X. Къ Натальѣ	55
XI. Къ молодой актрисѣ	56
XII. Опытность	—
XIII. Блаженство	57
XIV. Пирующіе студенты	58
XV. Къ Батюшкову	69
XVI. Къ Н. Г. Ломоносову	72
XVII. Романсъ («Подъ вечеръ осенью...»)	—
XVIII. Mon portrait	74
XIX. Городокъ. Къ***	76
XX. Козакъ	84
XXI. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ	89
XXII. Эпиграмма. Подражаніе французскому («Супругою твоей...»)	98
XXIII. На графа А. К. Разумовскаго	99
XXIV. Несчастіе Клита	—
XXV. Эпиграмма на поэму князя С. А. Ширинскаго-Шихматова	100
XXVI. Эпиграмма («Аристъ намъ обѣщалъ...»)	—

1815.

I. Къ Дельвигу	102
II. Лицинію	110
III. Бова. Отрывокъ изъ поэмы	118
IV. Наполеонъ на Эльбѣ	129
V. Старикъ	131
VI. Разсудокъ и любовь	133
VII. Гробъ Анакреона	134
VIII. Мое завѣщаніе друзьямъ	140
IX. Вода и вино	146
X. Погребъ	—
XI. Воспоминаніе. Къ И. И. Пущину	147
XII. Батюшкову	150
XIII. Эпиграмма («Бывало, прежнихъ лѣтъ герой...»)	153
XIV. Къ И. И. Пущину. 4-го мая	155
XV. Посланіе къ Юдину	157
XVI. А. И. Галичу	164
XVII. Слеза	168
XVIII. Мечтатель	172
XIX. Къ живописцу	179

стр.
XX. Роза 186
XXI. Посланіе къ А. И. Галичу 190
XXII. Князю А. М. Горчакову 194
XXIII. Моему Аристарху 195
XXIV. Моя эпитафія 216
XXV. На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году 217
XXVI. Сраженный рыцарь 225
XXVII. Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ 230

1816.

I. Къ Машѣ 232
II. Усы. Философическая ода 233
III. Желаніе («Христосъ воскресъ...») 237
IV. Фавнъ и пастушка. Картины 239
V. Амуръ и Гименей 245
VI. Фіалъ Анакреона 250
VII. Посланіе Лидѣ 252
VIII. Пуншевая пѣсня. Изъ Шиллера 254
IX. Заздравный кубокъ 257
X. Истина 260
XI. Наѣздники 261
XII. Посланіе къ князю А. М. Горчакову 270
XIII. Къ принцу Оранскому 273
XIV. Сонъ. Отрывокъ 276
XV. «Любовь одна — веселье жизни хладной...» 280
XVI. Окно 287
XVII. Наслажденіе 289
XVIII. Надпись къ бесѣдкѣ 290
XIX. Твой и мой 291
XX. Къ Морфею 293
XXI. Пробужденіе 295
XXII. Къ письму 297
XXIII. Желаніе («Медлительно влекутся дни мои...») ..... —
XXIV. Къ ней («Эльвина, милый другъ, приди...») 300
XXV. Мѣсяцъ 302
XXVI. Унынie («Мой милый другъ, разстался я...») 304
XXVII. Пѣвецъ 307

		стр.
XXVIII.	Элегія. Подражаніе («Я видѣлъ смерть...»)	309
XXIX.	Элегія («Счастливъ, кто въ страсти...»)	314
XXX.	Осеннее утро	315
XXXI.	Къ Наташѣ	316
XXXII.	Княжнѣ Волконской	318
XXXIII.	Элегія («Опять я вашъ...»)	320
XXXIV.	Друзьямъ («Богами вамъ еще даны...»)	324
XXXV.	А. А. Шишкову	327
XXXVI.	Боже, царя храни!	333
XXXVII.	Элегія («Я думалъ, что любовь...»)	335
XXXVIII.	Слово милой	336
XXXIX.	Лидѣ	337
XL.	Къ молодой вдовѣ	—
XLI.	«Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи...»	341
XLII.	Надпись на мой портретъ	342
XLIII.	«Заутра съ свѣчкой грошевою...»	—
XLIV.	Завѣщаніе	344
XLV.	Экспромтъ на А	—
XLVI.	Она	345
XLVII.	«Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ...»	346
XLVIII.	На смерть стихотворца	347
XLIX.	«— Скажи, что новаго? — Ни слова...»	—
L.	Эпиграммы на Пучкову: 1. 2. 3	348

1817.

I.	Торжество Вакха	350
II.	Сновидѣніе	354
III.	Стансы. Изъ Вольтера	356
IV.	Письмо къ Лидѣ	359
V.	Добрый совѣтъ	361
VI.	Къ Баболовскому дворцу	362
VII.	Couplets	363
VIII.	Именины	365
IX.	К. П. Бакуниной	—
X.	Къ портрету П. Я. Чаадаева	367
XI.	Къ портрету Каверина	370
XII.	Къ портрету П. Х. Молоствову	—
XIII.	Къ П. П. Каверину	371

стр.
XIV. Въ альбомъ А. Н. Зубову 377
XV. Портретъ 378
XVI. Добрый человѣкъ 379
XVII. Исторія стихотворца 380
XVIII. Дельвигу ..... —
XIX. Въ альбомъ Илличевскому 383
XX. «Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ...» 384
XXI. «Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...» 385
XXII. Разлука 386
XXIII. Товарищамъ 387
XXIV. Посланіе къ В. Л. Пушкину 389
XXV. Безвѣріе 391
XXVI. Къ ней («Въ печальной праздности я лиру забывалъ...») . 396
XXVII. Къ Жуковскому 397
XXVIII. «Простите, вѣрныя дубравы!...» 409
XXIX. Е. С. Огаревой, которой м.....тъ прислалъ плодовъ изъ своего сада 410
XXX. А. И. Тургеневу ..... —
XXXI. Къ*** («Не спрашивай...») 414
XXXII. «Краевъ чужихъ неопытный любитель...» 415
XXXIII. Н. И. Кривцову 420

Перечень изданій сочиненій Пушкина, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ 422
Указатель собственныхъ именъ 425

Приложенія.

1) А. С. Пушкинъ 12-ти лѣтъ — по гравированному портрету работы Е. Гейтмана.

2) Пушкинъ въ лицеѣ — по портрету, принадлежащему Е. Д. Куломзиной и полученному ею отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

3) Шестая строфа изъ стихотворенія 1814 года «Пирующіе студенты» — снимокъ съ рукописи Пушкина, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ № 2364, л. 39 (къ стр. 48 текста).

4) Лицейская зала въ Царскосельскомъ дворцѣ — по рисунку,

приложенному къ «Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго лицея на 1856—1857 годъ» (къ стр. 77 текста).

5) Первыя три строфы изъ стихотворенія 1814 года «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» — снимокъ съ рукописи, поднесенной Пушкинымъ Державину на лицейскомъ экзаменѣ въ январѣ 1815 года и сохранившейся въ бумагахъ Я. К. Грота (къ стр. 82).

6) Послѣдняя строфа того же стихотворенія — снимокъ съ той же рукописи (къ стр. 82 текста).

7) Императоръ Александръ I. Рисунокъ Пушкина, сдѣланный имъ около 1817 года — снимокъ съ рукописи Московскаго Публичнаго музея, № 2364, л. 78 об. (къ стр. 152 текста).

8) Видъ Грибка въ Царскосельскомъ саду — снимокъ съ акварели, сохранившейся въ рукописи Я. К. Грота (къ стр. 254 текста).

9) «Стихотворенія Александра Пушкина. 1817» — снимокъ съ собственноручнаго заглавнаго листа въ рукописи Московскаго Публичнаго музея № 2364 л. 1 (къ стр. 8 примѣчаній).

10) «Слеза (1815)» — снимокъ съ автографа Пушкина въ рукописи Московскаго Публичнаго музея № 2364, л. 4 (къ стр. 168 примѣчаній).

Всѣ эти снимки исполнены въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

А. С. Пушкинъ 12-ти лѣтъ.

Пушкинъ въ лицеѣ.

Библ. II

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1812—1817)

1812.

1812.

I.

ПѢСНЯ.

1 О, Делія драгая,
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился.
Спѣши! Твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.

2 Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.

3 Накинутъ ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часъ любви
Летитъ, — я весь горю желаньемъ.
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои!

II.

ДЕЛІЯ.

1 Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлученъ съ тобою,
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

2 Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что̀ былъ,
Но тебя, подруга,
Все жь не позабылъ
И твердитъ унылой:
«Я любимъ ли милой,
«Какъ, бывало, былъ?»

3 Что̀ теперь сравнится
Съ долею моей?
Вотъ слеза катится
По щекѣ твоей....
Делія стыдится.
Что̀ теперь сравнится
Съ долею моей?

III.

ИЗМѢНЫ.

«Все миновалось!
«Мимо промчалось
«Время любви.
«Страсти мученья,
«Въ мракѣ забвенья
«Скрылися вы!
«Такъ, я премѣны
«Сладость вкусилъ,
«Гордой Елены
«Цѣпи забылъ.
«Сердце, ты въ волѣ!
«Все позабудь,
«Въ новой сей долѣ
«Счастливо будь!
«Только весною
«Зефиръ младою
«Розой плѣненъ;
«Въ юности страстной
«Былъ я прекрасной
«Въ сѣть увлеченъ.
«Нѣтъ, я не буду
«Впредь воздыхать,
«Страсть позабуду:

«Полно страдать!
«Скоро печали
«Встрѣчу конецъ.
«Ахъ, для тебя ли,
«Юный пѣвецъ,
«Прелесть Елены
«Розой цвѣтетъ?
«Пусть весь народъ,
«Ею прельщеный,
«Въ слѣдъ за мечтой
«Мчится толпой.
«Въ мирномъ жилищѣ,
«На пепелищѣ,
«Въ чашѣ простой
«Стану въ смиреньѣ
«Черпать забвенье
«И для друзей
«Рѣзвой рукою
«Двигать струною
«Арфы моей».

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ;
Въ сердцѣ возженый
Образъ Елены
Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонитъ листочекъ

Съ рѣзвой волной,
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ:
Лилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что же? Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ.
Ахъ, возвратися,
Радость очей!
Хладна, тронися
Грустью моей!
Тщетно взываешь,
Бѣдный пѣвецъ!
Нѣтъ, не встрѣчаешь
Мукамъ конецъ!...
Такъ до могилы
Грустенъ, унылый
Крова ищи!
Всѣми забытый,
Терномъ увиты
Цѣпи влачи....

1814.

1814.

I.

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой,
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенной,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пустыни глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!..

. . . . . .
И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатой —
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь,
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Въ долъ вѣетъ вѣтерокъ,
Иль шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо?

Но вотъ, ужь я съ тобою, —
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцвѣлъ душою,

Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Изчезла грусти тѣнь.

Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье, врагъ веселья,
И скука — на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль —
Вотъ все, что̀ предъ собою
Я вижу, пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ,
Тобою пренесеный
Къ волшебной Иппокренѣ,
И въ кельѣ я блаженъ!

Что̀ было бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлекшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ
Тобою похищенный,
Явился заключенный;
И скрипнули врата,

Но что̀? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй», скажешь мнѣ, — «не трать излишнихъ словъ;
«Когда на что̀ рѣшусь, ужь я не отступаю,
«И знай, мой жребій палъ: я лиру избираю.
«Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
«Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэтъ».

Аристъ! Не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ:
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
Межь тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова, Графова
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать, —
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что, на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ;
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;

Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же», говоришь, — «судя о всѣхъ такъ строго,
«Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
«Ты о поэзіи со мною толковалъ,
«А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами,
«Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
«Что̀ сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты, иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, въ довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики.
«Послушай, батюшка», сказали простяки, —
«Настави грѣшныхъ насъ: ты пить вѣдь запрещаешь,
«Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
«И вѣримъ мы тебѣ, да что̀ жь сегодня самъ?...»
«Послушайте», сказалъ священникъ мужикамъ; —
«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
«Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».
И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Счастливъ, кто, ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ;

Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ — не піитъ.

Но полно разсуждать! Боюсь тебѣ наскучить
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ:
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь, или нѣтъ?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое.

III.

КОЛЬНА.

(Подражаніе Оссіану).

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну. Нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрый Каломоны,
Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
Я зрю: твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
Шумлтъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
Твой мшистый брегъ любила Кольна,
Когда по небу тѣнь лилась;
Ты зрѣлъ, когда, въ любви не вольна,
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
«Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
«Шумящей прохлажденъ осиной!
«Тамъ рядъ является могилъ,
«Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
«Полки враговъ я расточилъ,
«И много, много сильныхъ пало:
«Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ.
«Гряди, и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
«Воздвигни памятникъ побѣдъ!»
Онъ рекъ, и въ путь безвѣстный, дальной
Пустился съ бардами Тоскаръ.
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:

«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
«О храбрыхъ позднимъ временамъ!
«Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
«Въ туманахъ ляжетъ по лѣсамъ,
«Пришлецъ, дорогой утомленный,
«Возлегши подъ надежный кровъ,
«Воспомнитъ вѣки отдаленны
«Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
«Съ разсвѣтомъ алыя денницы,
«Лучами солнца пробужденъ,
«Онъ узритъ мрачныя гробницы,
«И грознымъ видомъ пораженъ,
«Вопроситъ сынъ иноплеменный:
«Кто памятникъ воздвигъ надменный?
«И старецъ, лѣтами согбенъ,
«Речетъ: «Тоскаръ нашъ незабвенный,
«Герой умчавшихся временъ».

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужь ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
Призвалъ Морвенскаго героя
Въ жилище Кольны молодой
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.
. . . . . .
Близь пепелища всѣ возсѣли;
Веселья барды пѣснь воспѣли,
И въ пѣнѣ кубокъ золотой

Кругомъ несется чередой.
Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
Главу ко груди преклонилъ;
Задумчиво онъ страстны взоры
На нѣжну Кольну устремилъ,
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ;
То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
То нѣгою томится духъ;
Тоскуетъ, въ тайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови;
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.

Но вотъ ужь дубъ престалъ дымиться,
И тѣнь мрачнѣе становится,
Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.

. . . . . .

Рѣдѣетъ ночь; заря багряна
Лучами солнца возжена;
Предъ ней златится твердь румяна:
Тоскаръ покинулъ ложе сна.
Быстротекущей Каломоны
Идетъ по влажнымъ берегамъ,
Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
Какъ въ часъ весенней полунощи
Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
Выходитъ ратникъ молодой.
Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
Копье десницу воружаетъ,

Надвинутъ на чело шеломъ,
И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ», рекъ Тоскаръ, —
«Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
«Ужель и въ сей странѣ война
«Багритъ ручьевъ струисты волны?
«Но все спокойно, тишина
«Окрестъ жилища нѣжной Кольны».

— «Спокойны дебри Каломоны,
«Цвѣтетъ отчизны край златой,
«Но Кольна тамъ не обитаетъ
«И нынѣ, по стезѣ глухой,
«Пустыню съ милымъ протекаетъ,
«Плѣнившимъ сердце красотой».

«Что̀ рекъ ты мнѣ, младой воитель?
«Куда сокрылся похититель?
«Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ.
Но вдругъ изчезъ геройства жаръ:
Что̀ зритъ онъ съ сладкимъ восхищеньемъ,
Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
Пылая вдругъ восторгомъ новымъ!..
Лилейна обнажилась грудь
Подъ грозно дышущимъ покровомъ....
«Ты ль это?» возопилъ герой,
И трепетно рукой дрожащей
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій...
И Кольну видитъ предъ собой.

IV.

ЭВЛЕГА.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина,
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный,
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала,
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

«Приди, Одульфъ! Ужь роща поблѣднѣла.
«На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
«Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
«О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
«Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
«И поцѣлуй любовью возгоритъ!
«Бѣги, Осгаръ! Твои мнѣ страшны взоры,
«Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
«Оставь меня, не мною торжествуй:
«Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
«Ужь на зарѣ другой меня объемлетъ,
«И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

«Что жь медлитъ онъ свершить мои надежды?
«Для милаго я сбросила одежды,
«Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
«Но, чу! Идутъ.... Такъ, это другъ надежной!
«Ужь начались восторги страсти нѣжной,
«И поцѣлуй любовью возгоритъ».

Идетъ Одульфъ: во взорахъ — упоенье,
Въ груди — любовь, и прочь бѣжитъ печаль.
Но близь него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
«Кто ты?» спросилъ, — «почто ты здѣсь? Вѣщай,
«Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!

«Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
«Въ пустынной тьмѣ что̀ ищутъ робки очи?
«Страшись меня, я страстью воспаленъ:
«Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара!»
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
«Приди узрѣть предметъ любви твоей»,
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
«Измѣнница, ты здѣсь его зовешь?
«Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга,
«Но дерзкаго въ Валгаллѣ ты найдешь».

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ.
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ:
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ,
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

V.

ОСГАРЪ.

1 По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ; его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ; на берегѣ угрюмомъ
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря;
Въ дали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами, и въ морѣ спитъ заря.

2 Идетъ и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ барда стараго — веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

3 «Стой, путникъ, стой», вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ.
«Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
«Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ, и мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней главы окравовленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
«Чей гробъ я вижу тамъ?» вѣщалъ иноплеменный
И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный,
Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.

4 «Увы, здѣсь палъ Осгаръ!» рекъ старецъ вдохновенный.
«О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
«Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
«Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ
«И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.
«Покойся, юноша! Ты въ брани славной палъ!

5 «Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
«Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
«Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
«И тѣнь, упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
«Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли;
«Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!
«Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
«И вечеръ горести для юноши насталъ!...

6 «Однажды, въ темну ночь зимы, порой унылой,
«Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой
«И шепчетъ: «Юный другъ, не медли, здѣсь твой милой!»
«Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
«Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ.
«Уже ли спишь теперь, Мальвина? Мгла вокругъ,
«Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ:
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

7 «Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулась:
«Онъ входитъ съ трепетомъ. Несчастный, что жь узрѣлъ?
«Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
«Онъ зритъ: въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
«И ярость дикая во взорахъ закипѣла,
«Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
«Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела,
«И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

8 «Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
«Но взоры отвративъ: «Живи», вѣщалъ Осгаръ,
«Живи, ужь я не твой: презрѣнна мной измѣна,
«Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ».
«И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
«Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
«Изчезло сладкое на вѣкъ очарованье!...

9 «Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
«Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ;
«Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
«На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
«На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
«Уже недвижный взоръ друзей не узналъ.
«Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
«Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

10 «И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
«Вдругъ грянулъ трубный гласъ: Оденовъ сынъ Фингалъ
«Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій.
«Осгаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
«Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала;
«Покрытый ранами, здѣсь палъ на груду тѣлъ.
«Онъ палъ, — еще рука меча кругомъ искала,
«И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

11 «Побѣгли вспять враги — и тихій миръ герою,
«И тихо все кругомъ могильнаго холма!
«Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
«Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
«Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
«На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
«И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
«И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ».

VI.

ЛЕДА.

(Кантата).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ,
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ,
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
Будь же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы,
Измѣнить страшитесь ей!
Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышетъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.
Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ;

Нимфа далѣе ступаетъ,
Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межь кустовъ прибрежныхъ восшумѣло,
И чувство робости прекрасной овладѣло:
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть.
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольцы шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонитъ.
Леда смѣется....
Вдругъ раздается
Радости крикъ....
Видъ сладострастной!
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ....
Слышно стенанье....
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая,
И что жь увидѣла?.... На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса:
Межь ними юная любовь —
И пала таинства прелестнаго завѣса.

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы, дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ,
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.
Симъ примѣромъ научитесь,
Розы, дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды!

VII.

ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАИСЫ ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Вотъ зеркало мое, — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ въ вѣкъ;
Сѣдого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человѣкъ.
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

VIII.

КРАСАВИЦѢ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль? Вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей, —
Возможно ль, милая Климена?
Какая странная во вкусѣ перемѣна!
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелену,
Искусствомъ превращену
Въ пушистый порошокъ!
Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
На старой каѳедрѣ согнувшися дугой,
Вперивъ въ латынщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
Пускай младой драгунъ усатый,
По утру сидя у окна,
Съ остаткомъ утренняго сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣроватый;
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,

Которой держится вся прелесть на подставкѣ,
Которой безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
Злословитъ, молится, зѣваетъ
И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелестная! Но если ужь табакъ
Такъ нравится тебѣ... О, пылъ воображенья!
Ахъ, еслибъ, превращенный въ прахъ
И въ табакеркѣ въ заточеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ!...
Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
И даже, можетъ быть... Но что! Мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая!
Ахъ, отчего я не... табакъ!

IX.

STANCES.

1 Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

2 Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

3 Mais, hélas! Les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

4 Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose:
Il a fui, le temps des beaux jours!

5 Eudoxie, aimez! Le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse,
Que de l'amour on sent les feux?

X.

КЪ НАТАЛЬѢ.

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что̀ за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось;
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ,
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ леталъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ, и самъ попался,
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку;
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я — селадонъ.
Миловидной жрицы Тальи
Видѣлъ прелести Натальи —
И ужь въ сердцѣ Купидонъ.

Такъ, Наталья, признаюся:
Я тобою полоненъ;
Въ первый разъ еще — стыжуся —
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я;
Ночь придетъ, и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ,
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ,
Будто милая со мной:
Робко сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затьмившей бѣлизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи
Духъ въ восторгъ приводятъ мой...
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю....
А проснулся — вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой.
Испускаю вздохъ глубокой;
Сонъ лѣнивый, томноокой
Отлетаетъ на крылахъ;
Страсть сильнѣе становится,
И любовью утомясь,
Я слабѣю каждый часъ —
Все къ чему-то умъ стремится.

Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Отъ чего не смѣетъ онъ
И надѣяться. Наталья,

Выслушай еще меня:
Не владѣтель я сераля,
Не арапъ, не турокъ я;
За учтиваго китайца,
Грубаго американца
Почитать меня нельзя;
Не представь и нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой, пивомъ налитою,
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не представь кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки.
Кто же ты, болтунъ влюбленный?...

XI.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты — не наслѣдница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ,
Тебѣ немного Богъ послалъ:
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной...
Но, Хлоя, ты мила собой!
Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
Сулятъ любовникамъ утѣхи.
Итакъ, вѣнцы — передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь и часто не впопадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ; кричатъ:
«Bravo, bravissimo, чудесно!»

Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Иль поднимешь ихъ и снова
На грудь положишь, не стыдясь,
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская «ахъ»,
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснѣя и чуть-чуть дыша, —
Всѣ шепчутъ: «Ахъ, какъ хороша!»
Увы, другую бъ освистали:
Велико дѣло красота!
О, Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣняй же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою
Осмѣлясь о любви поетъ,
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ.
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой.

XII.

ОПЫТНОСТЬ.

1 Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ.
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь, —
Хоть не радъ, но дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

2 Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! Прости, любовь!
«За богинею слѣпою,
«Не за Хлоей полечу,
«Счастье, счастье ухвачу»,
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумной,
Оглянулся... и Эротъ
Постучался у воротъ.

3 Нѣтъ, мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить;
И покамѣсть жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ:
Веселиться — мой законъ!
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужь воротъ.

XIII.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Пѣлъ влюбленный пастушекъ;
Томный гулъ унылы трели
Повторялъ въ глуши долинъ.

Вдругъ изъ глубины пещеры,
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ;
Козій мѣхъ, виномъ налитый,
У сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.

«Дни, протекшіе въ весельи»,
Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой, —
«Отчего, явясь мечтой,
«Вы, какъ тѣнь, изъ глазъ изчезли

«И покрылись вѣчной тьмой?
«Ахъ, когда во мракѣ нощи,
«При таинственной лунѣ,
«Въ темну сѣнь прохладной рощи,
«Сладко спящей въ тишинѣ,
«Медленно, рука съ рукою,
«Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
«Кто сравниться могъ со мною?
«Хлоѣ былъ тогда я милъ!
«А теперь мнѣ жизнь — могила,
«Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
«Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
«Хлоя другу измѣнила:
«Я для милой ужь не милъ!...»

Звукъ изчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ, и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна,
И колышетъ повиликой
Тихо вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря вином,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:

«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
«Посмотри жь, какъ сокъ прозраченъ
«Блещетъ, освѣтясь луной!
«Выпей чашу — и душой
«Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
«Вѣрь мнѣ: стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
«Лучше, лучше веселись,
«Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»

И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ все до дна.
О, могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный въ мигъ изчезъ!
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужь третью.... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, сатиръ, меня»,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ, —
«Какъ могу бороться съ рокомъ,
«Какъ могу счастливымъ быть?
«Я не въ силахъ вѣчно пить».

«Слушай, юноша любезный,
«Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
«Мигъ блаженства вѣкъ лови;
«Помни дружбы наставленья:
«Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
«Нѣтъ и счастья безъ любви;
«Такъ поди жь теперь съ похмелья,
«Съ Купидономъ помирись,
«Позабудь его обиды
«И въ объятіяхъ Дориды
«Снова счастьемъ насладись!»

XIV.

ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

1 Друзья! Досужный часъ пасталъ,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, въ стеклѣ!
Друзья! Почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ,
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ —
Мы полемъ овладѣемъ!
Безъ нихъ, ученыхъ дураковъ,
Безъ нихъ мы пить умѣемъ!

2 Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ,
О, други, президента.
Въ награду пьянымъ онъ пальетъ
И пуншъ, и грогъ душистой,
А вамъ, спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Апостолъ нѣги и прохладъ,

Мой добрый Галичъ, vale!
Ты — Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери,
Будь нашимъ президентомъ,
И станутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

3 Дай руку, Дельвигъ! Что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный!
Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль, виномъ налита;
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный, по рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграмъ
На недруга и друга!

4 И ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пѣнистый стаканъ:
На все благословляю!

5 Товарищъ милый, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,

Не рѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ —
И тотчасъ помиримся.

6 А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою, —
Наполни кружку до краевъ:
Разсудокъ, Богъ съ тобою!

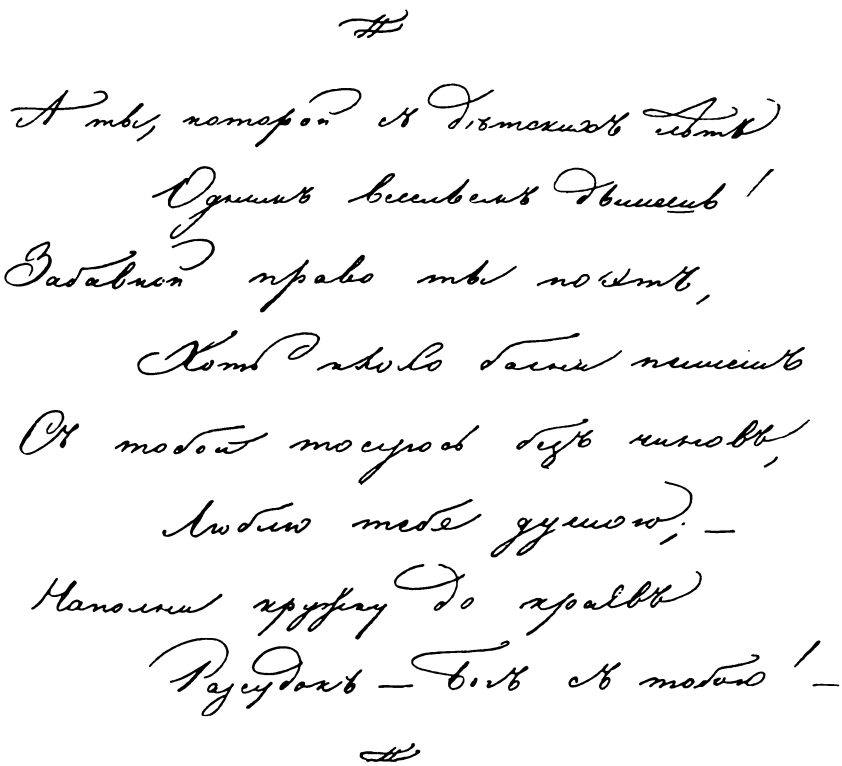
7 А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденый,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
И пить давайте снова.

8 Приближься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Воспой властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется!
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

9 Но что я вижу все вдвоемъ?
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ...

Къ стр. 48 текста.

3



(Рукопись Моск. Публ. музея № 2364, л. 39).

Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите, Вакха ради!
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель! За свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

XV.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юной,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
Межь кудрей вьющихся златыхъ,
Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный, счастливый началомъ,
Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь:
Не слышенъ нашъ Парни россійскій!
Пой, юноша! Пѣвецъ тіисскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви — любовь награда.
Настрой же лиру; по струнамъ

Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
И сладострастными стихами,
И тихимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай,
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ музъ не забывай!
Любви пѣтъ болѣ счастья въ мірѣ:
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жь къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ веселой,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.

Поэтъ, въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ:
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,

Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
Ты палъ и хладною косою
Едва скошенный не увялъ! *)
Иль, вдохновенный Ювепаломъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ;
Шутя, показывай смѣшное
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы, довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ!
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего.
Скажи, по милости, Графону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать....
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
Что Висковатовъ не впопадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену;
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ
И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
Покамѣсть не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,

*) Кому не извѣстны «Воспоминанія на 1807 годъ»?

Гдѣ мы навидѣлись всего,
Гдѣ «всѣ чудовища геены
«На жертву агнцы обречены»,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что?... Цѣвницею моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю.
Прости, но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, музами любимой,
Ты піеридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ, —
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя младой Назонъ,
Эротъ и граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

XVI.

КЪ Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправитъ счастье паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды;
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ любовью, дружбой неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! Не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ:

За чашей пуншa круговою
Подъ часъ воспомнишь обо мнѣ;
Когда жь пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: «Дай Богъ ему веселье!
«Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ».

XVII.

РОМАНСЪ.

1 Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ

2 И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
«Не знаешь горестей моихъ!
«Откроешь очи, и тоскуя,
«Ты къ груди не прильнешь моей,
«Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
«Несчастной матери твоей!

3 «Ее манить напрасно будешь.
«Мнѣ вѣчный стыдъ — вина моя!
«Меня на вѣки ты забудешь,
«Но не забуду я тебя!

«Дадутъ покровъ тебѣ чужіе
«И скажутъ: «Ты — для насъ чужой».
«Ты спросишь: «Гдѣ мои родные?»
«И не найдешь семьи родной.

4 «Несчастный, будешь грустной думой
«Томиться межь другихъ дѣтей
«И до конца съ душой угрюмой
«Взирать на ласки матерей.
«Повсюду странникъ одинокій,
«Всегда судьбу свою кляня,
«Услышишь ты упрекъ жестокій...
«Прости, прости тогда меня!

5 «Ты спишь! Позволь себя несчастной
«Прижать къ груди въ послѣдній разъ!
«Проступокъ мой, твой рокъ ужасной
«Къ страданью осуждаетъ насъ.
«Пока лѣта не отогнали
«Невинной радости твоей,
«Спи, милый! Горькія печали
«Не тронутъ дѣтства тихихъ дней».

6 Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой,
Со страхомъ очи отвратила —
И скрылась въ темнотѣ ночной.

XVIII.

MON PORTRAIT.

1 Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

2 Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

3 Oui, il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

4 Ma taille à celle des plus longs
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

5 J'aime et le monde, et son fracas,
Je haïs le solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

6 Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée
Je dirais ce que j'aime encor,
Si je n'étais au Lycée.

7 Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui, tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

8 Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

XIX.

ГОРОДОКЪ.

(Къ ***).

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенной
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвая веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы, ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь;

Ужь вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной,
И въ тишинѣ святой,
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шума вдалекѣ
Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, съ камелькомъ
Три комнатки простыя;
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ;
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ,
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ,
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно,
Не ходитъ въ модный свѣтъ,
На улицѣ каретъ
Не слышитъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ:
Лишь изрѣдка телега

Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ въ тайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ!
Блаженъ, кто на просторѣ,
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постели не мѣшаетъ;
Захочетъ — аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ — сладко спитъ,
На Риѳмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился,
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
На вѣки распростился.
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы:

Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ;
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Ферпейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Изъ дѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль?.. Отецъ «Кандида»!
Онъ — все: вездѣ великъ
Единственный старикъ.
На полкѣ за Вольтеромъ
Вергилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ грацій,
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,

Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ,
Ты здѣсь! И Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близь тебя.
Но вотъ — наперсникъ милой
Психеи златокрылой!
О, добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ,
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ:
Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ.
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный аристархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ:
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто — признаюсь —
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки,

Лежащіе въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однѣмъ мышамъ:
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ, и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньи?..
Не трудно отгадать:
Такъ, это — сочиненьи,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ!
О, князь, наперсникъ музъ,
Люблю твои забавы!
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ стихъ веселый

Поэтовъ раздражилъ,
Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ!
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ толь богатый
И вкуса образецъ!
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мелпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ?
Тутъ, вижу я, съ Черпавкой
Подщипа слезы льетъ;
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари....
Но назову ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой?
О ты, высотъ Парнаса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой,
Намаранныя оды —
Убранство чердаковъ —
Гласятъ изъ роды въ роды:

Великъ, великъ Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть, право, не знатокъ,
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать....
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы,
Займите же отнынѣ
Безпечности часы!
Мой другъ, весь день я съ ними:
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ,
Мой гепій невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба

Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ въ вѣкъ піитъ!»

Но ею мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?..
До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ...
Какъ знать, и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ?
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я предапъ тлѣнью:
Съ моей, быть можетъ, тѣнью,
Полуночной порой,
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать придетъ
И, мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣсть, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ перомъ;
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ:
Мой другъ, я счастливъ ею.
Почто жь ея сестрой,

Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить на вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ, —
Мой горестный удѣлъ?
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло,
О, будь же ты со мной!
Дай руку сладострастью
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись.
Мечта, въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви,
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огнь въ сердца,
И граціи станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица!
Представь, что на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она

Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной,
И слезы на глазахъ.
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманетъ — и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимой!
Не слышитъ плачъ и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Изчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ — грусть-мучитель.

Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя злакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ.
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,

Въ досужный мнѣ часокъ,
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней;
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ;
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ѳома свою хозяйку
Не за что̀ наказалъ,
Антошка балалайку
Играя разломалъ, —
Старушка все разскажетъ;
Межь тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое.
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее.
На риѳмы удалова
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ роты впереди
Летѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашомъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время провождать.

Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ Тобою:
Служителей Твоихъ,
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю,
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый

И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.
Тогда, клянусь богами
(И слово ужь сдержу),
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу.

XX.

КОЗАКЪ.

1 Разъ, полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой козакъ.

2 Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

3 Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.

4 Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога въ деревушки,
Тамъ — въ дремучій боръ.

5 «Не найду въ лѣсу дѣвицы»,
Думалъ хватъ Денисъ; —

«Ужь красавицы въ свѣтлицы
«На ночь убрались».

6 Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.

7 Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

8 Храбрый видитъ красну дѣву:
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву —
Вотъ ужь подъ окномъ.

9 Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
«Выдь, коханечка, скорѣе,
«Напои коня».

10 — «Нѣтъ, къ мужчинѣ молодому
«Страшно подойти,
«Страшно выйти мнѣ изъ дому,
«Коню дать воды».

11 — «Ахъ, не бось, дѣвица красна,
«Съ милымъ подружись!»
— «Ночь красавицамъ опасна».
— «Радость, не страшись!

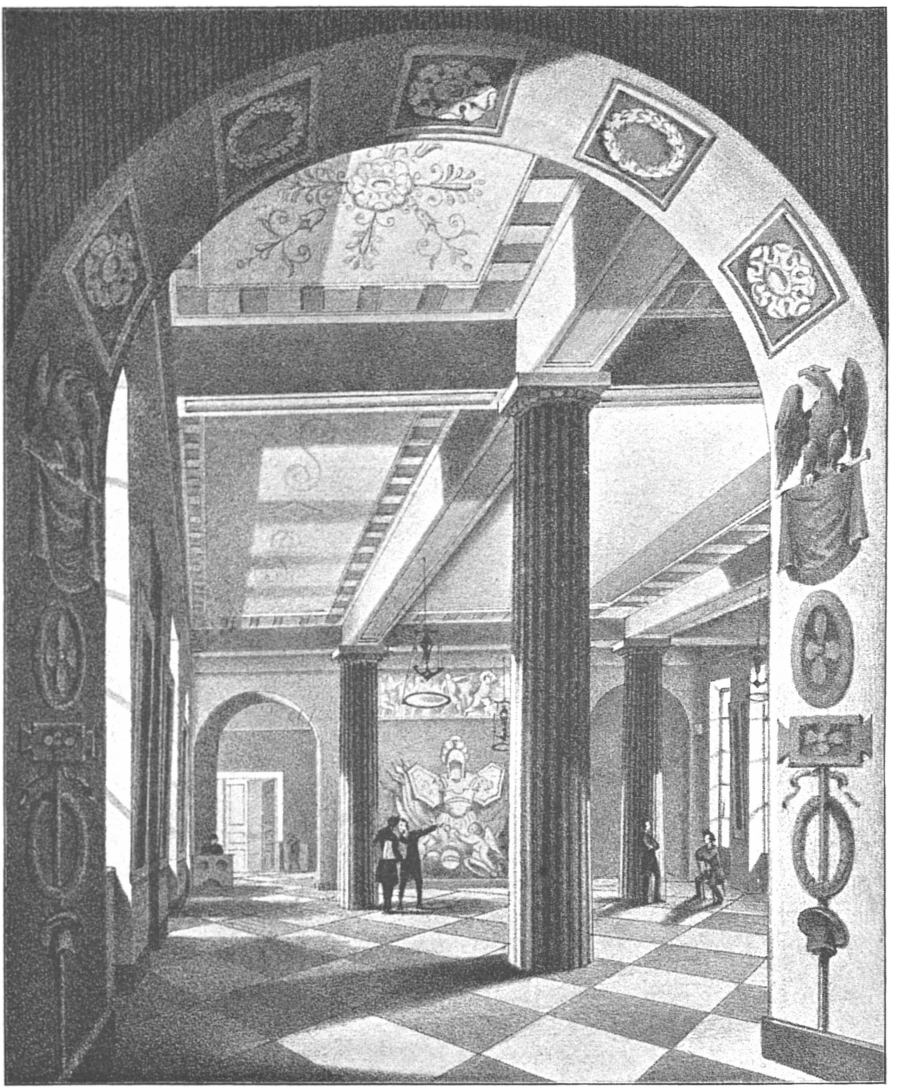
12 «Вѣрь, коханочка, пустое,
«Ложный страхъ отбрось,
«Тратишь время золотое,
«Милая, не бось!

13 «Сядь на борзаго; съ тобою
«Въ дальній ѣду край;
«Будешь счастлива со мною:
«Съ другомъ всюду рай».

14 Что же дѣвица?.. Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась:
Счастливъ былъ козакъ.

15 Поскакали, полетѣли....
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

4



Лицейская зала.

5

Воспоминанія въ Царскомъ-Селѣ.

Давно погасъ огромной ночи
Надъ водъ громадою покровъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долы и рощи,
Въ дали туманъ дальній лѣсъ;
Кругъ свѣтитъ рукъ, бѣгущій въ лѣсъ дубравы,
Кругъ вышелъ вторый уснувшій на часовъ,
И тихая луна, гасясь лебедь величавый,
Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ.
Вамъ древній мигъ открывшимъ предъ очами,
Промчался и долинъ и луговъ,
Здѣсь вязу и тополямъ стлалась младая ива
И отражалась въ кристалѣ рѣзвящихъ водъ,
Царицынъ предъ полей лишь горделива
Въ громадной красотѣ цвѣтетъ.

И долинъ зрѣющихъ водопадъ
Стекаетъ бѣлою рѣкой,
Тамъ въ тѣни озеръ плещутъ каскады
Со мягкою волной,
А тамъ въ безмолвіи огромныхъ кустовъ,
На воды спустишь мутный въ облакахъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели Екатерины?
Не сей ли Минервы Русской храмъ?

(Рукопись Я. К. Грота, л. 1).

1814.

XXI.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

1 Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

2 Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ.
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

3 Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;

А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храмъ?

4 Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы, промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины!

5 Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
«Изчезло все, Великой нѣтъ!»
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ.
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

6 Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились;
Кругомъ подножія шумя валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

7 Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!

Безсмертны вы во вѣкъ, о, росски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ!
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

8 О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ,
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали!
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

9 И ты промчался, незабвенный,
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря.

10 И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И села мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ;
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

11 Идутъ. Ихъ силѣ нѣтъ препоны:
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,

Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи....
Но клики раздались. Идутъ въ дали туманной!...
Звучатъ кольчуги и мечи!

12 Страшись, о, рать иноплеменныхъ:
Россіи двинулись сыны!
Возсталъ и старъ, и младъ; летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужь близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря;
Ихъ цѣль — иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

13 Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ;
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ.
Летятъ на грозный пиръ; мечамъ добычи ищутъ,
И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.

14 Сразились: русскій — побѣдитель,
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый.
О, Бородинскія кровавыя поля,
Не вы — неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!

15 Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,

И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ,
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни.
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

16 Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни.
Москва, сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Изчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ; вѣнцы затьмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

17 И тамъ, гдѣ роскошь обитала
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ.
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ;
Не блещутъ ужь въ огняхъ брега и свѣтлы рощи:
Все мертво, все молчитъ.

18 Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца!
Отяготѣла днесь на ихъ надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ.
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ — и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

19 О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О, галлы хищные, и вы въ могилы пали!...
О, страхъ! О, грозны времена!

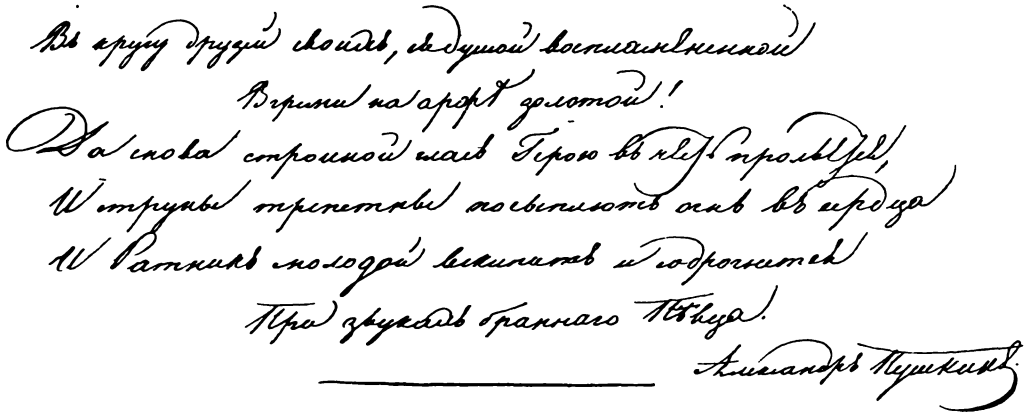
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Изчезъ, какъ утромъ страшный сонъ.

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что̀ я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой.
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ унынiи, какъ степь въ полнощной мглѣ,
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины,
Почто небесныхъ аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, еслибъ Аполлонъ пiитовъ даръ чудесной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармонiей небесной
И возсiялъ во тьмѣ времснъ!

О, скальдъ Россiи вдохновенной,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй,
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой!
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца!

6



(Рукопись Я. К. Грота, л. 4 обор.).

XXII.

ЭПИГРАММА.

(Подражаніе французскому).

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что еслибъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ я бъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

XXIII.

НА ГРАФА А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
— Богъ съ нимъ! Я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

XXIV.

НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ:
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
Смыслъ затьмеваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ пѣита.
Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ поноситъ:
Ямбъ охладилъ риѳмача, гекзаметры жь онъ заморозитъ.

XXV.

ЭПИГРАММА НА ПОЭМУ КНЯЗЯ С. А. ШИРИНСКАГО-ШИХМАТОВА.

«Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ
«Или спасенная Россія» —
Слогъ теменъ, важенъ, напыщенъ,
И тяжки словеса пустыя.

XXVI.

ЭПИГРАММА.

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ....
Мы ждали драму золотую.
И что же? Дождались — и нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.

1815.

1815.

I.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый клеветникъ!
Въ тиши полей пустынныхъ,
Природы ученикъ,
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою;
И я главой поникъ
Предъ милой суетою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Сначала я игралъ,
Шутя стихи маралъ,
А тамъ переписалъ,
А тамъ и напечаталъ,
И что же? Радъ не радъ,
Но вотъ уже я братъ
Тому, сему, другому...
Что дѣлать! Виноватъ!

Измѣнникъ! Съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
А мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено:
Вездѣ бѣды застану.
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Измѣнники-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ —
Бумагу убиваютъ!
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
«Признайтесь, намъ сказали,
«Вы пишете стишки?
«Увидѣть ихъ нельзя ли?
«Вы въ нихъ изображали,
«Конечно, ручейки,
«Конечно, василечекъ,
«Лѣсочекъ, вѣтерочекъ,
«Барашковъ и цвѣтки...»

О, Дельвигъ, начертали
Мнѣ музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Межь лѣни и Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!

А тамъ, хоть нѣтъ охоты,
Но придутъ ужь заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

II.

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ,
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
О, Ромуловъ народъ, скажи: давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились:
Кому жь, о, небеса, кому поработились?
Скажу ль: Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ.

Ветулій — римлянъ царь!.. О, стыдъ, о, времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
«Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?»
«Куда — не знаю самъ. Давно молчу и вижу.
«На вѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу».
Лициній, добрый другъ, не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдого циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное: законы, правота
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть:
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть,
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій.
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа:
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ;
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,

Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ Фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

О, Римъ, о, гордый край разврата, злодѣянья,
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ!
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани
И горы, и моря оставятъ за собой
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Изчезнетъ Римъ: его покроетъ мракъ глубокой,
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ!»

III.

БОВА.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Еллинскія
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Риѳматовымъ
Воспѣвать героевъ сѣвера.
Несравненнаго Вергилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ:
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю,
Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою:

Не бывалъ я грѣховодникомъ.
Но вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизисъ остроумія,
Словомъ — «Жанну Орлеанскую»,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.
О, Вольтеръ, о, мужъ единственный,
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ нѣкіимъ,
Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,
Обезьяною въ Саксоніи,
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Пѣть я тоже вознамѣрился,
Но сравняюсь ли съ Радищевымъ?

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомирѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго,
Бендокира Слабоумнаго.
Царь Додонъ не Слабоумнаго
Былъ достоинъ злого прозвища,
Но тирана неусыпнаго.
(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать;
Вы слыхали, люди добрые,

О царѣ, что̀ двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и не крещенаго
И, въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ...
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

«Вы, которые совѣтами
«Облегчали тяжесть скипетра,
«Услаждали участь царскую
(Не горька она была ему),
«Мудрые друзья, сподвижники!
«Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
«Что̀ мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте!»

Всѣ привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извѣстно», продолжалъ Додонъ, —
«Что искусствомъ и неправдою
«Я достигъ престола шаткаго
«Бендокира Слабоумнаго,
«Сочетался съ Милитрисою,

«Милой женкой Бендокировой,
«И въ темницу посадилъ Бову,
«Принца крови, сына царскаго.
«Легче, легче захватить было
«Слабоумнаго златой вѣнецъ,
«Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
«За собою удержать его.
«Вотъ уже народъ безсмысленный,
«Ходя въ праздники по улицамъ,
«Межь собой не разъ говаривалъ:
«Дай, Богъ, помочь королевичу!»
«Вѣдь Бова уже не маленькій,
«Не въ отца своей головушкой;
«Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою:
«Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
«Что̀ мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
То-то, право, золотой совѣтъ:
Не болтали здѣсь, а думали.
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ было (совѣтовать
Знать хотѣлось посѣдѣлому),
Громко крякнулъ, но одумался
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приставя тщательно,
Лѣкарь, славный Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ,
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ: своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Стражи трона, славны рыцари,

Всѣ сидѣли, будто вкопаны.
Громобурь, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что̀ примѣра лучше дѣйствуетъ?
Что̀ людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мировзоръ съ Ивашкою
И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать было совѣтникамъ,
Еслибъ нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить;
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озирастъ все собраніе;
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подъемлется,
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ что своды потрясаются,
Окна всѣ дрожатъ и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ.
Пробуждается собраніе.

«Что̀ тутъ думать?» закричалъ герой. —
«Царь, Бова тебѣ не надобенъ,

«Ну, и къ чорту королевича!
«Рѣшено — ему въ живыхъ не быть!
«Послѣ, братцы, вы разсудите,
«Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться».
Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ»,
Царь промолвилъ потянувшися; —
«Завтра, други, мы увидимся,
«А теперь ступайте всѣ домой».

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,
«Что̀ сегодня можешь выполнить».
Разошлися всѣ придворные.
Ночь межь тѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелю царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Къ ней спиною повернувшися:
Въ эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангелъ станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шелково,
Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодѣ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко

И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтозара, пажа царскаго:
Къ темной ночкѣ обѣщался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу! Бьетъ полночь. Что же Зоинька?
Видитъ: входятъ къ ней въ окошечко.
Кто же? Другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
Видитъ Зоя привидѣніе:
Старичишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантіи,
Опоясанный мочалкою;
Видъ противный: глазъ на выкатѣ,
Ротъ разинутъ, зубы скалятся,
Уши длинныя, ослиныя
Надъ плечами громко хлопаютъ...
Зоя смотритъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели,
Бендокира Слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя,
Прочитала скорымъ шопотомъ
«Отче нашъ» и «Богородицу»
И тихохонько промолвила:
«Что̀ я вижу? Боже, Господи,
«О, Никола, Савва мученикъ,
«Осѣните беззащитную!
«Ты ли это, царь нашъ батюшка?

«Отчего, скажи, оставилъ ты
«Нынѣ царствіе небесное?»

Страннымъ свѣтомъ освѣтившися,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свѣтъ!
«Не пугать тебя мнѣ хочется,
«Не на то сюда явился я
«Съ того свѣта привидѣніемъ.
«Весело пугать живыхъ людей,
«Но могу ли веселиться я,
«Если сына Бендокирова,
«Милаго Бову царевича,
«На кострѣ изжарятъ завтра же?»

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;
Больно стало доброй дѣвушкѣ.

«Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
«Я во всемъ тебѣ покорствую».

«Вотъ что̀ хочется мнѣ, Зоинька:
«Изъ темницы сына выручи
«И сама въ жилище мрачное
«Сядь на мѣсто королевича,
«Пострадай ты за невиннаго;
«Поклонюсь тебѣ низехонько
«И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тутъ призадумалась:
Это жестко ей казалося;
Но имѣя чувства нѣжныя,
Зоя въ тайнѣ согласилася
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя

Противъ стрѣлъ Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное.

«Но скажи, о, царь возлюбленный»,
Зоя молвила покойнику, —
«Какъ могу — ну, посуди ты самъ,
«Пренестись въ темницу мрачную,
«Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
«Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
«Днемъ и ночью стерегутъ его.
«Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
«Обмануть ихъ очи зоркія?»

«Будь спокойна, случай найдется;
«Поклянись лишь только, милая,
«Не отвергнуть сего случая,
«Если самъ тебѣ представится».

«Я клянусь», сказала дѣвица.
Въ мигъ изчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко
И, въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася!

IV.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ сѣдой, одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ.
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ
И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:
«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
«Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
«Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
«Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
«Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....
«О, скоро ли, нашѣнясь подъ рулями,
«Меня помчитъ покорная волна,
«И спящихъ водъ прервется тишина?..
«Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,
«Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!
«Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
«Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй,
«Ужь міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
«Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины

«И гряну вновь погибельной грозой,
«И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами
«Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
«Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
«И троны въ прахъ низвергну я громами
«И сокрушу Европы дивной щитъ!..
«Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
«Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
«Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
«Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой:
«Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....
«О, счастье, злобный обольститель,
«И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
«Средь бурей тайный мой хранитель,
«И вѣрный пѣстунъ съ юныхъ дней!
«Давно ль невидимой стезею
«Меня ко трону ты вело
«И скрыло дерзостной рукою
«Въ вѣнцахъ лавровое чело!
«Давно ли съ трепетомъ народы
«Несли мнѣ робко дань свободы,
«Знамена чести преклоня;
«Дымились громы вкругъ меня,
«И слава въ блескѣ надъ главою
«Неслась, прикрывъ меня крыломъ!
«Но туча грозная нависла надъ Москвою,
«И грянулъ мести громъ!..
«Полнощи царь младой, ты двигнулъ ополченья,
«И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ.
«Отозвалось могущаго паденье:
«И миръ землѣ, и радость небесамъ,
«А мнѣ — позоръ и заточенье!
«И раздробленъ мой звонкій щитъ,
«Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,

«Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
«И тускнетъ на туманѣ.
«И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
«Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье
«И стукъ блистающихъ мечей,
«И падшихъ ярое стенанье:
«Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ.
«Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
«Вражды кровавой гаснутъ громы,
«И факелъ мщенія потухъ.
«Но близокъ часъ, грядетъ минута роковая!
«Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
«Кругомъ простерта мгла густая,
«И взоромъ гибели сверкая,
«Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
«Страшись, о, Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
«Рыдай, твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
«Все сгибнетъ, и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
«Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ;
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о, хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лицо пылающей зари;
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ.
Все смолкло.... Трепещи, погибель надъ тобою,
И жребій твой еще сокрытъ.

V.

СТАРИКЪ.

Ужь я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
На вѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младова!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, еслибъ могъ родиться снова,
Ужь такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

VI.

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

1 Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
«Постой», кричалъ, — «прелестная, постой!
«Скажи: люблю, и бѣгать за тобой
«Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой».
«Молчи, молчи», Разсудокъ говорилъ,
А плутъ Эротъ: «Скажи: ты сердцу милъ».

2 «Ты сердцу милъ», пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила.
«Бѣги, бѣги», Разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ Эротъ: «Останься» говорилъ.

3 Осталася, и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ.
«Взгляни», сказалъ, — «съ подругой голубокъ
«Тамъ обнялись подъ тѣнью лишъ густою».
«Бѣги, бѣги», Разсудокъ повторилъ.
«Учись отъ нихъ», Эротъ ей говорилъ.

4 И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
«Будь счастлива», Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жь? Разсудокъ ужь молчалъ.

VII.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотой;
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: «Я сѣдъ и старъ,
«Жизнью дайте жь насладиться:
«Жизнь, увы, не вѣчный даръ!»
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,

Но поетъ одну любовь.
Здѣсь готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдого
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупого
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы, и хариты
Въ гробъ любимца увели;
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ изчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой — привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

VIII.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.
Прости на вѣкъ, очарованье
Безпечной жизни и любви!
Приближьтесь, о, друзья мои:
Благоговѣнье и вниманье!
Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.
Зовите на послѣдній пиръ
Семелы радостнаго сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши музы;

Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья, священны намъ ихъ узы!
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди —
И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
Гдѣ вы, подруги молодыя?
Летите! Дорогъ смерти часъ!
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Забуду вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!

Когда жь востокъ озолотится
Во тьмѣ денницы молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье:
Когда на вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю я лѣнь и лиру:

Да будутъ музы надъ тобой!....
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтреный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья, вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, ей!..
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою,
И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
Изчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
«Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
«Питомецъ нѣгъ и Аполлона».

IX.

ВОДА И ВИНО.

1 Люблю я въ полдень воспаленной
Прохладу черпать изъ ручья
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя.
Когда жь вино въ края поскачетъ,
Напѣнясь въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите: кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?

2 Да будетъ проклятъ дерзновенный,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
О, страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклятъ родъ злодѣя,
Пускай не въ силахъ будетъ пить
Или, стаканами владѣя,
Лафитъ съ цымлянскимъ различить!

X.

ПОГРЕБЪ.

1 О, сжальтесь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я.

2 Всечасно я тоскую:
Горька моя судьба!
Несите жь круговую,
Откройте погреба.

3 Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выписной.

4 Намъ Либеръ заикаясь
Къ нему покажетъ путь;
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть:

5 Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

XI.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Къ И. И. Пущину).

1 Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?

2 Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?

3 Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

4 Закипѣвъ, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали —

5 И бутылки въ мигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

6 Убѣгаемъ торопливо....
Въ мигъ изчезъ минутный страхъ:
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,

7 Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ
Измѣняли чадъ похмелья,
Сладкій Вакха заговоръ.

8 О, друзья мои сердечны,
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ!

XII.

БАТЮШКОВУ.

1 Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ-издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.

2 Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ:
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я непрестанно;
Нескладно хоть игралъ,
Но музамъ не скучалъ.

3 А ты, пѣвецъ забавы
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,

Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота — скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ
И, съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
Будь всякій при своемъ!

XIII.

ЭПИГРАММА.

Бывало, прежнихъ лѣтъ герой,
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

XIV.

КЪ И. И. ПУЩИНУ.

4-го мая.

Любезный именинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты;
Прими жь его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку:
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!

Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный:
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ попомъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ:
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
Встрѣчая сотый май,
Покрытый сѣдинами,

Сказалъ тебѣ стихами:
«Вотъ кубокъ, наливай!
«Веселье, будь до гроба
«Сопутникъ вѣрный нашъ,
«И пусть умремъ мы оба
«При стукѣ полныхъ чашъ!»

XV.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать.
Но можно ль рѣзвому поэту,
Невольнику мечты младой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то, что̀ въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ!

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ пустынну сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
Пустого нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей
И, счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволенъ скромною судьбою,
И думаю: «Къ чему пѣвцамъ
«Алмазы, яхонты, топазы,
«Порфирныя пустыя вазы,
«Драгія куклы по угламъ?
«Къ чему имъ сукна Альбіона

«И пышные чахлы Ліона
«На модныхъ креслахъ и столахъ?
«Какая нужда въ зеркалахъ
«И ложе шалевое въ спальной?
«Не лучше ли въ деревнѣ дальной,
«Или въ смиренномъ городкѣ,
«Вдали столицъ, заботъ и грома
«Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
«Съ которымъ роскошь незнакома,
«Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть?
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сповидѣнья!
Уже ль отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?
Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами — въ рѣкѣ волнистой —
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю —
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненымъ,
Съ Горацiемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;

Вблизи ручей шумитъ и скачетъ,
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.

Но вотъ ужь полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ:
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ,
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону
И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ
И — помнится — зовется славой,
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
Вотъ мой каминъ. Подъ вечеръ темной,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.

Вотъ здѣсь... Но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ;
Мечты находятъ, изчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ.

Межь тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой
Во плѣнъ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риѳмы здѣсь и тамъ,
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньѣ
Гусаръ прѳмчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь па крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ;
Межь нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу; вдали штыки сверкаютъ,
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О, вы, отеческіе лары,
Спасите юношу въ бояхъ!

Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатой;
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой пивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ...

Но лаврами побѣдъ увиты,
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
Военной славою забытый,
Спѣшу въ смиренный свой пріютъ,
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одни болѣзни, костыли,
На вѣкъ оставивъ саблю мести...
Ужь вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
Калитку, садикъ, ближній прудъ, —
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,
И міръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.

Скажи, о, сердцу другъ безцѣнный:
Мечта ль и дружба, и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои;
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался, —
Гдѣ жь дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что̀ въ воздухѣ кружитъ и вьется

Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка;
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ, сердцу внятнымъ,
О нѣжной страсти говоритъ.
Подруга возраста златого,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая ***?
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый:
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней тихою порой
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ не покровенный,
Твой взоръ, на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ;
Нахмурясь тополь шевелится;
Ужь сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,
И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ

Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ,
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Угрюмой зимнею порой
Я жду красавицу драгую:
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,
И вотъ ужь шопотъ слышу сладкой.
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, въ даль пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ.
Прижалась робко ты ко мнѣ,
Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли,
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
Но что! Мечтанья отлетѣли!
Увы, я счастливъ былъ во снѣ!..

Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ.
Питомецъ музъ и вдохновенья,
Стремясь фантазіи во слѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клооо не совьетъ:
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всемощнѣе поэтъ.

XVI.

КЪ А. И. ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый риѳмотворъ,
Повитый макомъ и крапивой,
Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветъ обѣдать генерала;
О, Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнивой,
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Острот и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,
Зайди къ жиду Золотареву,
Въ его всѣмъ общій уголокъ.
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,

Прольемъ вина струю багрову, —
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое,
И хлынетъ пиво золотое,
И гордый на столѣ пирогъ
Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ
И мигомъ стѣны разгромимъ;
Когда жь, виномъ отягощенной,
Съ главой, въ колѣни преклоненной,
Захочешь въ мирѣ отдохнуть
И вдругъ, спускаясь на подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диванъ,
Тогда посланія, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинутъ скромный нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!..
Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О, Галичъ! Время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятной,
Татарскій сброшу свой халатъ.
Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,

Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ, —
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
О, Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спесивый,
И кубокъ, полный черезъ край!

XVII.

СЛЕЗА.

1 Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ
И молча, съ дикою тоскою,
На дальній путь глядѣлъ.

2 «Скажи, что̀ смотришь на дорогу?»
Гусаръ мой вопросилъ. —
«Еще по ней ты, слава Богу,
«Друзей не проводилъ».

3 Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
«Дитя, ты плачешь о дѣвицѣ!
«Стыдись!» онъ закричалъ.

4 «Оставь, гусаръ! Охъ, сердцу больно!...
«Ты, знать, не горевалъ!
«Увы, одной слезы довольно,
«Чтобъ отравить бокалъ!»

XVIII.

МЕЧТАТЕЛЬ.

1 По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тихъ полетъ полнощи.

2 И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

3 Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;

Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтаньи,

4 И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны:
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Молчаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

5 Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья:
Ему Зевесъ — надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

6 Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавой —
Прелестна сердцу тишина:
Нейду, нейду за славой!

7 Нашелъ въ глуши я мирный кровъ
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнной,

И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

8 На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

9 О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы!
Гони ты мрачную печаль,
Плѣняй ты умъ обманомъ
И милой жизни свѣтлу даль
Кажи ты за туманомъ!

10 И тихъ мой будетъ поздній часъ,
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!»
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ въ мирны сѣни,
Вѣнчанный макомъ и склоненъ
На посохъ томной лѣни.

XIX.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

1 Дитя харитъ и вдохновенья,
Въ порывѣ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

2 Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной,
И взоры самой красоты;

3 Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;

4 Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;

5 Представь мечту любви стыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

XX.

РОЗА.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари!..
Не говори:
«Такъ вянетъ младость!»
Не говори:
«Вотъ жизни радость!»
Цвѣтку скажи:
«Прости, жалѣю!»
И на лилею
Намъ укажи.

XXI.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. И. ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Уже ль уединенья
Не милъ тебѣ покой?
Уже ли мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать,
И больше не видать
Парнасскаго бродяги?
На Пиндѣ мой сосѣдъ,
И ты отъ музъ укрылся:
Минутный домосѣдъ,
Съ пенатами простился.
Ужь темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощалъ
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокалъ
Намъ Бахусъ подавалъ.

Бѣгутъ за днями дни
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены,
И шумныя бесѣды,
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезной,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужь темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ;
Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
Спесивый, старый котъ.
Покамѣсть сонъ прелестной,
Подъ сѣнью тихихъ крилъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьѣ
Въ постелѣ я лежу
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.

Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ,
Скажи, среди столицы
Чѣмъ занятъ ты, мой другъ?
Уже ль пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей

И ближнихъ, и друзей?
Уже ль въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Партеромъ полоумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или — мудрецъ придворной —
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?
Нѣтъ, добрый Галичъ мой,
Поклону ты не сроденъ!
Другъ мудрости прямой,
Правдивъ и благороденъ,
Онъ любитъ тишину.
Судьбѣ своей послушной,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно;
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарной,

Когда сей богъ младой,
Вечернею порой,
Лафитъ и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ,
Качаясь на ногахъ.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,
И дружба молодая
Вѣнки ему плететъ.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ;
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ мозель разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ
И трубку разжигаютъ
Безвременнымъ лихимъ.

Оставь же городъ скучной,
Съ друзьями съединись
И съ ними неразлучно
Въ пустынѣ оживись.
Бѣги, бѣги столицы,
О, Галичъ мой, сюда!
Здѣсь розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ,
Съ тибурскимъ мудрецомъ

Мы часто за бокаломъ
Проснемся — и заснемъ.
Смотри: тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду,
И къ лиліи куплетъ,
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ.
Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ, —
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ,
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.
Подруги молодыя
Насъ будутъ посѣщать:
Намъ жизни дни златые
Не страшно расточать.
Подѣлимся съ забавой
Мы вѣкомъ остальнымъ,
Съ волшебницею славой
И съ Вакхомъ молодымъ.

XXII.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустого не умѣю
Высоко, тонко и хитро
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо.
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить:
Что̀ прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины...

Что̀ долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?

Глубоку ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ,
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала въ слѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ:
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ.
Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межь Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младого Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ..... Елены на грудяхъ.

XXIII.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ бакхическихъ посланій,
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ!
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены —
Для самого себя, для друга
Да для Темиры молодой.
Помилуй, сжалься надо мной!

Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой:
Я знаю самъ свои пороки.
Конечно, бѣденъ геній мой:
За риѳмой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *аетъ* и на *ой*.
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры часто восклицанья,

Для смысла — лишнихъ три стиха:
Не хорошо!.. Но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести.
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой;
Что лѣнью жертвую стихамъ,
Что засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ кряхтя засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу трехстопный вздоръ...
Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
Конюшій дряхлаго Пегаса
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькій Парнаса,
Родитель старенькихъ стиховъ
И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ...

Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя;
И днемъ найду себѣ я время,
Когда нечаянной порой
Стихи кропать найдетъ охота
На славу дружбы иль Эрота:
Сижу ли съ добрыми друзьями,
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На риѳмахъ вдругъ заговорю

И никого ужь не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда-нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежню мысль мою
И не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтитель,
Я съ музой нѣжусь молодой...
Ужь утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи.
Въ полглаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой
И въ простотѣ, безъ украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной,
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ
Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньи,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
Стихи текутъ и такъ и сякъ.

Возможно ли въ свое творенье,
Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
Тогда вперять холодный умъ,
Отдѣлкой портить небылицы,
Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Лафаръ, Шольё, Парни,
Враги труда, заботъ, печали,
Не такъ, бывало, въ прежни дни
Своихъ любовницъ воспѣвали.
О, вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой,
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ музы праздности счастливой,
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой!
На верхъ Өессальскія горы
Вели васъ тайные извивы;
Веселыхъ граціи перстъ игривый
Младыя лиры оживлялъ,
И ваши челы обвивалъ
Дѣтей пафосскихъ рой шутливый.
И я, неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ рѣчемъ наслѣдникъ,
За вами крадуся во слѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ.
Поди — кричи, брани другого
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

XXIV.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ. Онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ;
Не дѣлалъ добраго, однако жь былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.

XXV.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 ГОДУ.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось! Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою —
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ.
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю Русскую не взвидѣлъ подъ собою,
Бѣжитъ — и мести громъ слетѣлъ ему во слѣдъ.
И съ трона гордый палъ, и вновь возсталъ, и нѣтъ:
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ перпатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Рисунокъ Пушкина.

(Рукопись Моск. Публ. музея № 2364, л. 78 оборотн.).

Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли въ слѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали,
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали;
«Къ мечамъ», раздался кликъ — и вихремъ понеслись;
Знамена, возшумѣвъ, по вѣтру развились;
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились. Воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой.
А я, вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо разцвѣталъ, безпечный, безмятежной.
Увы, мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои,
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ!
Почто жь на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ,
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился,
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Уже ль свободны мы? Уже ли грозный палъ?
«Кто смѣлый? Кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная изчезла предъ тобой.

И нынѣ ты къ сынамъ, о, царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о, Русскій царь! Оставь же шлемъ стальной
И грозный мечъ войны, и щитъ, ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окриленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ,
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И, молча, нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

XXVI.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

1 Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Темнѣетъ долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая.

2 Недвижныя латы на холмѣ лежатъ,
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ,
Копье раздробленно, и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ.

3 Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ,
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ
И дико трепещетъ, и стонетъ.

4 Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ;
Склонясь надъ дорожной клюкою,

Заботливо смотритъ въ невѣрную даль,
Приблизился къ латамъ и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ,
По камнямъ шеломъ покатился:
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый — скокъ летомъ на холмъ,
Взглянулъ... и главою склонился.

Ужь путникъ далече въ тьмѣ бродитъ ночной;
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой;
Но утро денница выводитъ;
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.

XXVII.

КЪ БАРОНЕССѢ А. М. ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било.
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли. Въ судьбѣ своей унылой
Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратить уже того, что̀ было.
Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь:
Такъ вѣрьте мнѣ — мы спасены лишь вѣрой.
Послушайте, Амуръ, какъ вы, хорошъ;
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ:
Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ
Всевышней благостью Зевеса
И столько же краснорѣчивъ,
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ
Чудесный, вовсе безъ искусства —
Немного истинныхъ похвалъ,
Немного истиннаго чувства.
Скажу я: «Ради вашихъ глазъ,
«О, баронесса, ради баловъ,
«Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
«Взгляните на меня хоть разъ

«Въ награду прежнихъ мадригаловъ!»
Когда жь Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму,
Удастся ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиталаму?

1816.

1816.

I.

КЪ МАШѢ.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рифмы набросать
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣютъ погодить:
Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть
И, жертвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ летѣть

И ужь не вспомните поэта...
О, Маша, Маша, поспѣши
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!

II.

У С Ы.

Философическая ода.

1 Глаза скосивъ на усъ кудрявой,
Гусаръ съ улыбкой величавой
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

2 «Гусаръ, нѣтъ вѣчнаго въ природѣ!
«Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
«Проходятъ царства и вѣка.
«Скажи: гдѣ стѣны Вавилона?
«Гдѣ драмы тощія Клеона?
«Умчала все временъ рѣка.

3 «За уши усъ твой закрученый,
«Виномъ и ромомъ окропленый,
«Гордится юной красотой,
«Не знаетъ бритвы, выписною
«Онъ вѣчно лоснится сурьмою,
«Расправленъ гребнемъ и рукой.

4 «Чтобы не смять уса лихова,
«Ты къ ночи одою Хвостова

«Его тихонько обвернешь,
«Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
«Въ глубокомъ снѣ его лелѣешь
«И утромъ вновь его завьешь.

5 «На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
«Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
«И черноусыхъ удальцовъ,
«Веселый гость, любовникъ пылкій,
«За чье здоровье бьешь бутылки?
«Коня, красавицъ и усовъ!

6 «Сраженья страшный часъ настанетъ,
«Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
«А ты надъ ухарскимъ сѣдломъ
«Разсудка, памяти не тратишь:
«Сперва кудрявый усъ ухватишь,
«А саблю вѣрную потомъ.

7 «Окованный волшебной силой,
«Наединѣ съ красоткой милой
«Ты нѣжишься; одной рукой
«Въ восторгахъ нѣги сладострастной
«Летаешь по груди прекрасной,
«А грозный усъ крутишь другой.

8 «Гордись, гусаръ, но помни вѣчно,
«Что все на свѣтѣ скоротечно:
«Летятъ губительны часы!
«Румяны щеки пожелтѣютъ,
«И черны кудри посѣдѣютъ,
«И старость выбѣлитъ усы».

III.

ЖЕЛАНІЕ.

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ:
Онъ что-то, кажется, изчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина;
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснулъ новый Буало,
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera.
Но да не будетъ воскресенья,
Усопшей прозы и стиховъ!
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То-есть, и хладно, и темно,
Что̀ очень стыдно и грѣшно!

IV.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Картины.

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтетъ;
Все въ ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ.
Все юность измѣняетъ!
Ужь Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ;
Одна у сонныхъ водъ
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постели скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньѣ,
При мѣсячномъ сіяньѣ,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою,
И тихою тоскою

Исполнитъ сердце онъ —
И Лила въ сновидѣньѣ
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: «О, Филонъ!»

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ въ пещерѣ темной,
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной
Покоится съ тобой?
Итакъ, ужь ты вкусила
Всѣ радости любви;
Ты чувствуешь, о, Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О, жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ лiетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близь пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?

На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межь цвѣтами
Косматая нога,
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона,
Прекраснаго Филона,
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастной
Страданья чашу пьетъ
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. РѢКА.

Одна по утру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.

«О, скоро ль, мракъ ночной
«Съ прекрасною луной
«Ты небомъ овладѣешь?
«О, скоро ль, темный лѣсъ,
«Въ туманахъ засинѣешь
«На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ, сверкнувъ очами,
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣтерочекъ,
Летитъ она въ лѣсочекъ;
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышетъ;
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужь чувствуетъ она
Огонь его дыханья...
Напрасны всѣ старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка — ея могила...
Нѣтъ, Лила спасена!

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ селъ Венеру
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру,
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужь тамъ...
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФІАЛЪ.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
«Прости, любовь и радость»,
Со вздохомъ молвилъ онъ, —
«Въ печали тратить младость
«Я рокомъ осужденъ!»
Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь, передъ нимъ
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ мутными глазами

Пути домой искалъ
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шелъ, шелъ и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него...
«Ты ль это, братъ любезной»,
Вскричалъ Сатиръ сѣдой, —
«Въ какой странѣ безвѣстной
«Я встрѣтился съ тобой?»
— «Ахъ», молвилъ Фавнъ уныло, —
«Завяли дни мои!
«Все, все мнѣ измѣнило,
«Несчастенъ я въ любви!»
— «Что̀ слышу? Отъ Амура
«Ты страждешь и грустишь,
«Малютку-бѣдокура
«И ты боготворишь?
«Возможно ль? Такъ забвенье
«Въ кувшинѣ почерпай
«И чашу въ утѣшенье
«Наполни черезъ край!»
И пѣна засверкала
И па краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VII. ИЗМѢНА.

Кто жь, дерзостный, владѣетъ
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,

Томиться, воздыхать
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
Итакъ, ты измѣнила?
Красавица, плѣняй,
Спѣши любить, о, Лила,
И снова измѣняй!

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что̀ Лила, что̀ съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ,
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ;
Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ.
Гдѣ жь сердца другъ безцѣнный?
Увы, онъ измѣнилъ!
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкій сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья,
Гдѣ нѣжный Полемонъ?
О, Лила, вянутъ розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы
И нынѣ терны рви!

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ летитъ,
И старость въ отдаленьи
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разстался съ красотой,
И въ слѣдъ за Купидономъ

Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу пастушка бродитъ
Печальна и одна.
Кого же тамъ находитъ?
Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ
И пѣнистый фіалъ,
Вѣнкомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ.
Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сѣть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ,
И — слышалъ я — клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фіалъ,
Качая головою,
Красавицѣ сказалъ:
«Нѣтъ, Лила, я въ покоѣ:
«Другихъ, мой другъ, лови!
«Есть время для любви,
«Для мудрости другое.
«Бывало, я тобой
«Въ безуміи плѣнялся;
«Бывало, восхищался
«Коварной красотой,
«И сердце, тлѣя страстью,
«Къ тебѣ меня влекло;
«Бывало... но, по счастью,
«Что̀ было, то прошло».

V.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпого мальчика съ повязкой?
Слѣпого?.. Вотъ! Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ.
Но шалуну пришла жь охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его Безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота;
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да правъ имѣетъ онъ ревнивый:
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,

За нимъ подсматривалъ тайкомъ
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
«Ну, помиримся, будь умнѣй!
«Забудь, товарищъ мой любезный,
«Раздоръ смѣшной и безполезный,
«Да только навсегда, смотри!
«Возьми жь повязку въ память, милый,
«А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жь? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ; но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

VI.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ древній Пафосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона.
Виномъ онъ былъ наполненъ;
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краешкѣ я видѣлъ
Печальнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ, пригорюнясь,
На пѣнистую влагу.
«Что смотришь ты, проказникъ,
«На пѣнистую влагу?»
Спросилъ я Купидона. —
«Скажи, что такъ утихнулъ?
«Не хочешь ли зачерпнуть,
«Да ручкой не достанешь?»
— «Нѣтъ», отвѣчалъ малютка; —
«Играя, въ это море
«Колчанъ и лукъ, и стрѣлы

«Я уронилъ, и факелъ
«Погасъ въ волнахъ багряныхъ.
«Вонъ, вонъ — на днѣ блистаютъ!
«Я плавать не умѣю.
«Охъ, жалко мнѣ; послушай,
«Достань мнѣ ихъ оттуда!»
— «О, нѣтъ!» сказалъ я богу, —
«Спасибо, что упали;
«Пускай тамъ остаются».

VII.

ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украсили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры,
Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
Краснорѣчивѣй, чѣмъ Вольтеры,
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры,
Тебѣ привѣтливый поклонъ,
Вѣнокъ любви и лиры звонъ!
Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ,
И сталъ апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ,
Всего.... но лишь извѣстной мѣры:
Я вижу: хмурится Зенонъ
И вся его сѣдая свита;
И мудрый другъ вина Катонъ,
И скучный рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: «Ты лжешь, профанъ, мученье —

«Прямое смертныхъ наслажденье!»
Друзья, согласенъ! Плачь и стонъ
Стократъ, конечно, лучше смѣха:
Терпѣть — великая утѣха;
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ,
Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
Затѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ.
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ;
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый разсерженъ;
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ — лишь времени утрата:
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),
Невольникъ робкій и покорный,
Вздыхалъ частехонько въ хитонъ
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: «Все призракъ, ложь и сонъ —
«И мудрость, и народъ, и слава.
«Что жь истинно? Одна забава,
«Повѣрь, одна любовь не сонъ!»
Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
И ею... бѣдная Ксантиппа,
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межь тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ, нѣгу презирая,

Одинъ, всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но, съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ
И, воду черпая рукою,
Не могъ зачерпнуть счастья онъ.

VIII.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Шиллера).

1 Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

2 Влажно-зернистый
Выжми лимонъ:
Ѣдкая сила —
Жизни зерно.

3 Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

4 Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлемъ
Тихо водой.

5 Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнію жизнь.

6 Только кипучій
Ключъ утолитъ:
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

IX.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

1 Кубокъ тяжелой
Полонъ давно,
Пѣною бѣлой
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Ну, за кого же
Выпью вино?

2 Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселитъ:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

3 Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба
Пейте, пѣвцы!
Рѣзвой Камены
Ласки — бѣда!

Токъ Иппокрены —
Просто вода!

Пейте за радость
Юной любви!
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно;
Я, благодарный,
Пью — за вино!

X.

ИСТИНА.

1 Издавна мудрые искали
Забытыхъ истины слѣдовъ
И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ;
Твердили: «Истина нагая
«Въ колодезь убралась тайкомъ»,
И дружно воду выпивая,
Кричали: «Здѣсь ее найдемъ!»

2 Но кто-то, смертныхъ благодѣтель
(И чуть ли не старикъ Силенъ),
Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

XI.

НАѢЗДНИКИ.

Ужь полемъ всадники летятъ,
Дубравы кровъ оставя зыбкій,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи.
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Уныгъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченной,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
«Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
«Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
«Поникъ безстрашною главою,
«Бразды и саблю опустилъ.
«Уже ль, невольникъ праздной нѣги,
«Отраднѣй миръ твоихъ полей,
«Чѣмъ наши бурные набѣги
«И ночью бранный стукъ мечей?
«Тебя мы зрѣли подъ мечами

«Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ,
«Всегда межь первыми рядами,
«Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ».

Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
«Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной,
«Предчувствую конецъ желанной,
«Меня зоветъ послѣдній бой.
«Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
«Влечу я съ братьями въ огонь;
«Ударъ падетъ — и одинокой
«Въ долину выбѣжитъ мой конь!..
«Но для пѣвца никто не дышитъ,
«Его настигнетъ тишина;
«Эльвина смерти вѣсть услышитъ,
«И не вздохнетъ объ томъ она.
«А вы, хранимые судьбами
«Для сладостныхъ любви наградъ,
«Любви безцѣнными слезами
«Благословится вашъ возвратъ!
«Въ минуты сладкаго спасенья,
«О, братья, вспомните пѣвца,
«Его любовь, его мученья
«И славу грознаго конца!..»

XII.

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый, и славной;
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить, и счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ — и завтра, если можно,

Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ,
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!

А мой удѣлъ... но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья;
Двѣ-три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный на вѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ,
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя жь, мой другъ, — осенняя заря.
Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я, гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть.
Уже ль моя пройдетъ пустынно младость?

Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Уже ль умру, не вѣдая что̀ радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ,
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастія какой возьму вѣнецъ?

Но что̀! Стыжусь! Нѣтъ, ропотъ — униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье:
Уже ль лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье!
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей.

XIII.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

1 Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленной,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

2 Свершилось! Подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

3 Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира.

4 Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ и буйной вдругъ измѣной
Ужь воздвигалъ свой шаткій тронъ
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

5 Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

6 Хвала, о, юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Опъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

7 Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы.

8 Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь:
Достойный былъ онъ воинъ мести!

XIV.

СОНЪ.

(Отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой;
Мнѣ страшенъ свѣтъ: проходитъ вѣкъ мой темный
Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь: докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно

Прозрачное спустилось полотно,
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ; приди жь въ обитель мира,
Царицей будь: я плѣнникъ нынѣ твой!
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно бъ сонъ спокойный предпочли,
О, мудрецы!... Дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно, и безпечно,
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я: въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь,
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ,
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, — уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными,
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,

На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится спесь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ:
На скучный балъ разсѣянье летитъ...
О, Боже мой, ужели здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина...
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна.
О, сладкій сонъ, ничѣмъ не возмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ: онъ можетъ разбудить.
Итакъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жь надобно? Движенье, господа!
Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы.
Смотрите: Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской.
Наступитъ день — несчастный, задыхаясь,
Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жь ночной туманъ

Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клитъ къ постели поползетъ,
И какъ же ночь несчастный проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ, сонъ ему—не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья,
Нѣтъ, въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой,
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои, возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ!
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ отрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй, Вакхъ, со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему, но только за обѣдомъ,

И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право, въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать — святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Брегитесь вы, о, дѣти, мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о, горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что̀ вашъ покой? Безчувствіе глубоко;
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ — несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели въ глуши, близь водопада,
Что̀ подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ, —
О, сладостно близь шумныхъ водъ забвенье!
Пусть долѣе продлится вашъ покой:
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго, при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ?
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ,
Блѣднѣетъ уголь — и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу віясь уходитъ.

И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ,
Закрывшися, упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете; надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель,
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ!
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей,
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы!..
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало:
Все въ душу страхъ невольный поселяло.
Я трепеталъ, и тихо, наконецъ,

Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней,
И въ вымыслахъ носился юный умъ.

Но вы прошли, о, ночи безмятежны,
И юности ужь возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны!
И я мечту младой любви вкусилъ,
И гдѣ жь она? Восторгами родилась
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ: безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ риѳмою не бьюсь,
Не вижу въ вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, но лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ, и лаемъ песъ привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ головахъ.

XV.

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не виденъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету,
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту.

Но кто любви не жертвовалъ собою!
Вы, чувствами свободные пѣвцы,
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ,
Другихъ на вѣкъ печалями связалъ
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни,
Вы знаете безцѣнной жизни сладость:
Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни!
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,

Въ объятіяхъ любовницъ умирайте,
Стихи любви тихонько воздыхайте:
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали:
И ваши дни по терніямъ текли,
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ — и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву.
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили, по крайней мѣрѣ, славу —
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ.
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ нерѣдко я стенаю,
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье —
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ,
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!
Люблю, люблю!.. Но къ ней ужь не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужь навсегда покинутую лиру,
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

XVI.

ОКНО.

1 Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушной?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно:
Дышать унынъемъ — мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;

2 Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣетъ,
И тихо тьмится неба сводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ...

3 Недавно, темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла;

Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами путь.

«Я здѣсь!» шепнули торопливо,
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотой...
«Счастливецъ», молвилъ я съ тоскою, —
«Тебя веселье ждетъ одно!
«Когда жь вечернею порою
«И мнѣ откроется окно?»

XVII.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

1 Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея — печали слѣдъ.
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ.

2 Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ — мечталъ я — наслажденье,
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая
Волшебной, нѣжной красотой,
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.

3 Я вслѣдъ.... но цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жь, весельемъ окриленной,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

XVIII.

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
Приближься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному пріюту!
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

XIX.

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть за что̀ философы, піиты
На *твой* и *мой* давнымъ давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю.
Что ежели бъ ты не была *моею*?
Что ежели бъ я не былъ, Ниса, *твой*?

XX.

КЪ МОРФЕЮ.

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жь умчится ночи мгла,
И сонъ мои покинетъ очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

XXI.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Изчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ....
Кругомъ постели
Нѣмая ночь;
Въ мигъ охладѣли,
Въ мигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья!
И по утру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Не пробужденный.

XXII.

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ, сердце вновь забьется.

XXIII.

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью — мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ, лети, не жаль тебя!
Изчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

XXIV.

КЪ НЕЙ.

1 Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку!
Я вяну — прекрати тяжелый жизни сонъ.
Скажи: увижу ли? На долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

2 Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?

3 Эльвина, почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ восторгомъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать,

4 И въ радости нѣмой, въ блаженствѣ упоенья
Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать,
И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья
Близь милой засыпать?

XXV.

МѢСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужь не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный завѣсъ проницало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу возлюбленной моей.
Почто, минуты, вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?..

XXVI.

УНЫНІЕ.

1 Мой милый другъ, разстался я съ тобою;
Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
Я все тебя, далекій другъ, ищу:
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.

2 И ты со мной, о, лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
И лишь тоски ты голосъ не забыла...
О, вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ унынiе любви,
И слушая бряцанія твои,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

XXVII.

ПѢВЕЦЪ.

1 Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

2 Встрѣчали ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали вы?

3 Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

XXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

Подражаніе.

Я видѣлъ смерть; она сидѣла
У тихаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла...
Умру — и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей.

Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Небесъ лазурная завѣса
Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
Ты, утро — вдохновенья часъ,
Вы, тѣни мірныя таинственнаго лѣса,
И все, прости въ послѣдній разъ!

XXIX.

ЭЛЕГІЯ.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кого луны туманный лучъ
Ведетъ въ полночи сладострастной,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворитъ дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увялъ надежды ранній цвѣтъ,
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій.
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы.
Но я, любовью позабытъ,
Любви не позабуду ль слезы?

XXX.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣднее изчезло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день,
А вкругъ меня глухое запустѣнье...
Ужь нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясной;
У берега, на зелени луговъ,
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее, — лишь гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ откликнулся вдали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной,
Его струи медлительно текли —
Не трепеталъ въ нихъ образъ несравненной.
Ужь нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужь осени холодною рукою

Главы березъ и липъ обнажены;
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ,
Стоитъ туманъ на нивахъ пожелтѣлыхъ,
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы,
Хранители священной тишины,
Свидѣтели моей тоски, забавы,
Забыты вы... до сладостной весны!

XXXI.

КЪ НАТАШѢ.

1 Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни,
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни.
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

2 Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
Ранней, позднею порой
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

3 Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

XXXII.

КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon:
Mais pour une Grâce — oh, mon Dieu, non!

XXXIII.

ЭЛЕГІЯ.

Опять я вашъ, о, юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки:
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но время ужь не то же:
Уже не вы душѣ всего дороже,
Ужь я не тотъ. Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
На вѣкъ ушла, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной.
Отверженный судьбой несправедливой,
И ласки музъ, и радость, и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Рука лежитъ надъ юною главой.
Чтобъ отогнать угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Передъ собой одну печаль я вижу:
Мнѣ скученъ міръ, мнѣ страшенъ дневный свѣтъ;
Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;

Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до завтрашнихъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей,
Умчались вы! Невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.

О, дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

XXXIV.

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о, друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной —
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнулся я.

XXXV.

А. А. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межь Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою —
Вотъ жребій мой: ему я слѣдовать готовъ;
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй отъ меня стиховъ!
Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,
По добротѣ души я вѣрилъ въ упоенье
Мечтѣ, шепнувшей: «Ты — поэтъ»,
И презря мудрые угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я трезвый межь друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами,

Мечтательныхъ Дoридъ и славилъ, и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ, и дружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили парнасскія забавы;
Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы,
И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межь розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать —
Охота смертная на риѳмахъ лепетать;
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся —
И полно мнѣ писать!

XXXVI.

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

1 Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

2 Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

3 Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

XXXVII.

ЭЛЕГІЯ.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежной,
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.
Съ безпечной думою покоясь у береговъ,
Ужь издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
Носимыхъ гибельной грозою.
Я говорилъ: «Стократъ блаженъ,
«Чей вѣкъ, свободою прекрасной,
«Какъ вѣкъ весны, промчался ясной
«И страстью не былъ омраченъ,
«Кто не страдалъ въ любви напрасной,
«Кому невѣдомъ страстный плѣнъ.
«Блаженъ! Но я счастливѣй болѣ,
«Я цѣпь мученій разорвалъ,
«Опять я дружбѣ... я на волѣ,
«И жизни сумрачное поле
«Веселый блескъ очаровалъ!»
О, что я говорилъ, несчастный!
Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
Но мрачная любовь таилася во мнѣ,
Не угасалъ мой пламень страстный...

Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ,
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру,
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
Веселье, Вакха и Дельфиру....
Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной,
Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалека...
Любовь, отрава нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній!
Летите, призраки!.. Амуръ, ужь я не твой!
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ,
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ!

XXXVIII.

СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятнѣе поетъ,
Чѣмъ соловей близь тихихъ водъ
Или полунощная лира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Прелестенъ голосъ твой унылой,
«Но слово милыя моей
«Прелестнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы».

XXXIX.

ЛИЛѢ.

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

XL.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ, —
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда сгораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей...
О, безцѣнная подруга!
Все ли слезы проливать?
Все ли мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладный сонъ;
Имъ не милъ ужь голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ надгробны розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,

Дружбы искреннія слезы,
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ встрѣтилъ смертный часъ,
И блаженствомъ упоенный,
На груди твоей погасъ.
Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
Вѣрь любви: невинны мы.
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близь любовника не станетъ,
Вызывая спящій день.

XLI.

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
Какъ безпокоюсь я! Три ночи,
Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
— Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

XLII.

НАДПИСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

XLIII.

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ, остался я живымъ,
Но былъ ужь смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель — лѣкаремъ моимъ.

XLIV.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! Завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
Обиды, пѣсни, все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

XLV.

ЭКСПРОМТЪ НА А.

Въ молчаньѣ предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужь вѣрно не скажу,
Что̀ говоритъ воображенье.

XLVI.

О Н А.

— Печаленъ ты: признайся, что̀ съ тобой?
— Люблю, мой другъ! — Но кто жь тебя плѣнила?
— Она. — Да кто жь, Глицера ль, Хлоя, Лила?
— О, нѣтъ! — Кому жь ты жертвуешь душой?
— Ахъ, ей! — Ты скроменъ, другъ сердечной!
Но почему жь ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно....
— Не то, мой другъ! — Но что жь? — Я ей не онъ!

XLVII.

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ,
Онъ пѣсни пишетъ зло;
Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

XLVIII.

НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

XLIX.

— Скажи, что̀ новаго? — Ни слова.
— Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?
— О братецъ, отвяжись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужь не ново.

L.

ЭПИГРАММЫ НА ПУЧКОВУ.

1.

Пучкова, право, не смѣшна:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

2.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва,
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Ева,
Хлопочешь ты о женихѣ.

3.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ.

1817.

1817.

I.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что̀ значатъ радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онъ приближается.... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О, радость! Полныя тобой
Дрожатъ, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалой.
Эванъ, эвое! Дайте чаши,
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О, часъ отрадный!
Державный тирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течетъ. Его младые тигры

Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ эроты, игры
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ, и сатировъ рой;
Плющемъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Во слѣдъ за быстрой колесницей —
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ оступившись упадаетъ
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаетъ
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный:
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межь ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,

Волшебной пляской топчутъ лугъ:
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ,
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: «Счастіе лови!»
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ;
Махая тирсами, несутся;
Ужь издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на бой, отважные бойцы!

II.

СНОВИДѢНІЕ.

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя,
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ...
Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

III.

СТАНСЫ.

(Изъ Вольтера).

1 Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай же мнѣ минувши дни,
И мой разсвѣтъ соедини
Съ моей вечернею зарею.

2 Мой вѣкъ невидимо проходитъ;
Изъ круга смѣховъ и харитъ
Ужь время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ.

3 Предъ нимъ смириться должно намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Своимъ премѣнчивымъ годамъ,
Тотъ горесть ихъ одну имѣетъ.

4 Счастливцамъ рѣзвымъ, молодымъ
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья —
Одно разсудку отдадимъ.

5 Уже ль на вѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней,
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей?

6 Намъ должно дважды умирать.
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ —
Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что̀ значитъ послѣ — не дышать?

7 На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ сладостной мечты.

8 Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

9 Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней
И вслѣдъ пошелъ... но лилъ я слезы,
Что могъ идти во слѣдъ лишь ей.

IV.

ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И врéмя дважды передвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ счастливой тишинѣ природы
Когда не спитъ одна любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я нѣмые своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро Аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря,
И я въ обители твоей!..
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
По воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ устамъ
Узнай любовника... Настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если бъ умирали
Съ восторговъ нѣги и любви!

V.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть!
Пусть чернь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что̀ отымется у ней.

VI.

КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

Прекрасная! Пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ россійскій полубогъ.
Что̀ съ участью твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его, — здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

VII.

COUPLETS.

1 Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

2 Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit:
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

3 Amis, la vie est un passage,
Et tout s'écoule avec le temps!
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape,
C'est pour toujours, adieu l'espoir!

On ne dit pas des qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

4 Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va là-haut
Souvent — le cas n'est pas si rare —
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes,
Et le squelette horrible et noir
S'en va, frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

5 Mais quoi? Je sens que je me lasse,
En lassant mes chers auditeurs...
Allons, je descends du Parnasse,
Il n'est pas fait pour les chanteurs.
Pour des couplets mon feu s'allume
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez.... adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

VIII.

ИМЕНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость,
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Именинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Именинникъ буду я?

IX.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Что̀ можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй.
Подумавъ, я скажу все то же.

X.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской:
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ,
А здѣсь онъ — офицеръ гусарской.

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ.
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
И всюду онъ гусаръ.

XII.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Х. МОЛОСТВОВА.

Не большой онъ русскій баринъ,
Дуракомъ онъ не былъ въ вѣкъ,
Онъ татаринъ, онъ татаринъ,
Онъ не русскій человѣкъ.

XIII.

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшенъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшенъ и юноша степенной.
Пока живется намъ, живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

XIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья;
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
Кто вспомнитъ тайныя свиданья,
Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ свой легкій слѣдъ.

XV.

ПОРТРЕТЪ.

Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ,
Поэтъ, писецъ и воинъ.
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой, —
И въ мигъ онъ дипломатикъ.

XVI.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ: несносенъ Фирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный;
Онъ важно судитъ обо всемъ,
Всего онъ знаетъ по немногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу!

XVII.

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Маракетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ Лету
Бухъ!

XVIII.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью!
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О, милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ —
И лира стала мой удѣлъ!
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ, изчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

XIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа безсмертна, слова нѣтъ;
Моимъ стихамъ удѣлъ неравный:
И пѣсни музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ,
Погибнутъ смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній!
Не властны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежный вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленный;
Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

XX.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что̀ было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ, она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О, милый, вѣченъ онъ.

XXI.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ —
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлѣчима.

XXII.

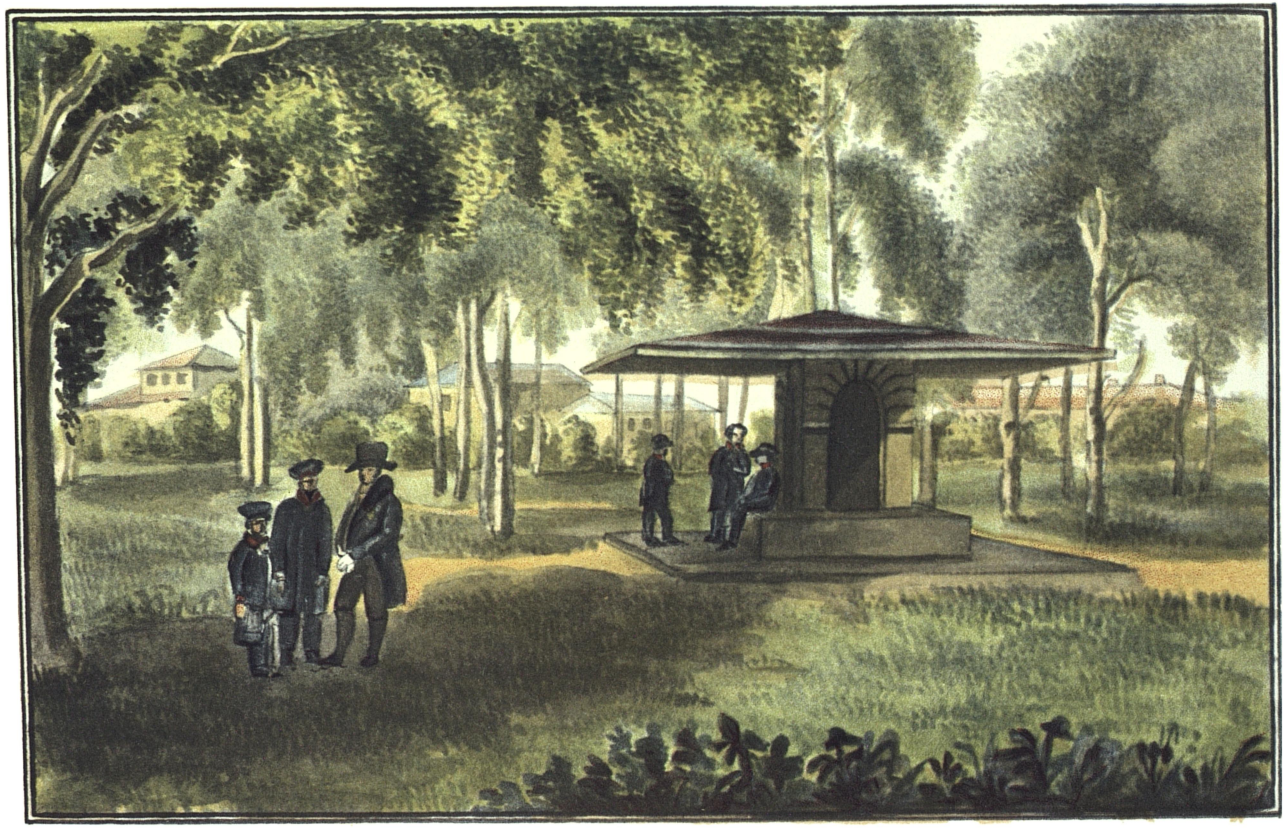
РАЗЛУКА.

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни, милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья!
Прошли лѣта соединенья,
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья,
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я — въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли бре́гахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

XXIII.

ТОВАРИЩАМЪ.

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И всякъ избралъ свою дорогу
Съ волненьемъ гордыхъ юныхъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ,
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я, судьбѣ во всемъ послушный,
Счастливой лѣни вѣрный сынъ,
Всегда безпечный, равнодушный,
Я тихо задремалъ одинъ.



Видъ Грибка въ Царскосельскомъ саду.
(Рукопись Я. К. Грота).

Равны мнѣ писари, уланы,
Равны законы, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте мирный мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

XXIV.

ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца:
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго пѣвца;
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: «Перестань, болтунъ,
«Будь человѣкъ, а не драгунъ!
«Парады, караулъ, ученье —
«Все это оды не внушитъ,
«А только душу изсушитъ,

«И къ Марину для награжденья,
«Быть можетъ, прямо за Коцитъ,
«Пошлютъ читать его творенья».
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ
Ты съ дипломатикой косой!
«Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ....
«Оставь военные грѣхи
«И въ сладостяхъ успокоенья
«Пиши сенатскія рѣшенья
«И пятистопные стихи;
«И не съ гусарскаго корнета,
«Возьми примѣръ съ того поэта,
«Съ того, котораго рука
«Нарисовала Ермака
«Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта
«И плѣнъ могучаго Махмета,
«И мужа модные рога,
«Который, милостію Бога,
«Министръ и сладостный пѣвецъ,
«Былъ строгой чести образецъ,
«Какъ образецъ онъ будетъ слога»...
Все такъ, почтенный дядя мой,
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры;
Уменъ, кто хитрости рукой
Переплетаетъ межь собой
Дипломатическіе вздоры
И правитъ нашею судьбой.
Смѣшенъ, конечно, мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ.
Что̀ восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,

Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что̀ завиднѣй краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что̀ скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межь вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я.
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ,
Заботы знатному народу,
Дурачества для всѣхъ, а намъ —
Уединенье и свободу.

XXV.

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите въ ужасѣ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ!
Смирите гордости жестокой изступленье:
Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье.
Съ душою тронутой внемлите брата стонъ!
Несчастный — не злодѣй, собою страждетъ онъ.
Кто въ мірѣ усладитъ души его мученья?
Увы, онъ перваго лишился утѣшенья!

Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ,
Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обниметъ онъ измѣну
И ихъ почувствуетъ обманчивую цѣну,
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ
Ужь видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.

Несчастія, страстей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день, всечасное волненье;
Когда, холодной тьмой объемля грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ;
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ раскованной душой,
О, вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ», говоритъ, — «назначено свиданье».

А онъ, слѣпой мудрецъ, при гробѣ стонетъ онъ;
Съ отрадой бытія несчастный разлученъ,
Надежды сладкаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?..
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ нѣжной Деліи таится пепелъ милой?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Въ слезахъ отчаянья, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья
Рыдаетъ! И межь тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжной.
Одна, туманною луной озарена,

Какъ ангелъ горести является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ...
Все тихо вкругъ его, а кажется, внимаетъ.
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Качаетъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ.

Во храмъ ли Вышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ онъ тоску души своей:
При пышномъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрія мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый къ умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
«Счастливцы», мыслитъ онъ, — «почто не можно мнѣ,
«Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
«Забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ,
«Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ?»
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему блаженство знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ вождь унылый,
Влечетъ несчастнаго до хладныхъ вратъ могилы.
И что̀ зоветъ его въ пустынѣ гробовой —
Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.

XXVI.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о, дни моей весны,
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ безмятежной,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, унынie разлуки,
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки!
Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ
И — слезы на глазахъ — со славою прощался.
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость;
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова разцвѣло! Я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель,

Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель....
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ.

XXVII.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій выпулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паденья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія[1]),
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ,
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ;
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный[2]),
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
А ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священный?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молненной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла!
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья,

1) Карамзинъ.
2) Державинъ.

Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья!
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя;
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
Смѣхъ общій — имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
Во мглѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ на груды сѣлъ и прозы, и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы.
Съ улыбкой внемлетъ вой стопосложитель хилый;
Предъ нимъ растерзанный стонаетъ Телемахъ;
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактилы тугіе.
Ретивой музою прославленный пѣвецъ,
Гордись! Ты Мевія надутый образецъ.
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ:
Онъ, онъ подъ риѳмою попралъ и вкусъ, и умъ!
Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?

Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье россіанъ, полунощное диво? [1])
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужь на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что̀ могъ онъ передать?
Страшилась грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
Явится Депрео — изчезнетъ Шапеленъ.
И что жь? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное:
Невѣжду пѣстуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Готъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ....
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,

---

1) Ломоносовъ.

Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы
Въ счастливой ереси и вкуса, и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины — поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона.
Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ: и Фебъ, и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ.
Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ!...
Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужь Мевій па меня нахмурился ужасно
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть — уже ль и мой удѣлъ?
Что̀ нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою!
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! Что̀ крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава — имъ же стыдъ, творенья — смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

XXVIII.

Простите, вѣрныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ — сладкое мечтанье! —
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума.

XXIX.

Е. С. ОГАРЕВОЙ, КОТОРОЙ М . . . . . ТЪ ПРИСЛАЛЪ ПЛОДОВЪ ИЗЪ СВОЕГО САДА.

1 М . . . . . ть, хвастунъ безстыдной,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ:
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.

2 Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ м . . . . . та
И пылъ желанья въ немъ родитъ,

3 И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

XXX.

А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
Поповъ, евреевъ и сиротъ,
Но слишкомъ счастливый гонитель
И езуитовъ, и глупцовъ,
И лѣности моей безплодной,
Всегда безпечной и свободной,
Подруги благодатныхъ сновъ!
Къ чему смѣяться надо мною,
Когда я слабою рукою
На лирѣ съ трепетомъ бренчу
И лишь изнѣженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
Въ струнахъ незвонкихъ нахожу?
Душой предавшись наслажденью
Я сладко-сладко задремалъ.
Одинъ лишь ты съ глубокой лѣнью
Къ трудамъ охоту сочеталъ;
Одинъ лишь ты, любовникъ страстной
И С . . . . . й, и креста *),

*) Креста, сирѣчь не Аннинскаго и не Владимірскаго, а честнаго и животворящаго.

То ночью прыгаешь съ прекрасной,
То проповѣдуешь Христа.
На свадьбахъ и въ Библейской залѣ,
Среди веселій и заботъ,
Роняешь Лунину на балѣ,
Подъемлешь трепетныхъ сиротъ;
Лѣнивецъ милый на Парнасѣ,
Забывъ любви своей печаль,
Съ улыбкой дремлешь въ Арзамасѣ
И спишь у графа де-Лаваль.
Нося мучительное бремя
Пустыхъ и тяжкихъ должностей,
Одинъ лишь ты находишь время
Смѣяться лѣности моей.
Не вызывай меня ты болѣ
Къ на вѣкъ оставленнымъ трудамъ,
Ни къ поэтической неволѣ,
Ни къ обработаннымъ стихамъ.
Что нужды, если и съ ошибкой,
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь безпечную мою
Воспламенитъ и успокоитъ!
А трудъ и холоденъ, и пустъ:
Поэма никогда не стоитъ
Улыбки сладострастныхъ устъ.

8-го ноября.

XXXI.

КЪ ***

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ.
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужь не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужь не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется унынiе одно.

27-го ноября.

XXXII.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: «Въ отечествѣ моемъ
«Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
«Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
«Возвышенной и пламенно-свободной?
«Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
«Но съ огненной, плѣнительной, живой?
«Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
«Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
«Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?..»
Отечество почти я ненавидѣлъ,
Но я вчера Голицыну увидѣлъ —
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30-го ноября.

XXXIII.

Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься не досугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жь утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

Декабрь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пушкинъ началъ писать стихи еще до поступленія въ лицей (то-есть, до 1811 года), десяти-одиннадцати лѣтъ, когда жилъ съ родителями въ Москвѣ; но то были стихи французскіе, ибо въ семействѣ Пушкиныхъ безраздѣльно господствовало французское образованіе, и мальчикъ съ очень раннихъ лѣтъ свободно владѣлъ французскимъ языкомъ. Въ это время Пушкинъ сочинилъ шуточную поэму въ шести пѣсняхъ, подъ названіемъ „La Tolyade“, въ которой воспѣвалась война карловъ съ карлицами при королѣ Дагобертѣ, и Толи, карло послѣдняго, былъ выставленъ героемъ поэмы. Она начиналась слѣдующими стихами:

Je chante ce combat que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Mathurin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

Гувернантка сестры поэта Ольги Сергѣевны похитила тетрадку съ этою поэмой и отдала гувернеру его Русло; тотъ расхохотался при чтеніи первыхъ стиховъ поэмы, вслѣдствіе чего обиженный авторъ немедленно бросилъ свое произведеніе въ огонь. Кромѣ поэмы, Пушкинъ со-

чинилъ тогда же комедію „L'Escamoteur", которую самъ и разыгралъ передъ сестрою, но эта единственная зрительница—она была на годъ старше брата—не одобрила піесы, и авторъ самъ подвергъ себя осмѣянію въ слѣдующей эпиграммѣ:

— Dis-moi, pourquoi «L'Escamoteur»
Est-il sifflé par le parterre?
— Hélas, c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Оба приведенныя стихотворенія сохранились только въ памяти О. С. Павлищевой, которая и сообщила ихъ П. В. Анненкову (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. I, стр. 13 и 14); но такъ какъ ничто не ручается за точность ихъ текста, то и признано было возможнымъ дать имъ мѣсто только въ примѣчаніяхъ.

Русскіе стихи Пушкинъ сталъ писать лишь со времени поступленія въ лицей, открытый 19-го октября 1811 года. Объ одномъ изъ первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина, по крайней мѣрѣ первомъ, сдѣлавшемся извѣстнымъ его преподавателю, профессору русской и латинской словесности Н. Ѳ. Кошанскому, сохранился слѣдующій любопытный разсказъ въ запискахъ лицеиста И. И. Пущина: „Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: „Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами". Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812" (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и исто-

рико-литературные очерки. С.-Пб. 1899, стр. 56). Въ числѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина есть одно, озаглавленное „Роза“, но оно совершенно не соотвѣтствуетъ описанной Пущинымъ задачѣ Кошанскаго, и притомъ относится уже къ 1815 году. По свидѣтельству В. П. Гаевскаго („Пушкинъ въ лицеѣ“ — *Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 134), другіе товарищи Пушкина припоминали, что еще раньше разсказаннаго Пущинымъ случая онъ, въ состязаніи съ лицеистомъ А. Д. Илличевскимъ, написалъ какую-то рыцарскую балладу во вкусѣ Жуковскаго, но и этотъ опытъ не уцѣлѣлъ. Изъ сохранившихся лицейскихъ стихотвореній Пушкина самыя раннія относятся къ 1812 году, и въ исторіи происхожденія перваго изъ нихъ — „Пѣсни“ — имя автора опять связывается съ именемъ Илличевскаго (см. ниже, стр. 18 и 19, примѣчаніе къ этой піесѣ). Какъ бы то ни было, склонность къ писанію стиховъ обнаружилась у Пушкина очень рано и вскорѣ сдѣлалась предметомъ горячаго увлеченія. Одинъ изъ товарищей отрока-поэта С. Д. Комовскій въ своихъ воспоминаніяхъ очень живо изображаетъ его въ моментъ сочиненія стиховъ: „Поэтъ нашъ, удаляясь нерѣдко въ уединенныя залы лицея или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насупя брови и надувъ губы, съ искусаннымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы усиленно боролся иногда съ прихотливою кокеткою музою, а между тѣмъ мы всѣ видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій стихъ его вылеталъ подобно „пуху изъ устъ Эола“ (*Гротъ*. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. С.-Пб. 1899, стр. 222). Отъ 1813 года по какой-то случайности не извѣстно ни одной піесы Пушкина; но въ 1814 году, какъ и позже, стихотворенія Пушкина считаются уже десятками; кромѣ того, имѣются извѣстія о нѣсколькихъ крупныхъ произведеніяхъ въ стихахъ или прозѣ, задуманныхъ или начатыхъ имъ около того же времени, но не доведенныхъ

до конца и потомъ уничтоженныхъ (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. I, стр. 23).

Литературныя упражненія воспитанниковъ вообще поощрялись лицейскимъ начальствомъ и преподавателями, и еще въ концѣ 1811 года появился среди лицеистовъ первый рукописный журналъ, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ рядъ другихъ, замѣненныхъ впослѣдствіи неперіодическими сборниками. Пушкинъ былъ усерднымъ ихъ вкладчикомъ по части стиховъ. Впослѣдствіи у нѣкоторыхъ лицеистовъ перваго выпуска (графа М. А. Корфа, Ѳ. Ѳ. Матюшкина) хранились тетрадки и отдѣльные листки изъ этихъ сборниковъ. П. В. Анненковъ, В. П. Гаевскій и Я. К. Гротъ еще имѣли случай разсмотрѣть ихъ и извлечь изъ нихъ ранніе поэтическіе опыты Пушкина; но мы по обстоятельствамъ, отъ насъ не зависѣвшимъ, уже не могли ознакомиться съ ними и видѣли только очень немногіе листки составленнаго Илличевскимъ сборника „Лицейская Антологія“, перешедшіе къ Я. К. Гроту отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

Въ 1814 — 1815 годахъ страсть къ писанію стиховъ на столько овладѣла Пушкинымъ, что въ одномъ изъ тогдашнихъ своихъ стихотвореній онъ прямо называетъ себя „метроманомъ“. Въ 1814 году онъ уже началъ печататься, а въ 1815 ему, по видимому, вздумалось даже подвести итогъ своей стихотворной дѣятельности: отъ этого года сохранился собственноручно имъ написанный перечень его стихотвореній — первый образецъ тѣхъ перечней, которые любилъ составлять Пушкинъ, и которыхъ немалое число встрѣчается въ его черновыхъ тетрадяхъ. Приводимъ здѣсь этотъ перечень 1815 года[1]):

---

1) Черты, проведенныя послѣ заглавій: „Къ Жуковскому“, „Къ Галичу“ и „Пущину“, означаютъ, что Пушкинъ имѣлъ въ виду еще стихотворенія подъ тѣми же заглавіями; значеніе звѣздочекъ, выставленныхъ при нѣкоторыхъ заглавіяхъ, намъ не извѣстно.

1 ЧАСТЬ.

Посланія.

Къ Александру.
Къ Жуковскому.
———————*
Къ Батюшкову.
Къ Галичу.
———————
Дельвигу.*
Дельвигу.
Сестрѣ.*
Бонапарте.*
Къ Юдину.
Пущину.
———————
Ломоносову.
Трубецкому.
Лицинію.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лѣнь.
Друзьямъ.
Шишкову.
Актрисѣ.
[Завѣщаніе] [1]).

Лирическія.

Наполеонъ на Эльбѣ.
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.
Оранскому принцу.
Пѣвецъ.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальда.
Двѣ пѣсни.
Пирующіе студенты.

XV элегій.
Эпиграммы. Надписи.
Картины.
Леда.

Перечень этотъ помѣщенъ на оборотѣ листа, на которомъ Пушкинъ переписалъ свое стихотвореніе 1814 года „Пирующіе студенты“, и вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ автографа, хранится въ составѣ Пушкинской коллекціи Александровскаго лицея [2]). Совершенно полнымъ онъ на-

1) Въ прямыя скобки заключено слово, зачеркнутое въ подлинникѣ.

2) Факсимиле съ собственноручнаго перечня стихотвореній Пушкина, а также съ піесы „Пирующіе студенты“ по автографу, принадле-

званъ быть не можетъ: найдется еще рядъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ 1814 и 1815 годахъ и не внесенныхъ въ этотъ перечень; за то въ немъ содержатся указанія на такія піесы молодого поэта, которыя вовсе не сохранились, и о которыхъ никакихъ другихъ свѣдѣній не имѣется; таковы именно: посланія къ Бонапарте, къ князю Трубецкому и къ Шишкову и піеса „Ринальда"; подъ „Картинами" слѣдуетъ, конечно, разумѣть переводъ изъ Парни „Фавнъ и пастушка": въ подлинникѣ эта піеса принадлежитъ къ ряду тѣхъ, которыя озаглавлены: „Les déguisements de Vénus. *Tableaux* imités du grec".

Къ 1817 году у Пушкина уже набрался столь значительный запасъ стихотвореній, что онъ рѣшился соединить ихъ въ одну тетрадь. Тетрадь эта сохранилась и составляетъ первый нумеръ въ ряду тѣхъ Пушкинскихъ рукописей, которыя въ 1880 году старшій сынъ поэта А. А. Пушкинъ принесъ въ даръ Московскому Публичному музею. По каталогу послѣдняго она значится подъ № 2364. Это — большая книга въ листъ, переплетенная въ картонныя доски съ краснымъ кожанымъ корешкомъ. Всѣхъ листовъ въ ней 81; на первомъ изъ нихъ надпись рукой поэта: „Стихотворенія Александра Пушкина. 1817". Со 2-го листа по 41-й включительно идутъ начисто переписанныя его стихотворенія юношескаго возраста, но съ поправками и отмѣтками болѣе поздняго времени, вѣроятно, 1825 года. Бо́льшая часть стихотвореній переписана самимъ авторомъ, но нѣкоторыя — другими почерками; въ числѣ послѣднихъ можно узнать руки А. Д. Илличевскаго, И. И. Пущина и барона А. А. Дельвига Начиная съ 42-го листа, въ тетради слѣдуютъ наброски разныхъ стихотвореній, писанныхъ

жащему лицею, приложенъ къ брошюрѣ: 29 января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. С.-Пб. 1887.

9

(Рукопись Моск. Публ. музея № 2364, л. 1).

позже 1817 года. Подробное полистное описаніе этой тетради сдѣлано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLI, стр. 425 — 436 и 647 — 662.

И эта рукопись не содержитъ въ себѣ всѣхъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ теченіе его пребыванія въ лицеѣ. Тѣмъ не менѣе она послужила главнымъ источникомъ, изъ котораго въ посмертномъ изданіи 1838—1841 годовъ (т. IX, стр. 243 — 449) составленъ отдѣлъ такъ-называемыхъ „лицейскихъ стихотвореній"; послѣдующія изданія значительно измѣнили составъ этого отдѣла, отчасти пополнивъ его, отчасти исключивъ изъ него піесы, неправильно сюда помѣщенныя въ посмертномъ изданіи; но названіе „лицейскихъ стихотвореній" осталось неизмѣнно усвоеннымъ этимъ раннимъ опытамъ Пушкинской музы. При жизни своей самъ авторъ постоянно уклонялся отъ печатанія своихъ юношескихъ произведеній и отъ перепечатки тѣхъ его стихотвореній, которыя попадали въ журналы въ годы его ученья. Тѣмъ болѣе негодовалъ онъ въ періодъ своей зрѣлости, если встрѣчалъ въ альманахахъ свои стихотворенія юношеской поры напечатанными съ какихъ-то невѣрныхъ списковъ и, разумѣется, безъ его разрѣшенія. Въ 1825 году, подготовляя къ печати первый сборникъ своихъ лирическихъ піесъ, Пушкинъ тщательно просмотрѣлъ тетрадь 1817 года и сдѣлалъ въ ней много отмѣтокъ и исправленій, но весь этотъ трудъ разрѣшился тѣмъ, что надъ пересмотрѣнными стихотвореніями явились надписи: „не надо", „передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу" и т. п., и лишь кое-гдѣ было отмѣчено: „переписать" [1]). Въ концѣ концовъ въ первый печатный сборникъ

1) Пріятели Пушкина, по его примѣру, усвоили себѣ нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ его лицейскимъ стихотвореніямъ; такъ, напримѣръ, въ 1841 году, когда печатались дополнительные томы къ посмертному изданію его произведеній, и въ одинъ изъ нихъ должны

(1826 года) вошло очень немногое изъ тетради 1817 года, и какъ уже сказано выше, ею впервые воспользовалось только посмертное изданіе. Замѣтимъ при этомъ, что оно всегда воспроизводило изъ вышеозначенной тетради первоначальный текстъ стихотвореній и рѣшительно отвергало сдѣланныя въ немъ въ 1825 году исправленія. Впослѣдствіи П. В. Анненковъ и редакторъ изданія литературнаго фонда П. О. Морозовъ имѣли случай сличить текстъ лицейскихъ стихотвореній, данный въ IX-мъ томѣ посмертнаго изданія, съ тетрадью 1817 года, но приняли во вниманіе далеко не всѣ позднѣйшія поправки, встрѣчающіяся въ этой рукописи. Напротивъ того, въ настоящемъ изданіи всѣ эти исправленія введены въ текстъ, а первоначальная редакція соотвѣтствующихъ стиховъ отнесена въ примѣчанія.

Кромѣ означенной тетради, принадлежавшей самому Пушкину, товарищи поэта еще на школьной скамьѣ стали собирать его стихотворенія и вписывать ихъ въ особые сборники вмѣстѣ съ произведеніями другихъ лицейскихъ авторовъ. Прекрасный образецъ такихъ сборниковъ представляетъ тетрадь, принадлежавшая лицеисту перваго выпуска М. Л. Яковлеву, а нынѣ составляющая собственность Т. Б. Сѣмечкиной, дочери лицеиста второго выпуска Б. К. Данзаса. Эта рукопись въ 4-ю долю листа, въ 153 страницы, въ картонномъ переплетѣ зеленаго цвѣта, съ заглавнымъ листомъ, на которомъ читается слѣдующая

были войти эти ранніе его опыты, П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту: „Теперь готовятся еще два тома его сочиненій, не вошедшихъ въ прежніе восемь, гдѣ, впрочемъ, много и ничтожнаго, особливо такъ-называемыхъ лицейскихъ стиховъ“ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I, стр. 232). — Предпринявши въ 1825 году исправленіе своихъ раннихъ опытовъ, Пушкинъ не всегда доводилъ до конца передѣлку той или другой піесы; случалось, напримѣръ, что онъ зачеркивалъ какой-либо неудачный стихъ, но не замѣнялъ его новымъ, и вслѣдствіе того другой стихъ оставался безъ парной строки съ соотвѣтствующею риемой. Примѣры такихъ недосмотровъ будутъ указаны ниже.

надпись: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ. 20 сентября 1833 г.“; текстъ этой рукописи писанъ, судя по почерку, гораздо ранѣе вышеприведеннаго заглавія, и самая бумага тетради сильно отличается отъ заглавнаго листа. Въ этой тетради помѣщены лицейскія стихотворенія Пушкина, А. А. Дельвига, А. Д. Илличевскаго и Н. А. Корсакова; Пушкину принадлежитъ здѣсь 25 піесъ, и въ числѣ ихъ есть нѣсколько не находящихся въ вышеупомянутой тетради самого автора. Для настоящаго изданія принадлежащая г-жѣ Сѣмечкиной рукопись дала лишь очень небольшое количество варіантовъ. Другая рукописная тетрадь, подобная „Духу лицейскихъ трубадуровъ“, была въ рукахъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, также лицеиста перваго выпуска; она относилась къ 1817 году и была озаглавлена: „Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго лицея; гдѣ теперь эта тетрадь — не знаемъ, но мы имѣли въ рукахъ ея описаніе, составленное лѣтъ двадцать тому назадъ И. П. Хрущовымъ, и изъ этого описанія извлекли нѣсколько данныхъ, сообщаемыхъ ниже въ настоящихъ примѣчаніяхъ.

Будучи изданы только въ 1841 году, когда уже были обнародованы почти всѣ зрѣлыя произведенія Пушкина, лицейскія его стихотворенія могли быть разсматриваемы и цѣнимы только съ исторической точки зрѣнія. С. П. Шевыреву одному изъ первыхъ пришлось высказаться по этому поводу, и въ своей статьѣ о посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина онъ писалъ объ его лицейскихъ стихотвореніяхъ слѣдующее: „Въ Перуджіи, школѣ младенца Рафаэля, есть знаменитый Pallazzo del cambio, и въ немъ зала, расписанная Петромъ Перуджинскимъ и его учениками. Здѣсь пеленки и колыбель живописца Рафаэля: здѣсь въ первый разъ является кисть отрока-генія, и между трудами другихъ учениковъ вы стараетесь отгадать то, что̀ принадлежитъ вдохновенному. Съ какимъ чувствомъ

смотришь на первые опыты этой кисти, которая была назначена для Мадонны и Преображенія! Съ чувствомъ еще сильнѣйшимъ перечитывали мы лицейскія стихотворенія Пушкина: это его пеленки, его колыбель, гдѣ развивалось могучее младенчество поэта. Это его школа, изъ которой яснѣетъ намъ все первоначальное его развитіе. Къ этому присоединяются и воспоминанія о нашей собственной юности и всего поколѣнія, намъ современнаго: сколько тутъ стиховъ, которые мы помнили наизусть въ прежнее время! Всѣ мы, хотя воспитанные совершенно иначе, праздновали юность свою подъ вліяніемъ музы Пушкина.... Эти стихотворенія замѣняютъ намъ записки объ юности Пушкина. Здѣсь, въ его пѣсняхъ и сердечныхъ дружескихъ изліяніяхъ, можно видѣть, какъ буйно, шумно и весело она развивалась. Какой свободный разгулъ во всѣхъ ея грѣхахъ и шалостяхъ! Какъ все это естественно и вѣрно! Въ ней нѣтъ ни мрачнаго раздумья, ни преждевременнаго разочарованія, ничего, что̀ могло бы рѣзко противорѣчить ея природѣ“ (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 253 и 254). Три года спустя, постоянный антагонистъ Шевырева В. Г. Бѣлинскій высказалъ о лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина сужденіе, близкое къ только что приведенному: „Лицейскія стихотворенія Пушкина, кромѣ того, что показываютъ, при сравненіи съ послѣдующими его стихотвореніями, какъ скоро выросъ и возмужалъ его поэтическій геній, особенно важны еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ видна историческая связь Пушкина съ предшествовавшими ему поэтами; изъ нихъ видно, что онъ былъ сперва счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова, прежде чѣмъ явился самостоятельнымъ мастеромъ.... Лицейскія стихотворенія не богаты поэзіей, но часто удивляютъ красотой и изяществомъ стиха. Фактура этого стиха совсѣмъ не Пушкинская; она принадлежитъ Жу-

ковскому и Батюшкову. Далеко уступая этимъ поэтамъ въ поэзіи, Пушкинъ — едва шестнадцатилѣтній юноша — иногда не только не уступалъ имъ въ стихѣ, но еще едва ли не смѣлѣе и не бойчѣе владѣлъ имъ“ (*Отечеств. Записки* 1843 г., т. XXXI; Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 309 и 310).

Впослѣдствіи было обращено вниманіе преимущественно на біографическое значеніе лицейскихъ стихотвореній, и въ 1855 году П. В. Анненковъ писалъ о нихъ слѣдующее: „Не говоря уже объ интересѣ, который связывается даже съ незрѣлыми произведеніями истиннаго художника, они способствуютъ еще къ уразумѣнію нравственной его физіономіи въ извѣстную эпоху жизни. За неимѣніемъ ближайшихъ свѣдѣній, погибающихъ вмѣстѣ съ людьми и даже прежде людей, эти данныя имѣютъ сами по себѣ немаловажное достоинство“ (Сочиненія Пушкина, изд. *Анненкова*, т. I, стр. 27).

Но особенно ярко очерчено значеніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина для исторіи его жизни и творчества въ статьѣ Я. К. Грота, изданной въ 1887 году. Самъ старый лицеистъ, хорошо знакомый съ преданіями Пушкинскаго времени, онъ съ особенною любовью останавливался на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. „Конечно“, говорилъ Гротъ, — „послѣдующія произведенія его гораздо зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ. Мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе. Если намъ вообще дороги подробности о дѣтствѣ и юности замѣчательнаго человѣка, то тѣмъ болѣе цѣнны впечатлѣнія и мысли, имъ самимъ выраженныя въ этомъ возрастѣ. Кромѣ того,

лицейскія стихотворенія Пушкина заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что періодъ его воспитанія въ Царскомъ Селѣ нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности".

Переходя затѣмъ къ ближайшей характеристикѣ лицейскихъ стихотвореній, Гротъ говоритъ: „Прежде всего насъ поражаетъ масса того, что̀ написано Пушкинымъ въ лицеѣ: его стихотворенія этой эпохи, числомъ около 130, составляютъ цѣлую порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишенные поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, дружное соединеніе столькихъ молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необыкновенное. Эти отроки на 14-мъ и 15-мъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Къ образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства.... Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературной жизни въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ, и безъ него это направленіе, конечно, не достигло бы тамъ такого поразительнаго развитія. Можно сказать, что Пушкинъ, поступая въ лицей двѣнадцати лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ уже былъ литераторомъ: съ девятилѣтняго возраста онъ зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился съ извѣстнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ". Въ подтвержденіе своего мнѣнія о раннемъ литературномъ развитіи Пушкина и о вліяніи его на товарищей въ этомъ отношеніи Гротъ приводитъ слѣдующія слова изъ письма лицеиста Илличевскаго, писаннаго въ

мартѣ 1812 года, то-есть, чрезъ полгода по открытіи лицея: „Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ *одного молодого человѣка*, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса“. „Этимъ учителемъ своихъ товарищей“, добавляетъ Гротъ, — „былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они невольно смотрѣли какъ на старшаго“. Какъ извѣстно, Пушкинъ учился въ лицеѣ плохо, но — замѣчаетъ Гротъ, приводя слова Плетнева, — „не смотря на видимую свою невнимательность, „изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе, нежели его товарищи“. Особенно же вознаграждалъ онъ недостатки преподаванія и приготовленія уроковъ чтеніемъ и при своей необыкновенной памяти быстро усвоивалъ себѣ навсегда все пріобрѣтенное этимъ путемъ. „Читая его лицейскія стихотворенія“, продолжаетъ Гротъ, — „мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много, и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще свойственной геніальнымъ умамъ способности угадывать то, что̀ людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединились къ сказаннымъ свойствамъ“.

Я. К. Гротъ отмѣчаетъ также тѣ положительныя знанія, отраженіе которыхъ можно найти въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Здѣсь должно быть прежде всего указано знакомство юнаго поэта съ греческимъ и римскимъ міромъ. „Еще въ родительскомъ домѣ“, говоритъ Гротъ, — „до поступленія въ лицей, онъ прочелъ

въ переводѣ Битобѣ всю „Иліаду“ и „Одиссею“. А въ лицеѣ Пушкинъ слушалъ Кошанскаго, который, „объясняя на своихъ урокахъ поэтическія произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ исторіи литературы и миѳологіи“ и употреблялъ для того „Ручную книгу древней классической словесности“ Эшенбурга, имъ переведенную и изданную въ 1817 году. „Такимъ образомъ“, по мнѣнію Грота, „намъ становится яснымъ, почему Пушкинъ еще въ лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній“. Другую область, въ которой еще въ стѣнахъ лицея Пушкинъ является съ твердыми свѣдѣніями, составляетъ русское слово. „Необыкновенное знаніе родного языка“, замѣчаетъ Гротъ, — „поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова; но Пушкинъ скоро придалъ ему еще бо̀льшую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Замѣтимъ, что въ самомъ постановленіи о преподаваніи въ лицеѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности, но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. Наперекоръ имъ Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время“.

Въ заключеніе нашихъ извлеченій изъ статьи Я. К. Грота приведемъ еще слѣдующее его наблюденіе, вполнѣ справедливое: „По настроенію поэта лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла или двѣ эпохи: первая продолжается отъ 1812 года приблизительно до осени 1816, вторая — отъ этого времени до выпуска его въ іюнѣ 1817 года. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое направленіе, выражающееся въ

игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгой формой большей части стихотвореній“ (Пушкинъ и проч., стр. 5 — 11).

Моментомъ оставленія лицея въ іюнѣ 1817 года, собственно говоря, оканчивается лицейская пора творчества Пушкина. Но разумѣется, покидая лицей, онъ не сразу разстался съ литературными пріемами, которые употреблялъ въ то время: ихъ можно замѣтить въ его произведеніяхъ въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ. Поэтому въ I-мъ томѣ настоящаго изданія сочтено было возможнымъ вслѣдъ за стихотвореніями, написанными Пушкинымъ въ первой половинѣ 1817 года, то-есть, до выхода его изъ лицея, помѣстить и тѣ немногія піесы, которыя вылились изъ-подъ его пера во второй половинѣ того же года, хотя ихъ и нельзя уже назвать „лицейскими“.

1812.

I.

ПѢСНЯ.

(Стр. 3).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ автографѣ Пушкина, сохранившемся въ бумагахъ Я. К. Грота; кромѣ того, другая рукопись этой піесы, писанная рукой А. Д. Илличевскаго, была извѣстна В. П. Гаевскому (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 158 и 159), но намъ осталась недоступною; третья рукопись, неизвѣстнаго почерка, находится въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной сборникѣ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ", стр. 37 и 38, подъ заглавіемъ: „Къ Деліи"; наконецъ, четвертая, позднѣйшая копія, писарскаго почерка, включена въ рукопись Московскаго Публичнаго музея № 2395, л. 714. —Впервые піеса напечатана, подъ заглавіемъ „Къ Деліи", въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 297 и 298, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній, съ пропускомъ стиховъ 4-го и 5-го въ 1-й строфѣ, а потому и съ нарушеніемъ смысла. Въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 207, піеса повторена въ томъ же видѣ и также отнесена къ лицейскому періоду, но при этомъ издатель выразилъ сомнѣніе въ принадлежности ея Пушкину (т. II, стр. 227). Полный текстъ піесы былъ впервые данъ Гаевскимъ по упомянутой выше рукописи Илличевскаго и изъ статьи Гаевскаго перешелъ во всѣ послѣдующія изданія сочиненій Пушкина; въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ автографа, впрочемъ вполнѣ согласный съ текстомъ Гаевскаго. Въ упомянутой статьѣ послѣдній

сообщаетъ также о годѣ сочиненія піесы, а равно нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ ея происхожденіи — со словъ лицейскихъ товарищей поэта. Пушкинъ раздумалъ оканчивать начатое стихотвореніе и бросилъ листокъ, на которомъ оно было написано; Илличевскій подобралъ его и дописалъ стихи. По сохранившемуся автографу можно было различить, что̀ въ стихотвореніи принадлежало Пушкину и что̀ — Илличевскому. Приводимъ дополненія послѣдняго, отмѣчая ихъ курсивомъ.

Строфа 2-я:

Ст. 3-й и 4-й: Гдѣ токъ *уединенный*
Сребристыя волны

Строфа 3-я:

Ст. 3-й: *И дремлютъ рощей сѣни*
„ 5-й: Летитъ, — *я весь горю желаньемъ.*
Спѣши, о, Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои.

Первая строфа „Пѣсни“ часто распѣвалась лицеистами на два голоса, подъ звуки гитары, на музыку, сочиненную лицеистомъ же Н. А. Корсаковымъ.

Общій характеръ стихотворенія, а также античное имя Деліи, предполагаютъ уже знакомство автора піесы съ латинскими лириками — Горацiемъ, Тибулломъ и съ ихъ французскими подражателями въ родѣ Парни. Гаевскій находилъ, что картина ночи въ „Пѣснѣ“ напоминаетъ своими выраженіями подобное же описаніе въ посланіи Жуковскаго къ Батюшкову, гдѣ между прочимъ читается:

Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ *дремлющія рощи,*
Или *покровомъ нощи*
Одѣянный *потокъ*
Въ водахъ являетъ *тѣни*
Недвижныхъ береговъ,

И *рощъ* безмолвныхъ *сѣни*,
И темный рядъ холмовъ.....

Но это посланіе появилось въ печати только въ 1813 году, въ *Вѣстникѣ Европы*, ч. LXIX, № 9, а написано было „въ маѣ 1812 г.“, какъ свидѣтельствовалъ самъ Жуковскій. Слѣдовательно, въ этомъ году оно могло дойти до лицеистовъ только въ рукописи, или же самая „Пѣсня“ набросана Пушкинымъ и отдѣлана Илличевскимъ уже въ 1813 году.

II.

ДЕЛІЯ.

(Стр. 4).

Стихотвореніе это извѣстно намъ по принадлежащему Т. Б. Сѣмечкиной рукописному сборнику „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стр. 41 и 42, и въ поздней копіи въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 915.—Напечатано оно впервые въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 295 и 296, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній. Время написанія опредѣляется по сродству піесы съ предшествующею.

III.

ИЗМѢНЫ.

(Стр. 5 — 7).

Рукопись этого стихотворенія находилась въ тетради графа М. А. Корфа, видѣнной П. В. Анненковымъ (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 91), но намъ оставшейся недоступною; кромѣ того, въ рукахъ В. П. Гаевскаго былъ списокъ второй половины этой же

піесы, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ С. Г. Ч.“ (Чирикову, одному изъ гувернеровъ лицея), сдѣланный другимъ лицейскимъ же гувернеромъ А. Н. Иконниковымъ. Такъ какъ послѣдній оставилъ лицей еще въ 1812 году (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 159), то можно думать, что и стихотвореніе „Измѣны“ написано Пушкинымъ не позже этого года. Анненковъ, въ своемъ изданіи (т. II, стр. 91), также относитъ эту піесу „къ самымъ первымъ опытамъ молодого автора“. — Напечатано стихотвореніе въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. IV, № 12, стр. 228 — 230, съ подписью: *1.... 17—14* и оттуда перешло въ изданіе *Анненкова*, т. II., стр. 57—60.

Анненковъ признаетъ это стихотвореніе за „образецъ подражаній произведеніямъ Карамзиной эпохи“; но вѣрнѣе будетъ сказать, что піеса представляетъ по формѣ и — въ первой половинѣ отчасти по содержанію — подражаніе слѣдующему стихотворенію Парни:

Dépit.

Oui, pour jamais
Chassons l'image
De la volage
Que j'adorais.
A l'infidèle
Cachons nos pleurs,
Aimons ailleurs;
Trompons comme elle.
De sa beauté
Qui vient d'éclore
Son coeur encore
Est trop flatté.
Vaine et coquette,
Elle rejette
Mes simples voeux:
Fausse et légère,
Elle veut plaire
A d'autres yeux.

Qu'elle jouisse
De mes regrets,
A ses attraits
Qu'elle applaudisse.
L'âge viendra;
L'essaim de Grâces
S'envolera,
Et sur leurs traces
L'Amour fuira.
Fuite cruelle!
Adieu l'espoir
Et le pouvoir
D'être infidèle.
Dans cet instant,
Libre et content,
Passant près d'elle,
Je sourirai,
Et je dirai:
«Elle fut belle».

Во второй половинѣ обоихъ стихотвореній обнаруживается полная противоположность между настроеніемъ Парни и юнаго русскаго поэта. У послѣдняго не хватило духу быть строгимъ къ своей красавицѣ и иронизировать надъ нею. Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что стихотвореніе имѣетъ реальную основу. По лицейскому преданію, піеса относится къ графинѣ Наталіи Викторовнѣ Кочубей (род. въ 1801 г., ум. 24-го января 1855), которая живала въ Царскомъ Селѣ (у ея отца была здѣсь дача) и посѣщала лицей. П. А. Плетневъ со словъ самого Пушкина разсказывалъ, что поэтъ изобразилъ графиню Н. В. Кочубей, когда она была уже въ замужествѣ за графомъ А. Г. Строгановымъ, въ XIV-й строфѣ VIII-й главы „Евгенія Онѣгина“:

Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ...

1814.

I.

КЪ СЕСТРѢ.

(Стр. 11 — 14).

Это стихотвореніе сохранилось въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ коихъ одинъ былъ въ рукахъ П. В. Анненкова, другой—у Е. И. Якушкина, а третій принадлежитъ нынѣ П. Я. Дашкову. Впрочемъ, всѣ эти списки имѣютъ, по видимому, одно происхожденіе — отъ сестры поэта О. С. Павлищевой; тѣмъ не менѣе, между ними есть нѣкоторыя различія; такъ, рукопись, принадлежащая П. Я. Дашкову, кое въ чемъ исправляетъ текстъ Анненкова; но одинъ пробѣлъ остается общимъ для всѣхъ списковъ, именно — послѣ ст. 13-го оказывается вездѣ пропускъ одного или нѣсколькихъ стиховъ. — Первоначально посланіе было напечатано въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 1 — 4, по имѣвшемуся у него списку, а затѣмъ Е. И. Якушкинъ изъ своей копіи сообщилъ нѣкоторыя дополненія къ тексту Анненкова въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., № 10, ст. 309; въ послѣдующія изданія сочиненій Пушкина посланіе было вносимо уже съ этими дополненіями. Въ настоящемъ изданіи посланіе печатается по списку, который принадлежитъ П. Я. Дашкову и составляетъ автографъ О. С. Павлищевой; въ виду столь авторитетнаго происхожденія этого текста представляется излишнимъ приводить варіанты изъ другихъ списковъ.

Посланіе „Къ сестрѣ“ составляетъ и по формѣ, и по

содержанію подражаніе тѣмъ такъ-называемымъ „дружескимъ“ посланіямъ, которыя въ то время сочинялись любимыми Пушкинымъ русскими поэтами. Въ 1811 году Батюшковъ сочинилъ, подъ заглавіемъ „Мои пенаты“, посланіе къ своимъ друзьямъ Жуковскому и князю Вяземскому; оно было написано трехстопнымъ ямбомъ, въ легкомъ, игривомъ тонѣ и имѣло большой успѣхъ въ пріятельскомъ кругу; въ печать оно проникло только въ 1814 году (*Пантеонъ русской поэзіи*, ч. I), но еще задолго до того ходило по рукамъ въ копіяхъ, вызвало отвѣтныя посланія Жуковскаго (Стихотворенія, изд. 9-е, т. I, стр. 235 — 254) и Вяземскаго (Сочиненія, т. III, стр. 100 — 105) и дало В. Л. Пушкину (Сочиненія, изд. 1893, стр. 77 — 79) поводъ написать въ томъ же родѣ посланіе къ Д. В. Дашкову. Лицеисту Пушкину, очевидно, извѣстны были всѣ эти стихотворенія, ибо всѣмъ имъ онъ болѣе или менѣе подражалъ, когда сочинялъ свое посланіе „Къ сестрѣ“. Кстати замѣтить, что даже впослѣдствіи, во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ цѣнилъ очень высоко посланіе Батюшкова и отзывался о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это стихотвореніе дышетъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна“ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 294).

Содержаніе посланія „Къ сестрѣ“ очень несложно: „поэтъ младой“, какъ называетъ себя авторъ-лицеистъ, — воображаетъ себя чернецомъ нѣкотораго „уединеннаго монастыря“, откуда онъ желалъ бы перенестись въ „отчій домъ“ на берегахъ Невы, то-есть, въ Петербургъ. Первые же стихи посланія, въ коихъ Пушкинъ собирается „бесѣдовать“ съ нею и, „мечтами окрыленной“, покинуть свой монастырь, напоминаютъ слѣдующія строки изъ „Пенатовъ“ Батюшкова:

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной
Небесно вдохновенье,
Порывъ *крылатыхъ думъ!*

Далѣе Пушкинъ упоминаетъ о гостинцѣ, который онъ вручитъ сестрѣ, — и тутъ (ст. 22) мы уже прямо встрѣчаемся со стихомъ Жуковскаго, который въ посланіи къ Батюшкову обѣщаетъ принести

.....милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

Авторъ посланія гадаетъ, за какимъ занятіемъ застанетъ онъ сестру: одно изъ самыхъ возможныхъ, чтеніе, даетъ ему поводъ перечислить любимыхъ ея писателей (стт. 29 — 39). Такого рода перечисленіе, довольно обычное въ подобныхъ стихотвореніяхъ, встрѣчается между прочимъ въ „Пенатахъ“ Батюшкова и въ посланіи Вяземскаго къ послѣднему. Въ стт. 61 — 72 юный поэтъ изображаетъ обстановку своей „мрачной кельи“ студента; въ этихъ строкахъ можно, конечно, находить автобіографическія черты, но едва ли не вѣрнѣе отмѣтить здѣсь подражаніе любимымъ образцамъ; такъ, въ „Моихъ пенатахъ“ читаемъ:

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и трепогой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель,

Все утвари простыя,
Все рухлая скудель!

Подобное же описаніе находится и въ посланіи В. Л. Пушкина къ Д. В. Дашкову:

Теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ:
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый,
Чернильница, перо —
Вотъ все мое добро.

Наконецъ, въ заключеніи посланія, въ ст. 110-мъ — 115-мъ, мы встрѣчаемся еще съ однимъ заимствованіемъ — изъ Жуковскаго, у котораго въ стихотвореніи „Узникъ къ мотыльку, влетѣвшему въ темницу“ (написано въ 1810 году, а напечатано въ 1813), читается:

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры...

Такимъ образомъ, посланіе „Къ сестрѣ“ представляется произведеніемъ въ очень значительной степени подражательнымъ; тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Анненкова, что „какой-то легкій, текучій стихъ составляетъ его отличительное качество“ (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 28); какъ вѣрно замѣтилъ Бѣлинскій, Пушкинъ прежде, чѣмъ выработать свой собственный стихъ, усвоилъ себѣ стихъ Жуковскаго и Батюшкова и владѣлъ имъ едва ли не смѣлѣе и бойчѣе ихъ самихъ.

— (**Стр. 12, ст. 29 и 30**). Жанъ-Жакъ — разумѣется, знаменитый Руссо; Жанлисъ (Stéphanie-Félicité Ducrest de Saint-Aubin, comtesse de Genlis, род. въ 1746 году, ум. въ 1831) — воспитательница Людовика-Филиппа Ор-

леанскаго и извѣстная писательница; въ числѣ ея произведеній есть сочиненія по предметамъ воспитанія, нравственности, исторіи и множество романовъ и повѣстей, пользовавшихся въ свое время значительнымъ успѣхомъ.

— (**Стр. 12, ст. 31 и 32**). Подъ „рѣзвымъ Гамильтономъ“ Пушкинъ разумѣетъ французскаго писателя англійскаго происхожденія Антуана Гамильтона (род. въ 1646 году, ум. въ 1720). Онъ писалъ стихи и кромѣ того былъ авторомъ сказокъ и сочиненія „Mémoires de Grammont“, въ которомъ описаны похожденія одного знатнаго барина и вмѣстѣ съ тѣмъ большого кутилы временъ Людовика XIII. Прозаическія произведенія Гамильтона отличаются большою живостью изложенія, чѣмъ и объясняется эпитетъ, мѣтко данный этому писателю Пушкинымъ.

— (**Стр. 12, ст. 33 — 39**). Грей (Thomas Gray, род. въ 1716 году, ум. въ 1771) и Томсонъ (James Thomson, род. въ 1700 году, ум. въ 1748) — даровитые англійскіе поэты своего времени, слава которыхъ во второй половинѣ XVIII вѣка проникла во французскую литературу, а затѣмъ и въ нашу. Грей — по преимуществу лирикъ; его элегія „Сельское кладбище“ была переведена на французскій языкъ не менѣе двѣнадцати разъ; на русскій Жуковскій перевелъ ее два раза. Томсонъ разнообразнѣе Грея по кругу своихъ произведеній; лучшимъ изъ нихъ считается его описательная поэма „Четыре времени года“, въ которой ярко выступаетъ вѣрное чувство природы; Карамзинъ называлъ эту поэму „зеркаломъ натуры“.

— (**Стр. 12, ст. 48 — 52**). Въ „Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ“ *Л. Н. Павлищева*, стр. 16, разсказывается, что Ольга Сергѣевна была въ дѣтствѣ обучаема музыкѣ и занималась ею охотно, пока не отвратилъ ея отъ этихъ занятій своимъ грубымъ обращеніемъ самъ преподаватель, нѣмецъ Гринвальдъ, превратившійся въ учителя музыки изъ неудачныхъ танцмейстеровъ. —

Рамо (Jean-Philippe Rameau, 1683—1764), французскій композиторъ, писалъ оперы и піесы для клавесина, а также сочинилъ „Трактатъ о гармоніи“; младшій его современникъ Николо Пиччини (1728 — 1800) — италіанскій композиторъ, прожившій однако бо̀льшую часть жизни во Франціи, извѣстенъ исключительно какъ авторъ оперъ и сонатъ.

II.

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

(Стр. 15 — 18).

Рукопись этого стихотворенія была извѣстна П. В. Анненкову (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 29) по лицейской тетради графа М. А. Корфа, оставшейся намъ недоступною. — Напечатано посланіе въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г., ч. LXXVI, № 13, стр. 9 — 12, съ подписью *Александръ Н. к. ш. п.*, при чемъ къ ст. 13-му сдѣлано редакціей журнала примѣчаніе: „То-есть, въ школѣ“, а ст. 17-й напечатанъ неправильно; затѣмъ посланіе вошло въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 5 — 8, при чемъ стт. 17-й, 62-й и 87-й исправлены по тетради Корфа, но за то сдѣланы по требованію цензуры нѣкоторыя измѣненія, именно — въ ст. 69-мъ и 79-мъ слово „священникъ“ замѣнено словомъ „отшельникъ“, а въ ст. 80-мъ выпущены слова: „въ церкви“ (ср. сборникъ: П. В. Анненковъ и его друзья. I, стр. 412). Въ настоящемъ изданіи принятъ сообщенный Анненковымъ текстъ Корфовой тетради, но съ устраненіемъ цензурныхъ поправокъ 1855 года.

О первомъ появленіи этого посланія въ печати извѣстный библіографъ С. Д. Полторацкій сообщилъ Анненкову (Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 28, примѣчаніе) слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

„Сколько мнѣ извѣстно, это — первое напечатанное стихотвореніе Пушкина. Оно появилось въ свѣтъ *въ субботу 4-го іюля* 1814 года, потому что 13-я книжка *Вѣстника Европы*, въ которой оно напечатано, вышла въ свѣтъ и раздавалась подпищикамъ въ этотъ день, что̀ видно изъ *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 53, суббота, 4-го іюля 1814, стр. 1320, столбецъ 2-й). Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ), издававшій въ 1814 году *Вѣстникъ Европы*, получилъ это стихотвореніе еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но не хотѣлъ его печатать, не узнавъ прежде имени сочинителя. Это видно изъ слѣдующаго объясненія, напечатаннаго въ 8-мъ № *Вѣстника Европы* 1814 г., часть 74, стр. 324:

„Отъ издателя. Просимъ сочинителя присланной въ *Вѣстникъ Европы* пьесы, подъ названіемъ „Къ другу стихотворцу“, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ: не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики“.

В. П. Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 162 и 163) и отчасти Я. К. Гротъ (Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 9, 11) видятъ въ посланіи „Къ другу стихотворцу“ большое сходство не только по формѣ, но и по содержанію, съ посланіями В. Л. Пушкина къ Жуковскому и Дашкову (Сочиненія В. Пушкина, изд. 1893, стр. 70 — 73). Мнѣніе это весьма преувеличено; правда, всѣ три посланія написаны шестистопнымъ ямбомъ; правда и то, что племянникъ повторяетъ иногда дядины риѳмы (Ломоносовъ — слава Россовъ), и что онъ закончилъ свое посланіе (ст. 98) мыслью, заимствованною изъ слѣдующихъ стиховъ Василія Львовича:

Пусть льются тамъ стихи нелѣпые рѣкой,
Нѣтъ нужды, мнѣ всего любезнѣе покой, —

но все же содержаніе обоихъ посланій В. Л. Пушкина имѣетъ прямое и исключительное отношеніе къ полемикѣ между сторонниками Шишкова и карамзинистами, направленіе которыхъ авторъ оправдываетъ и защищаетъ, тогда какъ въ посланіи „Къ другу стихотворцу“ нападки на сторонниковъ Шишкова введены вскользь и занимаютъ лишь немного мѣста (стт. 29-й — 40-й), главная же мысль посланія — иная, именно та, что только истинный талантъ долженъ браться за стихотворство. Болѣе ясное заимствованіе сдѣлано лицеистомъ Пушкинымъ у Батюшкова: упоминаніе о книжной лавкѣ Глазунова (стт. 37—40), гдѣ гніютъ творенія Риѳматова, Графова и Бибруса, напоминаетъ подобное же упоминаніе въ стихотвореніи „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ“, которымъ Батюшковъ, въ 1813 году, пародировалъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ (Сочиненія Батюшкова, т. I, стр. 169):

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.
Родного крова милый свѣтъ,
Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
Невинны мадригалы,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, лавка дорогая,
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя!

Въ посланіи В. Л. Пушкина къ Жуковскому читаются слѣдующіе стихи:

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ.

Гаевскій и Гротъ придаютъ значеніе тому, что и А. Пушкинъ обращается въ своемъ посланіи къ другу Аристу; но что̀ общаго можетъ быть между „Аристомъ“ Василія Львовича, хвалителемъ „стараго слога“, подъкоторымъ слѣдуетъ разумѣть добряка Шишкова, и „Аристомъ“ лицеиста Пушкина, начинающимъ стихотворцемъ? Кого именно изъ своихъ товарищей разумѣлъ тутъ Пушкинъ — сказать трудно, но во всякомъ случаѣ загадочное имя Ариста не можетъ быть относимо къ Дельвигу, какъ думали нѣкоторые, „такъ какъ“, по вѣрному замѣчанію Грота, — „Пушкинъ съ самаго начала высоко цѣнилъ талантъ этого товарища, — въ разсматриваемомъ же посланіи онъ совѣтуетъ другу отказаться отъ стихотворства“. Съ большею вѣроятностью можно было бы предположить, что здѣсь имѣлся въ виду другой лицейскій товарищъ Пушкина — Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (род. въ 1797 г., ум. въ 1846), тоже очень рано пристрастившійся къ писанію стиховъ, но не имѣвшій поэтическаго таланта и нерѣдко служившій предметомъ шутокъ своихъ соучениковъ.

Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 29) по поводу этого посланія замѣтилъ слѣдующее: „Какъ стихотвореніе, предназначенное уже для публики, оно содержитъ болѣе строгій взглядъ на искусство, чѣмъ другія, оставшіяся отъ этой эпохи, но въ концѣ его проглядываетъ иронія и шутливость, доказывающія, что убѣжденія тутъ искать еще рано“. Напротивъ того, Гротъ (Пушкинъ, стр. 11) признавалъ конецъ посланія, то-есть, разсказъ о священникѣ (анекдотъ, широко распространенный въ западно-европейской литературѣ) лучшею его частью. Какъ бы то ни было, въ ряду лицейскихъ стихотвореній піеса „Къ другу стихотворцу“ всегда будетъ занимать видное мѣсто, какъ первое произведеніе Пушкина, которое самъ авторъ рѣшился напечатать.

— (**Стр. 16, стт. 37 и 38**). Риѳматовъ—князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (род. въ 1783 г., ум. въ 1837 въ монашествѣ), плохой стихотворецъ, пользовавшійся однако покровительствомъ А. С. Шишкова, который содѣйствовалъ его избранію въ члены Россійской академіи и Бесѣды любителей русскаго слова. Шихматовъ отличался тѣмъ, что въ своихъ стихахъ не употреблялъ риѳмъ на глаголы, почему Батюшковъ и прозвалъ его „безглагольнымъ“; объ этой особенности стихотворства Шихматова упоминаетъ и Пушкинъ во II-й строфѣ своего „Домика въ Коломнѣ“. Пушкинъ сохранялъ и въ зрѣлую пору своей жизни убѣжденіе въ полной бездарности Шихматова; въ декабрѣ 1825 года онъ писалъ В. К. Кюхельбекеру: „Князь Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ, — бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля“.

Графовъ — извѣстный метроманъ графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (род. въ 1757 г., ум. въ 1835).

Бибрусъ — Сергѣй Семеновичъ Бобровъ (род. въ концѣ 1760-хъ гг., ум. въ 1810), плохой стихотворецъ мистическаго направленія, пользовавшійся уваженіемъ Державина и отчасти Карамзина, но подвергавшійся жестокимъ насмѣшкамъ со стороны молодыхъ карамзинистовъ: Батюшковъ и князь Вяземскій и пустили въ ходъ, въ своихъ эпиграммахъ, прозваніе Боброва Бибрусомъ. Книжная лавка Ивана Петровича Глазунова служила предметомъ частыхъ насмѣшекъ тогдашнихъ сатириковъ.

— (**Стр. 18, ст. 91**). Трудно сказать, кого Пушкинъ разумѣетъ подъ именемъ Рамакова; рѣчь идетъ, по видимому, о цензорѣ или критикѣ; въ семъ послѣднемъ случаѣ намекъ можетъ относиться къ Петру Ивановичу Макарову, издателю *Московскаго Меркурія*, журнала, замѣчательнаго своимъ критическимъ отдѣломъ, въ которомъ

велась полемика противъ Шишкова за Карамзина. Но Макаровъ, родившійся въ 1765 году, умеръ еще въ 1804.

III.

КОЛЬНА.

(Подражаніе Оссіану).

(Стр. 19 — 23).

Стихотвореніе это сохранилось въ лицейской тетради графа М. А. Корфа, оставшейся намъ недоступною, но видѣнной Анненковымъ (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 29). — Напечатано оно въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г., ч. LXXVI, № 14, стр. 102 — 106, съ подписью *Александръ Н. к. ш. п.*, а затѣмъ въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 8 — 12.

По свидѣтельству Анненкова, рукопись Корфа представляла лишь слѣдующіе незначительные *варіанты*:

Ст. 11-й: ..... въ любви *невольной*
„ 48-й: Въ туманѣ ляжетъ....
„ 71-й: Въ жилищѣ....

Кромѣ того, имена Тоскаръ и Карулъ въ рукописи читаются: Тоскарь, Карулъ.

По свидѣтельству Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 164 и 165), Оссіанъ былъ въ большомъ ходу въ лицеѣ, читался въ классахъ Н. Ѳ. Кошанскаго и нѣкоторое время составлялъ любимое чтеніе Пушкина. Читался Оссіанъ въ прозаическомъ переводѣ Кострова (М. 1792), сдѣланномъ съ французскаго перевода Летурнера. Кошанскій хотя и посмѣивался надъ устарѣлыми выраженіями Кострова (какъ напримѣръ, надъ

любимою имъ частицей *бо*), и даже на одной изъ своихъ лекцій обмолвился слѣдующею шуткой надъ нимъ:

> Отъ сердца вылился божественный сей стихъ,
> Въ винѣ *бо* зрѣлъ Костровъ отраду дней своихъ, —

тѣмъ не менѣе считалъ переводчика Оссіана и Гомера однимъ изъ лучшихъ писателей и успѣлъ внушить это мнѣніе своимъ ученикамъ, какъ то видно между прочимъ изъ упоминанія о Костровѣ въ посланіи Пушкина „Къ другу стихотворцу“ (ст. 58 и 59). Неудивительно поэтому, что Пушкинъ руководствовался переводомъ именно Кострова, когда вздумалъ подражать Оссіану. „Доказательствомъ, что Пушкинъ перелагалъ переводъ Кострова“, говоритъ Гаевскій, — „служитъ совершенная тожественность встрѣчающихся у нихъ выраженій съ повтореніемъ Пушкинымъ ошибокъ Кострова. Напримѣръ, выраженіе: „Toscar et moi qui naguère était entré dans la carrière des combats“ Костровъ перевелъ неправильно: „Я и Тоскаръ (вмѣсто: Тоскаръ и я), недавно вошедшій въ подвиги брани“. Пушкинъ также отнесъ послѣднюю подробность не къ пѣвцу, какъ у Летурнера, а къ Тоскару:

Тоскару юному вѣщалъ.

Вмѣсто „jeune homme“ Костровъ перевелъ „младый воитель“ — выраженіе, встрѣчающееся и у Пушкина. Вмѣсто „jeune étranger“ у Кострова „юный ратникъ“, а у Пушкина:

«О, юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ.

Нѣкоторыя выраженія цѣликомъ взяты у Кострова, напримѣръ: „.... Дай мнѣ щитъ твой“. Пылая мщеніемъ пріемлетъ онъ щитъ....“ У Пушкина

«Подай мнѣ щитъ твой». И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ».

Не смотря на эти частые примѣры близкаго сходства Пушкинскаго переложенія съ переводомъ Кострова, а стало быть, и съ Оссіановымъ подлинникомъ, стихотвореніе должно быть разсматриваемо только какъ подражаніе, но отнюдь не какъ переводъ: Пушкинъ постоянно дозволяетъ себѣ сокращенія сравнительно съ оригиналомъ, встрѣчающіяся въ послѣднемъ описанія обращаетъ въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ и т. п. Принимая во вниманіе такого рода передѣлки, Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 29) не безъ основанія замѣтилъ, что „Кольна“ потому и любопытна, что представляетъ „первый образецъ *сочиненія* Пушкина, безъ связи съ личностію автора“.

Для удобства сличенія приводимъ цѣликомъ Оссіанову поэму въ переводѣ Кострова:

КОЛЬНА-ДѲНА [1]).

ПОЭМА.

Содержаніе.

Фингалъ послалъ Оссіана и Тоскара воздвигнуть на брегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ они занимались симъ трудомъ, Каруль, сосѣдственный государь, пригласилъ ихъ къ пиршеству. Они приходятъ. Тоскаръ влюбился въ его дочь Кольна-Дону. Кольна-Дона ощущаетъ тайно въ сердцѣ своемъ такія же чувствія. Нечаянный случай на ловитвѣ звѣрей открылъ взаимную ихъ любовь и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ Коламона, котораго черныя и возмущенныя воды катятся странствовать въ отдаленныхъ долинахъ! Я зрю тебя извивающагося между древами, осѣняющими чертоги Каруля. Тамо обитала дщерь его,

1) По объясненію Макферсона, повторенному Летурнеромъ и Костровымъ, Кольна-Дона значитъ *любовь героевъ*.

прелестная Кольна-Дона. Ея очи сіяли блескомъ звѣздъ. Руки ея бѣлы, какъ пѣна источниковъ. Грудь ея воздымалась кротко и тихо, какъ волна океана. Лучъ небесъ была душа ея. Какая дѣвица могла сравниться когда-нибудь съ сею прелестною, съ сею любовію и радостію героевъ!

Фингалъ повелѣлъ. Мы шествуемъ къ источнику Кроны, я и Тоскаръ, недавно вошедшій въ подвиги брани. Три барда сопутствуютъ намъ съ пѣснями. Предъ нами несли три щита. Мы текли возвысить памятникъ прѣждебывшихъ дѣяній. Фингалъ расточилъ нѣкогда полки противныхъ на брегахъ Кроны; иноплеменные бѣжали отъ его лица. Мы пришли къ сему знаменитому мѣсту. Ночь спустилась съ высотъ горныхъ; я исторгъ дубъ съ холма; скоро возвысился пламень на воздухъ.

«Дражайшіе мои предки», возопилъ я, — «удостойте изъ глубины облачныхъ вашихъ чертоговъ низвесть взоры свои на меня; честь вашихъ потомковъ есть ваша честь, и сіяніе славы ихъ озаряетъ и васъ».

Барды поютъ; я взялъ камень въ источникѣ; кровь сопостатовъ Фингаловыхъ виситъ черными кусками на иловатой травѣ, которою онъ покрытъ. Подъ симъ камнемъ полагаю я три выпуклости щита одну послѣ другой, сообразуясь временамъ, означаемымъ то медленною, то быстрою мѣрою ночныхъ пѣсней Уллина. Тоскаръ получилъ тамъ кинжалъ и стальную броню. Мы возвысили земляной оплотъ вокругъ сего камени и рекли ему:

«Вѣщай о насъ потомству, вѣщай слабымъ племенамъ, которыя возстанутъ на мѣсто сильнаго племени Сельмы: — Сынъ источника, возвышенный днесь на земли! Нѣкогда среди бурной ночи путешественникъ придетъ успокоиться подъ твоею тѣнію. Шумъ трепещущихъ твоихъ мховъ родитъ въ немъ сонныя мечты. Прежнія лѣта предстанутъ его мысли. Онъ увидитъ кровавыя битвы, увидитъ царей, шествующихъ на подвигъ, и омраченную луну, озаряющу неохотно сіе поле кровопролитія. Онъ возбудится съ денницею и узритъ вокругъ себя гробы тысящи воителей. «Какой это камень»? вопроситъ онъ. Нѣкій старецъ отвѣчаетъ ему: — «Камень сей возвышенъ Оссіаномъ, героемъ временъ претекшихъ».

Каруль, царь Коламона, другъ иноплеменныхъ, послалъ къ намъ барда и приглашаетъ насъ въ свои чертоги, въ жилище прекрасной Кольна-Доны. Мы приходимъ; мы возсѣли при его пиршествѣ. Почтенный сѣдинами герой сей восхитился радостію, видя чадъ друзей своихъ, возвышающихся, какъ два юныя древа, увѣнчанныя зеленымъ своимъ листвіемъ.

«Сыны героевъ», рекъ онъ намъ, — «вы напоминаете мнѣ счастливое время, когда въ первый разъ низшелъ я на брегъ Морвена. Я

стремился во слѣдъ Каргласа: наши предки были враги между собою. Мы сражались на брегѣ излучистаго источника Клуты. Каргласъ убѣгъ на волны океана; корабли мои текли за нимъ во слѣдъ; но обманутъ мглою ночи, присталъ я къ чертогамъ Сельмы. Фингалъ встрѣтилъ меня съ своими бардами и съ Конломъ, мышцею смерти. Три дни пиршествовалъ я въ чертогахъ Фингала. Я видѣлъ въ нихъ прелестную Роскрану, дщерь героевъ, честь племени Кормакова. При моемъ отшествіи почтили меня дарами, владыки дали мнѣ щиты свои. Они висятъ въ моихъ чертогахъ, какъ залогъ Фингалова дружества. Сыны героевъ, вы напоминаете мнѣ счастливое претекшее время». Каруль воспламенилъ пиршественный дубъ; онъ взялъ двѣ выпуклости щитовъ нашихъ, положилъ ихъ въ землѣ подъ камнемъ, да будутъ онѣ памятникомъ мира и дружества для нашихъ потомковъ. «Когда брань», вѣщалъ онъ намъ, — «возгремитъ въ сей странѣ, и когда чада наши готовы уже будутъ сразиться, воители моего племени, уготовляя копья свои, воззрятъ, можетъ быть, на сей камень и скажутъ: — «Здѣсь предки наши клялись взаимнымъ себѣ дружествомъ и миролюбіемъ». — Они скажутъ и положатъ свои щиты».

Ночь простерлась по небесамъ; дщерь Каруля шествуетъ; ея долгіе власы развѣваются, сладостный гласъ ея соединяется съ стройными звуками арфы. Видя Кольна-Дону, радость и любовь героевъ, Тоскаръ сдѣлался печаленъ и задумчивъ. Образъ сея красавицы напечатлѣвался въ возмущенной душѣ его, какъ лучъ солнца на взволнованномъ морѣ, когда онъ, исторгшись изъ облака, озаряетъ колеблющіяся волны моря.

. . . . . .

Утро возсіяло; мы возбудили отзывы лѣсовъ, мы поражали стрѣлами боязливыхъ сернъ; онѣ упадали на брегахъ источниковъ, гдѣ прежде привыкли покоиться. Мы возвращались въ долину Кроны, какъ вдругъ увидѣли юнаго ратоборца, грядущаго изъ рощи со щитомъ и съ копіемъ безъ острія. «Откуда шествуешь ты?» рекъ ему Тоскаръ. — «Миръ и тишина царствуетъ ли въ Коламонѣ, окрестъ жилища бѣлогрудой Кольна-Доны?»

«Кольна-Дона», отвѣтствуетъ младый воитель, — «обитала нѣкогда въ Коламонѣ, но нынѣ претекаетъ она пустыню съ сыномъ владыки, плѣнившимъ ея сердце».

«Юный ратникъ», возопилъ Тоскаръ, — «примѣтилъ ли ты стези, по которымъ уклонялся воитель сей? Онъ падетъ моими ударами, дай мнѣ щитъ твой». Пылая мщеніемъ, пріемлетъ отъ щитъ; но подъ симъ оружіемъ воздымалась грудь младой дѣвицы, бѣла какъ пухъ лебедя,

плавающаго тихо и спокойно на зыбяхъ влажныхъ. То была Кольна-Дона, дщерь Каруля. Она видѣла Тоскара, видѣла его и не могла не горѣть къ нему любовнымъ пламенемъ.

(Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка: Гальскія стихотворенія. Переведены съ французскаго *Е. Костровымъ*. Ч. II. М. 1792, стр. 260 — 264).

IV.

ЭВЛЕГА.

(Стр. 24 и 25).

Стихотвореніе это сохранилось только въ поздней копіи въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 690. — Напечатано оно въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 277—279, въ ряду лицейскихъ стихотвореній.

Піеса эта, въ которой Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 318) видѣлъ сильное вліяніе Батюшкова, представляетъ довольно близкій переводъ одного эпизода изъ IV-й пѣсни поэмы Парни „Isnel et Aslega“. Для сличенія здѣсь предлагается цѣликомъ подлинникъ:

D'ici tu vois cette roche escarpée
Qui du coteau domine la hauteur:
Son flanc creusé forme une grotte obscure;
D'épais buissons en cachent l'ouverture:
C'est là qu'Elveige attendait son amant;
De là sa voix s'exhalait doucement:

«Viens, jeune Odulf; l'ombre te favorise;
«Viens; me voilà sur le feuillage assise.
«Par mes soupirs je compte les moments:
«Pour te presser mes bras déjà s'étendent;
«Mon coeur t'appelle, et mes lèvres t'attendent:
«Viens; mes baisers seront doux et brûlants.

«Cruel Asgar, je hais ton œil farouche;
«Le mot d'amour est triste sur ta bouche;
«Va, porte ailleurs cet amour insolent.

«Un autre enfin à mes côtés sommeille,
«A mes côtés un autre se réveille;
«Et son baiser est humide et brûlant.

«Mais qui peut donc arrêter sa tendresse?
«Pour lui je veille, et pour lui ma faiblesse
«Vient d'écarter les jaloux vêtements.
«J'entends du bruit; c'est lui, de sa présence
«Mon coeur m'assure, et mon bonheur commence.
«Baisers d'amour, soyez longs et brûlants».

D'un pas rapide il arrive à la grotte,
Ce jeune Odulf; mais d'un autre guerrier
Il voit dans l'ombre étinceler l'acier.
Soupçon cruel! son âme hésite et flotte;
Il dit enfin: «Quel projet te conduit?
«Que cherches-tu? parle, enfant de la nuit!»
— «Faible rival, que cherches-tu toi-même?»
Réplique Asgar. — «De la beauté que j'aime
«Je suis jaloux; c'est un astre nouveau
«Qui pour moi seul brille sur le coteau».

Le fer en main, l'un sur l'autre ils s'élancent.
D'Elveige alors le coeur est alarmé;
Elle frémit, et ses pieds nus s'avancent
A la lueur d'un tison enflammé.
«Viens», dit Odulf, — «de tes vœux infidèles
«Voilà l'objet; perfide, tu l'appelles;
«Mais dans la mort il ira te chercher».
Terrible il frappe, et la tremblante Elveige
Tombe à ses pieds comme un flocon de neige
Qu'un tourbillon détache du rocher.
Les deux rivaux avec un cri farouche
Lèvent soudain leur bras désespérés;
D'un coup pareil leurs flancs sont déchirés;
Sur la bruyère ils roulent séparés:
Le nom d'Elveige expire sur leur bouche;
Et de leur sein s'échappe sans retour
Le sang, la vie, et la haine, et l'amour.

V.

ОСГАРЪ.

(Стр. 26 — 28).

Это стихотвореніе сохранилось только въ поздней копіи, которая находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 689 и 692. — Напечатано оно впервые въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 272 — 276, въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній.

Если „Кольна“ и „Эвлега“ составляютъ болѣе или менѣе близкія заимствованія изъ Оссіана и Парни, то въ „ОсгарѢ“ мы видимъ попытку Пушкина самостоятельно обработать извѣстное содержаніе въ духѣ этихъ авторовъ. Какъ ни далекъ Парни отъ Макферсона по сущности своего дарованія, Пушкинъ имѣлъ нѣкоторое право соединить ихъ одного съ другимъ, какъ предметы подражанія: Парни самъ поддавался вліянію такъ-называемаго Оссіана. Должно однако признать, что подражательная попытка Пушкина имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ: изъ 11 строфъ піесы 9 (строфы 1-я — 5-я, 8-я — 11-я) наполнены мотивами и образами изъ поэмъ, изданныхъ Макферсономъ, и составляютъ, такъ-сказать, поддѣлку подъ Оссіана, а остальныя двѣ строфы, 6-я и 7-я, переведены, съ нѣкоторыми сокращеніями и съ перемѣной именъ, изъ I-й пѣсни поэмы Парни: „Isnel et Aslega“. Приводимъ для сличенія соотвѣтствующіе стихи послѣдней:

La nuit descend; l'étoile pacifique
S'assied au nord sur un lit de frimas.
Près d'un torrent, qui roule avec fracas
Ses flots bourbeux, s'élève un toit rustique;
De vieux sapins le couvrent de leurs bras:
C'est là qu'Olbrown a dirigé ses pas.

Trois fois il frappe, et trois fois il écoute,
Si l'on répond à ses vœux empressés.
Il n'entend rien et dit: «Ses yeux lassés
«Au doux sommeil ont succombé sans doute».
Il frappe encore, et soudain il ajoute:
«Belle Rusla, c'est moi; c'est ton amant
«Qui vient chercher le prix de sa tendresse.
«Quoi! du sommeil est-ce là le moment?
«Réveille-toi, Rusla; tiens ta promesse;
«Ne tarde plus. Un vent impétueux,
«Un vent glacé siffle dans mes cheveux;
«Sous un ciel pur l'étoile scintillante
«Du froid naissant atteste la rigueur.
«Ne tarde plus; et que ma voix tremblante,
«Belle Rusla, passe jusqu'à ton coeur».
Un long soupir, échappé de sa bouche,
Suivit ces mots: il frappe, et cette fois
La porte cède à la main qui la touche.

Замѣтимъ также, что послѣдняя строфа „Осгара“ представляетъ нѣкоторое сходство съ послѣднею строфой „Эоловой Арфы“ Жуковскаго:

Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни....
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Это сходство заставляетъ предполагать, что „Эолову Арфу“, написанную въ 1814 году, Пушкинъ узналъ еще въ рукописи, такъ какъ эта баллада была напечатана лишь въ 1815 году, въ № 3 журнала *Амфіонъ* (Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 386 — 394).

VI.

ЛЕДА.

(Кантата).

(Стр. 29 — 31).

Стихотвореніе это сохранилось только въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 691, въ поздней и неполной копіи, начиная со ст. 26-го. — Напечатано оно въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 269 — 271, въ ряду лицейскихъ стихотвореній.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 313), находившій, что Пушкинъ хоть и уважалъ Державина, но вообще мало подвергся вліянію его „громогласной одовоспѣвательной“ поэзіи, замѣтилъ, что „только одна кантата „Леда“, изъ всѣхъ лицейскихъ стихотвореній, отзывается языкомъ Державина, но вмѣстѣ и Батюшкова; а самый родъ піесы (кантата) напоминаетъ одного Державина“. Вслѣдъ за Бѣлинскимъ и Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 175) полагалъ, что Пушкинская „Леда“ лишена всякой „прелести, заимствовавъ у Богдановича и Державина противухудожественность вымысла и формы“. Мнѣнія эти не могутъ быть названы справедливыми. У Державина дѣйствительно есть кантата „Персей и Андромеда“, написанная въ 1807 году по случаю сраженія при Прейсишъ-Эйлау, но въ ней нѣтъ ничего общаго съ кантатой Пушкина, кромѣ развѣ того, что въ обоихъ стихотвореніяхъ употреблено нѣсколько размѣровъ; это объясняется тѣмъ, что кантаты сочинялись обыкновенно для того, чтобы быть положенными на музыку; впрочемъ, къ кантатѣ Пушкина музыка вовсе не была, кажется, написана. Кантата Державина — чисто лирическое произведеніе, а кантата Пушкина отличается

повѣствовательнымъ характеромъ и походитъ на Лафонтенову сказку. Что же касается языка, то въ „Ледѣ“ онъ отнюдь не хуже, не грубѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Пушкина изъ лицейской поры.

Въ основу своего стихотворенія Пушкинъ, конечно, могъ прямо положить извѣстное миѳологическое сказаніе; но такъ какъ въ сочиненіяхъ Парни есть піеса на ту же тему, то нельзя не допустить предположенія, что нашъ авторъ подражалъ своему любимому въ то время поэту. Сличеніе „Леды“ Пушкина съ „Léda“ Парни подтверждаетъ это предположеніе, но лишь до нѣкоторой степени. Какъ уже замѣчено выше, Пушкинъ придалъ своему стихотворенію характеръ сказки, даже съ нравоученіемъ, впрочемъ шутливымъ, въ концѣ. Піеса Парни построена нѣсколько иначе: она начинается вступленіемъ, въ которомъ авторъ въ игривыхъ стихахъ объясняетъ, что, спрошенный одною красавицей, почему лебеди не обладаютъ даромъ пріятнаго пѣнія, онъ отвѣчалъ разсказомъ о приключеніяхъ Леды, а въ заключеніе прибавилъ, что у нея явилось столько подражательницъ, что Юпитеру пришлось отнять даръ пѣнія у лебедей.

Такъ какъ вводные и заключительные стихи піесы Парни не воспроизведены Пушкинымъ, то здѣсь приводится изъ нея для сличенія только повѣствовательная часть:

Dans la forêt silencieuse
Où l'Eurotas parmi les fleurs
Roule son onde paresseuse,
Léda, tranquille, mais rêveuse,
Du fleuve suivait les erreurs.
Bientôt une eau fraîche et limpide
Va recevoir tous ses appas,
Et déjà ses pieds délicats
Effleurent le cristal humide.
Imprudente! sous les roseaux

Un dieu se dérobe à ta vue;
Tremble, te voilà presque nue,
Et l'Amour a touché ces eaux.
Léda, dans cette solitude,
Ne craignait rien pour sa pudeur;
Qui peut donc causer sa rougeur?
Et d'où vient son inquiétude?
Mais de son dernier vêtement
Enfin elle se débarrasse,
Et sur le liquide élément
Ses bras étendus avec grâce
La font glisser légèrement.
Un cygne aussitôt se présente;
Et sa blancheur éblouissante,
Et son cou dressé fièrement
A l'imprudente qui l'admire
Causent un doux étonnement,
Qu'elle exprime par un sourire.
Les cygnes chantaient autrefois;
Virgile a daigné nous l'apprendre;
Le nôtre à Léda fit entendre
Les accents flûtés de sa voix.
Tantôt, nageant avec vitesse,
Il s'égare en un long circuit;
Tantôt sur le flot qui s'enfuit
Il se balance avec mollesse.
Souvent il plonge comme un trait;
Caché sous l'onde il nage encore,
Et tout-à-coup il reparaît
Plus près de celle qu'il adore.
Léda, conduite par l'Amour,
S'assied sur les fleurs du rivage,
Et le cygne y vole à son tour.
Elle ose sur son beau plumage
Passer et repasser la main,
Et de ce fréquent badinage
Toujours un baiser est la fin.
Le chant devient alors plus tendre,
Chaque baiser devient plus doux;
De plus près on cherche à l'entendre,

Et le voilà sur les genoux.
Ce succès le rend téméraire;
Léda se penche sur son bras;
Un mouvement involontaire
Vient d'exposer tous ses appas;
Le dieu soudain change de place.
Elle murmure faiblement;
A son cou penché mollement
Le cou du cygne s'entrelace;
Sa bouche s'ouvre par degrés
Au bec amoureux qui la presse;
Ses doigts lentement égarés
Flattent l'oiseau qui la caresse;
L'aile qui cache ses attraits
Sous sa main aussitôt frissonne,
Et des charmes qu'elle abandonne
L'albâtre est touché de plus près.
Bientôt ses baisers moins timides
Sont echauffés par le désir;
Et précédé d'un long soupir,
Le gémissement du plaisir
Échappe à ses lèvres humides.

VII.

ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАИСЫ ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

(Стр. 32).

Рукопись этого стихотворенія была найдена Анненковымъ (см. его изданіе Пушкина, т. I, стр. 28 и т. II, стр. 29) въ лицейской тетради М. А. Корфа, оставшейся намъ недоступною. — Напечатано оно въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г., ч. LXXVII, № 18, стр. 117, безъ всякаго заглавія, съ подписью *П.*, въ статьѣ: „Объ эпиграммѣ и надписи древнихъ“; отсюда оно перешло, уже съ вы-

шеозначеннымъ заглавіемъ, въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 17.

О происхожденіи этой піесы сохранился слѣдующій разсказъ И. И. Пущина въ его запискахъ: „Статью эту („Объ эпиграммѣ“) я перевелъ изъ Ла-Гарпа и просилъ Пушкина перевести для меня стихи, которые въ ней приведены. Все это, за подписью *П.*, я отправилъ къ Вл. Измайлову, тогдашнему издателю *Вѣстника Европы*“ (см. мой сборникъ: Пушкинъ, стр. 57). Собственно говоря, въ статьѣ, переведенной Пущинымъ, находится нѣсколько эпиграммъ и надписей, взятыхъ изъ „Греческой Антологіи“, но изъ нихъ только одна переведена Пушкинымъ, а для другихъ его пріятель, перелагатель Ла-Гарповой статьи, воспользовался либо напечатанными уже переводами Дмитріева и Батюшкова, либо вновь сдѣланными для него переводами Илличевскаго; у самого же Ла-Гарпа, въ его „Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne“ (т. III, гл. IX), всѣ эти эпиграммы сообщены въ переводѣ Вольтера. Ла-Гарпъ находилъ, что въ „Греческой Антологіи“ многія эпиграммы слишкомъ длинны, что почти всѣ онѣ не соотвѣтствуютъ нашему понятію объ этомъ родѣ стихотвореній, и что только Вольтеръ, „умѣвшій взять все лучшее отъ каждаго предмета“, былъ въ состояніи извлечь изъ этого сборника то, что̀ можетъ быть названо эпиграммой въ нашемъ смыслѣ этого слова. Надобно однако замѣтить, что произносившій это сужденіе критикъ едва ли былъ близко знакомъ съ „Антологіей“ во всемъ ея объемѣ. Что касается, въ частности, эпиграммы о зеркалѣ Лаисы, или правильнѣе, Лаиды, ея литературная судьба представляется довольно сложною; нашъ уважаемый товарищъ, академикъ В. К. Ернштедтъ, сообщилъ намъ по этому предмету весьма любопытныя подробности, которыми мы и считаемъ умѣстнымъ воспользоваться въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

Въ „Греческой Антологіи“ существуетъ четыре эпиграммы на тему о посвященіи Афродитѣ (Венерѣ) зеркала отъ Лаиды; три изъ нихъ принадлежатъ Юліану Египетскому [1]), а четвертая приписывается Платону. Приводимъ ихъ всѣ въ переводѣ В. К. Ернштедта:

Юліанъ Египетскій (Anthologia Palatina, VI, 18 — 20).

18.

Лаида съ тѣхъ поръ, какъ разрушена временемъ ея прекрасная
наружность,
питаетъ отвращеніе къ свидѣтельству старческихъ морщинъ.
Оттого она, возненавидѣвъ горькое обличеніе зеркала,
посвятила [его] госпожѣ минувшей прелести:
«А ты, Киѳерія, прими отъ меня товарища молодости,
«дискъ, такъ какъ твоя красота времени не боится».

19.

Красоту ты, Киѳерія, даруешь; но губитъ
время, подвигаясь медленно впередъ, твой, царица, даръ.
Подарокъ твой пролетѣлъ мимо меня, Киѳира, —
прими же, владычица, и свидѣтельство о подаркѣ.

20.

Элладу, побѣдившую грозную рать мидянъ,
Лаида покорила своею красотою.
Одною она побѣждена старостью, и улику (критерій)
она посвятила тебѣ, Пафія, любезную молодости.

Платонъ (Anth. Pal., VI, 1).

Лаида, высокомѣрно насмѣявшаяся надъ Элладой, имѣющая
у своего преддверія рой поклонниковъ молодыхъ,
Пафіи [посвящаетъ] это зеркало; ибо такою являться
я не желаю, а какою была прежде — не могу.

---

1) Въ „Антологіи“ упоминаются нѣсколько Юліановъ, и въ томъ числѣ два Юліана Египетскіе, изъ которыхъ одинъ, по видимому, жилъ въ IV, а другой—въ VI вѣкѣ по Р. Х. Имъ приписывается болѣе 60 эпиграммъ, но разобраться въ принадлежности этихъ стихотвореній тому или другому — нѣтъ возможности.

„Такъ“, говоритъ В. К. Ернштедтъ, — „я понимаю эту эпиграмму. По моему мнѣнію, поэтъ представляетъ себѣ знаменитую гетеру на вершинѣ популярности (въ ея передней еще толпятся *молодые* поклонники), но уже съ замѣтными для нея самой признаками увяданія. Она не желаетъ *являться* такою, какова она есть, и рѣшивъ разстаться со служеніемъ Афродитѣ, посвящаетъ покровительницѣ гетеръ зеркало, символъ и орудіе своего ремесла, — подобно тому какъ рыбакъ посвящаетъ сѣти или другое орудіе своего промысла Гермесу. Но кажется, всѣ другіе толкователи и переводчики понимаютъ эту эпиграмму иначе, при чемъ въ новѣйшее время прибѣгаютъ къ ненужнымъ исправленіямъ текста. Еще Авзоній, римскій писатель IV вѣка, перевелъ ее такъ (LXV):

Lais *anus* Veneri speculum dico: *dignum* habeat *se*
Aeterna aeternum *forma* ministerium.
At mihi nullus in hoc usus, quia *cernere* talem,
Qualis sum, nolo; qualis eram, nequeo».

Со своей стороны замѣтимъ, что переводъ Авзонія не есть близкая передача Платоновой эпиграммы; Авзоній, по видимому, зналъ и другія піесы „Антологіи“ на ту же тему и изъ нихъ также воспользовался кое-какими чертами. Вольтеръ выдаетъ свой переводъ за сдѣланный прямо съ греческаго, и Ла-Гарпъ принимаетъ это утвержденіе безъ возраженій; но не подлежитъ сомнѣнію, что Вольтеръ пользовался только Авзоніемъ: по гречески онъ едва умѣлъ читать, а языка греческаго не зналъ совершенно, хоть и не прочь былъ увѣрять въ противномъ (*Pierron, Al.* Voltaire et ses maîtres. Episode de l'histoire des humanités en France. Paris. 1866, p. 199 — 223 и 301 — 332). Считая краткость за одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ эпиграммы вообще, Вольтеръ старался придать это свойство и слѣдующему своему переводу:

Sur Laïs, qui remit son miroir dans le temple de Vénus.

Je le donne à Vénus, puisqu'elle est toujours belle;
Il redouble trop mes ennuis.
Je ne saurais me voir, dans ce miroir fidèle,
Ni telle que j'étais, ni telle que je suis.

Такая же краткость соблюдена въ переводѣ этой эпиграммы и другимъ французскимъ писателемъ XVIII вѣка маркизомъ Буфлеромъ (Stanislas de Boufflers, род. въ 1737 году, ум. въ 1815), произведенія котораго несомнѣнно были извѣстны Пушкину, такъ какъ въ 1817 году онъ даже называлъ „русскимъ Буфлеромъ“ Батюшкова (см. выше, текстъ, стр. 256). Переводъ Буфлера, по видимому, основанный на Авзоніи подобно Вольтерову, слѣдующій:

Le miroir de Vénus.

Vénus, prends ce miroir; que tu grace immortelle
S'y contemple à jamais; moi, je ne m'en sers plus;
Pour Laïs qui vieillit sa glace est trop fidèle;
J'y vois ce que je suis, et non ce que je fus.

Можно было бы ожидать, что въ основу Пушкинскаго перевода будетъ положена или Вольтерова, или Буфлерова передача эпиграммы; но вмѣсто ихъ четверостишій у нашего юнаго поэта является цѣлыхъ восемь, притомъ довольно слабыхъ стиховъ. Произошло ли это отъ его неопытности, или же отъ того, что онъ руководствовался инымъ, не Вольтеровымъ и не Буфлеровымъ текстомъ? В. К. Ернштедтъ склоняется къ сему послѣднему рѣшенію вопроса и указываетъ на другую французскую передачу эпиграммы о зеркалѣ Лаиды, въ восьми стихахъ, — въ любопытномъ сочиненіи Гюи (P.-A. Guys): „Voyage litteraire de la Grèce, ou Lettres sur les Grecs anciens et modernes, avec un parallèle de leurs moeurs“. Вотъ переводъ Гюи, сдѣланный, какъ онъ самъ сознается, по те-

кету Авзонія („Греческой Антологіи“ Гюи, по видимому, не зналъ: по крайней мѣрѣ въ его сочиненіи, испещренномъ ссылками на древнихъ авторовъ, нѣтъ ссылокъ на „Антологію“):

«Pour moi», disait Laïs au déclin de ses jours,
«Ce fidèle miroir n'est plus d'aucun usage:
«C'en est fait, je te l'offre, ô mère des amours!
«A Vénus toujours belle il servira toujours.
«Moi qui n'ai pas cet avantage
«Qu'en ferais-je, hélas? Je ne puis
«M'y voir comme j'étais au printemps de mon âge;
«Et puis-je, sans douleur, m'y voir comme je suis».

Переводъ Пушкина несомнѣнно ближе къ этому тексту, чѣмъ къ другимъ, и можно считать весьма вѣроятнымъ, что нашъ поэтъ воспользовался именно переводомъ Гюи.

По мнѣнію Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 166), послѣднія строки въ надписи Пушкина сложились будто бы подъ вліяніемъ слѣдующихъ стиховъ Капниста въ его піесѣ „Красота“:

Зачѣмъ въ пріятной я судьбинѣ,
Какъ нынѣ, мыслить не могла;
Или зачѣмъ не та я нынѣ,
Не та, что̀ въ младости была!

Но слѣдуетъ замѣтить, что Капнистъ никогда не пользовался вниманіемъ Пушкина. Притомъ приведенные стихи Капниста едва ли не составляютъ подражанія Вольтеру или же Авзонію [1]).

---

1) Кромѣ Пушкинской передачи данной эпиграммы, въ русской литературѣ его времени существуютъ еще два перевода той же піесы: одинъ, за подписью *Б—ю*, въ журналѣ *Лицей* 1806 г., т. II, кн. 3, стр. 17, и другой, *Д. Саларева*, въ журналѣ *Благонамѣренный* 1820 г., № XI, стр. 375, но оба они сдѣланы не на основаніи текста Гюи, и потому не представляется необходимымъ сообщать ихъ здѣсь для сравненія съ переводомъ Пушкина.

Знакомство Пушкина съ книгой Гюи еще во время бытности въ лицеѣ побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ сочиненіи, которое, можетъ быть, осталось не безъ вліянія на образованіе и развитіе нашего поэта. П.-А. Гюи (род. въ 1722, ум. въ 1801 г.) былъ уроженцемъ Марсели, рано посвятилъ себя торговлѣ и совершилъ нѣсколько путешествій въ Левантъ, что̀ и познакомило его съ греками и побудило къ сочиненію „Voyage littéraire de la Grèce“. Оно имѣло два изданія — въ 1776 и 1783 годахъ; экземпляръ перваго изъ нихъ былъ поднесенъ авторомъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая отблагодарила его присылкой медали въ память Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Извѣстно, что закончившаяся имъ война Россіи съ Турціей возбудила въ грекахъ надежды на улучшеніе ихъ участи. Гюи принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ въ прошломъ вѣкѣ западныхъ европейцевъ, которымъ не чужда была мысль о греческомъ возрожденіи; это замѣтно и въ его „Путешествіи“, которому извѣстный французскій еллинистъ Э. Эгжеръ даетъ слѣдующую оцѣнку: „Въ качествѣ марсельскаго уроженца Гюи внесъ въ изученіе Греціи долю патріотической любознательности. Европа уже давно свыклась съ рабствомъ грековъ, которое считалось неустранимымъ. Поэтому любопытно видѣть, какъ французъ, недурной знатокъ греческаго и латинскаго языковъ, искусный и сочувственный наблюдатель страны и людей, старается снять съ грековъ давно назрѣвшее противъ нихъ предубѣжденіе, и не требуя крестоваго похода ради ихъ освобожденія, утверждаетъ, что въ нихъ замѣтны иногда слѣды древняго генія, и что христіанская религія, нерѣдко лишь прикрывающая слой чисто языческаго суевѣрія, въ то же время поддерживаетъ въ нихъ высокія добродѣтели, напримѣръ, чистоту брака и гостепріимство. Если не ошибаюсь, въ этомъ сочиненіи впервые

была сдѣлана попытка обратить вниманіе западной Европы на народную поэзію выродившихся еллиновъ и объяснить мягкость народнаго греческаго выговора французамъ, издавна привыкшимъ къ произношенію учениковъ Еразма. Во второмъ изданіи сочиненія Гюи любопытны еще нѣсколько страницъ, написанныхъ рукой женщины, имя которой пробуждаетъ драгоцѣнныя для французской словесности воспоминанія: г-жа Шенье, мать двухъ поэтовъ, гречанка по происхожденію, проживавшая въ Перѣ среди многочисленной семьи, написала Гюи, который былъ съ нею друженъ, два исполненныя благородства и изящества письма о пляскахъ и погребальныхъ обрядахъ грековъ; Гюи напечаталъ эти письма къ удовольствію своихъ читателей. Это какъ бы первое благоуханіе той высокой поэзіи, которую возродилъ во Франціи геній Андрея Шенье“ (*Egger*, *Em.* L'Hellénisme en France. Paris. 1869. T. I, pp. 285 et 286).

VIII.

КРАСАВИЦѢ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

(Стр. 33 и 34).

Это стихотвореніе находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 33, съ помѣтой: „1814“ и съ нѣсколькими позднѣйшими поправками; писано не Пушкина рукой. — Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 259 и 260, безъ вниманія къ помянутымъ поправкамъ, но съ пропускомъ нѣкоторыхъ изъ зачеркнутыхъ стиховъ; часть пропусковъ возстановлена П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 г., т. I, стр. 23 и 24. Въ рукописи нѣкоторые стихи, предназначавшіеся къ передѣлкѣ, только зачеркнуты, но не исправлены, а потому при печатаніи по необходимости введены въ текстъ.

Первоначальныя чтенія исправленныхъ стиховъ даютъ слѣдующіе *варіанты*:

Вмѣсто ст. 20-го: *Стаканы сушитъ всѣ до дна,*
И чтобъ прогнать остатокъ сна
Ст. 23-й отсутствуетъ.
„ 24-й: *У коей.....*
„ 25-й: *У коей.....*
„ 26-й: *Чаекъ въ прикуску попиваетъ*
„ 27-й: *Съ сарептскимъ* табакомъ...
„ 28-й: *А ты....*
„ 29-й: *Столь* нравится...
„ 34-й: Разсыпался на грудь *и, можетъ, сквозь* платокъ
Проникнуть захотѣлъ.... о, сладость вожделѣнья!
До тайныхъ прелестей, которыхъ самъ Эротъ
Запряталъ за лѣса и горы,
Чтобъ не могли нескромны взоры
Открыть вмѣстилище божественныхъ красотъ.
Ст. 37-й: *О, доля человѣка* злая!...

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 310) считалъ эту піесу одною изъ самыхъ плохихъ даже между лицейскими стихотвореніями Пушкина; Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 175) признавалъ ее „напоминающею по неизяществу вымысла и шутовской формѣ пріемы пѣвца „Душеньки“, которою тогда восхищались чувствительные юноши и веселые старички“, а Шевыревъ (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 253 и 254) даже сомнѣвался въ принадлежности этого стихотворенія Пушкину. Но присутствіе его въ рукописяхъ поэта, да еще съ его собственноручными поправками, устраняетъ всякое со-

мнѣніе на этотъ счетъ, а сверхъ того мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство въ запискахъ И. И. Пущина: „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ — писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кантакузиной. Вѣроятно, она и не знала и не читала этихъ стиховъ, — плодъ разгоряченнаго молодого воображенія“ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 61). Въ этомъ сообщеніи Пущина не все однако вѣрно: красавицей, нюхавшею табакъ, была не вторая сестра товарища Пушкина князя Александра Михайловича Горчакова, княжна Елена, а четвертая — княжна Софія, бывшая впослѣдствіи за мужемъ за Абрамомъ Петровичемъ Хвощинскимъ; она родилась въ 1802 году, а скончалась въ 1836; къ ней и обращено стихотвореніе Пушкина.

Не по содержанію, а по пріемамъ изложенія, напримѣръ, по различію въ числѣ стопъ въ стихахъ, піеса Пушкина напоминаетъ отчасти посланіе Батюшкова къ графу Мих. Юр. Вьельгорскому (1809 г.), которое впрочемъ впослѣдствіи самъ Пушкинъ считалъ произведеніемъ очень слабымъ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ. стр. 295).

IX.

STANCES.

(Стр. 35).

Автографъ этого стихотворенія, полученный отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, принадлежитъ нынѣ Е. Д. Куломзиной; другая рукопись той же піесы, писанная А. Д. Илличевскимъ, была въ рукахъ Гаевскаго, но намъ осталась неизвѣстною. — Напечатаны эти стансы въ его статьѣ: „Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія“ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 176), а оттуда перешли въ изданіе 1870 г., стр. 57 и 58.

Стихотвореніе, по свидѣтельству Гаевскаго, относится къ тому же лицу, что̀ и предшествующее; но должно замѣтить, что особу, къ которой обращается поэтъ въ стансахъ, онъ называетъ Eudoxie.

X.

КЪ НАТАЛЬѢ.

(Стр. 36 — 38).

Стихотвореніе это сохранилось въ позднѣйшей копіи въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 688 и 688 об., безъ окончанія. — Напечатано оно въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 261 — 263, въ ряду лицейскихъ стихотвореній.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 318) признавалъ эту піесу носящею на себѣ вліяніе Батюшкова, а Шевыревъ находилъ ее на столько слабою, что отрицалъ даже принадлежность ея Пушкину. „Можетъ быть“, писалъ онъ (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 254), — „это шалости его же товарищей. Мы не думаемъ, чтобы Пушкинъ, 14-ти лѣтъ написавшій тѣ прекрасные стихи, которые читаемъ на стр. 389 („Путешественнику“:

Судьба на руль уже склонилась....),

могъ позволить себѣ такія риѳмы, какъ *Наталья* и *сераля*, *китайца* и *американца*“. Стихотвореніе однако несомнѣнно принадлежитъ Пушкину и даже относится къ опредѣленному лицу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1814 года, у одного изъ царскосельскихъ жителей, камергера графа Варѳоломея Васильевича Толстого, „богатаго и любящаго удовольствія человѣка“ (какъ выражался о немъ лицеистъ Илличевскій въ письмѣ къ одному пріятелю), существовалъ домашній театръ, на которомъ играла труппа, составленная изъ крѣпостныхъ людей.

Лицеисты посѣщали эти представленія и засматривались на первую любовницу труппы, хотя она была только миловидна, но актриса плохая. Къ ней-то и обращено стихотвореніе Пушкина (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 139, ст. *Гаевскаго;* ср. *Гротъ*, Пушкинъ, и пр., стр. 63, письма Илличевскаго).

XI.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

(Стр. 39 и 40).

Автографъ этого стихотворенія, на отдѣльномъ листкѣ, находится у князя П. А. Путятина, которымъ полученъ отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина. — Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 264 — 266, въ ряду лицейскихъ стихотвореній.

По содержанію очевидно, что эта піеса относится къ тому же лицу, что̀ и напечатанная подъ № X. Упоминаемая въ ст. 1-мъ Клеронъ — одна изъ знаменитѣйшихъ французскихъ актрисъ прошлаго вѣка (род. въ 1723 г., ум. въ 1803). Это стихотвореніе, какъ и предшествующее, по мнѣнію Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 318), написано подъ вліяніемъ Батюшкова.

XII.

ОПЫТНОСТЬ.

(Стр. 41 и 42).

Стихотвореніе это сохранилось въ копіи неизвѣстнаго почерка въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной рукописномъ сборникѣ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стр. 89 и 90. — Впервые оно напечатано въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г., ч. LXXVII, № 19, стр. 179 и 180, съ подписью

1.... 14 — 16, а отсюда внесено въ изданіе Анненкова, т. II, стр. 16 и 17. Текстъ рукописи совершенно сходенъ съ текстомъ *Вѣстника Европы;* но позднѣйшіе издатели допустили произвольную передѣлку въ ст. 5-мъ I-й строфы.

Какъ объ этой піесѣ, такъ и о помѣщенной ниже подъ № XIII, Анненковъ (т. II, стр. 29) даетъ слѣдующій отзывъ: „Еще неправильныя по стиху своему, они весьма замѣчательны въ другихъ отношеніяхъ. Это самое раннее подражаніе анакреонтическимъ поэтамъ Франціи или Батюшкову, который считался тогда ихъ представителемъ у насъ". Замѣчаніе не вполнѣ справедливое, такъ какъ Пушкинъ пытался подражать названнымъ поэтамъ еще въ своихъ опытахъ 1812 года, однако вѣрное въ томъ отношеніи, что указываетъ на анакреонтическое направленіе, коему онъ тогда слѣдовалъ по примѣру своихъ образцовъ. А. И. Незеленовъ (А. С. Пушкинъ въ его произведеніяхъ, стр. 27), строго осуждающій это направленіе Пушкина съ нравственной стороны, относитъ „Опытность" къ числу піесъ, въ которыхъ „отрокъ-авторъ" выразилъ свой легкомысленный взглядъ на жизнь.

XIII.

БЛАЖЕНСТВО.

(Стр. 43 — 45).

Это стихотвореніе напечатано въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г., ч. LXXVII, № 20, стр. 275 — 277, съ подписью: *1.... 14— — 16*, а отсюда вошло въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 13 — 15.

Мнѣніе П. В. Анненкова объ этой піесѣ см. въ примѣчаніи къ предшествующему стихотворенію.

— (**Стр. 43, ст. 11**). Эрмій — Гермесъ, Меркурій; Эрміевъ сынъ — сатиръ.

— (**Стр. 43, ст. 19 и 20**). Стихи эти представляютъ старинный оборотъ рѣчи — согласованіе глагола *слушать* съ родительнымъ падежемъ, встрѣчающееся между прочимъ у Державина, въ піесѣ 1794 года „Меркурію“ (Сочиненія, академ. изданіе, т. I, стр. 560):

Приди моей сей пѣсни слушать!

XIV.

ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

(Стр. 46 — 49).

Стихотвореніе это сохранилось въ двухъ автографахъ: 1) въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 38 — 40, съ помѣтой „1814“ и нѣсколькими позднѣйшими поправками, и 2) на отдѣльномъ листѣ, хранящемся въ Пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лицея; снимокъ съ этой послѣдней рукописи, на 4 страницахъ, приложенъ къ изданной лицеемъ брошюрѣ: Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. С.-Пб. 1887. Сверхъ того, намъ извѣстна копія этой піесы въ рукописномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной, стр. 1 — 6. — Впервые стихотвореніе напечатано по музейной рукописи въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 337 — 341, подъ заглавіемъ „Пирующіе друзья“, съ пропускомъ двухъ первыхъ стиховъ во 2-й строфѣ и безъ вниманія къ находящимся въ рукописи позднѣйшимъ поправкамъ. Нѣкоторыя поправки къ тексту посмертнаго изданія, повторенному и Анненковымъ (т. II, стр. 19 — 22) безъ существенныхъ измѣненій, сообщены Е. И. Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., № 8, ст. 309 и 310, а также В. П. Гаевскимъ въ *Современникѣ* 1863 г., т. XCVII, стр. 350 и 351. Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ музейной рукописи со включеніемъ находящихся

въ ней позднѣйшихъ исправленій; первоначальныя же чтенія этой рукописи, которыя всѣ находятся и въ лицейскомъ автографѣ, а также въ сборникѣ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, предлагаются здѣсь въ качествѣ *варіантовъ*:

Строфа I-я, ст. 11-й: *Подъ столъ* ученыхъ дураковъ
„ II-я, „ 4-й: *Скорѣе* президента.
„ IV-я, „ 1-й: *А* ты, красавецъ молодой

Послѣ строфы VIII-й въ лицейской рукописи и въ „Духѣ трубадуровъ“ помѣщена еще слѣдующая строфа, въ музейной рукописи уже зачеркнутая:

Не лучше ль, Роде записной,
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа,
Нѣтъ нужды, что нескладно!
Охрипли!... Это не бѣда!
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

По внѣшней своей формѣ стихотвореніе это есть подражаніе піесѣ Батюшкова „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ“, которая, въ свою очередь, составляетъ пародію на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковскаго. Во всѣхъ трехъ стихотвореніяхъ бо́льшую часть отдѣльныхъ строфъ составляютъ обращенія автора къ отдѣльнымъ лицамъ. Въ „Пирующихъ студентахъ“ эти обращенія начинаются со второй строфы, и первое изъ нихъ относится къ Александру Ивановичу Галичу, преподававшему въ лицеѣ латинскій языкъ въ 1814—1815 годахъ.

Галичъ (род. въ 1783 г., ум. въ 1848) былъ молодой человѣкъ очень умный и прекрасно образованный; не задолго предъ своимъ опредѣленіемъ въ лицей онъ возвратился изъ-за границы, куда былъ посланъ для под-

готовленія къ занятію каѳедры философіи въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. Онъ обладалъ несомнѣнными способностями къ академическому преподаванію, но вовсе не годился для элементарныхъ занятій латинскимъ языкомъ съ учениками, изъ которыхъ не всѣ достигли даже юношескаго возраста. По словамъ его біографа (*Никитенко, А. В.* Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1869, стр. 22 и 23), „вмѣсто педагогическихъ способностей, которыхъ ему недоставало, онъ развернулъ въ лицеѣ свой характеръ, знакомый болѣе съ поэтическою, чѣмъ съ практическою стороной жизни, характеръ общительный, кроткій, въ высшей степени беззаботный, съ значительною долей юмора и ироніи и съ полнымъ нерасположеніемъ къ школьной дисциплинарности. Въ лицеѣ онъ увидѣлъ передъ собою толпу юношей милыхъ, веселыхъ, нѣкоторыхъ съ замѣчательными дарованіями, но вообще не слишкомъ обременявшихъ себя механизмомъ науки, и тотчасъ понялъ, что ему тутъ трудно будетъ насадить древо познанія латыни. Юноши въ свою очередь примѣтили, что ихъ новый наставникъ болѣе философъ, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобы настойчиво занимать ихъ супинами и герундіями, и постарались, въ замѣнъ ихъ, извлечь изъ него другое добро, его теплое сочувствіе къ юношескимъ свѣтлымъ интересамъ жизни. Но какъ они были молодые люди благовоспитанные, то въ отношеніяхъ ихъ къ нему не могло быть ничего грубаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго для человѣка, высокій умъ и неподдѣльная доброта котораго не могла не дѣйствовать укротительно на пылкія, но еще не успѣвшія испортиться молодыя сердца. Какъ бы то ни было, однако Галичъ былъ плохимъ преподавателемъ латинскаго языка въ лицеѣ, а вмѣсто того очень пріятнымъ собесѣдникомъ лицейскихъ воспитанниковъ, которые весело

проводили съ нимъ время иногда за чтеніемъ своихъ стихотвореній, въ свободные часы, ни мало не пугаясь его профессорской осанки, которую они умѣли щадить, а его также не пугая слишкомъ шумною и игривою бесѣдой [1]). „Ну, господа", говорилъ онъ имъ послѣ оживленной, далеко не школьной бесѣды, взявъ въ руки Корнелія Непота,—„теперь потреплемъ старика" [2]). И юноши, по возможности, спѣшили удѣлить старику малую толику своего вниманія и времени. Пушкинъ, кажется, особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ будущій поэтъ, и притомъ обладалъ многими знаніями, если и не доступными тогдашнему положенію и возрасту автора „Онѣгина", то не чуждыми его умственнымъ инстинктамъ". Галичъ прослужилъ въ лицеѣ всего одинъ годъ (съ 10-го мая 1814 по 1-е іюня 1815), но оставилъ по себѣ самую свѣтлую память въ сердцѣ своихъ лицейскихъ учениковъ: этимъ объясняются какъ обращеніе къ нему Пушкина въ „Пирующихъ студентахъ", такъ и два посланія, написанныя юношей-поэтомъ къ нему въ 1815 году. Слѣдуетъ еще замѣтить, что такъ-называемыя „вакхическія собранія" лицеистовъ, на которыя они приглашали Галича, отличались въ дѣйствительности — судя по свидѣтельству Пущина — гораздо болѣе умѣреннымъ и сдержаннымъ характеромъ, чѣмъ какой приданъ ихъ изображенію въ „Пирующихъ студентахъ": очевидно, поэтъ допустилъ въ своихъ стихахъ значительное пре-

---

1) Галичъ, живя въ Петербургѣ, для уроковъ пріѣзжалъ въ Царское Село и долженъ былъ, въ промежутокъ времени отъ однихъ классныхъ часовъ до другихъ, оставаться въ лицеѣ, отчего у него была возможность особенно сближаться съ воспитанниками и внѣ классовъ.

Примѣчаніе А. В. Никитенка.

2) Ср. воспоминаніе о томъ же лицеиста В. К. Кюхельбекера въ *Русской Старинѣ* 1875 г., т. XIII, стр. 502.

увеличеніе, какъ поэтическую вольность. Такое же преувеличеніе слѣдуетъ видѣть и въ примѣненіи слова *студентъ* къ лицеистамъ, изъ коихъ немногіе переступили въ ту пору отроческій возрастъ; или, быть можетъ, Пушкинъ, называя себя и товарищей студентами, хотѣлъ намекнуть на то, что внѣклассныя бесѣды Галича дѣйствительно походили на студенческія лекціи, такъ какъ извѣстно, что ради этихъ бесѣдъ Галичъ привозилъ съ собою въ Царское Село разныя книги и читалъ ихъ лицеистамъ, сопровождая своею критикой и объясненіями. Наконецъ прибавимъ, что выраженіе Галича „потреплемъ старика“ надолго осталось въ памяти Пушкина: онъ вспомнилъ о немъ въ 1823 году, когда писалъ слѣдующія заключительныя строки послѣдней, XL-й строфы II-й главы „Евгенія Онѣгина“:

Прими жь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика.

Въ той же второй строфѣ „Пирующихъ студентовъ“ есть намекъ и на одного изъ товарищей автора, — тамъ, гдѣ онъ предполагаетъ, что Галичъ, президентъ пирушки, поднесетъ „спартанцамъ“

Воды въ стаканѣ чистой.

„Спартанцемъ“ товарищи называли лицеиста Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, шедшаго все время въ своемъ курсѣ первымъ и отличавшагося, кромѣ прилежанія и ума, еще замѣчательною твердостью характера и воздержностью. Послѣ выхода изъ лицея онъ поступилъ въ военную службу и между прочимъ служилъ за Кавказомъ, гдѣ Пушкинъ видѣлся съ нимъ во время кампаніи

1829 года. Умеръ онъ въ 1841 году (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 71 — 73).

Въ третьей строфѣ начинаются прямыя обращенія автора къ товарищамъ, и тутъ ихъ два, оба относящіяся къ лицейскимъ поэтамъ — барону Дельвигу и Илличевскому. Дельвигъ достаточно извѣстенъ; что касается Илличевскаго (род. въ 1798 году, ум. въ 1837), то онъ славился между товарищами въ особенности своими эпиграммами и въ одно время считался даже соперникомъ Пушкина въ стихотворствѣ. Къ чести Илличевскаго должно сказать, что онъ одинъ изъ первыхъ угадалъ дарованіе Пушкина и писалъ о немъ своему пріятелю гимназисту П. Н. Фуссу еще въ 1812 году (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 5, 33, 56 и 57).

Четвертая строфа обращена къ „молодому красавцу, сіятельному повѣсѣ“ — однако не къ князю А. М. Горчакову, какъ предполагалъ Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 351), а къ графу Сильверію Францовичу де-Броль, или какъ говорили у насъ въ старину, Брогліо. Этотъ лицеистъ былъ сынъ французскаго эмигранта, учился очень плохо и отличался не способностями, а склонностью къ шалостямъ (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 253). По свидѣтельству Пущина, онъ по выходѣ изъ лицея уѣхалъ во Францію, сталъ въ послѣдствіи филеллиномъ и въ 1829 году былъ убитъ въ войнѣ за независимость Греціи (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 63). По видимому, въ разсматриваемое стихотвореніе онъ попалъ нѣсколько случайно, такъ какъ нѣтъ указаній на особенную близость его съ Пушкинымъ, да и бесѣдами съ Галичемъ Броль едва ли могъ живо интересоваться.

Въ пятой строфѣ рѣчь идетъ объ Ив. Ив. Пущинѣ (род. въ 1798 г., ум. въ 1859), которому русская литература обязана самыми полными воспоминаніями о лицейскомъ періодѣ жизни Пушкина, написанными съ большою

теплотой и обнаруживающими очень вѣрное пониманіе характера молодого поэта. Пущинъ особенно дорожилъ тѣми особенными свойствами, какими отличались его отношенія къ Пушкину, то-есть, ихъ простотой и искренностью, и говоря о томъ въ своихъ запискахъ, приводитъ въ подтвержденіе пятую строфу „Пирующихъ студентовъ“, а также посланіе къ нему Пушкина, написанное уже въ 1817 году. Такимъ образомъ, слѣдующія строки изъ записокъ Пущина, предпосланныя вышеупомянутымъ стихамъ, являются прямымъ комментаріемъ къ нимъ: „Главное, ему (Пушкину) недоставало того, что̀ называется *тактомъ*, — это капиталъ, необходимый въ товарищескомъ быту, гдѣ̀ мудрено, почти невозможно, при совершенно безцеремонномъ обращеніи, уберечься отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній вседневной жизни. Все это вмѣстѣ было причиной, что вообще не вдругъ отозвались ему на его привязанность къ лицейскому кружку, которая съ первой поры зародилась въ немъ, не проявляясь впрочемъ свойственною ей иногда пошлостью. Чтобъ полюбить его настоящимъ образомъ, нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ. Между нами какъ-то это скоро и незамѣтно устроилось“ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 55).

Шестая строфа посвящена Михаилу Лукьяновичу Яковлеву (род. въ 1798 г., ум. въ 1868), тому изъ товарищей Пушкина, который, по видимому, всего болѣе сжился со строемъ жизни лицея; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи онъ особенно бережно хранилъ его преданія, за что̀ и былъ прозванъ лицейскимъ старостой; у него первый курсъ обыкновенно праздновалъ лицейскія годовщины. Большой весельчакъ, Яковлевъ обладалъ нѣ-

которыми художественными талантами — хорошо рисовалъ, сочинялъ романсы, между прочимъ на стихи Пушкина и Дельвига, и прекрасно пѣлъ. Литературные его опыты были менѣе удачны: его басни, подобно стихамъ его товарищей, были посылаемы для печатанія въ *Россійскій Музеумъ*, но издатель его В. В. Измайловъ не давалъ имъ мѣста въ своемъ журналѣ; этимъ, вѣроятно, объясняется намекъ Пушкина на плохія басни Яковлева. Пушкинъ до самой смерти сохранилъ къ нему дружескія отношенія.

Въ книгѣ Я. К. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", стр. 267 и 268, есть къ строфѣ шестой слѣдующее примѣчаніе:

«Въ обращеніи къ Яковлеву въ «Пирующихъ студентахъ» третій стихъ:

Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ

требуетъ нѣкотораго объясненія. По чтенію Анненкова, Геннади и г. Ефремова онъ напечатанъ въ такомъ видѣ:

Съ тобой *тостуюсь* безъ чиновъ.

Въ изданіи же литературнаго фонда читаемъ:

Съ тобой *тасуюсь* безъ чиновъ.

Разность эта произошла отъ того, что въ автографѣ, который недавно воспроизведенъ при брошюрѣ «29 января 1887», изданной Александровскимъ лицеемъ, подчеркнутое слово написано неясно: въ немъ первая гласная болѣе походитъ на *о*, чѣмъ на *а*; а такъ какъ слова *тосуюсь* нѣтъ, то и пришлось отгадывать, что̀ хотѣлъ сказать поэтъ. Слова *тостуюсь* также нѣтъ, но оно можетъ быть образовано и въ значеніи *пью* съ кѣмъ-нибудь *тостъ* или *чокаюсь* было бы здѣсь умѣстно; слово *тасоваться* есть, но оно обыкновенно употребляется только въ примѣненіи къ картамъ: карта *затасовалась*, колода *истасовалась* (см. словарь Даля). Едва ли оно можетъ быть употреблено въ смыслѣ взаимнаго глагола, когда рѣчь идетъ о людяхъ. Впрочемъ, предоставляю рѣшить этотъ вопросъ лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ карточной терминологіи».

Примѣчаніе это не можетъ быть оставлено безъ объясненій. Прежде всего должно замѣтить, что именно въ

данномъ случаѣ обращеніе къ знатокамъ карточной терминологіи было бы совершенно безполезно, такъ какъ дѣло идетъ объ употребленіи слова *тасовать* не примѣнительно къ картамъ, а въ другихъ смыслахъ. Далѣе, ссылка Грота на словарь Даля не полна: кромѣ тасованія картъ, Даль указываетъ еще такія выраженія: 1) *тасовать людей* или *людьми*, что̀ значитъ: помыкать подчиненными, мѣнять людей произвольно, и 2) *тасовать товары*, то-есть, мѣшать товаръ разнаго достоинства. Выраженіе *тасовать людей* указано и академическимъ словаремъ 1847 года. Впрочемъ, нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что коренное значеніе слова *тасовать* относится къ картамъ, и что подобно другимъ карточнымъ терминамъ это слово заимствовано съ польскаго *tasować*, что̀ прежде всего значитъ: мѣшать карты. Какъ бы то ни было, выраженіе Пушкина:

Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,

въ смыслѣ: обращаюсь, вожусь съ тобой безъ чиновъ — можетъ быть признано только рѣдкимъ или мало употребительнымъ, но никакъ не неправильнымъ. Что же касается написанія слова, о которомъ идетъ рѣчь, то Пушкинъ, по крайней мѣрѣ въ лицейскіе годы, дѣйствительно писалъ его неправильно — съ *о*, а не съ *а* въ первомъ слогѣ; если въ автографѣ, факсимилированномъ въ брошюрѣ „29 января 1887 года“, данное слово читается неясно, то въ другомъ автографѣ „Пирующихъ студентовъ“, въ рукописи Московскаго Публичнаго музея, л. 39, оно очень отчетливо написано *тосуюсь*.

Седьмая строфа обращена къ Ивану Васильевичу Малиновскому (род. въ 1795 г., ум. въ 1873), старшему изъ всѣхъ лицеистовъ перваго курса, сыну перваго директора лицея. Онъ отличался добродушіемъ и въ то же время пылкостью нрава, за что̀ и прозванъ былъ среди товарищей *козакомъ*. На это и намекаетъ въ предпослѣднемъ

стихѣ седьмой строфы Пушкинъ, горячо любившій Малиновскаго и вспоминавшій о немъ даже на смертномъ одрѣ (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 70).

Восьмая строфа относится къ Николаю Александровичу Корсакову, который, подобно Пушкину и нѣсколькимъ другимъ его товарищамъ, уже названнымъ выше, принадлежалъ къ числу лицеистовъ-литераторовъ; онъ участвовалъ въ изданіи лицейскихъ журналовъ и самъ писалъ стихи. Но главное, чѣмъ онъ отличался, это были его музыкальныя способности: онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ и былъ отчасти композиторъ. Въ той строфѣ „Пирующихъ студентовъ“, которая слѣдовала за восьмою, но была выпущена Пушкинымъ въ окончательной редакціи (см. ее выше, стр. 57), авторъ сравниваетъ Корсакова съ знаменитымъ скрипачемъ того времени, имѣвшимъ въ 1803 — 1811 годахъ чрезвычайный успѣхъ въ Россіи, Петромъ Роде (род. въ 1774 г., ум. въ 1830 въ Бордо). По выходѣ изъ лицея Корсаковъ поступилъ на дипломитическое поприще, былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Римѣ и въ 1820 году умеръ во Флоренціи. За часъ до своей смерти онъ сочинилъ себѣ эпитафію и самъ начерталъ ее крупными буквами, чтобъ она могла быть выгравирована на его надгробномъ памятникѣ (*Современникъ* 1853 г., т. XXXVII, стр. 70, статья *Гаевскаго* о Дельвигѣ).

Наконецъ, въ послѣдней, девятой строфѣ „Пирующихъ студентовъ“ упоминается имя еще одного лицеиста, Вильгельма Кюхельбекера. Русскій нѣмецъ по происхожденію, поступившій въ лицей съ нетвердымъ знаніемъ русскаго языка, хотя до шести лѣтъ не зналъ никакого другого (*Русская Старина* 1875 г., т. XIII, стр. 334), онъ долго не могъ справиться даже съ техникой нашего стихосложенія; за это онъ постоянно подвергался насмѣшкамъ своихъ товарищей; въ лицейскихъ рукописныхъ

журналахъ нерѣдко помѣщались эпиграммы на него, авторомъ которыхъ чаще всего бывалъ Пушкинъ; но въ то же время Пушкинъ очень любилъ его и по выходѣ изъ лицея состоялъ съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ и перепискѣ. Какъ извѣстно, Кюхельбекеръ пострадалъ по дѣлу 14-го декабря. Быстрое и неожиданное обращеніе къ „Вильгельму“ въ концѣ „Пирующихъ студентовъ“ напоминаетъ подобный же пріемъ, встрѣчающійся у Батюшкова въ предпослѣдней строфѣ его „Пѣвца въ бесѣдѣ славяно-россовъ“:

Пѣвецъ.

Друзья, прощанью сей стаканъ!
Ужь свѣчи погасили,
Пробили зорю въ барабанъ,
Къ заутренѣ звонили,
Пора домой, пора ко сну,
Отъ хмѣля я шатаюсь....

Графъ Хвостовъ.

Дай, басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

Въ заключеніе замѣтимъ, что какъ по внѣшней формѣ піеса „Пирующіе студенты“ стоитъ въ связи съ вышеупомянутою пародіей Батюшкова, такъ по внутреннему содержанію она является предтечей тѣхъ превосходныхъ стихотвореній, въ которыхъ Пушкинъ воспѣвалъ дорогой ему лицей въ зрѣлую пору своего дарованія. Подобно „Пирующимъ студентамъ“, „Лицейскія годовщины“ полны поэтическихъ характеристикъ товарищей Пушкина, но разумѣется, въ „Годовщинахъ“ онѣ ярче и исполнены болѣе твердою рукой.

XV.

КЪ БАТЮШКОВУ.

(Стр. 50 — 53).

Рукописи этого стихотворенія не сохранилось. — Напечатано оно въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. I, № 1, стр. 8—10, подъ заглавіемъ: „Къ Б—ову“, съ пропускомъ стиховъ 72-го — 92-го и съ подписью: *1..... 14 — 16*; въ томъ же видѣ, съ небольшими лишь исправленіями, вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 430 — 433, и повторено изданіемъ *Анненкова*, т. II, стр. 25 — 27; но въ т. VII, стр. 53 и 54, этого послѣдняго изданія сообщены, безъ указанія источника, и пропущенные стихи 72-й — 92-й.

Текстъ *Россійскаго Музеума* представляетъ слѣдующіе незначительные *варіанты*:

Ст. 11-й: Подъ тѣнью *тополовъ*....
„ 15-й: Довольный *счастливымъ* началомъ
„ 57-й: Какъ россъ, *питомцемъ* славы палъ.

Стихотвореніе это написано, безъ сомнѣнія, ранѣе, чѣмъ Пушкинъ имѣлъ случай познакомиться съ Батюшковымъ и даже видѣть его: авторъ представляетъ себѣ его „мечтателемъ юнымъ“ (ст. 7-й) и даже просто „юношей“ (ст. 18-й), тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ 1814 году Батюшкову исполнилось уже 28 лѣтъ, онъ участвовалъ уже въ трехъ кампаніяхъ и въ одной изъ нихъ былъ даже раненъ. Тѣмъ не менѣе, посланіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи Пушкина къ Батюшкову: авторъ уподобляетъ его Парни, котораго высоко цѣнилъ въ то время, и какъ бы выражаетъ опасеніе, чтобъ онъ не бросилъ занятій поэзіей: анакреонтиче-

скому направленію послѣдней подъ перомъ Батюшкова Пушкинъ горячо сочувствовалъ и потому преимущественно избиралъ этого поэта образцомъ себѣ. „Даже въ піесахъ, написанныхъ (Пушкинымъ) подъ вліяніемъ другихъ поэтовъ“, говоритъ по этому поводу Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 318), — „замѣтно въ то же время и вліяніе Батюшкова: такъ гармонировала артистическая натура молодого Пушкина съ артистическою натурой Батюшкова“. И это уваженіе поэта-лицеиста къ избранному имъ себѣ образцу тѣмъ замѣчательнѣе, что въ данный моментъ, то-есть, въ 1814 году, Батюшковъ былъ извѣстенъ лишь небольшимъ числомъ разбросанныхъ по журналамъ піесъ, изъ коихъ далеко не всѣ были выдающагося достоинства, и не написалъ еще ни одного изъ тѣхъ стихотвореній, которыя составили впослѣдствіи его славу; такимъ образомъ, юноша Пушкинъ какъ бы предугадалъ развитіе его изящнаго таланта. Настаивая на томъ, чтобы Батюшковъ продолжалъ писать въ анакреонтическомъ родѣ, онъ въ то же время готовъ былъ ожидать отъ него стиховъ во славу войны или же произведеній сатирическихъ. Литературная сатира „Видѣніе на берегахъ Леты“ считалась въ то время однимъ изъ тѣхъ произведеній Батюшкова, которыя наиболѣе давали ему правъ на извѣстность, хотя самъ авторъ сознавался, что „этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ“ (Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 55). Пушкину „Видѣніе“ тоже, безъ сомнѣнія, нравилось: онъ хвалилъ его даже много лѣтъ спустя, въ 1826—1827 годахъ, когда уже сталъ находить шутки Батюшкова вообще неудачными (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 293). Но любопытно, что еще на лицейской скамьѣ онъ осуждалъ автора „Видѣнія“ за насмѣшки надъ Тредіаковскимъ: еще въ ту пору подобныя выходки казались юному поэту запоздалымъ общимъ мѣстомъ.

— (**Стр. 51 и 52, ст. 55 — 59**). Въ стихотвореніи „Воспоминанія 1807 года“ Батюшковъ изображаетъ себя въ лагерѣ подъ Гейльсбергомъ, гдѣ 29-го мая 1807 произошло сраженіе съ французами, въ которомъ онъ былъ раненъ; здѣсь между прочимъ читаются слѣдующіе стихи, на которые намекаетъ Пушкинъ:

О, Гейльсбергски поля, въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ счастливый,
На смерть летя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну!

Пушкинъ читалъ стихотвореніе Батюшкова, по всему вѣроятію, въ изданномъ Жуковскимъ „Собраніи русскихъ стихотвореній“ (т. V. Москва. 1811).

— (**Стр. 52, ст. 72**). Графонъ — по всему вѣроятію, графъ Д. И. Хвостовъ.

— (**Стр. 52, ст. 79 — 82**). Степанъ Ивановичъ Висковатовъ — членъ Бесѣды любителей русскаго слова, авторъ и переводчикъ нѣсколькихъ трагедій въ ложноклассическомъ родѣ: „Ксенія и Темиръ“ (1809 г.), „Радамистъ и Зенобія“ (1810 г., изъ Кребильона), „Гамлетъ“ (1811 г., съ передѣлки Дюси), „Спартакъ, герой Германіи“ (1814 г.), „Владиміръ Мономахъ“ (1817 г.), „Инеса де-Кастро“ (1824 г., изъ Ламотта) и др. Его переводъ „Радамиста“ подвергся критикѣ и строгому осужденію со стороны Жуковскаго (Сочиненія, изд. 8-е, т. V) и князя Вяземскаго (Сочиненія, т. I).

XVI.

КЪ Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

(Стр. 54 и 55).

Стихотвореніе это сохранилось только въ поздней и неполной копіи въ рукописи Московскаго Публичнаго музея № 2395, л. 791, подъ заглавіемъ: „Путешественнику". — Напечатано оно въ полномъ видѣ въ *Россійскомъ Музеумѣ*, ч. I, № 3, стр. 263, подъ заглавіемъ: „Н. Г. Л—ову" и съ подписью: *1.... 14 — 16*. Затѣмъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1839 г., т. XIII, стр. 176, напечатанъ былъ отрывокъ изъ этого стихотворенія, состоящій изъ стт. 5-го, 12-го и 23-го — 26-го, то-есть, вполнѣ соотвѣтствующій тому, что̀ находится въ музейной рукописи, и также подъ заглавіемъ: „Путешественнику"; къ заглавію было сдѣлано примѣчаніе: „Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ". Въ томъ же неполномъ видѣ стихотвореніе вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 389; но въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 22 и 23, оно воспроизведено уже вполнѣ, согласно тексту *Россійскаго Музеума*.

Николай Григорьевичъ Ломоносовъ былъ братъ лицейскаго товарища Пушкина Сергѣя Ломоносова, впослѣдствіи дипломата, и умеръ въ 1853 году.

XVII.

РОМАНСЪ.

(Стр. 56 и 57).

Это стихотвореніе было встрѣчено П. В. Анненковымъ въ той оставшейся намъ неизвѣстною рукописи Пушкина, съ которой печаталось изданіе 1826 года, но еще въ этой тетради оно было зачеркнуто и въ помянутое

изданіе не вошло. — Въ печати оно появилось впервые въ альманахѣ *Б. М. Ѳедорова:* Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ, стр. 35 — 37, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Помѣщенные здѣсь стихи А. С. Пушкина были изъ первыхъ опытовъ его очаровательной музы". Затѣмъ „Романсъ" вошелъ въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 434—436, и въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 23 и 24, при чемъ въ послѣднемъ, послѣ 3-ей строки послѣдней строфы, оказался прибавленнымъ еще слѣдующій стихъ, по мнѣнію издателя, будто бы „необходимый для риѳмы":

Съ волненьемъ сына ухватила.

Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ альманаха.

По свидѣтельству Анненкова, рукопись 1826 года содержала въ себѣ, сравнительно съ текстомъ альманаха, слѣдующіе *варіанты*:

Строфа I-я, ст. 2-й: Въ далекихъ дѣва *шла* мѣстахъ
„ II-я, ст. 1-й: И на *невинное творенье*

Кромѣ того, въ рукописи 1826 года за четвертою строфой слѣдовала еще строфа, не находящаяся въ альманахѣ; но она остается неизвѣстною, ибо не приведена и Анненковымъ, какъ „очень слабая по созданію" (т. II, стр. 32).

Стихотвореніе это очень рано пріобрѣло большую извѣстность, и попавъ въ пѣсенники, рано подверглось искаженіямъ, но за то стало извѣстно всѣмъ грамотнымъ людямъ на Руси. Положенное на музыку, оно распѣвалось любителями и любительницами изъ всѣхъ классовъ народа (ср. напримѣръ, въ піесѣ *А. Н. Островскаго:* „Шутники" — Полное собраніе сочиненій, т. IV. С.-Пб. 1885, стр. 236). Любопытно, что Пушкинъ еще въ 1830 году отрекался отъ сочиненія этой піесы и говорилъ: „По крайней мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за чужія проказы" (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. I, стр. 32

и 33); но присутствіе „Романса“ въ тетради 1826 года устраняетъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ.

XVIII.

MON PORTRAIT.

(Стр. 58 и 59).

Автографъ этого стихотворенія находится у Е. Д. Куломзиной и полученъ ею отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, а списки сдѣланные двумя соучениками Пушкина, барономъ П. Ѳ. Гревенсомъ и А. Д. Илличевскимъ, имѣлись въ рукахъ В. П. Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 176), но намъ остались неизвѣстными. — Въ печати стихотвореніе появилось впервые въ *Маякѣ современнаго просвѣщенія и образованія* 1840 г., ч. III, гл. II, стр. 124 и 125, подъ заглавіемъ: „Французскіе стихи, написанные А. С. Пушкинымъ (въ его молодости) къ одному товарищу и совоспитаннику по Царскосельскому лицею“, съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями П. А. Корсакова и съ слѣдующимъ объясненіемъ отъ редакціи журнала: „Стихи эти сообщены намъ почтеннымъ товарищемъ незабвеннаго Пушкина, барономъ П. Ѳ. Гревенсомъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь (съ подстрочнымъ прозаическимъ переводомъ), какъ драгоцѣнность, еще не обнародованную, какъ достояніе исторіи нашей литературы“. Изъ *Маяка* стихотвореніе перешло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 479 и 480; но въ обоихъ этихъ случаяхъ оно было напечатано съ кое-какими неточностями, которыя впослѣдствіи были исправлены по спискамъ, принадлежавшимъ Гаевскому.

Стихотвореніе это дѣйствительно любопытно, какъ характеристика юноши-Пушкина, имъ самимъ сдѣланная. Но въ немъ есть одна подробность, донынѣ возбуждаю-

щая сомнѣнія. Въ 3-мъ стихѣ 4-й строфы Пушкинъ говоритъ о себѣ:

J'ai le teint frais, les cheveux *blonds*...

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, по словамъ своего племянника Л. Н. Павлищева, утверждалъ, что тутъ заключается невѣрность, и что его старшій братъ всегда былъ темноволосымъ; что будто бы однажды младшій Пушкинъ указалъ брату на несообразность, вкравшуюся въ стихотвореніе „Mon portrait“, и поэтъ отвѣчалъ, что употребилъ выраженіе „cheveux blonds“ только ради риѳмы съ „plus longs“ (*С. Либровичъ.* Пушкинъ въ портретахъ. С.-Пб. 1890, стр. 10 и 11). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, могъ ли Левъ Пушкинъ еще при жизни брата знать объ его стихотвореніи, написанномъ въ лицеѣ, въ 1814 году, отданномъ одному изъ товарищей и остававшемся не напечатаннымъ до 1840 года, — замѣтимъ, что П. А. Корсаковъ, видавшій А. С. Пушкина еще въ 1815 году (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 65), сдѣлалъ къ приведенному стиху слѣдующее примѣчаніе: „Въ молодости Пушкина волоса его были свѣтлорусы“ [1]). Потемнѣніе волосъ съ годами есть явленіе довольно обыкновенное, и потому нѣтъ никакого основанія не довѣрять современному показанію Корсакова.

Другое примѣчаніе П. А. Корсакова относится къ 1-му стиху 6-й строфы и также заслуживаетъ вниманія, какъ свидѣтельство современника: „Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неистощимая — какъ истинный геній. Таковъ былъ именно юноша Пушкинъ, когда при-

1) Нелишнимъ будетъ замѣтить, что Л. Н. Павлищевъ съ теченіемъ времени пересталъ поддерживать мнѣніе своего дяди Льва. Д. Н. Анучинъ въ своемъ антропологическомъ эскизѣ: „А. С. Пушкинъ“ (Москва. 1899), стр. 55, приводитъ изъ письма Л. Н. Павлищева, отъ 8-го февраля 1899 года, слѣдующія строки: „Волосы А. С. Пушкина въ дѣтствѣ, также какъ въ дѣтствѣ у матери (то-есть, О. С. Павлищевой), были бѣлокурые“.

сылалъ мнѣ первые стихи свои для печати. И теперь еще храню я, какъ клейнодъ, собственноручное письмо его, въ которомъ онъ напоминаетъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти". Замѣтимъ однако, что въ выходившемъ въ 1817 году журналѣ Корсакова (*Сѣверный Наблюдатель*) появлялись далеко не первые опыты Пушкина, который притомъ началъ печатать свои произведенія еще съ 1814 года.

XIX.

ГОРОДОКЪ.

(Къ ***).

(Стр. 60 — 73).

Въ рукописи это стихотвореніе было извѣстно В. П. Гаевскому по лицейской тетради М. А. Корфа, оставшейся намъ недоступною, — копія же піесы „Городокъ" изъ этой тетради была въ рукахъ П. А. Ефремова (*Библіограф. Записки* 1861 г., № 9, ст. 272). — Въ печати стихотвореніе впервые появилось въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. III, № 7, стр. 3—15, съ подписью: *1.... 17—14* и съ большими пропусками, а отсюда перешло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 410 — 425, съ еще бо́льшимъ количествомъ пропусковъ. Однако всѣ они были восполнены П. А. Ефремовымъ по вышеупомянутой копіи въ *Библіограф. Запискахъ* 1861 года и затѣмъ вошли во всѣ послѣдующія изданія сочиненій Пушкина. Въ настоящемъ изданіи воспроизведенъ текстъ *Россійскаго Музеума*, также съ пополненіемъ его стихами, впервые обнародованными П. А. Ефремовымъ.

Критика давно признала піесу „Городокъ" за одну изъ замѣчательнѣйшихъ между лицейскими стихотвореніями Пушкина. „Она", говоритъ П. В. Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 90), — „принадлежитъ къ

ряду тѣхъ легкихъ посланій Пушкина, гдѣ юношеская беззаботность идетъ объ руку съ мечтами о простотѣ деревенской жизни и о наслажденіяхъ, которыя извѣстны были автору болѣе по слуху, чѣмъ по опыту. Она, какъ и другія этого рода, содержитъ нѣсколько біографическихъ подробностей. Шутливость автора, знакомство съ корифеями французской анакреонтической поэзіи и съ ихъ представителями у насъ, наконецъ, описаніе лицъ, все это не сочинено и не придумано имъ". Такое же мнѣніе высказываетъ и Я. К. Гротъ (Пушкинъ и пр., стр. 12). И дѣйствительно, въ „Городкѣ" заключаются цѣнныя автобіографическія данныя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо и то, что въ этомъ стихотвореніи, какъ въ „Пирующихъ студентахъ", Пушкинъ допускаетъ большія поэтическія вольности: изображаетъ себя старше, чѣмъ онъ былъ въ то время на самомъ дѣлѣ, и гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ онъ могъ быть въ качествѣ воспитанника закрытаго учебнаго заведенія; поэтому, прежде чѣмъ пользоваться автобіографическими показаніями „Городка", необходимо снять съ нихъ слой вымысла и литературной подражательности. Разсматривая „Городокъ" съ этой точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что это посланіе представляетъ близкое сходство съ посланіемъ „Къ сестрѣ", и что сходство это объясняется прямою, такъ-сказать, зависимостью обѣихъ названныхъ піесъ отъ „Моихъ пенатовъ" Батюшкова. Подражаніе этому стихотворенію видно въ „Городкѣ" очень ясно — не только въ тонѣ изложенія, но и въ самомъ содержаніи: въ посланіяхъ обоихъ авторовъ идетъ рѣчь преимущественно объ образѣ ихъ жизни, объ ихъ занятіяхъ и стремленіяхъ и частью о средѣ, ихъ окружающей. Какъ далеко простирается подражаніе Пушкина Батюшкову въ данномъ случаѣ — подробно разъяснено В. П. Гаевскимъ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 353 — 360), и намъ

остается только воспользоваться его указаніями. Въ началѣ своего стихотворенія Пушкинъ говоритъ, что отъ столичнаго шума онъ удалился въ скромный городокъ, и что здѣсь тишина, окружающая его домикъ, нарушается лишь появленіемъ какого-нибудь путника, который постучится въ его калитку. Изображеніе этого путника является почти перифразой слѣдующихъ стиховъ Батюшкова:

Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О, воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.

Далѣе, описавъ свои занятія и свою библіотеку, Пушкинъ исчисляетъ своихъ любимыхъ писателей, при чемъ упоминаетъ между прочимъ (стт. 114-й — 117-й) Державина и рядомъ съ нимъ Горація. И это сближеніе заимствовано изъ „Пенатовъ“ Батюшкова, у котораго на этотъ разъ нашъ авторъ взялъ и риѳму:

Въ толпѣ и музъ, и грацій
То съ лирой, то съ трубой
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаетъ голосъ свой.

За симъ авторъ „Городка“ распространяется о завидной долѣ поэтовъ, которая, быть можетъ, станетъ и его удѣломъ (стт. 254-й — 279-й). Батюшковъ въ „Моихъ пенатахъ“ также дѣлаетъ перечень своихъ литературныхъ любимцевъ и въ заключеніе также обращается къ нимъ со слѣдующимъ воззваніемъ:

Наставники-пѣты,
О, Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю

Восторги піеридъ
И въ радости взываю:
О, музы, я піитъ!
А вы, смиренной хаты
О, лары и пенаты,
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И пѣгу, и покой!

Въ концѣ стихотворенія, въ стт. 389-мъ — 408-мъ, Пушкинъ изображаетъ своего сосѣда, стараго отставного маіора Екатерининскихъ временъ, и эта характеристика, давшая — замѣтимъ кстати — А. И. Незеленову случай указать, что Пушкинъ съ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ сочувствіе и склонность къ изображенію „простыхъ людей“ (Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 34), очень близко напоминаетъ слѣдующія строки „Пенатовъ“, также описывающія стараго служаку, гостя автора:

О, старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ,
Двухструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что̀ въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ.

Въ самыхъ послѣднихъ строкахъ „Городка“ у Пушкина есть обращеніе къ другу, къ которому написано это посланіе. Совершенно такое же обращеніе — къ князю Вяземскому — находимъ мы и въ „Моихъ пенатахъ“:

О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,

И мы потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой.

„Сличенія эти“ — такъ заключаетъ свои изысканія Гаевскій — „вполнѣ доказываютъ, что одно изъ замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ юношескихъ произведеній Пушкина, не смотря на выразившуюся въ немъ личность поэта, есть сколокъ съ „Моихъ пенатовъ“.

По справедливому замѣчанію Я. К. Грота (Пушкинъ и пр., стр. 12), „въ посланіи Пушкина особенно любопытно описаніе его библіотеки и исчисленіе любимыхъ имъ писателей“. Ранѣе Грота на эту часть посланія, какъ мы видѣли, указывалъ Анненковъ, а еще гораздо прежде Шевыревъ говорилъ по этому поводу слѣдующее: „Пушкинъ въ стихотвореніи „Городокъ“ знакомитъ насъ съ своими иноземными учителями. Тутъ видимъ мы Гомера, Вергилія, Горація, Тасса, Расина, Мольера, Руссо, Лафонтена, Парни.... Но надъ всѣми беретъ преимущество

Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый.

Тутъ входятъ и такія имена, которыхъ мы не желали бы встрѣтить между первыми учителями Пушкина. Онъ не пренебрегаетъ и Лагарпомъ и *тратитъ* надъ нимъ время (ср. стт. 144-й — 151-й). Въ первые годы юности своей онъ былъ подъ явнымъ вліяніемъ французской поэзіи, даже древнихъ изучалъ черезъ французскіе переводы. Но какъ умѣлъ впослѣдствіи освободиться изъ-подъ этого вліянія: тѣмъ онъ обязанъ былъ ничему иному, кромѣ своего генія“ (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 254 и 255). Не подлежитъ сомнѣнію, что занимающій столь крупное мѣсто въ „Городкѣ“ обзоръ литературныхъ любимцевъ Пушкина составляетъ одну изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ любопытныхъ частей разсматриваемаго стихотворенія, и вотъ именно за этимъ-то разборомъ и должно

быть признано значеніе автобіографическаго показанія. Бѣлинскій угадалъ это со своею обычною проницательностью, и притомъ сообщилъ заявленіямъ Пушкина на счетъ его литературныхъ симпатій такой характеръ, который еще болѣе возвышаетъ ихъ цѣну. „Подобно Батюшкову", замѣчаетъ Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 319 и 320), — „Пушкинъ въ „Городкѣ" говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ, которые заняли мѣсто на полкахъ его избранной библіотеки. Только онъ говоритъ не объ однихъ русскихъ писателяхъ, но и объ иностранныхъ. Не смотря на явную подражательность Батюшкову, которою запечатлѣна эта піеса, въ ней есть нѣчто и свое, Пушкинское: это не стихъ, который довольно плохъ, но шаловливая вольность, чуждая того, что̀ французы называютъ pruderie, и столь свойственная Пушкину. Онъ нисколько не думаетъ скрывать отъ свѣта того, что̀ всѣ дѣлаютъ съ наслажденіемъ наединѣ, но о чемъ всѣ, при другихъ, говорятъ тономъ строгой морали; онъ называетъ всѣхъ своихъ любимыхъ писателей.... Юношеская заносчивость, безпрестанно придирающаяся сатирою къ бездарнымъ писакамъ, и особенно главѣ ихъ извѣстному Свистову, также характеризуетъ Пушкина".

На ряду съ признаніями Пушкина касательно его симпатій въ области словесности слѣдуетъ отмѣтить въ „Городкѣ" еще другую черту автобіографическаго характера: это—отчетливо выступающее въ посланіи сознаніе юнаго автора въ своемъ поэтическомъ призваніи; особенно ярко выразилось оно въ стт. 241-мъ — 279-мъ, гдѣ уже находятся въ зародышѣ извѣстные поэтическіе мотивы, которые Пушкинъ охотно развивалъ впослѣдствіи, напримѣръ, въ стихотвореніи 1821 года „Муза" или въ заключительной строфѣ второй главы „Евгенія Онѣгина".

— (**Стр. 62, ст. 76**). Риѳмовъ — безъ сомнѣнія, то же

лицо, чтѳ Риѳматовъ въ посланіи „Къ другу стихотворцу“ (ст. 37), то-есть, князь С. А. Ширинскій-Шихматовъ.

— (**Стр. 64, ст. 135**). Вержье (Jacques Vergier, род. въ 1655 г., ум. въ 1720) и аббатъ Грекуръ (Joseph Villars de Grécourt, род. въ 1684 г., ум. 1743) — французскіе эротическіе стихотворцы первой половины XVIII вѣка.

— (**Стр. 65, ст. 156**). Визговъ — по всему вѣроятію, С. И. Висковатовъ, о которомъ см. выше въ примѣчаніяхъ, стр. 71. Въ посланіи 1814 года „Къ Батюшкову“, ст. 82, Пушкинъ говоритъ, что Висковатовъ

Визжать заставилъ Мелпомену.

— (**Стр. 65, стт. 164 — 177**). Въ этихъ строкахъ заключается описаніе подаренной автору „Городка“ сафьянной тетради съ запретными стихами. Такого рода рукописные сборники были въ большомъ обращеніи въ концѣ прошлаго вѣка и въ первой половинѣ нынѣшняго. Содержаніе тетради, какъ оно представлено Пушкинымъ, довольно типично передаетъ обычный составъ этихъ сборниковъ изъ начала текущаго вѣка; любопытно отмѣтить, что она начинается со стихотвореній самаго серьезнаго характера, не могшихъ попасть въ печать по силѣ обличенія общественныхъ пороковъ, но затѣмъ въ ней являются піесы все болѣе и болѣе игриваго свойства, сперва только невинно-шутливыя, а подъ конецъ уже совершенно грязныя, при чемъ эти послѣднія наполняютъ добрую ея половину. Таковъ былъ вкусъ времени, и Бѣлинскій имѣлъ право похвалить Пушкина за смѣлую откровенность его признаній.

— (**Стр. 65, стт. 178 — 185**). Здѣсь Пушкинъ обращается къ князю Дмитрію Петровичу Горчакову (род. въ 1758 г., ум. въ 1824), писателю, извѣстному въ свое время комическими операми, въ особенности же нравоучительными посланіями и сатирами. Эти послѣднія долго не предавались тисненію частью по беззаботности автора, частью

потому, что не могли выдержать цензурный искусъ. Горчаковъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный, неподкупной честности и независимаго образа мыслей; смолоду считался даже вольтеріанцемъ. Въ литературѣ онъ крѣпко держался псевдоклассическихъ преданій и нападалъ на сентиментальное направленіе; поэтому примыкалъ къ числу сторонниковъ Шишкова и въ свою очередь пользовался почетомъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова и Россійской академіи, коихъ былъ членомъ. Но въ то же время онъ сохранялъ хорошія отношенія къ Карамзину и былъ уважаемъ въ кругу его близкихъ за свой талантъ и благородный тонъ своей сатиры. Колкій стихъ и игривое остроуміе дѣйствительно составляютъ отличительныя черты произведеній Горчакова, но похвалы Пушкина чистотѣ его слога нѣсколько преувеличены, такъ какъ Горчаковъ вообще пренебрегалъ его отдѣлкой; тѣмъ не менѣе, многіе стихи его, подобно стихамъ изъ „Горе отъ ума“, употреблялись въ свое время какъ пословицы.

— (**Стр. 65—66, стт. 186—192**). Эти строки обращены къ Батюшкову и имѣютъ въ виду написанную имъ въ 1809 году сатиру на плохихъ писателей, подъ заглавіемъ „Видѣніе на берегахъ Леты“. Пушкинъ и въ свои зрѣлые годы признавалъ это произведеніе „умнымъ и смѣшнымъ“, хотя вообще находилъ Батюшкова мало способнымъ къ шуткѣ (см. нашъ сборникъ: „Пушкинъ“, стр. 293).

— (**Стр. 66, стт. 193—196**). Здѣсь рѣчь идетъ о дядѣ автора Василіи Львовичѣ Пушкинѣ и его небольшой стихотворной повѣсти „Опасный сосѣдъ“, написанной въ 1811 году.

— (**Стр. 66, стт. 197—211**). Тутъ имѣется въ виду И. А. Крыловъ и сочиненная имъ въ 1798 году шуточная трагедія въ стихахъ „Трумфъ“.

— (**Стр. 66, стт. 212—215**). Говорится объ И. С.

Барковѣ (род. въ 1732 г., ум. въ 1768), авторѣ одъ и трагедій, неудобныхъ къ печати по совершенному неприличію ихъ содержанія.

— (**Стр. 67, ст. 223**). Подъ Свистовымъ разумѣется графъ Д. И. Хвостовъ, получившій это прозвище отъ Батюшкова, который въ посланіи къ Жуковскому (1812 г.) говоритъ:

Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ.

Въ стт. 382—386 „Городка“ Пушкинъ также упоминаетъ объ утомительномъ чтеніи Свистова.

Слѣдуетъ замѣтить, что П. О. Морозовъ (*Вѣстникъ Европы* 1899 г., № 8, стр. 865 и 866) и Б. В. Никольскій (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г., т. LXXVII, стр. 204) предпочитаютъ относить стт. 216 — 229 не къ Хвостову, а къ Баркову, о которомъ говорится въ предшествующихъ строкахъ; но упоминаніе объ утомительномъ чтеніи Свистова не позволяетъ намъ принять эту догадку.

— (**Стр. 68, ст. 272**). Въ этомъ стихѣ можно предположить пародію слѣдующихъ стиховъ Державинскаго „Памятника“:

часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

— (**Стр. 71, стт. 368 и 369**). Здѣсь заключается намекъ на сказку И. И. Дмитріева „Модная жена“, въ которой повѣствуется о томъ, какъ молодая жена поставила рога старому мужу.

XX.

КОЗАКЪ.

(Стр. 74 — 76).

Автографъ этого стихотворенія, на отдѣльномъ листкѣ, подъ заглавіемъ: „Козакъ. Подражаніе мало-

россійскому“ и съ подписью въ концѣ: „А..... Аннибалъ-Пушкинъ. Любезному Ивану Ивановичу отъ автора“, хранился у И. И. Пущина, а нынѣ принадлежитъ В. Е. Якушкину; другой рукописный экземпляръ этой піесы находился въ лицейской тетради М. А. Корфа, видѣнной П. В. Анненковымъ, но намъ неизвѣстной. — Піеса напечатана въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. I, № 3, стр. 264 — 266, а оттуда перешла въ изданіе *Анненкова,* т. II, стрр. 60 — 62.

Автографъ, принадлежащій В. Е. Якушкину, представляетъ собою первоначальную редакцію стихотворенія, значительно измѣненную предъ его печатаніемъ въ журналѣ. Въ рукописи, принадлежавшей М. А. Корфу, текстъ болѣе обработанъ и вполнѣ сходенъ съ текстомъ *Россійскаго Музеума.* Въ виду значительныхъ отличій первоначальной редакціи отъ позднѣйшей первая сообщается здѣсь цѣликомъ, за исключеніемъ первыхъ двухъ строфъ, совершенно тожественныхъ въ обѣихъ редакціяхъ, при чемъ отмѣчены курсивомъ первоначальные *варіанты:*

3 *Мѣткаго копья луною*
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упершись бородою,
Задремалъ донецъ.

4 Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.

5 Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога *къ деревушкѣ,*
Тамъ — въ дремучій боръ.

6 *Добрый конь остановился,*
Мордой траву рветъ;
Храбрый воинъ пробудился,
Въ мигъ узду беретъ.

7 *Сильно сжалъ коня ногою,*
Шпорою кольнулъ,
И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.

8 «Не найду въ лѣсу дѣвицы»,
Думалъ хватъ Денисъ; —
«Ужь красавицы въ свѣтлицы
«На ночь убрались».

9 *Глядь — анъ видитъ* красну дѣву,
Черна бровь дугой....
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву,
Прямо къ милой: — «*Стой!*

10 «Выдь, коханочка, изъ дому,
«Коню дай воды!»
— «Нѣтъ, къ мужчинѣ молодому
«Страшно подойти».

11 — «Ахъ, не бось, дѣвица красна,
«Съ *другомъ* подружись!
«*Чтмъ любовь для насъ* опасна?
«Радость, не страшись!»

12 — «*Нѣтъ, мнѣ матерь говорила:*
«*Бойся, дочь, мужчинъ!*»
«*Мать не разъ мнѣ то твердила,*
«*Нѣтъ,.... не безъ причинъ*».

13 — «Вѣрь, коханочка, пустое!
«Милая, не бось!
«Тратишь время золотое:
«*Выйди,* страхъ отбрось!

14 «Сядь на борзаго — *не нуженъ*
«Мнѣ съ тобою домъ;
«Буду съ милой неразлученъ,
«Муравy найдемъ».

15 Что же дѣвица? *Случилось,*
Что̀ предвидитъ всякъ:
Дѣва робко согласилась —
Счастливъ сталъ козакъ.

16 *На коня поспѣшно сѣли...*
Дружку другъ любилъ:
Жилъ въ ладу съ ней двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

По поводу этого стихотворенія П. В. Анненковъ (т. II, стр. 91 и 92) говоритъ слѣдующее: „Не безполезно будетъ замѣтить, что въ эту эпоху піесы Пушкина, не походившія на посланія или бесѣды съ друзьями, видимо стоили ему большого труда. Созданіе въ нихъ очень слабо, и болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ, встрѣчается ошибокъ противъ удареній и языка“. „Козакъ“ — безъ сомнѣнія, произведеніе очень слабое, но оно заслуживаетъ вниманія какъ первый образецъ прикосновенія Пушкина къ живымъ источникамъ народнаго творчества. Приписка въ принадлежавшей Пущину рукописи: „подражаніе малороссійскому“ не можетъ имѣть иного значенія, ибо книжной малороссійской литературы въ то время еще не существовало. И дѣйствительно, профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, въ своихъ „Этюдахъ о Пушкинѣ“ (вып. II, стр. 24), указываетъ малороссійскій источникъ разсматриваемой піесы. „Это стихотвореніе“, говоритъ онъ, — „представляетъ вольную передѣлку малорусской народной пѣсни объ уводѣ дѣвицы козакомъ. Существуетъ много варіантовъ этой пѣсни.... Въ большинствѣ варіантовъ оказываются мазуры или варшавяки, что̀ указываетъ

на заимствованіе пѣсни малороссами у поляковъ; но польскія пѣсни этого рода не представляются оригинальными, а представляютъ лишь передѣлку западно-европейскаго пѣсеннаго сюжета объ уводѣ рыцаремъ дѣвицы". Г. Сумцовымъ указано семь варіантовъ данной пѣсни; изъ нихъ наиболѣе близокъ къ Пушкинскому подражанію слѣдующій:

Зъ-за гори, гори
Ідутъ мазури;
А мій мазурочокъ
Привезе мені віночокъ
Съ чистого злота.
Вінъ іде, іде
Прямо на мій двіръ.
Стукъ, брязь въ віконечко:
«Вийди, вийди, коханочко,
«Дай коню води».
— «Не веліла мати
«Коню води дати;
«Мні матуся заказала,
«Щобъ я пана не кохала:
«Матусі боюсь».
— «Матусі не бійсь,
«Сідай на мій візъ.
«Сімъ паръ сивихъ коней,
«Сама седить, яко пані,
«Та буде моя».
Туди іхали,
Люди питали:
— «Ой що то за дівчина,
«Ой що жъ то за кохана
«Іде съ панами».
— «Ой іду жъ я, іду,
«Та на свою біду:
«Эсть у ёго жінка, діти,
«А на мене молодую
«Любо поглядіти».

(Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Запад-

но-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные *П. Чубинскимъ*, т. V, стр. 207).

Подражаніе Пушкина пѣснѣ, близкой къ приведенному тексту, выразилось двоякимъ образомъ: онъ заимствовалъ изъ нея, вопервыхъ, сюжетъ въ главныхъ его чертахъ, и вовторыхъ, нѣкоторые отдѣльные образы и выраженія, какъ напримѣръ: дать коню воды, коханочка, подъѣздъ къ окну и т. п. Притомъ первоначальная редакція піесы, которая сохранилась въ принадлежавшемъ Пущину автографѣ, ближе къ народной пѣснѣ, чѣмъ редакція *Россійскаго Музеума;* такъ, въ первой похищаемая дѣвица говоритъ козаку о наставленіяхъ своей матери; во второй эти подробности, существующія въ пѣснѣ, уже выпущены. Не имѣется прямыхъ указаній о томъ, отъ кого Пушкинъ узналъ ту малорусскую пѣсню, которой подражалъ; но можно догадываться, что она была сообщена ему товарищемъ его Илличевскимъ, отецъ котораго былъ полтавскій уроженецъ (Записки И. И. Мартынова въ сборникѣ *В. Кашпирева:* „Памятники новой русской исторіи“, т. II. С.-Пб. 1872, стр. 71 и 86).

XXI.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

(Стр. 77 — 82).

Стихотвореніе это сохранилось въ двухъ автографахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 729 — 732, а другой — въ бумагахъ Я. К. Грота и найденъ имъ въ тетрадяхъ Державина. По словамъ П. В. Анненкова (т. II, стр. 97), существовалъ еще третій списокъ этой піесы въ тетради, съ которой печаталось изданіе сочиненій Пушкина 1826 года,

Строфа 11-я, „ 4-й: Въ воздушныхъ съединясь *толпахъ*
„ 15-я, „ 8-й: Вотще лишь *бранью* духъ пылалъ
„ 16-я, „ 8-й: *Палаты* пали богачей
„ 17-я, „ 6-й: Веселье шумное туда *ужъ* не летитъ.
„ 17-я, „ 7-й: Не блещутъ ужь въ *поляхъ* брега и свѣтлы рощи

„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ имѣютъ совершенно особенное значеніе въ ряду лицейскихъ стихотвореній Пушкина. Написанныя въ концѣ 1814 года, по совѣту А. И. Галича (какъ заявлялъ самъ авторъ), для чтенія на публичномъ экзаменѣ, они впервые познакомили русское общество съ геніальнымъ юношей, который воспитывался въ то время въ лицеѣ. Пушкинъ, въ своихъ запискахъ, самъ разсказалъ впослѣдствіи о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвели эти стихи на Державина, и какъ подѣйствовало на него самого, молодого поэта, это чтеніе предъ лицомъ автора „Фелицы“, которому онъ и отдалъ свою рукопись. Другое, менѣе извѣстное повѣтствованіе объ этомъ происшествіи находится въ запискахъ очевидца—И. И. Пущина (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 61), откуда мы его и приводимъ: „На публичномъ нашемъ экзаменѣ Державинъ, державнымъ своимъ благословеніемъ, увѣнчалъ нашего юнаго поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, — его ужь

не было: онъ убѣжалъ!“ Успѣхъ Пушкина не ограничился предѣлами лицейской залы. Въ самый день экзамена у министра народнаго просвѣщенія графа Ал. К. Разумовскаго происходилъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали, въ числѣ другихъ гостей, Державинъ и отецъ лицеиста-поэта С. Л. Пушкинъ. За столомъ зашла рѣчь о молодомъ человѣкѣ, таланту котораго всѣ предсказывали необыкновенную будущность. Разумовскій, отдавая ему справедливость, сказалъ Сергѣю Львовичу: „Я бы желалъ однако же образовать сына вашего къ прозѣ“. „Оставьте его поэтомъ“, возразилъ съ жаромъ Державинъ (Замѣчанія С. Л. Пушкина на біографію А. С. Пушкина въ „Портретной и біографической галлереѣ“, стр. III, въ приложеніи къ *Отечественнымъ Запискамъ* 1841 года). Переписанныя въ Москву, „Воспоминанія“ и тамъ произвели сильное впечатлѣніе. Мы уже знаемъ, съ какою радостью издатель *Россійскаго Музеума* принялъ ихъ на страницы своего журнала. Жуковскій, въ началѣ 1815 года случайно находившійся въ Москвѣ, съ восхищеніемъ разсказывалъ своей родственницѣ А. П. Елагиной объ этихъ стихахъ, читалъ ихъ ей еще до появленія ихъ въ печати и говорилъ: „Вотъ у насъ настоящій поэтъ!“ Однимъ изъ слушателей былъ И. В. Кирѣевскій, еще ребенокъ, который и сохранилъ о томъ воспоминаніе (*Бартеневъ, П.* Матеріалы для біографіи Пушкина — *Московскія Вѣдомости* 1854 г., № 118).

По вѣрному замѣчанію П. В. Анненкова. (Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 97), „лирическое одушевленіе этой піесы такъ близко подходило къ силѣ и смѣлости Державинскихъ одъ, что старецъ-поэтъ полагалъ найти въ молодомъ Пушкинѣ продолженіе себя и своей школы“. Ту же мысль повторяетъ Б. В. Никольскій (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г., т. LXXVII, стр. 204 и 205) и подкрѣпляетъ ее любопытнымъ сближеніемъ. „Ода юнаго поэта“,

говоритъ онъ, — „если не въ Державинскомъ стилѣ, то въ Державинскомъ духѣ воспѣвала императора Александра I, сближая поэтически событія Отечественной войны съ воспоминаніями о вѣкѣ Екатерины: такимъ образомъ она являлась какъ бы прямымъ выполненіемъ завѣта, съ которымъ за три года до того старѣющій поэтъ обращался къ младшему поколѣнію. Мы имѣемъ въ виду заключительныя строки „Гимна лиро-эпическаго на прогнаніе французовъ изъ отечества“, который былъ напечатанъ еще въ 1813 году, и стало быть, не могъ быть неизвѣстенъ Пушкину, а тѣмъ болѣе Галичу, подавшему мысль о „Воспоминаніяхъ“ своему ученику. Вотъ эти заключительныя строки:

Но, солнце, мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Спускаешься ты въ темны бездны,
Твой тускнетъ блескъ любезный,
Среди лиловыхъ мглистыхъ зарь
И мой ужь гаснетъ жаръ;
Холодна старость — духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
Екатерины муза дремлетъ:
То юнаго царя
Днесь въ слѣдъ орловъ паря,
Предшествующихъ благъ видѣнья,
Что мною въ день его рожденья
Предречено, достойно пѣть
Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

Изъ нихъ вполнѣ понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ долженъ былъ встрѣтить

. . . славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,

въ стихахъ Пушкина прямое выполненіе своего поэти-

ческаго завѣта, и почему онъ такъ охотно привѣтствовалъ въ Пушкинѣ своего преемника".

Подобно самому Державину, критика послѣдующаго времени находила возможнымъ устанавливать внутреннюю связь между его поэзіей и разсматриваемымъ стихотвореніемъ Пушкина. Раньше Анненкова на это указывалъ Шевыревъ (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 255) въ слѣдующихъ словахъ: „Сила Державина, съ его особенною риѳмой, съ частыми усѣченными прилагательными, съ его любимыми выраженіями, блистаетъ . . . . . особенно въ „Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ". Замѣчательно, что Пушкинъ читалъ эту піесу предъ самимъ Державинымъ. . . . Его „голосъ отроческій зазвенѣлъ, и сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ", когда пришлось ему произнести имя Державина. Понятно, почему, готовясь къ такому впечатлѣнію, онъ написалъ все это стихотвореніе подъ вліяніемъ строя лиры Державина: та же пышная торжественность, и выраженія, напоминающія языкъ его, какъ напримѣръ: *склоняя вѣтрамъ слухъ* (стр. 5-я, ст. 6-й), *ширяяся крылами* (стр. 6-я, ст. 3-й)". Сближеніе, сдѣланное Шевыревымъ, нельзя не признать вѣрнымъ и характернымъ въ тотъ моментъ для молодого поэта; но слѣдуетъ прибавить, что не одна торжественность поэтическаго слога порождала сходство въ данномъ случаѣ: въ значительной степени оно зависѣло отъ того, что, сочиняя „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ", Пушкинъ проникался тѣмъ же душевнымъ настроеніемъ, которое возбуждало Державина, когда онъ воспѣвалъ Екатерининскихъ героевъ, прославленныхъ царско-сельскими памятниками. Въ позднѣйшемъ стихотвореніи, посвященномъ Царскому Селу (1829 года), Пушкинъ называлъ эти памятники

. . . . славой мраморной и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ.

„Эти мраморная слава и мѣдныя хвалы“, замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ Пушкина (*В. Стоюнинъ*. Историческія сочиненія, ч. II, стр. 29 и 30),—„даютъ особенное значеніе царскосельскимъ садамъ. Памятники русскихъ побѣдъ, которые одерживали надъ врагами екатерининскіе полководцы, дѣйствовали на юное воображеніе и вызывали чувство народной славы, связывая настоящее съ историческими фактами недавняго прошлаго, о которомъ еще слышались живые разсказы, едва успѣвшіе перейти въ преданія. Для пылкой фантазіи такія впечатлѣнія также имѣютъ воспитательное значеніе. За неимѣніемъ исторіи, они только и могли пробуждать патріотическое чувство въ молодомъ поколѣніи; а въ тѣ времена оно питалось лишь военною славою Россіи. Такимъ именно характеромъ отличалось наше патріотическое чувство еще въ XVIII столѣтіи. Оно было односторонне, чуждое всей массѣ народа . . . . Но и этотъ патріотизмъ, по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько, возвышалъ духъ человѣка и наводилъ на мысль, что можно гордиться народнымъ именемъ передъ иностранцами. Онъ все же связывалъ нѣкоторыхъ хоть какими-нибудь связями, если не съ народомъ, то хоть съ страной и государственною исторіей“. Этого-то рода патріотическимъ воодушевленіемъ и было проникнуто разсматриваемое стихотвореніе, какъ проникнуты были имъ и самъ юный авторъ, и его товарищи по царскосельской жизни: не даромъ пріятель поэта, такъ прекрасно описавшій его возбужденіе при чтеніи передъ Державинымъ, даже въ старости находилъ, что „въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца“; не даромъ и самъ Пушкинъ въ 1829 году пожелалъ возвратиться къ своей темѣ 1814 года и исполнилъ это съ прежнимъ одушевленіемъ, но уже безъ всякаго подражанія кому бы то ни было.

Бѣлинскій, который, какъ извѣстно (Сочиненія,

т. VIII, стр. 312), былъ того убѣжденія, что творчество автора „Фелицы“ оказало лишь ограниченное вліяніе на Пушкина, не видѣлъ его слѣдовъ въ разбираемомъ стихотвореніи, и вообще цѣнилъ послѣднее не очень высоко. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, говорилъ онъ (тамъ же, стр. 317), — „написаны звучными и сильными стихами, хотя вся піеса эта — не болѣе какъ декламація и риторика“. Онъ относилъ „Воспоминанія“ къ числу тѣхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, на которыхъ отразилось вліяніе Жуковскаго. Дѣйствительно, меланхолическій элементъ, всегда присущій творчеству Жуковскаго и дающій особый колоритъ даже „Пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ“, чувствуется въ „Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ“, особливо въ туманныхъ картинахъ трехъ первыхъ строфъ этой піесы: съ легкой руки Оссіана это считалось тогда отличительною принадлежностью „сѣверной“ поэзіи. А послѣдняя строфа „Воспоминаній“ составляетъ уже прямое обращеніе къ „вдохновенному скальду Россіи“: Пушкинъ призываетъ Жуковскаго снова воспѣть русскихъ героевъ. Жуковскій отчасти предупредилъ этотъ вызовъ, выславъ въ Петербургъ только что написанное имъ „Посланіе къ императору Александру“, которое, 30-го декабря 1814 года, было уже читано А. И. Тургеневымъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (*Русскій Архивъ* 1864 г., ст. 448 — 452), отчасти исполнилъ желаніе юноши сочиненіемъ „Пѣвца въ Кремлѣ“, задуманнаго какъ разъ около того же времени (Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. М. 1895, стр. 132).

Любопытно отмѣтить въ строфахъ 15-й — 17-й этого стихотворенія дѣтскія воспоминанія Пушкина о Москвѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что изображеніе истребленной пожаромъ столицы въ піесѣ поэта-лицеиста напоминаетъ отчасти подобное же изображеніе у Батюшкова въ посланіи къ Д. В. Дашкову (1813 года):

И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы,
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..

— (**Стр. 77, строфа 3-я**). О 3-мъ стихѣ этой строфы Б. В. Никольскій (*Историч. Вѣстникъ* 1899 г., іюль, стр. 212) замѣчаетъ, что онъ „прямо заимствованный, даже со стилистическою подробностью“, изъ „Душеньки“ Богдановича:

Въ водахъ плескаючись, наяды
Нетерпѣливо ждали тамъ...

XXII.

ЭПИГРАММА.

(Подражаніе французскому).

(Стр. 83).

Рукописный текстъ этой эпиграммы находился въ лицейской тетради М. А. Корфа, которая была извѣстна П. В. Анненкову (т. II, стр. 91 и 92), но намъ осталась недоступною. — Стихотвореніе напечатано впервые въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. I, № 1, стр. 13, съ под-

писью: *1... 14—16*, а отсюда перешло въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 64.

Французскій подлинникъ этой эпиграммы намъ неизвѣстенъ.

XXIII.

НА ГРАФА А. К. РАЗУМОВСКАГО.

(Стр. 83).

Эта эпиграмма сохранилась въ памяти товарища Пушкина по лицею Ѳ. Ѳ. Матюшкина. — Съ его словъ она была напечатана П. А. Ефремовымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина 1880 — 1881 годовъ, т. I, стр. 58.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія, и въ этомъ качествѣ высшій начальникъ лицея, никогда не получалъ „голубой ленты“, то-есть, ордена св. Андрея. Послѣднею наградой, ему данною, былъ орденъ св. Владиміра первой степени; онъ получилъ ее при открытіи лицея въ 1811 году, а министерство оставилъ 16-го августа 1816 года. Еще съ 1814 года онъ почти не занимался дѣлами и утратилъ довѣріе императора Александра.

XXIV.

НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

(Стр. 84).

Эта эпиграмма сохранилась въ рукописномъ сборникѣ: „Жертва Мому, или Лицейская антологія“, переписанномъ И. И. Пущинымъ въ 1814 году и бывшемъ въ рукахъ В. П. Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 147), но намъ неизвѣстномъ. — Впервые

эпиграмма напечатана въ *Современникѣ* 1863 г., т. XCVII, стр. 148, и оттуда вошла въ изданіе сочиненій Пушкина 1870 г., т. I, стр. 507.

Эпиграмма направлена на В. К. Кюхельбекера, страсть котораго къ писанію стиховъ составляла предметъ насмѣшекъ его товарищей.

XXV.

ЭПИГРАММА НА ПОЭМУ КНЯЗЯ С. А. ШИРИНСКАГО-ШИХМАТОВА.

(Стр. 84).

Рукописи этой эпиграммы не извѣстно. — Напечатана она В. П. Гаевскимъ въ *Современникѣ* 1863 г., т. XCVII, стр. 164, откуда перешла въ изданіе сочиненій Пушкина 1880 — 1881 годовъ, т. I, стр. 58.

Поводъ къ сочиненію эпиграммы дала книга съ слѣдующимъ заглавіемъ: Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія. Поэма въ трехъ пѣсняхъ князя *С. А. Ширинскаго-Шихматова.* С.-Пб. 1807.

XXVI.

ЭПИГРАММА.

(Аристъ намъ обѣщалъ....).

(Стр. 85).

Рукописный текстъ этой эпиграммы сохранился въ лицейской тетради М. А. Корфа, бывшей въ рукахъ П. В. Анненкова (см. его изданіе, т. II, стр. 91), но оставшейся для насъ недоступною. — Эпиграмма напечатана въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. I, № 1 стр. 13, съ подписью:

1.... 14 — 16, а отсюда перешла въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 63 и 64.

Если справедлива догадка, высказанная нами въ примѣчаніи къ посланію „Къ другу-стихотворцу“, то можно думать, что подъ „Аристомъ“ эпиграммы слѣдуетъ разумѣть то же лицо, какое разумѣется подъ „Аристомъ“ вышеупомянутаго посланія, то-есть, В. К. Кюхельбекера.

1815.

I.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

(Стр. 89 — 91).

Это стихотвореніе извѣстно намъ по тремъ рукописямъ: первая изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Къ Д.“ и съ подписью А. П., — автографъ Пушкина на отдѣльномъ листѣ, хранящійся въ библіотекѣ Императорскаго Александровскаго лицея, куда онъ поступилъ отъ профессора В. В. Никольскаго; факсимиле съ этого автографа приложено къ изданной лицеемъ брошюрѣ: „29 января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина“. С.-Пб. 1887; вторая рукопись — списокъ неизвѣстнаго почерка, но съ поправками Пушкина, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 36 и 37, подъ заглавіемъ: „Къ Д***“ и съ помѣтами: „1815“ и „Отвѣтъ“; третій списокъ, писарскаго почерка, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 765 и 766. — Посланіе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 352 — 354, вполнѣ согласно съ текстомъ музейной рукописи № 2395, а въ изданіи 1880 г., т. II, стр. 440, даны дополненія къ этому тексту на основаніи лицейскаго автографа.

Изъ сличенія трехъ вышеупомянутыхъ рукописныхъ текстовъ между собою обнаруживается, что разсматриваемое посланіе подвергалось неоднократнымъ передѣлкамъ и воспроизводилось въ спискахъ, значительно разнившихся одинъ отъ другого. Наиболѣе раннюю редакцію посланія слѣдуетъ видѣть въ лицей-

скомъ автографѣ, а наиболѣе позднюю — въ исправленномъ рукой автора текстѣ музейной рукописи № 2364; текстъ той же рукописи до авторскихъ исправленій и текстъ въ музейной рукописи № 2395 должны быть разсматриваемы какъ редакціи промежуточныя, и притомъ не сходныя между собою. Существенное различіе между двумя крайними редакціями состоитъ въ томъ, что въ самой ранней всего пространнѣе первая половина стихотворенія, а въ позднѣйшей — вторая его половина. Редакціи промежуточныя обѣ приближаются въ этомъ отношеніи къ позднѣйшей и уже содержатъ въ себѣ даже нѣкоторыя мелкія поправки, ее отличающія. Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ музейной рукописи № 2364, со включеніемъ въ него всѣхъ позднѣйшихъ поправокъ, относящихся, вѣроятно, къ 1825 году. Здѣсь же сообщается посланіе по лицейскому автографу, какъ представляющему его первоначальную редакцію; притомъ стихи и отдѣльныя выраженія, подвергшіяся при послѣдовательныхъ передѣлкахъ измѣненію или исключенію, напечатаны курсивомъ, а въ концѣ отмѣчено нѣсколько первоначальныхъ чтеній, исправленныхъ еще въ лицейскомъ автографѣ:

КЪ Д...

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый *духовникъ!*
Жилецъ полей пустынныхъ,
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ *милою мечтою.*
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ:

Сначала я *шалилъ*,
Шутя стихи *кроилъ*,
А тамъ *ихъ* напечаталъ —
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, *Пустову*, —
Да я жъ и виноватъ,
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что̀ скажетъ бѣлый свѣтъ!)
Жужжишь Икару вслѣдъ
Стихами до надсаду:
«Смотрите: вотъ поэтъ!»
Спасибо за посланье,
Но что̀ мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ
Вѣдь станутъ въ посмѣянье
Указывать перстомъ:
Когда бъ подобны были
Моимъ твои стихи,
То скоро бъ всѣ забыли,
Что Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился
И ходитъ на Парнасъ,
Покою поклонился
И пишетъ въ добрый часъ.
Измѣнникъ! Съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно,
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено.
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану.
Предатели-друзья
Невинное творенье

Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
«Ахъ, сударь, мнѣ сказали,
«Вы пишете стишки,
«Увидѣть ихъ нельзя ли?
«Вы въ нихъ изображали,
«Конечно, ручейки,
«Конечно, василечекъ
«Иль тихій вѣтерочекъ
«И рощи, и цвѣтки...»
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ *** восхищаться....
Помилуй, Аполлонъ!

Первоначальныя чтенія, уже исправленныя въ лицейскомъ автографѣ, суть слѣдующія:

Ст. 16-й: *Риѳматову*, Пустову
„ 20-й: *Кричишь* Икару вслѣдъ
(вторично): *Мнѣ свищешь оду* вслѣдъ).
Ст. 33-й, 34-й: И *лѣзетъ* на Парнасъ,
И въ риѳмахъ весь зарылся
„ 38-й, 39-й: И мнѣ прослыть *Графономъ*
Судьбою суждено
„ 41-й: Куда *ни сунусь* я...
„ 46-й: *И тамъ за наказанье*
„ 49-й: *Меня ужъ* окружаютъ
„ 58-й: *Барашковъ* и цвѣтки
(вторично): *Фіалочку,* цвѣтки).
Ст. 61-й: Съ *Графовымъ* восхищаться.

Слѣдуетъ также замѣтить, что при исправленіяхъ 1825 года, вслѣдствіе уничтоженія ст. 16-го первоначальной редакціи, стихъ, съ нимъ риѳмовавшій, остался безъ соотвѣтствовавшей ему риѳмы.

Изъ помѣты, сопровождающей заглавіе посланія въ музейной рукописи № 2364, видно, что оно составляетъ „Отвѣтъ“ на стихотвореніе, обращенное къ Пушкину Дельвигомъ. Дѣйствительно, въ собраніи сочиненій Дельвига находится слѣдующая піеса въ гораціанскомъ вкусѣ, написанная, подобно посланію Пушкина, въ 1815 году:

А. С. Пушкину.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ, и лаврами,
Майской ночью, при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери, —
Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на стѣны
Побѣжденныхъ знамена не вѣшаетъ;
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ предъ храмомъ Ареевымъ;
Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты экватора
Для него кораблями бѣгущими.
Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.
И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ, — и въ юности
Онъ ужь видитъ священную истину
И порокъ, изъ подлобья взирающій!
Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

Судя по послѣднимъ стихамъ IV-й строфы и по строфѣ V-й, эта ода была написана Дельвигомъ подъ живымъ впечатлѣніемъ блестящаго успѣха „Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ“, читанныхъ Пушкинымъ на публичномъ лицейскомъ экзаменѣ въ январѣ 1815 года, когда авторъ ихъ, смущенный и обрадованный похвалами Державина, бѣжалъ и скрылся даже отъ своихъ товарищей. Изданное въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 года, ч. III, мѣсяца черезъ два послѣ помѣщенія тамъ Пушкинскихъ „Воспоминаній“, восторженное стихотвореніе Дельвига было первымъ появившимся въ печати выраженіемъ одобренія юному поэту, за которымъ, пять лѣтъ спустя, при появленіи „Руслана и Людмилы“, даже невполнѣ къ нему расположенная критика принуждена была признать „почтенное мѣсто между первоклассными отечественными нашими писателями“ [1]). Пушкину естественно было откликнуться на дружеское привѣтствіе Дельвига: таково происхожденіе разсматриваемаго стихотворенія. Не будемъ распространяться о томъ, что оно вообще принадлежитъ къ разряду „дружескихъ посланій“, и подобно прочимъ стихотвореніямъ этого рода, носитъ на себѣ слѣды подражанія „Пенатамъ“ Батюшкова, если не въ содержаніи, то хоть въ размѣрѣ и тонѣ (ср. о томъ въ статьѣ *Гаевскаго — Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 360); но обратимъ вниманіе на стт. 3-й—15-й разсматриваемой піесы, въ которыхъ авторъ разсказываетъ исторію своего стихотворства. Подъ „дядюшкой-поэтомъ“ разумѣется В. Л. Пушкинъ, литераторъ, пользовавшійся въ свое время нѣкоторымъ значеніемъ въ извѣстныхъ кругахъ; свидѣтельство племянника объ его благосклонномъ отношеніи къ раннимъ стихотворнымъ опытамъ лицеиста вѣскимъ образомъ под-

1) Выраженіе А. Ѳ. Воейкова въ написанной имъ въ поощрительномъ тонѣ критикѣ „Руслана и Людмилы“ (*Сынъ Отечества* 1820 г., ч. LXIV, № 36, стр. 106).

тверждаетъ другія о томъ извѣстія (ср. ниже стр. 112 и 113 въ настоящихъ примѣчаніяхъ); въ посланіи къ Василію Львовичу, написанномъ въ 1817 году (см. выше текстъ, стр. 256), Александръ Пушкинъ величаетъ дядю даже титуломъ своего „парнасскаго отца“, тогда какъ самъ любившій помолодиться дядя называлъ племянника братомъ. Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ намъ еще придется коснуться тѣхъ своеобразныхъ отношеній, которыя постепенно образовались между этими представителями двухъ литературныхъ поколѣній въ семьѣ Пушкиныхъ.

Далѣе авторъ посланія упоминаетъ о томъ, какимъ образомъ его произведенія сдѣлались достояніемъ печати (стт. 27-й — 32-й), и даетъ понять, что горячія похвалы Дельвига вмѣняютъ восхваляемому въ обязанность приложить больше труда къ своимъ опытамъ творчества. По вѣрному замѣчанію Гаевскаго (статья о Дельвигѣ въ *Современникѣ* 1853 г., т. XXXVII, стр. 83 и 84), „изъ этого посланія можно заключить, вопервыхъ, что стихотворенія Пушкина отдавались въ печать иногда украдкой отъ поэта, и что въ этомъ „предательствѣ“, какъ называлъ это Пушкинъ, участвовалъ и Дельвигъ, болѣе другихъ ревностный къ славѣ своего друга; а вовторыхъ, что Дельвигъ, имѣвшій нѣкоторое вліяніе на Пушкина, побуждалъ его къ литературнымъ занятіямъ; иначе Пушкинъ не имѣлъ бы причины просить у него позволенія полѣниться

Еще хоть годъ одинъ».

Дѣйствительно, Дельвигъ преклонялся предъ Пушкинымъ съ самаго начала ихъ сближенія, и въ этомъ преклоненіи, заставлявшемъ Дельвига, ради заботъ о Пушкинѣ, даже нарушать свою любовь къ покою, было нѣчто трогательное. За то и Пушкинъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ упоминаній въ его сочиненіяхъ, платилъ ему самою нѣжною дружбой и цѣнилъ

его поэтическій талантъ съ чрезмѣрною снисходительностью.

— (**Стр. 90, ст. 22**). Прадонъ — плохой французскій писатель второй половины XVII вѣка, умершій въ 1698 году. Онъ сочинилъ нѣсколько трагедій, въ томъ числѣ „Федру и Ипполита“, и противники Расина превозносили эту піесу въ ущербъ Расиновой „Федрѣ“, поставленной одновременно съ трагедіей Прадона; по этому случаю возгорѣлась сильная полемика, продолжавшаяся нѣсколько времени, и въ которой главнымъ защитникомъ Расина явился Буало (подробности см. въ сочиненіи: Les ennemis de Racine. Par *F. Deltour*. Paris. 1859).

— (**Стр. 90, ст. 35 — 42**). Эти строки составляютъ подражаніе слѣдующимъ стихамъ въ посланіи Грессе іезуиту Бужану („Épitre au père Bougeant, jésuite“).

Déjà j'entends les périodes
Et les questions incommodes
De ces furets de vers nouveaux,
De ces copistes généreux,
Qui persuadés que l'étude
Me tient absent depuis trois mois,
Vont s'imaginer que je dois
Le tribut de ma solitude
A l'oisiveté de leur voix:
«Eh bien», me dit l'un, dont l'idylle
Enchante l'esprit doucereux,
«Sans doute, élève de Virgile,
«Sur les pipeaux harmonieux,
«De Licidas et d'Amarylle
«Vous aurez soupiré les feux?
«Vous aurez chanté les beaux yeux,
«Les premiers soupirs de Silvie,
«Et des bouquets de la prairie
«Vous aurez orné ses cheveux».
— «Qu'apportez-vous? Point de mystère?»
Me vient dire avec un souris

Quelque suivant des beaux-esprits,
Insecte et tyran du parterre.
«L'ouvrage est-t-il pour Thomassin,
«Pour Pélissier ou pour Gaussin».

— (**Стр. 91, ст. 59**). Графовъ — графъ Д. И. Хвостовъ.

II.

ЛИЦИНІЮ.

(Стр. 92 — 94).

Рукописей этого стихотворенія не извѣстно. — Впервые оно было напечатано въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. II, № 5, стр. 129 — 132, подъ заглавіемъ: „Лицинію. Съ латинскаго“ и съ подписью: *1.... 17 — 14;* затѣмъ въ переработанномъ видѣ вошло въ изданіе 1826 года, стр. 137 — 140, и въ изданіе 1829 года, ч. I, стр. 7 — 10; помѣта „съ латинскаго“ еще сохраняется въ обоихъ этихъ изданіяхъ, но въ посмертномъ, т. III, стр. 117, уже отброшена.

Дата сочиненія піесы — 1815 годъ — означена въ изданіяхъ 1826 и 1829 годовъ.

Напечатанный въ *Россійскомъ Музеумѣ* первоначальный текстъ піесы отличается отъ позднѣйшаго текста 1826 года слѣдующими *варіантами:*

Ст. 2-й: *Увѣнчанъ* лаврами, въ блестящей багряницѣ,
„ 5-й, 6-й: Смотри, какъ всѣ предъ нимъ *усердно* спину клонятъ,
Какъ *ликторовъ полки* народъ несчастный гонятъ!
Ст. 8-й, 9-й: *Съ покорностью ему* умильный *мещутъ* взглядъ,
Ждутъ *въ тайномъ трепетѣ улыбку*, глазъ движенья,
„ 11-й—16-й: И дѣти малыя, и старцы *съ сѣдиной*,
Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ, и душой,
И *даже* слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Какъ нѣкій памятникъ *имъ кажется* священный.

О, Ромуловъ народъ, *предъ кѣмъ* ты палъ *во прахъ?*
Предъ кѣмъ восчувствовалъ въ душѣ столь низкій
страхъ?

Ст. 23-й: Ветулій — римлянъ царь! О, *срамъ*, о, времена!
„ 25-й—30-й: Но кто подъ портикомъ, съ *руками за спиною,*
Въ изорванномъ плащѣ *и* съ *нищенской* клюкою
Поникнувъ головой, нахмурившись идетъ?
Не ошибаюсь я: философъ то Даметъ.
«*Даметъ*, куда, *скажи, въ одеждѣ столь убогой,*
«*Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?*»
«Куда — не знаю самъ. *Пустыни я ищу:*
«*Среди разврата жить ужь болѣ не хочу;*
«*Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу* вижу,
«На вѣкъ оставлю Римъ: я *людства* ненавижу».
„ 32-й—36-й: *Отдавъ поклонъ мечтѣ*, Фортунѣ, *суетамъ*,
Сѣдого *стоика* примѣромъ научиться?
Не лучше ль *поскорѣй со градомъ распроститься*,
Гдѣ все *на откупѣ:* законы, правота,
И *жены*, и *мужья*, и честь, и красота?
„ 39-й: Другихъ *неопытныхъ* въ *любовну* ловитъ сѣть:
„ 41-й—44-й: *Летитъ отъ старика любовь въ толпѣ* веселій.
Пускай безстыдный Клитъ, *вельможей рабъ*
Корнелій,
Оставя ложе сна съ запѣвшимъ пѣтухомъ,
Отъ знатныхъ къ богачамъ *бѣгутъ* изъ дома въ
домъ!
„ 48-й—52-й: Безумныхъ *гордецовъ*, обманчивыхъ красотъ,
Докучныхъ риторовъ, парнасскихъ Геростратовъ;
Въ деревню пренесемъ *отеческихъ пенатовъ!*
Въ *тѣнистой рощицѣ*, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ *красивый*, свѣтлый домъ,
Ст. 54-й: Подъ старость отдохнемъ въ *тиши* уединенья.
„ 58-й, 59-й: Свой духъ воспламеню *Петрономъ*, Ювеналомъ,
Въ *гремящей* сатирѣ порокъ изображу.

Ст. 65-й, 66-й: Народы *дикіе*, сыны свирѣпой брани,
Войны ужасной мечъ пріявъ въ кровавы длани.
„ 70-й, 71-й: И путникъ, *обративъ* на груды камней око,
Речетъ, *задумавшись*, *въ мечтаньяхъ* углубленъ...

Въ изданіи 1826 года текстъ отличается отъ текста 1829 года лишь отсутствіемъ одного стиха (18-го) и слѣдующимъ *варіантомъ* въ ст. 19-мъ:

Скажу ль?.... *Ветулія!*....

Но и это отличіе образовалось въ изданіи 1826 года едва ли не случайно: за пропускомъ — вѣроятно, нечаяннымъ — ст. 18-го въ рукописи, служившей оригиналомъ для набора, ст. 19-й остался безъ соотвѣтственной риѳмы, а въ ст. 20-мъ, для согласованія съ предшествующимъ, имя временщика пришлось поставить въ родительномъ падежѣ вмѣсто дательнаго.

По преданію, сохраненному П. В. Анненковымъ въ его „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“ (Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 38), родные молодого поэта сперва и довольно долго съ недовѣріемъ смотрѣли на его литературныя занятія. „Примиреніе и одобрительный отзывъ на продолженіе поэтическихъ упражненій“, говоритъ біографъ, — „послѣдовали, кажется, за піесою: „Лицинію“. До тѣхъ поръ поэзія молодого Пушкина казалась шалостью въ глазахъ близкихъ ему людей и встрѣчала постоянное осужденіе“. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что приведенное преданіе требуетъ нѣкотораго ограниченія: еще въ самомъ началѣ 1815 года „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ доставили лицейскому поэту успѣхъ, который долженъ былъ произвести благопріятное впечатлѣніе на его родителей и содѣйствовать измѣненію ихъ взгляда на его литературныя наклонности; но очень вѣроятно, что только знакомство съ посланіемъ „Лицинію“ утвердило ихъ въ новомъ образѣ мыслей;

посланіе это въ особенности могло встрѣтить одобреніе со стороны дяди сочинителя В. Л. Пушкина, который самъ былъ сочинителемъ, самъ пытался переводить римскихъ поэтовъ и долженъ былъ признать удачною попытку подражать имъ въ этомъ произведеніи своего племянника. У того же Анненкова (тамъ же, стр. 39) сообщается любопытное извѣстіе о чрезвычайномъ воодушевленіи, съ которымъ молодой авторъ писалъ свое стихотвореніе: даже во снѣ онъ видѣлъ стихи и впослѣдствіи самъ разсказывалъ, что однажды ему приснилась картина, изображенная въ стт. 37-мъ и 38-мъ піесы, чѣмъ и былъ поданъ поводъ къ ея сочиненію.

Не смотря на то, что въ 1815 году, при первомъ изданіи посланія „Лицинію“, на немъ была выставлена помѣта: „съ латинскаго“, едва ли можно думать, что Пушкинъ дѣйствительно желалъ выдать это стихотвореніе за переводъ. Конечно, трудно согласиться съ П. А. Плетневымъ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 444), что означенная помѣта была сдѣлана Пушкинымъ только „для шутки“; но весьма вѣроятно, что онъ надѣялся оградить себя ею отъ цензурныхъ стѣсненій, подобно Рылѣеву, который въ 1820 году напечаталъ въ журналѣ *Невскій Зритель*, кн. IV, свою оригинальную сатиру на Аракчеева, но придалъ ей древне-классическій характеръ упоминаніями о Брутѣ, Катонѣ, Сеянѣ и др. и снабдилъ припиской: „Подражаніе Персіевой сатирѣ: Къ Рубеллію“ (Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изданныя подъ редакціей *М. Н. Мазаева*. С.-Пб. 1893, стр. 76, 77 и 111). Возможно впрочемъ и то, что, по мысли Пушкина, надписаніе: „Лицинію. Съ латинскаго“ должно было просто указывать читателямъ на особый, античный характеръ посланія: несомнѣнно, что Пушкинъ писалъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего знакомства съ римскими поэтами, въ особенности съ Ювеналомъ.

По прекрасному выраженію Грановскаго, „музами римской сатиры были ненависть и ирония“. Къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній этого рода поэзіи принадлежитъ третья сатира Ювенала, извѣстная подъ названіемъ: „Urbis incommoda“ (о невозможности жить въ Римѣ). Она не разъ была переводима на разные языки и дала поводъ ко множеству подражаній, изъ коихъ самое извѣстное принадлежитъ Буало (satire I-re: Les embarras de Paris). Въ стихотвореніи Ювенала находится рядъ яркихъ бытовыхъ картинъ изъ римской жизни и въ то же время громко звучитъ знаменитая, свойственная этому автору „indignatio“. Содержаніе сатиры [1]) составляетъ бесѣда поэта съ его другомъ Умбриціемъ, или лучше сказать, горячій монологъ, въ которомъ Умбриній объясняетъ своему собесѣднику, почему онъ рѣшается покинуть Римъ. Само собою разумѣется, что устами Умбриція высказывается самъ Ювеналъ. „Если въ Римѣ нѣтъ мѣста для честнаго дѣла“, говоритъ добровольный изгнанникъ, — „нѣтъ никакой прибыли отъ труда, если твое имущество сегодня меньше, чѣмъ было вчера, ... то вотъ я рѣшаюсь отправиться туда, гдѣ Дедалъ сложилъ свои усталыя крылья [2]). Пусть я удалюсь съ родины, пока моя сѣдина еще вновѣ, а старость въ началѣ и еще не согнула меня (стт. 21-й — 26-й)... Пусть живутъ здѣсь Арторій и Катуллъ, пусть остаются тѣ, что̀ превращаютъ черное въ бѣлое, кому ничего не значитъ брать на откупъ храмы, рѣки, гавани, чистку клоакъ (стт. 29-й — 31-й)... Эти люди изъ тѣхъ, ... какихъ изъ низкой доли Фортуна возводитъ на вершину почестей

1) Въ нижеслѣдующихъ цитатахъ изъ этой сатиры пользуемся переводомъ *Н. М. Благовѣщенскаго*, помѣщеннымъ въ *Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія* 1884 г., № 4.

2) То-есть, въ городъ Кумы, въ Кампаніи, недалеко отъ Неаполя, гдѣ, по одному изъ древнихъ преданій, Дедалъ окончилъ свой полетъ.

всякій разъ, когда ей хочется пошутить. Что̀ мнѣ дѣлать въ Римѣ? Лгать я не умѣю, хвалить и выпрашивать книгу, если она дурна, не могу, астрологіи не знаю, предвѣщать смерть отца [нетерпѣливому наслѣднику] не хочу и не могу, да и внутренностей лягушекъ никогда не разсматривалъ. Относить посылки къ замужнимъ женщинамъ и исполнять порученія ихъ любовниковъ знаютъ другіе и безъ меня. Никакой воръ никогда не будетъ имѣть меня своимъ пособникомъ, и вотъ почему я ухожу отсюда, не состоя ни у кого кліентомъ, словно какой-нибудь калѣка, словно какое-нибудь безполезное, сухорукое тѣло (стт. 38-й — 48-й)... Въ Римѣ на все такса. Сколько ты платишь, чтобъ иногда привѣтствовать Косса, или за то, чтобы, поджавъ губы, взглянулъ на тебя Вейентонъ[1])? (стт. 183 — 185)... Если ты въ состояніи оторваться отъ зрѣлищъ въ циркѣ, то гдѣ-нибудь въ Сорѣ, Фабратеріи или Фрузинонѣ[2]) можно купить цѣлый домъ за ту цѣну, какую ты теперь платишь въ годъ за твое мрачное жилище. Здѣсь и садикъ, и неглубокій колодезь, изъ котораго нѣтъ нужды черпать воду при помощи каната для того, чтобы поливать ею безъ особаго труда простые злаки. Живи себѣ здѣсь любителемъ сельскаго быта, хозяиномъ воздѣланнаго огорода (стт. 223-й — 228-й)... Что-нибудь да значитъ сдѣлаться владѣльцемъ хотя бы одной горсти земли гдѣ бы то ни было, въ какомъ угодно захолустьѣ“ (стт. 230-й и 231-й).

Довольно этихъ извлеченій, чтобы видѣть, что третья Ювеналова сатира дала Пушкину канву для посланія „Лицинію“: и тамъ, и здѣсь удаленіе честнаго человѣка

---

1) Вейентонъ — одинъ изъ любимцевъ императора Домиціана, извѣстный своими доносами и принимавшій своихъ кліентовъ, „поджавъ губы“, то-есть, съ высокомѣрнымъ молчаніемъ. Коссъ — лицо неизвѣстное.

2) Городки въ Лаціумѣ, недалеко отъ Рима.

изъ Рима объясняется невозможностью жить въ этомъ глубоко развращенномъ городѣ, не заразившись его пороками. Но въ развитіи этой основной мысли Пушкинъ не слѣдуетъ непосредственно за Ювеналомъ, и въ посланіи „Лицинію“ нельзя указать ни одного прямого заимствованія ни изъ третьей, ни изъ какой-либо другой сатиры римскаго поэта. Пушкинъ старался усвоить себѣ главнымъ образомъ негодующій тонъ Ювенала и достигъ того съ значительнымъ успѣхомъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на художественный тактъ молодого поэта. Въ произведеніяхъ Ювенала безпощадность обличенія придаетъ изображенію дѣйствительной жизни жесткую односторонность; одинаковое негодованіе возбуждаютъ въ немъ и великіе пороки, и мелкіе недостатки современнаго ему общества, вслѣдствіе чего сатиры его получаютъ иногда однообразный характеръ, еще болѣе усиливаемый декламаторскими привычками автора. Посланіе „Лицинію“ свободно отъ этихъ недостатковъ: рѣчь Пушкина отличается здѣсь не только силой, но и сжатостью; нѣкоторыя черты древняго быта, правда, смягчены, — за то реализмъ ихъ изображенія не переходитъ ни въ грубость, ни въ цинизмъ; обличаемой имъ дѣйствительности поэтъ противополагаетъ иной строй жизни, болѣе простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чистый въ нравственномъ смыслѣ: римлянинъ времени имперіи, отъ лица котораго написано посланіе, съ благоговѣніемъ обращается къ минувшимъ временамъ республики, когда еще жива была древняя доблесть, создавшая могущество и славу Рима. Подобныя обращенія къ прошлому встрѣчаются и въ сатирахъ Ювенала (напримѣръ, въ сатирѣ II-й, стт. 153-й — 160-й), но лишь изрѣдка. Пушкинъ, усвоивая себѣ этотъ пріемъ своего образца, придалъ больше разнообразія, больше внутренняго содержанія своему произведенію.

По замѣчанію Л. И. Поливанова (см. его 2-е изданіе сочиненій Пушкина, т. I, стр. 25), посланіе „Лицинію“ „свидѣтельствуетъ, какъ рано уже умѣлъ Пушкинъ извлеченное изъ чтенія (и уроковъ исторіи) претворять въ типическіе образы, полные жизни“.

Это справедливо не только въ отношеніи Ювенала, вліяніе котораго на піесу Пушкина указано выше, но и относительно другихъ авторовъ, изъ которыхъ Пушкинъ знакомился съ римскою древностью. Весьма возможно, что въ то время, когда писалось посланіе „Лицинію“, авторъ его уже былъ знакомъ съ знаменитымъ сочиненіемъ Монтескьё „Considérations sur la grandeur et la décadance des Romains“, въ которомъ такъ ярко изображена героическая сторона античной жизни. Во всякомъ случаѣ, въ то время онъ хорошо зналъ трагедіи Корнеля, и потому можно согласиться съ замѣчаніемъ Б. В. Никольскаго (*Историч. Вѣстникъ* 1899 г., іюль, стр. 205 и 206), который сближаетъ заключеніе посланія (стт. 61 — 72) съ знаменитымъ монологомъ Камиллы въ Корнелевой трагедіи „Horace“ (acte IV, scène V):

Rome, l'unique objet de mon ressentiment!
Rome, à qui vient ton bras d'immoler mon amant!
Rome qui t'a vu naître et que ton coeur adore!
Rome enfin que je hais parce qu'elle t'honore!
Puissent tous ses voisins ensemble conjurés
Saper ses fondements encor mal assurés!
Et, si ce n'est assez de toute l'Italie,
Que l'Orient contre elle à l'Occident s'allie,
Que cent peuples unis des bouts de l'univers
Passent pour la détruire et les monts et les mers,
Qu'elle-même sur soi renverse ses murailles,
Et de ses propres mains déchire ses entrailles!
Que le courroux du ciel allumé par mes voeux
Fasse pleuvoir sur elle un déluge de feux!
Puissé-je de mes yeux y voir tomber ce foudre,
Voir ses maisons en cendre, et tes lauriers en poudre,

Voir le dernier Romain à son dernier soupir,
Moi seule en être cause, et mourir de plaisir!

Въ заключеніе отмѣтимъ еще мнѣніе В. Я. Стоюнина (Историч. сочиненія, ч. II, стр. 44 и 45); оно не вполнѣ сходится съ вышеприведеннымъ отзывомъ Поливанова относительно художественной оцѣнки посланія, но вѣрно опредѣляетъ извѣстный моментъ въ общемъ развитіи Пушкина. Приведя изъ посланія „Лицинію“ стт. 1-й — 17-й, 42-й — 46-й, 57-й — 60-й и замѣтивъ, что въ изображеніи временщика Ветулія „нельзя не видѣть намековъ на Аракчеева“, Стоюнинъ говоритъ далѣе: „Въ этой сатирѣ уже видно, что у юноши-поэта сталъ развиваться нравственный идеалъ человѣка, съ которымъ соединялось представленіе гражданина. Правда, въ фантазіи онъ еще не успѣлъ переработаться въ идеалъ художественный и выражается довольно отвлеченно, но онъ уже стоитъ на опредѣленной почвѣ и долженъ привлечь вниманіе біографа въ виду будущаго дальнѣйшаго развитія поэта“. Дѣйствительно, среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина посланіе „Лицинію“ выдѣляется тѣмъ, что съ чисто литературными достоинствами оно соединяетъ и возвышенную строгость нравственнаго воззрѣнія.

III.

БОВА.

(Отрывокъ изъ поэмы).

(Стр. 95 — 103).

Въ бумагахъ П. В. Анненкова, переданныхъ намъ его вдовой Гл. Ал. Анненковой, сохранился автографъ части этого отрывка изъ оставшейся не оконченною поэмы Пушкина; весь же отрывокъ извѣстенъ намъ по поздней и

довольно небрежной копіи писарскаго почерка, находящейся въ рукописи Моск. Публ. музея № 2695, лл. 681—686; тотъ же отрывокъ, по свидѣтельству И. П. Хрущова, находился въ тетради, принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину. — Впервые отрывокъ былъ напечатанъ въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 249 — 258, съ пропускомъ стт. 17-го — 22-го, 26-го, 27-го, 30-го — 39-го и 171-го — 173-го. Впослѣдствіи стт. 17-й, 18-й, 171-й — 173-й были введены въ текстъ, но безъ указанія источника, въ изданіи *Я. А. Исакова:* Народныя русскія сказки А. С. Пушкина. С.-Пб. 1873, стр. 145 — 160, и отсюда перешли въ изданіе 1880 г., т. I, стр. 69—77. Затѣмъ стт. 19-й—22-й, 26-й, 27-й, 30-й — 39-й были напечатаны по вышеупомянутой музейной рукописи въ статьѣ *А. И. Незеленова:* „Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина“, помѣщенной въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1889 г., т. XXXV, и повторенной въ книгѣ того же автора: Шесть статей о Пушкинѣ. С.-Пб. 1892. Въ настоящемъ изданіи строки, напечатанныя Незеленовымъ, впервые вносятся въ собраніе сочиненій Пушкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ весь отрывокъ провѣренъ по музейной рукописи.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ И. П. Хрущовымъ, видно, что въ рукописи Матюшкина текстъ отрывка былъ вполнѣ сходенъ съ музейнымъ; что же касается автографа, онъ содержитъ въ себѣ только стт. 196-й — 246-й отрывка, притомъ въ ранней редакціи піесы, которая сравнительно съ напечатаннымъ текстомъ представляетъ слѣдующіе *варіанты:*

Ст. 196-й, 197-й: Видитъ *тѣнь иль призракъ стараго Вѣнценосца* съ длинной шапкою:
„ 200-й: Видъ *невинный: взоръ* на выкатѣ...
„ 204-й: Зоя *видитъ*, и со трепетомъ...
„ 210-й: Прочитала *тихимъ* шопотомъ

(вторично): Прочитала *нѣжнымъ* шопотомъ
То, что̀ въ вѣкъ не могъ я выучить...
Ст. 220-й: *Глупымъ смѣхомъ* освѣтившися...
„ 231-й: Больно стало доброй *Зоинькѣ.*
Послѣ ст. 242-го: *За спасибо въ темну яму сѣсть.*

Для опредѣленія времени, когда написанъ „Бова", могутъ служить стт. 63-й — 65-й отрывка, въ которыхъ говорится, что Наполеонъ

Жизнь проводитъ въ униженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ.

Наполеонъ прожилъ на островѣ Эльбѣ съ мая 1814 года по февраль 1815, а въ Петербургъ извѣстіе о его бѣгствѣ оттуда достигло только въ мартѣ; такимъ образомъ, къ этому десятимѣсячному періоду времени, и преимущественно къ концу его, должно быть пріурочено сочиненіе поэмы.

Какъ стихотвореніе 1814 года „Козакъ" является у Пушкина первымъ опытомъ литературной обработки народной пѣсни, такъ „Бова" представляетъ собою первую попытку его воспользоваться мотивами народной повѣсти. Пушкинъ былъ знакомъ съ повѣстью о Бовѣ Королевичѣ не только по лубочнымъ изданіямъ, но и по устному пересказу своей мамушки, о чемъ упоминаетъ въ стихотвореніи 1816 года „Сонъ" (см. выше, текстъ, стр. 196, стт. 173-й—179-й), но очевидно, онъ не подозрѣвалъ иноземнаго происхожденія этого произведенія и считалъ его за самобытное созданіе русскаго народнаго творчества; поэтому и явилась у него мысль отнестись къ этой повѣсти такъ же, какъ Карамзинъ въ своемъ „Ильѣ Муромцѣ" отнесся къ народнымъ сказкамъ объ этомъ богатырѣ.

На сходство Пушкинскаго „Бовы" съ Карамзинскимъ „Ильей" уже давно было указано какъ Бѣлинскимъ (Со-

чиненія, т. VIII, стр. 310), такъ и Анненковымъ (изданіе Пушкина, т. II, стр. 228); но это вполнѣ справедливое указаніе требуетъ нѣкоторыхъ дополненій. Дѣло въ томъ, что „Илья Муромецъ“ не одиноко стоитъ въ литературѣ своего времени, а составляетъ лишь одно изъ звеньевъ въ ряду тогдашнихъ ея попытокъ обратиться къ народнымъ источникамъ. Карамзинъ взялся за „Илью Муромца“ въ 1794 году[1]), и въ то же время пріятель и родственникъ Державина Н. А. Львовъ совершенно независимо отъ Карамзина задумалъ сочинить „богатырскую пѣсню“ о Добрынѣ[2]); немного позже, въ 1796—1801 годахъ, примѣру автора „Ильи Муромца“, еще молодого человѣка, послѣдовалъ старикъ Херасковъ и написалъ огромную повѣсть въ стихахъ „Бахаріана“[3]), и наконецъ, въ 1797 — 1800 годахъ возвращенный изъ ссылки Ал. Н. Радищевъ принялся за поэму о Бовѣ[4]), о томъ самомъ героѣ, котораго впослѣдствіи вздумалъ воспѣвать лицеистъ Пушкинъ; подобно послѣднему, Радищевъ, очевидно, считалъ Бову героемъ чисто національнымъ. Чтобы придать своимъ произведеніямъ вящшій народный колоритъ, Карамзинъ и Львовъ задумали употребить въ нихъ такъ-называемый русскій размѣръ. „Въ разсужденіи мѣры“, писалъ по этому поводу авторъ „Ильи Муромца“ въ примѣчаніи къ своей сказкѣ, — „скажу, что она — совершенно русская. Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими стихами“. Львовъ, участвовавшій въ

1) Написано было только начало этой „богатырской сказки“, напечатанное въ 1795 году, во II-й книжкѣ сборника *Аглая*.

2) Написано было тоже только начало пѣсни, появившееся въ печати лишь въ 1804 году въ журналѣ *Другъ просвѣщенія*, ч. III, какъ приложеніе къ статьѣ: „Памятникъ Н. А. Львову“ (ум. въ 1803 году).

3) Издана въ Москвѣ въ 1804 году, въ двухъ частяхъ.

4) Поэма Радищева должна была состоять изъ 12 пѣсенъ, изъ коихъ 11 уже были написаны, но сохранилась только 1-я пѣсня, напечатанная въ I-й части Собранія оставшихся сочиненій покойнаго Ал. Н. Радищева (М. 1806).

изданіи сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ Прача (С.-Пб. 1790) и считавшійся вообще знатокомъ по части стихосложенія и музыки, по словамъ современника, — „утверждалъ, что русская поэзія больше могла бы имѣть гармоніи, разнообразія и выразительныхъ движеній въ тоническомъ вольномъ родѣ стиховъ, нежели въ порабощеніи только однимъ хореямъ и ямбамъ“. Его „Добрыня“ былъ предпринятъ именно въ подтвержденіе этой мысли, и въ немъ были употреблены даже нѣсколько размѣровъ, свойственныхъ русскимъ народнымъ пѣснямъ. Бо̀льшая часть „Бахаріаны“ Хераскова также сложена пресловутымъ Карамзинскимъ „русскимъ“ размѣромъ, и только Радищевъ не рѣшился придержаться его, хотя тоже имѣлъ своеобразныя понятія о нашемъ стихосложеніи и въ особенности враждовалъ противъ ямбовъ и риѳмъ; его „Бова“ написанъ четырехстопными бѣлыми хореическими стихами.

Разумѣется однако, одними нововведеніями въ метрикѣ нельзя было удовлетворить стремленію къ народности; гораздо болѣе могли служить этой цѣли разработка темъ изъ народной жизни или по крайней мѣрѣ заимствованіе ихъ изъ произведеній народнаго творчества. Заявленія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ находимъ мы и у названныхъ нами авторовъ; такъ, самое названіе „Бахаріаны“ Хераскова (отъ слова *бахарь*, сказочникъ) даетъ понять — какъ и объяснено въ заглавіи, — что передъ нами „волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ“. Радищевъ утверждаетъ, что въ основу своей поэмы онъ кладетъ сказку, слышанную отъ своего старинаго дядьки. Страстный поклонникъ „русскаго духа“, собиравшійся въ своей пѣснѣ описывать „бракъ великаго князя Владиміра и при ономъ потѣхи русскихъ витязей, преимущественно витязя Добрыни Никитича“, Львовъ восклицаетъ съ жаромъ:

Не безсудьте, пожалуйте,
Люди добрые, русскій строй.
Вѣдь не лира, гудокъ гудитъ,
Не Алцей, новоторъ поетъ [1]).
Не покиньте товарища,
Скоморохи различныхъ мѣръ!
Научите, кому мнѣ пѣть
И кому поклонитися.
Кто мнѣ будетъ подтягивать?
Дайте русскаго мнѣ витязя!
Я Бову Королевича
Не хочу пѣть: не русскій онъ...
Нѣтъ! Такого мнѣ дайте витязя,
Какъ въ чудесный вѣкъ Володиміра
Былъ приизистый сынъ Ременниковъ,
Какъ Полканъ бывалъ, иль какъ Лазаричь,
Иль Потаня....

Наконецъ, даже самъ осторожный Карамзинъ очень опредѣленно, по видимому, высказываетъ задачу своего произведенія:

Не желаю въ миѳологіи
Черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не греки и не римляне,
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ....
Намъ другія сказки надобны,
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ
Вамъ, любезные читатели,
Если вы въ часы свободные
Удовольствіе находите
Въ русскихъ баснѣхъ, въ русскихъ повѣстяхъ,
Въ смѣси былей съ небылицами,
Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
Въ сихъ мечтахъ воображенія.

---

1) Н. А. Львовъ былъ родомъ изъ города Торжка.

Но всѣ эти авторскія заявленія оказываются лишь одними прекрасными намѣреніями, не оправдывавшимися на дѣлѣ; писатели, даже стремившіеся къ народности, путались въ разныхъ условностяхъ и предразсудкахъ господствовавшей тогда литературной теоріи; ни одинъ изъ авторовъ, нами названныхъ, не рѣшился ничего заимствовать изъ богатаго источника народныхъ сказокъ, кромѣ нѣсколькихъ именъ, и ни одинъ не сумѣлъ даже различить въ извѣстномъ сборникѣ М. Д. Чулкова (Русскія сказки. М. 1780) того, что̀ дѣйствительно принадлежитъ народному вымыслу, отъ изобрѣтеній личной фантазіи собирателя. Поэтому не случайно, можетъ быть, опыты такихъ умныхъ людей, какъ Карамзинъ и Львовъ, остались не доконченными, и только трудолюбивый Херасковъ имѣлъ силу дописать свою повѣсть, и то лишь потому, что вторую половину ея наполнилъ разными аллегоріями. Содержаніе поэмы Радищева, на сколько можно судить по сохранившемуся отрывку, составляетъ плодъ его фантазіи, притомъ съ сильною окраской цинизма, не свойственнаго народному творчеству.

Когда Пушкинъ задумалъ писать „Бову“, онъ, безъ сомнѣнія, зналъ названныя выше сочиненія, и оставшійся послѣ него отрывокъ примыкаетъ къ нимъ по своему характеру и тону изложенія: „Бова“ написанъ тѣмъ же размѣромъ, что̀ „Илья Муромецъ“ Карамзина (три хорея и дактиль); какъ въ первыхъ строкахъ своей „богатырской сказки“ Карамзинъ отрекается отъ подражанія „Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“, такъ Пушкинъ въ своемъ приступѣ отказывается слѣдовать не только за Гомеромъ, но и за Вергиліемъ, за Клопштокомъ, Мильтономъ и Камоэнсомъ и выше всѣхъ превозноситъ Вольтера. Въ преклоненіи предъ его „Орлеанскою дѣвственницей“, этимъ совершеннѣйшимъ—по стариннымъ понятіямъ—образцѣ героикомической поэмы, поэтъ-лицеистъ является пря-

мымъ послѣдователемъ людей XVIII вѣка; Радищевъ, котораго Пушкинъ вспоминаетъ въ началѣ отрывка, (ст. 35-й — 39-й), счелъ необходимымъ во вступленіи къ своему „Бовѣ“ помѣстить слѣдующее восторженное воззваніе къ автору „Дѣвственницы“:

О, Вольтеръ, о, мужъ преславный!
Еслибъ можно Бовѣ было
Быть похожу и коё-какъ
На Жанету, дѣвку храбру,
Что̀ воспѣлъ ты, хоть мизинца
Ея стоить; еслибъ можно,
Чтобъ сказали: «Бова» — только
«Тоща тѣнь ея», довольно:
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянный
Возгнѣздился бъ въ Пантеонѣ.

И даже степенный Херасковъ не могъ воздержаться отъ упоминанія о Вольтерѣ и его легкомысленной поэмѣ въ первыхъ стихахъ „Бахаріаны“:

Иліонску брань воспѣвъ, Гомеръ
Пѣлъ войну мышей съ лягушками;
Тамо важенъ, тутъ забавенъ былъ,
Рѣзвыми игралъ идеями.
Послѣ «Генріяды» славимой
«Орлеянку» сочинилъ Вольтеръ,
Повѣсть шуточную, вредную,
Вредную, но остроумную.

Подобно этимъ авторамъ, Пушкинъ ищетъ себѣ поощренія и помощи въ обращеніи къ Вольтеру, своему любимѣйшему въ юные годы писателю, между произведеніями котораго онъ въ особенности отличалъ и цѣнилъ шуточную поэму объ Іоаннѣ д'Аркъ. Замѣтимъ кстати, что Пушкинъ долго сохранялъ это предпочтеніе и даже въ половинѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлалъ опытъ перевода изъ „Pucelle d'Orléans“.

Пушкинъ остался вѣренъ своимъ образцамъ и въ томъ, какъ онъ отнесся къ своему источнику, къ народной повѣсти о Бовѣ Королевичѣ: онъ взялъ изъ нея нѣсколько собственныхъ именъ, но не заимствовалъ ни одной, даже мелкой черты сюжета; да оно было и не возможно; сказка Пушкина съ самаго начала идетъ въ шутливомъ тонѣ, тогда какъ народная повѣсть о Бовѣ постоянно сохраняетъ серьезность изложенія. Эта шутливость дала Анненкову (т. I, стр. 37) поводъ сравнить „Бову“ со сказками аббата Вуазенона (род. въ 1708 г., ум. въ 1775), но такое сравненіе можетъ быть принимаемо лишь въ общемъ смыслѣ: „Бова“ не имѣетъ прямого отношенія ни къ одной изъ сказокъ Вуазенона въ частности, хотя по характеру содержанія и изложенія дѣйствительно походитъ вообще на сказки и повѣсти (въ стихахъ и прозѣ) французскихъ писателей XVIII вѣка. Отмѣтимъ также одну оригинальную черту Пушкинскаго „Бовы“: въ изображеніи „совѣта бородачей“ можно предположить нѣкоторую сатиру на правительственные порядки Московской Руси; правда, что до появленія въ свѣтъ „Исторіи государства Россійскаго“ (1818 г.) Пушкинъ имѣлъ о нихъ лишь очень смутное понятіе, но его насмѣшки объясняются тѣмъ, что въ тогдашніе годы потѣшаться надъ стариной почиталось почти обязательнымъ среди большинства такъ-называемыхъ образованныхъ людей.

Въ заключеніе замѣтимъ, что, по мнѣнію Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 310 и 311), Пушкинскій „Бова“ „нисколько не уступаетъ „Ильѣ Муромцу“ Карамзина въ достоинствѣ стиха и вымысла. Подобно „Ильѣ Муромцу“ Карамзина, „Бова“ не конченъ — вѣроятно, по одной и той же причинѣ: мысль обѣихъ этихъ піесъ такъ дѣтски ложна и поддѣльна, что изъ нея ничего не могло выйти цѣльнаго, и оба поэта сами соскучились ею, не доведя ея до конца“. Это предположеніе славнаго критика не

совсѣмъ произвольно; по крайней мѣрѣ Карамзинъ, при печатаніи начала своей сказки въ 1795 году, самъ заявилъ, что продолженіе ея едва ли будетъ написано; что же касается Пушкина, то, какъ видно изъ письма его къ князю П. А. Вяземскому отъ 27-го марта 1816 года, сюжетъ „Бовы“ еще за годъ передъ тѣмъ былъ „завоеванъ“ у него Батюшковымъ (ср. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 288); случилось это не позже января 1815 года, такъ какъ въ началѣ февраля Батюшковъ оставилъ Петербургъ и возвратился туда лишь въ августѣ 1817 года (Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 310 и 464).

— (**Стр. 95, ст. 4**). Шапеленъ (Jean Chapelain, род. въ 1595 году, ум. въ 1674)—французскій писатель, человѣкъ умный, но недаровитый, тридцать лѣтъ трудившійся надъ эпическою поэмой объ Іоаннѣ д'Аркъ: ея ожидали какъ замѣчательнаго произведенія; но когда она появилась въ свѣтъ, оказалось нѣчто крайне слабое.

— (**Стр. 95, ст. 15-й—19-й**). Въ этихъ стихахъ Пушкинъ осуждаетъ Мильтона за то, что онъ, въ своемъ „Потерянномъ раѣ“, заставилъ діаволовъ стрѣлять изъ пушекъ. Очень позволительно сомнѣваться въ томъ, что Пушкинъ читалъ Мильтона въ бытность свою въ лицеѣ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ему въ то время уже хорошо былъ извѣстенъ Вольтеровъ „Кандидъ“, и стало быть, XXV-я глава этой повѣсти, гдѣ разсказывается, какъ Кандидъ, будучи въ Венеціи, посѣтилъ сенатора Пококуранте, и какъ на вопросъ, можно ли считать Мильтона великимъ писателемъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Qui?“ dit Pococurante, — „ce barbare, qui fait un long commentaire du premier chapitre de la Genèse en dix livres de vers durs? ce grossier imitateur des Grecs, qui defigure la création, et qui, tandis que Moïse représente l'Être éternel produisant le monde par la parole, fait prendre

un grand compas par le Messiah dans une armoire du ciel pour tracer son ouvrage? Moi, j'estimerais celui qui a gâté l'enfer et le diable du Tasse; qui déguise Lucifer tantôt en crapaud, tantôt en pygmée; qui lui fait rabattre cent fois les mêmes discours; qui le fait disputer sur la théologie; qui, en imitant sérieusement l'invention comique des armes à feu de l'Arioste, fait tirer le canon dans le ciel par les diables?[1]) Ni moi, ni personne en Italie n'a pu se plaire à toutes ces tristes extravagances. Le mariage du Péché et de la Mort, et les couleuvres dont le Péché accouche, font vomir tout homme qui a le goût un peu délicat; et sa longue description d'un hôpital n'est bonne que pour un fossoyeur. Ce poëme obscur, bizarre et dégoûtant fut méprisé à sa naissance: je le traite aujourd'hui comme il fut traité dans sa patrie par les contemporains". Мнѣніе Вольтера считалось закономъ въ XVIII вѣкѣ, и г-жа Дюдеффанъ, прочитавъ его приговоръ о „Потерянномъ раѣ", писала автору „Кандида": „Je hais les diables à la mort; je ne saurais vous dire le plaisir que j'ai eu de trouver dans „Candide" tout le mal que vous dites de Milton, j'ai cru avoir pensé tout cela, car je l'ai toujours eu en horreur". Французскій критикъ Эдм. Шереръ, приведя въ своей статьѣ о Мильтонѣ эти два сужденія, замѣчаетъ: „Итакъ, французскій вкусъ по поводу „Потеряннаго рая" безповоротно высказываетъ свое отвращеніе отъ этой поэмы, которая дѣйствительно очень чужда обычаямъ и преданіямъ нашей словесности" (*Edm. Scherer.* Études critiques sur la littérature. Paris. 1875, p. 152). На этомъ вкусѣ началось литератур-

1) Должно однако замѣтить, что небесныя пушки не составляютъ оригинальной выдумки Мильтона; раньше его о нихъ разсказывалъ италіанскій поэтъ XVI вѣка Еразмо Вальвассоне (1523 — 1593), авторъ эпопеи о борьбѣ добрыхъ и злыхъ ангеловъ, изданной въ Венеціи въ 1591 году, подъ заглавіемъ: „Angeleida"; она могла быть извѣстна Мильтону, „Потерянный рай" котораго былъ изданъ впервые въ 1667 году.

ное воспитаніе юноши Пушкина, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы встрѣчаемъ у него полное согласіе съ мнѣніями Вольтера и г-жи Дюдеффанъ.

IV.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

(Стр. 104 — 106).

Рукописей этого стихотворенія не извѣстно. — Напечатано оно было впервые въ *Сынъ Отечества* 1815 г., ч. XXII, №№ 25 и 26, стр. 242 — 244, съ подписью: *1....14.— 17* и съ помѣтой: „1815“, а затѣмъ вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 446 — 449. Это было первое произведеніе Пушкина, появившееся въ печати въ Петербургѣ.

Текстъ *Сына Отечества* представляетъ единственный слѣдующій варіантъ:

Ст. 88-й: Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно *тьма* сокрыла...

Примѣняясь къ періоду времени, проведенному Наполеономъ на островѣ Эльбѣ, В. П. Гаевскій утверждалъ, что и самое стихотвореніе написано было во второй половинѣ 1814 года (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 368), но этому противорѣчитъ какъ дата, выставленная при первомъ изданіи піесы, такъ и смыслъ ея; такіе стихи, какъ 86-й и 87-й:

И Галлія тебя, о, хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари,

указываютъ, что стихотвореніе было сочинено уже послѣ бѣгства Наполеона съ Эльбы и по удаленіи Людовика XVIII изъ Парижа въ Гентъ; извѣстія о столь чрезвычайныхъ событіяхъ легко могли вдохновить Пушкина. Такъ и понялъ происхожденіе піесы Я. К. Гротъ (Пушкинъ и пр., стр. 17); по его объясненію, въ ней „молодой

поэтъ пытается угадать что̀ долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ, когда онъ готовился возвратить себѣ свободу". Затѣмъ Гротъ, въ подтвержденіе своего толкованія, приводитъ стт. 72-й — 75-й и по ихъ поводу замѣчаетъ въ заключеніе: „Тутъ смѣлость метафоръ вполнѣ достойна необычайной картины".

Написанное подъ живымъ впечатлѣніемъ грозныхъ событій, разбираемое стихотвореніе относится къ Наполеону съ безпощадною суровостью. По сужденію Гаевскаго, оно навѣяно тогдашними одами Державина, такъ же, какъ онѣ, холодно и напыщенно и также содержитъ въ себѣ „много дѣтски-хвастливаго забіячества, составлявшаго въ то время главный ингредіентъ патріотическихъ сочиненій". Но эти рѣзкія строки доказываютъ только, что Гаевскій неясно понималъ характеръ тогдашняго патріотизма. Правда, что въ этомъ настроеніи было не мало односторонности, что какая-то особая торжественность смѣшивалась въ немъ съ наивностью воззрѣній, но несомнѣнно, что оно было вполнѣ искреннее и потому оказывало благодѣтельное, ободряющее дѣйствіе на русское общество въ переживаемыя имъ тяжелыя минуты. Гораздо раньше Гаевскаго слабыя стороны въ основной мысли разсматриваемаго стихотворенія были указаны Бѣлинскимъ (Сочиненія, т. VIII, стр. 317 и 318); онъ находилъ, что содержаніе этой піесы „теперь кажется забавно дѣтскимъ. Пушкинъ заставляетъ Наполеона „свирѣпо прошептать" разныя ругательства на самого себя, превозносить своихъ враговъ, а о себѣ самомъ отзываться, какъ объ ужасномъ mauvais sujet". Но въ то же время Бѣлинскій умѣлъ стать на историческую точку зрѣнія — что̀ не удалось Гаевскому — и объяснялъ взглядъ Пушкина на эльбскаго плѣнника общими въ то время понятіями. „Чему удивляться", говорилъ знаменитый критикъ, — „что шестнадцатилѣтній мальчикъ такъ смотрѣлъ на Наполеона въ то

время, какъ на него такъ же точно смотрѣли и престарѣлые, и возмужавшіе поэты!“ Воззрѣніямъ, высказаннымъ въ разсматриваемомъ стихотвореніи, Бѣлинскій противополагалъ позднѣйшія сужденія, которыми Пушкинъ почтилъ память великаго человѣка уже послѣ его смерти въ 1821 году, а вслѣдъ за Бѣлинскимъ и Гаевскій признавалъ, что этими позднѣйшими сужденіями Пушкинъ „искупилъ“ свой ранній пристрастный приговоръ. Что касается внѣшней формы „Наполеона на Эльбѣ“, въ этомъ отношеніи мнѣніе Бѣлинскаго вполнѣ расходится съ отзывомъ Гаевскаго. Бѣлинскій отрицалъ, и въ данномъ случаѣ вполнѣ справедливо, вліяніе Державина и относилъ разсматриваемую піесу къ числу тѣхъ, въ которыхъ „преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музы Жуковскаго: стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго, въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученика отъ учителя“.

V.

СТАРИКЪ.

(Стр. 107).

Стихотвореніе это, переписанное не Пушкина рукой, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 51 об. — Впервые появилось оно въ печати въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. II, № 5, стр. 142, съ помѣтой: „Изъ Марота“ и съ подписью: *Александръ Н.—П.;* затѣмъ вошло въ изданіе 1826 г., стр. 112, и въ изданіе 1829 г., ч. II, стр. 153, оба раза съ тою же помѣтой; въ посмертномъ изданіи, т. IV, стр. 223, этой помѣты уже нѣтъ.

Текстъ рукописи согласенъ съ текстомъ изданія 1826 года, а въ *Россійскомъ Музеумѣ* текстъ представляетъ значительныя отличія, происшедшія, по всему вѣроятію,

отъ поправокъ посторонней руки. Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ изданій 1826 и 1829 годовъ, а здѣсь приводится текстъ, сообщаемый журналомъ, при чемъ курсивомъ отмѣчены *варіанты:*

СТАРИКЪ.

(Изъ Марота).

Ужь я не тотъ *философъ* страстной
Что̀ прежде такъ любить умѣлъ:
Моя весна и лѣто красно
Ушли за тридевять земель!
Амуръ, *свѣтъ* возраста *златого!*
Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ;
Ахъ, еслибъ *я родился* снова,
Ужь такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

Стихотвореніе это переведено изъ сочиненій Клемана Маро (род. въ 1495 г., ум. въ 1544), замѣчательнѣйшаго изъ французскихъ поэтовъ первой половины XVI вѣка. Сообщаемъ здѣсь подлинникъ переведенной Пушкинымъ піесы:

De soy mesme (1537).

Plus ne suis ce que j'ay esté,
Et ne le sçaurois jamais estre:
Mon beau printemps, et mon esté
Ont faict le sault par la fenestre.
Amour, tu as esté mon maistre,
Je t'ai servy sur tous les dieux.
O si je pouvois deux foys naistre,
Comme je te servirois miulx.

(Oeuvres complètes de Clément Marot. Paris. 1824, t. II, p. 343).

Сличеніе перевода съ подлинникомъ показываетъ, что онъ сдѣланъ не особенно близко, при чемъ позднѣйшая редакція перевода, 1826 года, еще дальше отъ ориги-

нала, чѣмъ первоначальная, напечатанная въ журналѣ. Если справедлива наша догадка, что отличія журнальной редакціи принадлежатъ посторонней рукѣ, то слѣдуетъ заключать, что эти отличія произошли отъ поправокъ, сдѣланныхъ съ цѣлью приблизить переводъ къ подлиннику. Въ такомъ случаѣ мы приписали бы эти поправки дядѣ поэта-лицеиста, Василію Львовичу Пушкину, пріятелю издателя *Россійскаго Музеума* В. В. Измайлова и большому почитателю произведеній Клемана Маро; переводы изъ него есть въ собраніи сочиненій В. Л. Пушкина.

VI.

РАЗСУДОКЪ и ЛЮБОВЬ.

(Стр. 108).

Стихотвореніе это не извѣстно въ автографѣ Пушкина, но сохранилось въ двухъ старыхъ копіяхъ, изъ коихъ одна, болѣе ранняя, находится въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стр. 91 и 92, а другая, конца 1830-хъ годовъ, — въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 721 и 721 об. — Въ печати это стихотвореніе появилось впервые еще при жизни автора, но конечно, безъ его разрѣшенія, въ сборникѣ *Весенніе цвѣты*. Москва. 1835, стр. 97 и 98 (цензурное дозволеніе дано 26-го марта 1830 года), съ подписью *А. П.;* затѣмъ піеса была напечатана въ посмертномъ изданіи т. IX, стр. 282 и 283. Обѣ рукописи, а равно сборникъ и посмертное изданіе, представляютъ текстъ совершенно одинаковый.

Къ 1815 году стихотвореніе отнесено П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 105, впрочемъ безъ объясненія причинъ.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 314) причисляетъ эту піесу къ ряду тѣхъ стихотвореній Пушкина, которыя „по изобрѣтенію, по формѣ и по именамъ.... напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы, или по крайней мѣрѣ ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ". Искусственность въ построеніи піесы въ особенности указываетъ на образцы, найденные Пушкинымъ у французскихъ лириковъ XVIII вѣка.

VII.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

(Стр. 109 и 110).

Это стихотвореніе, переписанное рукой А. Д. Илличевскаго, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 3 — 3 об., съ помѣтами: „1815" и „не н .." (не надо); кромѣ того, нѣсколько строкъ изъ той же піесы, именно стт. 11-й, 14-й и 15-й, вмѣстѣ съ ея заглавіемъ, встрѣчаются въ рукописи Моск. Публ. музея № 2370, л. 29. Въ *Трудахъ Общества любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ* 1817 г., ч. VIII, стр. 169, сообщается, что піеса была читана В. Л. Пушкинымъ въ засѣданіи Общества 24-го февраля 1817 года. — Стихотвореніе впервые напечатано въ тѣхъ же *Трудахъ* 1818 г., ч. X, стр. 78 — 80, съ подписью *Александръ Пушкинъ*, а затѣмъ въ сокращенномъ и исправленномъ видѣ воспроизведено въ изданіяхъ 1826 г., стр. 48 и 49, и 1829 г., ч. I, стр. 11 — 13.

Въ рукописи № 2364 піеса является въ первоначальной редакціи, но къ ней уже приписаны позднѣйшія поправки автора; эта редакція и была напечатана въ *Тру-*

дахъ задолго до внесенія въ нее вышеупомянутыхъ поправокъ, но съ нѣсколькими измѣненіями, которыя однако не включены въ изданіе 1826 года; это послѣднее обстоятельство даетъ право думать, что означенныя измѣненія принадлежатъ не автору, а его дядѣ В. Л. Пушкину; что же касается позднѣйшихъ авторскихъ поправокъ, то онѣ, очевидно, были дѣлаемы Пушкинымъ въ виду приготовлявшагося изданія 1826 года; слѣдуетъ только замѣтить, что въ рукописи отмѣчены еще не всѣ поправки, находимыя въ означенномъ стихотвореніи въ этомъ первомъ печатномъ сборникѣ лирическихъ піесъ Пушкина. Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ 1826 года, повторенный и всѣми послѣдующими изданіями; здѣсь же приводятся на основаніи рукописи № 2364 и *Трудовъ* представляемые ими *варіанты* первоначальной редакціи [1]):

После ст. 4-го:

Темныхъ миртовъ занавѣса
Наклонилася къ водамъ;
Въ ихъ сѣни, у входа лѣса
Чью гробницу вижу тамъ?
Розы юныя алѣютъ
Камня ветхаго кругомъ,
И зефиры ихъ не смѣютъ
Свѣять трепетнымъ крыломъ [2]).

---

1) Измѣненія, встрѣчаемыя только въ *Трудахъ*, но въ рукописи не находимыя, показаны лишь въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, такъ какъ эти передѣлки, вѣроятно, не принадлежатъ автору стихотворенія.

2) Только въ *Трудахъ:*

Въ ихъ сѣни, у *края* лѣса...
На покрытомъ камнѣ мхомъ
Лавры цвѣтъ любви лелѣютъ,
И зефиры...

Ст. 10-й: Вижу: *горлинка* на лирѣ...

Ст. 12-й: Други, *други*, въ *вѣчномъ* мирѣ [1])
Здѣсь Теосскій спитъ мудрецъ.
Посмотрите: на *гробницѣ*
Сынъ отрадъ изображенъ;
Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ
Рѣзвый нашъ Анакреонъ,
Красотой очарованный,
Нѣжно гимны ей поетъ;
Виноградомъ увѣнчанный,
Въ чашу сокъ его лiетъ.
Здѣсь онъ....
Ст. 25-й: *Тяжкій* долгъ *онъ* заплатить:
Старый пляшетъ....
„ 28-й: Вкругъ *философа* сѣдого...
„ 35-й: Игры, *смѣхи* вслѣдъ *ушли*...
„ 37-й: Какъ *невнятный вздохъ* любви [2]).

Какъ уже было сказано, въ рукописи № 2364 отмѣчены еще не всѣ поправки, вошедшія въ изданіе 1826 года; такъ, восемь стиховъ, слѣдовавшихъ за ст. 4-мъ и приведенныхъ выше, уже зачеркнуты, а стт. 12-й — 15-й, съ ихъ продолженіемъ, также сообщеннымъ выше, хотя не исключены еще, какъ въ изданіи 1826 года, но уже подвергнуты передѣлкѣ, а именно:

Здѣсь Киѳеры *скрытъ* мудрецъ....
Счастья сынъ изображенъ...
Здѣсь на *сладостной* цѣвницѣ...

---

1) Только въ *Трудахъ*:
Други, други, въ *сладкомъ* мирѣ...

2) Только въ *Трудахъ:*
Ст. 33-й: *Пригорюнившись сидятъ*...
» 35-й: Кажется, въ слезахъ твердятъ...
» 37-й: Какъ *невинный* вздохъ любви.

Кромѣ того, только въ *Трудахъ* стихотвореніе напечатано подъ заглавіемъ: «Гробница Анакреона».

Далѣе, ст. 25-й является уже въ томъ видѣ, въ какомъ читается въ изданіи 1826 года. Но остальныя, замѣчаемыя въ этомъ изданіи, исправленія и сокращенія еще не отмѣчены въ рукописи и засвидѣтельствованы только печатнымъ текстомъ 1826 года.

Относительно трехъ стиховъ изъ „Гроба Анакреона“, записанныхъ въ рукописи № 2370, слѣдуетъ замѣтить, что они также не принадлежатъ къ первоначальной редакціи піесы, но составляютъ одну изъ позднѣйшихъ поправокъ къ ней.

По мнѣнію В. П. Гаевскаго, „Гробъ Анакреона“ есть подражаніе или, какъ обыкновенно называли, „вольный переводъ“ Парни. Пушкинъ заимствовалъ у него мысль и содержаніе, но не стѣснялъ себя въ подробностяхъ формы и выраженія.... Замѣтимъ кстати, что мысль эта заимствована изъ первой оды Анакреона“ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 172). Объясненіе Гаевскаго не отличается точностью и во всякомъ случаѣ нуждается въ дополненіяхъ. Въ доступныхъ намъ изданіяхъ сочиненій Парни мы не нашли никакого стихотворенія, сколько-нибудь сходнаго съ „Гробомъ Анакреона“, да судя по отсутствію сличеній у Гаевскаго, и ему французскій оригиналъ остался неизвѣстнымъ[1]). Что же касается Анакреона, отношеніе разсматриваемой піесы къ его одамъ не таково, какъ представлено Гаевскимъ. „Гробъ Анакреона“ обнаруживаетъ несомнѣнное знакомство Пушкина со всѣмъ сборникомъ произведеній знаменитаго греческаго лирика. По всему вѣроятію, поэтъ-лицеистъ, вовсе не знавшій греческаго языка, читалъ Анакреона въ пе-

1) О существованіи стихотворенія Парни Гаевскій могъ заключить изъ упоминаемой въ его статьѣ и помѣщенной въ журналѣ *Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ* 1830 г., т. XVI, стр. 242—244, піесы подъ заглавіемъ: „Гробъ Анакреона (подражаніе Парни)“, за подписью нѣкоего Алексѣя Милославскаго.

реводѣ Н. А. Львова (Стихотворенія Анакреона Тійскаго. С.-Пб. 1794), и результатомъ этого чтенія оказалось разсматриваемое стихотвореніе, въ которомъ можно прослѣдить рядъ мелкихъ заимствованій изъ Анакреоновыхъ одъ. Такъ, стт. 17-й — 19-й напоминаютъ слѣдующую оду IV-ю (по переводу Львова):

Я, на лотовыхъ листахъ
И на вѣтвяхъ мирты лежа,
На здоровье пить хочу.
Пусть сама любовь, на рамо
Лентой подобравъ хитонъ,
Цѣльнымъ мнѣ виномъ услужитъ.
Наша жизнь, какъ колесо
Обращаясь, утекаетъ;
А по смерти прахъ костей
Лишь единый остается.
Мнѣ не нуженъ ѳиміамъ,
Ни надъ гробомъ возліянье;
Лучше ароматы мнѣ
Воскурите вы при жизни,
Розой увѣнчавъ чело,
И подругу призовите.
Прежде, нежели отсель
Къ вѣчнымъ мертвыхъ хороводамъ
Я отправлюсь навсегда,
Разогнать хочу я скуку.

Ср. также оду XI-ю, сходнаго содержанія.

Стт. 22-й и 23-й воспроизводятъ мотивъ оды I-й:

Я пѣть хочу Атридовъ,
Хочу о Кадмѣ пѣть, —
Но струны лиры только
Одну любовь звучатъ.
Я лиру перестроилъ,
Вновь струны натянулъ,
Хотѣлъ на ней Иракла
Я подвиги воспѣть;
Но лира возглашала
Единую любовь!

Въ стт. 26-мъ — 29-мъ можно узнать подражаніе одѣ XXXVIII-й:

Я старъ и въ томъ не спорю,
Но пью какъ молодой.
Не съ тирсомъ, но съ бутылкой
Пляшу, когда хочу.
На посохъ опираться
Нѣтъ нужды мнѣ отнюдь.
Кто хочетъ, тотъ сражайся,
А мнѣ ты, мальчикъ, дай
Наполненную чашу
Хорошаго вина.
Я старъ и въ томъ не спорю,
Но съ прочими плясать,
Силену подражая,
Я въ силахъ и теперь.

Наконецъ, заключительныя строки піесы, стт. 38-й — 43-й, могутъ быть сближены, если не по выраженіямъ, то по смыслу, съ одою XXIV-ю:

Если смертнымъ я родился
Краткой жизни путь пройтить,
Время знаю лишь прошедше,
О предбудущемъ узнать
Я искусства не имѣю.
Попеченье, суеты,
Васъ прошу я удалиться!
Что за нужда мнѣ до васъ?
Смерть покуда не подкралась,
Пошучу я, посмѣюсь,
Попляшу съ прекраснымъ Вакхомъ.

А. И. Незеленовъ (Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 27) видитъ въ заключительныхъ стихахъ „Гроба Анакреона“ „легкомысленный взглядъ отрока Пушкина на жизнь“; но приговоръ этотъ должно признать слишкомъ строгимъ, если принять въ соображеніе, что вся разсматриваемая піеса вовсе не выражаетъ собственныхъ воззрѣній Пуш-

кина, а есть только поэтическая характеристика Анакреона по даннымъ изъ его собственныхъ одъ.

VIII.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

(Стр. 111 — 113).

Это стихотвореніе сохранилось въ трехъ рукописяхъ: одна изъ нихъ есть принадлежавшій Я. К. Гроту автографъ Пушкина, писанный на отдѣльномъ листкѣ; другая, писанная рукой А. Д. Илличевскаго, находится въ тетради Моск. Публ. музея № 2364, лл. 19 и 20, и снабжена помѣтой: „1815“ и позднѣйшими поправками автора, а третья, писарскаго почерка, помѣщена въ тетради того же музея № 2395, лл. 767 и 768. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 355 — 358, согласно съ текстомъ музейной рукописи № 2395, или же съ основнымъ (то-есть, до внесенія позднѣйшихъ поправокъ) текстомъ музейной же рукописи № 2364; въ томъ же видѣ стихотвореніе повторено и въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 65 — 67, но тамъ же, стр. 93, сообщены и важнѣйшія изъ исправленій, сдѣланныхъ Пушкинымъ въ музейной рукописи № 2364. Въ текстъ эти авторскія исправленія введены, и то не всѣ, лишь въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стр. 92 — 94. Изъ автографа, принадлежавшаго Я. К. Гроту, гдѣ піеса является въ наиболѣе ранней редакціи (то-есть, 1815 года), важнѣйшіе варіанты отмѣчены П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1882 года, т. I, стр. 474.

Въ настоящемъ изданіи стихотвореніе напечатано согласно съ музейною рукописью № 2364, со введеніемъ въ текстъ всѣхъ находящихся тамъ позднѣйшихъ авторскихъ исправленій, а здѣсь приводятся, какъ изъ этой

рукописи, такъ и изъ принадлежавшаго Гроту автографа, слѣдующіе первоначальные *варіанты* [1]):

По автографу піеса сперва начиналась слѣдующими тремя стихами, которые однако и здѣсь зачеркнуты, а въ музейной рукописи уже вовсе не находятся:

Нѣтъ, полно, полно мнѣ терпѣть!
Дорожный посохъ мнѣ наскучилъ,
Угрюмый рокъ меня замучилъ.

Въ томъ же автографѣ послѣ ст. 9-го прибавлено:

Пѣвецъ рѣшился умереть.
Итакъ, съ вечернею луною
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной бѣлой пеленою?

Эти стихи есть и въ музейной рукописи, но перечеркнуты на крестъ.

Стт. 9-й — 12-й являются, какъ въ автографѣ, такъ и въ музейной рукописи, въ такомъ видѣ:

На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль, устроя длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?

Поправки къ этимъ стихамъ находятся только въ музейной рукописи.

Ст. 14-й, какъ въ автографѣ, такъ и въ основной редакціи музейной рукописи, таковъ:

Спесивой Семелеи сына...

Исправленіе этого стиха сдѣлано только въ музейной рукописи.

Стт. 32-й — 35-й являются въ автографѣ въ слѣдующемъ видѣ:

---

1) Музейная рукопись № 2395 не принята здѣсь во вниманіе потому что не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а лишь повторяетъ основной текстъ музейной же рукописи № 2364.

И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ;
А вы, *товарищи младые,*
Спѣшите: дорогъ, *дорогъ* часъ!

Притомъ, въ этихъ стихахъ сдѣланы двѣ поправки, вмѣсто которыхъ сперва было написано:

Ст. 32-й: И брякнутъ *кольца* золотыя...
„ 34-й: А вы, *подруги молодыя*...

Однако, всѣ эти четыре стиха заключены въ рамку, какъ подлежащіе исключенію; и дѣйствительно, строки эти сперва отсутствовали въ музейной рукописи и приписаны къ ней лишь сбоку, при позднѣйшемъ исправленіи піесы, уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Ст. 37-й, какъ въ автографѣ, такъ и въ музейной рукописи, сперва читался такимъ образомъ:

Не вспомню вѣчность и друзей;

Поправка находится только въ музейной рукописи.

Стт. 58-й — 60-й въ автографѣ были написаны сперва въ такомъ видѣ:

О, Пущинъ, *юноша*-мудрецъ!
Прими *мою въ подарокъ чашу*
И съ ней мой миртовый вѣнецъ.

Послѣ ст. 62-го въ автографѣ читаются еще слѣдующія строки:

Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Утраченныхъ у ногъ Венеры,
Въ лѣсахъ веселыя Цитеры.

Въ музейной рукописи уже нѣтъ этихъ четырехъ стиховъ.

Наконецъ, въ автографѣ встрѣчаются еще слѣдующія первоначальныя чтенія:

Ст. 63-й: Окованныхъ *любовной* лѣнью...
„ 73-й: *Пускай* на гробѣ....
„ 76-й: Здѣсь дремлетъ *вѣтреный* мудрецъ.

Въ музейной рукописи эти чтенія уже устранены.

Не подлежитъ сомнѣнію, что надстрочныя поправки, сдѣланныя Пушкинымъ собственноручно въ спискѣ этой піесы въ музейной рукописи № 2364, относятся къ 1825 году, когда подготовлялось первое отдѣльное изданіе лирическихъ стихотвореній нашего поэта; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что ни эти позднѣйшія исправленія, ни болѣе раннія, относящіяся къ періоду между 1815 и 1817 годами, когда Илличевскій вписалъ „Мое завѣщаніе друзьямъ“ въ вышеупомянутую музейную тетрадь, не удовлетворяли автора, а потому разсматриваемая піеса не была включена въ изданіе 1826 года, да и въ болѣе ранніе годы, когда Пушкинъ печаталъ свои произведенія съ меньшею осмотрительностью, не была помѣщена ни въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Очевидно, авторъ не былъ доволенъ своимъ произведеніемъ, а между тѣмъ настойчивость, съ какою онъ неоднократно принимался за его переработку, можетъ служить доказательствомъ тому, что онъ придавалъ разсматриваемому стихотворенію нѣкоторое значеніе.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 318) относитъ „Мое завѣщаніе друзьямъ“ къ числу лицейскихъ стихотвореній Пушкина, „ознаменованныхъ сильнымъ вліяніемъ Батюшкова“. Съ такимъ же правомъ можно было бы видѣть въ этой піесѣ вліяніе Парни и даже Горація съ Анакреономъ: все это были любимые писатели Пушкина въ раннее время его поэтической дѣятельности, и изъ нихъ по преимуществу онъ почерпалъ тогда какъ элементы эпикурейскаго міросозерцанія, такъ и соотвѣтственные ему поэтическіе образы. Однако, указать въ „Завѣщаніи друзьямъ“ на прямое заимствованіе изъ того

или другого названнаго автора не представляется возможнымъ, — припоминать же изъ нихъ сходные, но все-таки болѣе или менѣе отдаленные мотивы (какъ, напримѣръ, у Анакреона въ XV-й одѣ книги I-й или въ XXXVI-й одѣ книги II-й, гдѣ говорится, что человѣку слѣдуетъ наслаждаться, пока онъ живетъ, и не думать о смерти) было бы безполезно и можетъ казаться натяжкою. Какъ вѣрно замѣчено было еще Анненковымъ (см. выше примѣчанія, стр. 87), „въ эту эпоху піесы Пушкина, не походившія на посланія или бесѣды съ друзьями, видимо стоили ему большого труда. Созданіе въ нихъ очень слабо“. Это наблюденіе примѣняется и къ „Завѣщанію друзьямъ“: изъ многочисленныхъ поправокъ, которымъ подвергалась піеса, можно видѣть, что отдѣлка ея потребовала отъ автора значительныхъ усилій, цѣль которыхъ притомъ не была вполнѣ достигнута; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно согласиться, что именно въ „созданіи“, въ творческомъ вымыслѣ онъ успѣлъ проявить на сей разъ гораздо больше самостоятельности и обдуманности, чѣмъ при многихъ другихъ случаяхъ. Дѣйствительно, „Завѣщаніе друзьямъ“ отличается и цѣльностью содержанія, и значительною выдержкой въ тонѣ, и если въ піесѣ, не смотря на то, замѣтенъ нѣкоторый оттѣнокъ слащавой искусственности, онъ не составляетъ ея исключительной принадлежности, а является общимъ недостаткомъ, свойственнымъ многимъ Пушкинскимъ стихотвореніямъ лицейскаго періода. Перечитывая, во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, знаменитое посланіе Батюшкова „Моимъ пенатамъ“, Пушкинъ замѣтилъ: „Главный порокъ въ семъ прелестномъ посланіи есть слишкомъ явное смѣшеніе древнихъ обычаевъ миѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы — существа идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ при-

выкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ—Суворовскаго солдата съ двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ уже противорѣчитъ“ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 293). Смѣшеніе разнородныхъ предметовъ, о которомъ здѣсь говорится, можетъ быть указано во многихъ лицейскихъ піесахъ самого Пушкина; но его нѣтъ, или почти нѣтъ въ „Завѣщаніи друзьямъ“, гдѣ обстановкѣ всего изображенія ловко приданъ античный характеръ, и гдѣ нарушеніемъ послѣдняго является только неожиданное обращеніе къ друзьямъ автора — Дельвигу и Пущину (стт. 53-й—60-й). Весьма возможно, что Пушкинъ потому и возвращался неоднократно къ обработкѣ „Завѣщанія друзьямъ“, что признавалъ въ немъ значительныя достоинства; но такъ какъ въ 1825 году онъ уже проявлялъ бо̀льшую строгость къ себѣ, то и не рѣшился пустить въ печать піесу, въ которой рядомъ съ достоинствами находилъ существенные недостатки.

— (**Стр. 111, ст. 14**). Семела — мать Вакха, котораго она имѣла отъ Зевса.

— (**Стр. 112, ст. 54**). У Дельвига дѣйствительно есть посланіе „Къ Темирѣ“ и четверостишіе „Вакху“, написанныя въ томъ же 1815 году, когда Пушкинъ сочинилъ „Мое завѣщаніе друзьямъ“.

— (**Стр. 113, стт. 61 и 63**). По чередованію риѳмъ въ данной піесѣ эти стихи должны были бы риѳмовать между собою, но они читаются во всѣхъ рукописяхъ піесы въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь напечатаны.

IX.

ВОДА и ВИНО.

(Стр. 114).

Стихотвореніе это было извѣстно П. В. Анненкову по лицейской тетради М. А. Корфа (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. I, стр. 91 и 92), оставшейся намъ недоступною. — Въ печати оно появилось впервые въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 года, ч. II, № 6, стрр. 268 и 269, съ подписью: *1.... 17 — 14,* а затѣмъ вошло въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 63, гдѣ и отнесено къ 1815 году.

X.

ПОГРЕБЪ.

(Стр. 115).

Стихотвореніе это не извѣстно въ автографѣ Пушкина, но сохранилось въ двухъ старыхъ копіяхъ: одна изъ нихъ находится въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной рукописномъ сборникѣ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, а другая — въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 715, и писана писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 289, въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній.

Текстъ обѣихъ рукописей вполнѣ сходенъ съ печатнымъ.

Къ 1815 году стихотвореніе впервые отнесено въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 88 и 89, безъ объясненія причинъ.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 314) относитъ это

стихотвореніе, подобно многимъ другимъ изъ лицейскихъ піесъ Пушкина, къ числу такихъ, которыя „по изобрѣтенію, по формѣ... напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы“.

— (**Стр. 4, ст. 1**). Либеръ — то же, что̀ Вакхъ, богъ вина.

XI.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Къ И. И. Пущину).

(Стр. 116 и 117).

Стихотвореніе это, неизвѣстное въ автографѣ Пушкина, сохранилось въ двухъ старыхъ копіяхъ: одна изъ нихъ находится въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной рукописной тетради „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 7 и 8, а другая, писарскаго почерка, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 694 и 694 об. — Впервые напечатано стихотвореніе въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 299 и 300, въ отдѣлѣ лицейскихъ. Рукописи не представляютъ никакихъ отличій отъ перваго печатнаго текста.

Время написанія піесы указано Гаевскимъ въ *Современникѣ* 1863 г., т. XCVII, стр. 361.

„Воспоминаніе“ относится къ происшествію, дѣйствительно случившемуся въ лицеѣ въ сентябрѣ 1814 года (*И. Шляпкинъ*. Къ біографіи А. С. Пушкина. С.-Пб. 1899, стрр. 23 и 24), и о которомъ подробно разсказывается въ запискахъ Пущина (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стрр. 57 и 60). Приводимъ этотъ разсказъ цѣликомъ, какъ лучшій комментарій къ піесѣ Пушкина:

„Сегодня разскажу вамъ исторію гогель-могеля, которая сохранилась въ лѣтописяхъ лицея. Шалость приняла серьезный характеръ и могла имѣть пагубное вліяніе и на Пушкина, и на меня, какъ вы сами увидите.

„Мы, то-есть, я, Малиновскій и Пушкинъ, затѣяли выпить гогель-могелю. Я досталъ бутылку рому; добыли яицъ, натолкли сахару, и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой пирушкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности, одинъ изъ нихъ, именно Тырковъ, въ которомъ черезъ чуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню; сказалъ инспектору; тотъ послѣ ужина всмотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что-то взвинченное. Тутъ же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это — наше дѣло, и что мы одни виноваты.

„Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауеншильдъ [1]) донесъ министру. Графъ Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этимъ не кончилось, — дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее: 1) двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы; 2) смѣстить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по поведенію, и 3) занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ черную книгу, которая должна была имѣть вліяніе при выпускѣ.

---

1) Фридрихъ фонъ-Гауеншильдъ былъ профессоромъ нѣмецкаго языка и словесности; должность директора лицея онъ исправлялъ съ 13-го сентября 1814 года по 27-е января 1815 по случаю смерти перваго директора Василія Ѳедоровича Малиновскаго, послѣдовавшей 27-го марта 1814 года (*Селезневъ*. Историческій очеркъ Имп. Александровскаго лицея, стрр. 47 и 48). Упоминаемый въ разсказѣ Пущина Малиновскій — сынъ покойнаго директора (см. о немъ выше, примѣчанія, стрр. 66 и 67).

„Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквально. Второй смягчался по усмотрѣнію начальства: насъ, по истеченіи нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ. При этомъ Пушкинъ сказалъ: „Блаженъ мужъ, иже сидитъ къ кашѣ ближе". На этомъ концѣ раздавалось кушанье дежурнымъ гувернеромъ. Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдствій. Когда, при разсужденіяхъ конференціи о выпускѣ, представлена была директору Энгельгардту черная эта книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ сочленамъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ.....

„По случаю гогель-могеля Пушкинъ, въ подражаніе стихамъ И. И. Дмитріева:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и пр.

экспромптомъ сказалъ:

«Мы недавно отъ печали,
«Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
«По бокалу осушали
«И Ѳому прогнали вонъ».

„(Остальныхъ строфъ не помню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ). Ѳома былъ дядька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что пѣсню поетъ Малиновскій, но его фамиліи не вломаешь въ стихъ. „Баронъ" — для риѳмы, означаетъ Дельвига. Были и каррикатуры, на которыхъ

изъ-подъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

„Вообще это пустое событіе (которымъ, разумѣется, нельзя похвастать) надѣлало много шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порядкомъ, еслибы Гауеншильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру".

По мнѣнію Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стрр. 318 и 319), піеса „Воспоминаніе" принадлежитъ къ числу произведеній Пушкина, написанныхъ подъ вліяніемъ Батюшкова, которое „обнаруживается не только въ фактурѣ стиха, но и въ складѣ выраженія". Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 361) указываетъ на „внѣшнее сходство" первой строфы разсматриваемаго стихотворенія, не смотря на „внутреннее различіе" по содержанію, со слѣдующими стихами Батюшкова:

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ амурами тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ пробрался въ домъ?

Стихи эти составляютъ начало піесы „Ложный страхъ", которая есть не что иное, какъ переводъ одной изъ любовныхъ элегій Парни: „La Frayeur" (Сочиненія Батюшкова, т. I, примѣчанія, стр. 338).

XII.

БАТЮШКОВУ.

(Стр. 118 и 119).

Стихотвореніе это сохранилось въ копіи въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной рукописномъ сборникѣ

„Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 77 и 78. — Напечатано оно впервые въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 года, ч. II, № 6, стрр. 266 и 267, съ подписью *Александръ Нкшп.*, а затѣмъ вошло въ изданіе *Анненкова*, т. II, стрр. 52 и 53.

Печатный текстъ вполнѣ сходенъ съ рукописнымъ.

Дата этого второго посланія къ Батюшкову опредѣляется не только временемъ его появленія въ печати, но и обстоятельствами, упоминаемыми въ самомъ стихотвореніи. Если первое посланіе Пушкина къ своему любимому поэту, 1814 года, сочинено прежде, чѣмъ состоялось ихъ личное знакомство (см. выше текстъ, стрр. 50—53, и примѣчанія, стрр. 69 и 70), то это второе посланіе написано несомнѣнно послѣ того, какъ произошло ихъ свиданіе. Какъ уже объяснено выше (примѣчанія, стр. 127), свиданіе могло послѣдовать только въ періодъ пребыванія Батюшкова въ Петербургѣ съ іюля 1814 года по февраль 1815. Въ теченіе этого времени Батюшковъ, какъ видно изъ письма лицеиста Илличевскаго отъ 20-го марта 1816 года (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 69), посѣтилъ Царскосельскій лицей; по всему вѣроятію, это посѣщеніе относится къ началу января 1815 года, ко времени публичнаго лицейскаго экзамена, на которомъ Пушкинъ услышалъ похвалы Державина, и на которомъ, по свидѣтельству того же Илличевскаго (стр. 62), кромѣ Державина и графа Разумовскаго, присутствовали князь Д. П. Горчаковъ, М. А. Салтыковъ, С. С. Уваровъ, архимандритъ Филаретъ и многія другія лица изъ числа ученыхъ и литераторовъ. Очевидно, вскорѣ послѣ этой встрѣчи Пушкина съ Батюшковымъ и было написано разсматриваемое стихотвореніе.

Въ примѣчаніи къ піесѣ „Бова“ было уже сказано, что при первомъ же знакомствѣ Пушкинъ уступилъ Батюшкову сюжетъ поэмы о Бовѣ Королевичѣ, а изъ настоящаго посланія оказывается, что Батюшковъ, со своей

стороны, подалъ Пушкину совѣтъ оставить анакреонтическое направленіе и посвятить себя важной эпопеѣ. По видимому, совѣтъ представилъ нѣкоторую неожиданность для лицеиста-поэта, и ему, наивному поклоннику „россійскаго Парни“, было не ясно, почему этотъ Парни измѣнялъ прежнимъ мотивамъ своей поэзіи; но въ 1814—1815 годахъ Батюшковъ былъ уже не тотъ, какимъ его знали по его раннимъ стихамъ: подъ впечатлѣніемъ міровыхъ событій, совершавшихся на его глазахъ, и подъ вліяніемъ неудовлетворенной любви и обманутаго честолюбія онъ разстался съ эпикурейскимъ міросозерцаніемъ своихъ молодыхъ лѣтъ; какъ Жуковскаго онъ убѣждалъ теперь приняться за давно задуманную поэму о Владимірѣ Святомъ, такъ и молодому Пушкину предлагалъ избирать возвышенныя темы для своихъ произведеній (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ стр. 286). Но ни Жуковскій не исполнилъ желанія Батюшкова, ни Пушкинъ не послѣдовалъ его указанію; со свойственною ему искренностью юноша отклонилъ вызовъ своего любимца; второе свое посланіе къ нему Пушкинъ заканчиваетъ стихомъ, почти буквально взятымъ у Жуковскаго, у котораго, въ посланіи тоже къ Батюшкову (1812 г.), ст. 90-й читается въ слѣдующемъ видѣ:

Будь каждый при своемъ.

Любопытно отмѣтить, что два года спустя Батюшковъ самъ, говоря о направленіи своего таланта въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу, повторилъ почти безъ измѣненія выраженія Пушкинскаго посланія (Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 417).

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 318) не безъ основанія указывалъ подражаніе Батюшкову даже въ этомъ стихотвореніи; такимъ образомъ, еще далеко не умѣя быть оригинальнымъ, Пушкинъ заботливо охранялъ, даже въ юношескіе годы, свое право самостоятельно на-

правлять развитіе своего дарованія. Въ этомъ стремленіи критика справедливо угадываетъ первые признаки его поэтическаго самосознанія. „Интересно видѣть", говоритъ по поводу разсматриваемаго посланія Стоюнинъ (Историческія сочиненія, т. II, стр. 39), — „какъ въ фантазіи Пушкина, еще въ первыхъ его опытахъ, складывался образъ самого поэта, который впослѣдствіи выразился въ такомъ художественномъ совершенствѣ". Ту же мысль высказываетъ Поливановъ (см. его 2-е изданіе сочиненій Пушкина, т. I, стр. 27): „Это посланіе... цѣнно тѣмъ, что... представляетъ одинъ изъ тѣхъ первоначальныхъ набросковъ, въ которыхъ Пушкинъ пытался опредѣлить свой поэтическій даръ, и которые связываются съ позднѣйшими его стихотвореніями того же содержанія, каковы „Муза" (1821) и наконецъ „Памятникъ" (1836)".

XIII.

ЭПИГРАММА.

(Бывало, прежнихъ лѣтъ герой...)

(Стр. 120).

Рукописнаго текста этой эпиграммы мы не встрѣчали, но П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, т. II, стрр. 91 и 92) видѣлъ его въ лицейской тетради М. А. Корфа, оставшейся намъ недоступною. — Впервые эпиграмма была напечатана въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. II, № 6, стр. 270, съ подписью *1 — 17.... 14*, и оттуда перешла въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 64.

Время сочиненія эпиграммы—первые мѣсяцы 1815 года — опредѣляется слѣдующими обстоятельствами: 12-го января этого года, на Маломъ театрѣ въ С.-Петербургѣ, была представлена, въ бенефисъ знаменитой Е. С. Семе-

новой, Вольтерова трагедія „Заира“, переведенная Нелединскимъ, Гнѣдичемъ, Лобановымъ, княземъ Шаховскимъ и Жихаревымъ (*Арапова, П.* Лѣтопись русскаго театра, стрр. 194 и 234). Объ этомъ представленіи появилась въ № 7 *Русскаго Инвалида* критическая замѣтка его издателя П. П. Пезаровіуса, съ невполнѣ благопріятнымъ и нѣсколько ироническимъ отзывомъ объ игрѣ актеровъ Брянскаго и Щеникова; на замѣтку счелъ нужнымъ отвѣчать Шаховской, какъ завѣдывавшій въ то время русскою труппой и принимавшій участіе въ постановкѣ „Заиры“; отвѣтъ его былъ напечатанъ въ *Сынѣ Отечества*, т. XIX, № 4, и авторъ объяснялъ, что къ составленію возраженія побудилъ его „страхъ, чтобы критика вмѣсто пользы не нанесла вреда нашимъ молодымъ актерамъ, легко оскорбляющимся насмѣшливою хулой“. Издатель *Инвалида* ловко подхватилъ это наивное заявленіе Шаховского и въ № 14 своей газеты очень удачно разъяснилъ пользу безпристрастныхъ театральныхъ рецензій. На этомъ полемика и прекратилась. Хотя Пушкинъ, живя безвыѣздно въ Царскомъ Селѣ, не видѣлъ вызвавшаго ее представленія „Заиры“, но очевидно, слѣдилъ за полемикой съ интересомъ; по всему вѣроятію, до него уже доходили въ то время слухи о томъ, что въ театральныхъ дѣлахъ Шаховской поступалъ лицепріятно, интриговалъ противъ Озерова, желалъ противопоставить Семеновой соперницу въ лицѣ Валберховой и т. п. Какъ извѣстно, подобные поступки Шаховского подали поводъ къ неудовольствію противъ него со стороны молодыхъ литераторовъ, группировавшихся въ кружкѣ „Арзамаса“; взрывъ ихъ негодованія послѣдовалъ нѣсколько позже, въ половинѣ 1815 года, послѣ того, какъ Шаховской поставилъ на сцену свою комедію „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“, въ которой былъ осмѣянъ балладникъ Жуковскій. Сохранившіеся отъ 1815 года отрывки изъ дневника

Пушкина свидѣтельствуютъ, что въ этомъ столкновеніи сочувствіе Пушкина было не на сторонѣ Шаховского, но въ то же время видно, что негодованіе молодого поэта противъ автора „Липецкихъ водъ“ было вовсе не такъ сильно, какъ у коренныхъ членовъ „Арзамаса“.

Первыя строки этой эпиграммы указываютъ на древній обычай вѣшать боевое оружіе на деревья въ мирное время. О такомъ обычаѣ упоминается между прочимъ въ стихотвореніи А. Ѳ. Мерзлякова „Мячковскій курганъ“, которое помѣщено было сперва въ *Вѣстникѣ Европы* 1805 года, а затѣмъ въ V-й части изданнаго Жуковскимъ „Собранія русскихъ стихотвореній“ (Москва. 1811); тамъ на стр. 322 находятся слѣдующія строки:

Тамъ робкая любовь съ безпечностью играетъ
Подъ дубомъ вѣковымъ, котораго въ тѣни,
Быть можетъ, *нѣкогда, во времена войны,*
Израненый герой, съ симъ свѣтомъ разставаясь,
На вѣтви гибкія повѣсивъ бранный мечъ,
Друзьямъ еще твердилъ: «Отечество и честь!»

Пушкинъ могъ позаимствовать этотъ образъ именно изъ стихотворенія Мерзлякова, встрѣтивъ послѣднее въ сборникѣ Жуковскаго, который несомнѣнно былъ у него подъ руками въ 1815 году.

XIV.

КЪ И. И. ПУЩИНУ.

4-го мая.

(Стр. 121 — 123).

Это стихотвореніе сохранилось въ бѣловомъ автографѣ Пушкина, принадлежавшемъ И. И. Пущину, а нынѣ составляющемъ собственность В. Е. Якушкина. — Впервые оно было напечатано въ *Россійскомъ Музеумѣ*

1815 г., ч. III, № 8, стрр. 129 — 131, подъ заглавіемъ: „Къ П — ну“ и съ подписью: *1... 14 — 17*, а затѣмъ вошло безъ измѣненій въ посмертное изданіе, т. IX, стрр. 407 — 409.

Въ автографѣ находится первоначальная редакція посланія, отличающаяся отъ позднѣйшаго печатнаго текста слѣдующими *варіантами:*

Ст. 43-й: Ты любишь *звонъ* стакановъ.

„ 47-й — 50-й: Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Счастливъ ты въ этой долѣ:
Придется *мнѣ молчать*...

Въ посмертномъ изданіи стихъ 38-й читается такъ:

Съ нахмуреннымъ *жрецомъ,*

но это, очевидно, измѣненіе, не принадлежащее автору и сдѣланное въ виду цензурныхъ требованій; поэтому въ настоящемъ изданіи оно устранено.

Время написанія этой піесы указано въ собственноручномъ спискѣ, который Пушкинъ составилъ своимъ раннимъ произведеніямъ (см. выше примѣчанія, стр. 7). Пущинъ былъ именинникомъ не 4-го, а 8-го мая, въ день св. Іоанна Богослова; слѣдовательно, помѣта „4-го мая“ указываетъ на день, когда стихотвореніе было написано.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 318) относитъ это стихотвореніе къ числу такихъ, въ коихъ Пушкинъ подражалъ Батюшкову; дѣйствительно, посланіе „Къ Пущину“ напоминаетъ какъ Батюшковское посланіе „Моимъ пенатамъ“, такъ и рядъ другихъ піесъ разныхъ авторовъ, которыя были вызваны этимъ знаменитымъ посланіемъ. Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 360) сближаетъ заключительныя строки сего послѣдняго (уже приведенныя выше, примѣчанія, стрр. 79 и 80) съ окончаніемъ

посланія „Къ Пущину“; но сходство это можетъ быть взято шире: въ обоихъ стихотвореніяхъ преобладаетъ одинаковое настроеніе, и оба поэта съ гораціанскою безпечностью прославляютъ эпикурейское наслажденіе жизнью.

XV.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЮДИНУ.

(Стр. 124 — 130).

Это посланіе, сохранившееся въ собственноручномъ подлинникѣ Пушкина, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 21 — 24, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Ю.“ и съ помѣтой: „1815“. — Первоначально были напечатаны только отрывки изъ этой піесы, притомъ не вполнѣ точно; въ такомъ видѣ они находятся въ изданіи *Анненкова:* въ т. I, стр. 6 — стт. 44-й — 53-й, и въ т. II, стрр. 148 — 150 — стт. 54-й — 75-й, 87-й — 99-й и 104-й — 115-й; въ полномъ же составѣ посланіе впервые было издано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLI, стрр. 429 — 434, и затѣмъ вошло въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стрр. 97 — 102.

Неизвѣстна причина, побудившая редакторовъ посмертнаго изданія не включать въ него этой піесы, хотя они и черпали лицейскія стихотворенія Пушкина преимущественно изъ вышеозначенной музейной тетради; во всякомъ случаѣ, такою причиной не могла быть неразборчивость подлинника. Правда, пользовавшійся тою же тетрадью Анненковъ (т. II, стрр. 148 и 150) утверждаетъ, будто бы находящійся въ ней автографъ „Посланія къ Юдину“ представляетъ собою „черновой оригиналъ, до того перемаранный“, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его „чтеніе дѣлается невозможнымъ“. Но мы

должны заявить, что этотъ подлинникъ содержитъ въ себѣ текстъ уже перебѣленный и весьма четкій, съ двумя лишь незначительными помарками. Первоначальныя чтенія этихъ исправленныхъ стиховъ даютъ слѣдующіе *варіанты:*

Ст. 95-й: Вотъ здѣсь... Но *долго ль* привидѣнья...

„ 106-й: Что̀ въ *радости* кружитъ...

Время сочиненія посланія указано въ помѣтѣ автора, а лицо, къ которому оно обращено, ясно опредѣляется спискомъ стихотвореній Пушкина, собственноручно имъ написаннымъ въ 1815 году (см. выше примѣчанія, стр. 7): это — Павелъ Михайловичъ Юдинъ, тоже одинъ изъ первыхъ лицеистовъ, впослѣдствіи служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ и умершій въ 1852 году въ должности управляющаго государственнымъ архивомъ (*И. Селезневъ.* Историческій очеркъ Имп. Александровскаго лицея, приложенія, стр. 148).

Разсматриваемое стихотвореніе принадлежитъ къ числу тѣхъ „дружескихъ посланій", которыхъ цѣлый рядъ былъ написанъ Пушкинымъ въ бытность его въ лицеѣ. Мы уже не разъ имѣли случай говорить, что образцомъ для нихъ служило преимущественно посланіе Батюшкова „Моимъ пенатамъ"; но въ данномъ случаѣ приходится отмѣтить исключеніе: прототипомъ „Посланія къ Юдину" должно быть признано не это стихотвореніе, а отвѣтное на него посланіе Жуковскаго (1812 г.). Послѣдній хотя и старался, въ своемъ обращеніи къ автору „Пенатовъ", приспособиться къ его тону и поэтическимъ пріемамъ, однако не могъ измѣнить ни свойству своего дарованія, ни своимъ житейскимъ впечатлѣніямъ: его посланіе глубоко проникнуто грустною мечтательностью. То же настроеніе пытается усвоить себѣ юный авторъ „Посланія къ Юдину" и, не смотря на нѣкоторую запутанность въ изложеніи, успѣваетъ выдержать довольно

твердо. Предметъ мечтаній Пушкина составляетъ устройство своей жизни по выходѣ изъ лицея вполнѣ по своей волѣ: онъ хотѣлъ бы сперва посвятить себя военной службѣ, а послѣ ея тревогъ и опасностей удалиться на покой въ мирную сельскую обстановку. По вѣрному замѣчанію Л. И. Поливанова (см. его 2-е изданіе Пушкина, т. I, стр. 33), „особенную важность представляетъ это посланіе какъ свидѣтельство того, что деревенскія впечатлѣнія долицейской жизни Пушкина наложили уже въ душѣ его на его фантазію глубокую печать, слѣды которой остались на всю жизнь. Въ томъ постоянномъ стремленіи найти надежный покой среди сельскаго уединенія, стремленіи, которое такъ упорно выражалъ Пушкинъ въ 1827 — 1834 годахъ, нельзя не узнать симпатій, пріобрѣтенныхъ въ дни этой ранней молодости и нашедшихъ здѣсь подъ неопытнымъ перомъ такое неумолкаемое выраженіе (стт. 11-й — 100-й и 134-й — 147-й). Въ юношескомъ посланіи этомъ нельзя не видѣть предшественника тѣхъ стихотвореній лучшей поры, въ которыхъ поэтъ съ любовью останавливался на картинахъ сельской простоты“. Замѣтимъ со своей стороны, что и этимъ произведеніямъ поздней поры не чуждъ извѣстный оттѣнокъ грусти, который замѣтенъ въ „Посланіи къ Юдину“.

Мечты о будущемъ какъ бы невольно обращаютъ автора посланія къ прошедшему, когда онъ еще ребенкомъ дѣйствительно жилъ въ деревнѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ данными о Пушкинѣ вполнѣ реальными, оправдывающими мнѣніе В. Е. Якушкина (*Русская Старина* 1884 г., т. XLI, стр. 429), что разсматриваемая піеса „не лишена значенія для біографіи и характеристики поэта“. Въ самомъ дѣлѣ, еще Анненковъ, въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“, воспользовался изъ „Посланія къ Юдину“ единственнымъ въ

сочиненіяхъ Пушкина упоминаніемъ о сельцѣ Захаровѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство (стт. 42 — 48). Это Захарово или Захарьино — подмосковная, верстахъ въ сорока отъ столицы по Можайкѣ (такъ въ старину называли дорогу отъ Москвы на Можайскъ и далѣе къ западу); въ началѣ нынѣшняго столѣтія Захарово принадлежало бабкѣ Пушкина съ материнской стороны Маріи Алексѣевнѣ Ганнибалъ, и она жила здѣсь вмѣстѣ со своею дочерью Надеждой Осиповною, ея мужемъ Сергѣемъ Львовичемъ и ихъ дѣтьми. Будущій поэтъ, учившійся у бабушки русской грамотѣ и любившій слушать ея разсказы, прожилъ здѣсь съ 1802 или 1803 года до 1811, когда Захарово было продано (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. I, стрр.; 3—6 статья *Н. В. Берга* „Сельцо Захарово“ въ *Москвитянинѣ* 1851 г., №№ 9 и 10, стрр. 29—32; статья *П. И. Бартенева* „Родъ и дѣтство Пушкина“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1853 г., т. XCI, стр. 19; нашъ сборникъ: Пушкинъ, стрр. 323 — 325). По всему вѣроятію, картина сельскаго гостепріимства, изображенная въ стт. 66-мъ — 75-мъ посланія, есть также одно изъ воспоминаній о жизни Пушкина въ Захаровѣ. Приведя вышеозначенныя строки стихотворенія, Анненковъ (т. II, стр. 149) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ихъ поэтическое достоинство: „Все это наивно какъ ученическая мечта, но какая-то существенность и ясность проявляются даже въ раннихъ мечтахъ ученика“. Эти-то „существенность и ясность“ и свидѣтельствуютъ о правдивости картины, представленной поэтомъ.

Еще въ родномъ домѣ, въ дѣтскіе годы, Пушкинъ пристрастился къ чтенію; у его отца была значительная библіотека, въ которой, безъ сомнѣнія, онъ могъ найти упоминаемыхъ въ „Посланіи къ Юдину“ Горація и Лафонтена, Вольтера и Виланда. По свидѣтельству одного изъ своихъ товарищей, С. Д. Комовскаго, „Пушкинъ,

при поступленіи въ лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходнымъ знаніемъ французской словесности“ (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 218). Уже тогда онъ имѣлъ своихъ любимцевъ въ разныхъ литературахъ. Какъ извѣстно, упоминанія объ особенно уважаемыхъ писателяхъ и ихъ характеристики составляли одну изъ обычныхъ принадлежностей „дружескихъ посланій“; мы уже указывали эту черту въ самыхъ раннихъ подражаніяхъ Пушкина „Пенатамъ“ Батюшкова — въ посланіи „Къ сестрѣ“ и въ „Городкѣ“ (1814 г.); то же видимъ и въ „Посланіи къ Юдину“. Имена трехъ изъ названныхъ въ немъ авторовъ встрѣчаются еще въ „Городкѣ“, и только имя Виланда является здѣсь впервые подъ перомъ Пушкина. Это обстоятельство нельзя впрочемъ принимать за свидѣтельство о раннемъ его знакомствѣ съ нѣмецкою литературой. Правда, еще въ родномъ домѣ онъ началъ учиться по нѣмецки у одной изъ своихъ гувернантокъ г-жи Лоржъ (*Бантышъ-Каменскій*. Словарь достопамятныхъ людей, т. II, С.-Пб. 1847, стр. 59 „прибавленія“), но, повидимому, съ малымъ успѣхомъ; въ лицеѣ онъ, конечно, тоже занимался этимъ языкомъ, но едва ли успѣшнѣе; по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи чтеніе нѣмецкихъ книгъ не входило въ его постоянный обиходъ, и даже въ двадцатыхъ годахъ онъ предпочиталъ читать драматическія произведенія Шиллера и лекціи Шлегеля о драматической литературѣ во французскихъ переводахъ; то же, безъ сомнѣнія, было въ дѣтскомъ возрастѣ относительно Виланда. Этотъ знаменитый представитель просвѣтительныхъ стремленій своего времени въ Германіи, не безъ основанія прозванный „германскимъ Вольтеромъ“, вмѣстѣ съ идилликомъ Гесснеромъ, были первыми писателями, въ лицѣ которыхъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, нѣмецкая литература стала проникать во Францію. Еще Карамзинъ, въ своихъ

„Письмахъ русскаго путешественника“ (письмо отъ 21-го іюля 1789 года), говорилъ: „Если французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о нѣмецкой литературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, то-есть, тогда, какъ нѣмцы прилежали только къ сухой учености), если знающіе и справедливѣйшіе изъ нихъ соглашаются, что нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ, то конечно, произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и нехорошо на французскій языкъ переведенныя“. Дѣйствительно, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго явились многочисленные французскіе переводы произведеній Виланда, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ, какъ напримѣръ, написанныя отчасти въ подражаніе Лафонтену „Забавныя сказки“ („Komische Erzählungen“), нашли себѣ мало читателей среди французовъ, за то другія, какъ-то: романическо-рыцарская поэма „Оберонъ“ и философскій романъ изъ древне-греческой жизни „Агатонъ“, были переведены по нѣскольку разъ и пользовались чрезвычайнымъ успѣхомъ (*Th. Süpfle.* Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich. II-er Band. Gotha. 1888, SS. 35 — 49). По всему вѣроятію, именно вышеназванныя сочиненія имѣлъ въ виду Пушкинъ, когда упоминалъ о Виландѣ въ „Посланіи къ Юдину“: на „Забавныя сказки“ онъ могъ обратить вниманіе по ихъ сходству съ хорошо извѣстными ему сказками Лафонтена, „Агатонъ“ долженъ былъ занять его какъ живая и блестящая картина древне-греческаго міра, а „Оберонъ“ — поразить оригинальностью своего содержанія, какъ „ein Ritt in das alte romantische Land“; очень можетъ быть, что раннее знакомство съ этою поэмой оказалось не безслѣднымъ для будущаго автора „Руслана и Людмилы“.

Если вѣрить преданію (см. выше примѣчанія, стр. 22),

сердечныя влеченія стали овладѣвать Пушкинымъ очень рано, прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ отроческаго возраста, но на первыхъ его поэтическихъ опытахъ отразились они лишь въ слабой степени; въ стихотвореніяхъ 1814 и 1815 годовъ онъ нерѣдко говоритъ о любви, но въ выраженіяхъ, отзывающихся литературнымъ подражаніемъ; распространяясь о наслажденіяхъ и страданіяхъ, порождаемыхъ любовью, онъ лишь повторяетъ анакреонтическихъ поэтовъ, которые служили ему образцами; у него еще нѣтъ своихъ словъ для изображенія страсти, потому что онъ еще не испыталъ ея и знаетъ только ея предчувствіе. Таково душевное настроеніе, выражающееся во второй половинѣ „Посланія къ Юдину“ (стт. 148-й — 215-й). „Пушкинъ“, по словамъ Комовскаго, — „былъ до того женолюбивъ, что будучи еще 15-ти или 16-ти лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна“ (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 220). Описаніе грубовато, но характерно и должно быть близко къ правдѣ: нѣчто подобное читаемъ мы у самого Пушкина въ стт. 162-мъ — 165-мъ разсматриваемаго стихотворенія. Сознаваясь, что еще не знаетъ истинной любви, и только мечтая о ней, авторъ „Посланія къ Юдину“ все же сохраняетъ живое чувство дѣйствительности: среди этихъ мечтаній вспоминаетъ подругу своихъ дѣтскихъ игръ, но имени ея не рѣшается довѣрить даже своей рукописи и замѣняетъ его тремя звѣздочками. Комментарій къ Пушкину не связанъ такою сдержанностью, и въ немъ позволительно высказать по крайней мѣрѣ догадку о лицѣ, которое можно разумѣть подъ тремя звѣздочками „Посланія“: по всему вѣроятію, это — Марія Дмитріевна Мертваго, которая въ 1810 — 1812 годахъ жила со своими родителями въ селѣ Дёмьяновѣ подъ

Клиномъ; ея отецъ, одинъ изъ видныхъ административныхъ дѣятелей Александровскаго времени, извѣстный своимъ безкорыстіемъ, былъ женатъ на Варварѣ Марковнѣ Полторацкой, а съ многочисленною семьей Полторацкихъ Пушкины состояли въ короткихъ сношеніяхъ; Демьяново приходилось на пути изъ Москвы въ Петербургъ, и какъ разсказываетъ Д. Б. Мертваго въ своихъ „Запискахъ“ (изданіе *Русскаго Архива*. М. 1867, ст. 312), всѣ его знакомые, слѣдуя по этой дорогѣ, заѣзжали въ его имѣнье; очень можетъ быть, что тамъ побывалъ и Пушкинъ, когда, въ исходѣ лѣта 1811 года, дядя Василій Львовичъ повезъ его въ Петербургъ для помѣщенія въ лицей; правда, молодой Мертваго едва минуло тогда пять лѣтъ, но вѣдь и Пушкину было всего двѣнадцать; эта дѣтская встрѣча и могла послужить поводомъ къ мечтаніямъ, которыми юный авторъ „Посланія къ Юдину“ заключаетъ свое произведеніе. Въ лицейскомъ періодѣ жизни и творчества Пушкина можно отмѣтить рядъ проявленій съ его стороны почти что дѣтскихъ, которыя только его фантазія старалась облечь въ форму мыслей и поступковъ взрослаго человѣка.

— (**Стр. 135, ст. 225**) Клоѳо — одна изъ трехъ паркъ или дѣвъ судьбы, та именно, которая пряла нить жизни.

XVI.

КЪ А. И. ГАЛИЧУ.

(Стр. 131 — 133).

Это посланіе въ полномъ видѣ не сохранилось въ автографѣ Пушкина, но нѣсколько записанныхъ имъ стиховъ изъ разныхъ мѣстъ піесы уцѣлѣло въ рукописи

Моск. Публ. музея № 2364, л. 75 об.; полный списокъ посланія былъ въ рукахъ Е. И. Якушкина, о чемъ сообщено въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, ст. 311. — Впервые напечатано посланіе въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. III, № 8, стрр. 311 и 132, подъ заглавіемъ: „Къ Г...у", съ неполнымъ означеніемъ упоминаемыхъ именъ, пропускомъ ст. 26-го и подписью: *1... 14—17;* тотъ же текстъ повторенъ безъ измѣненій въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 400—402, и въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 47—49. Въ упомянутой статьѣ *Библіографическихъ Записокъ* сообщенъ ст. 26-й, раскрыты сокращенія въ именахъ, и сверхъ того, даны варіанты къ стт. 51-му — 54-му; дополненія эти введены въ текстъ въ изданіи 1859 г., ч. I, стрр. 45 — 47. Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ журнала съ дополненіями, включенными еще въ изданіе 1859 года; здѣсь же приводятся, на основаніи музейной рукописи и частью списка г. Якушкина, слѣдующіе *варіанты:*

Ст. 2-й: *Впнчанный....*
„ 4-й: *Украсивъ ривмой вялый* вздоръ...
„ 20-й—23-й: Зайди *въ мой мирный* уголокъ,
Вино тамъ хлынетъ золотое...
„ 48-й—51-й: О, Галичъ! *Близокъ, близокъ* часъ,
Когда *послышу* славы гласъ
И, кельи кровъ *пустынной*
Забывъ — волшебный мой Парнасъ,
Златой досугъ и миръ невинной...
„ 59-й: Въ *кругу пирующихъ* корнетовъ

Весьма возможно, что эти варіанты суть позднѣйшія поправки, но согласовать ихъ съ общимъ ходомъ изложенія въ первоначальномъ текстѣ не представляется возможнымъ.

Время сочиненія посланія точно опредѣляется слѣдующими соображеніями: Галичъ оставилъ преподаваніе въ лицеѣ съ 1-го іюня 1815 года (см. о Галичѣ выше при-

мѣчанія, стрр. 59 — 62); изъ стт. же 11-го — 15-го видно, что посланіе написано Пушкинымъ уже послѣ того, какъ лицеисты разстались съ Галичемъ, а такъ какъ оно было напечатано въ августовской книжкѣ *Россійскаго Музеума*, то слѣдовательно, его сочиненіе должно быть пріурочено къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1815 года.

Непродолжительное пребываніе Галича на лицейской каѳедрѣ объясняется тѣмъ, что онъ былъ только временнымъ замѣстителемъ профессора Н. Ѳ. Кошанскаго. М. А. Корфъ, въ своихъ лицейскихъ воспоминаніяхъ (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 228), даетъ объ А. И. Галичѣ слѣдующій отзывъ: „Этотъ предобрый, но презабавный чудакъ преподавалъ въ лицеѣ.... русскую и латинскую словесность, и мы хотя очень надъ нимъ подсмѣивались, однако и очень его любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе“. Это было, такъ сказать, среднее мнѣніе о Галичѣ, принадлежавшее большинству его лицейскихъ учениковъ; но нѣкоторые изъ нихъ, болѣе одаренные чувствомъ изящнаго, цѣнили въ немъ еще нѣчто, кромѣ привлекательныхъ чертъ его нрава; съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что именно при содѣйствіи Галича, который любилъ литературныя бесѣды, Пушкинъ, даже при ограниченномъ знаніи латинскаго языка, научился вѣрно понимать духъ древнихъ авторовъ, и что этотъ безпечный, но умный и живой человѣкъ являлся въ глазахъ юноши-поэта какъ бы представителемъ того эпикуреизма, который такъ усердно воспѣвался Пушкинымъ въ лицейскіе годы. Этимъ объясняется какъ происхожденіе посланій Пушкина къ Галичу, такъ отчасти самый характеръ ихъ; отсюда понятно также, почему въ первомъ изъ этихъ стихотвореній, теперь разсматриваемомъ, Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стрр. 318 и 319) могъ подмѣчать вліяніе поэта, который тоже высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ

эпикурейскій взглядъ на жизнь и ея наслажденія, то-есть, Батюшкова.

Представляя интересъ по выраженному въ немъ настроенію, разсматриваемое посланіе заслуживаетъ вниманія и тѣмъ, что содержитъ въ себѣ, по вѣрному замѣчанію Анненкова (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 90), нѣкоторыя подробности ученической жизни Пушкина. При разсмотрѣніи „Пирующихъ студентовъ“ (см. выше примѣчанія, стр. 61) уже было упомянуто о „жирныхъ утреннихъ пирахъ“, которые устраивались лицеистами, и на которыхъ Галичъ являлся дорогимъ гостемъ. Въ настоящемъ посланіи Пушкинъ приглашаетъ его явиться къ „жиду Золотареву“, на квартирѣ котораго лицеисты обыкновенно угощали своего любимаго преподавателя. Какъ видно изъ воспоминаній Корфа (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 224), этотъ Золотаревъ былъ помощникомъ лицейскаго эконома; по происхожденію русскій, а не жидъ, онъ однако заслужилъ это прозваніе своимъ поведеніемъ. „Золотаревъ“, по словамъ Корфа, — „былъ постоянно предметомъ жестокихъ насмѣшекъ и преслѣдованій цѣлаго лицея, и какъ часто мы, бывало, таскали его за рыжіе бакенбарды, припѣвая:

Ты выдумалъ похабны яствы,
Запряталъ въ пироги лѣкарствы!»

Другая реальная черта изъ лицейскаго быта Пушкина заключается въ стт. 53-мъ — 59-мъ: здѣсь юный поэтъ высказываетъ намѣреніе поступить въ военную службу по окончаніи лицейскаго курса. Извѣстно, что онъ долго лелѣялъ эту мечту и нерѣдко выражалъ ее въ своихъ лицейскихъ стихахъ.

— (**Стр. 131, ст. 2**). Макъ упоминается здѣсь какъ символъ сна, снотворности, а крапива — въ смыслѣ сорной травы вообще.

XVII.

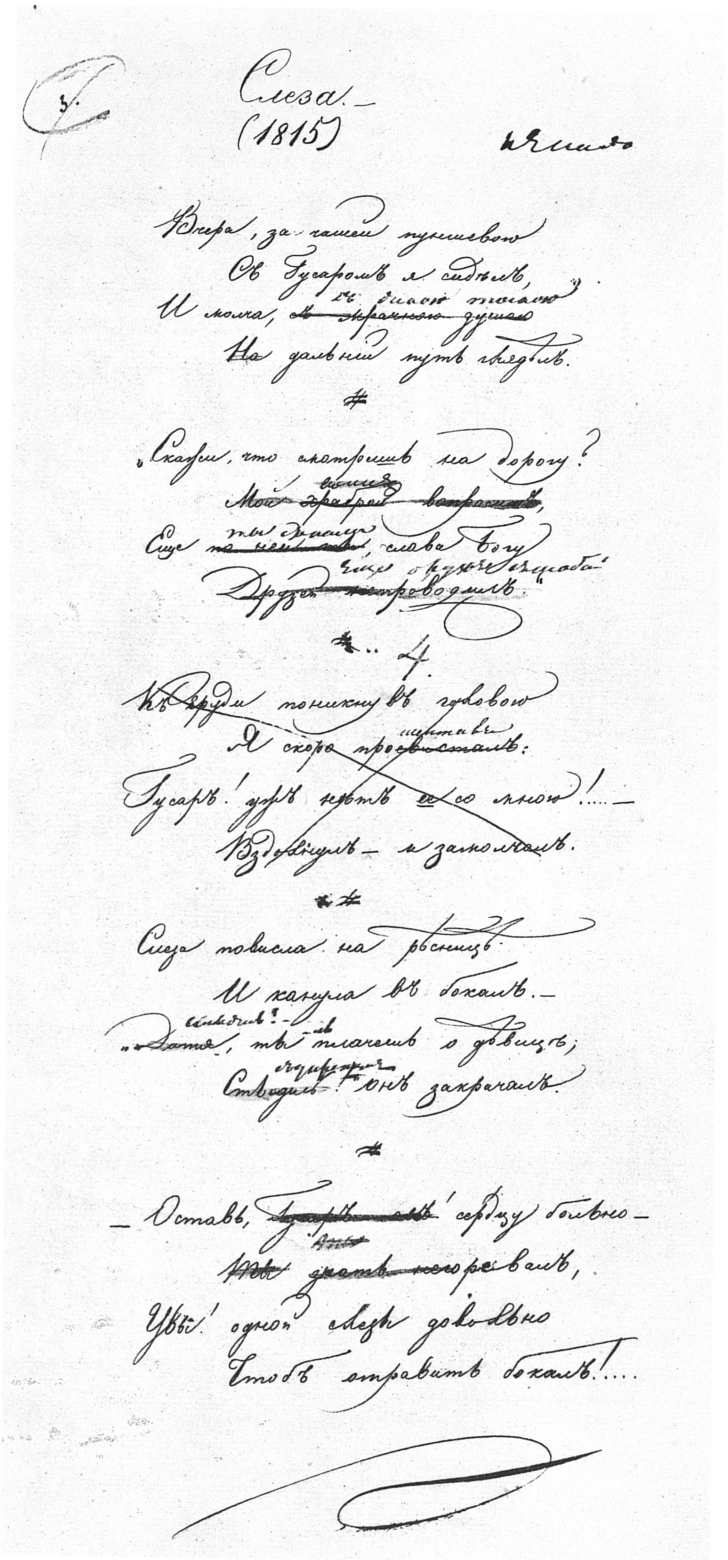
СЛЕЗА.

(Стр. 134).

Это стихотвореніе сохранилось въ четырехъ спискахъ: первый, старшій изъ нихъ, находится въ принадлежавшей Я. К. Гроту тетради, на вклеенномъ въ нее листкѣ изъ рукописнаго сборника „Лицейская антологія“, писаннаго рукой А. Д. Илличевскаго; второй — въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 4, съ помѣтами: „1815“ и позднѣйшею „не надо“, писанъ тоже почеркомъ Илличевскаго; третій сохранился въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 23 и 24; наконецъ, четвертый, писарскаго почерка, включенъ въ рукопись Моск. Публ. музея № 2395, л. 712. — Впервые стихотвореніе напечатано въ видѣ романса, какъ приложеніе къ IV-й части сборника *Мнемозина*, 1824 года, съ полною подписью автора и съ музыкой М. Л. Яковлева; затѣмъ повторено въ альманахѣ *Эвтерпа*, 1828 года, стрр. 85 и 86, также съ полною подписью, и въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 312 и 313. Оттискъ нотъ изъ *Мнемозины*, съ собственноручной поправкой Пушкина, хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, въ собраніи бумагъ А. А. Краевскаго.

Принадлежавшая Гроту рукопись содержитъ въ себѣ самую раннюю редакцію піесы; приводимъ ее здѣсь, отмѣчая курсивомъ *варіанты* первоначальнаго текста:

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ
И молча, съ *мрачною душою*,
На дальній путь глядѣлъ.



Слеза.—
(1815)

Вчера, за чашей пуншевой
Съ Гусаромъ я сидѣлъ,
И молча, тяжкою тоскою
На дальній путь глядѣлъ.

„Скажи, что смотришь на дорогу?
Иль ты отдашь
Сще слезу, славя богу
Друзей, отправленныхъ.

Къ груди тоникну въ чашкой
И скоро просвѣтлѣлъ:
Гусаръ! дурь черть съ тобою!.....—
Вздохнулъ— и замолкъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.—
„Дитя, ты плачешь о девицѣ;
Сей Гусаръ вонъ захохалъ.

— Оставь, сію слезу болью—
Не трать напрасно,
Увы! одной слезы довольно
Чтобъ отравить бокалъ!....

(Рукопись Моск. Публ. музея № 2364, л. 4).

2 «Скажи, что̀ смотришь на дорогу?»
Мой *храбрый* вопросилъ
«Еще по ней ты, слава Богу,
«Друзей не проводилъ».

3 *Къ груди поникнувъ головою,*
Я громко просвисталъ:
«Гусаръ, ужь нѣтъ ея со мною!»
Вздохнулъ и замолчалъ.

4 Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
«Дитя, ты плачешь о дѣвицѣ;
«Стыдись!» онъ закричалъ.

5 «Оставь, гусаръ! *Ахъ*, сердцу больно!
«Ты, знать, не горевалъ:
«Увы, одной слезы довольно,
«Чтобъ отравить бокалъ!»

Первоначально въ строфѣ III-й ст. 2-й читался такъ:

Я въ грусти отвѣчалъ,

но затѣмъ это зачеркнуто и исправлено, какъ значится выше.

Тотъ же текстъ находится въ музейной рукописи № 2395, а также въ „Духѣ лицейскихъ трубадуровъ“, но въ послѣдней съ тѣмъ различіемъ, что въ V-й строфѣ, въ ст. 1-мъ, читается: . . . . *Охъ!* . . .

Текстъ музейной рукописи № 2364 въ основѣ своей также представляетъ первоначальную редакцію піесы, но эта редакція сопровождается тутъ рядомъ поправокъ, впрочемъ не доведенныхъ до конца; важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ совершенномъ исключеніи III-й строфы первоначальной редакціи.

Въ *Мнемозинѣ* стихотвореніе напечатано согласно съ первоначальною редакціей, въ которую однако внесены слѣдующія измѣненія:

Строфа III-я, ст. 2-й: Я *скоро прошепталъ.*
„ V-я, „ 1-й: ..... *Охъ*, сердцу больно!

Тотъ же текстъ и въ *Эвтерпѣ*, но со слѣдующими искаженіями:

Строфа II-я, ст. 3-й: Еще *попей*...
Строфа III-я: Къ груди *приникнувъ* головою,
Я *скоро* просвисталъ:
«Гусаръ, ужь нѣтъ ея со мною!»
Сказалъ и замолчалъ.

На эти искаженія было указано С. П. Шевыревымъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 г., ч. VII, стрр. 321 и 322.

Въ посмертномъ изданіи повторенъ текстъ *Мнемозины*, но въ строфѣ V-й, въ ст. 1-мъ, читается: *Ахъ* вмѣсто *Охъ!*

Въ оттискѣ изъ *Мнемозины,* хранящемся въ бумагахъ Краевскаго, находится слѣдующая поправка, сдѣланная рукой Пушкина:

Строфа II-я, ст. 2-й: *Гусаръ* мой вопросилъ.

Въ настоящемъ изданіи, какъ эта поправка, такъ и другія, находящіяся въ музейной рукописи № 2364, впервые введены въ текстъ, который такимъ образомъ представляетъ позднѣйшую редакцію піесы.

Какъ извѣстно, нѣкоторыя лицейскія стихотворенія Пушкина были положены его товарищами на музыку, хотя, по видимому, и не предназначались къ тому авторомъ. Этого нельзя сказать о піесѣ „Слеза“: она дѣйствительно написана была въ формѣ романса, слѣдовательно, для пѣнія. Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка подобные романсы были въ большомъ ходу; въ нихъ обыкновенно воспѣвалась любовь красавицы къ какому-нибудь храброму воину, отправившемуся искать себѣ славы на „полѣ чести“ и забывшему о своей возлюбленной, или любовь такого искателя славы, которому измѣнила обожаемая имъ красавица. Батюшковъ далъ обра-

зецъ произведеній этого рода въ своемъ романсѣ „Разлука“ („Гусаръ, на саблю опираясь....), весьма извѣстномъ въ свое время: онъ былъ написанъ, по всему вѣроятію, въ началѣ 1812 года, а въ печати появился въ 1814 году (Сочиненія Батюшкова, т. I, стрр. 384 и 385). „Слеза“ Пушкина составляетъ до нѣкоторой степени подражаніе этой „Разлукѣ“; внѣшняя форма обоихъ стихотвореній совершенно одинакова; что же касается содержанія, оно сходно только отчасти: въ обѣихъ піесахъ дѣйствующими лицами выводятся гусары, и въ обѣихъ они относятся къ любви съ легкомысліемъ: гусаръ Батюшкова измѣняетъ своей возлюбленной, которая впрочемъ платитъ ему тѣмъ же, а гусаръ Пушкина даетъ понять своему собесѣднику, страстно влюбленному юношѣ, что на любовь не слѣдуетъ смотрѣть серьезно; однако, — и это составляетъ особенность Пушкинскаго романса, — юноша не соглашается съ такимъ заключеніемъ. Говоря короче, отношеніе между піесами Батюшкова и Пушкина — то же, какое было указано выше (примѣчанія, стрр. 21 и 22) между однимъ изъ самыхъ раннихъ стихотвореній Пушкина: „Измѣны“ (1812 г.) и стихотвореніемъ Парни: „Dépit“. Есть мнѣніе, что даже въ „Измѣнахъ“ въ основѣ авторскаго настроенія лежитъ не выдуманное чувство; съ гораздо бо́льшимъ вѣроятіемъ слѣдуетъ думать то же относительно „Слезы“: Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 379) указываетъ на одинъ отрывокъ изъ дневника Пушкина, относимый имъ къ 1815 году и упоминающій о „снѣжной дорогѣ“, по которой юноша ожидалъ прибытія нравившейся ему дѣвушки. Почти то же самое повторяется и въ „Слезѣ“. Гусаръ, по свидѣтельству Гаевскаго, — также лицо не вымышленное и есть, вѣроятно, Ал. Н. Зубовъ, которому Пушкинъ повѣрялъ свои сердечныя тайны, и въ альбомъ котораго написалъ стихи при выходѣ изъ лицея (см.

выше текстъ, стр. 248). Что же касается молодой особы, возбудившей сердечное расположеніе молодого поэта, намъ еще придется говорить о ней далѣе, при объясненіи стихотвореній 1816 года. Принимая во вниманіе все вышеизложенное, мы не можемъ согласиться съ Бѣлинскимъ, который (Сочиненія, т. VIII, стр. 314) счелъ возможнымъ сблизить „Слезу“ Пушкина съ пѣсенкой Дениса Давыдова „Мудрость“, прославляющею истинно „гусарскій“ взглядъ на любовь, и готовы присоединиться къ мнѣнію Незеленова (Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 30), который видитъ въ „Слезѣ“ „выраженіе серьезнаго, истиннаго чувства“, хотя и „въ нѣсколько смѣшной формѣ“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что, по свидѣтельству А. Д. Илличевскаго, относящемуся къ 1816 году, стихотвореніе „Слеза“ и еще другая піеса Пушкина, писанная въ 1816 году, слыли между товарищами подъ названіемъ „гусарскихъ“, но только „потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и ихъ принадлежностяхъ“. Русская литература обладаетъ въ повѣсти графа Л. Н. Толстого „Два гусара“ такимъ превосходнымъ изображеніемъ этого стариннаго военнаго типа, какой не могутъ дать никакія историческія объясненія.

XVIII.

МЕЧТАТЕЛЬ.

(Стр. 135 — 137).

Рукописнаго текста этого стихотворенія намъ не извѣстно. — Въ печати оно появилось впервые въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. III, № 9, стрр. 256 — 258, съ подписью: *1... 14 — 17*, оттуда перешло въ посмертное изданіе, т. IX, стрр. 403 — 406, и затѣмъ повторено всѣми послѣдующими.

Во всѣхъ изданіяхъ текстъ піесы одинъ и тотъ же, но какъ въ журналѣ, такъ и въ посмертномъ изданіи, ст. 5-й строфы VIII-й читается слѣдующимъ образомъ:

И *горнымъ* свѣтомъ озарясь,

тогда какъ слѣдовало напечатать: „горнимъ“. Ошибка эта исправлена въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 73.

Время сочиненія піесы опредѣляется относящимся къ 1815 году собственноручнымъ перечнемъ стихотвореній Пушкина, въ числѣ коихъ названъ „Мечтатель“ (см. выше примѣчанія, стр. 7), а также появленіемъ этой піесы въ сентябрьской книжкѣ *Россійскаго Музеума* за тотъ годъ.

Изданное въ первый разъ еще въ то время, когда авторъ сидѣлъ на лицейской скамьѣ, это произведеніе не было включаемо въ сборники его стихотвореній, выпущенные при его жизни: обстоятельство, доказывающее, если не прямо, то косвенно, что Пушкинъ не придавалъ большого значенія „Мечтателю“. Напротивъ того, послѣдующая критика указывала на него, какъ на одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній лицейскаго періода; но выраженныя при томъ сужденія не отличались ни опредѣленностью, ни доказательностью и даже заключали въ себѣ противорѣчія. Такъ, Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стрр. 318 и 319) признавалъ, что на піесѣ „Мечтатель“ обнаруживается сильное вліяніе Батюшкова въ фактурѣ стиха, складѣ выраженія и даже въ міросозерцаніи; то же мнѣніе было повторено Анненковымъ (см. его изданіе Пушкина, т. I, стр. 37). Напротивъ того, Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 365) находилъ, что въ „Мечтателѣ“ можно видѣть вліяніе Жуковскаго — по крайней мѣрѣ относительно размѣра, который здѣсь тотъ же, что въ „Громобоѣ“, „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“ и „Пѣвцѣ въ Кремлѣ“, то-есть, четырехстопный ямбъ съ цезурой на шестомъ слогѣ и съ чередованіемъ мужской риѳмы передъ женскою. Далѣе, Анненковъ

(т. II, стр. 95), оставляя въ сторонѣ мысль о зависимости разсматриваемой піесы отъ чужихъ образцовъ, указывалъ на нее, какъ на „первое проявленіе самостоятельнаго таланта и манеры Пушкина — въ средѣ самаго подражанія“, и какъ бы въ подтвержденіе этого заключенія, въ другомъ мѣстѣ своего труда (т. I, стр. 35) говорилъ: „Часто посреди простыхъ ученическихъ упражненій.... неожиданно встрѣчаешься у Пушкина съ оригинальными образами, съ пріемами, уже предвѣщающими позднѣйшую эпоху его развитія. Такъ, въ стихотвореніи 1815 года „Мечтатель“ есть строфа, которая можетъ вообще считаться естественною предшественницей антологическихъ его стихотвореній“. И вслѣдъ за этими словами Анненковъ приводилъ VIII-ю строфу нашей піесы. Наконецъ, Гротъ (Пушкинъ и пр., стр. 16) и Стоюнинъ (Историч. сочиненія, т. II, стр. 40) указывали на ту же строфу для того, чтобы развить мысль Анненкова о проявленіи самостоятельнаго творчества Пушкина въ данномъ случаѣ.

Разобраться въ этомъ разнообразіи мнѣній можно только путемъ тщательной ихъ провѣрки. Такъ, по поводу размѣра, какимъ написанъ „Мечтатель“, еще Поливановъ (см. его 2-е изданіе Пушкина, т. I, стр. 28) замѣтилъ справедливо, что не одинъ Жуковскій могъ служить Пушкину образцомъ на сей разъ, и что одновременно съ балладникомъ любимый его размѣръ былъ употребляемъ его пріятелемъ Батюшковымъ. Дѣйствительно, послѣ появленія въ печати „Громобоя“ въ февралѣ 1811 года, Батюшковъ написалъ тѣмъ же размѣромъ „Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго монастыря“ въ январѣ 1812 года, слѣдовательно, за полгода ранѣе, чѣмъ могъ быть даже задуманъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, сочиненный, по свидѣтельству самого автора, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ (8-го октября) и напечатанный лишь въ началѣ 1813 года.

Что касается склада выраженія и особенно міровоззрѣнія, въ этихъ отношеніяхъ еще труднѣе поставить разсматриваемое стихотвореніе въ связь съ поэзіей Жуковскаго. Конечно, и у него мы могли бы встрѣтить піесу на тему „Мечтателя“, но мечтательное настроеніе Жуковскаго отличалось совершенно особымъ характеромъ, который опредѣлили главнымъ образомъ обстоятельства его жизни: въ дѣтствѣ онъ выросъ почти исключительно въ женской средѣ, а молодость его была поглощена сильною привязанностью, которая, по его собственному сознанію, убивала въ немъ всякую наклонность къ дѣятельности, мѣшала его образованію и даже препятствовала развитію его таланта. Только на двадцать-восьмомъ году жизни онъ увидѣлъ, что обманывался въ своихъ надеждахъ на личное счастіе, что бракъ съ любимою дѣвушкой не осуществимъ для него. Пока этотъ вопросъ оставался не рѣшеннымъ, Жуковскій легко предавался свѣтлымъ мечтамъ, но онѣ мало отражались въ его творчествѣ; когда же катастрофа разразилась, его сердечная скорбь нашла себѣ исходъ въ горячихъ лирическихъ изліяніяхъ, которыя однако въ его мягкой женственной натурѣ вскорѣ обратились тоже въ мечты, только горькія, питаемыя разочарованіемъ. Таково было настроеніе, выражавшееся въ поэзіи Жуковскаго въ тѣ годы, когда выступалъ на литературное поприще Пушкинъ.

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ...
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!

Эти стихи Жуковскаго[1]), записанные Пушкинымъ въ своемъ дневникѣ въ концѣ 1815 года,—едва ли не единственные, на которые могла отозваться (и то почти что случайно) душа юноши-поэта. Онъ, безъ сомнѣнія, вос-

1) Изъ піесы „Пѣвецъ“, написанной, вѣроятно, въ 1811 году, а напечатанной въ 1813.

хищался произведеніями автора „Свѣтланы“, которыя поражали современныхъ читателей оригинальностью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись только болѣе или менѣе искуснымъ воспроизведеніемъ иностранныхъ подлинниковъ; но своеобразный внутренній міръ Жуковскаго, съ его былыми радостями и смѣнившими ихъ страданіями, вообще былъ довольно чуждъ юношѣ, „процвѣтавшему въ садахъ лицея“, и не могъ найти себѣ отклика въ его начальныхъ поэтическихъ опытахъ.

Въ иномъ отношеніи стоялъ Пушкинъ къ Батюшкову. Въ настоящихъ примѣчаніяхъ уже было неоднократно говорено о вліяніи послѣдняго какъ на внѣшнюю форму, такъ и на содержаніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина; поэтому здѣсь мы можемъ ограничиться указаніемъ лишь на то, что̀ относится непосредственно къ разсматриваемому стихотворенію. У Батюшкова есть піеса нѣсколько однороднаго содержанія, подъ заглавіемъ „Мечта“; это — самое раннее изъ извѣстныхъ его стихотвореній, написанное въ 1803 году, когда автору было всего шестнадцать лѣтъ. Нескладность этой „Мечты“ обличаетъ большую неопытность сочинителя; онъ и самъ признавалъ въ своей піесѣ отсутствіе плана и другіе недостатки (Сочиненія Батюшкова, т. III, стрр. 68 и 150), однако любилъ своего первенца, неоднократно передѣлывалъ его и снова печаталъ; въ 1815 году существовали въ печати уже три редакціи этого стихотворенія, и Пушкинъ, конечно, зналъ хотя бы одну изъ нихъ, по всему вѣроятію — ту, которая помѣщена въ пятой части изданнаго Жуковскимъ „Собранія русскихъ стихотвореній“. Піеса Батюшкова есть какъ бы похвальное слово мечтѣ, написанное стихами; въ пестромъ рядѣ картинъ авторъ рисуетъ ея „дары“, то-есть, ту усладу и утѣшеніе, которыя мечта приноситъ человѣку въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, заставляя его забывать

тяжкое бремя дѣйствительности; однако, при неопытности автора, эти тяжело нагроможденныя картины являются просто амплификаціями, свойственными ораторскимъ рѣчамъ и расхолаживающими ихъ впечатлѣніе. „Я знаю, что это дурно, что это — то, что̀ италіанцы называютъ freddura“, говорилъ самъ Батюшковъ по поводу своего произведенія. Въ числѣ людей, питающихся мечтою, первое мѣсто авторъ отводитъ, разумѣется, поэтамъ: это мечтатели по преимуществу; типическій представитель ихъ для Батюшкова — эпикуреецъ Горацій, котораго онъ и изображаетъ предающимся наслажденію и безпечнымъ мечтамъ въ своемъ „счастливомъ Тибурѣ“. Въ началѣ стихотворенія авторъ обращается къ олицетворенной имъ мечтѣ со слѣдующимъ призывомъ:

Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобою вдохновеннымъ.
Явися! Ждетъ тебя задумчивый піитъ,
Въ безмолвіи ночномъ сидящій у лампады.
Явись и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца аонидъ
И горесть сладостна бываетъ:
Онъ въ горести мечтаетъ.

Подобно тому, заключительныя строки піесы содержатъ въ себѣ также обращеніе къ мечтѣ:

.... пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой
Во вѣкъ даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ.
Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣнитъ,
Лобзая прахъ златой у мраморныхъ палатъ;
Но я и счастливъ, и богатъ,
Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой.
Души поэтовъ свойство —
Блаженство находить въ убожествѣ.... мечтой.
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна:

Какъ пчелка, медомъ отягченна,
Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
Считая моремъ ручеекъ,
Такъ хижину свою поэтъ дворцомъ считаетъ
И счастливъ!... Онъ мечтаетъ [1]).

По внѣшней формѣ эти вольные ямбы Батюшкова, конечно, не представляютъ никакого сходства со стихами Пушкина, отличающимися въ данномъ случаѣ замѣчательною стройностью склада; но если мы отстранимъ въ „Мечтѣ“ обиліе нагроможденныхъ картинъ, или иначе говоря, то, что̀ въ старину называлось „поэтическимъ безпорядкомъ“, то видимъ, что въ основѣ этого стихотворенія лежитъ тотъ же образъ мечтателя-поэта, какой позже былъ воспроизведенъ въ разсматриваемой піесѣ Пушкина: у обоихъ поэтовъ вполнѣ одинаковы какъ характерныя нравственныя черты этого образа — самозабвеніе, равнодушіе къ мірской суетѣ и къ славѣ, любовь къ миру и уединенію, такъ даже наружная обстановка этого изображенія — тишина ночи, скромная хижина или келья, свѣтъ лампады или ночника и т. д. Заключительное обращеніе къ мечтѣ у Батюшкова соотвѣтствуетъ воззванію къ музѣ въ восьмой строфѣ Пушкина: оба поэта съ одинаковымъ увлеченіемъ высказываютъ мольбу, чтобы дорогая гостья не покидала ихъ до гроба.

Такъ шестнадцатилѣтній поэтъ пользовался данными, которыя находилъ у своего любимаго писателя, снималъ съ нихъ излишнія наслоенія и подвергалъ переработкѣ основное зерно. Въ этомъ трудѣ, какъ вѣрно было указано Анненковымъ, несомнѣнно обнаруживались признаки слагающейся самостоятельности его дарованія, а

1) Выписки изъ „Мечты“ Батюшкова приведены по той редакціи ея, которая напечатана въ упомянутомъ выше „Собраніи русскихъ стихотвореній“ Жуковскаго (ч. V. 1811).

вмѣстѣ съ тѣмъ признаки его пробуждающагося поэтическаго самосознанія. Слѣды такого пробужденія дѣйствительно всего виднѣе въ восьмой строфѣ разсматриваемаго стихотворенія; по справедливому замѣчанію Стоюнина, „изъ этихъ легкихъ начальныхъ эскизовъ впослѣдствіи выработался чудный образъ музы Пушкина въ извѣстномъ стихотвореніи (1821 года):

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила»....

Прибавимъ еще, что тотъ же образъ мелькаетъ въ послѣднихъ строкахъ другой піесы того же года:

Наперсница волшебной старины...

и повторяется еще разъ въ первыхъ строфахъ VIII-й главы „Евгенія Онѣгина“.

Въ заключеніе настоящаго примѣчанія слѣдуетъ замѣтить, что стт. 5-й — 8-й второй строфы „Мечтателя“ напоминаютъ описаніе жилища автора въ начальныхъ строкахъ посланія Батюшкова „Моимъ пенатамъ“; въ этихъ стихахъ Пушкинъ, мѣшая христіанскія и языческія религіозныя представленія, впадаетъ въ ту самую погрѣшность, которую онъ осуждалъ впослѣдствіи у Батюшкова (см. выше примѣчанія, стрр. 144 и 145).

XIX.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

(Стр. 138).

Стихотвореніе это находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 12 об., писанное не Пушкина рукой, съ помѣтой: „1815“ и позднѣйшею: „передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу“; копія того же стихотворенія помѣщена въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной рукописной тетради: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“,

стрр. 51 и 52. — Впервые стихотвореніе напечатано въ изданномъ Б. М. Ѳедоровымъ альманахѣ: *Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ*, стрр. 231 и 232, тоже съ помѣтой: „1815“, а отсюда перешло безъ измѣненій въ посмертное изданіе, гдѣ и помѣщено въ т. IX, стр. 325, въ ряду лицейскихъ стихотвореній; поправки къ тексту посмертнаго изданія, внесенныя Пушкинымъ въ музейную рукопись, вѣроятно, въ 1825 году, приняты во вниманіе только въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стрр. 94 и 95; по всему вѣроятію, авторъ не считалъ этихъ немногочисленныхъ исправленій окончательными, почему піеса „Къ живописцу“ и не попала въ изданіе 1826 года.

Музейная рукопись въ основѣ своей содержитъ первоначальную редакцію стихотворенія, которая сравнительно съ позднѣйшею даетъ слѣдующіе *варіанты:*

Строфа I-я, ст. 1-й: Дитя харитъ и *воображенья*
„ II-я, „ 1-й—3-й: Красу невинности *небесной*,
Надежды *робкія* черты,
Улыбку *Душеньки* прелестной...

Копія въ „Духѣ лицейскихъ трубадуровъ“ повторяетъ ту же первоначальную редакцію безъ измѣненій. Она же воспроизведена и въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ*, но притомъ въ строфѣ I-й, ст. 1-мъ, оказывается слѣдующій *варіантъ:*

Дитя харитъ, *воображенья*.

Въ настоящемъ изданіи, какъ и въ изданіи литературнаго фонда, посланіе „Къ живописцу“ напечатано въ позднѣйшей редакціи, то-есть, со включеніемъ въ текстъ всѣхъ поправокъ, находящихся въ музейной рукописи.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 314), допуская, что на творчество Пушкина въ лицейскіе годы оказывали вліяніе не только Жуковскій и Батюшковъ, но иногда и стихотворцы болѣе ранняго временп, между прочимъ за-

мѣтилъ: „Такъ напримѣръ, піеса „Къ живописцу“ написана какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены или Плѣниры“ [1]). Говоря такъ, критикъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду слѣдующее стихотвореніе Державина, сочиненное имъ по случаю вступленія во второй бракъ:

Къ Анжеликѣ Кауфманъ.

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга музъ!
Если въ кисть твою вліянна
Свыше живость, чувство, вкусъ,
И списавъ Данаевъ древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнъ, —
Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце, безотрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,
Я нашелъ бы въ ней обратно
И, плѣнясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

Другое указаніе сдѣлано было Анненковымъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, т. I, стр. 38, и т. II, стр. 94):

---

1) Извѣстно, что Плѣнирой Державинъ называлъ въ стихахъ свою первую жену, а Миленой — вторую.

онъ утверждалъ, что посланіе „Къ живописцу“ есть „только переводъ“ слѣдующаго стихотворенія Парни:

Portrait d'une réligieuse.

Peintre, qu'Hébé soit ton modèle!
Adoucis encor chaque trait;
Donne-leur le charme secret
Qui souvent manque à la plus belle.
Ton pinceau doit emprisonner
Ces cheveux flottants, sous un voile;
Couvre aussi d'une simple toile
Ce front qu'il faudrait couronner.
Cache sous la noire étamine
Un sein parfait dans sa rondeur;
Et si tu voiles sa blancheur,
Que l'œil aisément la devine.
Sur les lèvres mets la candeur,
Et dans ses yeux qu'elle s'allie
A la douce mélancolie
Que donne le tourment du coeur.
Peins nous la tristesse tranquille,
Peins les soupirs du sentiment.
Au bas de ce portrait charmant
J'écrirai le nom de...

Гаевскій ограничиваетъ въ значительной степени сближенія, предложенныя Бѣлинскимъ и Анненковымъ: въ стихотвореніи Державина онъ отмѣчаетъ только четыре стиха (9-й — 12-й), подобные которымъ находятся въ посланіи Пушкина, а относительно піесы Парни говоритъ, что ее нельзя признавать за оригиналъ Пушкинскаго стихотворенія, такъ какъ это послѣднее, „кромѣ главной мысли,... мало имѣетъ съ нею общаго уже потому, что Парни имѣлъ въ виду монахиню“ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 380). Соображенія Гаевскаго представили бы болѣе точности, еслибъ онъ, встрѣтивъ сходныя черты во всѣхъ трехъ стихотвореніяхъ, до-

пустилъ мысль о возможномъ существованіи общаго для нихъ источника. А между тѣмъ таковой находится въ XXVIII-й одѣ Анакреона. Эта ода была усвоена русской литературѣ еще переводомъ Ломоносова, впервые изданнымъ въ 1771 году и послѣ того много разъ перепечатывавшимся (Сочиненія Ломоносова. Изданіе *М. И. Сухомлинова,* т. II, примѣчанія, стрр. 369 — 382), и затѣмъ переводомъ Н. Львова, появившимся въ свѣтъ въ 1794 году. Оба эти перевода были, безъ сомнѣнія, извѣстны Державину, когда онъ въ 1795 году писалъ свое посланіе „Къ Анжеликѣ Кауфманъ“; оно было впервые издано въ 1798 году въ собраніи сочиненій Державина и затѣмъ въ 1804 году повторено въ его „Анакреонтическихъ пѣсняхъ“ (Сочиненія Державина. Изданіе *Я. К. Грота*, т. I, стрр. 662 — 664). Приводимъ здѣсь переводъ Львова, которымъ, безъ сомнѣнія, пользовался и Пушкинъ за невозможностью читать подлинникъ:

Къ своей дѣвушкѣ.

Царь въ художествѣ изящномъ,
Коимъ Родосъ процвѣталъ [1]),
Напиши ты мнѣ въ разлукѣ
Дорогую по словамъ:
Напиши сперва, художникъ,
Нѣжны русые власы;
И когда то воскъ позволитъ,
То представь, чтобы они
Обоняніе прельщали,
Испуская ароматъ;
Чтобъ подъ русыми власами,
Выше полныхъ щекъ ея,
Такъ бѣло, какъ кость слонова,
Возвышалося чело.
Брови черными дугами

1) На островѣ Родосѣ процвѣтала живопись, по видимому, восковая (encaustika).

Кистью смѣлою накинь,
Не разставь ихъ и не сблизи,
Но такъ точно, какъ у ней,
Нечувствительно окончи.
Напиши ея глаза,
Чтобы пламенемъ блистали,
Чтобы ихъ лазурный цвѣтъ
Представлялъ Паллады взоры,
Но чтобъ тутъ же въ нихъ сверкалъ
Страстно-влажный взглядъ Венеры.
Носъ и щеки напиши
Съ розами млекомъ смѣшеннымъ
И привѣтствіемъ уста
Страстный поцѣлуй зовущи;
Чтобъ ея прекрасну грудь
И двойчатый подбородокъ
Облеталъ харитъ соборъ.
Такъ ты ризой пурпуровой
Стройный станъ ея одѣнь,
Чтобъ и тѣ красы сквозили....
Полно!... Вижу я ее:
Скоро, образъ, ты промолвишь.

Самое поверхностное сравненіе этой оды со стихотвореніемъ Державина можетъ доказать, что онъ почерпнулъ изъ нея нѣкоторые образы и мотивы; и въ свою очередь сличеніе Анакреоновой оды съ піесой Парни не оставляетъ сомнѣнія въ заимствованіяхъ французскаго поэта у греческаго лирика. Что же касается Пушкина, его посланіе „Къ живописцу“ можетъ быть сопоставляемо со стихотвореніемъ Державина только по сходству главной мысли, а по отдѣльнымъ подробностямъ это посланіе всего ближе примыкаетъ къ стихотворенію Парни, хотя переводомъ его отнюдь не можетъ быть названо; наиболѣе сходства представляютъ III-я и IV-я строфы, при чемъ однако строфа IV-я, какъ соотвѣтствующія ей строки въ піесѣ Парни, воспроизводитъ мотивъ, встрѣчающійся еще у Анакреона. Не оригина-

ленъ основной мотивъ и въ V-й строфѣ посланія „Къ живописцу“, но Пушкинъ, заимствуя его у Парни, искусно дополняетъ его оригинальными чертами; судя по отмѣткѣ на музейной рукописи, авторъ цѣнилъ эту послѣднюю строфу піесы и въ послѣдствіи, когда намѣревался подвергнуть посланіе переработкѣ.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Гаевскимъ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 380), видно, что посланіе „Къ живописцу“, подобно романсу „Слеза“, имѣетъ реальную основу: оно относится къ той же „дѣвицѣ“, о которой говорится и въ „Слезѣ“; одновременно съ Пушкинымъ въ нее влюблены были Пущинъ и Илличевскій; Илличевскій, занимавшійся рисованіемъ, и есть тотъ живописецъ, къ которому обращено посланіе Пушкина; онъ тоже посвятилъ предмету своей любви посланіе, стоящее въ связи со стихотвореніемъ его пріятеля:

Отъ живописца.

Всечасно мысль тобой питая,
Хотѣлось мнѣ въ мечтѣ
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холстѣ:
Харитъ и нимфъ въ лицѣ прекрасной
Я собралъ всѣ черты,
Сравнилъ съ тобою... Трудъ напрасный!
Сто кратъ прелестнѣй ты.

Хотѣлъ писать тебя царицей:
Блистаетъ образъ твой
Въ златомъ вѣнцѣ подъ багряницей
Елены красотой.
Любуяся на трудъ завѣтный,
Горжусь въ восторгѣ имъ;
Сравнилъ съ тобой... Усилья тщетны!
Ты божество предъ нимъ.

Нѣтъ, видно, мысль одна дерзаетъ
Постичь красу твою:

Предъ совершенствомъ повергаетъ
Искусство кисть свою.
Амуръ всего удачнѣй пишетъ
Въ сердцахъ твой милый видъ,
А страсть, какой влюбленный дышетъ,
На вѣкъ его хранитъ.

Стихотвореніе это включено въ принадлежащій Т. Б. Сѣмечкиной рукописный сборникъ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 53 и 54, а напечатано въ статьѣ Гаевскаго въ *Современникѣ* 1863 г., т. XCVII, стрр. 381 и 382.

По преданію, идущему отъ лицейскихъ товарищей Пушкина, извѣстно, что его посланіе „Къ живописцу“ было положено на музыку лицеистомъ М. Л. Яковлевымъ и часто распѣвалось хоромъ въ лицейскомъ кружкѣ (Сочиненія Пушкина, изданіе *Анненкова*, т. I, стр. 38, и т. II, стр. 94).

— (**Стр. III, ст. 3**). Альбанъ (Francesco Albani, род. въ 1578 г., ум. въ 1660) — извѣстный живописецъ Болонской школы, ученикъ Каррачей и Гвидо Рени; произведенія его, изъ коихъ многія написаны на миѳологическіе сюжеты, отличаются граціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и манерностью; въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX они были очень цѣнимы и считались образцовыми.

XX.

РОЗА.

(Стр. 139).

Это стихотвореніе сохранилось въ автографѣ въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 2, съ позднѣйшими помѣтами: „не надо“ и „18 марта“; сверхъ того, по свидѣтельству И. П. Хрущова, копія того же стихотворенія

находилась въ рукописной лицейской тетради, принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину. — Впервые піеса напечатана въ изданіи 1826 г., стр. 107, а затѣмъ повторена безъ измѣненій изданіемъ 1829 г., ч. II, стр. 152.

Въ музейной рукописи стт. 6-й — 9-й сопровождаются позднѣйшими поправками; первоначальный видъ ихъ представляетъ слѣдующіе *варіанты:*

«Вотъ *жизни* младость!»
Не *повтори:*
«Такъ *вянетъ* радость!»
Въ душѣ скажи...

Въ изданіяхъ 1826 и 1829 годовъ время написанія піесы не означено; но, начиная съ изданія Анненкова, она всегда была относима къ 1815 году. Помѣта „18 марта“, по всему вѣроятію, должна быть пріурочена къ 1825 году: именно весною этого года Пушкинъ, какъ видно изъ его писемъ, занимался пересмотромъ и исправленіемъ своихъ лицейскихъ стихотвореній, имѣя въ виду включить нѣкоторыя изъ нихъ въ отдѣльное изданіе своихъ лирическихъ піесъ. Изъ стихотвореній 1815 года Пушкинъ призналъ достойными печати четыре, и въ числѣ ихъ, не смотря на помѣту въ музейной рукописи: „не надо“, оказалась „Роза“. Стихотвореніе это дѣйствительно замѣчательно, какъ по своей изящной формѣ, такъ и по тому мастерству, съ какимъ авторъ воспользовался символическими образами такъ-называемаго „языка цвѣтовъ“.

Какъ извѣстно, и роза, и лилія пользовались въ быту древнихъ грековъ и римлянъ широкимъ распространеніемъ и употребленіемъ, а о происхожденіи и особенностяхъ этихъ цвѣтовъ разсказывались различныя преданія: то говорили, что розу создала Афродита изъ крови своего возлюбленнаго Адониса, то будто бы кровь самой

богини окрасила бѣлую розу, когда Афродита наколола себѣ ногу, бросившись чрезъ розовый кустъ къ трупу Адониса; про лилію разсказывалось, что она произошла изъ молока Геры, кормившей Геракла грудью во снѣ; съ Афродитой лилія поспорила изъ-за своей не запятнанной бѣлизны, и богиня, желая смутить этотъ цѣломудренный цвѣтокъ, вставила въ него желтый пестикъ, напоминающій разъяреннаго осла. Роза, какъ посвященная Афродитѣ, являлась у грековъ символомъ любви и плодородія въ природѣ, а лилія служила символомъ чистоты и непорочности. Символическій смыслъ сохранялся за этими цвѣтами и въ средніе вѣка — въ христіанской иконографіи и поэзіи. Пресвятая Дѣва, въ своей кроткой красотѣ, сравнивалась съ розой, а въ лиліи видѣли выраженіе небесной чистоты, и въ изображеніяхъ Благовѣщенія архангелъ Гавріилъ являлся съ лиліей въ рукѣ, при чемъ (и это очень характерно) въ чашечкѣ цвѣтка не оказывалось тычинки (*V. Hehn.* Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa. Dritte, verbesserte Auflage. Berlin. 1877. Ss. 214 — 223; Сочиненія В. П. Боткина, т. II. С.-Пб. 1893, стрр. 325 — 335: „Объ употребленіи розы у древнихъ“). Со временъ Возрожденія, съ развитіемъ отвлеченной мысли, мало по малу стало утрачиваться живое пониманіе символическихъ образовъ, но ихъ продолжали употреблять въ поэзіи и пластическихъ искусствахъ и для удобства пользованія даже соединяли въ особые сборники символовъ и эмблемъ, въ которыхъ древнія представленія языческія и христіанскія безотчетно и безсмысленно смѣшивались съ личными измышленіями составителей. Такіе сборники были въ большомъ ходу въ періодъ псевдоклассицизма, искусственности котораго они такъ вѣрно соотвѣтствовали. Здѣсь, справедливо говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, — „все

прошедшее было принято за условную фразу, которой философы и поэты XVIII столѣтія думали дать настоящій смыслъ, общій всѣмъ вѣкамъ и отвлеченный отъ всякой примѣси историческихъ и мѣстныхъ условій. Не смотря на то, фраза оставалась фразой, и высокопарная мысль слагателя торжественной оды укладывалась въ вычурную форму символовъ и эмблемъ" (*Буслаевъ*. Мои досуги. Москва. 1886, ч. II, стр. 82: „Иллюстрація сочиненій Державина"). Юному Пушкину, безъ сомнѣнія, были извѣстны подобные сборники русскіе и иностранные [1]), но если даже онъ и не зналъ ихъ, въ хорошо знакомой ему литературѣ французскаго псевдоклассицизма онъ долженъ былъ встрѣчать многочисленные образы того манернаго, „игрушечнаго" поэтическаго стиля, который нуждался въ пособіи этой сухой книжной символики, между прочимъ породившей въ литературѣ сборники подъ заглавіемъ: „Le langage des fleurs". Однако самъ поэтъ заплатилъ этому направленію лишь очень малую дань даже въ произведеніяхъ своей лицейской поры. Въ разсматриваемомъ стихотвореніи розѣ и лиліи придано символическое значеніе въ указанномъ выше античномъ смыслѣ, но противоположеніе между двумя цвѣтками проведено такъ осторожно и тонко, безъ всякаго намѣренія вызвать нравоучительное заключеніе, что піеса не представляетъ никакой печати искусственности и является подобіемъ наивной народной пѣсни. Этому способствуетъ и самый размѣръ піесы (соединеніе дактиля съ хореемъ). Л. И. Поливановъ, указавъ, что еще въ 1812 году Пушкинъ написалъ тѣмъ же размѣромъ стихотвореніе

1) Первый русскій сборникъ „Символовъ и эмблемъ" былъ изданъ еще въ началѣ XVIII вѣка; въ 1788 году онъ появился въ переработанномъ и дополненномъ видѣ трудами Н. М. Амбодика, подъ заглавіемъ: „Избранные эмблемы и символы. Selecta emblemata et symbola", на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Въ 1811 году понадобилось новое изданіе этой книги.

„Измѣны“, справедливо замѣчаетъ: „Въ стихотвореніи „Роза“ еще болѣе выступаетъ артистическая манера отрока Пушкина, умѣвшаго и этому вихрю звуковъ порою придать гласными конечнаго хорея оттѣнокъ той нѣги, которая подъ искуснымъ смычкомъ звучитъ въ мотивахъ вальса“ (Сочиненія Пушкина, 2-е изданіе *Поливанова*, т. I, стр. 32).

XXI.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. И. ГАЛИЧУ.

(Стр. 140 — 144).

Это стихотвореніе не извѣстно намъ въ рукописяхъ, но П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, т. II, стр. 91) видѣлъ его рукописный текстъ въ лицейской тетради М. А. Корфа, оставшейся намъ недоступною. — Впервые посланіе напечатано въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. IV, №№ 10 и 11, стрр. 3 — 7, съ подписью *1.... 16 — 14*, а оттуда перешло безъ перемѣнъ въ изданіе *Анненкова*, т. II, стрр. 53 — 57.

Такъ какъ это второе „Посланіе къ Галичу“ появилось въ журналѣ еще осенью 1815 года, всего два мѣсяца спустя по напечатаніи перваго посланія къ тому же лицу, то можно навѣрное сказать, что и написано оно было незадолго передъ тѣмъ, то-есть, въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцахъ.

Быстрое оглашеніе обоихъ посланій къ Галичу въ печати представляетъ фактъ довольно знаменательный для ихъ автора, особенно если мы сопоставимъ эти стихотворенія съ написаннымъ имъ въ томъ же 1815 году, но долго не попадавшемъ въ печать посланіемъ „Моему Аристарху“, то-есть, профессору Кошанскому, котораго Галичъ временно замѣщалъ; слѣдуетъ думать, что Пуш-

кину хотѣлось публично выразить сочувствіе любимому преподавателю, только что покинувшему лицей, и быть можетъ, тѣмъ косвенно уколоть Кошанскаго, который — какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ — относился къ своему геніальному ученику не совсѣмъ благосклонно. Какъ бы то ни было, по своему содержанію эта піеса является какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ къ стихотворенію, напечатанному выше на стрр. 131 — 133 текста, съ тою лишь особенностью, что въ этомъ второмъ посланіи къ Галичу „авторъ“, по вѣрному выраженію Анненкова, — „обрисовываетъ самую личность послѣдняго, и притомъ съ особеннымъ расположеніемъ и участіемъ къ ней“. Эта мастерская характеристика талантливаго, но нѣсколько безпутнаго философа — одинъ изъ первыхъ подобныхъ очерковъ, въ безчисленномъ количествѣ разсѣянныхъ въ произведеніяхъ Пушкина.

Я. К. Гротъ (Пушкинъ и пр., стр. 20), комментируя разсматриваемое стихотвореніе, замѣтилъ: „Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ“. Дѣйствительно, Пушкинъ называетъ его „парнасскимъ бродягой“, своимъ „сосѣдомъ на Пиндѣ“ (стт. 9-й и 10-й) и наконецъ прямо „поэтомъ“ (ст. 52-й); на самомъ дѣлѣ не извѣстно никакихъ поэтическихъ произведеній Галича, и весьма вѣроятно, что словамъ Пушкина слѣдуетъ придавать нѣсколько иной смыслъ. Дѣло въ томъ, что Галичъ, кромѣ тонко развитого эстетическаго чувства, обладалъ еще даромъ оригинальнаго изложенія, обнаруживавшимся какъ въ его оживленной бесѣдѣ, такъ и въ его печатныхъ сочиненіяхъ. Одно изъ нихъ, психологическая монографія подъ заглавіемъ: „Картина человѣка“ (С.-Пб. 1834), было представлено авторомъ на Демидовскую премію, и Академія наукъ признала его за „плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій“ и заявила, что „во

уваженіе большой общеполезности сочиненія Галича и удачно во всѣхъ отношеніяхъ избранной и обработанной имъ матеріи она не преминула бы опредѣлить автору полную премію, если бы онъ умѣлъ только лучше согласовать внѣшнюю форму съ достоинствомъ своего предмета". Только по этой причинѣ авторъ получилъ премію въ половинномъ размѣрѣ (Отчетъ Академіи наукъ о четвертомъ присужденіи Демидовскихъ премій, стр. 18). „Начертывая картину человѣка", говоритъ по этому поводу біографъ философа А. В. Никитенко (Александръ Ивановичъ Галичъ, стрр. 84 и 85), — „Галичъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не могъ преодолѣть своей врожденной наклонности къ ироніи и юмору. Что онъ способенъ былъ и умѣлъ поставить себя въ приличное и благоговѣйное отношеніе ко всѣмъ великимъ предметамъ и изображать ихъ даже съ одушевленіемъ глубокаго поэтическаго чувства, это доказываютъ уже тѣ мѣста въ „Картинѣ человѣка", гдѣ онъ, напримѣръ, говоритъ о нравственной свободѣ, о геніи, о характерѣ, объ эстетическомъ и религіозномъ чувствѣ и проч. Но спускаясь въ низменную сферу текущихъ дѣлъ человѣческихъ, онъ не могъ воздержаться отъ насмѣшливой улыбки при видѣ зрѣлища, гдѣ человѣкъ дѣйствительно бываетъ очень забавенъ и впадаетъ истинно въ комическія положенія, то играя въ маленькія страсти, то гоняясь на шумной ловлѣ за житейскими благами... Академія поступила даже снисходительно, простивъ Галичу частыя нарушенія строгихъ дидактическихъ обычаевъ и наклонность къ поэтическимъ образамъ". Нѣтъ сомнѣнія, что именно эта присущая Галичу способность живого пониманія и нагляднаго изображенія самыхъ отвлеченныхъ предметовъ, способность, столь рѣдкая въ тѣ времена педантическаго знанія, особенно нравилась Пушкину, и что за нее-то онъ и породнилъ Галича съ поэтами.

Отчетливо сохраняя типъ „дружескихъ посланій“, разсматриваемое стихотвореніе, подобно предшествующему, содержитъ въ себѣ указанія на реальныя черты изъ быта автора и его ближайшихъ лицейскихъ пріятелей; такъ, въ стт. 125-мъ — 128-мъ упоминается Дельвигъ, у котораго между лицейскими стихами есть дѣйствительно баллада „Полякъ“ и нѣсколько куплетовъ, воспѣвающихъ „Хату“ Лилеты [1]), а въ стт. 131-мъ — 133-мъ можно узнать „остряка“ Илличевскаго и „пѣсельника“ Яковлева; объ эпиграммахъ перваго и пѣніи второго уже было упомянуто въ объясненіяхъ къ „Пирующимъ студентамъ“ (см. выше примѣчанія, стрр. 63 и 65). Равнымъ образомъ, описаніе лицейскихъ пирушекъ уже знакомо намъ по нѣсколькимъ стихотвореніямъ Пушкина, относящимся къ 1814 и 1815 годамъ.

— (**Стр. 140, ст. 18**). Комъ — у позднѣйшихъ грековъ богъ веселаго пира, представляемый въ видѣ крылатаго юноши, котораго сопровождаютъ Силенъ и Эротъ.

— (**Стр. 143, ст. 111**). Безрифминъ — прозваніе без-

1) Стихотвореніе Дельвига „Хата“ было напечатано въ III-й части *Россійскаго Музеума* 1815 года, то-есть, одновременно съ появленіемъ тамъ посланій Пушкина къ Галичу; что же касается баллады „Полякъ“, она была напечатана только въ 1864 году въ *Русскомъ Архивѣ* и въ послѣднемъ изданіи сочиненій Дельвига (С.-Пб. 1893) отнесена къ 1816 году на основаніи письма Илличевскаго отъ 28-го февраля этого года (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 68); но свидѣтельство Илличевскаго не имѣетъ опредѣленнаго значенія, тогда какъ показаніе Пушкина представляетъ смыслъ вполнѣ категорическій; къ тому же „Полякъ“ — единственная баллада, написанная Дельвигомъ. Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что Гаевскій въ статьѣ о Дельвигѣ (*Современникъ* 1853 г., т. XXXVII, стр. 81) относитъ слова Пушкина: „лиліи куплетъ“ не къ піесѣ „Хата“, а къ стихотворенію Дельвига „Лилея“, напечатанному въ I-ой части *Россійскаго Музеума* 1815 года; въ первой строфѣ этого стихотворенія дѣйствительно упоминается о цвѣткѣ лиліи, но лишь вскользь, почему данное піесѣ названіе представляется непонятнымъ; перепечатывая впослѣдствіи означенную піесу, авторъ самъ, по видимому, замѣтилъ эту странность, почему и уничтожилъ упомянутую строфу, а стихотвореніе озаглавилъ „Къ Дорицѣ“.

дарнаго писателя, введенное въ употребленіе Батюшковымъ, который относилъ его, вѣроятно, къ С. С. Боброву и П. Ю. Львову: первый много писалъ бѣлыми стихами, а второй печаталъ элегіи въ прозѣ (см. Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. II, стрр. 8, 33, 306).

XXII.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(Стр. 145 и 146).

Рукописей этого посланія намъ не извѣстно, но, по свидѣтельству И. П. Хрущова, она находилась въ принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину рукописи 1817 года. —

Въ рукописи Матюшкина, въ послѣднемъ стихѣ былъ слѣдующій *варіантъ*:

Уснулъ... *Ершовой* на грудяхъ.

Впервые оно появилось въ печати въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 267 и 268, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній, и только въ изданіи 1880 года, т. I, стрр. 267 и 268, время его сочиненія опредѣлено 1815 годомъ, впрочемъ безъ объясненія причинъ.

Посланіе обращено къ князю Александру Михайловичу Горчакову, будущему государственному канцлеру, который принадлежалъ къ числу лицейскихъ товарищей Пушкина и умеръ въ 1883 году послѣднимъ лицеистомъ перваго выпуска; онъ былъ именинникомъ 30-го августа, въ день св. Александра Невскаго, который и упоминается въ этой піесѣ (ст. 31-й): къ именинамъ князя она и написана. Въ годы совмѣстнаго ученья Пушкинъ и Горчаковъ находились въ довольно близкихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; кромѣ этого посланія, Пушкинъ въ лицеѣ же написалъ къ князю еще другое,

относящееся къ 1816 году (см. выше текстъ, стрр. 186 — 188); сверхъ того, есть обращеніе къ Горчакову въ одной изъ піесъ, посвященныхъ Пушкинымъ лицейскимъ годовщинамъ (1825 года). По замѣчанію Я. К. Грота (Пушкинъ и пр., стрр. 15 и 16), „въ этомъ товарищѣ-аристократѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію обѣщалъ много въ будущемъ“. Со своей стороны, по словамъ того же свидѣтеля, „князь Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища“.

Справедливо замѣчаетъ Поливановъ (см. его 2-е изданіе сочиненій Пушкина, т. I, стр. 29), что Пушкинъ во вступленіи къ этому посланію, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ піесахъ лицейскаго періода, „противополагаетъ *свой складъ* громкимъ стихамъ важныхъ поэтовъ“. Стихотвореніе дѣйствительно написано въ тонѣ изящной гораціанской простоты и въ духѣ поэтическаго эпикуреизма, главнымъ представителемъ котораго считался у насъ въ то время Батюшковъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать вѣрнымъ замѣчаніе Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 318), что въ разсматриваемой піесѣ обнаруживается вліяніе сейчасъ названнаго поэта.

XXIII.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(Стр. 147 — 150).

Стихотвореніе это находится въ рукописи Московск. Публ. музея № 2364, лл. 29 — 31, съ помѣтой въ началѣ: „1815“ и другою въ концѣ: „10-го марта 1817 (переписано)“, а также съ позднѣйшими поправками. — Впервые

это посланіе напечатано въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 101 — 104, но не вполнѣ точно и съ пропускомъ стт. 43-го — 64-го, при чемъ отнесено къ 1816 году; въ томъ же видѣ посланіе повторено въ изданіяхъ 1859, 1870, 1880 и 1882 годовъ, и притомъ въ двухъ послѣднихъ, на основаніи соображеній В. П. Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 394), отнесено къ 1817 году. Допущенный Анненковымъ пропускъ возстановленъ, а ошибки перваго изданія исправлены В. Е. Якушкинымъ по музейной рукописи въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLI, стрр. 435 и 436; въ полномъ же видѣ и съ отнесеніемъ къ 1815 году посланіе явилось въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стрр. 106 — 109, но и здѣсь не всѣ находящіяся въ рукописи поправки приняты во вниманіе.

Въ настоящемъ изданіи посланіе „Моему Аристарху“ печатается по вышеупомянутой музейной рукописи со введеніемъ въ текстъ всѣхъ вписанныхъ въ нее позднѣйшихъ поправокъ, а здѣсь сообщаются соотвѣтствующіе исправленнымъ стихамъ первоначальные *варіанты:*

Стт. 6-й— 9-й: Не для *безсмертія они*
На свѣтъ небрежно рождены,
Но *право*, для *меня*, для друга
Или для *Хлои* молодой.

„ 11-й — 13-й: Не нужны мнѣ *твои* уроки...

„ 21-й, 22-й: *Пустыя* часто восклицанья
И сряду плоскихъ три стиха.

„ 24-й: *Нельзя ли* скромно привести?

„ 27-й: Не думай, цензоръ мой *ужасной*, ...

„ 29-й — 31-й: *Окованъ* стихотворной думой,
Покоемъ жертвую стихамъ,
Что, *бѣгая по всѣмъ угламъ*,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовымъ жрецамъ

Сверкаю грозными очами,
И, засвѣтивъ *потомъ* лампаду...
Стт. 33-й: За *шаткій* столъ кряхтя засяду.
„ 39-й: Служитель *отставной* Пегаса...
„ 45-й: И *пьстъ, и пить* найду я время.
Послѣ ст. 48-го: *Я мигомъ трудъ окончу свой.*
Стт. 56-й, 57-й: Моими *рѣзвыми* стихами.
Но *ежели* когда-нибудь...
„ 77-й: И въ простотѣ, безъ *принужденья*...
„ 94-й: *Анакреонъ*, Шольё, Парни...
„ 100-й: *И мнѣ готовятся* вѣнцы.
„ 106-й: *И милыхъ грацій* перстъ игривый...
„ 109-й: *Веселій, смѣховъ* рой шутливый...
„ 114-й: *Смири жестокій* вкуса гнѣвъ.

Это стихотвореніе, при подготовленіи къ печати посмертнаго изданія, подверглось той же участи, что̀ „Посланіе къ Юдину“: оба они не были включены въ дополнительные томы по причинамъ, которыя остаются неизвѣстными; вслѣдствіе того первымъ издателемъ посланія „Моему Аристарху“ оказался въ 1855 году П. В. Анненковъ. Выше было уже замѣчено, что при печатаніи піесы имъ сдѣланъ былъ большой пропускъ; Анненковъ объяснялъ его (т. II, стр. 148) неразборчивостью оригинала и многочисленными въ немъ помарками автора; но мы принуждены значительно смягчить это показаніе: посланіе „Моему Аристарху“ читается въ музейной рукописи, которую пользовался Анненковъ, безъ затрудненій, а количество позднѣйшихъ авторскихъ исправленій въ этомъ текстѣ не можетъ быть названо особенно обильнымъ, какъ о томъ можно судить по варіантамъ, приведеннымъ нами изъ той же рукописи. Здѣсь же кстати будетъ упомянуть еще объ одной ошибкѣ, допущенной Анненковымъ въ примѣчаніи къ разсматриваемому посланію: онъ полагалъ, что стихотвореніе обращено къ

Дельвигу и на этомъ основаніи приписывалъ послѣднему особенное „участіе въ поэтическомъ образованіи“ Пушкина. Произвольная догадка Анненкова была въ свое время опровергнута Гаевскимъ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 394). Въ общемъ однако сужденіе о посланіи „Моему Аристарху“, высказанное первымъ его издателемъ, можетъ быть признано вѣрнымъ. „Мы указываемъ на него“, говоритъ Анненковъ, — „какъ на біографическій матеріалъ. Взглядъ автора на свое дарованіе, обычныя, любимыя его чтенія, образцы, взятые имъ для себя,.... выражаются очень ясно“. Болѣе подробное разсмотрѣніе этой піесы можетъ служить къ подтвержденію справедливости только что приведенныхъ замѣчаній.

Посланіе „Моему Аристарху“ по своему содержанію имѣетъ преимущественно литературный характеръ. Между тѣмъ какъ остальныя юношескія произведенія Пушкина въ томъ же родѣ касаются очень разнообразныхъ предметовъ и содержатъ въ себѣ то воспоминанія о жизни въ родномъ домѣ до поступленія въ лицей, то описанія „кельи“ лицеиста и товарищескихъ сходокъ, то мечтанія о невѣдомой еще любви, о военной службѣ и вообще о будущемъ устройствѣ своего быта, посланіе „Моему Аристарху“ посвящено исключительно интересамъ литературнымъ: авторъ говоритъ о способѣ своихъ занятій словесностью, о свободѣ, которая представляется ему непремѣннымъ условіемъ для успѣховъ творчества, объ усвоенныхъ уже имъ привычкахъ въ этомъ отношеніи и даже сознается въ своихъ писательскихъ провинностяхъ, въ недостаткѣ строгости къ самому себѣ; посланіе является какъ бы литературною исповѣдью молодого поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ его самооправданіемъ или самозащитой. Такой характеръ стихотворенія объясняется самою личностью того, къ кому оно обращено.

„Аристархъ“, съ которымъ бесѣдуетъ Пушкинъ,

это — профессоръ русскаго и латинскаго языка и словесности въ лицеѣ Николай Ѳедоровичъ Кошанскій (род. въ 1781 году, ум. въ 1831). Въ памяти позднѣйшихъ поколѣній сохранилось его имя главнымъ образомъ какъ составителя учебниковъ по латинскому языку, классическимъ древностямъ и словесности; учебники эти очень уважались въ свое время, и нѣкоторые изъ нихъ выдержали много изданій, пока не были замѣнены новыми, и пока не было отвергнуто самое преподаваніе риторики. Въ тридцатыхъ годахъ уже много потѣшались надъ учебникомъ риторики Кошанскаго, а въ 1845 году Бѣлинскій напечаталъ (въ *Отечественныхъ Запискахъ*, т. XXXVIII; ср. Сочиненія Бѣлинскаго, т. X) разборъ шестого изданія этой книги, окончательно уронившій ея авторитетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать ни о полной несостоятельности автора какъ преподавателя, ни о совершенномъ ничтожествѣ составленныхъ имъ учебныхъ книгъ для своего времени. Кошанскій былъ хорошій классикъ, основательно знакомый съ древними языками, литературами и вообще всѣмъ тѣмъ кругомъ знаній, который въ старину разумѣлся подъ названіемъ humaniora и полагался въ основу всякаго ученія. Чтобы служить дѣлу классическаго образованія, котораго онъ былъ энтузіастомъ, Кошанскій былъ подготовленъ не только усиленнымъ трудомъ на школьной скамьѣ, но и усердными самостоятельными занятіями въ молодые годы. Питомецъ Московскаго университета, онъ пользовался особымъ покровительствомъ его попечителя М. Н. Муравьева, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени, и былъ имъ предназначенъ къ посылкѣ за границу, главнымъ образомъ въ Италію, для приготовленія себя къ каѳедрѣ археологіи и изящныхъ искусствъ; но война 1805 года помѣшала этой поѣздкѣ, и въ замѣнъ ея Кошанскій былъ оставленъ на годъ въ Петербургѣ, чтобъ изучать древ-

ности Эрмитажа и заниматься въ Академіи художествъ. Этимъ временемъ онъ воспользовался также для составленія докторской диссертаціи, темою которой избралъ миѳъ о Пандорѣ. Въ началѣ 1807 года онъ защитилъ ее въ Москвѣ, но послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Муравьева остановила назначеніе Кошанскаго на университетскую каѳедру, и ему пришлось ограничиться преподаваніемъ въ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ профессорской должности въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Согласно постановленію о вновь основываемомъ заведеніи, питомцамъ его предполагалось давать по преимуществу гуманное образованіе, особливо въ младшемъ курсѣ (все лицейское ученіе было раздѣлено на два курса, по три года каждый). Кошанскій былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ человѣкомъ для такого дѣла: по латыни онъ занималъ учениковъ младшаго курса грамматикой и легкими переводами, а по русскому языку и словесности — изученіемъ отрывковъ изъ образцовыхъ писателей и ихъ разборомъ, началами риторики и упражненіями въ сочиненіи прозы и даже стиховъ. Въ то время Кошанскій еще не составилъ своего учебника риторики, и его преподаваніе имѣло по преимуществу практическій характеръ. По замѣчанію Я. К. Грота (Пушкинъ и пр., стр. 33), „Кошанскій всегда считалъ умѣнье писать самою существенною стороной литературнаго образованія“. Онъ умѣлъ возбуждать вниманіе и самодѣятельность своихъ учениковъ, то задавая темы для ихъ сочиненій, то предоставляя самимъ учащимся придумывать ихъ и всегда требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. „По временамъ“, разсказываетъ Гротъ (тамъ же, стр. 43), — „онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ, и потомъ читалъ наши опыты въ слухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, ко-

торому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его учебникѣ: попытки учащихся, по его словамъ, „не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде* что̀ хорошо и почему, а *послѣ* показываетъ, что̀ должно быть иначе и *какимъ образомъ*“. Воспоминаніе Грота относится къ исходу двадцатыхъ годовъ, когда Кошанскій обладалъ уже большою педагогическою опытностью; но очевидно, то же происходило на урокахъ его и за полтора десятка лѣтъ раньше, во времена Пушкина. Выше (примѣчанія, стр. 4) былъ приведенъ разсказъ И. И. Пущина о томъ, какъ Кошанскій, въ началѣ 1812 года, привѣтствовалъ первые литературные опыты Пушкина; сохранился и обращикъ тѣхъ исправленій, которыя преподаватель дѣлалъ на стихотворныхъ упражненіяхъ своихъ учениковъ. „До насъ дошло“, сообщаетъ В. П. Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 133),— „не изданное стихотвореніе Илличевскаго „Освобожденіе Бѣлграда“, съ отмѣтками и поправками Кошанскаго. Онѣ показываютъ, какъ, сообразно съ духомъ времени, поощрялась напыщенность и ходульность, и порицалась простота, считавшаяся низкою, и свидѣтельствуютъ между прочимъ, съ какою ревностью на первыхъ порахъ Кошанскій занимался своимъ дѣломъ. Жаль, что вкусъ педагога далеко не равнялся его усердію. Вѣруя въ непогрѣшимость правилъ, предписывавшихъ поэту парить, а прозаику течь, Кошанскій требовалъ того же отъ своихъ учениковъ, и въ одѣ Илличевскаго замѣнилъ выраженія: *двѣнадцать дней*, *колодцы выкопавъ*, *напрасно*, *площади*, *говоритъ*, по его мнѣнію, болѣе эпическими: *двѣнадцать кратъ*, *изрывши кладези*, *тщетно*, *шумные стогны*, *въщаетъ* и т. п. Кошанскому особенно понравилась слѣдующая строфа, возлѣ которой онъ приписалъ: „Вотъ поэзія! Прекрасно!“

Спускалось солнце; день ужь къ вечеру клонился;
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ толпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобный вечера осенняя шуму волнъ.

О томъ, какъ исправлялъ Кошанскій стихи, можно судить по слѣдующей строфѣ:

Уныло граждане другъ на̀ друга смотрѣли,
Что̀ въ крайности такой имъ было предпринять;
Въ отчаяньи врата отверзть врагу хотѣли
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Противъ послѣдняго стиха Кошанскій отмѣтилъ: „Le plus beau vers“, а остальное исправилъ такъ:

Упыло граждане *съ высокихъ стѣнъ взирали*,
Колеблясь мыслями, что̀ въ *бѣдствахъ* предпринять;
Уже врагу отверзть врата они *желали*
И, преклоня главу, о жизни умолять».

Эти исправленія наглядно представляютъ намъ, какъ учебные пріемы Кошанскаго, такъ и слабыя стороны въ его литературныхъ понятіяхъ и преподаваніи. Быть можетъ, онъ и не въ такой степени лишенъ былъ вкуса, какъ полагаетъ Гаевскій; изданная имъ книга „Цвѣты греческой поэзіи“ (Москва. 1811), въ которой помѣщены, въ подлинникѣ съ комментаріемъ и въ переводѣ, произведенія Біона и Мосха и переводы отрывка изъ Софокловой трагедіи „Клитемнестра“ и эпизода о Навсикаѣ изъ VI-й пѣсни „Одиссеи“, — можетъ служить доказательствомъ, что ему не совсѣмъ чуждо было пониманіе красотъ античнаго творчества[1]). Но Кошанскій не въ состояніи

1) Любопытно, что издатель предназначалъ свою книгу не для спеціалистовъ, а для всѣхъ образованныхъ читателей и даже читательницъ; и дѣйствительно, его сборникомъ пользовались между прочимъ Батюшковъ (см. Сочиненія, т. I, стр. 353) и позже Пушкинъ; послѣдній заимствовалъ отсюда въ 1821 году идиллію Мосха „Земля и море“, да и ранѣе того, еще въ лицеѣ, могъ познакомиться изъ этого источника съ „цвѣтами греческой поэзіи“, подобно тому какъ по переводу Н. А. Львова узналъ онъ Анакреона.

былъ возвыситься надъ устарѣлыми школьными привычками и предразсудками, надъ тѣми натянутыми и искусственными толкованіями, какимъ подвергалась древность въ періодъ псевдоклассицизма, и переносилъ ихъ въ собственное преподаваніе. А между тѣмъ онъ не желалъ, чтобъ его считали старомоднымъ педантомъ и изъ опасенія прослыть имъ старался даже усвоить себѣ тонъ и привычки свѣтскаго человѣка. М. А. Корфъ, въ своихъ лицейскихъ воспоминаніяхъ (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 226), говоритъ, что, Кошанскій „былъ родъ жеманнаго и чопорнаго франта, ревностно ухаживавшаго за прекраснымъ поломъ, любившій говорить по французски, впрочемъ довольно смѣшно, и обращавшійся къ намъ всегда со словомъ: „messieurs", которое онъ выговаривалъ *месьёсъ*". Кошанскій любилъ посѣщать свѣтское общество; поселившись въ Царскомъ Селѣ, онъ сдѣлался частымъ гостемъ у тамошняго коменданта графа Ф. П. Ожаровскаго, жившаго очень открыто, и ухаживалъ за его женой; племянница М. Н. Муравьева и дочь И. М. Муравьева-Апостола, графиня Елизавета Ивановна была хороша собою и отличалась прекраснымъ образованіемъ, полученнымъ въ Парижѣ (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 34; Сочиненія Батюшкова, т. III, стрр. 77, 78, 294 и 634); въ сентябрѣ 1814 года она умерла въ цвѣтѣ молодости и красоты, и Кошанскій поспѣшилъ оплакать ея кончину въ высокопарной элегіи (*Вѣстникъ Европы* 1814 г., № 23); писаніе стиховъ—къ сожалѣнію, всегда плохихъ—тоже было одною изъ его слабостей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Кошанскій поощрялъ первые опыты какъ Пушкина, такъ и другихъ лицейскихъ стихотворцевъ: это входило въ его учебную программу. По словамъ лицеиста С. Д. Комовскаго, „Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго при-

писывать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріей отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ, но къ послѣдней не успѣлъ возбудить въ немъ такой страсти, какъ въ Дельвигѣ". Другой лицеистъ, М. Л. Яковлевъ, отвергаетъ эти показанія, а третій, М. А. Корфъ, утверждаетъ даже, что „и Пушкина, и другихъ Кошанскій жестоко преслѣдовалъ за охоту писать стихи и за всякую попытку въ этомъ родѣ, кажется, немножко и изъ зависти, потому что самъ кропалъ вирши". Но Я. К. Гротъ сомнѣвается въ справедливости Корфова извѣстія, и въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого повода считать его вѣроятнымъ по крайней мѣрѣ для первыхъ годовъ пребыванія Пушкина въ лицеѣ. Въ ноябрѣ 1812 года Кошанскій далъ слѣдующій отзывъ о своемъ геніальномъ ученикѣ: „Больше имѣетъ понятливости, нежели памяти; больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны". „Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина", говоритъ Гротъ, сообщая вышеприведенныя строки, — „то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ" (Пушкинъ и пр., стрр. 21, 219, 220 и 226). Прибавимъ со своей стороны, что отзывъ Кошанскаго не только справедливъ, но и очень благопріятенъ для Пушкина. Такъ однако было лишь до поры, до времени. Мало по малу между профессоромъ и его способнѣйшими учениками стали возникать недоразумѣнія, и въ концѣ концовъ сложились отношенія недружелюбныя. Не будемъ разыскивать ихъ причину — была ли то зависть со сто-

роны преподавателя, или что другое; но несомнѣнно, что года черезъ три по открытіи лицея Кошанскій утратилъ сочувствіе его перваго курса. Еще въ концѣ 1814 года Дельвигъ поднялъ на смѣхъ неудачное стихотворство Кошанскаго въ піесѣ „На смерть кучера Агаѳона“, составляющей пародію его стиховъ на смерть графини Ожаровской. Написанное годомъ позже, посланіе Пушкина „Моему Аристарху“ еще яснѣе свидѣтельствуетъ о паденіи авторитета Кошанскаго среди его учениковъ. Причина, почему онъ долженъ былъ прервать свое преподаваніе въ 1814 году, заключалась въ бѣлой горячкѣ, развившейся у него вслѣдствіе пристрастія къ крѣпкимъ напиткамъ; лицеисты, разумѣется, знали о томъ, и Пушкинъ, въ первыхъ стихахъ своего посланія, иронически намекаетъ на слабость Кошанскаго, когда называетъ его „трезвымъ“ Аристархомъ и противополагаетъ его строгія воззрѣнія своимъ стихамъ, конечно, только мнимо-„бакхическимъ“, такъ какъ въ нихъ описывались по большей части вымышленныя, а не дѣйствительныя попойки.

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что на измѣненіе отношеній лицеистовъ къ Кошанскому повліяло между прочимъ временное появленіе Галича на его каѳедрѣ въ 1814—1815 годахъ. Конечно, преподаваніе Галича было небрежное и распущенное, ученики мало успѣвали у него въ фактическихъ знаніяхъ, но лучшіе, болѣе даровитые почерпали изъ разговоровъ съ нимъ много поучительнаго для своего развитія. Такъ, напримѣръ, если въ посланіи „Моему Аристарху“ Пушкинъ говоритъ о „непринужденномъ упоеньи“ творчества (ст. 84-й), то можно съ большимъ вѣроятіемъ утверждать, что подобная мысль явилась у него вслѣдствіе бесѣдъ съ шеллингистомъ Галичемъ о свободѣ искусства. Правда, поэты, послѣдователемъ которыхъ заявляетъ себя Пушкинъ въ посланіи „Моему Аристарху“, поэты беззаботнаго наслажденія жизнью,

любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой,

издавна пользовались его предпочтеніемъ; но теперь ихъ произведенія могли получить въ его глазахъ болѣе глубокій смыслъ, какъ правдивое, искреннее выраженіе ихъ душевнаго настроенія и міросозерцанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучше осмыслились и собственныя влеченія нашего автора къ этому роду лирики. А между тѣмъ возвратившійся на каѳедру Кошанскій продолжалъ держать лицейскихъ стихотворцевъ въ строгой школѣ и по прежнему требовалъ отъ нихъ вниманія преимущественно къ слогу, къ внѣшней отдѣлкѣ стиховъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ до нѣкоторой степени правъ; но все же понятно, что его требованія возмущали молодежь, и ея негодованіе Пушкинъ выразилъ въ посланіи „Моему Аристарху". Я. К. Гротъ, нѣкогда самъ слушавшій уроки Кошанскаго, беретъ въ данномъ случаѣ его сторону противъ Пушкина. „Изъ многихъ мѣстъ посланія", говоритъ онъ, — „видно, что Кошанскій, между прочимъ, упрекалъ Пушкина за излишнюю поспѣшность въ сочиненіи стиховъ. Ради необыкновеннаго таланта, выразившагося и въ этой піесѣ, можно, конечно, простить ее молодому поэту, но надо сознаться, что она вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заботившагося о болѣе серьезномъ направленіи и усовершенствованіи юнаго дарованія" (Пушкинъ и пр., стр. 22). Добрыя намѣренія Кошанскаго не подлежатъ сомнѣнію; но очевидно, то поколѣніе лицеистовъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, скоро обогнало своего наставника въ художественномъ развитіи, и вслѣдствіе того разладъ между методическимъ преподавателемъ и нетерпѣливыми учениками сдѣлался неизбѣжнымъ. Посланіе „Моему Аристарху" является памятникомъ этого разлада, когда онъ обозначился безповоротно.

Въ стихотвореніи, все содержаніе котораго исключи-

тѣльно посвящено вопросамъ словесности, естественно встрѣтить имена писателей и очерки ихъ литературной физіономіи. Въ посланіи „Моему Аристарху“ Пушкинъ дѣйствительно перечисляетъ своихъ любимыхъ авторовъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ „дружескихъ“ посланіяхъ, а также посвящаетъ нѣсколько строкъ (стт. 36-й—42-й) изображенію отживающаго поколѣнія русскихъ литературныхъ дѣятелей. Въ высшей степени характерно отношеніе къ нимъ лицейскаго поэта.

Во второй половинѣ царствованія Екатерины II, съ развитіемъ просвѣщенія, у насъ умножилось число писателей, но разумѣется, далеко не всѣ они обладали выдающимися дарованіями, и если иные имѣли временный успѣхъ и пріобрѣли себѣ нѣкоторую извѣстность, то большею частью благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, иногда вовсе не касавшимся литературы. Въ десятыхъ-двадцатыхъ годахъ, и даже позже, они уже доживали свой вѣкъ, близясь къ забвенію, въ почетныхъ званіяхъ членовъ Державинской Бесѣды любителей русскаго слова или даже Шишковской Россійской академіи; но въ началѣ XIX вѣка ихъ дѣятельность еще чувствовалась въ литературѣ, какъ отрицательная сила, задерживавшая движеніе впередъ и питавшаяся исключительно обветшалыми преданіями псевдоклассицизма. Они вели жестокую борьбу противъ Карамзинскихъ литературныхъ нововведеній и встрѣчали горячій отпоръ со стороны ихъ молодыхъ и немолодыхъ послѣдователей. Эти послѣдніе, то-есть, Батюшковъ, Вяземскій, Дашковъ, В. Пушкинъ и др., не могли относиться къ противникамъ Карамзина иначе, какъ съ самою живою страстностью и негодованіемъ, порою чрезмѣрнымъ. Но для людей еще моложе, для юношей, къ числу которыхъ принадлежалъ лицеистъ Пушкинъ, и эта полемика уже утратила свой непримиримый характеръ, такъ что о представителяхъ старшаго ли-

тературнаго поколѣнія, каковы бы ни были ихъ воззрѣнія, онъ могъ говорить уже спокойно, безъ гнѣва и раздраженія, въ добродушно-шутливомъ тонѣ. Таковы именно строки, въ которыхъ изображается

Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ.

Подъ этими именами тогдашніе сатирики обыкновенно разумѣли графа Д. И. Хвостова. Но въ данномъ случаѣ сдѣланная Пушкинымъ характеристика относится не къ нему, или по крайней мѣрѣ не къ нему одному, а къ лицу собирательному, какъ представителю отжившихъ литературныхъ понятій. Къ одному Хвостову она не можетъ относиться потому, что среди его сочиненій нѣтъ „сказочекъ“, то-есть, произведеній въ родѣ „contes“ Лафонтена. Единственнымъ русскимъ писателемъ, который считался въ тѣ времена достигшимъ совершенства въ этомъ родѣ, могъ быть названъ И. И. Дмитріевъ, но разумѣется, не его имѣлъ въ виду Пушкинъ, ибо къ Дмитріеву онъ относился въ то время съ большимъ уваженіемъ (см. выше текстъ, стрр. 16 и 64), а здѣсь онъ говоритъ объ авторѣ „сказочекъ довольно скучныхъ“. Дѣло, очевидно, идетъ о какой-нибудь литературной бездарности; въ такомъ случаѣ подъ Пушкинскую характеристику всего ближе подходитъ нѣкто Петръ Матвѣевичъ Карабановъ (род. въ 1762 г., ум. въ 1829), членъ Россійской академіи и Бесѣды любителей русскаго слова; осмѣянный Крыловымъ и Батюшковымъ подъ именемъ Тянислова, онъ былъ извѣстенъ въ свое время какъ переводчикъ Вольтеровой „Альзиры“ и сочинитель многихъ напыщенныхъ одъ, и ему же, по свидѣтельству князя Вяземскаго (Сочиненія, т. VII, стр. 507), приписывались „сказки довольно скоромныя“, впрочемъ не попавшія въ печать.

Имена и характеристики любимыхъ Пушкинымъ писателей разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ посланія. Всѣ эти авторы принадлежатъ французской словесности, и всѣ

они — представители того рода лирики, произведенія котораго французская критика XVIII столѣтія называла poésies fugitives или poésie legère. Перенесенный въ русскую литературу Батюшковымъ (см. его Сочиненія, т. II: „Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ"), неудачный терминъ „легкая поэзія" вызвалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ строгое осужденіе со стороны Бѣлинскаго (Сочиненія, т. IV, стрр. 447 — 449), но за четверть вѣка передъ тѣмъ, когда такое названіе было употреблено у насъ впервые при исключительномъ господствѣ французскихъ понятій о словесности, оно имѣло смыслъ довольно опредѣленный: въ область „легкой поэзіи" включали тогда всякія лирическія произведенія, выражающія чисто личное, интимное настроеніе или чувство, чаще всего любовь, въ противоположность лирикѣ съ общественнымъ характеромъ. Какъ видно изъ самаго заглавія вышеупомянутой рѣчи Батюшкова, онъ придавалъ особое значеніе эротической лирикѣ. „Въ легкомъ родѣ поэзіи", говорилъ онъ, — „читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ тотчасъ дѣлается строгимъ судьею, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается; красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣниться не можетъ. Она есть тайна, извѣстная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету, ибо поэзія и въ малыхъ родахъ есть искусство трудное, требующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для поэзіи; этого мало: родясь, надобно сдѣлаться поэтомъ въ какомъ бы то ни было родѣ". Въ 1815 году Пушкинъ еще не могъ читать эти строки: онѣ появились въ печати только въ слѣдующемъ; но и прежде ихъ напечатанія выраженныя въ нихъ мысли

уже бродили въ умахъ и не чужды были людямъ, одареннымъ чувствомъ изящнаго. Какъ объяснено выше (примѣчанія, стрр. 151 и 152), еще въ началѣ 1815 года Пушкинъ, въ разговорѣ съ Батюшковымъ, отказывался разстаться съ Анакреономъ и настаивалъ на своемъ намѣреніи посвятить себя „легкой поэзіи“, въ области которой именно его собесѣдникъ и служилъ ему образцомъ. Въ разсматриваемомъ посланіи молодой авторъ высказываетъ ту же мысль въ болѣе рѣзкой формѣ, и оставляя въ сторонѣ даже древнихъ лириковъ, воспѣвавшихъ наслажденія жизни, прямо провозглашаетъ своими учителями французскихъ эротическихъ поэтовъ XVII и XVIII столѣтій — Шапелля, Шольё, Лафара, Грессе [1]) и Парни. Выборъ такихъ образцовъ оказался нѣкоторою смѣлостью со стороны поэта-лицеиста.

Не говоря уже о Парни, который былъ строго осуждаемъ за обиліе соблазнительныхъ картинъ въ его стихахъ и за сочиненіе такихъ произведеній, какъ „Les Galanteries de la Bible“, и остальные изъ названныхъ Пушкинымъ писателей тоже подвергались строгимъ порицаніямъ съ точки зрѣнія ходячей морали. Пріятель Мольера, Расина и Буало, К.-Э. Шапелль (Claude-Emmanuel Luillier, dit Chapelle, род. въ 1626 г., ум. въ 1686), а равно его младшіе современники Г. Анфри де-Шольё (Guillaume Amphrye abbé de Chaulieu, род. въ 1639 г., ум. въ 1720) и маркизъ К.-А. Лафаръ (Charles-Auguste marquis de Lafare, род. въ 1644 г., ум. въ 1712), считались во времена Людовика XIV вольнодумцами (libertins) за то, что чуждались моднаго и офиціальнаго ханжества, выражали сочувствіе идеямъ эпикурейской философіи и вели распущенный образъ жизни (см. *F.-J. Perrens.* Les

1) Грессе не названъ въ посланіи Пушкина по имени, но упоминается въ стт. 80-мъ — 85-мъ, какъ авторъ поэмы „Ver-Vert“.

libertins en France au XVII siècle. Paris. 1896). Всѣ трое были люди даровитые и вполнѣ литературные, но сами писали очень мало; за Шапеллемъ и Лафаромъ едва насчитывается нѣсколько стихотвореній, большею частью „вакхическаго“ или „вольнаго“, какъ выражались въ старину, содержанія. Нѣсколько обильнѣе, но въ томъ же родѣ, была литературная производительность Шольё: не смотря на свое духовное званіе, это былъ человѣкъ, вполнѣ преданный веселой жизни, свѣтскимъ развлеченіямъ и волокитству; восхваленіе удовольствій такого рода составляетъ преобладающій характеръ его стиховъ.

Et si j'étais moins libertin,
Je serais plus mauvais poète,

говорилъ онъ; однако съ годами къ веселости его застольныхъ пѣсенъ сталъ примѣшиваться легкій оттѣнокъ грусти, и въ искреннемъ выраженіи такого настроенія, высказаннаго въ живыхъ и игривыхъ, но не всегда гладкихъ стихахъ, всего болѣе проявился дѣйствительный поэтическій талантъ Шольё. Вольтеръ, лично знавшій аббата въ годы его молодости, изображаетъ его въ своемъ „Temple du Goût“ слѣдующими словами:

Sa vive imagination
Prodiguait, dans sa douce ivresse,
Des beautés sans correction,
Qui choquaient un peu la justesse,
Mais respiraient la passion.

Наконецъ, что касается Грессе (Jean-Baptiste-Louis Gresset, род. въ 1709 г., ум. въ 1777), то онъ еще менѣе, чѣмъ его предшественники, заслуживалъ упрека въ оскорбленіи нравственности своими произведеніями; въ молодости онъ написалъ небольшую поэму „Ver-Vert“, въ которой позволилъ себѣ нѣсколько шутокъ на счетъ женскихъ монастырей, и посланіе „La Chartreuse“, которымъ выразилъ свое сочувствіе эпикуреизму Шапелля,

Лафара и Шольё (въ этой-то піесѣ находится описаніе чердака, то-есть, парижскаго жилища бѣдняка Грессе, которое упоминается въ ст. 85-мъ посланія „Моему Аристарху“); какъ ни невинны были эти произведенія, они послужили къ обвиненію автора въ вольнодумствѣ, и не смотря на большой успѣхъ ихъ въ обществѣ, навлекли на него гоненіе со стороны духовенства, особенно въ виду того, что Грессе получилъ образованіе у іезуитовъ; эти преслѣдованія, а также насмѣшки Вольтера, заставили его въ концѣ концовъ совсѣмъ бросить литературныя занятія (*Saint-Albin Berville.* Gresset, sa vie et ses oeuvres. Amiens. 1863).

Въ русской литературѣ, въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, имена исчисленныхъ писателей, въ особенности Шольё и Грессе, пользовались большимъ уваженіемъ; имъ подражали Нелединскій, В. Пушкинъ, Батюшковъ, князь Вяземскій; по ихъ примѣру введены были въ русскихъ стихахъ удвоенныя риѳмы (rimes redoublées) — изобрѣтеніе Шапелля, которое усвоили себѣ и прославляли Шольё и Грессе[1]). Піеса послѣдняго „La Chartreuse“ (съ удвоенными риѳмами) послужила образцомъ для посланія Батюшкова „Моимъ пенатамъ“ (тоже съ удвоенными риѳмами въ трехстопныхъ ямбахъ), и когда князь Вяземскій, въ письмѣ къ автору, сообщилъ свои критическія замѣчанія на это стихотвореніе, послѣдній отвѣчалъ слѣдующими словами, изъ которыхъ видно, какъ высоко ставилъ онъ литературный авторитетъ Грессе: „Я назвалъ посланіе свое посланіемъ „Къ пе-

1) Шольё, въ одномъ изъ своихъ посланій („Au chevalier de Bouillon“), изображаетъ изобрѣтателя удвоенныхъ риѳмъ слѣдующими словами:

.....ce maître qui m'apprit,
Au son harmonieux des rimes redoublées,
L'art de charmer l'oreille et d'amuser l'esprit
Par la diversité de cent nobles idées.

натамъ“ точно такъ, какъ Грессетъ свое назвалъ „La Chartreuse“. Вотъ одно сходство, которое я могу имѣть съ Грессетомъ, и *къ несчастію—одно!*“ (Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 183). Такимъ образомъ, лицеистъ Пушкинъ, рѣшительно предпочитая высокой и торжественной лирикѣ такъ-называемую „легкую поэзію“ и избирая французскихъ представителей этой послѣдней себѣ въ руководители, въ сущности шелъ по пути, уже проложенному его старшими собратіями въ русской литературѣ. Дѣйствительно, посланіе „Моему Аристарху“ не только по своей основной идеѣ составляетъ апологію „легкой поэзіи“, но и въ подробностяхъ развитія этой мысли является подражаніемъ одному изъ посланій Грессе въ томъ же родѣ; въ его „Épitre au père Bougeant, jésuite“ [1]) читаются между прочимъ слѣдующія строки:

Par l'étude, par l'art suprême
Sur un froid pupître amaigris,
D'autres orneront leurs écrits;
Pour moi dans cette gêne extrême
Je verrais mourir mes esprits:
On n'est jamais bien que soi-même,
Et me voilà tel que je suis.
Imprimés, affichés sans cesse,
Et s'entrechassant de la presse,
Mille autres nous inonderont
D'un déluge d'écrits stériles
Et d'opuscules puériles
Auxquels sans doute ils survivront:
A cette abondance cruelle
Je veux toujours en verité
Et de Lafare et de Chapelle
Préférer la stérilité:

1) Г.-Г. Бужанъ (1690 — 1743), членъ ордена Іисусова, занимался литературой и за нѣкоторыя философскія мнѣнія подвергся преслѣдованію со стороны своего орденскаго начальства.

J'aime bien moins ce chêne énorme
Dont la tige toujours informe
S'épuise en rameaux superflus,
Que ce myrthe tendre et docile
Qui croissant sous l'œil de Vénus,
N'a pas une feuille inutile,
S'épanouit négligemment
Et se couronne lentement.

Сходство этихъ строкъ со стихами посланія „Моему Аристарху“, въ которыхъ „счастливая праздность“ эротиковъ противополагается „поэзіи трудолюбивой“, на столько явно, что нѣтъ нужды о томъ распространяться. Намъ остается сказать лишь о томъ, какъ отнесся къ литературнымъ симпатіямъ Пушкина Кошанскій. Въ качествѣ наставника юношества онъ счелъ нужнымъ стать исключительно на нравственную точку зрѣнія, и разумѣется, у него составилось заключеніе самое неблагопріятное. Быть можетъ, Кошанскому и не довелось прочесть посланіе „Моему Аристарху“, но уже по другимъ стихотвореніямъ Пушкина онъ могъ судить, куда клонятся поэтическія стремленія юноши. Такъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснять то нерасположеніе Кошанскаго къ своему ученику, о которомъ вспоминали впослѣдствіи лицейскіе товарищи геніальнаго поэта. Съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что назрѣвшее у Кошанскаго недовольство повліяло и на новаго директора лицея Е. А. Энгельгардта, назначеннаго на эту должность въ началѣ 1816 года; по крайней мѣрѣ, мѣсяца два спустя послѣ своего опредѣленія Энгельгардтъ далъ о Пушкинѣ слѣдующій отзывъ: „Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзіей; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, — совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее,

что̀ можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 376, статья *Гаевскаго*, который приводитъ, въ своемъ переводѣ, отрывокъ изъ нѣмецкой рукописи Энгельгардта подъ заглавіемъ: „Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums“). Сужденіе это такъ односторонне и странно, что подъ перомъ умнаго и благожелательнаго къ юношеству человѣка, какимъ былъ Энгельгардтъ на самомъ дѣлѣ, оно можетъ быть объяснено только недоразумѣніемъ или недружелюбнымъ отзывомъ со стороны третьяго лица, всего вѣроятнѣе — Кошанскаго. Какъ бы то ни было, сужденіе это оказывалось еще и несвоевременнымъ въ 1816 году, такъ какъ именно съ этого года стало мѣняться направленіе молодого Пушкинскаго творчества; если въ его раннихъ піесахъ изъ лицейскаго періода еще можно находить оттѣнокъ эпикурейства, имѣющій (какъ уже было объяснено выше) чисто литературное происхожденіе, то стихотворенія, написанныя Пушкинымъ въ послѣдніе годы его пребыванія въ лицеѣ, носятъ на себѣ по большей части иной характеръ, который опредѣляется душевною жизнью поэта. Впрочемъ, такова уже была безусловная искренность дарованія и личнаго нрава Пушкина: пока онъ увлекался французскими эротическими поэтами, онъ не находилъ нужнымъ скрывать свое увлеченіе; этимъ и объясняется происхожденіе признаній, которыя составляютъ содержаніе посланія „Моему Аристарху“.

— (**Стр. 147, стт. 15 — 18**). По замѣчанію, Б. В. Никольскаго (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г. № 7, стр. 212), эти стихи напоминаютъ слѣдующія строки изъ вступленія къ I-й книгѣ „Душеньки“ Богдановича:

И часто рифмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.

— (**Стр. 149, стт. 59 — 64**). Еще воспоминаніе изъ той же части „Душеньки“:

Люблю свободу я свою,
Не для похвалъ себѣ пою.

XXIV.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

(Стр. 151).

Эта эпитафія не извѣстна намъ въ рукописи. — Впервые она напечатана въ *Россійскомъ Музеумѣ* 1815 г., ч. IV, №№ 10 и 11, стр. 7, съ подписью *1... 16 — 14*, а также въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина *Сѣверная Звѣзда* (С.-Пб. 1829), стр. 174, подъ заглавіемъ: „Будущая эпитафія“ и съ подписью *Ап.;* включена въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 64.

Время сочиненія піесы опредѣляется временемъ появленія ея въ печати. Она написана въ ту пору, когда юный авторъ особенно увлекался произведеніями разныхъ анакреонтическихъ поэтовъ древнихъ и новыхъ; въ этомъ смыслѣ справедливо замѣчаніе А. И. Незеленова (Пушкинъ въ своей поэзіи, стр. 29), что „Эпитафія“ принадлежитъ къ числу піесъ, написанныхъ въ духѣ эпикурейскаго міросозерцанія; но притомъ не слѣдуетъ забывать, что юношескій эпикуреизмъ Пушкина имѣлъ

чисто литературное происхожденіе и проявлялся гораздо больше въ его поэтическихъ произведеніяхъ, чѣмъ въ самой жизни.

XXV.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 ГОДУ.

(Стр. 152 — 154).

Въ рукописномъ текстѣ это стихотвореніе намъ не извѣстно; черновой рукописи его не сохранилось, а перебѣленную авторъ переслалъ въ Москву къ своему дядѣ В. Л. Пушкину, который и читалъ произведеніе племянника въ 27-мъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ 28-го апрѣля 1817 года. — Впервые стихотвореніе напечатано въ *Трудахъ* означеннаго Общества 1817 же года, ч. IX, стр. 25—28, съ подписью: *Александръ Пушкинъ*. Отсюда оно перешло въ изданіе *Анненкова*, т. II, стрр. 75 — 78.

Изданіе Анненкова допустило слѣдующее измѣненіе въ ст. 15-мъ:

Бѣжитъ... и *смерти* громъ слетѣлъ ему во слѣдъ,

которое повторено и послѣдующими изданіями, но устранено настоящимъ, такъ какъ эта поправка не имѣетъ для себя никакого документальнаго оправданія.

Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ послѣ долгаго отсутствія въ ночь на 2-е декабря 1815 года, и къ этому времени были написаны стихи Пушкина. Изъ записокъ извѣстнаго переводчика „Греческихъ классиковъ“ И. И. Мартынова, бывшаго директоромъ департамента народнаго просвѣщенія въ 1811 году, видно, что онъ, по порученію тогдашняго министра графа Ал. К. Разумовскаго, принималъ главное участіе въ

устройствѣ лицея, присутствовалъ при его открытіи 19-го октября того года и затѣмъ неоднократно посѣщалъ лицей либо одинъ, либо въ сопровожденіи профессоровъ С.-Петербургскаго педагогическаго института, для производства повѣрочныхъ испытаній лицеистамъ (*Памятники новой русской исторіи*, изд. *В. Кашпирева*, т. II, стрр. 172—175). Безъ сомнѣнія, въ одно изъ этихъ посѣщеній, и всего вѣроятнѣе, на экзаменѣ при переходѣ перваго курса лицеистовъ въ старшее отдѣленіе (въ январѣ 1815 года), Мартыновъ обратилъ вниманіе на дарованія Пушкина, уже читавшаго на публичномъ экзаменѣ свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, и это было поводомъ, почему онъ поручилъ лицеисту-поэту написать стихи „На возвращеніе государя“. Стихи эти Пушкинъ отослалъ Мартынову при письмѣ отъ 28-го ноября 1815 года. Такимъ образомъ мы имѣемъ точное указаніе о времени и обстоятельствахъ происхожденія разсматриваемой піесы.

Стихи эти представляютъ собою какъ бы итогъ тѣхъ впечатлѣній, которыя лицейская молодежь, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, переживала въ теченіе трехъ лѣтъ въ виду военныхъ и политическихъ событій, поставившихъ Россію на небывалую дотолѣ высоту. Въ воспоминаніяхъ И. И. Пущина прекрасно изображена эта сторона быта первенцевъ лицея. „Жизнь наша лицейская“, пишетъ онъ, — „сливается съ политическою эпохой народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея[1]); мы всегда были тутъ при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвой,

1) Въ то время дорога изъ Петербурга въ Москву шла черезъ Царское Село.

обнимались съ родными и знакомыми, — усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита.

Сыны Бородина, о, Кульмскіе герои,
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ!

Такъ вспоминалъ Пушкинъ это время въ 1815 году, въ стихахъ на возвращеніе императора изъ Парижа. Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались на перерывъ русскіе и иностранные журналы при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ; опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное“ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стрр. 53 и 54). Пушкинъ въ разсматриваемой піесѣ (стт. 33 — 44) выражаетъ сожалѣніе, что ему не суждено было принять участіе въ тогдашнихъ войнахъ; какъ отрокъ или юноша, еще не сошедшій со школьной скамьи, онъ и не могъ участвовать въ нихъ; но очевидно, патріотическое воодушевленіе тѣхъ годовъ впервые навело его на мысль, которая затѣмъ уже не покидала его въ теченіе старшаго лицейскаго курса, о томъ, чтобы посвятить себя военной службѣ.

Гаевскій, говоря о стихахъ „На возвращеніе государя“ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 371), находитъ, что, „не смотря на искренность патріотическаго порыва, вспыхивающаго мѣстами въ этомъ стихотвореніи, оно вообще холодно и натянуто“. Болѣе справедливо мнѣніе Анненкова (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 97), назвавшаго піесу „восторженнымъ привѣтствіемъ молодого поэта им-

ператору Александру". Неподдѣльная искренность автора, согласная съ общимъ тогдашнимъ настроеніемъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, и ей соотвѣтствуетъ простой поэтическій складъ его обращенія къ царю. Въ концѣ 1814 года, сочиняя „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ", поэтъ-лицеистъ еще могъ выражать патріотическія чувства въ стихотвореніи, нѣсколько напоминавшемъ по своему строю оды Петрова и Державина; но, какъ вѣрно, замѣтилъ Тихонравовъ (Сочиненія, т. III, ч. 1, стр. 508), „для Пушкина торжественная ода утонула, можно сказать, именно тамъ, гдѣ искало для нея содержанія современное ему риѳмоплетство стараго поколѣнія піитовъ, — она утонула въ могучихъ волнахъ „вѣчной памяти 1812 года", въ тѣхъ волнахъ, которыя выносили на поверхность общественнаго сознанія новаго историческаго героя — народъ". Годъ спустя послѣ „Воспоминаній", когда писались стихи „На возвращеніе государя", Пушкинъ ищетъ себѣ образца уже не въ поэтахъ Екатерининa вѣка, а въ произведеніяхъ того писателя, котораго современники называли Тиртеемъ Отечественной войны: піеса „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году" есть, безъ сомнѣнія, то изъ стихотвореній юноши Пушкина, на которомъ всего болѣе отразилось вліяніе Жуковскаго, и въ частности его посланія „Императору Александру", написаннаго въ 1814 году и напечатаннаго въ 1815. Не распространяясь о чертахъ внѣшняго сходства — о томъ, что въ обоихъ стихотвореніяхъ звучитъ одинъ и тотъ же шестистопный ямбъ, что привѣтствіе Пушкина тоже облечено въ форму посланія, и что, наконецъ, самое содержаніе обѣихъ піесъ почти одинаково, — обратимъ вниманіе лишь на то, какъ оба поэта отнеслись къ предмету своего вдохновенія.

Мысль о посланіи „Императору Александру" возникла у Жуковскаго подъ живымъ впечатлѣніемъ того

пробужденія общественнаго сознанія въ Россіи, которое было прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ Отечественной войны. Въ августѣ 1812 года онъ вступилъ въ ряды московскаго ополченія, потому — какъ говорилъ — „что въ это время всякому должно было быть военнымъ, даже и не имѣя охоты“, и затѣмъ при первой возможности оставилъ военную службу, такъ какъ жаждалъ только одного — возможности „писать, писать и писать“. Послѣ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ еще много мыслей роилось въ его головѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по изгнаніи Наполеона изъ русскихъ предѣловъ онъ писалъ: „1812 годъ былъ для насъ важенъ не однѣми побѣдами; онъ открылъ намъ въ самихъ насъ такія силы, которыхъ, можетъ быть, прежде мы не подозрѣвали. Всего важнѣе для народа уваженіе къ самому себѣ; теперь мы пріобрѣли его. Минутными несчастіями купили мы такое благо, котораго никто у насъ не отыметъ. Ужасное потрясеніе 1812 года вмѣсто того, чтобы насъ сразить, только что насъ пробудило. Патріоты, имѣвшіе довѣренность къ своему отечеству, ободрились; и тѣ немногіе, которые, пользуясь его благотвореніями, были его истинными врагами по своему холодному къ нему презрѣнію, потеряли бодрость и должны молчать. Если Провидѣніе допуститъ совершить начатое дѣло освобожденія Европы, то мы увидимъ Россію на такой степени величія, на какой никогда она еще не стояла“. У Жуковскаго былъ близкій другъ, А. И. Тургеневъ, которому онъ повѣрялъ свои литературные планы, и отъ котораго, въ свою очередь, получалъ горячія побужденія къ ихъ исполненію; Жуковскій сообщилъ ему о своемъ намѣреніи написать посланіе императору (Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стрр. 98, 101, 104, 119 и 120). Что̀ именно отвѣчалъ на сей разъ Тургеневъ — мы не знаемъ: его письма еще не изданы; но какъ высоко

настроили его событія того времени, какъ рано раскрылось предъ нимъ ихъ значеніе во всей ясности, о томъ мы имѣемъ собственное свидѣтельство этого замѣчательнаго человѣка въ его письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, писанномъ еще въ октябрѣ 1812 года. Вотъ что̀ читалось тамъ между прочимъ: „Развалины Москвы будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи безъ истощенія средствъ ея могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на главу виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ, ибо тамъ многіе покорялись Наполеону, и составились партіи въ пользу его, а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безызвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія; наконецъ, примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ,.... все сіе успокаиваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не по-

грузятъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ почитаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ. Онъ лопнетъ или съ досады или отъ бѣшенства зрителей, а за нимъ послѣдуетъ и вся труппа его. Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали“ (Остафьевскій архивъ. Т. I. С.-Пб. 1898, стрр. 6 и 7). Эти благородныя строки могутъ быть достойнымъ образомъ сопоставлены съ вышеприведенными словами Жуковскаго: какъ въ тѣхъ, такъ въ другихъ, чувствуется то исключительное настроеніе, въ какомъ находились оба друга въ знаменательный періодъ послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ. Это же настроеніе воодушевляло Жуковскаго, когда онъ писалъ свое посланіе „Императору Александру“. Рисуя въ первой части стихотворенія идеальный образъ Русскаго царя, поэтъ представляетъ его борьбу съ Наполеономъ, какъ „бой свободы съ насиліемъ“, а во второй части, изобразивъ ея побѣду надъ тираномъ, говоритъ о той неразрывной связи, которая соединяетъ русскій народъ съ его государемъ:

Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя на все, на все готовой,
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
О, наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, — имъ будешь счастливъ ты!

Въ стихахъ юноши Пушкина „На возвращеніе государя“ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же строемъ мыслей: по-

добно Жуковскому, борьбу съ Наполеономъ Пушкинъ называетъ „свободы ярымъ боемъ“ (ст. 31-й), а влагая выраженіе восторга въ уста народовъ, почуявшихъ грядущее освобожденіе (стт. 45-й — 52-й), онъ какъ бы вновь воспроизводитъ слѣдующую набросанную въ посланіи Жуковскаго картину привѣтствій, которыми встрѣченъ былъ Русскій царь за Нѣманомъ, когда съ обнаженнымъ мечемъ пошелъ на освобожденіе Германіи:

Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье тебѣ народы потекли
И вайями твой путь смиренный облекли;
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады:
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды;
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впереди твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
«Свободенъ» — мнитъ — «сойду въ свободный гробъ отцовъ».

Какъ Жуковскій, въ приведенныхъ выше стихахъ, призываетъ царя вѣрить своему народу, въ которомъ онъ найдетъ свое счастіе, такъ Пушкинъ молитъ государя обратить свой взоръ на народъ, встрѣчающій его со свѣтлою радостью (стт. 59-й — 64-й). Возрожденіе народнаго благосостоянія кажется Жуковскому прямымъ слѣдствіемъ всеобщаго замиренія послѣ грознаго военнаго урагана. Еще ярче и горячѣе выражена та же мысль у поэта-лицеиста. „Поразительно“, говоритъ Тихонравовъ (Сочиненія, т. III, ч. I, стрр. 508 и 509), — „въ стихотвореніи Пушкина „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году“ встрѣтить въ заключительной строфѣ выраженіе увѣренности, что

придутъ времена спокойствія златыя,

и соберутся нѣкогда молодыя поколѣнія вокругъ старца-солдата,

Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ».

Приведенныя сопоставленія заставляютъ признать несомнѣнною зависимость стихотворенія „На возвращеніе государя“ отъ посланія „Императору Александру“; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и оригинальная особенность Пушкинскихъ подражаній: они по большей части не хуже, не слабѣе своихъ оригиналовъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: піеса „На возвращеніе государя“ отличается столь же звучнымъ и красивымъ стихомъ, какъ посланіе Жуковскаго, а въ отношеніи сжатости изложенія едва ли не имѣетъ преимущества надъ послѣднимъ.

XXVI.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

(Стр. 155 и 156).

Стихотвореніе это сохранилось въ автографѣ на отдѣльномъ листкѣ, который полученъ былъ Е. Д. Куломзиной отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, и содержитъ въ себѣ первоначальную редакцію піесы, и въ двухъ спискахъ: одинъ изъ нихъ, неизвѣстнаго намъ почерка, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 16 и 16 об. и снабженъ послѣ заглавія помѣтой: „1815“; здѣсь находится та же первоначальная редакція, но сопровождаемая рядомъ поправокъ, которыя вписаны между строкъ текста рукой самого Пушкина и относятся, по всему вѣроятію, къ 1825 году; другой списокъ писарскаго почерка конца трид-

цатыхъ годовъ, сохранился въ рукописи того же музея № 2395, л. 772 и 772 об., и представляетъ ту же первоначальную редакцію, но безъ позднѣйшихъ авторскихъ поправокъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 365 и 366, согласно тексту рукописи № 2395; авторскими же поправками, включенными въ рукопись № 2364, впервые воспользовалось изданіе литературнаго фонда, т. I, стрр. 91 и 92. Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ той же рукописи и также вноситъ въ него позднѣйшія авторскія исправленія, а здѣсь сообщаются замѣненные этими поправками первоначальные варіанты:

Строфа I-я, ст. 1-й: ..... за *лѣсомъ* горъ
„ 3-й: *Безмолвна* долина
„ II-я, „ 1-й: *Чугунныя* латы....
„ 2-й: *Копье раздробленно, въ перчаткѣ* булатъ
„ 5-й, 6-й: *Лежатъ неподвижно,* а мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Строфа III-я не содержитъ въ себѣ никакихъ поправокъ, но вѣроятно, въ виду ихъ возможности подчеркнуты стт. 4-й и 6-й.

Строфа IV-я, ст. 2-й: *Съ надеждою* робость....
„ 4-й, 5-й: *На холмъ онъ взобрался и въ тусклую* даль
Онъ смотритъ и сходитъ и звонкую сталь

Строфы V-я и VI-я остались безъ измѣненія, быть можетъ, потому, что авторъ отказался отъ намѣренія помѣщать эту піесу въ задуманный имъ въ 1825 году сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній.

Помѣта музейной рукописи № 2364 указываетъ на 1815 годъ какъ на время сочиненія „Сраженнаго ры-

царя", а то обстоятельство, что піеса не упомянута въ собственноручномъ перечнѣ стихотвореній Пушкина (см. выше примѣчанія, стр. 7), и что въ теченіе 1815 года она не была напечатана въ *Россійскомъ Музеумѣ*, хотя авторъ и состоялъ въ то время усерднымъ вкладчикомъ журнала и сверхъ того былъ единственнымъ его подписчикомъ въ Царскомъ Селѣ (см. списокъ подписчиковъ въ послѣдней книжкѣ *Музеума* за 1815 годъ; въ слѣдующемъ году журналъ уже не издавался), — все это заставляетъ думать, что разсматриваемое стихотвореніе написано лишь въ концѣ означеннаго года.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 317) признаетъ въ „Сраженномъ рыцарѣ" вліяніе Жуковскаго, которое обнаруживается-де въ преобладаніи „элегическаго тона въ духѣ музы Жуковскаго", въ близости стиха и даже во „взглядѣ на предметъ". Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, т. II, стр. 93) тоже видитъ въ разсматриваемомъ стихотвореніи „образецъ подражанія Жуковскому", но притомъ прибавляетъ: „Піеса слабѣе и по стиху, и по мысли анакреонтическихъ подражаній.... Пушкинъ какъ будто самъ чувствовалъ недостатки ея. Кромѣ поправокъ въ стихахъ[1]), онъ подчеркнулъ въ III-й строфѣ стихъ:

И дико трепещетъ и стонетъ.

Онъ видимо пораженъ былъ невѣрностью образа при описаніи коня". Эти частныя замѣчанія Анненкова на столько отличаются субъективнымъ характеромъ, что ихъ можно оставить въ сторонѣ, но и общее мнѣніе обоихъ критиковъ подлежитъ большимъ ограниченіямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, сочиняя „Сраженнаго рыцаря", Пушкинъ намѣревался написать балладу въ родѣ

1) Говоря это, Анненковъ имѣлъ въ виду текстъ въ рукописи, принадлежащей нынѣ Моск. Публ. музею подъ № 2364.

подобныхъ произведеній Жуковскаго, и что для своей баллады онъ избралъ размѣръ (три амфибрахія и ямбъ: ∪–∪|∪–∪|∪–∪|∪–), употреблявшійся авторомъ „Свѣтланы“, напримѣръ, въ четныхъ строфахъ переведенной изъ Шиллера пѣсни „Тоска по миломъ“ (1807 г.):

Въ слезахъ пригорюнясь дѣвица-краса;
И полночь, и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны вздымаясь бушуютъ,
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

Что касается „элегическаго тона“ и „взгляда на предметъ“, въ этихъ отношеніяхъ зависимость молодого поэта отъ его старшаго современника представляется крайне сомнительною. Піеса „Сраженный рыцарь“ проникнута тѣмъ меланхолическимъ настроеніемъ, свойственнымъ такъ-называемымъ пѣснямъ Оссіана, которое на исходѣ XVIII столѣтія перенесено было изъ англійской литературы въ поэтическое творчество другихъ европейскихъ народовъ и повсюду встрѣчено съ поразительнымъ сочувствіемъ. Правда, Жуковскій, въ раннюю пору своей дѣятельности, былъ у насъ именно однимъ изъ тѣхъ писателей, которые подверглись вліянію Оссіана, но подражанія послѣднему, какъ мы знаемъ, принадлежали также къ числу первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина, и притомъ онъ знакомился съ произведеніями, приписываемыми шотландскому барду, не черезъ Жуковскаго, а непосредственно, то-есть, читалъ ихъ въ переводѣ Кострова (см. выше примѣчанія, стр. 33 и слѣд.). Въ то время начинающему поэту оказалось по силамъ воспроизвести только внѣшнія черты и картины этой своеобразной поэзіи; напротивъ того, въ написанномъ года полтора позже „Сраженномъ рыцарѣ“, не смотря на слабую разработку содержанія баллады и на случайность отдѣльныхъ подробностей, въ родѣ указаннаго Анненковымъ описанія коня, уже слышится голосъ той надрывающей душу

тоски по невозвратимому прошлому, которая составляетъ столь характерную особенность оссіановскаго лиризма. И этотъ успѣхъ въ пониманіи своей поэтической задачи былъ достигнутъ Пушкинымъ не подъ вліяніемъ Жуковскаго, а самостоятельно. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ „Сраженномъ рыцарѣ“ обнаруживается одинъ художественный пріемъ, въ употребленіи котораго авторъ піесы является послѣдователемъ знаменитаго балладника. „Есть описанія“, говоритъ одинъ критикъ, — „исключительно доступныя средствамъ поэзіи и много теряющія въ живописи. Это именно тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ изображеніе послѣдовательности явленій. Картина живописца, написанная на такую тему, не удовлетворяетъ полнотою: хочется ее договорить словами, хочется слышать, что̀ скажетъ о ней поэтъ. Высокій образецъ такой исключительно поэтической картины представляетъ собою описаніе шествія каравана въ аравійской степи, въ стихотвореніи Лермонтова „Три пальмы“ (*Валеріанъ Майковъ*. Критическіе опыты, стр. 257). Не только послѣдовательность явленій, но и длительность ихъ составляетъ исключительную принадлежность изображеній поэтическихъ, недоступныхъ пластическому искусству. У Жуковскаго можно указать нѣсколько прекрасныхъ описаній въ этомъ родѣ, и едва ли не самое совершенное изъ нихъ находится въ послѣдней строфѣ „Эоловой арфы“. Выше (см. примѣчанія, стр. 41) уже было указано, что Пушкинъ еще въ 1814 году подражалъ ему въ послѣдней строфѣ своего стихотворенія „Осгаръ“. Новый примѣръ подобнаго подражанія представляетъ разсматриваемая баллада, въ послѣдней строфѣ которой живо и наглядно описано явленіе, ограниченное въ извѣстномъ пространствѣ, но неопредѣленное во времени своего теченія.

Изъ всего вышеизложеннаго должно заключить, что

если „Сраженный рыцарь“ даетъ поводъ говорить о вліяніи Жуковскаго на Пушкина, то все же это вліяніе можетъ быть указываемо не въ сходствѣ міросозерцанія обоихъ поэтовъ и не въ единствѣ элегическаго тона, а лишь въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ формахъ и пріемахъ художественной техники. Въ заключеніе замѣтимъ, что разсматриваемая піеса представляетъ любопытный примѣръ того, какъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Пушкинъ почерпалъ матеріалы для созданій болѣе поздняго времени. Въ такомъ отношеніи „Сраженный рыцарь“ 1815 года стоитъ къ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“ 1822 года: въ этомъ послѣднемъ стихотвореніи не только употребленъ тотъ же размѣръ, что̀ въ балладѣ лицейскаго времени, не только мелькаютъ одинаковые образы — витязя, коня и смерти, но и удержанъ свойственный юношеской піесѣ тревожный тонъ повѣствованія, какъ бы знаменующій предвѣстіе худого конца. Весьма возможно, что общность этихъ чертъ побудила Пушкина не печатать „Сраженнаго рыцаря“ послѣ того, какъ была написана и напечатана „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

XXVII.

КЪ БАРОНЕССѢ М. А. ДЕЛЬВИГЪ.

(Стр. 157 и 158).

Мы не имѣли случая видѣть это стихотвореніе въ рукописи, но черновой его автографъ былъ извѣстенъ П. В. Анненкову. — Впервые оно было напечатано въ изданіи *Анненкова*, т. VII, стрр. 11 и 12.

Стихотвореніе было написано для альбома баронессы Маріи Антоновны Дельвигъ, сестры лицейскаго товарища Пушкина, гостившей въ Царскомъ Селѣ со своими

родителями въ теченіе святокъ 1815 — 1816 годовъ. На черновомъ автографѣ, по свидѣтельству Анненкова, стояла помѣта: „1815 22 декабря“. Но указанная дата не сходится съ тѣмъ, что̀ сказано въ ст. 2-мъ піесы о возрастѣ автора; или, можетъ быть, ему вздумалось накинуть себѣ нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, такъ какъ въ декабрѣ 1815 года ему еще не исполнилось семнадцати лѣтъ.

1816.

I.

КЪ МАШѢ.

(Стр. 161).

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ копіяхъ: изъ нихъ одна находится въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной рукописномъ сборникѣ: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 85 и 86, а другая — въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 719 и писана писарскимъ почеркомъ около 1840 года; кромѣ того, Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 378) видѣлъ піесу въ автографѣ, „тщательно хранящемся у вызвавшей это посланіе“ особы, и прочелъ на немъ помѣту: „1816 года. Лицей“. — Впервые стихотвореніе появилось въ печати въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 288.

Въ обѣихъ рукописяхъ текстъ одинаковъ и совершенно сходенъ съ текстомъ перваго печатнаго изданія.

Подобно піесѣ, напечатанной выше на стрр. 157 и 158, „стихи эти“, по словамъ И. И. Пущина (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 61), — „написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣютъ свой особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства“. О музыкальномъ дарованіи лицеиста Н. А. Корсакова уже было упомянуто выше (см. примѣчанія, стр. 67).

II.

У С Ы.

Философическая ода.

(Стр. 162 и 163).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ трехъ рукописяхъ: одна изъ нихъ, на отдѣльномъ листкѣ, есть автографъ Пушкина, принадлежащій нынѣ князю П. А. Путятину; другая — списокъ, который находится въ тетради Моск. Публ. музея № 2364, л. 25 и 25 об., и писанъ не Пушкина рукой, но снабженъ его собственноручными позднѣйшими поправками и слѣдующею помѣтой переписывавшаго: „писано 8-го марта 1817 года"; третья рукопись — тоже списокъ, неизвѣстнаго намъ почерка, сохранившійся въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ", стрр. 63 — 66; кромѣ того, Я. К. Гроту (Пушкинъ и пр., стр. 69) извѣстенъ былъ списокъ „Усовъ", доставленный лицеистомъ А. Д. Илличевскимъ его пріятелю П. Н. Фуссу въ мартѣ 1816 года, а Е. И. Якушкину — еще списокъ, изъ котораго варіанты онъ сообщилъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., ст. 333; наконецъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 725, сохранился отрывокъ изъ списка, по которому піеса была набираема для посмертнаго изданія. — Впервые стихотвореніе появилось въ печати въ альманахѣ *Эвтерпа*. М. 1831, стрр. 39 — 42, безъ заглавія и съ подписью: *Д. Давыдовъ;* но это изданіе, по видимому, осталось неизвѣстнымъ настоящему автору стиховъ; по крайней мѣрѣ упоминаній о немъ нѣтъ ни въ сочиненіяхъ Пушкина, ни въ его письмахъ. Затѣмъ піеса, уже какъ стихотвореніе Пушкина, была впервые напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 344 — 346, согласно первоначальному тексту музейной рукописи № 2364, а

находящіяся въ ней позднѣйшія поправки введены въ текстъ только въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стрр. 120 и 121. Настоящее изданіе также представляетъ текстъ музейной рукописи № 2364 со включеніемъ въ него и позднѣйшихъ исправленій.

Принадлежащій князю Путятину автографъ, а равно списокъ въ „Духѣ лицейскихъ трубадуровъ", содержатъ въ себѣ раннюю редакцію піесы. Отъ текста, напечатаннаго въ настоящемъ изданіи, они отличаются слѣдующими *варіантами:*

Строфа II-я, ст. 1-й, 2-й: Гусаръ, *все тьмою подъ луною!*
Какъ *волны слѣдомъ за волною...*
„ IV-я, „ 5-й: *И* въ *крѣпкомъ* снѣ его лелѣешь
„ V-я, „ 4-й: *Стремя къ бокалу мысли пылки.*

Но въ автографѣ этотъ стихъ уже зачеркнутъ и замѣненъ тѣмъ, который читается въ нашемъ текстѣ, въ „Духѣ" же находится только эта послѣдняя редакція.

Строфа VII-я, ст. 3-й: Ты *маешься...*
„ VIII-я, „ 6-й: И старость *выщиплетъ* усы.

Въ музейной рукописи № 2364 основной текстъ — тотъ же, что̀ въ вышеупомянутомъ автографѣ; за то въ музейный текстъ вписаны всѣ позднѣйшія исправленія, которыми и воспользовалось настоящее изданіе.

Видѣнный Гротомъ списокъ Илличевскаго вполнѣ сходенъ, по свидѣтельству перваго, съ посмертнымъ изданіемъ, то-есть, съ основнымъ текстомъ музейной рукописи № 2364. То же должно сказать и о текстѣ списка, принадлежащаго Е. И. Якушкину, но послѣдній содержитъ въ себѣ еще слѣдующіе три самостоятельные *варіанта:*

Строфа I-я, ст. 1-й: Глаза скосивъ на усъ *курчавый*
„ „ „ 6-й: *Съ усмѣшкой* усачу сказалъ
„ II-я, „ 4-й: Скажи: гдѣ стѣны *Иліона?*

Кромѣ того, въ этомъ спискѣ ст. 4-й въ строфѣ V-й является въ томъ видѣ, какъ онъ первоначально читался въ принадлежащемъ князю Путятину автографѣ. Эти мелочи даютъ поводъ думать, что списокъ г. Якушкина сохранилъ наиболѣе раннюю редакцію стихотворенія.

О времени, а также объ обстоятельствахъ сочиненія разсматриваемой піесы, можно заключать изъ слѣдующихъ строкъ письма Илличевскаго къ Фуссу, писаннаго 20-го марта 1816 года: „Посылаю тебѣ... двѣ *гусарскія* піесы нашего Пушкина — гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ“ (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 69). Слѣдовательно, піеса написана не позже начала 1816 года, а быть можетъ, еще въ концѣ предшествовавшаго. По словамъ Анненкова (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 184), „между гусарами Царскаго Села Пушкинъ и тогда уже имѣлъ много знакомыхъ и друзей“. Къ концу пребыванія въ лицеѣ эти связи молодого поэта продолжали укрѣпляться и между прочимъ доставили ему пріязнь такихъ выдающихся людей, какъ Н. Н. Раевскій и П. Я. Чаадаевъ.

Стихотвореніе „Усы“ вообще мало обращало на себя вниманіе критиковъ, однако не ускользнуло отъ проницательности Бѣлинскаго: онъ относитъ эту піесу къ числу тѣхъ лицейскихъ піесъ Пушкина, въ которыхъ „сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто Пушкинскій элементъ поэзіи“ (Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 320). Дѣйствительно, оригинальный характеръ этой „философической оды“ не подлежитъ сомнѣнію и долженъ быть признанъ, не смотря даже на то, что при первомъ ея изданіи была сдѣлана лукавая попытка приписать ее Денису Давыдову; о подражаніи послѣднему со стороны Пушкина не можетъ быть и рѣчи въ данномъ случаѣ: въ 1816 году стихотвореній Давыдова почти не существовало въ печати, и только въ рукописяхъ обращались

два-три его „гусарскія“ посланія, но и въ нихъ не можетъ быть отыскано ничего общаго съ „Усами“ Пушкина. Совершенно оригинальную особенность этого стихотворенія составляетъ счастливое сочетаніе юмора съ нѣкоторою сентиментальностью; черта рѣдкая даже у Пушкина и особенно неожиданная въ юношескомъ произведеніи.

(**Стр. 162, строфа 2-я, ст. 5-й**). По поводу этого стиха академикъ В. К. Ернштедтъ сообщилъ намъ слѣдующую любопытную замѣтку:

„Что̀ это за Клеонъ? Такого драматическаго поэта не было. Мнѣ кажется, трудно допустить, чтобъ имя поэта было вымышленное, случайное, подобранное для риѳмы. На ряду со „стѣнами Вавилона“ (по другой редакціи — „Иліона“) юный Пушкинъ могъ поставить, для юмористическаго антитеза, имя извѣстнаго въ свое время автора плохенькихъ драмъ, но нѣкоторая извѣстность тутъ обязательна. Это — очевидно, одинъ изъ классическихъ примѣровъ забытаго ничтожества, какъ Вавилонъ — одинъ изъ классическихъ примѣровъ погибшаго величія. Конечно, Пушкинъ не могъ разчитывать на то, что читатели его будутъ знакомы съ именемъ подобной знаменитости; но не даромъ онъ самъ еще былъ на школьной скамьѣ: примѣръ былъ въ учебникѣ или какомъ-нибудь „Art poétique“ и кстати ему вспомнился. Только запомнилъ онъ его плохо, по видимому. Поэтика звали не Клеономъ, а Клеофон(т)омъ. О немъ нѣсколько разъ упоминаетъ Аристотель (Poet., c. 2 и 22; Rhet., III, 7; De Soph. el. 15). То, что̀ говоритъ о немъ Аристотель, оправдываетъ въ извѣстной мѣрѣ выраженіе „*тощія* драмы“. Отъ него осталось десять заглавій (у Свиды), но не сохранилось ни одного отрывка. Знаменитостью онъ, вѣроятно, не былъ, даже въ отрицательномъ смыслѣ; но Аристотель почему-то любитъ о немъ упоминать, что̀ могло ввести въ заблужденіе

позднѣйшихъ (французовъ?), у которыхъ позаимствовалъ этотъ примѣръ Пушкинъ, можетъ быть, черезъ посредство Кошанскаго или другого преподавателя теоріи поэзіи въ лицеѣ. Предложить поправку:

Гдѣ драмы *тощи* Клеофона?

я не рѣшаюсь, такъ какъ ода сохранилась между прочимъ въ автографѣ самого Пушкина. Должно быть, тутъ произошелъ „lapsus memoriae".

III.

ЖЕЛАНІЕ.

(Стр. 164).

Стихотвореніе это не извѣстно намъ въ рукописи, но она находилась въ рукахъ М. Н. Лонгинова и была имъ сообщаема П. В. Анненкову. — Впервые піеса напечатана въ изданіи *Анненкова*, т. VII, стрр. 16 и 17, безъ стиховъ 1-го — 4-го, 14-го — 17-го и съ пропусками въ стт. 7-мъ и 11-мъ. Всѣ эти пропуски возстановлены Е. И. Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., стт. 346 и 347, а все стихотвореніе въ полномъ видѣ явилось въ изданіи 1859 г., т. I, стрр. 149 и 150.

О времени и обстоятельствахъ происхожденія этого стихотворенія имѣются очень точныя свѣдѣнія. Въ двадцатыхъ числахъ марта 1816 года юношу Пушкина навѣстилъ въ лицеѣ его дядя В. Л. Пушкинъ, возвращавшійся въ Москву изъ поѣздки въ Петербургъ вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ и княземъ П. А. Вяземскимъ. Разставшись съ гостями, молодой поэтъ написалъ дядѣ посланіе, въ которомъ поздравлялъ его со Свѣтлымъ Праздникомъ, приходившимся въ 1816 году на 9-е апрѣля, и въ то же время высказывалъ нѣсколько пожеланій на счетъ теку-

щихъ явленій въ русской литературѣ: какъ извѣстно, В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ ратоборцевъ въ тогдашней полемикѣ между сторонниками Шишкова и почитателями Карамзина. На стихотворное посланіе племянника дядя отвѣчалъ, 16-го апрѣля, письмомъ въ прозѣ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: „Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю, чтобъ *непокойные стихотворцы* оставили меня въ покоѣ“ (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стрр. 47 — 48).

Л. И. Поливановъ, въ своемъ 2-мъ изданіи сочиненій Пушкина, т. I, стр. 40, замѣчаетъ объ этомъ стихотвореніи слѣдующее: „Представляя обычныя сатирическія нападки на бездарныхъ стихотворцевъ (стт. 18-й — 22-й) и сторонниковъ Шишковскаго „раскола“ (стт. 7-й — 13-й и 23-й — 26-й), и прежде входившія въ лицейскія посланія Пушкина, оно отличается оригинальнымъ выраженіемъ и тономъ добродушной насмѣшки своего заключенія“. О князѣ С. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ, упоминаемомъ въ ст. 11-мъ, и о С. С. Бобровѣ (стт. 19-й и 20-й), котораго еще хвалили въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ журналахъ (ср. Сочиненія Батюшкова, т. II, стрр. 536 — 538), см. выше примѣчанія, стр. 32. Что касается Николева, названнаго въ ст. 21-мъ, это былъ плодовитый, но бездарный московскій стихотворецъ, у котораго впрочемъ тоже были свои горячіе почитатели, преимущественно между литературными старовѣрами; напротивъ того, Карамзинъ еще во время *Московскаго Журнала* (1791 г.) и позже, а также младшіе друзья его, напримѣръ Батюшковъ, были невысокаго мнѣнія о сочиненіяхъ и вкусѣ этого писателя (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стрр. 19, 20, 37 и 106; Сочиненія Батюшкова, т. I, стр. 170, т. III, стр. 85). Николай Петровичъ Николевъ родился въ 1758 году, а умеръ 24-го января 1815; годъ спустя, въ день его кончины, его друзья и почитатели собрались на литературныя

поминки, и затѣмъ это повторялось нѣсколько лѣтъ къ ряду; о первыхъ поминкахъ по Николевѣ было сообщено въ біографіи этого писателя, помѣщенной С. А. Масловымъ въ *Сынѣ Отечества* 1816 года, ч. XXVIII, № 12 (24-го марта), стр. 211; весьма возможно, что подъ живымъ впечатлѣніемъ этого извѣстія Пушкинъ и упомянулъ о „покойномъ Николевѣ“ въ своемъ посланіи къ дядѣ.

— **(Стр. 164, ст. 23).** Этотъ стихъ остался въ піесѣ безъ риѳмующаго съ нимъ.

IV.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Картины.

(Стр. 165 — 172).

Стихотвореніе это не извѣстно намъ въ рукописи, но оно находилось въ лицейской тетради М. А. Корфа, которою пользовались П. В. Анненковъ, В. П. Гаевскій и П. А. Ефремовъ. Кромѣ того, списокъ этой піесы былъ въ рукахъ Е. И. Якушкина. — Впервые она была напечатана въ альманахѣ *Б. М. Ѳедорова: Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ*, стрр. 172 — 180, подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и пастушка“, съ полною подписью автора и съ помѣтой 1818 года. Въ томъ же видѣ стихотвореніе было воспроизведено въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 377 — 384, и въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 108 — 114. Затѣмъ г. Якушкинъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, стт. 314 — 316, указалъ на неправильное раздѣленіе піесы на главы въ предшествующихъ изданіяхъ и сообщилъ по имѣвшейся у него рукописи важнѣйшіе въ нихъ пропуски, именно:

въ главѣ II-й стт. 1-й — 20-й, въ главѣ III-й ст. 13-й, въ главѣ V-й стт. 11-й — 14-й, всю главу VII-ю и въ главѣ VIII-й стт. 1-й — 12-й. Тѣ же дополненія приведены въ изданіи стихотвореній Пушкина, вышедшемъ въ Берлинѣ въ 1861 году, стрр. 138 и 139, а Гаевскій, въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стрр. 172 и 173, дополнилъ текстъ еще двумя стихами: 4-мъ въ главѣ I-й и 27-мъ въ главѣ IV-й, и наконецъ, Ефремовъ напечаталъ стихотвореніе уже безъ всякихъ пропусковъ по рукописи М. А. Корфа въ 8-мъ изданіи сочиненій Пушкина, 1880 года, т. I, стрр. 110 — 117. Тотъ же текстъ предлагается и въ настоящемъ изданіи.

Б. М. Ѳедоровъ помѣстилъ отрывки изъ разсматриваемаго стихотворенія въ своемъ альманахѣ безъ дозволенія автора, и это обстоятельство дало послѣднему возможность не признавать піесы „Фавнъ и пастушка“ своимъ произведеніемъ, особливо въ томъ неполномъ и искаженномъ видѣ, въ какомъ она появилась въ печати; вслѣдствіе того въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ*, въ статьѣ *О. М. Сомова* „Обзоръ россійской словесности за 1828 годъ“, на стрр. 35 и 36, дано было мѣсто слѣдующей замѣткѣ: „Еще въ *Памятникѣ музъ на 1827 годъ* напечатаны были отрывки изъ стихотворенія Пушкина „Фавнъ и пастушка“, стихотворенія, отъ котораго нашъ поэтъ самъ отказывается и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе передъ публикой. Не великодушно выводить наружу обмолвки покойниковъ, которыхъ всегда должно поминать добрымъ словомъ[1]); но выпускать въ свѣтъ раннія, недозрѣлыя попытки живыхъ писателей противъ ихъ желанія — непростительно“. Это отреченіе нельзя признать категорическимъ, а свидѣтельство лицейской тетради

1) Въ альманахѣ Ѳедорова были помѣщены посмертные стихи и проза Сумарокова, Державина, Карамзина и др.

М. А. Корфа устраняетъ всякія сомнѣнія на счетъ принадлежности разсматриваемой піесы Пушкину.

Изъ той же тетради почерпнуто Анненковымъ (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 150) свѣдѣніе, что стихотвореніе „Фавнъ и пастушка“ относится не къ 1818 году, какъ означено въ альманахѣ Ѳедорова, а къ 1816. Не смотря на авторитетность Корфова свидѣтельства, Гаевскій склонялся однако къ мнѣнію, что, „судя по стиху“, сочиненіе піесы слѣдуетъ пріурочить ко времени еще болѣе раннему. Дѣйствительно, не только по стиху, но и по своему „эротическому“ характеру, по взгляду на любовь исключительно какъ на минутное чувственное наслажденіе, какъ на пріятную игру чувствомъ, допускающую и даже поощряющую къ измѣнѣ (все это юноша-Пушкинъ наивно величалъ названіемъ эпикуреизма), — стихотвореніе „Фавнъ и пастушка“ напоминаетъ такія его произведенія 1814 и 1815 годовъ, какъ „Леда“, „Опытность“, „Блаженство“, „Разсудокъ и любовь“ и др.; тѣмъ не менѣе, предположеніе Гаевскаго могло бы быть принято лишь въ томъ случаѣ, еслибъ оно было подкрѣплено болѣе осязательными и надежными доказательствами.

Эротическое настроеніе для своихъ раннихъ произведеній Пушкинъ почерпалъ между прочимъ изъ Парни. Такъ, и въ разсматриваемой піесѣ Анненковъ видитъ „переводъ, или лучше, вольное подражаніе стихотворенію Парни: „Les déguisements de Vénus“. Напротивъ того, Гаевскій, не отрицая впрочемъ связи между симъ послѣднимъ и піесой Пушкина, утверждаетъ, что въ ней „нельзя указать и нѣсколькихъ строкъ сряду, которыя были бы даже вольнымъ подражаніемъ“ французскому поэту. Очевидно, дѣло здѣсь идетъ не о простомъ заимствованіи, а о литературномъ соотношеніи другого рода.

Произведеніе Парни имѣетъ характерное заглавіе: „Les déguisements de Vénus. *Tableaux* imités du grec“.

Раньше, чѣмъ написать этотъ рядъ „картинъ“, Парни сочинилъ другую небольшую поэму, которая тоже носитъ названіе „Les tableaux“, и о содержаніи которой можно составить себѣ понятіе по слѣдующему перечню ея главъ: I. La rose.—II. La main.—III. Le songe.—IV. Le sein.—V. Le baiser.—VI. Les rideaux.—VII. Le lendemain.—VIII. L'infidélité.—IX. Les regrets. Особенность этой поэмы состоитъ въ томъ, что въ ней вовсе нѣтъ послѣдовательнаго повѣствованія о ходѣ извѣстныхъ происшествій, а есть лишь рядъ изображеній, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ моментамъ развивающагося дѣйствія. Тотъ же пріемъ употребленъ поэтомъ въ „Les déguisements de Vénus“, даже въ усиленной степени. Правда, еще одинъ изъ младшихъ современниковъ Парни, его другъ и біографъ Тиссо замѣтилъ (въ 1827 году), что эти новыя „картины“, при всемъ блескѣ своихъ красокъ, слабѣе прежнихъ и не свободны отъ однообразія, туманности и изысканности. Къ тому же, не смотря на упоминаніе въ заглавіи о подражаніи грекамъ, въ „Les déguisements de Vénus“ нѣтъ ничего греческаго, кромѣ именъ: пониманіе античной красоты было совершенно чуждо Парни, типичному человѣку XVIII вѣка, и „миѳологія“ — какъ выражается одинъ изъ новыхъ французскихъ критиковъ (*H. Potez.* L'élégie en France avant le romantisme. Paris. 1898, p. 113),—„нравилась ему только потому, что въ ней много разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ“. Тѣмъ не менѣе, за произведеніемъ Парни нельзя не признать поэтическихъ достоинствъ, особенно въ живомъ и яркомъ изображеніи страсти. Ихъ, конечно, хорошо понималъ Пушкинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни былъ онъ юнъ въ 1814 — 1815 годахъ, все же оказался въ состояніи подмѣтить и недостатки поэмы, въ особенности же почувствовать однообразіе ея картинъ, а потому не могло прійти ему въ голову приняться за простой переводъ ея. Дѣйстви-

тельно, сличеніе „Фавна и пастушки“ съ „Les déguisements de Vénus“ показываетъ, что Пушкинъ взялъ у Парни лишь нѣсколько отдѣльныхъ чертъ, а фабулу піесы и бо́льшую часть подробностей измыслилъ самостоятельно.

Въ „Les déguisements de Vénus“ тридцать главъ или картинъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое особое содержаніе, а въ то же время онѣ соединяются въ одно цѣлое постояннымъ присутствіемъ одного героя—пастуха Миртиса; напротивъ того, женскія лица въ этихъ картинахъ безпрерывно мѣняются, хотя, судя по заглавію поэмы, можно бы подумать, что авторъ желалъ представить въ нихъ подъ разными именами и видами все одну и ту же богиню любви Венеру. У Пушкина дѣло вообще обставлено гораздо проще: въ его стихотвореніи только девять „картинъ“, которыя всѣ посвящены изображенію судьбы пастушки Лилы. Нѣкоторыя черты въ этомъ изображеніи дѣйствительно напоминаютъ Парни; такъ, въ III-й—V-й главахъ Пушкина описывается появленіе Фавна, его нападеніе на Лилу, ея бѣгство и защита ея пастухомъ Филономъ, котораго она за то награждаетъ своею любовью. Нѣчто подобное находимъ мы въ VI-й главѣ поэмы Парни, которую и приводимъ здѣсь цѣликомъ для сравненія:

Sous des ombrages solitaires,
Devant un Satyre effronté
Fuyait avec rapidité
La plus timide des bergères.
Au loin elle aperçoit Myrtis:
«A mon secours le ciel t'envoie,
«Jeune inconnu; defends Naïs».
Le Satyre lâche sa proie.
La bergère à son protecteur
Sourit, mais conserve sa peur.
«Bannis tes injustes alarmes»,

Dit-il; — «je respecte tes charmes.
«Viens donc: du village voisin
«Je vais t'indiquer le chemin».
Elle rougit, et moins timide,
A pas lents elle suit son guide.
Mais elle entend un bruit lointain:
Du berger elle prend la main
Et dans ses bras cherche un asile.
Discret, il demeure immobile
Et n'ose presser ses appas.
Elle voyait son doux martyre.
Le bruit cesse; Myrtis soupire,
Et Naïs reste dans ses bras.

Этимъ однако и ограничиваются заимствованія нашего поэта изъ „Les déguisements de Vénus“. Но здѣсь умѣстно будетъ указать на другое сближеніе: описаніе любовныхъ предчувствій Лилы въ I-й главѣ „Фавна и пастушки“ отчасти напоминаетъ изображеніе подобнаго же душевнаго состоянія Жюстины, героини первыхъ „Tableaux“ Парни; вотъ что̀ читается тамъ въ III-й „картинѣ“, озаглавленной „Le songe“:

Le sommeil a touché ses yeux;
Sous des pavots délicieux
Ils se ferment, et son cœur veille.
A l'erreur ses sens sont livrés.
Sur son visage par degrés
La rose devient plus vermeille;
Sa main semble éloigner quelqu'un;
Sur le duvet elle s'agite,
Son sein impatient palpite.
Et repousse un voile importun.
Enfin, plus calme et plus paisible,
Elle retombe mollement
Et de sa bouche lentement
S'échappe un murmure insensible.
Ce murmure plein de douceur
Ressemble au souffle de Zéphyre,
Quand il passe de fleur en fleur;

C'est la volupté qui soupire.
Oui, ce sont les gémissemens
D'une vierge de quatorze ans,
Qui dans un songe involontaire
Voit une bouche téméraire
Effleurer ses appas naissants
Et qui dans ses bras caressants
Presse un époux imaginaire.

Впрочемъ, зависимость „Фавна и пастушки“ отъ произведеній Парни обнаруживается съ наиболѣе интересной стороны не въ подобныхъ, довольно отдаленныхъ заимствованіяхъ, а въ томъ, что Пушкинъ старался усвоить себѣ нѣкоторые художественные пріемы своего образца. Вообще плохой разсказчикъ, Парни—какъ уже замѣчено выше — охотно замѣняетъ повѣствованіе описаніемъ, поэтическою „картиной“, болѣе или менѣе имѣющею цѣльность и законченность; подобно ему поступаетъ авторъ „Фавна и пастушки“, но по своей неопытности не обнаруживаетъ достаточно умѣнья, чтобъ обособить каждую изъ своихъ „картинъ“; подъ его перомъ онѣ все-таки являются отдѣльными главами цѣльнаго разсказа. Во всякомъ случаѣ, для исторіи Пушкинскаго творчества важно отмѣчать не только тѣ результаты, какихъ удавалось достигнуть молодому поэту въ его раннихъ опытахъ, но и указывать на тѣ болѣе или менѣе трудныя задачи, надъ рѣшеніемъ которыхъ останавливалось его пробуждающееся дарованіе.

V.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

(Стр. 173 и 174).

Стихотвореніе это находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 7 и 7 об., писанное почеркомъ А. Д.

Илличевскаго, съ помѣтой: „Сказка. 1816“, съ позднѣйшими поправками самого Пушкина и съ его же позднѣйшею помѣтой: „переп.“ (переписать). — Впервые стихотвореніе напечатано въ изданіи 1826 года, стрр. 66 — 68, съ помѣтой „сказка“, и повторено изданіемъ 1829 года, ч. I, стрр. 22 — 25, уже безъ этой помѣты, но безъ всякихъ другихъ измѣненій.

Рукопись заключаетъ въ себѣ первоначальную редакцію піесы, а между строками ея вписано нѣсколько позднѣйшихъ поправокъ, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ ихъ находится въ печатномъ текстѣ; за то въ числѣ этихъ поправокъ есть и такія, которыя были отстранены при окончательномъ приготовленіи піесы къ печати. Такимъ образомъ первоначальный текстъ и отвергнутыя поправки представляютъ слѣдующіе *варіанты:*

Стт. 6-й, 7-й: Но *шалости — его забавы,*
Ему хотѣлось — о, лукавый! —

Исправлено вторично:

Ст. 7-й: *Задумалъ вѣтренникъ лукавый*
„ 9-й: Его *Дурачество* вело
„ 10-й, 11-й: *Дурачество* ведетъ *Амура,*
Но *скоро богу моему*
Наскучила богиня дура,
Не знаю *вѣрно* почему.

Исправлено вторично:

Дурачество ведетъ Эрота
Но вдругъ, не знаю почему,
Къ Дурачеству прошла охота:
Оно наскучило ему.

Ст. 13-й: *Задумалъ* новую затѣю
„ 17-й, 18-й: Онъ *изъ Кипридиныхъ дѣтей*
Бѣдняжка дряхлый и лѣнивый,
Холодный, *грустный, молчаливый*
„ 23-й: Спокойно *и заснуть* не могъ

Ст. 30-й—34-й: «*Помилуй, братецъ* Гименей!
«*Что̀ это? Я стыжусь, любезной,*
«*И нашей ссоры безполезной,*
«*И вѣчной трусости твоей.*
«Ну, помиримся! Будь умнѣй,
«*Забудемъ нашъ* раздоръ *постылый...*
„ 41-й—44-й: *Съ тѣхъ поръ таинственные взоры*
Его не страшны красотамъ,
Не страшны грустные дозоры,
Ни пробужденья по ночамъ.
„ 56-й, 57-й: *Пожалуйста,* мой другъ Елена,
Премудрой повѣсти повѣрь.

Хотя Эротъ (или Амуръ) съ Гименеемъ и созданы фантазіей древнихъ грековъ какъ миѳическія представленія любви и брака, однако для Пушкинской сказки о нихъ нѣтъ возможности указать античный источникъ. Напротивъ того, она не имѣетъ ничего общаго съ древними миѳами, а шутливый ея характеръ является даже въ противорѣчіи съ ихъ строгимъ смысломъ. За то, если не по содержанію, то по духу она напоминаетъ собою тотъ разрядъ народныхъ повѣстей, который представляетъ сатиру противъ брака и нашелъ себѣ распространеніе въ средневѣковомъ фабліо и болѣе поздней новеллѣ. Образцы повѣстей съ дѣйствіемъ, перенесеннымъ въ античную среду, Пушкинъ могъ встрѣтить во французской литературѣ, между прочимъ у Лафонтена въ его стихотворныхъ сказкахъ, а у одного изъ мелкихъ его современниковъ Башомона могъ даже прочесть небольшую поэму подъ заглавіемъ: „Le divorce de l'Amour et de l'Hyménée“. Авторъ ея Францискъ де-Башомонъ (род. въ 1624 г., ум. въ 1702) принадлежалъ къ той группѣ писателей-„вольнодумцевъ“, во главѣ которой стояли Шапелль и Шольё; вмѣстѣ съ Шапеллемъ онъ сочинилъ въ прозѣ и стихахъ шуточное описаніе своего путешествія въ южную Францію, и

въ теченіе двухъ почти столѣтій это описаніе считалось мастерскимъ въ своемъ родѣ и даже классическимъ, такъ что только въ 1854 году понадобился авторитетъ Сентъ-Бёва (Causeries du lundi, t. XI), чтобы поколебать славу этого въ сущности ничтожнаго произведенія. При нѣкоторыхъ старинныхъ изданіяхъ этого пресловутаго „Путешествія“ печаталась и вышеупомянутая поэма объ Амурѣ и Гименеѣ; она помѣщена также въ Oeuvres de Chapelle et Bachaumont. Nouvelle édition revue et corrigée sur les meilleurs textes, notamment sur l'édition de 1732, précédée d'une notice par *M. Tenant de Latour*. Paris. MDCCCLIV (въ составѣ „Bibliothèque Elzevirienne“). Въ поэмѣ Башомона разсказывается, какъ эти боги-братья жили сперва въ большой дружбѣ, и изъ-за чего они поссорились впослѣдствіи. Уже изъ самого заглавія поэмы — „Раздоръ Амура съ Гименеемъ“ — видно, что по содержанію нельзя сближать ее со сказкой Пушкина; но характеристика двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ совершенно одинакова въ обоихъ произведеніяхъ, и въ этомъ слѣдуетъ признать большое сходство между ними. Сходны также обѣ піесы и по ироническому отношенію авторовъ къ значенію брака. Впрочемъ, таковъ былъ вообще взглядъ на бракъ у разныхъ тогдашнихъ свѣтскихъ умниковъ, а равно у представителей „легкой поэзіи“; напримѣръ, у Ривароля (род. въ 1754 г., ум. въ 1801) встрѣчается слѣдующее, считавшееся очень остроумнымъ изреченіе: „Un jour, je m'avisais de médire de l'Amour; il m'envoya l'Hymen pour se venger. Depuis, je n'ai vécu que de regrets“. Чтобы дать понятіе о Башомоновой поэмѣ какъ въ отношеніи міросозерцанія автора, такъ и относительно пріемовъ его изложенія, приводимъ ея заключительныя строки:

Voilà la source infortunée
D'où naquit la division
Qui rompit la belle union

De l'Amour et de l'Hyménée.
Le temps n'a fait que l'augmenter.
Tous deux, appliqués à se nuire
Et travaillant à se détruire,
Se plaisent à se tourmenter.
On ne les voit jamais ensemble.
Les époux que l'Hymen assemble
Sont à peine unis un seul jour,
Amour les quitte et les sépare;
Et l'Hyménée, aussi barbare,
Sitôt qu'il peut avoir son tour,
Sépare ce qu'unit l'Amour.
Que d'ennuis, de maux et de plaintes,
Que de tourments et de contraintes
Leur querelle nous coûte à tous,
Et que ces dieux, par leurs caprices,
Causent de rigoureux supplices
Aux amants ainsi qu'aux époux!
Mais l'Hymen, quoi qu'il puisse faire,
Est toujours le plus malheureux;
Tout le monde maudit ses noeuds,
Parceque Amour leur est contraire.
Sans ce dieu, les plus doux moments
Sont pleins de troubles et d'alarmes,
Et l'Amour seul, avec ses charmes,
Suffit au bonheur des amants.
Profitez de cette querelle,
Vous que l'Hymen fit tant souffrir,
Que l'on vous vit prête à périr
Sous sa loi pénible et cruelle [1]),
Et pour vous venger, dès ce jour
Prenez le parti de l'Amour.

Конечно, было бы слишкомъ смѣло настаивать на утвержденіи, что Пушкинъ подражалъ Башомону, но при томъ обширномъ знакомствѣ съ французскою литературой

1) Въ этихъ строкахъ Башомонъ обращается къ какой-то несчастной въ бракѣ „прекрасной Ирисѣ“, къ которой взываетъ и въ началѣ своей поэмы.

XVII и XVIII столѣтій, которымъ обладалъ нашъ авторъ съ ранняго возраста, вполнѣ возможно предположеніе, что ему была извѣстна и поэма Башомона, и что она навела его на мысль сочинить „новую сказку“ объ Амурѣ и Гименеѣ.

VI.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

(Стр. 175 и 176).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ двухъ спискахъ: одинъ изъ нихъ, писанный почеркомъ А. Д. Илличевскаго, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 8 и 8 об., снабженъ помѣтами: „1816“ и „нена...“ (не надо) и позднѣйшими поправками самого Пушкина, а другой списокъ, писарскаго почерка конца 1830-хъ годовъ и невполнѣ исправный, включенъ въ рукопись того же музея № 2395, л. 771 и 771 об. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 363 и 364, а въ болѣе исправномъ видѣ оно явилось въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стрр. 126 и 127.

Рукопись № 2364 представляетъ первоначальный текстъ піесы, но между строками его внесено рукой автора нѣсколько позднѣйшихъ поправокъ, которыя онъ, впрочемъ, едва ли считалъ окончательными. Кромѣ того, въ этой рукописи ст. 7-й исправленъ рукой В. А. Жуковскаго слѣдующимъ образомъ:

Его наполнилъ Бахусъ,

но самъ же поправитель и зачеркнулъ свою передѣлку. Что касается рукописи № 2395, она воспроизводитъ первоначальный текстъ піесы безъ вниманія къ позднѣйшимъ авторскимъ поправкамъ, но вноситъ въ этотъ текстъ нѣ-

сколько новыхъ измѣненій, по видимому, не принадлежащихъ Пушкину. Съ этими измѣненіями, то-есть, вполнѣ согласно съ рукописью № 2395, піеса и вошла въ посмертное изданіе; напротивъ того, изданіе литературнаго фонда устранило эти измѣненія посторонняго происхожденія и вмѣсто нихъ ввело въ текстъ позднѣйшія поправки самого Пушкина, впрочемъ не вполнѣ. Болѣе полнымъ образомъ воспользовалось ими настоящее изданіе. Помѣстивъ ихъ въ печатаемомъ текстѣ, отмѣчаемъ здѣсь замѣненные ими первоначальные *варіанты*:

Ст. 6-й: Онъ *Вакхомъ* былъ наполненъ
Свѣтлѣющею влагой.
„ 12-й: *Коварнаго* Амура
„ 19-й, 20-й: *Иль хочется* зачерпнуть
Тебѣ вина златого,
Да *ручка* не достанетъ.
„ 22-й—25-й: *Рѣзвясь я* въ это море
Колчанъ и лукъ, и стрѣлы
Всѣ бросилъ не нарочно.

Отмѣтимъ здѣсь кстати и тѣ *варіанты*, которые составляютъ особенность посмертнаго изданія, хотя—какъ сказано выше—принадлежность ихъ Пушкину возбуждаетъ большія сомнѣнія:

Ст. 8-й: *Холодный* плющъ....

Послѣ ст. 32-го прибавлено въ заключеніе:

Тѣмъ лучше для меня.

Прибавка тѣмъ болѣе неожиданная, что этотъ стихъ имѣетъ мужеское окончаніе, тогда какъ вся піеса написана стихами съ окончаніями женскими.

Анненковъ (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 151) находитъ, что это стихотвореніе „принадлежитъ къ незначительнымъ французскимъ подражаніямъ“, но гораздо правильнѣе считать эту піесу написанною въ духѣ Ана-

креона: она отчасти напоминаетъ Анакреоновы оды I-й книги — 3-ю и 10-ю.

VII.

ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

(Стр. 177 — 179).

Это посланіе находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 1 и 2, съ помѣтой: „1816“ и позднѣйшею: „не надо“; списокъ того же посланія, по свидѣтельству И. П. Хрущова, находился въ принадлежавшей бывшему лицеисту Ѳ. Ѳ. Матюшкину тетради 1817 года: „Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго лицея“, при чемъ текстъ піесы былъ тутъ вполнѣ сходенъ съ печатнымъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ журналѣ *Сѣверный Наблюдатель* 1817 года, ч. II, стрр. 310 — 312, съ подписью: *А. Пушкинъ;* отсюда оно перешло въ изданіе *Анненкова*, ч. II, стрр. 104 — 106, однако съ пропускомъ стт. 11-го — 15-го, вслѣдствіе чего соотвѣтствующая часть посланія утратила смыслъ; на этотъ пропускъ было указано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, ст. 314, и въ изданіи 1859 года, т. I, стрр. 99 — 101, онъ уже былъ возстановленъ.

Музейная рукопись представляетъ, сравнительно съ текстомъ журнала, только одинъ *варіантъ:*

Ст. 6-й: Улыбка, взоры, *милый* тонъ.

Кромѣ того, въ ст. II-мъ, гдѣ сперва читалось:

Любви вѣнокъ и лиры звонъ,

сдѣлана перестановка первыхъ двухъ словъ, что̀ введено и въ настоящее изданіе.

Изъ помѣты: „не надо“ видно, что Пушкинъ не придавалъ цѣны этому стихотворенію. Позднѣйшая критика

также относилась къ нему неблагосклонно: Анненковъ въ своемъ изданіи, т. II, стр. 150, назвалъ эту піесу весьма слабою по сочиненію и по стихамъ, а Незеленовъ (Пушкинъ въ его поэзіи, стрр. 27 и 28) причислилъ ее къ разряду стихотвореній, въ которыхъ юный авторъ выразилъ „легкомысленный взглядъ на жизнь“. Сужденія такого рода можно признать чрезмѣрно строгими: стихъ посланія отличается легкостью и живостью, которыми не обладало большинство нашихъ стихотворцевъ до Пушкина; а что касается выраженнаго въ піесѣ міросозерцанія, оно является не столько прямымъ выраженіемъ міросозерцанія автора, сколько плодомъ литературной подражательности; на этотъ разъ образцами Пушкину служили Вольтеръ въ его мелкихъ лирическихъ піесахъ и его предшественники въ „легкомъ“ родѣ поэзіи — „вольнодумцы“ Шапелль и Шольё; у Шапелля можно даже указать стихотвореніе, нѣсколько напоминающее по содержанію „Посланіе Лидѣ“: это — „Lettre à mademoiselle de Lenclos“ (Oeuvres de Chapelle et de Bachaumont. Paris. MDCCCLIV, p. 156), посланіе, въ которомъ воспѣвается знаменитая своимъ умомъ и своими любовными похожденіями красавица XVII вѣка Нинона де-Ланкло (род. въ 1616 г., ум. въ 1706), также принадлежавшая къ кругу современныхъ ей вольнодумцевъ; шутливое изображеніе Сократа въ стт. 37-мъ — 54-мъ Пушкинскаго посланія едва ли не ведетъ начала изъ слѣдующей строфы въ піесѣ Шапелля:

Socrate, et tout sage et tout bon,
N'a rien dit qui tes dits égale;
Au prix de toi, le vieux barbon
N'entendoit rien à la morale.

Въ посланіи Пушкина любопытно отмѣтить наивное юношеское желаніе блеснуть литературною эрудиціей: стихотвореніе поражаетъ перечисленіемъ древнихъ мудре-

цовъ, изъ которыхъ одни — Сократъ, Платонъ, Зенонъ, Аристиппъ, Катонъ, Цицеронъ, Сенека — названы прямо, а другіе — „скучный рабъ Эпафродита“, то-есть, Эпиктетъ, и странствующій съ бочкой циникъ Діогенъ — изображены только описательно. Рядомъ съ ними нашли себѣ мѣсто представители эпикуреизма въ новыя времена — Вольтеръ и Нинона де-Ланкло.

VIII.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Шиллера).

(Стр. 180).

Рукописи этого стихотворенія мы не имѣли, но она была получена С. А. Соболевскимъ отъ Льва С. Пушкина и сообщаема М. Н. Лонгиновымъ П. В. Анненкову; послѣдній считалъ ее за автографъ знаменитаго поэта, а Соболевскій узнавалъ въ ней почеркъ его младшаго брата (*Библіографическія Записки* 1858 г., ст. 2). — Впервые стихотвореніе было напечатано въ изданіи *Анненкова*, т. VII, стрр. 17 и 18, и съ тѣхъ поръ входитъ во всѣ изданія сочиненій Пушкина.

Еще Анненковъ, а за нимъ Г. Н. Геннади, высказывали сомнѣніе на счетъ принадлежности этой піесы Александру Пушкину, первый — безъ объясненія причинъ, а второй — допуская предположеніе, что она написана Львомъ Пушкинымъ (Приложенія къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ *Я. А. Исаковымъ*. С.-Пб. 1860, стрр. 101 и 102). Мы однако не видимъ твердыхъ основаній для такого предположенія: даже если принимать во вниманіе слабое знакомство лицеиста Пушкина съ нѣмецкимъ языкомъ, переводъ „Пуншевой пѣсни“ все-таки можетъ быть

ему приписанъ какъ по отсутствію трудностей въ нѣмецкомъ оригиналѣ, такъ и потому, что переложеніе могло быть сдѣлано при помощи кого-либо изъ товарищей, всего вѣроятнѣе — Кюхельбекера, съ которымъ Пушкину, по его собственному свидѣтельству (въ піесѣ 1825 года: „19-е октября"), приходилось толковать о Шиллерѣ.

Написанный въ 1803 году, нѣмецкій подлинникъ — таковъ:

Punschlied.

Vier Elemente
Innig gesellt,
Bilden das Leben,
Bauen die Welt.
Presst der Citrone
Saftigen Stern,
Herb ist des Lebens
Innerster Kern.
Jetzt mit des Zuckers
Linderndem Saft
Zähmet die Herbe
Brennende Kraft.
Giesset des Wassers
Sprudelnden Schwall,
Wasser umfänget
Ruhig das All.
Tropfen des Geistes
Giesset hinein,
Leben dem Leben
Giebt er allein.
Eh es verdürftet
Schöpfet es schnell,
Nur wenn er glühet
Labet der Quell.

Сличеніе этого подлинника съ переводомъ позволяетъ признать послѣдній очень близкимъ, хотя и не особенно удачнымъ.

Косвеннымъ доказательствомъ тому, что Кюхельбекеръ имѣлъ какое-либо отношеніе къ этой работѣ Пушкина, можно считать слѣдующее обстоятельство: въ тетради лицейскихъ стихотвореній, писанной въ 1817 году и принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину, есть стихотвореніе самого Кюхельбекера, напоминающее содержаніемъ и особенно размѣромъ „Пуншевую пѣсню“ Пушкина. Вотъ эта піеса[1]):

Диѳирамбъ.

Сладкая сила,
Въ чашѣ сокрытая,
Духъ увлекаетъ;
Въ кубокъ украдкою
Влившн желанія,
Пиѳія грѣетъ
Сердце надеждою;
Царь Діонисіосъ
Умъ ослѣпляетъ,
Гонитъ печаль.
Такъ! Упоенному
Грады покорствуютъ;
Онъ надъ народами
Многими властвуетъ;
Златомъ, рѣзьбою,
Мраморомъ свѣтится
Домъ беззаботнаго;
Лишь пожелаетъ онъ
Въ радостномъ сердцѣ —
Вотъ изъ Египта
По морю синему
Всѣми богатствами
Обремененныя
Мчатся суда.

1) Это стихотвореніе, но въ болѣе поздней редакціи, подъ заглавіемъ: „Диѳирамбъ. Изъ Бакхилида“ и съ полною подписью автора, было впослѣдствіи напечатано въ *Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія* 1820 г., ч. XI, стрр. 94 и 95.

Анненковъ пріурочивалъ „Пуншевую пѣсню“ къ лицейскому времени, впрочемъ безъ болѣе точнаго опредѣленія года, — Гаевскій же (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стрр. 373 и 374) счелъ возможнымъ прямо отнести ее къ 1816 году, безъ сомнѣнія, по аналогіи съ нижеслѣдующею піесой „Заздравный кубокъ“. То же опредѣленіе принято и въ настоящемъ изданіи.

IX.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

(Стрр. 181 и 182).

Это стихотвореніе извѣстно въ трехъ рукописныхъ текстахъ: первый изъ нихъ читается въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364 на л. 18, писанъ рукой А. Д. Илличевскаго и снабженъ помѣтой: „1816“ и собственноручными поправками Пушкина; другой находится въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной сборникѣ „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 13 и 14, а третій, по свидѣтельству И. П. Хрущова, былъ внесенъ въ лицейскую тетрадь 1817 года, принадлежавшую Ѳ. Ѳ. Матюшкину.— Впервые стихотвореніе было напечатано въ альманахѣ *Памятникъ отечественныхъ музъ* 1825 года, стрр. 185 — 187, съ подписью *А. Пушкинъ* и съ означеніемъ 1816 года, а затѣмъ въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 375 и 376. Нѣкоторыя исправленія даннаго этимъ изданіемъ текста на основаніи списковъ, намъ неизвѣстныхъ, были сообщены Е. И. Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, ст. 314, и В. П. Гаевскимъ въ *Современникѣ* 1863 г., Т. XCVII, стр. 374, и приняты послѣдующими издателями, а затѣмъ еще нѣсколько поправокъ внесено на основаніи музейной рукописи въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 119.

Музейная рукопись содержитъ въ себѣ какъ первоначальную редакцію піесы, такъ и позднѣйшія авторскія поправки; въ остальныхъ рукописяхъ читается только редакція первоначальная. Сравнительно съ позднѣйшими поправками она представляетъ слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Строфа I-я, ст. 1-й: Кубокъ *янтарной...*
„ „ 3-й: Пѣною *парной...*
„ „ 7-й: *Но* за кого же...
„ II-я, „ 1-й — 4-й: *Пейте за славу,*
Славы друзья!
Браней забаву
Любитъ.... не я.
„ III-я, „ 1-й — 3-й: *Вы, Геликона*
Давни жрецы,
За Аполлона...
„ „ 8-й: *Други*, вода!

Въ посмертномъ изданіи стт. 3-й и 4-й во II-й строфѣ были напечатаны съ измѣненіемъ, не принадлежащимъ Пушкину:

Браней забаву
Любить нельзя.

С. П. Шевыревъ, въ разборѣ IX-го — XI-го томовъ посмертнаго изданія (*Москвитянинъ* 1841 г., кн. IX, стр. 251) предложилъ исправить послѣдній стихъ слѣдующимъ образомъ:

Любитъ.... не я,

за что̀ подвергся впослѣдствіи насмѣшкамъ Н. Г. Чернышевскаго (*Современникъ* 1855 г., т. LV, стр. 104; Очерки Гоголевскаго періода. С.-Пб. 1892, стрр. 132 и 133), а между тѣмъ предложеніе Шевырева не заключало въ себѣ ничего новаго и лишь воспроизводило данный стихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ спискахъ стихо-

творенія, ходившихъ въ старину по рукамъ, въ какомъ онъ былъ напечатанъ въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ* и читается въ первоначальномъ текстѣ музейной рукописи. Въ настоящемъ изданіи всѣ позднѣйшія поправки этой рукописи введены въ текстъ.

По мнѣнію Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 320), „Заздравный кубокъ“ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, въ которыхъ „сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто Пушкинскій элементъ поэзіи“. Слѣдуетъ однако замѣтить, что Бѣлинскому не была извѣстна напечатанная выше и находящаяся въ очевидной связи съ „Заздравнымъ кубкомъ“ „Пуншевая пѣсня“. По поводу этой связи Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 374) высказываетъ слѣдующее справедливое мнѣніе: „Мысль и выраженія великаго германскаго поэта, которымъ Пушкинъ подчинился въ этомъ случаѣ какъ переводчикъ, дали ему поводъ написать свою застольную пѣсню „Заздравный кубокъ“, въ которой однако жь слышится духъ Шиллера и его же размѣръ стиха. Произведеніе это, конечно, не принадлежитъ къ числу лучшихъ, но своею юношескою свѣжестью и искренностью вакхическаго порыва оно особенно нравилось другому великому художнику звуковъ — Глинкѣ, который уже въ послѣднюю пору своей дѣятельности написалъ на него прелестную музыку. Во второй строфѣ „Заздравнаго кубка“ особенно выразилось противувоинственное настроеніе Пушкина“. Эти же замѣчанія повторены и Л. И. Поливановымъ (см. его 2-е изданіе сочиненій Пушкина, т. I, стр. 39), съ прибавленіемъ извѣстія, что стихотвореніе „Заздравный кубокъ“ было усвоено московскими цыганами.

X.

ИСТИНА.

(Стр. 183).

Это стихотвореніе находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 4 об., писанное почеркомъ А. Д. Илличевскаго и снабженное помѣтами автора: „1816“ и „не надо“, затѣмъ — въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 21 и 22, и въ писанной писарскимъ почеркомъ тридцатыхъ годовъ тетради Моск. Публ. музея № 2395, л. 716; кромѣ того, списокъ той же піесы былъ извѣстенъ Е. И. Якушкину (*Библіографическія Записки* 1858 г., ст. 316).—Впервые піеса напечатана была въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 290.

Во всѣхъ спискахъ стихотвореніе является въ одной и той же редакціи, но въ спискѣ г. Якушкина, въ I-й строфѣ, находятся двѣ поправки, которыя и введены въ текстъ настоящаго изданія въ замѣнъ слѣдующихъ, находящихся въ другихъ спискахъ, первоначальныхъ *варіантовъ*:

Стт. 3-й и 4-й: И долго, долго *толковали*
Давнишни толки старыковъ.

По строгому сужденію А. И. Незеленова (Пушкинъ въ его поэзіи, стрр. 27 и 28), это стихотвореніе отражаетъ въ себѣ „легкомысленный взглядъ Пушкина-отрока на жизнь“. Но гораздо болѣе справедливо мнѣніе Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 314), что стихотвореніе просто принадлежитъ къ числу юношескихъ піесъ Пушкина, которыя „по изобрѣтенію, по формѣ... напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы или по крайней мѣрѣ ту школу поэзіи

русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ".

XI.

НАѢЗДНИКИ.

(Стрр. 184 и 185).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 11 и 12, писанъ не Пушкина рукой, но снабженъ нѣсколькими его собственноручными поправками и помѣтой „1816", а другой, писарскаго почерка тридцатыхъ годовъ,—въ рукописи того же музея № 2395, лл. 769 и 770; впрочемъ, этотъ послѣдній списокъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, такъ какъ лишь повторяетъ основной текстъ перваго списка, но безъ вниманія къ позднѣйшимъ авторскимъ поправкамъ. Кромѣ того, извѣстно о существованіи еще двухъ списковъ той же піесы: одного, который былъ въ рукахъ Е. И. Якушкина и при общемъ сходствѣ съ первымъ музейнымъ текстомъ представлялъ лишь небольшое число самостоятельныхъ варіантовъ (*Библіографическія записки* 1858 г., ст. 316), и другого, который находился у П. В. Анненкова и былъ внесенъ въ рукопись, служившую оригиналомъ для перваго изданія мелкихъ стихотвореній Пушкина (1826 года); здѣсь разсматриваемое стихотвореніе хоть и было отнесено къ 1815 году, однако являлось въ новой редакціи, исправленной сравнительно съ первоначальною, сохраненною музейными рукописями. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 359 — 362, подъ заглавіемъ „Наѣзднивъ", въ редакціи, тожественной съ текстомъ музейныхъ рукописей, но съ добавленіемъ, въ концѣ, восьми стиховъ, не встрѣчающихся

ни въ одномъ изъ помянутыхъ выше списковъ и едва ли принадлежащихъ Пушкину [1]). Послѣдующія изданія повторяли именно этотъ текстъ, и только изданіе литературнаго фонда, въ т. I, стрр. 127 — 129, воспользовалось, и то не вполнѣ, авторскими поправками музейной рукописи № 2364. Что же касается позднѣйшей редакціи „Наѣздниковъ", она никогда не была цѣликомъ воспроизведена въ печати, хотя еще въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 151 и 152, о ней были сообщены подробныя свѣдѣнія. Въ настоящемъ изданіи именно она внесена въ текстъ, а здѣсь вся піеса сообщается въ начальной редакціи, сохраненной музейною рукописью № 2364, при чемъ въ текстъ включены авторскія исправленія, а первоначальныя чтенія, имъ соотвѣтствующія, показаны далѣе.

НАѢЗДНИКИ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Среди невѣрнаго тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ; лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ изъ дали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ.
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;

1) Примѣры измѣненій и дополненій, принадлежащихъ посторонней рукѣ, неоднократно встрѣчаются въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина (см. напримѣръ, выше примѣчанія, стрр. 250 и 251).

Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужь полемъ всадники спѣшатъ,
Дубравы кровъ оставя зыбкой,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой.
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи.
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ какъ сумракъ полуночи
И блѣденъ какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ закрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченной,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
«Пѣвецъ печальный, что̀ съ тобою?
«Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
«Поникъ безстрашною главою,
«Бразды и саблю опустилъ!
«Уже ль, невольникъ праздной нѣги,
«Отраднѣй миръ твоихъ полей,
«Чѣмъ наши бурные набѣги
«И ночью бранный стукъ мечей?
«Тебя мы зрѣли подъ мечами
«Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ
«Всегда межь первыми рядами,
«Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ;
«Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
«Твой голосъ нашу славу пѣлъ,
«А послѣ ты въ уныньи дикомъ,
«Какъ бѣглый ратникъ, онѣмѣлъ».
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный

И вздохомъ грудь поколебалъ.
«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной,
«Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной;
«Предчувствую конецъ желанной:
«Меня зоветъ послѣдній бой!
«Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
«Влечу я съ братьями въ огонь,
«Ударъ падетъ, — и одинокой
«Въ долину выбѣжитъ мой конь.
«Но для пѣвца никто не дышитъ,
«Его настигнетъ тишина,
«Эльвина смерти вѣсть услышитъ,
«И не вздохнетъ о немъ она.
«А вы, хранимые судьбами
«Для сладостныхъ любви наградъ,
«Пускай любовницы глазами
«Благословится нашъ возвратъ!
«За чашей сладкаго спасенья,
«О братья, вспомните пѣвца,
«Его любовь, его мученья
«И славу грознаго конца!»

Къ этому тексту относятся нижеслѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Ст. 6-й (трижды исправленъ):
1) *Въ невѣрной синевѣ* тумана
2) *Въ волнахъ* невѣрнаго тумана
3) *Въ невѣрной темнотѣ* тумана

„ 18-й, 19-й: Дубравы кровъ *покинувъ* зыбкой,
Усами мрачно шевелятъ.

Послѣ ст. 37-го (вторично): *Стезя войны пускай опасна,*
Одна стезя войны прекрасна,
Завиденъ гордый нашъ удѣлъ, —
Тебѣ ли нынѣ смерть ужасна?
Ты въ вѣкъ средь боевъ не блѣднѣлъ.

ст. 52-й: *Готовъ, готовъ ударъ* желанной!
„ 56-й: *Влечу грозой,* — и одинокой...
(вторично) *Готовъ ударъ,* — и одинокой...
Послѣ ст. 57-го: *О, вы, которымъ здѣсь со мною*
Предѣлъ могилы положенъ,
Скажите: милая слезою
(вторично): *Скажите: милая тоскою*
Вашъ усладитъ ли долгій сонъ?
Ст. 58-й, 59-й: Но для *меня* никто не дышетъ,
Меня настигнетъ тишина.
„ 61-й: И *въ тайнѣ* не вздохнетъ она...
„ 63-й: Для *счастья жизненныхъ отрадъ.*

Списокъ Е. И. Якушкина сравнительно съ музейною рукописью № 2364 представляетъ лишь слѣдующіе варіанты:

Ст. 4-й, 5-й: Звѣзда *полуночи* сіяла
При *погасающихъ* огняхъ.

Что касается редакціи „Наѣздниковъ", помѣщенной въ посмертномъ изданіи, точность и даже подлинность ея, какъ сказано выше, внушаютъ большое сомнѣніе; тѣмъ не менѣе, считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь, чѣмъ эта редакція отличается отъ текста музейной рукописи № 2364:

Ст. 63-й, 64-й: Для *тихихъ жизненныхъ отрадъ,*
Счастливцы!... Милыя слезами...

Затѣмъ, послѣ ст. 69-го читаются еще слѣдующіе восемь стиховъ:

Умолкъ и мчится въ бой кровавый.
Уже не возвратился онъ!
..... На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ, юнаго поэта
Наѣздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ.

Неоднократныя поправки автора въ этомъ стихотвореніи и въ особенности полная передѣлка піесы при приготовленіи къ печати изданія 1826 года свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ придавалъ стихотворенію извѣстную цѣну, хотя въ концѣ концовъ все-таки не рѣшился включить его въ сейчасъ помянутое первое изданіе своихъ мелкихъ лирическихъ произведеній. Послѣдующая критика мало обращала вниманія на „Наѣздниковъ“. Только у Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 318) и у Анненкова (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 151) встрѣчается замѣчаніе, что „Наѣздники“ составляютъ „подражаніе Батюшкову“. И дѣйствительно, въ числѣ стихотвореній послѣдняго, относящихся къ 1812 — 1814 годамъ, есть нѣсколько піесъ характернаго сентиментально-героическаго типа, пользовавшихся большою извѣстностью въ свое время: „Разлука“ (Гусаръ, на саблю опираясь,...), „Плѣнный“, „Любовь въ челнокѣ“. Сочиненіе этихъ произведеній навѣяно, безъ сомнѣнія, тогдашнею французскою словесностью, въ которой образцы подобныхъ стихотвореній существовали уже въ то время въ значительномъ количествѣ. Какъ извѣстно, даже въ періодъ самаго страстнаго увлеченія славой Наполеоновыхъ побѣдъ нѣкоторая часть французскаго общества, преимущественно провинціальнаго, питала симпатіи къ павшей династіи и даже мечтала о возвращеніи Бурбоновъ. Въ этихъ-то кружкахъ встрѣтили большое сочувствіе особенные разряды литературныхъ произведеній — мнимо-историческій романъ (особенно г-жи Коттенъ), въ которомъ было очень мало исторической правды, но много чувствительности, и сентиментально-героическій романсъ или баллада во вкусѣ старинныхъ трубадуровъ или менестрелей. „Слово *трубадуръ*“, говоритъ историкъ французской литературы временъ первой имперіи, — „по видимому, имѣло для нашихъ отцовъ особенную прелесть:

оно встрѣчается чуть ли не на каждой страницѣ тогдашнихъ сборниковъ стихотвореній. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сотрудниковъ журнала *Mercure de France* замѣчаетъ, что „слово это нельзя произнести безъ волненія, такъ какъ оно напоминаетъ о невинныхъ играхъ любви и чести“. Появился особый, до крайности слащавый style troubadour, вызывавшій впослѣдствіи много насмѣшекъ, но въ свое время чрезвычайно нравившійся. „Казалось“, говоритъ тотъ же историкъ, — „что послѣ столькихъ бурныхъ годовъ, въ сосѣдствѣ боевыхъ полей, всѣ сердца почувствовали потребность умягчиться, и воображеніе томилось по идеалу сладостнаго забвенія или сентиментальнаго блаженства, призракъ котораго оно искало въ какомъ-то условномъ представленіи среднихъ вѣковъ, обвѣянномъ запахомъ лилій, символа смутно оплакиваемой династіи. Эта меланхолія, полная неопредѣленныхъ ожиданій и тайныхъ пожеланій, объясняетъ намъ успѣхъ тѣхъ маленькихъ элегій, что̀ облетѣли всю Францію, странствуя изъ замка въ замокъ на крыльяхъ трогательныхъ мелодій, пѣтыхъ нашими бабушками“ (*G. Merlet.* Tableau de la littérature française 1801 — 1815, t. I, pp. 158—160; ср. *H. Potez.* L'élégie en France avant le romantisme, chapitre VI). Батюшковъ еще до заграничнаго похода 1813 — 1814 годовъ подмѣтилъ это настроеніе во французской литературѣ, а во время своего пребыванія во Франціи еще ближе присмотрѣлся къ нему въ самомъ французскомъ обществѣ (ср. Сочиненія Батюшкова, т. II, стр. 72) и перенесъ его въ нѣкоторыя собственныя произведенія. Выше (примѣчанія, стр. 171), по поводу піесы Пушкина „Слеза“, мы уже имѣли случай отмѣтить господствующіе мотивы подобныхъ романсовъ и балладъ и сопоставили „Слезу“ со стихотвореніемъ Батюшкова „Разлука“. Для „Наѣздниковъ“ мы не можемъ указать прямой паралели ни у этого поэта, ни у кого другого изъ

современныхъ ему писателей; но мы не сомнѣваемся, что, сочиняя разсматриваемую піесу, Пушкинъ заплатилъ дань тому же сентиментально-героическому настроенію.

Какъ мы уже видѣли, во французской литературѣ содержаніе балладъ и романсовъ нерѣдко облекалось въ обстановку средневѣковой жизни; въ стихотвореніяхъ Батюшкова, а за нимъ Пушкина, оно связывается съ обстановкой современнаго русскаго военнаго быта. Дѣйствительно, „Наѣздники“ переносятъ насъ въ сферу дѣятельности нашихъ партизановъ, прославившихся въ народную войну 1812 года, а это обстоятельство, въ свою очередь, наводитъ на мысль о ближайшемъ реальномъ поводѣ къ сочиненію піесы. Извѣстно, что стихотвореніе Батюшкова „Плѣнный“, равно какъ стихотвореніе князя Вяземскаго „Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа“, написанныя въ 1814 году, вызваны были дѣйствительнымъ происшествіемъ — плѣномъ Льва Васильевича Давыдова, брата пресловутаго партизана. Есть большое вѣроятіе, что самого знаменитаго „Дениса“ имѣлъ въ виду Пушкинъ, когда воспѣвалъ своего „воинственнаго пѣвца“-наѣздника[1]). Послѣ событій 1812 года Д. В. Давыдовъ пріобрѣлъ громкую популярность въ русскомъ обществѣ, вошелъ, такъ-сказать, въ моду, при чемъ, разумѣется, его знали преимущественно какъ лихого партизана, и только близкимъ пріятелямъ этого „Анакреона подъ доломаномъ“ (выраженіе Вяземскаго) было извѣстно, что онъ, какъ самъ говорилъ, „на вьюкѣ въ торокахъ таскалъ цѣвницу“. До тѣхъ поръ онъ почти ничего не отдавалъ въ печать, но въ числѣ немногаго, имъ напечатаннаго или ходившаго по рукамъ въ спискахъ, уже было, кромѣ

1) Здѣсь кстати замѣтить, что, по словоупотребленію Пушкина, „наѣзднікъ“ означаетъ то же, что̀ *партизанъ:* въ стихотвореніи 1821 года „Сѣтованіе“ Пушкинъ называетъ „Уставомъ *наѣздника*“ сочиненіе Д. В. Давыдова: „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія“ (Москва. 1821).

„гусарскихъ“ посланій, нѣсколько стихотвореній, полныхъ страсти и обличавшихъ несомнѣнный талантъ автора (см. ихъ въ изданіи Сочиненій Давыдова 1893 г., т. I, подъ №№ XVIII, XX, XXI и XXII). Рано узналъ Давыдова Пушкинъ и какъ военнаго человѣка, и какъ поэта: въ случайно сохранившихся отрывкахъ его лицейскаго дневника 1815 года записанъ анекдотъ изъ его партизанскихъ похожденій, а на его стихи, читанные въ юности, Пушкинъ ссылался впослѣдствіи какъ на образцы, по которымъ онъ учился не поддаваться чужому вліянію (*Русскій Архивъ* 1874 г., кн. II, ст. 732). Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкину извѣстны были и обстоятельства, подавшія Давыдову поводъ къ его любовнымъ стихотвореніямъ 1811 — 1815 годовъ, то-есть, его пламенное увлеченіе московскою танцовщицей и актрисой А. И. Ивановой, увлеченіе, которое партизанъ сохранялъ въ теченіе всѣхъ своихъ походовъ, но за которое красавица платила ему равнодушіемъ (Сочиненія Давыдова, т. I, стр. 75, т. III, стр. 150 — 154). Подобно тому несчастная любовь „воинственнаго пѣвца“ составляетъ основной мотивъ „Наѣздниковъ“; только въ дѣйствительности любовь Давыдова не привела его къ тому „грозному концу“, какой описанъ въ стихотвореніи Пушкина, гдѣ отвергнутый красавицею герой ищетъ смерти и находитъ ее въ сраженіи. Такимъ образомъ поэтъ отступилъ отъ дѣйствительности въ пользу вымысла, но въ этомъ отступленіи обнаружилъ ясный художественный взглядъ: трагической развязки требовала логика творчества, и Пушкинъ не усумнился заключить ею свое стихотвореніе.

XII.

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(Стрр. 186 — 188).

Рукописи этого стихотворенія намъ не извѣстно. — Впервые оно было напечатано въ „Библіографическихъ Записках“ *М. Н. Лонгинова* (*Современникъ* 1856 г., т. LX, стрр. 40 — 42), подъ заглавіемъ: „Неизданное посланіе Пушкина (1816)“, съ пропускомъ — безъ сомнѣнія, случайнымъ—ст. 34-го и безъ указанія на лицо, къ которому обращено, а затѣмъ оно вошло въ изданіе *Анненкова*, т. VII, стрр. 13—15, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ кн. А. М. Г.“, при чемъ добавленъ и пропущенный Лонгиновымъ стихъ.

Время сочиненія посланія опредѣляется первымъ его стихомъ: восемнадцатый годъ наступилъ для Пушкина 26-го мая 1816 года.

Посланіе заключаетъ въ себѣ паралель между участью, ожидающею автора, и будущностью его школьнаго пріятеля. По словамъ Я. К. Грота (Пушкинъ и пр., стр. 15), „въ этомъ товарищѣ-аристократѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію обѣщалъ много въ будущемъ. Съ самаго ранняго возраста Пушкинъ понималъ, что ихъ ожидаютъ совершенно различныя судьбы“. Нѣтъ сомнѣнія, что даже въ ранней юности Пушкинъ не стремился къ тому поприщу, къ которому готовился Горчаковъ, но было бы большою ошибкой полагать, что самолюбивый поэтъ допускалъ превосходство надъ собою этого „аристократа“—хотя бы только въ общественномъ положеніи; все различіе въ ихъ судьбѣ онъ находилъ лишь въ привлекательной наружности и пріятномъ нравѣ, которые обѣщали Горчакову легкіе и блестящіе успѣхи въ обществѣ, тогда какъ печальныя условія собственнаго быта не сулили Пушкину такихъ

выгодъ. Взглядъ, который онъ бросаетъ на самого себя, на свое скудное радостями дѣтство, на безнадежность сердечнаго влеченія, имъ переживаемаго, проникнутъ безотрадною грустью, и въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть важной автобіографической черты, если даже мы согласимся съ мнѣніемъ Н. Ѳ. Сумцова (Этюды о Пушкинѣ, вып. IV, стр. 24), что „это — стихотвореніе многословное и туманное". Вслѣдствіе того элегическій оттѣнокъ выступаетъ въ посланіи столь ясно, что одинъ изъ критиковъ прямо называетъ піесу элегіей (Сочиненія Пушкина, 2-е изданіе *Поливанова*, т. I, стр. 41), а другой сближаетъ ее съ произведеніями иныхъ писателей, также имѣющими элегическій характеръ. Это послѣднее мнѣніе принадлежитъ Гаевскому: онъ указываетъ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стрр. 364 и 365), что разсматриваемое стихотвореніе напоминаетъ содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго „Къ Филалету" (А. И. Тургеневу, 1807 г.) и въ доказательство сопоставляетъ стт. 43-й—45-й и 63-й—68-й піесы Пушкина со слѣдующими стихами Жуковскаго:

Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
.....
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ, еслибъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать,
Кто бъ небо оскорбилъ безумiемъ роптанья?

Кромѣ того, стт. 48-й — 54-й Пушкинскаго посланія Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 177) не безъ основанія сближаетъ въ отношеніи мысли и образовъ со слѣдующими стихами извѣстной элегіи Жильбера (Nicolas-Joseph Gilbert, род. въ 1751 г., ум. въ 1780): „Le poète mourant":

Au banquet de la vie, infortuné convive,
J'apparus un jour, et je meurs.
Je meurs, et sur ma tombe, où lentement j'arrive,
Nul ne viendra verser des pleurs.

Еще Бѣлинскій по поводу элегическихъ стихотвореній Пушкина замѣтилъ, что онъ „никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхиваетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ“ (Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 330, ср. стр. 378). Бѣлинскому не было извѣстно разсматриваемое посланіе, но послѣдующіе критики — Поливановъ и Стоюнинъ (Истор. сочиненія, т. II, стр. 53) удачно примѣнили къ нему вышеприведенныя наблюденія своего предшественника. Близко подходитъ къ ихъ заключеніямъ и сужденіе А. И. Незеленова (Пушкинъ въ его поэзіи, стрр. 33 и 34), высказанное притомъ съ осторожностью, которая сообщаетъ ему особую значительность. Приведя изъ „Посланія къ Горчакову“ стт. 20-й—34-й, Незеленовъ замѣчаетъ: „Въ послѣднихъ стихахъ слышится уже начинающее раскрываться могущественное дарованіе. Произведеніе оканчивается первымъ, еще смутнымъ проявленіемъ особенности поэзіи Пушкина—будущимъ умѣньемъ его находить прекрасную и утѣшительную сторону во всякомъ явленіи жизни, во всякомъ состояніи человѣческаго духа“.

Такимъ образомъ, разсматриваемое посланіе принадлежитъ къ числу тѣхъ лицейскихъ піесъ Пушкина, въ которыхъ наиболѣе ярко выступали мотивы, впослѣдствіи развившіеся въ его поэзіи. Кромѣ того, оно замѣчательно

появленіемъ, въ стт. 42-мъ—46-мъ, первыхъ намековъ на мечтательную любовь, пробудившуюся въ сердцѣ Пушкина, когда ему было семнадцать лѣтъ. Ранѣе признаки этого чувства можно указать только въ двухъ небольшихъ піесахъ 1815 года: „Слеза“ и „Къ живописцу“, но тамъ оно еще не находитъ себѣ самостоятельнаго выраженія, ибо первая составляетъ близкое подражаніе Батюшкову, а вторая — Парни и, пожалуй, Анакреону, тогда какъ „Посланіе къ Горчакову“ 1816 года является произведеніемъ оригинальнымъ и служитъ какъ бы введеніемъ къ цѣлому ряду любовныхъ элегій, написанныхъ Пушкинымъ въ то время подъ впечатлѣніями свѣжеиспытаннаго чувства.

XIII.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

(Стрр. 189 и 190).

Стихотвореніе это сохранилось въ автографѣ на отдѣльномъ листкѣ въ бумагахъ Я. К. Грота и въ копіи въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной рукописной тетради: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 81 и 82.—Впервые оно напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 342 и 343.

Въ обѣихъ рукописяхъ текстъ совершенно одинаковъ и сравнительно съ текстомъ печатнымъ представляетъ только два слѣдующіе незначительные *варіанта:*

Строфа II-я, ст. 1-й: Свершилось! *Взорами* царей...
„ IV-я, „ 1-й: *И милой повлекся* окруженъ...

Стихотвореніе это написано Пушкинымъ для исполненія на праздникѣ, данномъ императрицей Маріей Ѳеодоровною 6-го іюня 1816 года въ Павловскѣ въ честь

новобрачныхъ принца Оранскаго Вильгельма и великой княгини Анны Павловны. Въ статьѣ В. П. Гаевскаго „Пушкинъ въ лицеѣ“ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 372) по поводу сочиненія разсматриваемой піесы сообщается слѣдующее: „Одинъ изъ праздниковъ (въ честь новобрачныхъ) данъ былъ въ Павловскѣ въ Розовомъ павильонѣ. По этому случаю императрица Марія Ѳеодоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устарѣвшій поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ лицей, передалъ это порученіе Пушкину, которому далъ и главную мысль, а черезъ часъ или два уѣхалъ изъ лицея уже со стихами“. Изъ приводимаго затѣмъ Гаевскимъ свидѣтельства директора лицея Энгельгардта (въ донесеніи его министру народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ лицейскаго архива 1816 г., № 407) видно, что въ выборѣ автора для сочиненія стиховъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Нелединскимъ и Н. М. Карамзинъ. Ему же, по словамъ А. И. Тургенева (Остафьевскій архивъ. Переписка А. И. Тургенева и князя П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 47), принадлежали и „перемѣны“ въ редакціи этихъ стиховъ — быть можетъ, тѣ самыя различія, которыя существуютъ нынѣ между печатнымъ текстомъ I-й и IV-й строфъ и вышепомянутымъ текстомъ рукописнымъ. Стихи Пушкина были пѣты 6-го іюня во время параднаго ужина, и авторъ получилъ за нихъ отъ вдовствующей государыни золотые часы съ цѣпочкой (*Селезневъ*. Истор. очеркъ лицея, стр. 146).

Какъ и слѣдуетъ ожидать, стихотвореніе это полно намековъ на недавнія событія борьбы противъ Наполеона. Для объясненія трехъ послѣднихъ строфъ слѣдуетъ припомнить, что принцъ Вильгельмъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1849) въ кампанію 1815 года состоялъ при Веллингтонѣ и былъ раненъ въ сраженіи при Ватерло. Затѣмъ въ декабрѣ того же года онъ пріѣхалъ въ

Петербургъ для вступленія въ бракъ съ великою княжной Анной Павловною; обрученіе ихъ происходило 10-го января 1816 года, а вѣнчаніе 9-го февраля. Наслѣдникъ голландскаго престола произвелъ у насъ прекрасное впечатлѣніе: „Принцъ мнѣ очень полюбился“, писалъ Карамзинъ Вяземскому, — „скромный, умный и чувствительный“ (*Старина и новизна.* Кн. I, стр. 12). 10-го іюня 1816 года молодые оставили Петербургъ: Павловскій праздникъ былъ данъ именно въ виду ихъ скораго отъѣзда.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 317) находилъ, что въ стихахъ „Къ принцу Оранскому“ обнаруживается вліяніе Жуковскаго; замѣчаніе это не только справедливо, но и можетъ быть примѣнено къ большей части стихотвореній Пушкина, относящихся къ событіямъ Наполеонова времени: какъ ни различны дарованія Жуковскаго и Пушкина, послѣдній нерѣдко вспоминалъ о первомъ, когда въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ касался этой достопамятной эпохи; такъ, напримѣръ, въ одной изъ его тетрадей, принадлежащей уже къ половинѣ двадцатыхъ годовъ (рукопись Моск. Публ. музея № 2370, л. 8), вслѣдъ за его собственными стихами о Наполеонѣ записаны нѣсколько строфъ изъ піесы Жуковскаго: „Стихи, пѣтые на празднествѣ англійскаго посла лорда Каткарта“ (28-го марта 1816 года). Стихи эти появились въ печати въ *Сынѣ Отечества* 1816 г., ч. 29, № 14, и безъ сомнѣнія, тогда же стали извѣстны Пушкину, а потому не удивительно, что піеса „Къ принцу Оранскому“ представляетъ нѣчто общее съ произведеніемъ Жуковскаго въ тонѣ и выраженіяхъ, впрочемъ не къ выгодѣ Пушкина.

Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 372) находилъ, что „ода эта, хоть и писанная по заказу и въ самый короткій срокъ, принадлежитъ къ лучшимъ лицей-

скимъ стихотвореніямъ". Еще дальше пошелъ въ своемъ сужденіи Л. И. Поливановъ (см. его 2-е изданіе Пушкина, т. I, стр. 51). „Это стихотвореніе", говоритъ онъ, — „стансы. Стихъ его, мужественный и звонкій, носитъ тотъ самобытный характеръ, которымъ отличаются произведенія того же рода лучшей поры творчества: „Въ надеждѣ славы и добра" (1826) и „Въ часы забавъ иль праздной скуки" (1830)". Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отзывѣ много произвольности и преувеличенія: ни по достоинствамъ стиха, ни по яркости и красотѣ образовъ, ни по внутреннему содержанію піеса „Къ принцу Оранскому" не можетъ быть приравниваема не только къ двумъ сейчасъ помянутымъ жемчужинамъ Пушкинской лирики, но и къ тѣмъ стихамъ Жуковскаго о коихъ было говорено. Гораздо справедливѣе, чѣмъ сообщенныя выше сужденія, осторожный отзывъ Я. К. Грота: приведя, къ своей книгѣ „Пушкинъ и пр.", стр. 18, вторую строфу разсматриваемой піесы, онъ противополагаетъ ее послѣднимъ стихамъ оды Пушкина „Наполеонъ" (1821 года) и по этому поводу говоритъ: „Какая противоположность между этимъ языкомъ юноши, увлеченнаго общимъ въ то время негодованіемъ на сверженнаго колосса, и тѣмъ великодушнымъ словомъ примиренія, которое произноситъ возмужалый поэтъ надъ гробомъ его!"

XIV.

СОНЪ.

(Отрывокъ).

(Стрр. 191 — 197).

Это стихотвореніе не встрѣчалось намъ въ рукописи, но, по свидѣтельству И. П. Хрущова, оно находилось въ

той лицейской тетради 1817 года, которая принадлежала Ѳ. Ѳ. Матюшкину; впрочемъ, текстъ отрывка въ этой рукописи не представлялъ никакихъ отличій отъ печатнаго.— Впервые стихотвореніе явилось въ печати въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 301 — 309.

Какъ время сочиненія этой піесы, такъ и обстоятельства ея происхожденія, не извѣстны въ точности. Анненковъ, въ своемъ изданіи, т. II, стрр. 116 — 123, первый пріурочилъ это стихотвореніе къ 1816 году, впрочемъ безъ объясненія причинъ, и онъ же (тамъ же, стр. 151) высказалъ предположеніе, что „эта длинная похвала сну“ написана „чуть ли не по поводу Дельвига“, но также ничѣмъ не подтвердилъ своей догадки. Столь же шатко предположеніе П. А. Ефремова (см. изданіе 1882 г., т. I, стр. 479), что „этотъ отрывокъ составляетъ часть не сохранившагося посланія „Оправданная лѣнь“, о которомъ упоминаетъ Гаевскій“ (въ статьѣ „Пушкинъ въ лицеѣ“—*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 147). По нашему мнѣнію, авторъ назвалъ свою піесу „отрывкомъ“ просто потому, что замѣтилъ въ ней бѣдность содержанія и отсутствіе цѣльности. Эти недостатки могли бы служить доказательствомъ болѣе ранняго происхожденія піесы, но такъ какъ мы не въ состояніи прочно обосновать такую догадку, то и предпочитаемъ вслѣдъ за Анненковымъ отнести „Сонъ“ къ 1816 году.

Справедливо замѣтилъ Анненковъ, что разсматриваемая „піеса имѣетъ мало соотношеній съ авторомъ, въ которомъ не было и признаковъ расположенія къ лѣни и бездѣйствію“. Такимъ образомъ, если Пушкинъ избралъ темой для своего произведенія прославленіе сна и лѣни, это скорѣе всего слѣдуетъ объяснять литературными традиціями. Еще въ классической древности, въ позднѣйшіе вѣка, возникъ обычай, усвоенный впослѣдствіи, съ эпохи Возрожденія, и новыми литературами западной Европы,—

сочинять шуточныя или даже сатирическія похвалы предметамъ, не заслуживающимъ восхваленія, какъ напримѣръ, пьянству, глупости, себялюбію, зависти, грязи и т. д. Въ періодъ ложнаго классицизма поэты, посвящавшіе свое дарованіе такъ-называемой „легкой“ поэзіи и обыкновенно причислявшіе себя къ „сектѣ Эпикура“, охотно занимались оправданіемъ своей лѣни. Такого рода литературныя понятія проникли и въ нашу словесность конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго. „Въ старые годы“, говоритъ по поводу разсматриваемой піесы Пушкина Стоюнинъ (Истор. сочиненія, т. II, стрр. 40 и 41),—„наши поэты любили поэтизировать лѣнь, соединяя съ нею нѣгу и блаженство жизни. Это согласовалось съ тѣмъ взглядомъ на поэзію, какой у насъ существовалъ въ XVIII столѣтіи. Ея не считали за дѣло, она была бездѣлье на досугѣ. Артистическая натура требовала покоя и уединенія, чтобъ углубиться въ себя, всмотрѣться въ тѣ образы, какіе создавала фантазія. Внутренняя, не зримая ея работа уже отвлекала и отвращала отъ всякаго другого труда. Она-то и принималась за лѣнь. Но это также было дѣло, только понятное и доступное очень немногимъ“. Дѣйствительно, даже такой даровитый поэтъ и несомнѣнно умный человѣкъ, какъ Батюшковъ, нерѣдко воспѣвалъ въ своихъ стихахъ эту изящную лѣнь художника на ряду съ наслажденіями любви; но тотъ же любимецъ Пушкина написалъ въ прозѣ „Похвальное слово сну“ (первое его изданіе относится къ 1810 году, второе — къ 1816, при чемъ оба появились въ *Вѣстникѣ Европы*) — произведеніе, отличающееся шутливостью крайне натянутою, а иногда и близкою къ пошлости. Еще меньше пониманія этой творческой лѣни обнаруживали молодые лицейскіе поэты, не только Дельвигъ, но даже Пушкинъ: его піеса поражаетъ отсутствіемъ юмора и серьезностью своего тона, а между тѣмъ лѣни тутъ вовсе не приданъ идеальный оттѣнокъ, и сонъ

прославляется не какъ миръ души, а единственно какъ успокоеніе бреннаго тѣла. Если признать, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ (Сочиненія, т. VIII, стр. 318), что Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи подражалъ Батюшкову, то оригиналъ для подражанія можно видѣть не въ стихахъ послѣдняго, а развѣ въ его „Похвальному словѣ сну“.

Наиболѣе интересную часть разсматриваемой піесы составляютъ стт. 172-й—197-й, въ которыхъ авторъ предается воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ; еще Анненковъ обратилъ вниманіе на ихъ автобіографическое значеніе, а Незеленовъ и Сумцовъ даже слишкомъ преувеличили ихъ важность; такъ, упоминаніе Пушкина о разсказахъ, слышанныхъ имъ отъ своей няни, дало двумъ послѣднимъ критикамъ поводъ разсуждать вообще о содержаніи нянины́хъ повѣствованій, при чемъ Незеленовъ (Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 191) многозначительно замѣтилъ, что „можетъ быть, она знала и былевой эпосъ“, а Сумцовъ поспѣшилъ отыскать „прямой отвѣтъ“ на эту догадку въ стт. 195-мъ и 196-мъ піесы, гдѣ упоминаются Добрыня и „Муромскія пустыни“. Эти соображенія не кажутся намъ убѣдительными: вопервыхъ, свѣдѣнія о Муромскихъ пустыняхъ и о богатырѣ Добрынѣ могли дойти до Пушкина не отъ одной только его няни; изъ дневника В. К. Кюхельбекера (*Русская Старина* 1875 г., т. XIII, стр. 502) видно, что еще въ 1815 году лицеисты имѣли въ своихъ рукахъ первое изданіе „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ (Москва. 1804), и слѣдовательно, вычитанное въ этой книгѣ Пушкинъ легко могъ соединить съ разсказами Арины Родіоновны, когда вспоминалъ о нихъ въ своихъ стихахъ; а вовторыхъ, упоминаніе о Муромскихъ пустыняхъ нельзя объяснять исключительно какъ намекъ на былевой эпосъ; это выраженіе вошло въ книжную литературу раньше Пушкина; такъ, еще Карамзинъ, въ „Посланіи къ А. А. Плещееву (1793 г.), говорилъ:

Что жь дѣлать намъ? Уже ль сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ...

и Дмитріевъ въ сказкѣ „Причудница“ (1794 г.):

Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

— (**Стрр. 192 и 193, стт. 53—56**). Образъ, заимствованный изъ стихотворенія Батюшкова „Счастливецъ“.

— (**Стр. 194, ст. 97**). Бершу (Joseph Berchoux, род. въ 1765 году, ум. въ 1839), — авторъ нѣсколькихъ поэмъ, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользовалась вышедшая въ 1801 году: „La Gastronomie“; здѣсь въ четырехъ пѣсняхъ прославляется поварское искусство.

— (**Стр. 197, ст. 200**). О живописцѣ Фр. Альбани см выше примѣчанія, стр. 186.

XV.

Любовь одна — веселье жизни хладной...

(Стрр. 198 и 199).

Это стихотвореніе въ копіи, сдѣланной писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 701 и 702; кромѣ того, первую строфу этого стихотворенія мы видѣли въ автографѣ Пушкина на особомъ листкѣ, съ подписью *А. Пуш.* и со слѣдующими двумя помѣтами подъ стихами: а) „(продолженіе въ тетради 7)“ и б) „Село Михайловское, іюль 1817“; нынѣшній владѣлецъ этого листка намъ не извѣстенъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ числѣ лицейскихъ въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 319 — 321, по тексту, совершенно согласному съ текстомъ обѣихъ рукописей.

Анненковъ, въ своемъ изданіи Пушкина, т. II, стрр. 135 и 136, отнесъ стихотвореніе къ 1816 году; примѣромъ его руководствовались и послѣдующіе издатели; только Л. И. Поливановъ, въ своемъ школьномъ 2-мъ изданіи, т. I, стрр. 62 и 63, помѣстилъ піесу подъ 1817 годомъ, указавъ притомъ, что она написана въ Михайловскомъ. Мы не знаемъ, чѣмъ руководствовались въ своихъ хронологическихъ опредѣленіяхъ какъ Анненковъ, такъ и Поливановъ, но дата послѣдняго дѣйствительно согласуется съ вышеупомянутымъ Пушкинскимъ автографомъ; тѣмъ не менѣе, мы не рѣшаемся принять ее за время сочиненія стиховъ, ибо помянутый автографъ не составляетъ ихъ первоначальной рукописи или чернового наброска, а является лишь спискомъ, который былъ сдѣланъ Пушкинымъ приблизительно черезъ годъ по сочиненіи піесы; слѣдовательно, выставленная на этой рукописи дата означаетъ только время снятія копіи и не препятствуетъ намъ, подобно Анненкову, относить сочиненіе стиховъ къ 1816 году, ко времени, въ пользу котораго свидѣтельствуетъ и ихъ содержаніе.

Критика вообще мало останавливалась на этой піесѣ; но, по нашему мнѣнію, она, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими стихотвореніями, написанными одновременно съ нею, достойна особаго вниманія. Въ произведеніяхъ болѣе ранняго времени поэтъ изображаетъ любовь только съ матеріальной стороны, какъ чувственное наслажденіе, — здѣсь же, напротивъ того, любви приданъ оттѣнокъ идеальный; такимъ образомъ, разсматриваемая піеса знаменуетъ собою новый фазисъ въ развитіи молодого творчества Пушкина; оно и понятно: до сихъ поръ только воображеніе юноши раздражалось образами женской красоты; теперь же затронуто было его сердце, и первая его любовь вызвала эти элегическія строки.

„Первую платоническую, истинно поэтическую лю-

бовь", говоритъ лицеистъ С. Д. Комовскій, — „возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его.... Она часто навѣщала брата своего и всегда пріѣзжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи". Это была фрейлина высочайшаго двора Екатерина Павловна Бакунина; лицеистамъ тѣмъ легче было познакомиться съ нею, что она постоянно жила въ Царскомъ Селѣ съ матерью, поселившеюся тамъ изъ желанія поближе наблюдать за лицейскимъ воспитаніемъ своего сына Александра (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стрр. 220 и 229). Сохранилось и собственное свидѣтельство поэта о чувствѣ, которое онъ тогда переживалъ; на уцѣлѣвшемъ листкѣ его дневника, относящемся, по всему вѣроятію, еще къ ноябрю 1815 года[1]), читается слѣдующее:

«Итакъ, я счастливъ былъ; итакъ, я наслаждался;
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

«Я счастливъ былъ! Нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: по утру мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ея не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду; вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ:
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!
Жуковскій.

«Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Б.!»

И какъ бы не довѣряя тайны своего сердца даже бу-

1) Онъ хранится въ Московскомъ публичномъ музеѣ.

магѣ, Пушкинъ тщательно зачеркиваетъ написанную фамилію, оставляя только первую букву, а вмѣстѣ съ тѣмъ зачеркиваетъ и слѣдующія строки:

«Но я видѣлъ ее 8 часовъ... Ахъ, какое положенье, какая мука!.. Но я былъ счастливъ 5 минутъ».

Первые намеки на эту любовь поэта мы встрѣчаемъ еще въ стихотвореніяхъ 1815 года: „Слеза“ и „Къ живописцу“; по поводу послѣдняго, въ которомъ Пушкинъ пытался изобразить наружность Е. П. Бакуниной, въ воспоминаніяхъ И. И. Пущина сказано: „Эти стихи—выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка“ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 62.). Пущинъ долженъ былъ знать это хорошо; если вѣрить преданію, онъ, подобно своему другу-поэту, былъ влюбленъ въ ту же красавицу,а вмѣстѣ съ ними общій ихъ товарищъ А. Д. Илличевскій. На этотъ своеобразный тройственный союзъ намекаетъ Пушкинъ въ обращенной къ Пущину и впослѣдствіи отброшенной строфѣ стихотворенія 1825 года: „19-е октября“ (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 149):

Мы вспомнили бъ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы впервой всѣ трое полюбили —
Наперсники-товарищи проказъ!

Выше было уже не разъ указываемо на то, что въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ нерѣдко прибѣгалъ къ подражанію разнымъ авторамъ и даже къ заимствованіямъ изъ нихъ: таковъ былъ старинный литературный обычай, къ которому онъ былъ пріученъ своими наставниками, и только постепенное образованіе его личности какъ человѣка могло создать его самобытность какъ поэта. Оттого даже въ стихахъ, внушенныхъ Пушкину его первою любовью, еще слышатся порой звуки чужого голоса. Если вѣрить признаніямъ Пушкина въ приведен-

номъ выше отрывкѣ изъ дневника и въ самомъ разсматриваемомъ стихотвореніи, — на первыхъ порахъ сердечнаго увлеченія молодому поэту суждено было испытать горечь любви не раздѣленной; какъ вспомянутый имъ въ дневникѣ „Пѣвецъ“ Жуковскаго, онъ самъ ждалъ отъ жизни счастія, но обманулся, и подобно ему, готовъ былъ сказать:

Мечтамъ конецъ,
Погибло все!.... Умолкни, лира!
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!

Та же мысль и тотъ же образъ встрѣчаются и въ заключительныхъ стихахъ разсматриваемой піесы.

Начало ея тоже подало одному изъ критиковъ поводъ къ сближенію: по мнѣнію Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 174), оно напоминаетъ вступительные стихи 4-й элегіи въ IV-й книгѣ сборника Парни. Сопоставленіе это кажется намъ натянутымъ, но самое указаніе на названнаго писателя мы готовы признать не лишеннымъ интереса въ данномъ случаѣ. Поэтъ таланта не очень крупнаго, но несомнѣннаго, Парни, пользовавшійся въ свое время громкою славой въ своемъ отечествѣ и хорошо извѣстный у насъ (его переводили между прочимъ ближайшіе предшественники Пушкина — Батюшковъ, Д. Давыдовъ и даже Жуковскій), принадлежалъ къ числу любимыхъ писателей юности Пушкина; еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности онъ кое-что заимствовалъ изъ этого источника, пользуясь преимущественно такими произведеніями, въ которыхъ особенно рѣзко выступаютъ эротическія наклонности французскаго поэта (см. выше піесы „Осгаръ“, „Леда“, „Фавнъ и пастушка“ и примѣчанія къ нимъ); но есть у Парни стихотворенія болѣе высокаго достоинства — элегіи, въ которыхъ онъ изображаетъ различные оттѣнки любовной страсти; небольшая

группа піесъ, составляющая IV-ю книгу этихъ элегій и изображающая горе и отчаяніе влюбленнаго послѣ разрыва съ измѣнившею ему красавицей, исполнена высокаго лиризма, достигнуть котораго Парни никогда болѣе не удавалось. Къ этой-то группѣ и принадлежитъ элегія, указанная Гаевскимъ, и хотя мы отвергли предложенное имъ сближеніе, тѣмъ не менѣе склонны думать, что съ того момента въ 1816 году, когда, подъ дѣйствіемъ новаго чувства, измѣнилось собственное настроеніе Пушкина, его вниманіе должно было останавливаться преимущественно на любовныхъ элегіяхъ Парни, и онъ могъ почувствовать потребность свѣрять порывы своего молодого вдохновенія съ созданіями этого тонкаго живописца увлеченій и ощущеній страсти. Не безъ основанія поэтому можно признавать воздѣйствіе этого поэта на общемъ тонѣ разсматриваемаго стихотворенія, и конечно, Пушкинъ не безъ причины упомянулъ здѣсь имя Парни. Въ частности, мы готовы, вслѣдъ за Б. В. Никольскимъ (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г., № 7, стрр. 206 и 207), признать сходство стт. 28-го — 35-го со слѣдующими строками изъ небольшой поэмы Парни „La journée champêtre“:

Ainsi ces peintres enchanteurs,
Qui des amours tiennent l'école,
De l'amour qui fut leur idole
N'éprouvèrent que les rigueurs.
Mais leur voix touchante et sonore
S'est fait entendre à l'univers:
Les Grâces ont appris leurs vers
Et Paphos les redit encore.
Leurs peines, leurs chagrins d'un jour
Laissent une longue mémoire
Et leur muse, en cherchant l'amour,
A du moins rencontré la gloire.

Что касается другого поэта, названнаго Пушкинымъ на ряду съ Парни въ ст. 20-мъ разсматриваемой піесы,

то-есть, Тибулла, мы позволяемъ себѣ думать, что при всей его славѣ какъ автора любовныхъ элегій, онъ былъ знакомъ Пушкину очень мало, и то лишь черезъ русскіе его переводы. Лучшіе изъ нихъ, хотя и немногочисленные, принадлежали Батюшкову: Пушкинъ читалъ ихъ въ „Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій“ (С.-Пб. 1815 — 1817), на что̀ есть собственное указаніе поэта (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 300). Кромѣ того, очень удачное подражаніе одной изъ Тибулловыхъ элегій (2-я элегія I-й книги), написанное Д. Давыдовымъ при помощи французскаго перевода, Пушкинъ могъ найти въ журналѣ 1815 года *Амфіонъ*, № 5; при той жаждѣ чтенія, которою онъ отличался, очень вѣроятно, что и эта піеса не ускользнула отъ его вниманія, особенно если принять въ соображеніе слѣдующій замѣчательный отзывъ его о Давыдовѣ, сообщенный М. В. Юзефовичемъ: „Однажды на мой вопросъ: какъ удалось ему не поддаться тогдашнему обаянію Жуковскаго или Батюшкова и не попасть, даже на школьной скамьѣ, въ ихъ подражатели, — Пушкинъ отвѣчалъ: „Я этимъ обязанъ Денису Давыдову; онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ“ (*Русскій Архивъ* 1874 г., кн. II, ст. 732; ср. тамъ же 1880 г., кн. III, стр. 444). Правда, вопросъ Юзефовича былъ предложенъ Пушкину въ то время, когда большая часть его лицейскихъ произведеній оставалась еще не изданною и не оцѣненною критически, особливо по отношенію къ его литературнымъ предшественникамъ; но, съ другой стороны, отвѣтъ Пушкина свидѣтельствуетъ о раннемъ развитіи его художественнаго такта, позволившемъ ему угадать достоинство стиховъ Давыдова даже въ ту пору, когда изъ произведеній послѣдняго было напечатано лишь очень немногое. Итакъ, возвращаясь къ Тибуллу, мы должны сказать, что не находимъ возможнымъ признать за нимъ вліяніе на Пушкина, но готовы согласиться,

что, вмѣстѣ съ вліяніемъ Парни, въ тонѣ раннихъ любовныхъ элегій поэта-лицеиста можно отчасти подмѣтить поэтическіе пріемы двухъ вышеназванныхъ русскихъ переводчиковъ римскаго лирика.

XVI.

ОКНО.

(Стрр. 200 и 201).

Стихотвореніе это извѣстно въ трехъ рукописяхъ: вопервыхъ, въ тетради, принадлежавшей Я. К. Гроту, гдѣ оно переписано на лл. 10 об. и 11 рукой автора и снабжено нѣсколькими его же поправками и весьма неразборчивою подписью *А. Пушкинъ;* вовторыхъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 10, также переписанное авторомъ и со слѣдующими двумя помѣтами: а) „1816“ и б) „не н...“; втретьихъ, въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 27 и 28, въ копіи неизвѣстнаго почерка. — Впервые піеса была напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 280 и 281.

Гротовская рукопись и „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“ содержатъ въ себѣ стихотвореніе въ полномъ видѣ, то-есть, всѣ четыре строфы его, а музейная рукопись — только двѣ послѣднія строфы; притомъ „Духъ“ представляетъ текстъ совершенно чистый, который и надобно считать окончательнымъ, а рукопись Грота воспроизводитъ болѣе раннюю редакцію піесы, но со включеніемъ уже нѣкоторыхъ поправокъ, принадлежащихъ послѣдней редакціи. До внесенія этихъ позднѣйшихъ поправокъ текстъ Гротовской рукописи представлялъ слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Строфа II-я, ст. 6-й: И тихо *тьмится* неба сводъ.
„ III-я, „ 1-й: *Вчера вечерней темнотою*
„ „ „ 5-й: *Склонившись на руку*, сидѣла
„ „ „ 7-й: Съ *волненьемъ дѣвица* глядѣла.

Въ музейной рукописи текстъ вполнѣ сходенъ съ текстомъ „Духа".

Въ посмертномъ изданіи піеса напечатана по этой послѣдней рукописи, и въ томъ же видѣ она повторена въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 132 и 133, но тамъ же, на стр. 132, Анненковъ, имѣвшій въ рукахъ музейную рукопись, замѣчаетъ: „Кажется, что это прекрасное стихотвореніе составлено изъ двухъ различныхъ стихотвореній, сбитыхъ вмѣстѣ посмертнымъ изданіемъ. По крайней мѣрѣ въ рукописи мы имѣемъ только вторую половину его со стиха:

Недавно темною порою,

а первой совсѣмъ нѣтъ". Невѣрность этого предположенія опровергается текстомъ „Духа лицейскихъ трубадуровъ", который состоитъ изъ четырехъ строфъ; онъ и принятъ въ настоящемъ изданіи.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 320) относитъ разсматриваемую піесу къ числу тѣхъ „лицейскихъ стихотвореній, въ которыхъ сквозь подражательность проглядываетъ чисто Пушкинскій элементъ поэзіи". То же замѣчаніе повторяетъ Поливановъ, т. I, изд. 2-е, стр. 46, прибавляя, что „піеса отличается задушевною искренностью наивнаго чувства". Для характеристики настроенія Пушкина въ 1816 году любопытно отмѣтить, что въ „Окнѣ" изображенію свиданія влюбленныхъ приданъ оттѣнокъ мечтательности, тогда какъ въ „Бовѣ" 1815 года такое же свиданіе описано въ стт. 175-мъ — 191-мъ тономъ шутки.

XVII.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

(Стр. 202).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ трехъ рукописяхъ: вопервыхъ, въ автографѣ Пушкина въ тетради, принадлежавшей Я. К. Гроту, л. 10; вовторыхъ, въ копіи, внесенной въ принадлежащую Т. Б. Сѣмечкиной тетрадь: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 43 и 44, и втретьихъ, въ копіи писарскаго почерка конца тридцатыхъ годовъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 718. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 286 и 287.

Текстъ „Духа“ и текстъ музейный вполнѣ сходны между собою и содержатъ въ себѣ окончательную редакцію піесы; напротивъ того, принадлежавшій Гроту автографъ представляетъ собою текстъ начальной редакціи, но въ нее уже вписаны и тѣ поправки, которыя обратили ее въ редакцію окончательную. Первоначальные *варіанты* этого текста суть слѣдующіе:

Строфа I-я, ст. 8-й: Со мной и тѣни счастья нѣтъ.
„ II-я, „ 4-й — 7-й: Но *вслѣдъ* за призракомъ летѣлъ.
И вдругъ прелестная, нагая,
Дыша небесной чистотой,
Явилась *дружба* молодая...
„ III-я, „ 1-й: *Люблю*... но цѣли отдаленной...

Въ посмертномъ изданіи ст. 1-й строфы III-й также представляетъ слѣдующій *варіантъ*, но неизвѣстнаго происхожденія:

Я мчался къ цѣли отдаленной.

Время сочиненія піесы опредѣляется ея содержаніемъ: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ

1816 года, находимъ намеки на мечтательную любовь автора. Быть можетъ, такое настроеніе Пушкина и подало Бѣлинскому (Сочиненія, т. VIII, стр. 317) поводъ видѣть въ этой піесѣ вліяніе Жуковскаго; но общій тонъ стихотворенія, и особливо образы, встрѣчаемые во II-й строфѣ, скорѣе напоминаютъ о Батюшковѣ. Въ послѣднихъ четырехъ строкахъ строфы I-й замѣчательны жалобы на то, что поэтъ съ ранняго дѣтства не зналъ счастья: черта, не лишенная автобіографическаго значенія и тѣмъ болѣе любопытная, что ее можно встрѣтить и въ посланіи (1816 года) къ князю А. М. Горчакову (см. выше текстъ, стр. 187).

XVIII.

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

(Стр. 203).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ двухъ рукописяхъ: вопервыхъ, въ видѣ автографа Пушкина въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 13 об., съ авторскою же позднѣйшею помѣтой: „надо“, и вовторыхъ, въ копіи, сдѣланной А. Д. Илличевскимъ для составленнаго имъ рукописнаго сборника подъ заглавіемъ „Лицейская антологія“; копія эта—на отдѣльномъ листкѣ, вплетенномъ въ тетрадь, принадлежавшую Я. К. Роту. Кромѣ того, та же „Надпись“, по свидѣтельству И. П. Хрущова, находилась въ рукописной лицейской тетради 1817 года, принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину. — Впервые стихи эти напечатаны въ изданіи *Анненкова,* т. VII, стр. 81.

Къ 1816 году піеса впервые пріурочена П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 года, т. I, стрр. 167 и 168, по времени составленія сборника Илличевскаго.

Какъ въ музейной, такъ и въ Гротовской рукописяхъ

текстъ совершенно одинаковъ, но въ музейной есть ранняго времени поправка въ ст. 5-мъ, въ которомъ сперва находился слѣдующій *варіантъ:*

Въ восторгѣ *пламенномъ* погасъ.

Поправка эта свидѣтельствуетъ, какъ рано Пушкинъ сталъ обращать вниманіе на точность употребляемыхъ имъ выраженій.

XIX.

ТВОЙ и МОЙ.

(Стр. 203).

Стихотвореніе это сохранилось въ автографѣ Пушкина на отдѣльномъ листкѣ, который былъ подаренъ Я. К. Гротомъ П. Н. Тиханову, и въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: въ № 2364, л. 13 об. оно переписано самимъ авторомъ и снабжено его позднѣйшими поправками и помѣтой: „переписать“, а въ № 2395, л. 776, оно является въ писарской копіи конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые піеса была напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 368, по рукописи № 2395, а поправки, находящіяся только въ № 2364, введены были въ текстъ лишь въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стр. 159.

Этимъ поправкамъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе первоначальные *варіанты*:

Вмѣсто ст. 4-го: Но и *бранить причины не имѣю*

То, что̀ даритъ мнѣ радость и покой.

Сочиненіе этихъ стиховъ пріурочено къ 1816 году П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 167, вѣроятно, по указанію того лицейскаго рукописнаго сборника, въ коемъ они были найдены.

Въ одной изъ вышеупомянутыхъ музейныхъ рукописей, именно въ № 2364, на верху л. 15-го записанъ слѣ-

дующій французскій мадригалъ, которому, по видимому, Пушкинъ подражалъ въ піесѣ „Твой и мой“:

Tien-et-Mien, dit La Fontaine,
Du monde a rompu le lien.
Quant à moi, je n'en sais rien,
Car que serait-ce, Climène,
Si tu n'étais plus la mienne,
Si je n'étais plus le tien.

Авторъ этого стихотворенія намъ неизвѣстенъ, но ссылка его на Лафонтена совершенно вѣрна; 20-я басня VI-й книги его басенъ называется „La discorde“ и начинается слѣдующими стихами:

La déesse Discorde, ayant brouillé les dieux
Et fait un grand procès là-haut pour une pomme,
On la fit déloger des cieux.
Chez l'animal qu'on appelle homme
On la reçut à bras ouverts,
Elle et Que-si-Que-non, son frère,
Avecque Tien-et-Mien, son père.

Комментаторы Лафонтена (Oeuvres de La Fontaine, édition *Régnier*, t. II, pp. 69 et 70) сближаютъ этотъ разсказъ съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ изреченій Паскаля: „*Mien, tien.* „Ce chien est à moi“, disaient ces pauvres enfants;—„c'est là ma place au soleil“. Voilà le commencement et l'image de l'usurpation de toute la terre“ (Pensées, édition *Havet*, § 50). Вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ также, что мысль Паскаля могла внушить Ж.-Ж. Руссо его извѣстное разсужденіе о происхожденіи собственности, находящееся въ началѣ второй части его „Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes“. Нѣтъ ничего мудренаго, что Пушкинъ еще въ лицеѣ читалъ не только Лафонтена, но и Паскаля, и Руссо, и потому могъ при переводѣ мадригала замѣнить имя знаменитаго баснописца общимъ упоминаніемъ о философахъ и піитахъ.

XX.

КЪ МОРФЕЮ.

(Стр. 204).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ трехъ рукописныхъ текстахъ: вопервыхъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 13, гдѣ оно составляетъ автографъ Пушкина, носитъ заглавіе: „Къ Сну“ и снабжено помѣтой: „1816“ и нѣсколькими поправками; вовторыхъ, въ рукописи того же музея № 2395, л. 704, въ копіи писарскаго почерка конца тридцатыхъ годовъ, и втретьихъ, въ собственноручной тетради Пушкина, принадлежавшей графу П. И. Капнисту, л. 12, подъ заглавіемъ: „Къ Морфею“; тетрадь эта заключаетъ въ себѣ матеріалъ для перваго изданія лирическихъ стихотвореній Пушкина (1826 г.), но разсматриваемая піеса, сперва предназначавшаяся къ помѣщенію въ этомъ собраніи, была затѣмъ зачеркнута и снабжена на полѣ слѣдующею замѣткой автора: „Если оставить, такъ перенести въ мелк. стихотв.“. Піеса вовсе не вошла въ подготовлявшееся изданіе. — Впервые стихотвореніе было напечатано въ альманахѣ 1824 года *Полярная Звѣзда*, стр. 91, подъ заглавіемъ: „Къ Морфею“, согласно тексту рукописи графа Капниста, съ полною подписью автора, а затѣмъ дважды вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 318, подъ заглавіемъ „Сну. Элегія“, согласно тексту музейной рукописи № 2395, и стр. 390, подъ заглавіемъ „Къ Морфею“, согласно тексту альманаха. Въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 141 и 142, также сообщены были оба вышеозначенные текста піесы, и этому примѣру слѣдовали всѣ позднѣйшіе издатели.

Сравненіе этихъ рукописныхъ и печатныхъ текстовъ разсматриваемой піесы показываетъ однако, что разница

между ними заключается главнымъ образомъ въ ея начальныхъ стихахъ. Основная редакція первыхъ пяти стиховъ въ музейной рукописи № 2364, повторенная и рукописью № 2395, была слѣдующая:

Знакомецъ милый и старинной,
О, сонъ, хранитель добрый мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелетъ ужъ покой
Въ безмолвіи тиши ночной.

Но строки эти тутъ сильно перечеркнуты и снабжены поправками, а потомъ тѣ же стихи написаны сбоку въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ:

Приди, знакомецъ мой старинный,
О, сонъ, хранитель вѣрный мой,
И приведи подъ кровъ пустынный
Давно потерянный покой!

Затѣмъ и эта передѣлка перечеркнута, и надъ нею написано: „4 стиха оставить“. Однако текстъ альманаха свидѣтельствуетъ, что при новой переработкѣ піесы начальные стихи первой редакціи были совершенно отброшены. Кромѣ того, какъ въ альманахѣ, такъ и въ обѣихъ музейныхъ рукописяхъ, ст. 6-й является еще со слѣдующимъ первоначальнымъ *варіантомъ:*

Разлуки *грустный* приговоръ.

Исправленіе этого стиха, сдѣланное уже послѣ появленія въ свѣтъ *Полярной Звѣзды* 1824 года, находится только въ рукописи графа Капниста, текстъ которой и внесенъ въ настоящее изданіе.

Въ двухъ редакціяхъ разсматриваемой піесы Анненковъ (см. его изданіе, т. II, стр. 154) видитъ „образецъ мастерской передѣлки... Это — одно и то же стихотвореніе, только въ двухъ видахъ: грубомъ первоначальномъ, и второмъ измѣненномъ и усовершенствованномъ“.

Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 173) указываетъ, что разсматриваемая піеса „есть подражаніе стихотворенію Парни: „A la nuit“, и затѣмъ, сравнивая двѣ ея редакціи, прибавляетъ: „По художественности, особенно во второй окончательной передѣлкѣ, оно значительно превосходитъ французскій его первообразъ“. Приводимъ и самую піесу Парни:

A la nuit.

Toujours le malheureux t'appelle,
O nuit, favorable aux chagrins!
Viens donc, et porte sur ton aile
L'oubli des perfides humains.
Voile ma douleur solitaire;
Et, lorsque la main du Sommeil
Fermera ma triste paupière,
O dieux! reculez mon réveil;
Qu'à pas lents l'aurore s'avance
Pour ouvrir les portes du jour:
Importuns, gardez le silence,
Et laissez dormir mon amour.

Судя по тому, что посланіе „Къ Морфею“ не было включено ни въ одно изъ выпущенныхъ при жизни Пушкина изданій его произведеній, можно предполагать, что онъ цѣнилъ свое стихотвореніе менѣе высоко, чѣмъ его критики.

XXI.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

(Стр. 205).

Стихотвореніе это находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 2 об., писанное почеркомъ А. Д. Илличевскаго и съ помѣтами: а) „1816“, б) „не надо“, и

в) „18 марта“; двѣ послѣднія помѣты сдѣланы авторомъ, и притомъ въ позднѣйшее время. По свидѣтельству И. П. Хрущова, та же піеса находилась въ лицейскомъ рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ Ѳ. Ѳ. Матюшкину. — Впервые піеса напечатана въ журналѣ *Сѣверный Наблюдатель* 1817 года, ч. II, стрр. 352 и 353, съ полною подписью автора, а затѣмъ въ изданіи 1826 года, стрр. 3 и 4, и въ изданіи 1829 года, ч. I, стрр. 17 и 18.

Рукопись и журналъ представляютъ слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Стт. 21-й — 23-й: *Пусть упоенный,*
Уснy я вновь
Обвороженный.

Кромѣ того, въ журналѣ находился еще слѣдующій *варіантъ:*

Ст. 25-й: Вновь *утомленный.*

Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ, установленный авторомъ въ 1826 году.

По содержанію піеса напоминаетъ отчасти предшествующую, но отмѣчена большею тонкостью въ изображеніи сердечныхъ ощущеній. По замѣчанію Л. И. Поливанова (см. его 2-е изданіе, т. I, стр. 47), „стихотвореніе это, вызванное порывами юнаго сердца, отличается своею музыкальностію. Поэтъ воспользовался тѣмъ же размѣромъ, который находимъ въ „Розѣ“ (1815 года), но движеніе стиха вслѣдствіе своеобразнаго чередованія риѳмъ (*абабввггвдеддежзжзиіиіклкл*), мѣстами неожиданно спаривающихся, здѣсь сообщаетъ стиху неподражаемую свободу, гибкость и грацію. Замѣчательно соотвѣтствіе каждаго движенія стиха тому, что̀ имъ выражено: при чтеніи стиховъ 5-го — 9-го, напримѣръ, кажется, чувствуешь, какъ стучитъ сердце проснувшагося въ тревогѣ юноши“.

XXII.

КЪ ПИСЬМУ.

(Стр. 206).

Стихотвореніе это извѣстно намъ только по рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 780, гдѣ писано писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые это четверостишіе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 372.

Къ 1816 году стихи пріурочены П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 года, ч. I, стр. 169.

XXIII.

ЖЕЛАНІЕ.

(Медлительно влекутся дни мои...)

(Стр. 206).

Стихотвореніе это, переписанное не Пушкина рукой, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 15, съ помѣтами: „1816“ и „переп.“ и съ нѣсколькими поправками автора; имъ же тутъ зачеркнуто первоначальное заглавіе, вмѣсто котораго написано другое: „Уныніе“. — Впервые піеса была напечатана въ альманахѣ *Памятникъ отечественныхъ музъ* 1827 года, стр. 37, подъ заглавіемъ: „Желаніе“, съ полною подписью автора, но едва ли не безъ его дозволенія, почему и было снабжено отмѣткой издателя Б. М. Ѳедорова, что стихотвореніе принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ Пушкина; затѣмъ оно перешло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 374, также подъ заглавіемъ: „Желаніе“, и помѣщено въ отдѣлѣ лицейскихъ.

Находящіяся въ рукописи поправки автора къ основному тексту были приняты во вниманіе еще при первомъ изданіи піесы въ альманахѣ. Въ томъ же видѣ печатается она и въ настоящемъ изданіи, а здѣсь сообщаются соотвѣтствующіе этимъ исправленнымъ мѣстамъ первоначальные *варіанты:*

Ст. 2-й: И каждый мигъ въ *унылом*ъ сердцѣ множитъ...
„ 4-й: И *всѣ мечты безумія* тревожитъ.
„ 7-й: Моя душа, *плѣненная* тоской,...
„ 9-й: О жизни *часъ*, лети, не жаль тебя!

Къ 1816 году стихотвореніе отнесено въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 129 и 130, безъ объясненія причинъ, но очевидно, въ виду его содержанія. Та же дата принята и всѣми послѣдующими издателями.

Наша критика еще съ сороковыхъ годовъ постоянно отмѣчала это стихотвореніе какъ одно изъ лучшихъ въ лицейскомъ періодѣ. Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 322) находилъ, что въ этой „маленькой элегіи уже виденъ будущій Пушкинъ, не ученикъ, не подражатель, а самостоятельный поэтъ". Вслѣдъ за Бѣлинскимъ Анненковъ (см. его изданіе, т. II, стр. 153) указывалъ на „Желаніе" какъ на одну изъ „первыхъ попытокъ къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія". Затѣмъ Стоюнинъ (Историч. сочиненія, ч. II, стр. 50) призналъ разсматриваемую піесу за одно изъ тѣхъ лицейскихъ произведеній Пушкина, которыя „могутъ назваться прекрасными по теплотѣ чувства, по выработанному и точному стиху и по оригинальности выраженій", при чемъ объяснялъ происхожденіе этихъ достоинствъ тѣмъ, что стихи были внушены автору „романическою его любовью". Наконецъ, Поливановъ (см. его 2-е изданіе, т. I, стр. 43), повторивъ отзывы Бѣлинскаго и Анненкова, обратилъ преимущественное вниманіе на внѣшнюю форму піесы и по этому поводу за-

мѣтилъ: „Здѣсь съ полною ясностью выступаетъ то движеніе Пушкинскаго стиха, при которомъ логическія ударенія и паузы совпадаютъ съ діэрезою стиховъ, что̀ придаетъ стиху Пушкина ту свободу и выразительность, которой не всегда достигаютъ поэты поры послѣпушкинской".

Не отрицая справедливости этихъ сужденій, въ особенности относительно внѣшней формы стихотворенія, должно однако замѣтить, что высокая оцѣнка послѣдняго со стороны критики оказывается въ противорѣчіи съ мнѣніемъ о немъ самого автора. Пушкинъ не включилъ „Желанія" въ первый сборникъ своихъ лирическихъ піесъ (1826 года), а послѣ появленія его въ альманахѣ въ 1827 году не помѣстилъ и во второмъ своемъ сборникѣ (1829 — 1835 годовъ); очевидно, стихотвореніе не удовлетворяло его, и притомъ не своею внѣшнею формой (какъ указано выше, въ рукописи мало стилистическихъ поправокъ), а своимъ содержаніемъ, или точнѣе говоря, несоотвѣтствіемъ своего выраженія съ душевнымъ настроеніемъ поэта. Искренность высказаннаго имъ чувства не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію; о юношескомъ увлеченіи Пушкина мы знаемъ и помимо этихъ стиховъ, — но все же строки, подобныя слѣдующимъ:

Я слезы лью — мнѣ слезы утѣшенье...
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

такія строки слишкомъ отзываются сентиментальною искусственностью. Кстати замѣтить, послѣдняя строка почти буквально повторяетъ стихъ Карамзина (изъ піесы „Отставка"):

Люблю, люблю... умру любя!

Но даже у чувствительнаго автора „Бѣдной Лизы" это — не изліяніе потрясеннаго сердца, а просто слова, сказан-

ныя въ шутку. Юный поэтъ-лицеистъ подражалъ имъ слишкомъ наивно, — и понятно, что созрѣвшій Пушкинъ не могъ добровольно допустить ихъ въ печати.

XXIV.

КЪ НЕЙ.

(Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку!)

(Стр. 207).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ четырехъ рукописныхъ текстахъ: вопервыхъ, въ автографѣ, составляющемъ листокъ изъ сборника А. Д. Илличевскаго: „Лицейская антологія“ и включенномъ въ тетрадь, которая принадлежала Я. К. Гроту; вовторыхъ, въ копіи, неизвѣстнаго почерка, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 14 об., при чемъ піеса содержитъ въ себѣ нѣсколько позднѣйшихъ авторскихъ поправокъ, и кромѣ того, вся перечеркнута продольною чертой; втретьихъ, въ копіи, тоже неизвѣстнаго почерка, въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради подъ заглавіемъ: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 47 и 48; и вчетвертыхъ, въ копіи, писарскаго почерка конца тридцатыхъ годовъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 711. — Впервые стихотвореніе напечатано въ журналѣ *Сѣверный Наблюдатель* 1817 года, ч. I, стр. 351, съ полною подписью, а затѣмъ вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стрр. 310 и 311, въ отдѣлъ лицейскихъ.

Гротовскій автографъ содержитъ въ себѣ наиболѣе раннюю редакцію піесы, представляющую слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Строфа I-я, ст. 4-й: *Я рокомъ* осужденъ.

Строфа II-я, ст. 2-й, 3-й: Уже ли *вѣчной* тьмой покрыты дни мои,
И *больше* никогда насъ утро не застанетъ,
„ III-я, „ 2-й: Я не могу тебя съ *весельемъ* обнимать
„ IV-я, „ 1-й: И въ радости нѣмой, въ *восторгахъ* упоенья...

Въ музейной рукописи № 2364 текстъ уже болѣе исправенъ: изъ числа вышеприведенныхъ варіантовъ въ немъ вовсе нѣтъ тѣхъ, которые находятся въ строфахъ I-й и II-й, а варіанты къ строфамъ III-й и IV-й хоть и существуютъ, но сопровождаются уже позднѣйшими поправками. Въ другой музейной рукописи, въ № 2395, является опять тотъ же текстъ, но вовсе безъ поправокъ, а въ „Духѣ лицейскихъ трубадуровъ“ помѣщена редакція окончательная, въ которой всѣ исправленія уже введены въ текстъ.

Этотъ послѣдній текстъ принятъ и въ настоящемъ изданіи, между тѣмъ какъ въ изданіи посмертномъ помѣщенъ текстъ рукописи № 2395, а въ журналѣ тотъ же текстъ данъ въ еще менѣе законченной формѣ, именно съ сохраненіемъ ст. 4-го строфы I-й въ томъ видѣ, въ какомъ она читается въ Гротовскомъ автографѣ.

П. А. Плетневъ (см. его Сочиненія, т. III, стр. 328), приготовляя въ 1825 году къ печати первое изданіе лирическихъ стихотвореній Пушкина, отнесъ піесу „Къ ней“ къ 1817 году, безъ сомнѣнія, примѣняясь ко времени появленія ея въ журналѣ; но Пушкинъ вовсе исключилъ ее изъ предположеннаго изданія. Въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 106 и 107, стихотвореніе было отнесено къ 1816 году безъ объясненія причинъ, но по видимому, съ полнымъ вѣроятіемъ, ибо дата была соображена здѣсь съ содержаніемъ піесы; поэтому она удержана и всѣми послѣдующими издателями.

Выше, въ примѣчаніи къ элегіи „Желаніе“, указано на несоотвѣтствіе ея поэтическаго склада съ вызвавшимъ ее душевнымъ настроеніемъ автора; то же замѣчаніе можно сдѣлать по поводу разсматриваемой піесы. Между тѣмъ какъ въ „Желаніи“ проявляется, можетъ быть, помимо воли автора сентиментальность, въ стихотвореніи „Къ ней“ Пушкинъ нѣсколько неожиданно возвращается къ сладострастнымъ картинамъ, которыми, въ подражаніе французскимъ образцамъ, онъ наполнялъ свои раннія произведенія. Ни проявленія сентиментализма, ни изображеніе чувственныхъ страстей не могли служить отзвукомъ той мечтательной любви, которую онъ испыталъ

съ осьмнадцатой весной.

Очевидно, молодой поэтъ еще не успѣлъ найти вѣрнаго тона для выраженія своего чувства, и когда впослѣдствіи онъ вполнѣ овладѣлъ этою способностью, ему показалось невозможнымъ помѣстить такую нескладную піесу, какъ посланіе „Къ ней“, въ сборникѣ своихъ стихотвореній.

XXV.

МѢСЯЦЪ.

(Стр. 208).

Это стихотвореніе встрѣчено нами въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: вопервыхъ, въ № 2364, л. 9 об., гдѣ оно писано неизвѣстнымъ намъ почеркомъ и снабжено двумя помѣтами: а) „1816“ и б) „надо“ и нѣсколькими поправками автора, и вовторыхъ, въ № 2395, л. 699, гдѣ оно является въ писарской копіи конца тридцатыхъ годовъ; кромѣ того, по свидѣтельству Анненкова, т. II, стр. 153, оно находилось въ рукописи мелкихъ стихотвореній Пушкина, съ которой печаталось ихъ изданіе въ

1826 году. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 322 и 323, а исправленія къ помѣщенному тамъ тексту сообщены въ изданіяхъ *Анненкова*, т. II, стрр. 133 и 134, и литературнаго фонда, т. I, стр. 146.

Музейная рукопись № 2364 содержитъ въ себѣ первоначальную редакцію піесы, но въ нее внесены рукой автора и позднѣйшія поправки. Ту же редакцію воспроизводитъ музейная рукопись № 2395, но безъ вниманія къ позднѣйшимъ поправкамъ. Напротивъ того, упоминаемая Анненковымъ рукопись содержала въ себѣ только окончательную редакцію піесы.

Въ музейной рукописи № 2364 можно прочесть слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Ст. 15-й: Сквозь темный *ясень* проницало
„ 17-й: Красу *любовницы* моей.

Кромѣ того, за ст. 17-мъ слѣдовало еще четыре:

Что вы, восторги сладострастья,
Предъ тайной прелестью отрадъ
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назадъ?

Анненковъ, отмѣтивъ отсутствіе этого четверостишія въ извѣстной ему рукописи, призналъ его „дѣйствительно неумѣстнымъ и попавшимъ сюда (то-есть, въ стихотвореніе „Мѣсяцъ“) чуть ли не изъ другой піесы“. Такое предположеніе кажется намъ совершенно невѣроятнымъ; мы думаемъ напротивъ того, что въ вышеприведенныхъ четырехъ строкахъ ясно высказывается мысль, особенно занимавшая поэта въ пору его платоническаго увлеченія Е. П. Бакуниной и дѣйствительно очень знаменательная для характеристики тогдашняго момента въ жизни его сердца, мысль о различіи между чувственною страстью и мечтательною любовью; поэтому нѣтъ основанія оспари-

вать умѣстность этихъ стиховъ въ общемъ строѣ піесы, и если они были исключены при ея позднѣйшемъ исправленіи, то безъ сомнѣнія, лишь въ виду ихъ безцвѣтности въ поэтическомъ отношеніи. Любопытно, что Пушкинъ, въ которомъ строгость къ своимъ литературнымъ опытамъ пробудилась вообще рано, думалъ даже въ 1825 году напечатать „Мѣсяцъ“ въ сборникѣ своихъ лирическихъ стихотвореній и отказался отъ этого намѣренія лишь при послѣдней окончательной редакціи этого изданія (ср. Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 328).

XXVI.

УНЫНІЕ.

(Мой милый другъ, разстался я съ тобою...)

(Стр. 209).

Это стихотвореніе мы нашли въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: вопервыхъ, въ № 2364, л. 32, гдѣ оно является подъ заглавіемъ: „Разлука“, написанное не Пушкина рукой, съ помѣтой „1816“ и со многими поправками автора, и вовторыхъ, въ № 2395, л. 697, гдѣ оно воспроизведено въ писарской копіи конца тридцатыхъ годовъ и никакого заглавія не имѣетъ; кромѣ того, эта піеса, въ очень измѣненномъ видѣ и подъ заглавіемъ „Унынiе“, находилась, по свидѣтельству Анненкова, т. II, стр. 154, въ извѣстной ему рукописи, съ которой печаталось изданіе 1826 года, но была тамъ зачеркнута авторомъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 325 и 326, безъ всякаго заглавія, въ числѣ лицейскихъ, а затѣмъ появилось въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 137 — 139, въ двухъ видахъ: первоначальномъ, подъ заглавіемъ „Разлука“, и измѣненномъ,

подъ заглавіемъ: „Унынiе“. Въ текстѣ настоящаго изданія предлагается позднѣйшая исправленная редакція, а здѣсь сообщаются всѣ устраненные такимъ образомъ изъ первоначальной редакціи *варіанты:*

Въ началѣ піесы отброшены слѣдующіе 20 стиховъ:

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся, —
e *Да, помню все! — я сердцемъ ужаснулся,*
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «Не вѣчная разлука
«Всѣ радости уноситъ нынѣ въ даль.
«Забудемся, въ мечтахъ потонетъ мука.
l *«Унынiе, губительная скука*
«Пустынника пріютъ не посѣтятъ,
«Мою печаль усладой муза встрѣтитъ;
«Утѣшусь я — и дружбы тихій взглядъ
«Души моей холодный мракъ освѣтитъ».
q *Какъ мало я любовь и сердце зналъ!*
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О, милая, повсюду ты со мною,
u *И я унылъ, и въ тайнѣ я грущу.*

Но прежде чѣмъ совершенно исключить эти стихи, авторъ пытался передѣлать ихъ, и слѣды этой попытки остались въ рукописи въ видѣ слѣдующихъ *отличій*[1]):

Ст. b: *Когда въ слезахъ* съ тобой я разставался
„ d: *Къ рукѣ твоей устами* прикасался
„ u, v: Давно ли ты была еще *со мною,*
И я одинъ *въ* безмолвіи *грущу.*

1) Стихи занумерованы здѣсь латинскими буквами.

Откинувъ совершенно первые 18 стиховъ, авторъ противъ двухъ послѣднихъ написалъ:

«Начиная съ этого стиха:

О милый другъ!..»

Однако первые два стиха, которыми должна была начинаться исправленная піеса, записаны тутъ не были.

Въ дальнѣйшемъ текстѣ ранней редакціи находимъ только слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Ст. 5-й, 6-й: Я все тебя, *прелестный* другъ, ищу;
Засну ли я, лишь о тебѣ мечтаю...

(вторично): *Лишь о тебѣ въ унынiи мечтаю...*

Послѣ ст. 9-го: *Разспянный сижу между друзьями,*

(вторично): *Разспянъ, я сижу межъ юными друзьями,*
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ.

(вторично): *Не знаетъ ихъ уже мой хладный взоръ.*

Ст. 13-й: И лишь *любви* ты голосъ не забыла...

„ 16-й, 17-й: Изобразятъ унынiе *мое,*
И слушая бряцанiе *твое....*

Такимъ образомъ, исправленiе первоначальнаго наброска заключалось главнымъ образомъ въ его сокращенiи. По справедливому замѣчанiю Анненкова, „сличенiе тутъ и любопытно, и поучительно“; оно показываетъ, сколько художественнаго такта проявилъ Пушкинъ въ своей работѣ. Передѣлка піесы привела между прочимъ къ устраненiю изъ нея того, что̀ въ ея первоначальномъ видѣ имѣло оттѣнокъ подражанiя. Такъ, напримѣръ, Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 364) находилъ, что въ „Унынiи“ „повторяются мысли и слышится настроенiе, которыя находимъ въ „Пѣснѣ“ Жуковскаго“ (1808 г., посвященной М. А. Протасовой: Мой другъ, хранитель — ангелъ мой...); но это можно сказать

только о первой редакціи стихотворенія; съ бо̀льшимъ правомъ проф. Владиміровъ, въ своей статьѣ „Пушкинъ и его предшественники“ (см. сборникъ: „Памяти Пушкина“. Кіевъ. 1899, стр. 13) указываетъ въ первыхъ стихахъ первой строфы разсматриваемой піесы отраженіе слѣдующихъ строкъ „Причудницы“ Дмитріева:

Я жизнь мою во скукѣ трачу:
Настанетъ день — тоскую, плачу;
Покроетъ ночь — опять грущу,
И все чего-то я ищу.

Но все это — лишь мелочи, и въ окончательномъ своемъ видѣ, освобожденное отъ чуждыхъ наслоеній, стихотвореніе Пушкина въ своей юношеской чистотѣ и ясности прекрасно выражаетъ свѣтлую и изящную сущность его личности.

XXVII.

ПѢВЕЦЪ.

(Стр. 210).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ двухъ рукописныхъ текстахъ, изъ коихъ одинъ, писанный рукой А. Д. Илличевскаго, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 6 об., и снабженъ помѣтами: а) „1816“ и б) „переп.“ (послѣдняя рукой автора), а другой, неизвѣстнаго почерка, сохранился въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной тетради подъ заглавіемъ: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 93 и 94; кромѣ того, стихотвореніе „Пѣвецъ“, по свидѣтельству И. П. Хрущова, было включено въ принадлежавшую Ѳ. Ѳ. Матюшкину лицейскую тетрадь 1817 года. — Впервые стихотвореніе напечатано въ журналѣ *Сѣверный Наблюдатель* 1817 года, ч. I, стр. 14,

съ полною подписью автора, а затѣмъ въ изданіяхъ 1826 года, стр. 65, и 1829 года, ч. I, стрр. 20 и 21.

„Духъ лицейскихъ трубадуровъ“ содержитъ въ себѣ первоначальный текстъ піесы, а музейная рукопись, повторяя тотъ же текстъ, заключаетъ въ себѣ и нѣсколько позднѣйшихъ поправокъ. Одна изъ нихъ попала уже и въ текстъ журнала, но только изданія 1826 и 1829 годовъ представляютъ стихотвореніе въ окончательно исправленномъ видѣ. Въ томъ же видѣ піеса напечатана и въ настоящемъ изданіи, а здѣсь предлагаются изъ первоначальнаго текста нижеслѣдующіе *варіанты:*

Строфа II, ст. 3-й: *Прискорбную ль* улыбку замѣчали...
„ „ „ 5-й: Встрѣчали *ль* вы?

Настроеніе автора, высказывающееся въ этой піесѣ,— то же, какое знакомо читателю по многимъ другимъ произведеніямъ Пушкина, вызваннымъ его первою любовью въ 1816 году. Мотивъ „Пѣвца“ — скорбь несчастнаго влюбленнаго, ищущаго уединенія въ лѣсной глуши, — напоминаетъ отчасти стихотвореніе Батюшкова „Послѣдняя весна“, въ свою очередь составляющее подражаніе элегіи Мильвуа: „La chute des feuilles“ и впервые появившееся въ печати въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 года (ч. LXXXVII, № 11, іюнь). Что касается внѣшней постройки стиховъ, вопросительная ихъ форма какъ бы заимствована изъ I-й строфы піесы Жуковскаго, также носящей названіе: „Пѣвецъ“ (1810 года). Авторъ, очевидно, заботился придать своимъ строкамъ особую музыкальность, какъ это видно и по характеру позднѣйшихъ поправокъ; это было замѣчено еще современниками: въ альманахѣ *М. А. Максимовича* подъ заглавіемъ *Денница* (Москва. 1831) разсматриваемое стихотвореніе появилось съ музыкой А. Н. Верстовскаго.

XXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

Подражаніе.

(Я видѣлъ смерть: она сидѣла...)

(Стр. 211).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ двухъ рукописныхъ текстахъ, изъ коихъ одинъ, писанный самимъ Пушкинымъ, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 40 об. и 41, и снабженъ авторскою помѣтой „1816“, а другой, тоже автографъ поэта, включенъ въ рукописную тетрадь его стихотвореній, принадлежавшую графу П. И. Капнисту, л. 7 об., но здѣсь стихотвореніе сохранилось безъ двухъ послѣднихъ стиховъ; кромѣ того, два списка той же элегіи были извѣстны Е. И. Якушкину, при чемъ одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Прощаніе“, найденъ имъ въ принадлежавшемъ А. В. Шереметеву рукописномъ сборникѣ начала двадцатыхъ годовъ (*Библіографическія Записки* 1858 г., стт. 317 и 318), и наконецъ, еще одинъ списокъ встрѣченъ былъ П. В. Анненковымъ (см. его изданіе, т. II, стр. 154) въ той рукописи, съ которой печаталось изданіе стихотвореній Пушкина въ 1826 году, но тутъ піеса оказалась зачеркнутою.—Впервые она была напечатана въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 139.

Основной текстъ музейной рукописи содержитъ въ себѣ наиболѣе раннюю редакцію стихотворенія, но она испещрена тутъ же многочисленными помарками и поправками; та же редакція является въ обѣихъ рукописяхъ, извѣстныхъ г. Якушкину, впрочемъ уже со включеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ въ текстъ; напротивъ того, принадлежавшая графу Капнисту рукописная тетрадь и видѣнная Анненковымъ рукопись 1826 года со-

держатъ въ себѣ элегію въ совершенно передѣланномъ видѣ. Ранняя редакція піесы издана г. Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* по извѣстнымъ ему спискамъ, а окончательная вошла въ изданіе *Анненкова*. Эта послѣдняя редакція повторена и въ настоящемъ изданіи. Вовсе не изданнымъ оставался доселѣ текстъ музейной рукописи; онъ приводится здѣсь цѣликомъ, чтобы можно было видѣть, какъ велико различіе обѣихъ редакцій разсматриваемой піесы:

Я видѣлъ смерть: она въ молчаньи сѣла
У мирнаго порогу моего;
Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его,
Душа померкнувъ охладѣла.
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто слѣдовъ ужь не примѣтитъ,
Послѣдній взоръ моихъ очей
Луча безсмертія не встрѣтитъ,
И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней
Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.
. . . . . .
Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Прости, свѣтило дня! Прости, небесъ завѣса,
Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
Безмолвіе таинственнаго лѣса
И все, прости въ послѣдній разъ!
А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
Прости! Минуло все... Ужь гаснетъ пламень мой,
Схожу я въ хладную могилу,

И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу.
А вы, друзья, когда, лишенный силъ,
Едва дыша, въ болѣзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: «О, други, я любилъ!»
И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи,
Друзья мои, тогда пойдите къ ней,
Скажите: «Взятъ онъ вѣчной тьмою»,
И можетъ быть, объ участи моей
Она вздохнетъ надъ урной гробовою.

Поправки, которыми сопровождается этотъ первоначальный текстъ элегіи въ музейной рукописи, относятся только къ отдѣльнымъ стихамъ, — полная же передѣлка піесы послѣдовала позже и имѣла другой результатъ: какъ видно изъ сличенія обѣихъ редакцій, главное измѣненіе состояло въ сокращеніи стихотворенія на половину.

Еще Анненковъ, впервые напечатавшій разсматриваемую піесу, обратилъ вниманіе на „загадочную“, какъ онъ выразился, приписку къ ея заглавію: „подражаніе“ и попытался разрѣшить эту загадку указаніемъ на сходство Пушкинскаго стихотворенія съ одною изъ элегій Парни. Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 173) возражалъ противъ такого заключенія, но мы считаемъ возможнымъ присоединиться къ предположенію Анненкова, особенно если сопоставить съ произведеніемъ французскаго поэта первоначальную редакцію элегіи Пушкина. Приводимъ здѣсь указанное Анненковымъ стихотвореніе Парни:

Élégie.

Oui, sans regret, du flambeau de mes jours
Je vois déjà la lumière éclipsée.
Tu vas bientôt sortir de ma pensée,
Cruel objet des plus tendres amours!
Ce triste espoir fait mon unique joie.

Soins importuns, ne me retenez pas.
Éléonore a juré mon trépas;
Je veux aller où sa rigueur m'envoie,
Dans cet asile ouvert à tout mortel,
Où du malheur on dépose la chaine,
Où l'on s'endort d'un sommeil éternel;
Où tout finit, et l'amour, et la haine.
Tu gémiras, trop sensible Amitié!
De mes chagrins conserve au moins l'histoire;
Et que mon nom sur la terre oublié
Vienne parfois s'offrir à ta mémoire.
Peut-être alors tu gémiras aussi,
Et tes regards se tourneront encore
Sur ma demeure, ingrate Éléonore,
Premier objet que mon coeur a choisi.
Trop tard, helas! tu répandras des larmes.
Oui, tes beaux yeux se rempliront de pleurs:
Je te connais: et, malgré tes rigueurs,
Dans mon amour tu trouves quelques charmes.
Lorsque la Mort, favorable à mes voeux,
De mes instants aura coupé la trame;
Lorsqu'un tombeau triste et silencieux
Renfermera ma douleur et ma flamme,
O mes amis! vous que j'aurai perdus,
Allez trouver cette beauté cruelle,
Et dites-lui: «C'en est fait; il n'est plus».
Puissent les pleurs que j'ai versés pour elle
M'être rendus!... Mais non: dieu des Amours,
Je lui pardonne; ajoutez à ses jours
Les jours heureux que m'ôta l'infidèle.

Разумѣется, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о переводѣ, но употребленное Пушкинымъ слово „подражаніе“ примѣняется здѣсь очень кстати: всѣ изображенные у Парни переливы душевнаго настроенія, то-есть, предчувствіе скораго конца, исполненное грусти обращеніе къ друзьямъ и страстное воспоминаніе о коварной возлюбленной, все это нашло себѣ мѣсто и въ элегіи Пушкина, при чемъ иногда повторены подлинныя вы-

раженія французскаго поэта. Конечно, мы говоримъ только о первой редакціи разсматриваемой піесы; но въ 1816 году, когда она писалась, даже эти заимствованія получали автобіографическое значеніе. Однако, еще тогда нашъ поэтъ вводилъ въ нее мотивы собственнаго измышленія — прощаніе съ внѣшнимъ міромъ, съ природой, мотивы, совершенно несвойственные фантазіи Парни, который, подобно большинству поэтовъ прошлаго вѣка, обнаруживалъ относительно природы полнѣйшее равнодушіе[1]). Что касается окончательной редакціи разсматриваемаго стихотворенія, авторъ устранилъ изъ нея или же значительно смягчилъ въ ней все заимствованное и оставилъ лишь то, что̀ принадлежало ему безраздѣльно; вслѣдствіе того піеса выиграла въ оригинальности, но утратила цѣльность, и весьма возможно, что этотъ отрывочный видъ ея сталъ причиной, почему авторъ не рѣшился напечатать ее въ 1826 году.

---

1) Это прощаніе съ внѣшнимъ міромъ, сохраненное и въ позднѣйшей редакціи элегіи Пушкина, дало поводъ къ слѣдующему замѣчанію А. И. Незеленова (Пушкинъ въ своей поэзіи, стр. 32): „Прощаніе поэта съ любимою имъ природой прямо скопировано съ прощанія Іоанны д'Аркъ съ родными холмами и полями въ переведенной Жуковскимъ драмѣ Шиллера“. Но предположеніе это не можетъ быть допущено: Жуковскій принялся за переводъ „Орлеанской Дѣвы“ никакъ не ранѣе конца 1817 года (*И. Бычковъ.* Бумаги Жуковскаго, стрр. 8 — 10), а въ подлинникѣ Пушкинъ едва ли читалъ трагедію Шиллера, по крайней мѣрѣ въ 1816 году. Было бы умѣстнѣе вспомнить монологъ Отелло въ 3-й сценѣ III-го акта Шекспировой трагедіи, но не извѣстно, былъ ли Пушкинъ хоть сколько-нибудь знакомъ съ Шекспиромъ въ это время.

XXIX.

ЭЛЕГІЯ.

(Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ...)

(Стр. 212).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ трехъ рукописныхъ текстахъ: вопервыхъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 10 об., писанное не Пушкина рукой и снабженное помѣтами „1816“ и „не надо“; вовторыхъ, въ принадлежащей Т. Б. Сѣмечкиной рукописной тетради „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 29 и 30, и втретьихъ, въ тетради Моск. Публ. музея № 2395, л. 700 об. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 324.

Основной текстъ стихотворенія въ музейной рукописи № 2364, а равно текстъ двухъ прочихъ рукописей, совершенно одинаковъ, но въ № 2364 онъ снабженъ еще нѣсколькими авторскими надстрочными поправками; въ печать онѣ были введены только въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стр. 324, и приняты также въ настоящемъ изданіи; здѣсь же сообщаются по рукописи № 2364 первоначальные *варіанты* соотвѣтствующихъ стиховъ:

Строфа I-я, ст. 4-й — 6-й: Надежда *тихая* лелѣетъ;
Кому луны туманный лучъ
Въ полночи *свѣтитъ* сладострастной

„ II-я, „ 6-й: *Услышу старости угрозы*,

„ II-я, „ 8-й: *Моей* любви *забуду* слезы.

Поэтическая мысль этого стихотворенія заключается въ противоположеніи между счастливою и несчастною любовью, а заключительныя строки его выражаютъ тотъ мотивъ просвѣтлѣнія среди безысходной грусти, который,

какъ уже было указано выше (стр. 272), составляетъ отличительную особенность элегій Пушкина.

XXX.

ОСЕННЕЕ УТРО.

(Стрр. 213 и 214).

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: вопервыхъ, въ № 2364, л. 17, переписанное не Пушкина рукой и снабженное помѣтой „1816“ и нѣсколькими авторскими поправками, и вовторыхъ, въ № 2395, л. 703, въ копіи писарскаго почерка конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 316 и 317, по тексту № 2395, а поправки къ этому тексту на основаніи № 2364 даны изданіемъ литературнаго фонда, т. I, стрр. 140 и 141.

Въ настоящемъ изданіи текстъ стихотворенія вновь провѣренъ по рукописи № 2364, при чемъ приняты во вниманіе всѣ находящіяся тамъ авторскія исправленія; здѣсь же сообщаются на основаніи той же рукописи первоначальные *варіанты* измѣненныхъ стиховъ:

Ст. 3-й: И съ *образомъ любовницы драгой*
„ 4-й: Послѣднее *слетѣло* сновидѣнье.
„ 6-й: Взошла заря, *блистаетъ* блѣдный день,
„ 12-й: *Оставленныхъ ногой ея* прекрасной.
„ 15-й, 16-й: Я звалъ ее, *и* гласъ уединенный
Пустыхъ долинъ *позвалъ ее* въ дали.
„ 19-й: Не трепеталъ въ нихъ образъ *незабвенный*
„ 25-й, 26-й: Тамъ день и ночь кружится *желтый* листъ,
Стоитъ туманъ на *волнахъ охладѣлыхъ*,
„ 30-й: Свидѣтели *безпечныя* забавы.
(вторично): Свидѣтели *младенческой* забавы.

По свидѣтельству Гаевскаго (*Современникъ* 1863 года, т. XCVII, стр. 382), эта элегія „написана подъ вліяніемъ разлуки съ Бакуниной, переѣхавшей со своимъ семействомъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Съ ея отъѣздомъ все опустѣло для поэта „до сладостной весны".

XXXI.

КЪ НАТАШѢ.

(Стр. 215).

Это стихотвореніе встрѣчено нами въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ, неизвѣстнаго почерка, находится въ принадлежащемъ Т. Б. Сѣмечкиной рукописномъ сборникѣ: „Духъ лицейскихъ трубадуровъ", стрр. 33 и 34, а другой, писарскаго почерка конца тридцатыхъ годовъ, включенъ въ рукопись Моск. Публ. музея № 2395, л. 722. — Впервые стихотвореніе было напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 284 и 285, въ числѣ лицейскихъ.

Въ обѣихъ рукописяхъ текстъ посланія совершенно одинаковъ, и потому во всѣхъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ настоящемъ, оно является постоянно въ одномъ и томъ же видѣ.

Въ изданіи *Анненкова*, т. I, стрр. 208 и 209, и въ изданіи 1859 года, т. I, стр. 548, стихотвореніе „къ Наташѣ" не помѣчено никакою датой; но такъ какъ въ составленныхъ Г. Н. Геннади библіографическихъ „Приложеніяхъ" къ изданію 1859 года, стр. 100, было сообщено, что эта піеса относится къ тому же лицу, къ которому Пушкинъ въ 1814 году написалъ посланіе „Къ Натальѣ" и „Молодой актрисѣ", то-есть, къ одной изъ представительницъ крѣпостной труппы графа В. В. Тол-

стого (см. выше примѣчанія, стр. 55), то являлась бы возможность пріурочить къ тому же времени сочиненіе стиховъ „Къ Наташѣ“. Къ подтвержденію такой догадки могла бы служить нѣкоторая наивность и техническая неудовлетворительность ихъ (напримѣръ, плохія риѳмы въ стт. 5-мъ — 8-мъ) — недостатки, которые при первомъ появленіи піесы въ 1841 году дали С. П. Шевыреву поводъ выразить даже сомнѣніе въ ея принадлежности Пушкину (*Москвитянинъ* 1841 года, ч. V, стр. 254). Но авторитетное свидѣтельство „Духа лицейскихъ трубадуровъ“ устраняетъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Что же касается времени сочиненія піесы, опредѣленно къ 1816 году она была отнесена лишь изданіемъ 1870 года, т. I, стр. 153, по соображенію со свѣдѣніями, сообщенными въ запискахъ И. И. Пущина (нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 63). Строго говоря, основаніе это нельзя считать вполнѣ твердымъ, но нѣтъ также повода и отвергать его. Напротивъ того, относя разсматриваемую піесу къ 1816 году, мы получаемъ возможность сдѣлать нѣсколько заключеній, любопытныхъ въ литературномъ отношеніи.

Изъ разсказа Пущина видно, что Наташу, къ которой обращено разсматриваемое стихотвореніе, не слѣдуетъ смѣшивать съ Натальей, молодою актрисой Толстовской труппы. Въ Царскосельскомъ дворцѣ, въ тѣ времена, отводилось помѣщеніе для нѣсколькихъ камеръ-фрейлинъ, и проживали онѣ въ томъ самомъ корридорѣ, по которому проходили въ дворцовый садъ лицеисты. „Этихъ фрейлинъ“, говоритъ Пущинъ, — „было тогда три: Плюскова, Волуева и княжна Волконская. У Волуевой была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встрѣтясь съ нею въ темныхъ переходахъ корридора, и полюбезничать; она многихъ изъ насъ знала, да и кто не зналъ лицея, который мозолилъ глаза всѣмъ въ саду?“ Вотъ къ этой-то Наташѣ и относятся стихи Пушкина;

нѣтъ ничего удивительнаго, что при той страстности, которою онъ отличался, его ухаживанье за этою дѣвушкой даже по времени совпадало съ его мечтательною любовью къ Е. П. Бакуниной, но само собою разумѣется, что его стихи не служили на этотъ разъ выраженіемъ сколько-нибудь серьезнаго чувства. По остроумному замѣчанію Поливанова (см. его 2-е изданіе Пушкина, т. I, стр. 52), „не трудно въ этомъ стихотвореніи узнать очень искусное подражаніе сентиментальнымъ пѣсенкамъ И. И. Дмитріева (въ родѣ: „Стонетъ сизый голубочекъ“) и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго („У кого душевны силы истощилися тоской“) и т. п. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи передразнилъ манеру такихъ пѣсенъ. Пѣсенка Пушкина обращена къ горничной, какъ бы въ знакъ того, что наступило время такія пѣсни передать въ дѣвичьи. Такъ это и стало“. Сочиненіе такой пѣсни въ 1816 году рядомъ съ пламенными любовными элегіями всего лучше можетъ быть объяснено шуточными намѣреніями автора.

XXXII.

КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

(Стр. 216).

Это четверостишіе не извѣстно въ рукописи. — Напечатано оно было впервые въ статьѣ *М. И. Жихарева:* „Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. (Изъ воспоминаній современника)“, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Европы* 1871 г., № 7, стр. 192, и оттуда перешло въ изданіе 1880 года, т. I, стр. 169.

Эпиграмма направлена противъ упомянутой въ предшествующемъ примѣчаніи камеръ-фрейлины, княжны

Варвары Михайловны Волконской (род. въ 1782 г., ум. 25-го декабря 1865). Случай, который подалъ поводъ къ сочиненію эпиграммы, разсказанъ въ вышеупомянутой статьѣ Жихарева и въ воспоминаніяхъ И. И. Пущина (нашъ сборникъ: Пушкинъ, стрр. 63—64); послѣдній былъ свидѣтелемъ происшествія, почему и приводимъ его разсказъ: „Однажды идемъ мы, растянувшись по дворцовому корридору маленькими группами. Пушкинъ на бѣду былъ одинъ, — слышитъ въ темнотѣ шорохъ платья, воображаетъ, что непремѣнно Наташа (горничная фрейлины Волуевой), бросается поцѣловать ее самымъ невиннымъ образомъ. Какъ нарочно, въ эту минуту отворяется дверь изъ комнаты и освѣщаетъ сцену: передъ нимъ сама княжна Волконская. Что̀ дѣлать ему? Бѣжать безъ оглядки; но этого мало̀, надобно поправить дѣло, а дѣло неладно. Онъ тотчасъ разсказалъ мнѣ про это, присоединясь къ намъ, стоявшимъ у оркестра (въ дворцовомъ саду). Я ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкинъ никакъ не соглашался довѣриться директору и хотѣлъ написать княжнѣ извинительное письмо. Между тѣмъ она успѣла пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а тотъ — государю. Государь на другой день приходитъ къ Энгельгардту. „Что жь это будетъ?“ говоритъ царь. — „Твои воспитанники не только снимаютъ черезъ заборъ мои наливные яблоки, бьютъ сторожей садовника Лямина, но теперь ужь не даютъ проходу фрейлинамъ жены моей“. Энгельгардтъ своимъ путемъ уже зналъ о неловкой выходкѣ Пушкина, можетъ быть, и отъ самого князя Петра Михайловича, который могъ сообщить ему это въ тотъ же вечеръ. Онъ нашелся и отвѣчалъ императору Александру: „Вы меня предупредили, государь: я искалъ случая принести вашему величеству повинную за Пушкина; онъ бѣдный въ отчаяніи; приходилъ за моимъ позволеніемъ письменно просить

княжну, чтобъ она великодушно простила ему это неумышленное оскорбленіе". Энгельгардтъ разсказалъ подробности дѣла, стараясь всячески смягчить вину Пушкина, и присовокупилъ, что сдѣлалъ уже ему строгій выговоръ и проситъ разрѣшенія на счетъ письма. На это ходатайство Энгельгардта государь сказалъ: „Пусть пишетъ; ужь такъ и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтобъ это было въ послѣдній разъ. La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit", шепнулъ императоръ, улыбаясь Энгельгардту, пожалъ ему руку и пошелъ догонять императрицу, которую изъ окна увидѣлъ въ саду. Такимъ образомъ, дѣло кончилось необыкновенно хорошо. Мы всѣ были рады такой развязкѣ, жалѣя Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый изъ насъ легко могъ попасть въ такую бѣду". Слухъ объ этомъ происшествіи разнесся однако по Царскому Селу, „и молодой поэтъ отомстилъ пожилой фрейлинѣ стихами, въ которыхъ" — какъ замѣчаетъ Жихаревъ — „уже вполнѣ проглядываютъ столько впослѣдствіи извѣстные и грозные Пушкинскіе когти".

XXXIII.

ЭЛЕГІЯ.

(Опять я вашъ, о, юные друзья!)

(Стр. 217).

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: вопервыхъ, въ рукописи № 2364, л. 28, переписанное самимъ Пушкинымъ и затѣмъ снабженное его позднѣйшими поправками, а вовторыхъ, въ рукописи № 2395, л. 706, переписанное писарскимъ по-

черкомъ конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 314 и 315, по тексту рукописи № 2395 и безъ вниманія къ поправкамъ, внесеннымъ въ рукопись № 2364. Эти послѣднія были введены въ текстъ только въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стрр. 148 и 149. Тотъ же текстъ, вновь провѣренный по рукописи № 2364, предлагается въ настоящемъ изданіи, а здѣсь приводятся сохраненные обѣими музейными рукописями *варіанты* начальной редакціи:

Ст. 2-й: *Туманные* сокрылись дни разлуки...
„ 5-й, 6-й: Все тѣ же вы, но *сердце* ужь не то же:
Ужь не вы *ему* всего дороже.
„ 9-й: *Ушла на вѣкъ*, и жизни скоротечной...
Послѣ ст. 10-го: *Веселіе разсталося съ душой.*
Ст. 11-й, 12-й: Отверженный *судьбиною ревнивой*,
Улыбку, смѣхъ и рѣзвость, и покой...
„ 14-й, 15-й: *Покровъ* лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы бесѣдою шумливой
И съ нѣжностью души краснорѣчивой
Мой тяжкій сонъ хотите перервать.
Все кончилось, — и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ *удалить* угрюмыя страданья...
„ 20-й, 21-й: Мнѣ *страшенъ* міръ, мнѣ *скученъ* дневный свѣтъ,
Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ.
„ 25-й: Не доцвѣту до *мѣсячныхъ* лучей.

Отнесенное посмертнымъ изданіемъ къ числу лицейскихъ стихотвореній, произведеніе это только въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 134 и 135, было пріурочено прямо къ 1816 году — очевидно, по соображенію съ его содержаніемъ. Дѣйствительно, піеса написана подъ вліяніемъ той мечтательной любви, которая пробудилась въ сердцѣ Пушкина около 1816 года, но въ то же время она не мо-

жетъ считаться произведеніемъ вполнѣ оригинальнымъ: и въ ней, какъ въ стихотвореніи, напечатанномъ выше подъ № XXVIII-мъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ того же времени, можно съ полнымъ правомъ видѣть подражаніе тогдашнему любимцу Пушкина — Парни. Еще Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 174) указывалъ, что въ разсматриваемой піесѣ слышится начало элегіи Парни „La rechûte"; но, по нашему мнѣнію, отголоски послѣдней почти во всемъ ея составѣ слышатся въ стихотвореніи Пушкина. Приводимъ здѣсь бо̀льшую часть французскаго стихотворенія:

La rechûte.

C'en est fait, j'ai brisé mes chaînes!
Amis, je reviens dans vos bras.
Les belles ne vous valent pas;
Leurs faveurs coûtent trop de peines.
Jouet de leur volage humeur,
J'ai rougi de ma dépendance;
Je reprends mon indifférence
Et je retrouve le bonheur.
Le dieu joufflu de la vendange
Va m'inspirer d'autres chansons;
C'est le seul plaisir sans mélange;
Il est de toutes les saisons;
Lui seul nous console et nous venge
Des maîtresses que nous perdons.
Que dis-je, malheureux? Ah, qu'il est difficile
De feindre la gaieté dans le sein des douleurs!
La bouche sourit mal, quand les yeux sont en pleurs.
Repoussons loin de nous ce nectar inutile.
Et toi, tendre amitié, plaisir pur et divin,
Non, tu ne suffis plus à mon âme égarée.
Au cri des passions qui grondent dans mon sein
En vain tu veux mêler ta voix douce et sacrée:
Tu gémis de mes maux qu'il fallait prévenir;
Tu m'offres ton appui lorsque la chûte est faite,
Et tu sondes ma plaie, au lieu de la guérir.

Va, ne m'apporte plus ta prudence inquiète;
Laisse-moi m'étourdir sur la réalité;
Laisse-moi m'enfoncer dans le sein des chimères,
Tout courbé sous les fers chanter la liberté,
Saisir avec transport des ombres passagères,
Et parler de félicité
En versant des larmes amères.

За симъ слѣдуютъ еще 17 стиховъ, въ которыхъ поэтъ высказываетъ надежду, что въ будущемъ, рано или поздно, для него наступятъ болѣе счастливые дни, и онъ, разставшись съ увлеченіями и мученіями любви, возвратится къ наслажденіямъ дружбы. Такого заключенія въ примирительномъ смыслѣ мы не найдемъ въ элегіи Пушкина; но если мы сравнимъ послѣднюю съ приведенными строками Парни, то должны будемъ признать между ними близкое соотношеніе: оба поэта начинаютъ съ обращенія къ друзьямъ, какъ бы въ чаяніи, что могутъ найти полное удовлетвореніе въ общеніи съ ними, но затѣмъ ихъ поражаетъ горькое сознаніе, что они уже не въ состояніи довольствоваться пріятностями дружбы послѣ того, какъ ихъ жизнь отравлена не раздѣленною любовью. Пушкинъ счелъ возможнымъ прервать свое лирическое изліяніе на этомъ патетическомъ моментѣ, тогда какъ Парни къ концу піесы понижаетъ тонъ своей скорби постепенно смягчающимися звуками.

Сходство піесы Пушкина съ французскимъ подлинникомъ особенно замѣтно въ первоначальной ея редакціи. Есть мнѣніе, признающее ее многословною (*Сумцовъ*. Этюды о Пушкинѣ, вып. IV, стр. 24); но этотъ недостатокъ присущъ оригиналу, почему отразился и на русскомъ подражаніи. Позднѣйшая переработка піесы Пушкинымъ, по его постоянному обычаю, ставила главною цѣлью своею именно ея сокращеніе; несомнѣнно, что вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе выиграло въ силѣ своего выраженія. Но

даже и въ первоначальномъ своемъ видѣ эта піеса обращала на себя вниманіе своею внѣшнею формой, и Поливановъ, въ своемъ 2-мъ изданіи, т. I, стр. 64, признаетъ въ ея стихѣ тѣ же высокія достоинства, которыя онъ отмѣтилъ въ піесѣ „Желаніе“ (см. выше, примѣчанія, стр. 299).

XXXIV.

ДРУЗЬЯМЪ.

(Богами вамъ еще даны...)

(Стр. 219).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ трехъ рукописныхъ текстахъ: вопервыхъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 6, переписанное самимъ Пушкинымъ и снабженное помѣтой „1816“; вовторыхъ, въ рукописи того же музея № 2395, л. 698, переписанное писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ; втретьихъ, въ тетради стиховъ Пушкина, собственноручно имъ писанной и принадлежавшей графу П. И. Капнисту, л. 12; кромѣ того, стихотвореніе это находилось, по свидѣтельству И. П. Хрущова, въ лицейской тетради 1817 года, принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину, и наконецъ, въ особомъ спискѣ было извѣстно П. А. Ефремову (*Библіографическія Записки* 1861 г., ст. 591). — Впервые піеса была напечатана въ изданіи 1826 года, стр. 9, и повторена въ изданіи 1829 года, т. I, стр. 19; въ другой, болѣе ранней редакціи явилась она въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 327, а въ изданіи *Анненкова,* т. II, стрр. 140 и 141, сообщены были обѣ редакціи, и въ видѣ дополненія къ нимъ г. Ефремовъ издалъ извѣстную ему редакцію въ *Библіографическихъ Запискахъ.*

Въ текстѣ настоящаго изданія помѣщена та позднѣй-

шая редакція, которой Пушкинъ далъ мѣсто въ сборникахъ, имъ самимъ приготовленныхъ къ выпуску въ свѣтъ, а здѣсь предлагаются свѣдѣнія о постепенной отдѣлкѣ этого стихотворенія, одного изъ немногихъ, избранныхъ авторомъ для печати изъ всего, что̀ имъ было написано въ лицеѣ.

Обѣ музейныя рукописи содержатъ въ себѣ первоначальную редакцію стихотворенія, при чемъ однако въ № 2364 между строками основного текста вписаны и позднѣйшія поправки. Основной этотъ текстъ слѣдующій:

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожить вамъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ муза смолкнула моя.
Напрасно лиру бралъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки....
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И *на любовь* устремлены
Огнемъ исполненныя очи.

(Далѣе все вполнѣ согласно съ нашимъ текстомъ на стр. 219).

Поправки къ этому тексту сдѣланы въ той же рукописи слѣдующія:

Ст. 8-й: Будилъ *потерянные звуки*
„ 10-й — 12-й: Веселы *дни*, веселы *ночи*,
И дѣвъ на васъ *устремлены*...
(вторично): *И* томныхъ дѣвъ *устремлены*
На васъ внимательныя *очи*.

Въ рукописи графа Капниста текстъ стихотворенія уже вполнѣ сходенъ съ текстомъ, окончательно установ-

леннымъ для изданія 1826 года; но стиху, которымъ начинается этотъ послѣдній текстъ, сперва предполагалось предпослать изъ первоначальной редакціи еще четыре строки (5-й—8-й), которыя тутъ и написаны, однако потомъ зачеркнуты авторомъ. Въ той же рукописи, на л. 9-мъ об., находимъ указаніе, что разсматриваемая піеса окончательно редактирована въ 1822 году; однако при первомъ ея появленіи въ печати въ 1826 году сохранена помѣта 1816 года.

Что касается текста піесы, изданнаго г. Ефремовымъ, происхожденіе его не извѣстно; но очевидно, эти 16 строкъ принадлежатъ къ числу самыхъ первоначальныхъ черновыхъ набросковъ и были устранены авторомъ подобно тому, какъ при окончательной обработкѣ онъ отбросилъ сообщенные выше первые восемь стиховъ редакціи 1816 года. Приводимъ здѣсь сообщенные г. Ефремовымъ стихи по его изданію:

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ унылъ и мраченъ я...
На пиръ раздольный и безумной
Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда-то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселье воспѣвать.
Но пролетѣлъ мигъ упоеній,
Я радость свѣтлую забылъ,
Меня печали мрачный геній
Крылами черными покрылъ....
Не кличьте жъ вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.

(Далѣе вполнѣ согласно съ текстомъ настоящаго изданія).

Послѣдовательный ходъ передѣлокъ и сокращеній, которымъ Пушкинъ подвергалъ это стихотвореніе, неоднократно обращалъ на себя вниманіе критики, и еще Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 327) указалъ на блестящіе результаты этой переработки въ слѣдующихъ словахъ, которыми онъ заключилъ сравненіе между раннею и позднѣйшею редакціей разсматриваемой піесы: „Черезъ уничтоженіе первыхъ восьми стиховъ и перемѣну одиннадцатаго и двѣнадцатаго изъ безобразнаго куска мрамора вышла прелестная статуетка". Въ отношеніи содержанія любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что при переработкѣ Пушкинъ старался ослабить оттѣнокъ грусти, преобладавшій въ начальныхъ наброскахъ, — безъ сомнѣнія, въ виду его слишкомъ субъективнаго характера. Въ первоначальномъ своемъ видѣ піеса представляла много общаго съ тѣмъ обращеніемъ къ друзьямъ, которое содержится въ помѣщенной выше элегіи: „Опять я вашъ" (№ XXXIII).

XXXV.

А. А. ШИШКОВУ.

(Стрр. 220 и 221).

Это посланіе сохранилось въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, лл. 33 и 34, писанное не Пушкина рукой, но со многими его собственноручными поправками и помѣтою „надо"; выписка изъ этой рукописи, содержавшая въ себѣ нѣкоторую часть стиховъ, выпущенную при первомъ изданіи піесы, имѣлась у Е. И. Якушкина (*Библіографическія Записки* 1858 г., ст. 318).—Впервые стихотвореніе напечатано въ изданіи 1826 года, стрр. 147 и 148, и затѣмъ въ изданіи 1829 года, ч. I, стрр. 26 и 27, оба раза

въ одной и той же позднѣйшей, сокращенной авторомъ редакціи; въ томъ же видѣ оно повторено въ изданіяхъ посмертномъ, т. III, стрр. 121 и 122, и *Анненкова*, т. II, стрр. 143 и 144; но послѣ того, какъ г. Якушкинъ обнародовалъ вышеупомянутые стихи, выпущенные изъ посланія самимъ авторомъ, оно явилось со включеніемъ этихъ строкъ въ изданіяхъ *Геннади* 1859 года, т. I, стрр. 143 и 144, и 1870 года, т. I, стрр. 143 и 144; напротивъ того, въ изданіяхъ *Ефремова* 1880 года, т. I, стрр. 162 и 163, и 1882 года, т. I, стр. 159, а также въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стр. 154, оно опять было возстановлено въ позднѣйшей авторской редакціи; въ 1884 году, въ *Русской Старинѣ*, т. XLI, стр. 647, сообщены были новыя дополненія къ посланію изъ первоначальной редакціи, сохраненной музейною рукописью, и это обстоятельство опять дало поводъ къ новой попыткѣ дополнить позднѣйшую редакцію выпущенными изъ нея стихами: это сдѣлано въ статьѣ *Д. Д. Рябинина* объ А. А. Шишковѣ (*Историческій Вѣстникъ* 1889 г., т. XXXVIII, стрр. 48 и 49). Текстъ настоящаго изданія предлагаетъ посланіе въ редакціи, установленной авторомъ при первомъ печатаніи піесы въ 1826 году, а здѣсь приводятся изъ музейной рукописи *варіанты* первоначальной редакціи:

Ст. 1-й: *Поэтъ*, увѣнчанный Эратой и Венерой
„ 4-й: Гдѣ нѣжился *Шольё съ Мелецкимъ* и Парни
„ 6-й: Съ *напѣвомъ* соглашать игривую свирѣль
Послѣ ст. 8-го: *И нынѣ, въ юности прекрасной,*
Съ тобою вѣрныя сопутницы твои.
Бряцай, о, трубадуръ, на арфѣ сладострастной
Мечтанье раннее любви.
(вторично): *Ты гимны счастливой любви.*
Пой сердца юнаго кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
(вторично): *Красавицы младой упорство, трепетанье,*

Со груди сорванный завистливый покровъ,
Стыдливости послѣднее роптанье
И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ,
Пой, въ нѣгѣ устремивъ на дѣву темны очи,
Ея волшебныя красы.
Въ объятіяхъ любви утраченныя ночи,
Блаженства быстрые часы.
Мой другъ, она — твоя, она — твоя награда,
Таинственной любви безцѣнная отрада.
Дерзну ль тебя я воспѣвать,
Когда гнететъ меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладетъ свою печать.
Нѣтъ, нѣтъ! Друзей любить открытою душою

(вторично): *Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,*
Тебѣ подвластныя красы,
Въ ея объятіяхъ исчезнувшія ночи,
Любви безцѣнные часы.
Но я!... Друзей любить открытою душою

Ст. 12-й: *Покорствую судьбамъ*, но сжалься надо мною

„ 14-й, 15-й: Не вѣчно нѣжиться въ *прелестномъ* ослѣпленьи
Ужъ хладной истины *докучный* вижу свѣтъ.

„ 17-й: *Волшебницѣ*-мечтѣ, шепнувшей: «Ты—поэтъ»,

(вторично): *Обманчивой* мечтѣ, шепнувшей: «Ты поэтъ».

Ст. 19-й: Съ небрежной *легкостью* нанизывалъ куплеты,

„ 21-й: Угодникъ Бахуса, *съ веселыми* друзьями

(вторично): Угодникъ Бахуса, *я съ трезвыми* друзьями

Ст. 23-й: *Въ дурныхъ стихахъ дурныхъ писателей* бранилъ

Послѣ ст. 25-го: *И даже — каюсь я — пустынникъ согрѣшилъ:*
Я первой пѣлъ любви невинное начало,
Но такъ таинственно, съ такимъ разборомъ
Что, не краснѣя боязливо, [*словъ,*
*Меня бы выслушалъ и дѣвственный К***.*

(вторично): *Простятъ мнѣ страшный грѣхъ поэты:*

Я написалъ придворные куплеты,
Кадиломъ дерзостнымъ я счастію кадилъ.

Ст. 26-й, 27-й: *Но скрылись отъ меня* парнасскія забавы...
Не долго былъ я усыпленъ,

(вторично): Но долго ль *юношу* лелѣялъ Аполлонъ?

Къ 1816 году посланіе отнесено еще въ изданіи 1826 года; а фамилія лица, къ которому оно обращено, долгое время обозначалось въ сокращенной формѣ: „Ш—ву", и это обстоятельство ввело Анненкова въ нѣсколько странное недоразумѣніе: въ примѣчаніи къ посланію (т. II, стр. 155) онъ утверждаетъ, что „шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой", не кто иной, какъ бездарный князь П. И. Шаликовъ, осмѣянный еще въ первые годы XIX вѣка, и не смотря на то, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій потѣшавшій русскихъ читателей своею безсмысленною и слащавою сентиментальностью. На самомъ дѣлѣ поэтъ нашъ обращался къ начинающему и талантливому, столь же юному, какъ онъ самъ, писателю Александру Ардаліоновичу Шишкову.

А. А. Шишковъ (род. въ 1799 г., ум. въ 1833) приходился роднымъ племянникомъ знаменитому государственному и литературному дѣятелю Александровскихъ временъ Александру Семеновичу Шишкову и съ малолѣтства воспитывался въ его домѣ. Не смотря на вражду старика ко всякой иноземщинѣ, къ мальчику нанятъ былъ французъ-гувернеръ, обученіе иностраннымъ языкамъ — нѣмецкому, французскому, итальянскому, чуть ли не было положено въ основу его образованія, а когда дядя находился въ заграничномъ походѣ 1813 и 1814 годовъ, то сожалѣлъ, что не взялъ съ собою племянника (Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870, т. I, стр. 327). С. Т. Аксаковъ, знавшій Александра Ардаліоновича еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ въ домѣ дяди, а потомъ встрѣчавшійся съ нимъ въ разные періоды его

жизни, оставилъ о немъ нѣсколько любопытныхъ воспоминаній: „Саша, извѣстный впослѣдствіи въ русской литературѣ подъ именемъ „Шишкова 2-го“, былъ тогда (въ 1808 году) блистательнымъ и очаровательнымъ мальчикомъ. Много возбуждалъ онъ великихъ надеждъ своимъ рановременнымъ умомъ и яркими признаками литературнаго таланта. Тетка (жена А. С. Шишкова Дарья Алексѣевна) обожала его, какъ говорится, и не смотря на свою практическую разсудительность, совершенно испортила своего любимца. Исключительно женское воспитаніе рѣдко удается. Черезъ нѣсколько лѣтъ не могла она сладить съ Сашей, и онъ поступилъ въ военную службу, прямо въ офицеры молодой гвардіи и прямо въ адъютанты, кажется, къ генералу Каблукову. Саша немедленно сдѣлался отчаяннымъ повѣсой, былъ сосланъ на Кавказъ, ушелъ изъ-подъ караула, и будучи арестантомъ, увезъ молодую дѣвушку и женился на ней, жилъ въ крайней бѣдности, погубилъ свой замѣчательный талантъ, работая для денегъ, и наконецъ погибъ трагическою, всѣмъ извѣстною смертью“ (Полн. собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, т. III, стр. 187). Есть основаніе думать, что добродушный повѣствователь не договариваетъ всего, что̀ въ свое время разсказывалось о Шишковѣ. По другимъ извѣстіямъ, этотъ несчастный, лишившійся жизни отъ кинжала убійцы, былъ жертвою своихъ страстей и своего слабаго характера: онъ предавался не только крѣпкимъ напиткамъ, но и карточной игрѣ и былъ въ ней нечистъ на руку (Записки Н. Н. Муравьева въ *Русскомъ Архивѣ* 1886 г., кн. III, стр. 444). Впрочемъ, все это относится уже къ болѣе позднимъ годамъ; въ то же время, когда съ Шишковымъ познакомился лицеистъ Пушкинъ, — даровитый племянникъ стараго адмирала еще только ступалъ на путь своихъ пагубныхъ увлеченій и лишь испытывалъ свои силы на литературномъ поприщѣ.

Пушкинъ, не покидавшій Царскаго Села во всю бытность свою въ лицеѣ, встрѣтился съ Александромъ Ардаліоновичемъ, очевидно, у кого-либо изъ тамошнихъ жителей (быть можетъ, у знакомыхъ съ Шишковыми Бакуниныхъ), и юноши не замедлили сойтись „на ты", тѣмъ болѣе, что у нихъ оказались общіе интересы не только свѣтскіе, но и литературные. Ранніе поэтическіе опыты молодого Шишкова не извѣстны, но судя по намекамъ въ посланіи Пушкина и по его упоминанію о Тибуллѣ, Шольё, Парни и Нелединскомъ-Мелецкомъ, они относились къ любовной лирикѣ, муза которой Эрато и увѣнчала „шалуна". Пушкинъ, самъ много писавшій тогда въ томъ же родѣ, хвалилъ стихи Шишкова и съ своею обычною снисходительностью спѣшилъ отдать имъ предпочтеніе предъ своими собственными. Впослѣдствіи судьба далеко развела мимолетныхъ знакомцевъ: черезъ годъ по выходѣ Пушкина изъ лицея, въ 1818 году, Шишковъ уже долженъ былъ покинуть Петербургъ и уѣхать, какъ онъ выражался, въ „полуденную Сибирь". Мы не знаемъ, встрѣчались ли они впослѣдствіи другъ съ другомъ, но въ 1823 году между ними шла переписка, а когда стали появляться прекрасные по своему времени переводы Шишкова изъ Шиллера и другихъ нѣмецкихъ драматурговъ, Пушкинъ не замедлилъ выразить свое сочувствіе этимъ трудамъ его, и наконецъ, послѣ его смерти содѣйствовалъ изданію его сочиненій Россійскою академіей (см. статью *Д. Д. Рябинина* объ Ал. Ард. Шишковѣ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1889 г., т. XXXVIII).

Сравненіе между двумя редакціями разсматриваемаго посланія обнаруживаетъ обычные пріемы Пушкинскихъ передѣлокъ — сокращеніе первоначальнаго текста и исключеніе изъ него чертъ чисто личнаго характера, какъ напримѣръ, намековъ на первую любовь автора. За то къ числу позднѣйшихъ прибавокъ Пушкина при-

надлежитъ его замѣчательное признаніе, что въ раннихъ своихъ произведеніяхъ онъ славилъ и бранилъ *мечтательныхъ* Дорид̀ъ, *трезвый* пѣлъ вино и т. д. Анненковъ (см. его изданіе, т. II, стр. 155) справедливо обратилъ вниманіе на это признаніе, въ которомъ поэтъ, лѣтъ чрезъ десять послѣ того, какъ сталъ писать стихи, произнесъ судъ надъ искусственностью своихъ первыхъ опытовъ.

— (**Стр. 221, стт. 33 и 34**). По замѣчанію Б. В. Никольскаго (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г., іюль, стр. 211), эти заключительныя строки напоминаютъ слѣдующіе стихи изъ басни И. И. Дмитріева „Два голубя“:

Уже ль прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

XXXVI.

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

(Стр. 222).

Этотъ гимнъ извѣстенъ намъ въ трехъ рукописныхъ текстахъ, изъ коихъ одинъ, составляющій автографъ поэта, находится въ принадлежавшей Я. К. Гроту тетради, л. 9; другой есть копія неизвѣстнаго почерка, внесенная въ принадлежащую Т. Б. Сѣмечкиной тетрадь „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“, стрр. 109 и 110, а третій—тоже копія, писарскаго почерка конца тридцатыхъ годовъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 785.—Впервые гимнъ напечатанъ былъ въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 399.

Гротовскій автографъ представляетъ собою лишь черновой набросокъ. Такъ какъ первая строфа Пушкинскаго гимна буквально воспроизводитъ небольшое стихотвореніе Жуковскаго, напечатанное въ *Сынѣ Отечества* 1815 года,

ч. 26, № 48, стр. 96, подъ заглавіемъ: „Молитва русскихъ“, то въ автографѣ текстъ начинается прямо со второй строфы. Сравнительно съ окончательною редакціей разсматриваемой піесы набросокъ представляетъ слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Строфа II-я, ст. 1-й, 2-й: *Крѣпкою* славою,
Свѣтлой державою
„ III-я, „ 4-й: Гласъ *удивленія*
„ „ „ 7-й: *Славному* дань.

На оборотѣ того листка, на которомъ находится означенный набросокъ, можно прочесть еще слѣдующій варіантъ III-й строфы:

Рабства покинувъ тьму,
Пусть міръ несетъ ему
Славы вѣнецъ,
Благодаренія,
Дань упоенія
Нашихъ сердецъ.

Обѣ остальныя рукописи содержатъ въ себѣ текстъ, окончательно исправленный и внесенный въ посмертное изданіе. Онъ же воспроизведенъ и въ настоящемъ изданіи.

По указанію Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 372), гимнъ былъ написанъ Пушкинымъ къ празднованію дня основанія лицея (19-го октября) и пропѣтъ на праздникѣ воспитанниками на голосъ англійскаго гимна: „God save the King“. Въ дополненіе къ этому извѣстію можно привести изъ воспоминаній М. А. Корфа (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 247) слѣдующее: „Въ лѣтніе вечера 1816 и 1817 годовъ, при Энгельгардтѣ, когда мы имѣли уже постоянный хоръ и пѣвали у директора на балконѣ, государь подходилъ къ садовой рѣшеткѣ близъ лѣстницы у дворцовой церкви, и облокотясь на нее, слушалъ по нѣскольку минутъ наше пѣніе. И хотя балконъ съ этой стороны былъ задернутъ парусиною, но мы всегда узна-

вали черезъ тайныхъ соглядатаевъ близость государя, и бывало, тотчасъ начинали пѣть: „Боже, царя храни!“ по тогдашнему тексту и тогдашней англійской мелодіи“.

XXXVII.

ЭЛЕГІЯ.

(Я думалъ, что любовь погасла навсегда...)

(Стрр. 223 и 224).

Эта элегія сохранилась только въ одномъ спискѣ, неизвѣстнаго почерка, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 15-й, снабженная помѣтами: „1816“ и „передѣлать“ и нѣсколькими поправками, сдѣланными рукой автора. — Впервые стихотвореніе напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1881 г., т. XLI, стрр. 427 и 428, а оттуда перешло въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стрр. 142 и 143.

Въ настоящемъ изданіи тотъ же текстъ элегіи предлагается вновь провѣренный по рукописи, а здѣсь сообщаются соотвѣтствующіе вышеупомянутымъ исправленіямъ первоначальные *варіанты:*

Ст. 5-й — 10-й: *Я мнилъ покоиться близъ вѣрныхъ* береговъ,
Ужь издали *смотрѣть, указывать* рукою
На парусъ *бѣдственный* пловцовъ,
Гонимыхъ яростной грозою,
И я сказалъ: «Стократъ блаженъ,
«Чей вѣкъ *свободный и* прекрасный...

„ 15-й: «Блаженъ! Но я *блаженнѣй* болѣ...

„ 20-й: «*Но* что̀ я говорилъ, несчастный!

Въ дальнѣйшемъ текстѣ элегіи никакихъ поправокъ нѣтъ, и можно думать, что мысль о передѣлкѣ ея была совсѣмъ оставлена авторомъ — быть можетъ, потому, что

піеса по содержанію своему оказалась слишкомъ похожею на другія элегіи, внушенныя молодому поэту его первою любовью, въ особенности на тѣ, которыя напечатаны выше подъ №№ XXIX и XXXIII.

XXXVIII.

СЛОВО МИЛОЙ.

(Стр. 225).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ двухъ спискахъ: одинъ, подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 9, сдѣланъ рукой князя А. М. Горчакова и снабженъ помѣтами: „1816“ и „не надо“, и авторскими поправками, а другой — въ рукописи того же музея № 2395, л. 698 об., писанъ писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ и не имѣетъ никакого заглавія. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 328, по рукописи № 2395 и тоже безъ заглавія, которое впервые приведено въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 140.

Въ настоящемъ изданіи поправки, внесенныя въ рукопись № 2364, введены въ текстъ, а здѣсь сообщаются соотвѣтствующіе этимъ исправленіямъ первоначальные *варіанты:*

Ст. 2-й — 4-й: *Ея прелестный, томный гласъ*
Волшебной грустью нѣжитъ насъ,
Какъ ночью вѣянье зефира.

„ 7-й: *Волшебенъ* голосъ твой унылой

„ 9-й: *Волшебнѣй нѣжныхъ* пѣсенъ Лилы

Стихотвореніе это, подобно многимъ предшествующимъ, заключаетъ въ себѣ намекъ на мечтательную любовь автора къ Е. П. Бакуниной, но относится не къ ней,

а къ другому лицу, о которомъ будетъ сказано въ примѣчаніи къ № XL.

XXXIX.

Л И Л Ѣ.

(Стр. 225).

Стихотвореніе это не сохранилось въ рукописномъ текстѣ. — Впервые оно было напечатано въ изданіи 1826 года, стр. 106, и затѣмъ повторено изданіемъ 1829 года, ч. II, стр. 156, безъ измѣненій.

Къ 1816 году стихотвореніе впервые отнесено въ изданіе 1880 года, т. I, стр. 132, безъ сомнѣнія—потому, что обращено къ тому же лицу, что̀ и піеса „Слово милой“, точно датированная 1816 годомъ. Объ этомъ лицѣ см. въ примѣчаніи къ № XL.

XL.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

(Стрр. 226 и 227).

Это стихотвореніе извѣстно намъ въ трехъ рукописныхъ текстахъ: одинъ изъ нихъ находится въ принадлежавшей Я. К. Гроту тетради, лл. 7 и 8, и составляетъ автографъ Пушкина, при чемъ вторая половина піесы сильно изчеркана авторскими поправками, и потому вторично переписана тутъ же А. Д. Илличевскимъ; другой, представляющій копію, сдѣланную рукой князя А. М. Горчакова, находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 5, и снабженъ авторскими помѣтами: „1816“ и „переп.“ и позднѣйшими авторскими поправками; нако-

нецъ, третій есть копія конца тридцатыхъ годовъ, сохранившаяся въ рукописи того же музея № 2395, лл. 725 об. и 726; кромѣ того, по свидѣтельству И. П. Хрущова, посланіе „Къ молодой вдовѣ“ было помѣщено въ принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину лицейской рукописи 1817 года; заглавіе во всѣхъ названныхъ рукописяхъ было одинаковое. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 347 и 348, по музейной рукописи № 2395 и безъ вниманія къ поправкамъ, содержащимся въ № 2364. Послѣдними воспользовалось, и то лишь отчасти, только изданіе литературнаго фонда, т. I, стрр. 162 и 163. Въ настоящемъ изданіи текстъ разсматриваемой піесы вновь свѣренъ съ рукописями, и въ него введены всѣ авторскія исправленія.

Гротовскій автографъ содержитъ въ себѣ наиболѣе пространную редакцію стихотворенія. Сравнительно съ окончательнымъ текстомъ она представляетъ слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Ст. 2-й, 3-й: Почему сквозь *легкій* сонъ, —
Часто, нѣгой утомленный...

Послѣ ст. 4-го: *Почему, въ любви счастливой*
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый
Устремляешь въ темноту?

Ст. 5-й, 6-й: Почему, когда *вкушаю*
Быстрый обморокъ любви, ...

„ 14-й, 15-й: *Вѣчно* ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга...

„ 17-й, 18-й: Вѣрь: *для узниковъ* могилы
Лишь забвенья мертвый сонъ;

(вторично): Вѣрь мнѣ: *узника* могилы
Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ

„ 20-й, 21-й: *Имъ не слышенъ* скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы...

Ст. 23-й: *Откровенной* дружбы слезы...
„ 25-й—28-й: Рано твой *супругъ миновенный*
Вздохомъ *смерти воздохнулъ*
И, *любовью* упоенный,
На груди твоей *уснулъ*.

Далѣе строки автографа такъ перемараны, что не поддаются чтенію; вслѣдствіе того, вторая половина піесы, начиная со ст. 17-го, тутъ же вновь переписана Илличевскимъ, но уже только въ окончательной редакціи.

Въ музейной рукописи № 2364 стихотвореніе было вписано сперва въ редакціи, весьма мало отличающейся отъ автографа, и именно эта редакція была воспроизведена въ другой музейной рукописи № 2395 и впослѣдствіи напечатана въ посмертномъ изданіи. Но между строками основной редакціи въ № 2364 вписаны всѣ тѣ позднѣйшія поправки автора, благодаря которымъ установленъ текстъ піесы, предлагаемый настоящимъ изданіемъ.

Какъ созданіе цѣлаго ряда помѣщенныхъ выше элегій объясняется мечтательною любовью, извѣданною Пушкинымъ въ 1816 году, такъ происхожденіе посланія „Къ молодой вдовѣ“ имѣетъ, по преданію, тоже реальную основу. По свидѣтельству Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 378), „въ семействѣ Энгельгардта, состоявшемъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей, жила овдовѣвшая не задолго передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Charon-Larose, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Паскаля. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкинъ, который немедленно началъ ухаживать за нею, написалъ къ ней довольно нескромное посланіе „Къ молодой вдовѣ“... Но вдова, не успѣвшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обидѣлась, показала стихотвореніе своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиной непріязнен-

ныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса".

Отвергать возможность ухаживанія Пушкина за г-жею Смитъ нѣтъ повода, хотя бы оно обнаружилось и вскорѣ послѣ увлеченія Е. П. Бакуниной. Любовь, воспѣтая Пушкинымъ въ рядѣ элегій 1816 года, имѣла чисто романическій характеръ, удовлетворялась мечтаніями, и можно сказать, питалась тѣмъ, что не встрѣчала взаимности; замереть надолго въ такой отвлеченной привязанности было несвойственно натурѣ Пушкина, и потому не трудно вообразить, что чувство этого рода должно было остыть мало по малу и уступить мѣсто новымъ сердечнымъ влеченіямъ. Къ тому же есть поводъ думать, что г-жею Смитъ Пушкинъ никогда не увлекался сколько-нибудь серьезно.

Гаевскій, говоря о посланіи „Къ молодой вдовѣ", замѣчаетъ, что „заглавіемъ и отчасти мыслью" оно напоминаетъ посланіе Вольтера „A une jeune veuve". Замѣчаніе не лишенное справедливости, но принять его можно только съ большими ограниченіями: между тѣмъ какъ Вольтеръ, въ своемъ стихотвореніи, сухо и иронически развиваетъ мысль, которую нельзя иначе назвать, какъ безнравственною, Пушкинъ рисуетъ цѣлый рядъ образовъ, смыслъ которыхъ, конечно, опровергаетъ романтическое представленіе о „вѣрности за гробомъ", но во всякомъ случаѣ не оскорбляетъ нравственнаго чувства. Съ бо́льшимъ правомъ можно сопоставить это стихотвореніе съ піесой Парни „Le revenant", существующею, подъ заглавіемъ „Привидѣніе", въ „вольномъ" русскомъ переводѣ Батюшкова, который еще въ 1810 году былъ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Между тѣмъ какъ у Пушкина развивается тема знаменитыхъ стиховъ Шиллера и Жуковскаго:

Мертвый, въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

и рисуется образъ покойника, который въ сердцѣ и воображеніи его молодой вдовы все еще присутствуетъ какъ живой, — въ піесѣ Парни и Батюшкова поэтъ представляетъ себя уже покинувшимъ міръ и являющимся, какъ легкое привидѣніе, навѣстить свою возлюбленную, его пережившую. Посылая свой переводъ Гнѣдичу, Батюшковъ писалъ: „Идея оригинальная. Кажется, переводомъ не испортилъ, впрочемъ ты судья! Въ ней (въ піесѣ) какое-то особливое нѣчто, меланхолическое, что̀ мнѣ нравится, что-то мистическое, a preposito... Прочитай Парни Самариной. Это въ ея родѣ: любовь мистико-платоническая“ (Сочиненія Батюшкова, т. I, стр. 333). Въ Пушкинскомъ посланіи „Къ молодой вдовѣ“ можно подмѣтить то же настроеніе, и онъ могъ бы сказать о немъ то же, что̀ Батюшковъ говорилъ о своемъ „Привидѣніи“. Пушкинъ (см. нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 303) очень цѣнилъ названное стихотвореніе Батюшкова и несомнѣнно подражалъ ему въ разсматриваемой піесѣ.

XLI.

Больны вы, дядюшка?...

(Стр. 228).

Рукописный текстъ этой шутки, почерка Пушкина, находится въ бумагахъ Я. К. Грота въ видѣ листка изъ рукописнаго сборника подъ заглавіемъ: „Лицейская антологія, собранная трудами пресловутаго *ій шій*“, то-есть, А. Д. Илличевскаго. — Впервые стихотвореніе напечатано въ статьѣ *Гаевскаго:* „Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія“, въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стр. 143, а оттуда перешло въ изданіе 1870 года, т. I, стр. 508.

XLII.

НАДПИСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТЪ.

(Стр. 228).

Автографъ этого стихотворенія, принадлежавшій Я. К. Гроту и полученный имъ отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина въ видѣ копіи для сборника А. Д. Илличевскаго „Лицейская антологія“, переданъ былъ покойнымъ академикомъ П. Н. Тиханову. — Впервые стихотвореніе напечатано въ *Русской Старинѣ* 1884 года, т. XLI, стр. 664, а оттуда перешло въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 160.

Никакого портрета Пушкина въ 1816 году не было издаваемо, и слѣдовательно, эпиграмма относится не къ изображенію ея автора. Упоминаемый въ ней Глазуновъ — Иванъ Петровичъ, извѣстный книгопродавецъ того времени.

XLIII.

Заутра съ свѣчкой грошевою...

(Стр. 229).

Рукописный текстъ этого стихотворенія намъ неизвѣстенъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ изданіи *Анненкова*, т. VII, стр. 99, затѣмъ въ газетѣ *Русскій Инвалидъ* 1857 года, № 267, стр. 1108, и наконецъ, въ болѣе исправномъ видѣ — въ статьѣ *Гаевскаго* въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стр. 151. Такъ какъ только этотъ послѣдній текстъ заслуживаетъ довѣрія по своей точности, то онъ и воспроизводится въ настоящемъ изданіи.

Сазоновъ — одинъ изъ лицейскихъ дядекъ, а докторъ Пешель — лицейскій врачъ. Въ лицейскихъ воспомина-

ніяхъ М. А. Корфа (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 239) сохранились слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ: „Докторъ Пешель — весельчакъ, старавшійся острить, другъ всего царскосельскаго *бомонда* (хоротъ онъ былъ!), между тѣмъ добрый человѣкъ, о которомъ могли отзываться дурно развѣ только его больные; онъ забавлялъ насъ своими анекдотами,... своими, большею частью неудачными, *бонмотами* и уморительнымъ русскимъ языкомъ, а сверхъ того, тѣшилъ своими гостинцами изъ латинской кухни, то-есть, изъ казенной аптеки. Каждое первое число мѣсяца онъ являлся съ запасомъ дѣвичьей и бабьей кожи, лакрицы и тому подобной гадости, которая однако очень намъ нравилась. При смѣшныхъ сторонахъ нашего эскулапа, въ эпиграммахъ на него, разумѣется, не было недостатка. Самая злая изъ нихъ, кажется — Пушкина, родилась по слѣдующему случаю. Одинъ изъ нашихъ дядекъ, слѣдственно, изъ участниковъ въ надзорѣ за нашею нравственностію, едва двадцатилѣтній Константинъ Сазоновъ, въ два года своей бытности въ лицеѣ совершилъ въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ и былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ прежнихъ—только при послѣднемъ, но и то не начальствомъ лицея, а полиціей! Разумѣется, что когда дѣло обнаружилось, злодѣй былъ преданъ всей карѣ закона; но при этомъ досталось и Пешелю въ слѣдующей домашней нашей расправѣ“ (затѣмъ Корфъ приводитъ напечатанную въ текстѣ эпиграмму Пушкина). И. И. Пущинъ, въ своихъ запискахъ о Пушкинѣ (нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 53), говоритъ, что Сазоновъ былъ „необыкновенное явленіе физіологическое“, и что „Галль нашелъ бы непремѣнно подтвержденіе своей системы въ его черепѣ“; а Гаевскій (*Современникъ* 1863 года, т. XCVII, стр. 151) сообщаетъ, что поведеніе этого дядьки дало лицеистамъ поводъ къ сочиненію шуточной поэмы „Сазоновіада“. Поэма эта была помѣщена въ рукописномъ

лицейскомъ сборникѣ „Лицейскій мудрецъ“, а отрывокъ изъ нея напечатанъ въ біографической повѣсти В. П. Авенаріуса „Юношескіе годы Пушкина“ (С.-Пб. 1888), стр. 253.

XLIV.

ЗАВѢЩАНІЕ.

(Стр. 229).

Рукописный текстъ этого четверостишія извѣстенъ намъ по копіи, сдѣланной А. Д. Илличевскимъ для своего сборника „Лицейская антологія“ и сохранившейся въ тетради, которая принадлежала Я. К. Гроту, л. 14 об. — Впервые піеса напечатана въ статьѣ *Гаевскаго:* „Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія“ въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стр. 143, и оттуда перешло въ изданіе 1870 года, т. I, стрр. 508 и 509.

Къ 1816 году отнесено въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 168.

XLV.

ЭКСПРОМТЪ НА А.

(Стр. 230).

Автографъ этихъ стиховъ принадлежалъ Я. К. Гроту и былъ переданъ имъ П. Н. Тиханову; кромѣ того, по свидѣтельству И. П. Хрущова, копія экспромта находилась въ принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину лицейской тетради 1817 года подъ заглавіемъ: „Экспромтъ на Агареву“.—Впервые эти строки напечатаны въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 370, подъ заглавіемъ: „Экспромтъ

на А". Данный здѣсь текстъ сохраненъ и всѣми послѣдующими изданіями безъ измѣненій.

Къ 1816 году стихотвореніе отнесено въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 167.

Лицо, о которомъ говорится въ этомъ экспромтѣ, — Елизавета Сергѣевна Огарева (род. въ 1782 г., ум. въ 1870), рожденная Новосильцова, супруга сенатора Н. И. Огарева. Она была извѣстна своимъ умомъ, образованіемъ и красотой, которую воспѣвали И. И. Дмитріевъ и князь П. А. Вяземскій. Арк. Вас. Кочубей, въ своихъ запискахъ (Семейная хроника. С.-Пб. 1890, стр. 44) сообщаетъ о ней слѣдующія свѣдѣнія по случаю знакомства съ нею въ 1810 году въ Твери: „Елизавета Сергѣевна была очень умная женщина и имѣла пріятную наружность. Если я пріобрѣлъ любовь къ литературѣ, въ особенности французской, то я обязанъ этимъ вполнѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ. Почти ежедневно мы прочитывали съ нею лучшія произведенія французской и русской литературы. Она одушевляла во мнѣ любовь къ поэзіи, и я — помню — сочинялъ для нея стихи въ формѣ мадригаловъ, которые были тогда въ модѣ". Огаревы были коротко знакомы съ Карамзиными, и нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ встрѣчался съ Елизаветой Сергѣевною въ домѣ историографа, который проводилъ лѣто 1816 года въ Царскомъ Селѣ.

XLVI.

О Н А.

(Стр. 230).

Рукописный текстъ этого стихотворенія извѣстенъ намъ по рукописи Моск. Публ. музея, № 2395, л. 782, гдѣ онъ писанъ писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ

годовъ. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 396.

Отнесенная при первомъ появленіи въ печати вообще къ числу лицейскихъ стихотвореній, піеса была пріурочена къ 1816 году лишь въ изданіи 1880 года, т. I, стрр. 188 и 189.

XLVII.

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ...

(Стр. 231).

Рукописный текстъ этой эпиграммы, писанный почеркомъ А. Д. Илличевскаго, сохранился на листкѣ изъ составленнаго имъ сборника „Лицейская антологія“; впослѣдствіи листокъ этотъ вклеенъ въ тетрадь, которая принадлежала Я. К. Гроту, л. 14. — Впервые стихи эти напечатаны въ статьѣ *В. П. Гаевскаго:* „Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія“, въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стр. 148, и оттуда перенесены въ изданіе 1870 года, т. I, стр. 507.

Въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 58, піеса отнесена къ 1814 году, но въ изданіи 1882 года, т. I, стр. 163, съ бо̀льшимъ основаніемъ пріурочена къ 1816 году.

Имя „Виля“ означаетъ лицейскаго товарища Пушкина В. К. Кюхельбекера, а самое стихотвореніе составляетъ подражаніе одной эпиграммѣ А. С. Хвостова, о которой въ сочиненіяхъ князя Вяземскаго (т. VIII, стр. 240) разсказывается слѣдующее: „А. С. Хвостовъ былъ остеръ, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были весьма удачны. Видя на балѣ, какъ графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ проходилъ въ польскомъ неловко и неуклюже, онъ сказалъ:

Однофамилецъ мой — сказать то не въ укоръ —
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ.

„Дюпоръ, знаменитый французскій танцоръ, былъ тогда въ составѣ петербургскаго балета“. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ актрисой Жоржъ въ 1808 году (*П. Араповъ*. Лѣтопись русскаго театра, стрр. 186 и 187).

XLVIII.

НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

(Стр. 231).

Стихотвореніе это въ рукописномъ текстѣ не сохранилось. — Впервые оно было напечатано въ журналѣ *Сѣверный Наблюдатель* 1817 года, т. I, № 2, стр. 68, съ полною подписью, а потомъ вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 369, въ отдѣлъ лицейскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Эпитафія“.

Къ 1816 году эпиграмма отнесена въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 169.

XLIX.

— Скажи, что̀ новаго?..

(Стр. 231).

Рукописный текстъ этой эпиграммы извѣстенъ намъ, вопервыхъ, по автографу Пушкина, сохранившемуся въ бумагахъ Я. К. Грота на листкѣ, вырванномъ изъ составленнаго А. Д. Илличевскимъ сборника „Лицейская антологія“, и вовторыхъ, по копіи, писанной писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 775; вышеупомянутый автографъ былъ извѣстенъ и Гаевскому (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 143). — Впервые эпиграмма была напеча-

тана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 367, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній.

Къ 1816 году піеса отнесена въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 167.

L.

ЭПИГРАММЫ НА ПУЧКОВУ.

(Стр. 232).

Автографъ этихъ эпиграммъ хранился въ бумагахъ Я. К. Грота на листкахъ, вырванныхъ изъ сборника А. Д. Илличевскаго: „Лицейская антологія"; двѣ первыя и теперь находятся въ тѣхъ же бумагахъ, а третью Я. К. Гротъ передалъ П. Н. Тиханову. — Впервые эпиграммы напечатаны: первая и третья — въ *Русской Старинѣ* 1884 года, т. XLI, стрр. 663 и 664, откуда онѣ перешли въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стрр. 159 и 160, а вторая — въ статьѣ *Гаевскаго:* „Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія" въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стр. 143, и затѣмъ въ изданіи 1870 года, т. I, стр. 508.

Время сочиненія этихъ эпиграммъ опредѣляется по тѣмъ обстоятельствамъ, коими онѣ были вызваны. Екатерина Наумовна Пучкова (род. въ Москвѣ въ 1792 году, ум. въ С.-Петербургѣ въ 1867) выступила на литературное поприще со сборникомъ „Первые опыты въ прозѣ" (М. 1812), въ которомъ было помѣщено нѣсколько нравоучительныхъ разсказовъ и статейки о пользѣ образованія для женщинъ; здѣсь сочинительница высказывала свое нерасположеніе къ галломаніи и по примѣру Шишкова толковала о пользѣ изученія церковно-славянскаго языка; эту послѣднюю мысль она желала примѣнить на дѣлѣ и вмѣстѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ основаннаго въ

1813 году *Русскаго Инвалида* В. И. Козловымъ устраивала у себя въ домѣ „сонмища“, то-есть, собранія, на которыхъ предлагалось говорить по славянски. Пучкова занималась также писаніемъ стиховъ, которые печатались въ *Сынѣ Отечества*, *Россійскомъ Музеумѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*. Эта послѣдняя газета издавалась тогда съ благотворительною цѣлью; на это обстоятельство намекаютъ первая и третья эпиграммы; да и вторая также вызвана появившимся въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1816 года (№ 277) стихотвореніемъ Пучковой, подъ заглавіемъ: „Экспромтъ тѣмъ, которые укоряли меня, для чего я не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина“. Въ оправданіе свое Пучкова говорила въ этомъ экспромтѣ слѣдующее:

Дѣвѣ ли робкой
Арфой незвучной
Славному барду
Пѣснь погребальну
Дѣвѣ ль бряцать?

1817.

I.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

(Стрр. 235 — 237).

Рукописный текстъ этого стихотворенія не сохранился. — Впервые оно было напечатано въ изданіи 1826 года, стрр. 53 — 56, и затѣмъ въ изданіи 1829 года, ч. I, стрр. 31 — 35.

Къ 1817 году стихотвореніе было отнесено еще въ изданіи 1826 года.

Вслѣдствіе отсутствія рукописныхъ данныхъ затрудняется въ значительной степени разъясненіе происхожденія разсматриваемой піесы. По свидѣтельству Анненкова (см. его изданіе, т. II, стр. 188), Пушкинъ „уважалъ это стихотвореніе даже въ послѣдніе годы своего поприща“, и несомнѣнно, на него слѣдуетъ смотрѣть не какъ на созданіе летучаго вдохновенія, каковы многія изъ лицейскихъ произведеній Пушкина, коимъ онъ могъ не придавать значенія впослѣдствіи, а какъ на плодъ серьезнаго творчества, опирающагося на извѣстный запасъ классическаго литературнаго образованія. Преподаваніе Кошанскаго хотя и ограничивалось только латинскимъ языкомъ и римскою словесностью, не безуспѣшно знакомило лицеистовъ съ древнимъ міромъ вообще и по крайней мѣрѣ наиболѣе чуткихъ изъ нихъ вводило въ кругъ античнаго міросозерцанія. Пушкинъ даже въ ранней юности не умѣлъ быть точнымъ переводчикомъ, но очень рано обнаружилъ способность усвоивать себѣ

тонъ и характеръ чужихъ произведеній — не путемъ внѣшняго подражанія имъ, а проникновеніемъ въ сущность чужой мысли, чужого чувства и фантазіи. Таковы его юношескія любовныя элегіи, въ которыхъ такъ часто чувствуется вліяніе Парни, и въ то же время такъ рѣдко можно указать прямое у него заимствованіе. Но Парни — все-таки человѣкъ недалекаго прошлаго, и Пушкину легко было, такъ сказать, породниться съ нимъ по самому свойству его душевнаго настроенія. Гораздо труднѣе было молодому поэту усвоить себѣ особенности античной поэзіи; а между тѣмъ еще въ 1815 году, шестнадцати лѣтъ, онъ пишетъ посланіе „Къ Лицинію“, искусно соблюдая тонъ Ювеналовой сатиры, а въ 1817 сочиняетъ „Торжество Вакха“, желая создать нѣчто въ родѣ греческаго диѳирамба.

Конечно, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что Пушкинъ имѣлъ вполнѣ точное и опредѣленное понятіе объ этомъ своеобразномъ видѣ греческой лирики, и что ему были хорошо извѣстны тѣ немногочисленные образцы древне-греческаго диѳирамба, какіе уцѣлѣли до сихъ поръ; но есть полное основаніе думать, что Пушкинъ читалъ сочиненіе аббата Бартелеми „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“, изданное въ 1789 году и вскорѣ получившее значеніе прекраснаго общедоступнаго пособія для знакомства съ греческою древностью; а въ этомъ сочиненіи, которое, какъ извѣстно, есть нѣчто въ родѣ ученаго романа, въ главѣ LXXX-й, въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, онъ могъ вычитать слѣдующія свѣдѣнія о диѳирамбахъ: „Это — гимны въ честь Вакха; нужно быть въ извѣстномъ восторженномъ настроеніи, когда ихъ сочиняешь, а также — когда поешь ихъ, ибо они должны сопровождаться живою и буйною пляской, исполняемою обыкновенно кругомъ. Этотъ родъ поэтическихъ произведеній легко познается по своимъ особенностямъ. Чтобъ

изобразить свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія предметовъ, въ диѳирамбахъ дозволяется иногда соединять нѣсколько словъ въ одно, вслѣдствіе чего являются выраженія столь длинныя, что утомляютъ слухъ, и столь рѣзкія, что смущаютъ воображеніе. Метафоры, по видимому, не имѣющія связи между собою, слѣдуютъ одна за другою; сочинитель движется смѣлыми скачками и только намекаетъ на связь мыслей, но не обозначаетъ ея. То онъ освобождаетъ себя отъ правилъ искусства, то употребляетъ различные размѣры стиховъ и разные роды модуляціи. И между тѣмъ, какъ геніальный человѣкъ развертываетъ предъ нашимъ взоромъ великія богатства поэзіи, его слабые подражатели выставляютъ на видъ только велерѣчіе...“

Можно предполагать, что „Торжество Вакха“ является нѣкоторою попыткой выполнить намѣченную здѣсь программу: это — хвалебное привѣтствіе побѣдоносному божеству, и хотя въ немъ не воспроизведены внѣшніе признаки диѳирамба, тѣмъ не менѣе поэтъ старается соблюсти характерныя особенности его внутреннія, какъ онѣ описаны у Бартелеми: изображеніе торжества, то-есть, описательная часть произведенія, перемежается кликами радости, при чемъ поэтъ не стремится установить прямую связь между первою и другими, какъ бы допуская въ своемъ стихотвореніи такъ-называемый въ старинныхъ піитикахъ „лирическій безпорядокъ“. Въ произведенія такого рода древніе поэты вводили миѳическія сказанія. Такъ и Пушкинъ, въ описательной части своего стихотворенія, вспоминаетъ нѣкоторыя сказанія о Вакхѣ. Онъ могъ знать ихъ не только изъ учебниковъ миѳологіи, но и изъ древнихъ авторовъ, имъ читанныхъ; напримѣръ, у Овидія, въ „Ars amandi“ (l. I, vv. 541 sqq.), онъ могъ встрѣтить слѣдующее описаніе торжественнаго шествія Вакха: „Вотъ приближаются вакханки, съ распущенными волосами, и

быстрые сатиры, предшественники бога Вакха. Вотъ и старый Силенъ, всегда пьяный; уцѣпившись за гриву своего осла, который никнетъ подъ его тяжестью, онъ еле-еле держится... Но вотъ съ высоты колесницы, увѣнчанной гроздіями винограда, самъ богъ правитъ посредствомъ золотыхъ вожжей укрощенными имъ тиграми...“ Не не возможно также, что Пушкинъ читалъ, во французскомъ переводѣ, кое-что изъ сочиненій Лукіана Самосатскаго [1]) и среди нихъ нашелъ небольшой разсказъ въ прозѣ о богѣ вина и его походѣ въ Индію, разсказъ, содержащій въ себѣ между прочимъ описаніе побѣднаго шествія Вакха. Съ другой стороны, матеріалъ для разсматриваемаго стихотворенія могли дать поэту и реальныя черты древне-греческаго быта: въ XXIV-й главѣ сочиненія Бартелеми Пушкинъ могъ найти описаніе праздника Великихъ Діонисій, въ составъ котораго входило между прочимъ изображеніе торжественнаго шествія Вакха при его возвращеніи изъ Индіи.

Во всякомъ случаѣ, если допустить, что нашему поэту были извѣстны указанные источники, должно признать, что онъ воспользовался ими очень умѣренно; очевидно, онъ считалъ лирическій порывъ существеннымъ свойствомъ диѳирамба, и потому пожелалъ удержать свое вдохновеніе исключительно въ предѣлахъ чистаго лиризма. Какъ бы то ни было, „Торжество Вакха“ является любопытнымъ свидѣтельствомъ о стремленіи молодого автора ближе усвоить себѣ античное міросозерцаніе и глубже проникнуть въ пріемы античнаго творчества.

---

1) Лукіанъ могъ быть извѣстенъ Пушкину, напримѣръ, въ переводѣ Ж.-Н. Белена-де-Баллю, французскаго еллиниста, проведшаго послѣдніе годы своей жизни въ Россіи, читавшаго въ 1813 году въ Петербургѣ публичныя лекціи о древней литературѣ и умершаго здѣсь въ 1815 году (см. его некрологъ въ издававшейся въ Петербургѣ газетѣ *Le Conservateur impartial* 1815 г., № 50). Сдѣланный имъ переводъ Лукіана былъ изданъ въ Парижѣ въ 1788 году.

II.

СНОВИДѢНІЕ.

(Стр. 238).

Рукописи этого стихотворенія намъ не извѣстно; по свидѣтельству И. П. Хрущова, оно было помѣщено въ рукописномъ лицейскомъ сборникѣ, принадлежавшемъ Ѳ. Ѳ. Матюшкину. — Оно было напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 395, и оттуда перешло во всѣ послѣдующія безъ всякихъ измѣненій.

Стихотвореніе это есть переводъ слѣдующей піесы Вольтера:

A madame la princesse Ulrique de Prusse.

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge:
Cette nuit, dans l'erreur d'un songe,
Au rang des rois j'étais monté.
Je vous aimais, princesse, et j'osais vous le dire!
Les dieux à mon réveil ne m'ont pas tout ôté;
Je n'ai perdu que mon empire.

Переводъ Пушкина, по замѣчанію В. П. Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 169), не отличается точностью: въ немъ выпущены два первые стиха подлинника, да и остальные переданы свободно, какъ это часто бывало въ переводахъ Пушкина.

Принцесса Луиза-Ульрика (род. въ 1720 г., ум. въ 1782), впослѣдствіи супруга Шведскаго короля Адольфа-Фридриха и мать Густава III, была одною изъ младшихъ сестеръ Фридриха Великаго; она отличалась умомъ, хорошимъ образованіемъ и привлекательною наружностью. Вольтеръ узналъ ее въ августѣ 1743 года, когда въ первый разъ пріѣзжалъ въ Берлинъ къ своему державному

другу. Въ день своего отъѣзда, откланиваясь принцессѣ, онъ поднесъ ей свой мадригалъ; по всему вѣроятію, онъ и не воображалъ, что его стихотворный комплиментъ окажется совершенно не соотвѣтственнымъ нѣмецкимъ нравамъ, и что его поступокъ будетъ принятъ какъ нарушеніе приличій. На дѣлѣ однако вышло именно такъ. „Принцесса", разсказываетъ ея біографъ (*O.* de *Heidenstam.* Une soeur du grand Frédéric Louise-Ulrique reine de Suède. Paris. 1897, стр. 16 et 17) — „была очень затруднена отвѣтомъ. Какъ писать поэту презрѣнною прозой? А сочинять стихи она не умѣла. Притомъ, какъ отвѣчать на столь пламенное признаніе, сохраняя достоинство принцессы крови и скромность молодой дѣвушки? Она обратилась за совѣтомъ къ королю, и Фридрихъ продиктовалъ ей отвѣтъ, который вслѣдъ за подписью Ульрики, снабдилъ слѣдующею собственноручною припиской:

Je ne regrette pas, dans l'erreur de ce songe,
La perte du haut rang où vous étiez monté;
Mais ce qui vous en reste, et que vous n'osez dire,
S'il est vrai que jamais il ne vous soit ôté,
Vaut à mes yeux le plus puissant empire».

Мадригалъ Вольтера считался въ свое время чрезвычайно изящнымъ стихотвореніемъ: раньше Пушкина три русскіе писателя — Панкратій Сумароковъ, князь Г. А. Хованскій и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій — переводили его (*С. Д. Полторацкій.* Матеріалы для словаря русскихъ писателей, т. I, вып. 1. Москва. 1858).

III.

СТАНСЫ.

(Изъ Вольтера).

(Стрр. 239 и 240).

Стихотвореніе это сохранилось въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: вопервыхъ, въ рукописи № 2364, л. 35, подъ тѣмъ же заглавіемъ, что въ печати, писанное неизвѣстнымъ почеркомъ, но съ поправками автора и съ его помѣтами „1817“ и „(изъ Вольтера)“, и вовторыхъ, въ рукописи № 2395, л. 695, писанное писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые піеса напечатана въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 293 и 294, по рукописи № 2395, то-есть, безъ вниманія къ позднѣйшимъ поправкамъ, внесеннымъ только въ рукопись № 2364. Нѣкоторыя изъ этихъ исправленій были указаны по неизвѣстному намъ списку Е. И. Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, ст. 333, но въ текстъ стихотворенія всѣ авторскія поправки впервые введены только изданіемъ литературнаго фонда, т. I, стрр. 167 и 168. Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ, окончательно установленный авторомъ при его исправленіи въ рукописи № 2364, а здѣсь сообщаются соотвѣтствующіе этимъ поправкамъ первоначальные *варіанты:*

Строфа I-я, ст. 2-й—4-й: Отдай же мнѣ *протекши* дни,
Съ моей вечернею зарею
Мое ты утро сьедини.

„ III-я, „ 1-й: *Не дастъ оно пощады* намъ
3-й, 4-й: Своимъ *измѣнчивымъ* годамъ,
Тотъ *ихъ несчастья лишь* имѣетъ.

„ V-я: Стихи этой строфы читаются въ такомъ порядкѣ: 3-й, 4-й, 2-й, 1-й.

Строфа VII-я, ст. 1-й, 2-й: На *пасмурномъ* моемъ закатѣ,
Среди *пустынной* темноты
„ 4-й: Обмановъ *милыя* черты.
„ IX-я, „ 2-й: *Отрадныхъ* юношескихъ дней.

„Стансы", переведенные Пушкинымъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе удачныхъ лирическихъ стихотвореній Вольтера и донынѣ пользуются чрезвычайною извѣстностью во французской литературѣ. Они были посвящены авторомъ знаменитой своею красотой и еще болѣе своимъ умомъ и учеными занятіями маркизѣ дю-Шатле (Gabrielle-Émilie Le Tonnelier de Bréteuil, marquise du Châtelet, род. въ 1706 г., ум. въ 1749). Сближеніе ея съ Вольтеромъ относится къ 1733 году; онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ принадлежавшемъ ей замкѣ Сирей, въ Лотарингіи, и здѣсь они дѣлили время между любовью и изученіемъ точныхъ наукъ, которыми и она, и онъ увлекались одинаково горячо. Но мало по малу чувство, ихъ соединявшее, остыло, и между ними стали возникать недоразумѣнія: къ этой-то порѣ охлажденія и относится сочиненіе „Стансовъ"; они написаны въ 1741 году, когда Вольтеру было уже сорокъ-семь лѣтъ, но такъ какъ это былъ человѣкъ не столько чувства, сколько ума, то еще при самомъ началѣ своей связи съ пылкою маркизой онъ могъ бы посвятить ей эти строки, конечно, не лишенныя граціи, но въ которыхъ слышнѣе голосъ благоразумія, нежели страсти. Принимая въ соображеніе этотъ нѣсколько разсудочный характеръ „Стансовъ", довольно трудно объяснить себѣ, почему Пушкину вздумалось предпринять переводъ ихъ. Можно только напомнить, что онъ съ раннихъ лѣтъ питалъ нѣкоторое пристрастіе къ формѣ стансовъ[1]), а стансы Вольтера къ маркизѣ дю-Шатле считались образ-

1) Еще въ 1816 году Пушкинъ написалъ стансы „Принцу Оранскому"; изъ позднѣйшихъ лѣтъ извѣстны его стансы императору Николаю, митрополиту Филарету и т. д.

цовыми въ своемъ родѣ; кромѣ того, поводомъ къ переводу могло послужить знакомство Пушкина со статьей Батюшкова: „Путешествіе въ замокъ Сирей“, которая была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 года и содержала въ себѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Вольтера къ ученой маркизѣ.

Піеса Вольтера на столько общеизвѣстна, что приводить ее здѣсь цѣликомъ было бы излишне. Сличеніе ея съ переводомъ Пушкина было сдѣлано Гаевскимъ (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стрр. 168 и 169), и мы можемъ ограничиться сообщеніемъ его заключеній, которыя впрочемъ отличаются нѣкоторою придирчивостью и притомъ относятся лишь къ первоначальной редакціи перевода, помѣщенной въ посмертномъ изданіи. По мнѣнію Гаевскаго, „первыя пять строфъ этого стихотворенія... переведены удовлетворительно, остальныя же четыре переданы вяло и даже, въ художественномъ отношеніи (хотя Вольтеръ далеко не художникъ), гораздо ниже подлинника. Иногда трудно даже понять переводчика“. Въ примѣръ неяснаго перевода Гаевскій указываетъ на строфы VI-ю и VII-ю, при чемъ о послѣдней замѣчаетъ: „Пушкинъ передалъ эти стихи произвольно, не довольно ясно и совершенно безцвѣтно“. Далѣе по поводу VIII-й строфы критикъ говоритъ: „У Пушкина первые два стиха переведены не точно, хотя съ большею образностью; послѣдніе же два передаютъ въ растянутой формѣ только половину мысли, не сохраняя характеристической черты, которую поэтъ проводитъ между дружбой и любовью“. Наконецъ столь же строго отзывается Гаевскій и о послѣдней строфѣ перевода: „Первые два стиха, сильные и образные, совершенно пропали у Пушкина и замѣнены двумя сладенькими строчками, подобранными лишь для риѳмы къ двумъ послѣднимъ, очевидно, прежде ихъ вылившимся изъ-подъ пера переводчика“. Можно согласиться съ Гаев-

скимъ, что переводъ Пушкина не отличается близостью къ подлиннику; но это — обычная черта его переводовъ, которая не всегда была въ ущербъ ихъ достоинству.

IV.

ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

(Стр. 241).

Это стихотвореніе находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 31 об., съ помѣтой: „1817“ и нѣсколькими позднѣйшими, можетъ быть, не конченными поправками. — Впервые оно напечатано въ изданіи *Анненкова:* въ т. II, стрр. 163 и 164, — первые 13 стиховъ, и въ т. VII, стрр. 54 и 55, — остальные 9 стиховъ. Въ настоящемъ изданіи всѣ они введены въ текстъ, а здѣсь приводятся соотвѣтствующіе имъ первоначальные *варіанты:*

Ст. 3-й: И время *къ полночи придвинетъ*

„ 5-й, 6-й: *Когда не спитъ* въ *тиши* природы
Одна счастливая любовь.

„ 9-й—13-й: слегка перечеркнуты, но не замѣнены другими.

„ 22: Съ *блаженства*, нѣги и любви.

Анненковъ, т. II, стр. 184, называетъ это стихотвореніе переводомъ піесы Парни „Billet“ (Dès que la nuit...), прибавляя притомъ, что „по энергіи стиха переводъ кажется выше подлинника“; но, какъ справедливо замѣтилъ Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 173), Пушкинъ взялъ у французскаго поэта только первые четыре стиха этого „Billet“, а остальные сочинилъ самостоятельно. На самомъ дѣлѣ оба эти показанія не могутъ быть считаемы точными. У Парни есть два стихотворенія подъ заглавіемъ „Billet“, довольно сходнаго содержанія; Пуш-

кинъ воспользовался мотивами изъ того и другого и на такомъ основаніи создалъ свою піесу. Чтобы показать ходъ его творческой работы, приводимъ здѣсь оба французскія стихотворенія цѣликомъ:

I.

Dès que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément,
Dès que sur l'airain gémissant
Le marteau frappera douze heures,
Sur les pas du fidèle Amour
Alors les Plaisirs, par centaine,
Voleront chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Prendront soin d'amuser leur reine.
Ils y resteront jusqu'au jour:
Et, si la matineuse Aurore
Oubliait d'ouvrir au Soleil
Ses larges portes de vermeil,
Le soir ils y seraient encore.

II.

Apprenez, ma belle,
Qu'à minuit sonnant,
Une main fidèle,
Une main d'amant
Ira doucement,
Se glissant dans l'ombre,
Tourner les verroux
Qui dès la nuit sombre
Sont tirés sur vous.
Apprenez encore
Qu'un amant abhorre
Tout voile jaloux.
Pour être plus tendre,
Soyez sans atours,
Et songez à prendre
L'habit des amours.

V.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(Стр. 242).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ перебѣленномъ автографѣ Пушкина на отдѣльномъ листкѣ, принадлежащемъ нынѣ А. А. Майковой и имѣющемъ водяной знакъ 1823 года. — Впервые стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 152, въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній.

Къ 1817 году піеса отнесена въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 177, гдѣ также говорится, что это близкій переводъ стиховъ Парни: „A mes amis“; но, по замѣчанію Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 174), „и въ этихъ двѣнадцати стихахъ много отступленій отъ подлинника, который гораздо лучше перевода“. Излишняя строгость этого послѣдняго сужденія станетъ ясна читателю, если онъ дастъ себѣ трудъ сличить стихотвореніе Пушкина со слѣдующими строками Парни:

A mes amis.

Rions, chantons, ô mes amis,
Occupons-nous à ne rien faire!
Laissons murmurer le vulgaire;
Le plaisir est toujours permis.
Que notre existence légère
S'évanouisse dans les jeux.
Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière.
Un jour il faudra nous courber
Sous la main du temps qui nous presse,
Mais jouissons dans la jeunesse,
Et dérobons à la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

VI.

КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

(Стр. 242).

Это четверостишіе сохранилось, переписанное писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 773. — Впервые оно было напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884 года, т. XLIV, стр. 576.

Объясненіе этого стихотворенія находимъ въ лицейскихъ воспоминаніяхъ графа М. А. Корфа (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стрр. 238 и 247). По его словамъ, лицеистамъ изъ ихъ оконъ часто случалось видѣть, какъ императоръ Александръ, живя въ Царскомъ Селѣ, проходилъ къ женѣ банкира барона Вельо, Софіи Ивановнѣ, „къ дочери которой Sophie, вышедшій потомъ за генерала Ребиндера, но тогда еще дѣвицѣ, онъ очень благоволилъ... Сверхъ того, назначались уединенныя свиданія въ Баболовскомъ дворцѣ“ (подъ Царскимъ Селомъ). С. И. Вельо была сестрой жены лицейскаго преподавателя музыки и пѣнія Теппера де-Фергюсона, въ домѣ котораго лицеисты часто бывали, встрѣчались съ красивою племянницей хозяина и ухаживали за нею. Пущинъ, въ своихъ запискахъ (нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 65), вспоминаетъ о слѣдующей шуткѣ Пушкина, сказанной ихъ общему товарищу Есакову, и въ которой упоминается о нравившейся послѣднему дѣвицѣ Вельо:

И останешься съ вопросомъ
На брегу замерзлыхъ водъ:
«Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
«Милыхъ Вельо не ведетъ?»

VII.

COUPLETS.

(Стрр. 243 и 244).

Автографъ этого стихотворенія сохранился въ бумагахъ Я. К. Грота, а списки съ него имѣлись: одинъ, по свидѣтельству И. П. Хрущова — въ принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину лицейской тетради 1817 года, а другой, по свидѣтельству Г. Н. Геннади — въ записной книжкѣ С. Д. Полторацкаго (*Библіографическія Записки* 1858 года, ст. 688). — Первыя двѣ строфы этого стихотворенія были напечатаны въ „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“ (Сочиненія Пушкина, изданіе *П. В. Анненкова*, т. I, стр. 18), а все стихотвореніе помѣщено въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, и затѣмъ вошло въ изданіе 1859 года, т. I, стрр. 575 — 577.

О времени сочиненія этого стихотворенія и вообще объ его происхожденіи В. П. Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стрр. 385 и 386) сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Въ самомъ началѣ своего директорства Энгельгардтъ.... разрѣшилъ отпуски изъ лицея въ предѣлахъ Царскаго Села, и по примѣру директора, нѣсколько семейныхъ домовъ открылись для лицеистовъ, именно: дома Вельо, Сѣвериной и барона Теппера де-Фергюсона, находившихся въ родственныхъ между собою отношеніяхъ и постоянно жившихъ въ Царскомъ Селѣ. Послѣдній, женатый на дочери Сѣвериной, былъ сынъ богатаго, потомъ разорившагося варшавскаго банкира, и поступилъ въ лицей по протекціи стариннаго своего пріятеля Энгельгардта учителемъ музыки и пѣнія. Онъ хотя не имѣлъ голоса, хорошо училъ пѣнію и сочинялъ для воспитанниковъ духовные концерты.... Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный, и лицеисты часто заходили

въ его домикъ... У Теппера каждый вечеръ собирались по нѣскольку человѣкъ, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣніемъ. У него же, по воскресеньямъ, происходили литературныя бесѣды, задавались темы, на которыя приготовлялось къ слѣдующему воскресенью нѣсколько сочиненій, и такимъ образомъ совершались литературныя состязанія, на которыхъ Пушкинъ первенствовалъ. Темы представлялись сами собою, и на одну изъ таковыхъ, заданную при прощаніи: „Jusqu'au plaisir de vous revoir", Пушкинъ написалъ въ 1817 году легкіе и остроумные куплеты... Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ слѣдующее посланіе, кажется, самого Теппера:

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Des vers faits avec tant de grâce,
Je me résigne, et de bon coeur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface.
Je n'en ai vu que la surface,
Mais c'est pour lui dire *à revoir*.

Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant, de rompre une lance?
Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience,
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir*.

Au revoir est un vieux dicton
Qui jamais ne passe de mode;
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien de cas il est commode.
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accommode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir*».

Въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. II, стрр. 693 и 694, въ письмѣ Плетнева отъ 2-го марта 1846 года, есть слѣдующія любопытныя строки объ авторѣ этихъ стиховъ: „Тепперъ.... былъ музыкантъ и училъ великую княгиню Анну Павловну. Его отецъ былъ богатѣйшій банкиръ въ Польшѣ, гдѣ со всѣмъ своимъ богатствомъ погибъ въ одну изъ тамошнихъ революцій. Тогда сынъ его, путешествовавшій какъ какой-нибудь лордъ по Европѣ, вдругъ въ Вѣнѣ публиковалъ себя подъ скромнымъ именемъ учителя музыки, съ которымъ и въ Петербургъ переѣхалъ. Это былъ вдохновенный старикъ“.

VIII.

ИМЕНИНЫ.

(Стр. 245).

Это маленькое стихотвореніе не извѣстно намъ въ рукописи.—Напечатано оно впервые въ изданіи 1826 года, стр. 108, и въ изданіи 1829 года, т. II, стр. 162.

Къ 1817 году стихотвореніе отнесено въ изданіи 1880 года, ч. I, стр. 183, и тамъ же, стр. 531, сказано, что оно написано по поводу посѣщеній Энгельгардтовой семьи.

IX.

К. П. БАКУНИНОЙ.

(Стр. 245).

Это четверостишіе не сохранилось въ рукописи. — Впервые оно было напечатано въ изданіи 1826 года, стр. 111, подъ заглавіемъ „К. А. Б.“, и безъ измѣненій

повторено въ изданіи 1829 года, ч. II, стр. 150. Фамилія того лица, къ которому стихи обращены, впервые обозначена цѣликомъ въ изданіи 1870 года, т. I, стр. 515, но съ невѣрнымъ указаніемъ отчества.

Къ 1817 году стихотвореніе пріурочено только въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 198, а въ изданіи 1882 года, т. I, стр. 494, прибавлено, что Пушкинъ написалъ эти строки уже по выходѣ изъ лицея: извѣстіе едва ли вѣрное, ибо чувство, возбужденное въ молодомъ поэтѣ К. П. Бакуниной, стало остывать, по видимому, еще до окончанія имъ курса. Скорѣе можно бы предположить, что стихи относятся еще къ 1816 году.

Слѣдуетъ также замѣтить, что мадригалъ этотъ не есть произведеніе оригинальное; мы не можемъ указать на его иностранный источникъ, но на мысль о заимствованіи наводитъ насъ слѣдующее замѣчаніе Я. К. Грота въ его изданіи сочиненій Державина, т. I, стр. 230: „Въ рукописяхъ Державина есть слѣдующая надпись „Къ портрету Варвары Васильевны Энгельгардтъ“, *переведенная имъ съ французскаго* въ 1780 году, когда, какъ видно, эта племянница Потемкина еще не была за мужемъ:

Благопріятный нравъ, черты твои прекрасны
Обворожаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой;
Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны,
И съ разсужденіемъ всѣмъ плѣнъ пріятенъ твой».

Такъ какъ мадригалъ Державина оставался не изданнымъ до 1864 года, то очевидно, Пушкинъ пользовался его французскимъ подлинникомъ.

X.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

(Стр. 246).

Надпись эта была собственноручно написана Пушкинымъ подъ портретомъ П. Я. Чаадаева, изображавшимъ послѣдняго „въ великолѣпныхъ каштановыхъ кудряхъ, самихъ собою вьющихся, въ мундирѣ Ахтырскаго гусарскаго полка“; портретъ этотъ принадлежалъ самому Чаадаеву, но не извѣстно, гдѣ теперь находится; копія же съ него и съ Пушкинской надписи была въ рукахъ біографа П. Я. Чаадаева М. И. Жихарева (см. его статью въ *Вѣстникѣ Европы* 1871 года, № 7, стр. 197).—Впервые надпись была напечатана въ выпущенномъ подъ редакціей *Н. В. Гербеля* изданіи *Р. Вагнера:* Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій. Берлинъ. 1861, стр. 90; затѣмъ она появилась въ вышеупомянутой статьѣ *Жихарева* и въ *Русскомъ Архивѣ* 1876 года, кн. III, стрр. 209 и 210; наконецъ была включена въ изданіе 1880 года, т. I, стр. 193, и въ болѣе исправномъ видѣ вошла въ изданіе 1882 года, т. I, стр. 184.

Такъ какъ только та редакція надписи, которая издана Жихаревымъ, можетъ считаться дѣйствительно вѣрною, то она и предлагается въ настоящемъ изданіи.

Сближеніе Пушкина съ однимъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ своихъ современниковъ Петромъ Яковлевичемъ Чаадаевымъ (род. 27-го мая 1796 года, ум. 14-го апрѣля 1856) относится къ послѣднему году пребыванія поэта въ лицеѣ, когда онъ пріобрѣлъ многочисленныхъ знакомыхъ среди стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ гусаровъ. Высказано было мнѣніе, что гусарскія знакомства оказали вредное вліяніе на молодого человѣка; такъ ду-

малъ и одинъ изъ его лицейскихъ товарищей, графъ М. А. Корфъ; въ своихъ лицейскихъ воспоминаніяхъ онъ писалъ: „Кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка. Вечеромъ, послѣ классныхъ часовъ, когда прочіе бывали или у директора, или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пировалъ съ этими господами на распашку“. Слова эти, бросающія неблагопріятную тѣнь на Пушкина, возбудили неудовольствіе князя П. А. Вяземскаго, который возразилъ противъ нихъ слѣдующее: „Въ гусарскомъ полку Пушкинъ не *пировалъ* только *на распашку*, но сблизился и съ Чаадаевымъ, который вовсе не былъ гулякою“ (*Гротъ*. Пушкинъ и пр., стр. 248). Но если даже допустить, что Пушкинъ участвовалъ иногда въ гусарскихъ пирахъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что среди гусаровъ онъ искалъ только веселости и кутежей; кромѣ Чаадаева, онъ встрѣтилъ здѣсь и Н. Н. Раевскаго, съ которымъ сохранилъ дружескія отношенія до самой смерти, и наконецъ, того самого П. П. Каверина, умнаго и образованнаго человѣка, которому посвятилъ два стихотворенія, вслѣдъ за симъ помѣщаемыя. Что же касается Чаадаева и его отношеній къ лицеистамъ, вотъ что̀ сообщаетъ объ этомъ Жихаревъ: „Во время пребыванія Чаадаева съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ въ Царскомъ Селѣ между офицерами полка и воспитанниками недавно открытаго Царскосельскаго лицея образовались непрестанныя, ежедневныя и очень веселыя сношенія. То было, какъ извѣстно, золотое время лицея, взлелѣяннаго высокою царственною заботой и во главѣ имѣвшаго Энгельгардта, человѣка, и по сю пору еще не оцѣненнаго въ лѣтописяхъ русской педагогіи. Воспитанники поминутно пропадали въ садахъ державнаго жилища, промежду его живыми зеркальными водами, въ тѣнистыхъ вѣковыхъ аллеяхъ, по счастливому

выраженію про другую мѣстность современнаго поэта-историка (Ламартина въ „Исторіи жирондистовъ"), „далекихъ и обширныхъ, какъ царскія думы"... Шумныя скитанія щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоцѣнными надеждами молодежи очень скоро возбудили внимательное, бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорѣе сдѣлались цѣлью его вѣрнаго, мѣткаго, исполненнаго симпатическаго благоволенія охарактеризованія. Юныхъ разгульныхъ любомудрецовъ онъ сейчасъ же прозвалъ „философами-перипатетиками". Прозваніе было принято воспитанниками съ большимъ удовольствіемъ, но ни одинъ изъ нихъ не сблизился столько съ его творцомъ, сколько тотъ, которому впослѣдствіи было суждено сдѣлаться неоцѣненнымъ сокровищемъ, лучшею гордостію и лучезарнымъ украшеніемъ Россіи" (*Вѣстникъ Европы* 1871 г., № 7, стрр. 191 и 193). Здѣсь не мѣсто ни объяснять вліяніе Чаадаева на Пушкина, ни излагать исторію ихъ отношеній; но нельзя не сказать, что разсматриваемая надпись свидѣтельствуетъ о томъ, какъ рано Пушкинъ понялъ и оцѣнилъ Чаадаева.

Въ заключеніе замѣтимъ, что четверостишіе Пушкина представляетъ сходство со слѣдующею надписью И. И. Дмитріева къ портрету Карамзина:

Вотъ милый всѣмъ творецъ! Иль сердцемъ, иль умомъ
Грозитъ себѣ онъ плѣномъ;
Въ Аркадіи онъ былъ бы пастушкомъ,
Въ Аѳинахъ — Демосѳеномъ.

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

(Стр. 246).

Это четверостишіе сохранилось въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 779, писанное писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ. — Впервые оно напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 371, въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній, подъ тѣмъ же заглавіемъ, которое стоитъ въ вышеупомянутой рукописи и сохранено въ настоящемъ изданіи.

Время сочиненія піесы опредѣляется тою порой, когда Пушкинъ особенно сблизился съ гусарскими офицерами, къ числу которыхъ принадлежалъ Каверинъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ примѣчаніи къ стихотворенію, напечатанному далѣе подъ № XIII.

XII.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Х. МОЛОСТВОВА.

(Стр. 246).

Автографъ этого четверостишія написанъ карандашомъ на оборотѣ акварельнаго портрета П. Х. Молоствова, который находится въ Пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лицея. — Впервые стихи эти были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1898 года, т. II, стр. 332.

Памфамиръ Христофоровичъ Молоствовъ (род. 12-го мая 1793 г., ум. 4-го іюля 1828) принадлежалъ къ числу молодыхъ военныхъ, съ которыми Пушкинъ познакомился въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Царскосельскомъ лицеѣ. Молоствовъ участвовалъ въ заграничныхъ похо-

дахъ 1813 и 1814 годахъ, а потомъ до самой смерти служилъ въ лейбъ-гусарахъ (*Манзей.* Исторія л.-гв. гусарскаго Е. В. полка, ч. III (С.-Пб. 1859), стр. 99). Изъ записокъ Д. Н. Свербѣева (М. 1899, т. II, стрр. 238 и 239) видно, что этотъ Молоствовъ былъ большой чудакъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ „вполнѣ, что̀ называется, славный малый и острякъ, а къ тому же по тогдашнему и либералъ".

XIII.

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

(Стр. 247).

Это посланіе извѣстно намъ въ четырехъ рукописныхъ текстахъ, изъ коихъ три суть автографы Пушкина: одинъ, подъ заглавіемъ „Къ Каверину", вклеенъ въ принадлежащій сенатору А. Н. Маркевичу альбомъ его отца, извѣстнаго литератора тридцатыхъ—пятидесятыхъ годовъ Николая Андреевича Маркевича, и составляетъ въ этомъ альбомѣ л. 201; другой, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ помѣтой „(1817)", помѣщенъ въ собственноручной тетради, принадлежавшей графу П. И. Капнисту, л. 10, а третій, съ тѣмъ же заглавіемъ и съ тою же помѣтой, сохранился на принадлежащемъ Ал. Ал. Майковой отдѣльномъ листкѣ съ водянымъ знакомъ 1823 года; четвертый текстъ, безъ заглавія, но съ помѣтой „1820" и подписью *А. Пушкинъ*, находится въ копіи неизвѣстнаго почерка среди бумагъ А. А. Краевскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ; кромѣ того, пять строкъ изъ этого посланія записано Пушкинымъ собственноручно въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 58, и наконецъ, еще копія со всего посланія была въ рукахъ Е. И. Якушкина (*Библіографическія Записки* 1858 г., ст. 335). —

Впервые стихотвореніе было напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 года, ч. XI, стрр. 4 и 5, подъ заглавіемъ: „Къ К. 1817“ и съ подписью *А. Пушкинъ*, по окончательной редакціи посланія; затѣмъ оно появилось, подъ заглавіемъ: „К...ну“ и съ подписью *Ап.*, притомъ безъ разрѣшенія автора, въ альманахѣ на 1829 годъ *Сѣверная Звѣзда*, стрр. 295 и 296, по первоначальной редакціи; окончательная редакція, подъ заглавіемъ „Каверину. 1817“, повторена посмертнымъ изданіемъ въ т. IX, стр. 465, и всѣми послѣдующими, но въ присоединенныхъ къ изданію 1859 года „Приложеніяхъ“ *Г. Н. Геннади*, стрр. 30 и 31, а также въ изданіи 1882 года, т. I, стр. 492, сообщена и редакція первоначальная. Въ настоящемъ изданіи воспроизводится текстъ *Московскаго Вѣстника*, какъ единственный, который былъ напечатанъ при жизни поэта съ его разрѣшенія.

Ранняя редакція посланія, сохранившаяся въ альбомѣ Маркевича, въ спискахъ Краевскаго и Якушкина и въ *Сѣверной Звѣздѣ*, а также въ музейномъ отрывкѣ, гораздо пространнѣе, чѣмъ позднѣйшая; приводимъ ее цѣликомъ по автографу Пушкина въ альбомѣ Маркевича, отмѣчая курсивомъ отличающіе ее отъ позднѣйшаго текста или отсутствующіе въ немъ первоначальные *варіанты:*

КЪ КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Прослыть апостоломъ Зенонова ученья
Похвально, можетъ быть, но ни тебѣ, ни мнѣ:
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали нашихъ дней блистательной веснѣ.
Все чередой идетъ опредѣленной,

Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшенъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшенъ и юноша степенной.
Насытясь жизнію у младости въ гостяхъ,
Простимся навсегда съ веселостью шумливой,
Съ Венерой пламенной и нѣгой прихотливой;
Вздохнемъ объ нихъ, какъ о друзьяхъ,
И хладной старости дождемся терпѣливо.
Теперь съ безпечностью живи,
Люби друзей, храни объ нихъ воспоминанье,
Молись и *Кому,* и Любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не вѣдаетъ, что можно дружно жить
Съ *стихами, картами, Невтономъ* и бокаломъ,
Что *рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ*
И умъ возвышенный, и сердце можно скрыть.

Надо однако думать, что и этотъ текстъ не составляетъ редакціи первоначальной: если списокъ, принадлежавшій Краевскому, почти вполнѣ сходенъ съ автографомъ въ альбомѣ Маркевича, то списокъ Якушкина и текстъ *Съверной Звѣзды* отличаются отъ сего послѣдняго нѣкоторымъ количествомъ особенностей; отмѣчаемъ ихъ здѣсь, извлекая эти наиболѣе первоначальные *варіанты* изъ изданія 1882 года:

Ст. 1-й: *Прости,* любезный мой Каверинъ
„ 4-й: Твои *гусарскіе* грѣхи.
„ 6-й: *Быть можетъ, хорошо,* но ни тебѣ, ни мнѣ
„ 9-й: *Приличны* нашихъ дней блистательной *мечтѣ*
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы будемъ иногда,
Пока безъ лишняго труда
Дурачиться намъ будетъ можно.

Ст. 10-й и 11-й въ обратномъ порядкѣ.
„ 14-й,—16-й: Насытясь жизнію у *юныхъ дней въ гостяхъ*,
Простимся *мы на вѣкъ* съ *веселіемъ шумливымъ*,
Съ Венерой *пылкою* и *Вакхомъ прихотливымъ*
„ 18-й, 19-й: И *старость посѣтимъ съ поклономъ молчаливымъ*.
Теперь *въ безпечности* живи,
„ 21-й: Молись и *Вакху*, и Любви,
„ 22-й отсутствуетъ.
„ 25-й: Съ стихами, картами, *Платономъ* и бокаломъ.

Музейный отрывокъ также принадлежитъ ранней редакціи посланія; онъ соотвѣтствуетъ ст. 16-му — 18-му текста, читаемаго въ альбомѣ Маркевича, но сравнительно съ нимъ представляетъ тоже нѣсколько варіантовъ; приводимъ здѣсь весь этотъ отрывокъ и отмѣчаемъ въ немъ *варіанты:*

У *рѣзвой* младости *не вѣчно мы* въ гостяхъ,
Не долго знаться намъ съ безпечностію лживой,
Съ Венерой *пылкою* и *съ* нѣгой прихотливой.
Вздохнемъ о нихъ, какъ о друзьяхъ,
И старости дождемся *молчаливо*.

Выше (примѣчанія, стр. 370) уже было упомянуто о лицѣ, къ которому обращено разсматриваемое посланіе. Петръ Павловичъ Каверинъ (род. въ 1794 году, ум. въ 1855), какъ видно изъ его формулярнаго списка, началъ военную службу въ 1812 году въ московскомъ ополченіи, потомъ перешелъ въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ и дѣлалъ заграничные походы 1813 и 1814 годовъ, въ 1816 былъ переведенъ въ лейбъ-гусары, но въ 1819 снова вернулся въ армію и въ 1823 году вышелъ въ отставку; проживъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, онъ въ 1828 году опять опредѣлился въ военную службу, принималъ участіе въ турецкихъ компаніяхъ 1828 и 1829 годовъ и въ

усмиреніи польскаго мятежа и затѣмъ, перейдя въ таможенное вѣдомство, кончилъ жизнь на службѣ въ пограничной стражѣ. М. А. Корфъ, разсказывая о кутежахъ Пушкина съ царскосельскими гусарами, прибавляетъ, что „любимымъ его собесѣдникомъ былъ гусаръ Каверинъ, одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку“ (*Гротъ.* Пушкинъ и пр., стр. 248). Дѣйствительно, онъ славился своими выходками, и напримѣръ, въ 1814 году, „будучи адъютантомъ Бенингсена, до того проказилъ въ Гамбургѣ, что былъ цѣлому городу и околодку извѣстенъ подъ именемъ „краснаго гусара“ (*Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности при Имп. Моск. университетѣ*, вып. II, статья *Д. Смирнова*, стр. 17). Тѣмъ не менѣе, князь П. А. Вяземскій, знавшій Каверина съ тридцатыхъ годовъ, нашелъ возможнымъ отмѣтить не только дикія, но и свѣтлыя стороны этой личности. „Петръ Павловичъ, бывшій геттингенскій студентъ и гусарскій офицеръ“, говоритъ онъ въ своей „Записной Книжкѣ“ (Сочиненія, т. VIII, стр. 436), — „въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и скиѳскою жаждою; но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ сослуживцами своими, между прочими — Хомутовымъ, впослѣдствіи казацкимъ атаманомъ. Русская литература не должна забывать, что Каверинъ былъ товарищемъ и застольникомъ Евгенія Онѣгина, который съ нимъ заливалъ шампанскимъ горячій жиръ котлетъ“. Въ этихъ послѣднихъ строкахъ читатель замѣтитъ намекъ на XVI-ю строфу I-й главы знаменитаго романа; но гораздо любопытнѣе свидѣтельство Вяземскаго о нравственныхъ качествахъ Каверина и объ его пребываніи въ Геттингенскомъ университетѣ: это послѣднее относится къ 1810 и 1811 годамъ; Каверинъ слушалъ тамъ лекціи съ Н. и С. Ив. Тургеневыми и А. И. Михайловскимъ-Данилев-

скимъ, который и сохранилъ о томъ извѣстіе въ своемъ дневникѣ, находящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Дружескія отношенія этихъ лицъ къ Каверину много говорятъ въ его пользу, а самый фактъ слушанія имъ университетскихъ лекцій объясняетъ намеки въ посланіи Пушкина на интересъ „краснаго гусара“ къ философіи. Было напечатано нѣсколько писемъ Каверина къ литератору двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ В. Гр. Теплякову (*Русская Старина* 1896 г., т. 85, стрр. 425—430); по нимъ также можно заключать о живомъ интересѣ Петра Павловича къ литературѣ, а также объ его умѣньи наблюдать явленія общественной жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что молодой поэтъ не только повѣсничалъ съ Каверинымъ, но и велъ съ нимъ бесѣды о серьезныхъ предметахъ.

Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію посланія было слѣдующее обстоятельство: на дежурствѣ гусара графа Завадовскаго Пушкинъ написалъ шуточные стихи на гусарскихъ офицеровъ; оброненная бумажка съ этими стихами была поднята гусаромъ Пашковымъ, который обидѣлся на насмѣшку противъ него и обѣщалъ „поколотить“ Пушкина; но Завадовскій принялъ вину на себя, вслѣдствіе чего у него произошла ссора съ Пашковымъ, грозившая кончиться дуэлью. Но командиръ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковъ принялъ мѣры къ примиренію поссорившихся, что̀ ему и удалось. Въ числѣ обидѣвшихся на Пушкина былъ Каверинъ: посланіе заключало въ себѣ оправданіе поэта (см. статью *Гаевскаго* въ *Современникѣ* 1863 года, т. XCVII, стр. 393).

Многочисленныя и неоднократныя поправки, которыя Пушкинъ дѣлалъ въ этомъ стихотвореніи, доказываютъ, что онъ находилъ его вообще удачнымъ, хотя и старался еще болѣе улучшить. Только въ 1828 году призналъ онъ его достойнымъ печати, и если затѣмъ не включилъ во

второе изданіе своихъ лирическихъ стихотвореній, то безъ сомнѣнія, потому, что въ то же время издатель альманаха *Сѣверная Звѣзда* М. А. Бестужевъ-Рюминъ напечаталъ его въ своемъ сборникѣ безъ разрѣшенія автора, къ тому же въ начальной редакціи.

XIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

(Стр. 248).

Это стихотвореніе находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2367, л. 3 об., подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ“, съ помѣтой: „1817“. — Впервые стихи эти были напечатаны въ сборникѣ *Листки граціи, или собраніе стихотвореній для альбомовъ*. М. 1829, стр. 21, безъ заглавія и съ подписью: *А. Пушкинъ;* затѣмъ они появились въ *Москвитянинѣ* 1842 г., № 6, стр. 221, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ А. Н. Зубову“, съ помѣтой: „1817, при выпускѣ изъ лицея“, и наконецъ вошли въ изданіе *Анненкова*, т. II, стр. 171.

Текстъ сборника и журнала представляетъ значительное отличіе отъ музейнаго, при чемъ сей послѣдній должно считать болѣе позднею и исправною редакціей; поэтому она внесена въ текстъ настоящаго изданія, а здѣсь сообщается редакція, помѣщенная въ *Листкахъ граціи* и *Москвитянинѣ*, и отмѣчаются курсивомъ находящіеся въ ней первоначальные *варіанты:*

Когда погаснутъ дни мечтанья,
И позоветъ насъ *шумный* свѣтъ,
Кто вспомнитъ *братскія* свиданья
И дружество минувшихъ лѣтъ?
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ *минутный* слѣдъ.

Въ редакціи музейной рукописи также можно отмѣтить слѣдующій первоначальный *варіантъ*:

Ст. 6-й: Оставить *вамъ минутный* слѣдъ.

Но затѣмъ стихъ подвергся исправленію, которое и надписано надъ строкой.

Стихотвореніе написано къ Алексѣю Николаевичу Зубову, который только въ февралѣ 1817 года былъ переведенъ въ гвардейскій гусарскій полкъ изъ корнетовъ гусарскаго же принца Оранскаго полка, а въ январѣ 1822 года былъ вовсе уволенъ отъ службы за болѣзнью штабсъ-ротмистромъ (*Манзей.* Исторія лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, ч. III, стр. 87).

XV.

ПОРТРЕТЪ.

(Стр. 248).

Рукописи этого стихотворенія намъ не случалось видѣть, но, по свидѣтельству И. П. Хрущова, оно находилось въ принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину лицейской тетради 1817 года. — Впервые эти стихи напечатаны въ книгѣ *Я. К. Грота:* Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. С.-Пб. 1887, стр. 214, и повторены во второмъ изданіи того же сочиненія (С.-Пб. 1899), стр. 159.

По словамъ Грота, это — эпиграмма на одного изъ лицейскихъ гувернеровъ; на кого именно — сказать мы однако не въ состояніи. Очень возможно, что эпиграмма была написана ранѣе 1817 года: по крайней мѣрѣ упоминаемый въ немъ надзиратель по учебной и нравственной части Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ оставилъ лицей еще въ 1813 году, а инспекторъ Степанъ Степановичъ Фроловъ, назначенный въ томъ же 1813 году,

хоть и занималъ эту должность до 1817 года, но потерялъ всякое значеніе послѣ того, какъ директоромъ лицея сталъ Е. А. Энгельгардтъ (въ 1815 году).

XVI.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Стр. 249).

Стихотвореніе это находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 58 об., безъ всякаго заглавія.—Впервые оно напечатано уже подъ заглавіемъ „Добрый человѣкъ“, въ изданіи 1826 года, стр. 102, и повторено въ изданіи 1829 года, ч. II, стр. 160.

Музейная рукопись содержитъ въ себѣ два написанные рядомъ наброска одного и того же стихотворенія, при чемъ первый заключаетъ въ себѣ только отдѣльные, иногда не дописанные стихи, а второй — почти всю эпиграмму, но еще въ не обработанномъ видѣ. Отъ окончательнаго, существующаго въ печати текста рукописный текстъ отличается слѣдующими *варіантами:*

Ст. 2-й, 3-й: *Глупецъ* надутый и мудреный,
Онъ важно *вретъ все объ одномъ.*

Къ 1817 году эпиграмма отнесена впервые изданіемъ 1880 года, т. I, стр. 200.

По преданію, послѣдній стихъ этой эпиграммы обратился у Пушкина въ обычную поговорку (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 20).

XVII.

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

(Стр. 249).

Рукописнаго текста этой піесы не сохранилось. — Впервые она была напечатана въ журналѣ *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1821 года, ч. XIV, № 5, стр. 202, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“, съ полною подписью автора; затѣмъ включена въ изданіе 1826 года, стр. 104, подъ заглавіемъ „Исторія стихотворца“ и перешла въ изданіе 1829 года, ч. II, стр. 163.

Въ настоящемъ изданіи принята редакція изданія 1829 года, между тѣмъ какъ въ журналѣ и въ изданіи 1826 года стихи эпиграммы слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 3-й, 4-й, 1-й, 2-й, 5-й и 6-й.

Къ 1817 году эпиграмма впервые отнесена въ изданіи 1882 года, т. I, стр. 190.

XVIII.

Д Е Л Ь В И Г У.

(Стр. 250).

Посланіе это сохранилось въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 788, переписанное писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ; кромѣ того, другой, болѣе полный и исправный списокъ посланія былъ извѣстенъ Е. И. Якушкину (*Библіографическія Записки* 1858 года, стт. 332 и 333). — Впервые стихотвореніе напечатано въ изданіи 1826 года, стрр. 149 и 150, а затѣмъ въ изданіи 1829 года, ч. I, стрр. 40 и 41, оба раза въ редакціи, значительно отличающейся отъ вышеупомянутаго руко-

писнаго текста; что же касается сего послѣдняго, онъ помѣщенъ въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 349—351, а исправленія къ нему сообщены Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ*.

Къ 1817 году посланіе отнесено въ изданіи 1826 года, и по всему вѣроятію, при его приготовленіи къ печати стихотвореніе подверглось большой переработкѣ. Поэтому помѣщаемъ здѣсь въ полномъ видѣ первоначальную редакцію посланія, при чемъ пользуемся какъ музейнымъ текстомъ, такъ и дополненіями къ нему, сообщенными Е. И. Якушкинымъ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни въ тайный путь съ невинною душою
Пустился плѣнникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя;
Надъ нимъ ихъ промыселъ: безмолвною порой
Его баюкаютъ камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой граціи внимаетъ онъ совѣты
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,
Восторженный, поетъ на лирѣ золотой.
О, Дельвигъ, счастливы поэты!
Пѣвецъ, въ безвѣстности глухой
Живи подъ дружественной сѣнью,
Страшись увидѣть свѣтъ, неопытной душой
Не жертвуй ослѣпленью!
Воспитанный въ тиши, не зная грозныхъ бѣдъ,
Съ любовью, дружествомъ и лѣнью
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Но для меня прошли, увяли наслажденья!
Мой другъ, и я — пѣвецъ! И мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,

И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.
Ребенокъ, лирный звукъ я чувствовать умѣлъ;
Все жизнью вкругъ меня дышало,
Все рѣзвый умъ обворожало,
И первую черту я быстро пролетѣлъ.
Сіяя тихою красою,
Минуты дѣтства протекли.
Хвала, о, боги, вамъ! Вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели,
И были дни мои посвящены покою.
Но все прошло на вѣкъ — и скрылись въ темну даль
Свобода, радость, восхищенье!
Другимъ и юность — наслажденье,
Она — мнѣ мрачная печаль:
Такъ рано зависти увидѣть зракъ кровавый
И низкой клеветы во мглѣ сокрытый ядъ!
Нѣтъ, нѣтъ! Ни счастіемъ, ни славой
Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ!
Изчезъ священный жаръ!
Забвенью сладкихъ пѣсней даръ
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру, и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ,
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погибъ на утрѣ вешнихъ лѣтъ,
Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный!
Что нужды? Проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ,
И памятникъ пѣвца, въ пустынѣ мрачной, дикой
Забытый, поростетъ ползущей повиликой.

Анненковъ, напечатавшій въ своемъ изданіи, т. II,

стрр. 161 — 163, объ редакціи этого посланія рядомъ, говоритъ по этому поводу: „Представляемъ читателямъ образецъ передѣлки лицейскихъ стихотвореній самимъ Пушкинымъ и вмѣстѣ разницы, какая существуетъ у него между первымъ выраженіемъ мысли и послѣдующею, обдѣланною формой ея. Піеса, данная посмертнымъ изданіемъ, есть грубый очеркъ другой піесы, которая уже является стихотвореніемъ вполнѣ оконченнымъ и прекраснымъ. Между прочимъ, въ обоихъ посланіяхъ къ Дельвигу жалобы автора на зависть и клевету уже для насъ совсѣмъ неизъяснимы, да можетъ быть, и тогда не имѣли истиннаго основанія“. Это послѣднее замѣчаніе слѣдуетъ признать вѣрнымъ, такъ какъ литературные успѣхи Пушкина начались очень рано, и даже первыя нападки, которыя онъ услышалъ на себя, нападки Кошанскаго, послѣдовали за ранними похвалами того же наставника.

XIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

(Стр. 251).

Рукописный текстъ этого стихотворенія, въ писарской копіи конца тридцатыхъ годовъ сохранился въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, л. 783; а по свидѣтельству И. П. Хрущова, то же посланіе было вписано и въ принадлежавшей Ѳ. Ѳ. Матюшкину лицейской тетради 1817 года. — Впервые посланіе напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 393 и 394.

Къ 1817 году стихотвореніе впервые отнесено въ изданіи 1870 года, т. I, стрр. 169 и 170, при чемъ означена и точная помѣта: „31-го мая“.

Какъ разсматриваемая піеса, такъ и вышеозначенное

посланіе къ Дельвигу, обращенныя къ товарищамъ Пушкина, которые дѣлили съ нимъ въ лицеѣ славу поэтовъ, естественно касаются предмета, который одинаково занималъ ихъ всѣхъ, то-есть, поэтическаго призванія и творчества. Это обстоятельство дало Бѣлинскому (Сочиненія, т. VIII, стр. 323) случай сдѣлать по поводу названныхъ піесъ слѣдующее замѣчаніе: „Не смотря на всю незрѣлость и дѣтскій характеръ первыхъ опытовъ Пушкина, изъ нихъ видно, что онъ глубоко и сильно сознавалъ свое призваніе, какъ поэта, и смотрѣлъ на него какъ на жречество. Его восхищала мысль объ этомъ призваніи... Жажда славы сильно волновала эту молодую и пылкую душу, и заря поэтическаго безсмертія казалась ему лучшею цѣлью бытія“.

XX.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ...

(Стр. 252).

Стихи эти были написаны Пушкинымъ въ альбомъ Ив. Ив. Пущину, по свидѣтельству послѣдняго (нашъ сборникъ: Пушкинъ, стр. 55), передъ самымъ выпускомъ ихъ изъ лицея. — Впервые они были напечатаны по сообщенію П. П. Ершова въ *Современникѣ* 1841 года, т. XXII, стр. 172, безъ всякаго заглавія[1]) и затѣмъ въ томъ же

1) Въ *Современникѣ* это стихотвореніе появилось рядомъ съ другимъ посланіемъ Пушкина къ Пущину, написаннымъ 13-го декабря 1826 года, и съ слѣдующимъ предисловіемъ отъ лица редактора журнала П. А. Плетнева: „П. П. Ершовъ, извѣстный поэтъ нашъ, лично знакомъ былъ съ покойнымъ Пушкинымъ, который его полюбилъ, прочитавъ стихотвореніе его: „Конекъ-Горбунокъ“, какъ обыкновенно Пушкинъ до пристрастія привязывался къ каждому возникающему таланту. Ершовъ хорошо помнитъ почеркъ Пушкина. Случайно встрѣтивъ эти два небольшія стихотворенія, собственною рукой автора „Онѣгина“ вписанныя въ памятную книгу одного изъ его пріятелей, онъ поспѣшилъ ихъ сообщить въ редакцію

видѣ перепечатаны въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 391; въ изданіи 1859 года, т. I, стр. 168, стихотворенію дано заглавіе: „Въ альбомъ И. И. Пущину“.

Пущинъ приводитъ эти стихи въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ въ доказательство того неподдѣльно-дружескаго расположенія, какое послѣдній питалъ къ нему, и справедливо сопоставляетъ настоящее посланіе со строфой, которую Пушкинъ посвятилъ ему еще въ 1814 году въ своихъ „Пирующихъ студентахъ“. Выше (стрр. 63 и 64), въ примѣчаніяхъ къ этому послѣднему стихотворенію, уже сообщены замѣчанія Пущина о томъ, какъ проявлялся Пушкинъ въ отношеніи къ своимъ школьнымъ товарищамъ.

XXI.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...

(Стр. 252).

Четверостишіе это сохранено въ запискахъ И. И. Пущина, подлинная рукопись которыхъ принадлежитъ нынѣ В. Е. Якушкину. — Впервые эти стихи напечатаны

Современника для напечатанія. Благодаря его за подарокъ, мы остаемся въ прежней увѣренности, что еще долго не составить намъ полнаго собранія сочиненій Пушкина безъ участія общаго и единодушнаго. Кто изъ русскихъ не сберегъ въ своихъ листкахъ, если удалось ему принять, и строку этого золотого пера!“ По обстоятельствамъ времени П. А. Плетневъ не могъ ни назвать лицо, къ коему были обращены стихи Пушкина, ни сказать, откуда Ершовъ ихъ получилъ. Изъ біографіи послѣдняго извѣстно, что по выходѣ изъ университета Ершовъ былъ назначенъ учителемъ гимназіи въ Тобольскѣ, и что здѣсь онъ имѣлъ случай добыть посланія Пушкина къ сосланному въ Сибирь Пущину. Изъ той же біографіи видно, что Пушкинъ, прочитавъ извѣстную сказку Ершова, сказалъ ему: „Теперь этотъ родъ сочиненій можно мнѣ и оставить“ и выражалъ готовность содѣйствовать иллюстрированному изданію „Конька-Горбунка“ (Петръ Павловичъ Ершовъ. Біографическія воспоминанія *А. К. Ярославцова*. С.-Пб. 1872, стрр. 2, 3 и 74).

въ первомъ сокращенномъ изданіи упомянутыхъ записокъ въ журналѣ *Атеней* 1859 года, № 8, стр. 523, а затѣмъ вошли въ изданіе сочиненій Пушкина 1880 года, ч. I, стр. 523.

„Пушкинъ“, по словамъ Пущина, — „клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Такъ, когда я, передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ, онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати (напечатанныя выше строки). Я нечаянно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и узналъ исковерканный его почеркъ. Пушкинъ не сознавался въ этомъ экспромтѣ“.

XXII.

РАЗЛУКА.

(Стр. 253).

Стихотвореніе это не извѣстно намъ въ рукописи. — Впервые оно появилось въ печати подъ заглавіемъ „Кюхельбекеру“, съ помѣтой: „9-го іюня 1817“ и съ подписью *А. П.*, въ журналѣ *Невскій Зритель* 1820 года, ч. II, апрѣль, стр. 66 и 67; затѣмъ оно вошло въ изданіе 1826 года, стр. 69, и въ изданіе 1829 года, ч. I, стрр. 36 и 37, оба раза подъ заглавіемъ: „Разлука“ и съ отнесеніемъ къ 1817 году.

Каждая изъ этихъ перепечатокъ давала автору поводъ къ исправленіямъ піесы; такъ, сравнительно съ редакціей 1826 года редакція 1829 года представляетъ слѣдующіе первоначальные *варіанты:*

Ст. 1-й: Въ послѣдній разъ, въ *тиши* уединенья,

„ 5-й — 9-й: *Итакъ*, *они*, прошли, лѣта соединенья:
Итакъ, разорванъ *онъ*, нашъ *братскій* вѣрный кругъ!

Прости! Хранимый *тайнымъ* небомъ,
Не разлучайся, *милый* другъ,
Съ *фортуной*, *дружествомъ* и Фебомъ!

Въ изданіи 1826 года удержанъ только одинъ изъ этихъ первоначальныхъ *варіантовъ:*

Ст. 8-й: Не разлучайся, *милый* другъ...

Лицеистъ Кюхельбекеръ, къ которому написано это стихотвореніе, служилъ предметомъ частыхъ насмѣшекъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ Пушкина; но, какъ видно изъ разсматриваемой піесы, послѣдній цѣнилъ и серьезныя стороны въ характерѣ своего товарища и при разставаніи отнесся къ нему съ особенною сердечностью, какъ бы предугадывая, что даровитаго, но до-нельзя самолюбиваго Кюхельбекера ожидаетъ тяжелая судьба. Дѣйствительно, столкновенія съ людьми и всякаго рода житейскія испытанія начались для него почти немедленно по выходѣ изъ лицея и задолго до его участія въ дѣлѣ 14-го декабря; самое это участіе Пушкинъ считалъ „похмельемъ въ чужомъ пиру“.

XXIII.

ТОВАРИЩАМЪ.

(Стрр. 254 и 255).

Автографъ этого стихотворенія Пушкинъ подарилъ на память передъ выходомъ изъ лицея директору его Е. А. Энгельгардту (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 398, статья *Гаевскаго*); другой автографъ той же піесы находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 37 об., подъ заглавіемъ: „Товарищамъ“ и снабженъ помѣтами: „(1817)“ и „передѣл.“, а также нѣсколькими поправками; въ томъ же музеѣ, въ рукописи № 2395, л. 784, сохранился еще списокъ той же піесы, писарскаго

почерка конца тридцатыхъ годовъ, озаглавленный: „Къ товарищамъ передъ выпускомъ“; наконецъ, то же стихотвореніе встрѣчено Е. И. Якушкинымъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ: „Прощаніе съ лицеемъ“ (*Библіографическія Записки* 1858 г., ст. 333). — Впервые оно было напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 397 и 398, согласно съ рукописью № 2395, и въ томъ же видѣ повторено послѣдующими изданіями, но въ изданіи литературнаго фонда, т. I, стрр. 176 и 177, въ текстъ внесены нѣкоторыя поправки, находящіяся въ рукописи № 2364. Въ текстѣ настоящаго изданія сообщена, какъ наиболѣе отдѣланная, редакція этой послѣдней музейной рукописи, со включеніемъ въ нее всѣхъ позднѣйшихъ исправленій, а здѣсь приводятся соотвѣтствующіе этимъ поправкамъ первоначальные *варіанты*:

Ст. 7-й: И *каждый смотритъ на* дорогу
„ 21-й: *Душой* безпечный, равнодушный...
„ 24-й: Равны «*Наказъ*» *и* кивера...
„ 28-й: Оставьте *красный* мнѣ колпакъ.

Сравнительно съ редакціей, принятою въ нашемъ текстѣ, рукопись № 2395 и за нею посмертное изданіе представляютъ слѣдующіе *варіанты:*

Ст. 6-й, 7-й И *каждый смотритъ на* дорогу,
Въ волненьи юныхъ *пылкихъ* думъ.
„ 19-й—21-й: Лишь я, судьбѣ *своей* послушный,
Счастливой *нѣги* вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный,
„ 28-й: Оставьте *пестрый* мнѣ колпакъ.

Наконецъ, въ спискѣ, имѣвшемся у Е. И. Якушкина, оказываются слѣдующіе самостоятельные *варіанты:*

Ст. 21-й: *Къ честямъ ничтожнымъ* равнодушный...
„ 34-й: Въ іюлѣ *разстегнуть* жилетъ.

Судя по отмѣткѣ, занесенной на музейную рукопись № 2364, Пушкинъ предполагалъ подвергнуть піесу пере-

дѣлкѣ, но нѣсколько произведенныхъ въ ней частныхъ измѣненій не оправдываютъ этого намѣренія, которое такимъ образомъ осталось не исполненнымъ, а потому, безъ сомнѣнія, стихотвореніе и не попало въ печать при жизни автора. Тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стрр. 320, 322 и 323) признаетъ его однимъ изъ оригинальнѣйшихъ между лицейскими и говоритъ, что въ этой піесѣ „вѣетъ духъ, уже совершенно чуждый прежней поэзіи. И стихъ, и понятія, и способъ выраженія, все ново въ ней, все имѣетъ корнемъ своимъ простой и вѣрный взглядъ на дѣйствительность, а не мечты и фантазіи, облеченныя въ прекрасныя фразы. Поэтъ, готовый съ товарищами своими выйти на большую дорогу жизни, мечтаетъ не о томъ, что всѣ они достигнутъ и богатства, и славы, и почестей, и счастья, а предвидитъ то, что̀ всего чаще и всего естественнѣе бываетъ съ людьми“. Анненковъ (т. II, стр. 185) отмѣчаетъ въ этомъ посланіи Пушкина автобіографическую черту — желаніе поступить въ военную службу, которое поэтъ высказывалъ еще въ 1815 году (см. выше, примѣчанія, стр. 159); но Поливановъ (см. его 2-е изданіе, т. I, стр. 60) съ бо̀льшимъ основаніемъ говоритъ: „Легко примирившись съ своею судьбой, не допустившею его „подъ киверъ спрятать умъ“, чуждый и чиновничьяго честолюбія, Пушкинъ добродушно подсмѣивается надъ обоими поприщами, предоставляя себѣ безпечную жизнь поэта“.

XXIV.

ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

(Стрр. 256—258).

Посланіе это не извѣстно намъ въ рукописи, но списокъ его былъ въ рукахъ А. Н. Аѳанасьева (*Библіографическія*

Записки 1858 г., ст. 335). — Впервые часть его, ст. 55-й — 75-й, была напечатана, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ посланія В. Л. П-ну“, въ *Полярной Звѣздѣ* 1824 года, стрр. 234 и 235, а затѣмъ вошла безъ перемѣнъ въ изданіе 1826 года, стрр. 145 и 146, и въ изданіе 1829 года, ч. I, стрр. 38 и 39, подъ заглавіемъ: „П***ну“. Затѣмъ, начало и конецъ посланія были впервые изданы въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, а вполнѣ оно напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* 1858 года, стрр. 265 — 267, въ полномъ же видѣ посланіе было включено впервые въ изданіе 1859 года, ч. I, стрр. 173 — 176.

Къ 1817 году стихотвореніе отнесено еще изданіемъ 1826 года. Пушкинъ говоритъ въ немъ о своемъ желаніи поступить въ военную службу. Вопросъ о томъ, будетъ ли оно удовлетворено, рѣшился въ сущности еще въ 1815 году, когда, при переходѣ на старшій курсъ, лицеисты, предназначавшіе себя военной службѣ, стали обучаться военнымъ наукамъ, и Пушкинъ не оказался въ числѣ этихъ будущихъ воиновъ. Тѣмъ не менѣе, онъ долго тѣшилъ себя прежнею мечтой, по крайней мѣрѣ не разъ возвращался къ ней въ своихъ стихахъ. Противникомъ воинственныхъ затѣй лицеиста Пушкина вмѣстѣ съ отцомъ былъ дядя Василій Львовичъ, тотъ самый московскій литераторъ, который поощрялъ ранніе поэтическіе опыты племянника въ то время, когда отецъ еще осуждалъ ихъ. Поэтому, передъ выходомъ изъ лицея, молодой человѣкъ и вздумалъ побесѣдовать съ этимъ добродушнымъ дядей о своемъ будущемъ; предпочитая военное ремесло гражданской службѣ, онъ однако не настаиваетъ и на первомъ и въ концѣ концовъ всему предпочитаетъ „уединеніе и свободу“ жизни поэта. Такимъ образомъ, въ этомъ стихотвореніи повторяется та же мысль, какая высказана въ помѣщенномъ выше посланіи къ „Товарищамъ“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ стт. 13-мъ — 17-мъ

Пушкинъ упоминаетъ трехъ русскихъ писателей, служившихъ въ военной службѣ, именно „русскаго Буфлера“, то-есть, К. Н. Батюшкова, „Дениса храбреца“, то-есть, Д. В. Давыдова, и „Глинку офицера“, то-есть, автора „Писемъ русскаго офицера“ Ѳедора Николаевича Глинку; далѣе въ стр. 35-мъ—44-мъ говорится объ И. И. Дмитріевѣ, а въ ст. 54-мъ названы „Святки“, сатирическое стихотвореніе князя Д. П. Горчакова.

XXV.

БЕЗВѢРІЕ.

(Стрр. 259 — 261).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. музея: вопервыхъ, въ рукописи № 2364, лл. 26 и 27, переписанное самимъ авторомъ и снабженное помѣтой: „надо“ и позднѣйшими поправками, и вовторыхъ, въ рукописи № 2395, лл. 786 — 788 об., переписанное писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ. Кромѣ того, списокъ той же піесы былъ извѣстенъ Е. И. Якушкину (*Библіографическія Записки* 1858 года, стт. 334 и 335). Она была прочтена авторомъ на выпускномъ экзаменѣ лицея 9-го іюня 1817 года, а дядей автора, В. Л. Пушкинымъ, — въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 30-го ноября того же года (см. *Труды* названнаго Общества, ч. XII, стр. 14).—Впервые стихотвореніе появилось, съ подписью *Александръ Пушкинъ*, въ *Трудахъ* вышеназваннаго Общества, ч. X, стрр. 58 — 61, и въ томъ же видѣ повторено въ посмертномъ изданіи, т. IX, стрр. 426 — 429, и въ изданіи *Анненкова*, т. II, стрр. 172 — 174, но въ семъ послѣднемъ, стрр. 185 и 186, были указаны и

исправлены мелкія неточности посмертнаго изданія. Затѣмъ Е. И. Якушкинъ сообщилъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* нѣкоторыя отличія своего списка отъ печатнаго текста, которыя оказались согласными съ музейною рукописью № 2364. Изданіе литературнаго фонда, т. I, стрр. 170—172, снова повторило текстъ, данный *Трудами*, но ввело въ него нѣсколько исправленій изъ рукописи № 2364.

Внимательное сличеніе текста этой рукописи съ текстомъ *Трудовъ* указало намъ въ послѣднемъ присутствіе цѣлаго ряда отличій, которыя не могутъ принадлежать автору и должны быть приписаны В. Л. Пушкину. Подобный фактъ уже извѣстенъ намъ относительно стихотворенія „Гробъ Анакреона“; при перепечаткѣ послѣдняго въ 1826 году А. С. Пушкинъ счелъ нужнымъ устранить эти поправки посторонней руки; но онъ не имѣлъ случая сдѣлать то же относительно „Безвѣрія“, такъ какъ никогда не перепечатывалъ этой піесы. Однако, ни первоначальный текстъ піесы въ рукописи № 2364, ни позднѣйшія въ ней измѣненія не соотвѣтствуютъ тексту *Трудовъ*; а потому этотъ послѣдній совершенно отстраненъ и въ настоящемъ изданіи. Вмѣсто того, въ основу послѣдняго положенъ текстъ музейной рукописи № 2364, при чемъ приняты во вниманіе всѣ находящіяся въ этой рукописи позднѣйшія поправки автора. Здѣсь же приводятся изъ той же рукописи первоначальные варіанты, а затѣмъ сообщаются отличія, находимыя въ текстѣ *Трудовъ*.

Первоначальные *варіанты* музейной рукописи № 2364 суть слѣдующіе:

Ст. 6-й, 7-й: Имѣть онъ права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости: внемлите брата стонъ.

Послѣ ст. 10-го зачеркнуты слѣдующіе 12 стиховъ:

Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,

Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружествомъ иль темною мечтою.
Найдите тамъ его, гдѣ илистый ручей
Проходитъ медленно среди нашихъ полей,
Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни
Шумя на влажный мохъ склонили вѣчны тѣни.
Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льетъ, то слезы сожалѣнья;
Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья...

Слѣдовавшіе затѣмъ еще четыре стиха перенесены при передѣлкѣ ниже и стали въ нашемъ текстѣ стихами 19-мъ — 22-мъ.

Ст. 31-й: Тогда, бесѣдуя съ *отвязанной* душой...

„ 40-й: Съ *усладой* бытія...

Вмѣсто ст. 48-го: *Стенанья изрѣдка глухія раздаются,*
Онъ плачетъ, но не тѣ потоки слезъ лiются,
Которы сладостны для страждущихъ очей
И сердцу дороги свободою своей, —
Но слезъ отчаянья, но слезъ ожесточенья;

Ст. 51-й: *Дрожитъ!* И *между* тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ...

Отличія, замѣчаемыя въ *Трудахъ*, при сравненіи съ первоначальнымъ текстомъ рукописи № 2364, представляются очень характерными, какъ поправки, сдѣланныя постороннею рукой, а именно:

Ст. 5-й и 6-й передѣланы такимъ образомъ:

Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье:
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!

Стт. 7-й — 10-й вовсе исключены, но за то сохраненъ рядъ стиховъ, уничтоженныхъ авторомъ при позднѣйшей передѣлкѣ піесы, кромѣ однако стиха:

Найдите тамъ его и т. д.

и трехъ слѣдующихъ; сверхъ того, стихъ:

То грусти слезы льетъ, то слезы сожалѣнья
измѣненъ такъ:

То горьки слезы льетъ, то — рабъ страстей, волненья —
Напрасно ищетъ онъ...

За этимъ рядомъ стиховъ слѣдуютъ стт. 19-й—22-й, какъ было въ первоначальной редакціи автора.

Ст. 14-й: И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну
„ 23-й: Несчастные, страстей и немощей сыны,
„ 26-й, 27-й: Нашъ вѣкъ — невѣрный день, смерть — быстрое затмѣнье,
Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ...
„ 31-й: Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой...
„ 41-й: Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта
„ 46-й: Гдѣ Деліи его таится пепелъ милый.
„ 49-й: Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья.
„ 58-й—62-й: Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ.
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ;
Спѣшитъ онъ далѣе, но въ слѣдъ унынья бродитъ.
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
„ 64-й: При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
„ 71-й: Счастливецъ!...
„ 76-й: Ему сей тайны знать!...

Стт. 79-го и 80-го вовсе нѣтъ въ *Трудахъ*.

Такимъ образомъ оказывается, что посторонній передѣлыватель то измѣнялъ мысль автора (стт. 23-й, 26-й, 27-й, 41-й, 58-й, 64-й, 71-й, 76-й), то портилъ стихи въ техническомъ отношеніи (напримѣръ, стт. 14-й, 46-й); понятно, что передѣлки этого рода не имѣли поучительнаго значенія для автора и не были имъ приняты; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя измѣненія передѣлывателя послужили для него не безполезнымъ указаніемъ: такъ, рядъ сти-

ховъ, слѣдовавшихъ за ст. 10-мъ, не только исправленъ, но вовсе исключенъ, а въ ст. 31-мъ поставленъ новый эпитетъ.

Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стрр. 310 — 312) относитъ это стихотвореніе къ числу самыхъ слабыхъ даже среди лицейскихъ произведеній Пушкина. По словамъ критика, „Безвѣріе“ — дидактическая піеса изъ числа тѣхъ, „которыя сотнями писались въ блаженное старое время — риторическое распространеніе какой-нибудь темы плохими стихами“. То же мнѣніе повторено и Гаевскимъ, прибавляющимъ, что стихотвореніе, очевидно, написано на заданную тему (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стрр. 377 и 395).

Анненковъ ограничился относительно разсматриваемой піесы лишь частными замѣчаніями; между прочимъ онъ обратилъ въ ней вниманіе на стихъ 13-й:

Въ любви ли, въ дружествѣ ль *обниметъ* онъ измѣну,

гдѣ „встрѣчается впервые оборотъ не совсѣмъ правильный, но очень любимый Пушкинымъ“. По указанію Анненкова, тотъ же „оборотъ (обнимать — embrasser) встрѣчается въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ (часть первая, ст. 67-й: „обнялъ грозное страданье“) и потомъ уже пропадаетъ. Современная критика замѣтила неправильность выраженія и образа, но Пушкинъ, кажется, не былъ тогда согласенъ съ нею“. Извѣстно, впрочемъ, что галлицизмы, подобные вышеприведенному, нерѣдки въ юношескихъ произведеніяхъ Пушкина.

XXVI.

КЪ НЕЙ.

(Въ печальной праздности я лиру забывалъ...)

(Стрр. 262 и 263).

Это стихотвореніе не извѣстно намъ въ рукописи, но Анненковъ нашелъ его въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 года: „Уже одобренное цензоромъ, оно было зачеркнуто и уничтожено въ ней самимъ авторомъ". — Впервые піеса напечатана въ изданіи *Анненкова*, т. II, стр. 178.

По свидѣтельству почтеннаго издателя (т. II, стр. 188), „стихотвореніе это написано уже послѣ выпуска изъ лицея и чуть ли не въ Михайловскомъ, куда уѣхалъ Пушкинъ и гдѣ, вѣроятно, встрѣтилъ и лицо, вызвавшее самое посланіе". Указаніе это довольно неопредѣленно, и никакихъ разъясненій къ нему не имѣется; любопытно однако, что въ разсматриваемой піесѣ (ст. 10-й) находится послѣднее воспоминаніе о привязанности поэта къ Е. П. Бакуниной; но тутъ же онъ, отрѣшившись отъ прежнихъ сердечныхъ волненій, выражаетъ примиреніе съ жизнью, которая вновь разцвѣла для него со всѣми своими радостями и скорбями, и оканчиваетъ свои стихи поэтическимъ обращеніемъ уже къ другому лицу. Какъ справедливо замѣтилъ Анненковъ, основная мысль этого стихотворенія воспроизведена была Пушкинымъ восемь лѣтъ позже въ знаменитыхъ стансахъ:

Я помню чудное мгновенье...

Гаевскій (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 365) по поводу разсматриваемой піесы дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Нѣкоторыя выраженія Жуковскаго, поразившія Пушкина, усвоивались имъ, можетъ быть, безсознательно

и повторялись безъ всякой связи съ цѣлымъ, изъ котораго заимствованы. Такъ, напримѣръ, выраженіе въ элегіи Жуковскаго „Вечеръ“:

Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній *грузъ*...

повторяется Пушкинымъ въ посланіи „Къ ней“ (ст. 13-й), хотя между этими стихотвореніями мало общаго“. Съ послѣднею оговоркой Гаевскаго можно отчасти согласиться, но не смотря на то, заимствованіе Пушкина едва ли слѣдуетъ считать безсознательнымъ: онъ обладалъ удивительною памятью относительно поэтическихъ красотъ и, повторяя въ своихъ стихахъ счастливое примѣненіе слова *грузъ* Жуковскимъ, безъ сомнѣнія, воспользовался имъ не случайно, а руководствуясь вѣрною аналогіей представленій: у Жуковскаго *грузъ сомнѣній* вызванъ былъ воспоминаніями о друзьяхъ, съ которыми поэтъ разстался; у Пушкина *грузъ лѣни* также является плодомъ воспоминаній о любви, въ которой онъ обманулся.

XXVII.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Стрр. 264 — 267).

Это посланіе извѣстно намъ въ двухъ рукописныхъ текстахъ: изъ нихъ одинъ, автографъ поэта, находится съ подписью *Арзамасецъ* въ тетради, принадлежавшей Я. К. Гроту, лл. 12 и 13, а другой, безъ начала (недостаетъ первыхъ 45 стиховъ) и небрежно писанный писарскимъ почеркомъ конца тридцатыхъ годовъ, помѣщенъ въ рукописи Моск. Публ. музея № 2395, лл. 723 и 724.— Впервые стихотвореніе напечатано въ *Сынѣ Отечества* 1840 г., т. II, стрр. 245 — 249, вмѣстѣ съ другою піесой Пушкина „Горацій“, неправильно отнесенною къ лицей-

скому періоду, и съ примѣчаніемъ редактора[1]), а вслѣдъ затѣмъ оно перешло въ посмертное изданіе, т. IX, стрр. 329 — 334.

1) Въ 1840 году редакторомъ *Сына Отечества* былъ Н. А. Полевой, которому, безъ сомнѣнія, и принадлежитъ вышеупомянутое примѣчаніе. Приводимъ его цѣликомъ въ дополненіе къ тѣмъ отзывамъ о лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, которые сообщены выше, на стрр. 11—17 настоящихъ примѣчаній:

„Предлагаемыя публикѣ два стихотворенія А. С. Пушкина принадлежатъ къ его лицейскимъ опытамъ; они, вмѣстѣ съ прочими твореніями, собранными послѣ его смерти, приготовлены уже къ изданію и составятъ нѣсколько томовъ. Само собою разумѣется, что эти опыты не выражаютъ поэтической физіогноміи Пушкина, съ какою онъ является теперь передъ нами и какую сохранитъ навсегда въ исторіи нашей литературы. Но для сей послѣдней неоцѣненны первые творческіе порывы такого таланта, каковъ Пушкинъ. Сравнивая съ ними его послѣдующія созданія, мы видимъ, какія принесъ онъ жертвы жизни и искусству, что̀ уцѣлѣло въ немъ какъ основное начало его природы, и что̀ изчезло вмѣстѣ съ мечтами и вѣрованіями юности. Въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина видны уже признаки того направленія, которое послѣ сдѣлалось господствующимъ въ его поэзіи и образовало у насъ новую, особенную школу: это — самобытный, хотя и не глубокій взглядъ на природу и жизнь; творчество, почерпающее стихіи для своихъ идеаловъ изъ самой дѣйствительности, а не изъ произвольныхъ о ней понятій, шествующее къ своей цѣли путемъ аналитическимъ, а не синтетическимъ. Ни въ одномъ изъ лицейскихъ его стихотвореній, которыхъ бо̀льшая часть намъ извѣстна, вы не найдете стремленія перелетѣть черезъ существующій порядокъ вещей въ безвѣстную, безконечную даль и строить тамъ свой порядокъ вещей; основныя идеи поэтъ почерпаетъ вездѣ изъ окружающихъ его явленій; онъ мѣткимъ взглядомъ извлекаетъ изъ нихъ поэтическіе элементы и изъ этихъ свѣжихъ, существенныхъ даровъ жизни строитъ свои поэтическія зданія, столь же существенныя и истинныя. Это направленіе мы считаемъ величайшею услугой, какую оказалъ Пушкинъ нашей литературѣ и образованности; оно-то и сдѣлало его народнымъ поэтомъ, потому что нашъ народный геній менѣе всего наклоненъ къ *апріорическому*, а напротивъ, полный жизни и самой здравой логики, онъ любитъ жизнь, истину, простоту, любитъ подвизаться въ области вещей, а не призраковъ. Съ этой точки зрѣнія надобно смотрѣть на первые опыты Пушкина, какъ и на произведенія его зрѣлыхъ силъ. Мы обѣщаемъ представить читателямъ *Сына Отечества* разборъ его произведеній именно съ этой точки зрѣнія, которая, кажется, у насъ до сихъ поръ была оставлена безъ вниманія, не смотря на то, что она едва ли не есть самая вѣрная, хотя и не самая міровая“.

Обѣщаніе это не было исполнено, и *Сынъ Отечества* не представилъ никакого отзыва о вышедшихъ въ 1841 году дополнительныхъ томахъ посмертнаго изданія сочиненій Пушкина.

Музейная рукопись содержитъ въ себѣ окончательную редакцію посланія, а Гротовская — первоначальную, но и въ этой послѣдней уже вписаны между строкъ всѣ позднѣйшія поправки. Въ текстѣ настоящаго изданія посланіе предлагается въ окончательной редакціи, а здѣсь сообщаются соотвѣтствующіе исправленнымъ стихамъ піесы первоначальные *варіанты:*

Ст. 6-й: Но пылкаго смирить не въ силахъ *увлеченья.*

„ 8-й: Сокрытаго въ вѣкахъ *безстрастный* судія

„ 10-й: И *мощной* зависти предметъ неколебимый

„ 19-й — 20: *О, незабвенный* часъ, когда я предъ тобою
Въ безмолвіи стоялъ....

„ 25-й: *Пѣвцы* безсмертные, питомцы вдохновенья,

„ 27-й: Лечу къ безвѣстному съ *веселою* мечтой

„ 31-й: Въ *глубокой* темнотѣ пещерной глубины

„ 37-й— 38-й: Смѣхъ общій — имъ отвѣтъ, *и челами сѣдыми*
Во мглѣ два призрака склонилися *надъ ними.*

„ 40-й— 42-й: Тяжелые плоды *безсонницъ и трудовъ,*
Усопшихъ одъ, поэмъ *холодныя* могилы.
Съ улыбкой внемлетъ *визгъ* стопосложитель хилый.

„ 47-й— 48-й: *Другой на крикуновъ умильный взоръ вперилъ*
И вялою рукой толпу ихъ осѣнилъ.

„ 50-й: Стоитъ среди толпы *дѣтей* непросвѣщенья

„ 52-й: *У ногъ его лежатъ попранны* вкусъ и умъ!

„ 54-й: *Завистникъ генія, спесивый* Сумароковъ,

(вторично): *Столь малый въ зависти и гордый* Сумароковъ,

„ 56-й: *Предразсужденію* обязанный *вѣнкомъ.*

„ 71-й: Оно сокрыло ихъ *въ огромный* свой пріютъ.

„ 79-й: *Свой стыдъ на геніевъ отбросить тайно* мнитъ.

„ 83-й: При свистахъ *зависти* къ собратьямъ ихъ бѣжитъ...

Ст. 87-й: Волнуясь возстаютъ *шумящею* толпой.
„ 89-й: *Бѣда, кто* могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой...
„ 92-й: *Славянской* глупости не хочетъ бить челомъ.
„ 95-й—102-й: И вы, возстаньте же, *счастливые пѣвцы, Прелестныхъ аонидъ священные жрецы.*
„ 110-й: *И гордыхъ* риторовъ безграмотный соборъ
„ 113-й—114-й: *На цѣпи указалъ и ими загремѣлъ. Гоненья новыя ужели* мой удѣлъ?

Подпись, которая стоитъ въ автографѣ подъ посланіемъ къ Жуковскому, указываетъ на время сочиненія этого стихотворенія и объясняетъ его характеръ. Тотъ литературный кружокъ, который носилъ названіе Арзамаса и ставилъ себѣ цѣлью утвержденіе Карамзинской реформы въ литературномъ языкѣ и слѣдованіе культурному вліянію Карамзина, получилъ опредѣленное образованіе во второмъ десятилѣтіи текущаго вѣка, когда, послѣ высокаго подъема патріотическаго духа, почувствовалась у насъ сильная потребность въ развитіи и удовлетвореніи умственныхъ интересовъ общества. Но дѣятельная жизнь этого кружка молодыхъ писателей продолжалась не болѣе двухъ лѣтъ: первое его собраніе состоялось въ октябрѣ 1815 года, а послѣднее — въ сентябрѣ 1817 (Воспоминанія Вигеля. М. 1891, ч. IV, стр. 174; Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, ч. I, стр. 87); такимъ образомъ, его распаденіе началось вскорѣ послѣ того, какъ Пушкинъ покинулъ лицей. Правда, его талантъ заслужилъ признаніе и получилъ извѣстность еще ранѣе выхода изъ школы, тѣмъ не менѣе членомъ Арзамаса онъ могъ сдѣлаться только по окончаніи курса, а потому и принимать участіе въ его собраніяхъ могъ лишь очень недолго, такъ какъ бо́льшую часть лѣта 1817 года (съ исхода іюня по начало

сентября) провелъ въ деревнѣ; есть даже извѣстіе, что Пушкинъ присутствовалъ только въ одномъ арзамасскомъ засѣданіи (см. статью *П. И. Бартенева* въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1855 г., № 142). Все это указываетъ, что въ качествѣ „арзамасца“ онъ могъ написать свое посланіе только въ серединѣ 1817 года.

Несомнѣнно однако, что молодой человѣкъ очень дорожилъ своимъ новымъ членскимъ званіемъ, и потому пожелалъ, въ обращеніи къ секретарю Арзамасскаго общества, высказать прямо и открыто свои литературныя убѣжденія, симпатіи и антипатіи. Это обстоятельство и даетъ разсматриваемому стихотворенію особенное значеніе. По справедливому, хотя и нѣсколько вычурному выраженію С. П. Шевырева, „весь Парнассъ русскій, начиная отъ Ломоносова до непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина, участвовалъ въ его образованіи. Онъ есть общій питомецъ всѣхъ славныхъ писателей русскихъ и ихъ достойный и полный результатъ въ прекрасныхъ формахъ языка отечественнаго. Сознаніе этихъ отношеній своихъ къ русскому Парнассу и благодарную память преданія Пушкинъ выразилъ въ стихотвореніи, благородно вѣнчающемъ его могучую юность и свидѣтельствующемъ раннюю зрѣлость его генія; это — посланіе Пушкина къ непосредственному его учителю Жуковскому, начинающееся словами:

Благослови, поэтъ!

Здѣсь Пушкинъ разсказываетъ, какъ Державинъ, Дмитріевъ и Карамзинъ благословили его призваніе; здѣсь совершаетъ онъ свою литературную исповѣдь передъ возвышенною душою Жуковскаго; здѣсь возводитъ онъ свою поэтическую родословную до Ломоносова, до этого „полунощнаго дива“, отъ котораго по прямой линіи черезъ Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и всѣхъ около нихъ стоящихъ ведетъ свой родъ все лучшее, свѣт-

лое племя литературы нашей. Здѣсь же рѣзкими чертами ѣдкой сатиры заклеймлены два родоначальника другого противоположнаго племени: это—Тредіаковскій (стт. 39-й—48-й) и Сумароковъ (стт. 51-й—57-й). Это посланіе, произведеніе юноши-Алкида, есть важный документъ въ исторіи русской словесности, указывающій на мѣсто, по праву занимаемое Пушкинымъ середи русскаго Парнасса" (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стрр. 255 и 256). Значеніе Пушкинскаго посланія еще болѣе выяснится передъ нами, если эту общую характеристику Шевырева мы подкрѣпимъ точными фактическими данными.

Есть предположеніе, что Карамзинъ и Жуковскій, жившіе въ Москвѣ въ первые пятнадцать лѣтъ текущаго вѣка, видали Пушкина еще ребенкомъ въ домѣ его родителей, съ которыми были знакомы (*Бартеневъ*, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1854 г., № 71); но разумѣется, тогда не могло быть и рѣчи объ его талантѣ. Первый угадалъ это геніальное дарованіе старикъ Державинъ, присутствовавшій на переходномъ лицейскомъ экзаменѣ въ январѣ 1815 года, и лишь послѣ него, впрочемъ самостоятельно, Жуковскій восхитился прочтенными имъ „Воспоминаніями въ Царскомъ Селѣ" (см. выше, примѣчанія, стрр. 92 и 93) и затѣмъ осенью того же года, посѣтивъ автора въ Царскомъ Селѣ, подарилъ ему экземпляръ только что вышедшаго въ свѣтъ перваго изданія своихъ стихотвореній. Этотъ подарокъ былъ для юноши столь важнымъ событіемъ, что онъ тогда же записалъ о немъ въ своемъ лицейскомъ дневникѣ. Къ тому же 1815 году — если вѣрить М. Н. Макарову (*Современникъ* 1843 г., т. XXIX, стр. 383) — относится и благосклонный отзывъ И. И. Дмитріева, который не зналъ Пушкина лично (ср. Сочиненія Дмитріева. С.-Пб. 1893, т. II, стр. 230), но сравнивая его стихотворенія, напечатанныя въ *Россійскомъ Музеумѣ*, съ произведеніями другихъ авторовъ, говорилъ: „Классическая такта и въ

стихахъ, и въ прозѣ лишаетъ насъ многаго хорошаго; мы какъ-то не смѣемъ не придерживаться къ „Краткому руководству къ ораторіи россійстѣй“. Въ мартѣ 1816 года новыя радости ожидали Пушкина: Карамзинъ съ княземъ Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ навѣстили его въ Царскомъ Селѣ проѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, и при этомъ случаѣ строгій въ литературныхъ сужденіяхъ исторіографъ, долго, напримѣръ, не соглашавшійся признать талантъ въ Вяземскомъ, открыто похвалилъ поэтическіе опыты лицеиста Пушкина, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, переселившись на сѣверъ, принялъ его въ свой домъ и указалъ на него Ю. А. Нелединскому-Мелецкому для сочиненія, по порученію императрицы Маріи Ѳеодоровны, поэтическаго привѣтствія принцу Оранскому (см. выше примѣчанія, стр. 274). Такъ сплетались около начинающаго поэта тѣ ободрительные голоса, которые утвердили его въ творческомъ призваніи, и какъ свидѣтельствуетъ посланіе, онъ отдался ему безповоротно.

Горячо цѣня одобреніе Карамзина и его друзей, Пушкинъ, какъ истый „арзамасецъ“, естественно является въ своемъ посланіи страстнымъ противникомъ возбуждавшихъ ихъ негодованіе литературныхъ старовѣровъ. Извѣстно, что однимъ изъ крупныхъ явленій полемики между сторонниками Карамзина и Шишкова послужили напечатанныя въ 1811 году В. Л. Пушкинымъ „Два посланія“, въ которыхъ авторъ опровергалъ взведенное на него обвиненіе въ безнравственности и недостаткѣ патріотизма и въ свою очередь доказывалъ, что направленіе Шишкова враждебно всякому просвѣщенію. Стихотворенія эти, разумѣется, только подлили масла въ огонь, и литературный споръ продолжался даже въ 1812—1814 годахъ, не смотря на грозныя военныя событія этихъ лѣтъ. Въ исходѣ 1814 года Жуковскій, къ которому было обращено одно изъ посланій В. Л. Пушкина, рѣшился вмѣ-

шаться въ полемику; его цѣлью было если не примиреніе враждующихъ, то по крайней мѣрѣ смягченіе пыла главныхъ застрѣльщиковъ Карамзинской партіи — В. Пушкина и князя Вяземскаго; къ нимъ Жуковскій и обратилъ свое посланіе; но и онъ, при всемъ своемъ добродушіи, не могъ въ своихъ стихахъ обойтись безъ нѣкоторыхъ намековъ, обидныхъ для противниковъ; къ числу ихъ принадлежало упоминаніе о зависти враговъ, погубившей будто бы Озерова въ цвѣтѣ его таланта; въ этомъ многіе обвиняли причастнаго къ театральному міру князя А. А. Шаховскаго, и Шаховской не замедлилъ отвѣтомъ: онъ осмѣялъ „балладника“ Жуковскаго въ комедіи „Липецкія воды“, поставленной на сцену въ сентябрѣ 1815 года и подавшей поводъ къ тому, что молодые почитатели Карамзина сплотились въ тотъ литературно-пріятельскій кружокъ, который получилъ названіе Арзамаса.

Молодой Пушкинъ слѣдилъ за всею этою полемикой въ тиши своего лицейскаго уединенія, и когда наконецъ покинулъ его, то почувствовалъ потребность подать свой голосъ въ затянувшемся спорѣ. Какъ вѣрно замѣтилъ Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 52), разсматриваемое посланіе нашего поэта составляетъ какъ бы отвѣтъ на вышеупомянутое посланіе Жуковскаго; но это отвѣтъ особаго рода: между тѣмъ какъ Жуковскій — говоря словами Анненкова — „даетъ совѣты друзьямъ, какъ сберечь свое призваніе и творческія идеи въ шумѣ людей, не понимающихъ ни того, ни другого“, Пушкинъ взываетъ къ борьбѣ съ противниками и обличаетъ ихъ; тѣ его строки, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ литературную дѣятельность „строя варяговъ“ (стт. 29-й — 94-й), напоминаютъ, какъ справедливо указалъ еще Бѣлинскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 315), сатирическія посланія дяди В. Л. Пушкина, у котораго племянникъ даже заимствуетъ отдѣльныя выраженія; такъ напримѣръ, ст. 110-й разсма-

триваемой піесы А. Пушкина очень походитъ на слѣдующій стихъ Василія Львовича (изъ его посланія тоже къ Жуковскому):

Я вижу весь соборъ безграмотныхъ славянъ.

Протестъ, заявленный молодымъ поэтомъ, имѣлъ въ виду и устарѣлыя литературныя формы противниковъ, и ихъ отсталыя идеи. „Нерасположеніе къ ложно-классическому направленію", говоритъ по поводу разсматриваемой піесы Н. С. Тихонравовъ, — „у Пушкина обнимало... не только торжественную, похвальную оду, но и эпическія поэмы, и героическія трагедіи, словомъ — всѣ творенія, требовавшія, по ученію старой піитики, возвышеннаго стиля, то-есть, преобладанія въ русской литературной рѣчи славянскихъ выраженій". А вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ тотъ же критикъ, — „въ толпѣ „друзей непросвѣщенья", „враговъ наукѣ" Пушкину представляются піиты, „воспитанные слѣпымъ невѣжествомъ". Въ потвержденіе этого сближенія Тихонравовъ приводитъ стт. 74-й — 76-й Пушкинскаго посланія и затѣмъ продолжаетъ: „Въ этихъ немногихъ словахъ намѣчена очень вѣрно связь тогдашняго русскаго псевдоклассицизма съ славянофилами Александровскаго царствованія, создавшими Бесѣду любителей русскаго слова и заправлявшими Россійскою академіей. Можно сказать, что съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Пушкинъ былъ врагомъ Бесѣды и самымъ ярымъ арзамасцемъ. Онъ еще въ лицеѣ способенъ былъ оцѣнить новое литературное направленіе, центромъ котораго былъ Арзамасъ, и „ученью руку давъ", тогда же примкнулъ къ небольшому кружку русскихъ писателей, которые имѣли въ первую четверть настоящаго столѣтія столь плодотворное вліяніе на русскую литературу и просвѣщеніе". Нѣсколько далѣе, приводя стт. 88-й — 94-й того же посланія, въ которыхъ Пушкинъ изображаетъ трудность положенія

этихъ двигателей просвѣщенія среди враждебнаго большинства, Тихонравовъ сопровождаетъ это изображеніе слѣдующимъ многозначительнымъ комментаріемъ: „Молодые писатели, отдавшіеся новому движенію мысли, конечно, обвиняемы были литературными и политическими старовѣрами въ колебаніи общественныхъ основъ“ (Сочиненія Тихонравова, т. III, ч. I, стрр. 509 — 512). У Пушкина смѣлости и силѣ обличеній соотвѣтствовала и твердость рѣшенія: не боясь зависти и гоненій, подкрѣпляя себя наукой и опираясь на такихъ единомышленниковъ, какъ Жуковскій и Карамзинъ, онъ желалъ идти „дорогою прямою“. „Это значило“, поясняетъ Бѣлинскій, — „возвѣстить о себѣ довольно громко: послѣдствія показали, что этотъ юноша имѣлъ полное на то право“...

Такимъ образомъ, разсматриваемое посланіе захватываетъ важнѣйшіе вопросы общественнаго сознанія, которые волновали лучшіе умы того времени, и даетъ имъ достойное рѣшеніе. Восемнадцатилѣтній Пушкинъ горячо, но вполнѣ разумно говоритъ о предметахъ, казавшихся совершенно непостижимыми для людей гораздо болѣе зрѣлаго возраста. То былъ первый опытъ молодого поэта, въ которомъ онъ, покинувъ область чистой фантазіи, повелъ рѣчь мыслителя и гражданина, и опытъ вышелъ удачнымъ. Въ этомъ заключается яркая особенность разсматриваемаго стихотворенія, и этимъ опредѣляется его исключительное значеніе въ ряду раннихъ произведеній поэта.

По мнѣнію В. П. Гаевскаго (*Современникъ* 1863 г., т. XCVII, стр. 365), „въ литературномъ отношеніи, по фактурѣ стиха, посланіе это напоминаетъ знаменитое посланіе Жуковскаго „Императору Александру“. Правильнѣе было бы сказать, что стихотвореніе Пушкина, въ которомъ онъ такъ рѣзко высказывается противъ пережившаго себя псевдоклассицизма, само не чуждо вообще классическихъ пріемовъ изложенія. Какъ извѣстно, въ

русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣковъ были въ ходу два типа посланій: вопервыхъ, такъ-называемое „дружеское“ посланіе, шуточнаго или по крайней мѣрѣ игриваго тона, въ родѣ „Моихъ пенатовъ“ Батюшкова, сочинявшееся обыкновенно трехстопнымъ хореемъ или четырехстопнымъ ямбомъ, и вовторыхъ, посланіе (эпистола) съ нравоучительнымъ содержаніемъ, изложенное въ александрійскихъ стихахъ съ парными риѳмами, удобныхъ для запоминанія въ качествѣ афоризмовъ. Большой поклонникъ Батюшкова и самъ хорошо знакомый съ его французскими образцами, Пушкинъ рано усвоилъ себѣ пріемы сочиненія дружескихъ посланій, и уже немалое число ихъ встрѣчается среди его лицейскихъ стихотвореній; напротивъ того, если не считать піесы „Къ другу-стихотворцу“, написанной, когда автору было всего пятнадцать лѣтъ, то можно сказать, что Пушкинъ вовсе не сочинялъ посланій второго типа до разсматриваемаго стихотворенія. Ближайшій образецъ для него можно дѣйствительно видѣть въ посланіи „Императору Александру“, но рядомъ со стихотвореніемъ Жуковскаго слѣдуетъ поставить и однородное посланіе Батюшкова „Къ И. М. Муравьеву-Апостолу“; все это — не болѣе какъ разсужденія въ стихахъ, болѣе или менѣе — какъ говорилось въ старину — украшенныя цвѣтами поэзіи. Въ посланіи Пушкина къ числу такихъ цвѣтовъ относятся между прочимъ многочисленныя воспоминанія изъ классическаго міра — о Парнассѣ, Фебѣ-Аполлонѣ, Пиѳонѣ и даже о Мевіи. Имя этого осмѣяннаго Гораціемъ бездарнаго поэта Августова вѣка упоминается Пушкинымъ трижды, и судя по тому, что Мевію приписывается восхваленіе Сумарокова (ст. 67-й), можно бы предположить, что тутъ рѣчь идетъ о знаменитомъ въ свое время актерѣ Ив. Аѳ. Дмитревскомъ (род. въ 1736 г., ум. въ 1821), произнесшемъ въ 1807 году въ Россійской ака-

деміи похвальное слово Сумарокову; но этому противорѣчатъ стт. 112-й и 113-й, въ которыхъ Мевію приписывается такое общественное значеніе, какого Дмитревскій никогда не имѣлъ. Поэтому въ „Мевіи“ Пушкина всего умѣстнѣе видѣть президента Россійской академіи А. С. Шишкова, который хотя и немного писалъ о Сумароковѣ, однако предпочиталъ его произведенія трагедіямъ Озерова; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно судьба Озерова служила однимъ изъ предлоговъ раздора между тогдашними литературными старовѣрами и новаторами, о чемъ упоминается и въ посланіи Пушкина.

Въ частности замѣтимъ еще одну подробность: въ стт. 8-мъ — 22-мъ Пушкинъ вспоминаетъ о томъ поощреніи, которое встрѣтили его ранніе литературные опыты со стороны Карамзина, Дмитріева, Державина и Жуковскаго; эти строки, по вѣрному замѣчанію П. О. Морозова (*Вѣстникъ Европы* 1899 г., № 8, стр. 866), напоминаютъ слѣдующіе стихи изъ переведеннаго И. И. Дмитріевымъ „Посланія отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту:

Вальсъ, тонкій сей знатокъ, Гренвиль, сей умъ толь нѣжный,
Сказали мнѣ: «Пиши, питомецъ музъ надежный!»
Тальботъ, Соммерсъ меня не презрѣли внимать
И важный Аттербуръ — улыбкой ободрять;
Великодушный Гартъ былъ мой путеводитель,
Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель,
И Болингброкъ, сей мужъ, достойный вѣчныхъ хвалъ,
Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

XXVIII.

Простите, вѣрныя дубарвы!

(Стр. 268).

Стихотвореніе это сохранилось на листкѣ, вклеенномъ въ альбомъ П. А. Осиповой, которая переписала на немъ стихи Пушкина въ замѣнъ вырѣзаннаго автографа поэта; на копіи стоитъ находившаяся, безъ сомнѣнія, и на подлинникѣ помѣта: „1-го сентября 1817“; альбомъ принадлежитъ нынѣ правнукѣ П. А. Осиповой, княгинѣ А. А. Хованской.—Впервые стихи были напечатаны (не совсѣмъ точно) въ статьѣ *М. И. Семевскаго*, помѣщенной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1866 года, № 175, а оттуда перешли въ изданіе 1880 года, т. I, стрр. 197 и 198, подъ заглавіемъ: „Прощаніе съ Тригорскимъ“.

Прасковья Александровна Осипова (род. около 1780 года, ум. въ 1859), рожденная Вындомская, по первому браку Вульфъ, была уже во второй разъ вдовой въ 1817 году, когда Пушкинъ познакомился съ нею, впервые пріѣхавъ, по выходѣ изъ лицея, въ имѣнье своей матери сельцо Михайловское, находившееся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ имѣньемъ Осиповой селомъ Тригорскимъ, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи. Прасковья Александровна жила здѣсь окруженная своими, большею частью еще малолѣтними въ то время дѣтьми. На память этой встрѣчи Пушкинъ и написалъ ей свои стихи.

XXIX.

Е. С. ОГАРЕВОЙ, КОТОРОЙ М.....ТЪ ПРИСЛАЛЪ ПЛОДОВЪ ИЗЪ СВОЕГО САДА.

(Стр. 269).

Это стихотвореніе находится, собственноручно Пушкинымъ написанное, въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 41, съ помѣтой: „1817. Петербургъ“.—Впервые оно было напечатано, съ пропусками, въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, ст. 337, и въ болѣе полномъ видѣ — въ *Русскомъ Архивѣ* 1876 года, кн. III, стр. 221, при чемъ въ послѣднемъ ошибочно отнесено къ А. А. Олениной и пріурочено къ 1828 году; съ этою ошибкой стихотвореніе вошло въ изданіе 1880 года, т. I, стр. 198, но въ изданіи 1882 года, т. I, стрр. 188 и 189, ошибка была исправлена.

Рукопись представляетъ перебѣленный текстъ, съ одною лишь помаркой, подъ которою находится слѣдующій первоначальный *варіантъ:*

Строфа II-я, ст. 2-й: Улыбкой *святость* побѣдитъ...

Объ Е. С. Огаревой см. выше, примѣчанія, стрр. 334 и 335.

XXX.

А. И. ТУРГЕНЕВУ.

(Стрр. 270 и 271).

Это посланіе сохранилось въ принадлежащемъ нынѣ графу С. Д. Шереметеву Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ; оно написано на отдѣльномъ листѣ рукой писца и по мѣстамъ дополнено собственноручными вставками автора: очевидно, вставлены слова, не разобран-

ныя писцомъ въ оригиналѣ Пушкина, а именно: въ ст. 8-мъ *мною*, въ ст. 36-мъ *поэтической*, въ ст. 38-мъ *нѹжды* и въ ст. 40-мъ *Нинеты;* рукою же автора выставлена помѣта: „8 ноября 1817“, а подпись „Пушкинъ-*Сверчокъ*“ сдѣлана двумя почерками: первое слово — рукою А. И. Тургенева, а второе — рукой Пушкина. Кромѣ того, надъ стихотвореніемъ въ позднѣйшее время надписано рукой князя Павла Петровича Вяземскаго слѣдующее заглавіе: „Пушкинъ А. И. Тургеневу — Посланіе“. Не смотря на авторскія поправки, рукопись представляетъ нѣсколько описокъ (какъ напримѣръ, несогласованіе риѳмъ въ стт. 2-мъ и 4-мъ, 10-мъ и 13-мъ), исправить которыя не возможно. — Впервые піеса была напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* 1895 года, кн. III, стрр. 498 и 499.

Съ самаго начала своей литературной дѣятельности Пушкинъ любилъ писать посланія въ стихахъ, и еще среди своихъ лицейскихъ товарищей и наставниковъ пріобрѣлъ въ томъ большой навыкъ. По выходѣ ихъ лицея, съ разширеніемъ дружескихъ связей и общественныхъ сношеній молодого поэта, онъ еще болѣе изощрился въ этомъ родѣ произведеній. Изъ числа многихъ посланій, имъ въ то время написанныхъ, одни являются выраженіемъ высокаго творческаго порыва, тогда какъ другія представляются какъ бы отрывками простыхъ пріятельскихъ бесѣдъ: стихи давались въ то время Пушкину чуть ли не легче, чѣмъ проза. Къ числу посланій этого второго разряда относится и разсматриваемая піеса.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ, къ которому она обращена, принадлежалъ къ числу лицъ, наиболѣе привѣтливо встрѣтившихъ Пушкина при его вступленіи въ свѣтъ. Тургеневъ (род. 27-го марта 1784 года, ум. 3-го декабря 1845) въ 1811 году содѣйствовалъ помѣщенію его въ лицей и затѣмъ встрѣчалъ его юношей у Карамзина, когда послѣдній жилъ въ Царскомъ Селѣ; одинъ

изъ первыхъ Александръ Ивановичъ предугадалъ удивительное дарованіе поэта и, не смотря на разницу лѣтъ, по окончаніи имъ ученія близко съ нимъ сошелся, нерѣдко воздерживалъ его отъ разнаго рода излишествъ и заботился о томъ, чтобы молодой человѣкъ давалъ болѣе строгое направленіе своимъ занятіямъ и своему таланту; должно согласиться, что старанія добродушнаго Александра Ивановича далеко не всегда увѣнчивались успѣхомъ, но все же ему, какъ умному и просвѣщенному человѣку, удавалось оказывать извѣстное вліяніе на умственное развитіе Пушкина; есть также основаніе думать, что именно благодаря настояніямъ Тургенева Пушкинъ среди своей разсѣянной жизни довелъ до конца свой первый большой поэтическій трудъ — „Руслана и Людмилу“; изъ писемъ Тургенева (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. I, стрр. 160 и 174) видно, съ какою любовью слѣдилъ онъ за работой Пушкина, а послѣднія строки настоящаго посланія служатъ какъ бы отвѣтомъ поэта на увѣщанія его старшаго друга. Въ личномъ характерѣ Тургенева было столько привлекательности, что онъ пользовался пріязнью всѣхъ хорошихъ людей, его знавшихъ, а одинъ изъ его ближайшихъ друзей, князь П. А. Вяземскій, въ своей „Старой записной книжкѣ“ (Сочиненія, т. VIII, стрр. 273 — 281), оставилъ намъ яркое изображеніе этого замѣчательнаго человѣка и его разнообразной дѣятельности общественной, административной и литературной. Строки Вяземскаго были написаны лѣтъ двадцать-пять послѣ смерти Тургенева; но личность Александра Ивановича, съ ея большими достоинствами и мелкими, отчасти забавными недостатками, выяснилась еще въ пору его молодости, и еще въ 1817 году, когда Тургеневу было всего тридцать-три года, Пушкинъ сдѣлалъ попытку тоже набросать его характеристику въ разсматриваемомъ посланіи, и попытку эту нельзя не признать

очень удачною. Чтобъ ясно понять ея намеки, необходимо имѣть въ виду, что въ 1817 году Тургеневъ уже состоялъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и членомъ коммиссіи для устройства евреевъ, что онъ несъ обязанности секретаря въ Библейскомъ Обществѣ и былъ дѣятельнымъ членомъ Женскаго Патріотическаго Общества; что имъ былъ составленъ указъ объ удаленіи іезуитовъ изъ Петербурга, подписанный императоромъ Александромъ 20-го декабря 1815 года (*H. Lutteroth.* La Russie et les jésuites de 1772 à 1820. Paris. 1845, pp. 58 et 63); что со всѣми этими должностями и званіями онъ соединялъ горячій интересъ къ литературѣ и припималъ ревностное участіе въ собраніяхъ Арзамаса, и что наконецъ, онъ очень любилъ свѣтъ, не отказывался танцовать на балахъ и поклоняться женской красотѣ въ гостиныхъ. Все это удачно подмѣчено Пушкинымъ, и всему этому онъ далъ мѣсто въ своихъ стихахъ.

— (**Ст. 19-й**). Фамилія г-жи С. и въ рукописи означена точками.

— (**Ст. 24-й**). Упоминаемая здѣсь Екатерина Сергѣевна Лунина приходилась племянницей М. Н. и Ек. Ѳ. Муравьевымъ и, по словамъ одного современника (*Русскій Архивъ* 1877 г., кн. I, стр. 525), „была лучше, чѣмъ красавица: умна, мила и изящна“; впослѣдствіи она вышла замужъ за Ѳ. С. Уварова, брата министра.

— (**Ст. 29-й**). Здѣсь говорится о графѣ Иванѣ Степановичѣ Лавалѣ (ум. въ 1846 г.), французскомъ эмигрантѣ, который женился на Ал. Гр. Козицкой и взялъ за нею большое состояніе; онъ находился въ русской придворной службѣ, но значеніе свое поддерживалъ не столько своимъ званіемъ, сколько открытымъ образомъ жизни; въ богатомъ домѣ его на Англійскомъ набережной собиралось все высшее петербургское общество.

XXXI.

Къ ***.

(Стр. 272).

Это стихотвореніе находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 72 об., подъ заглавіемъ: „Унынье“, съ помѣтой: „27 ноября 1817“. — Впервые оно напечатано, подъ заглавіемъ: „Къ ***“, въ изданіи 1826 года, стр. 117, и въ изданіи 1829 года, ч. II, стр. 157.

Рукопись представляетъ черновой набросокъ съ нѣсколькими поправками; выше его надъ заглавіемъ „Унынье“ написанъ былъ и зачеркнутъ слѣдующій стихъ:

Онъ улетѣлъ, прекрасный мигъ любви.

Рукописный текстъ, неудовлетворительно разобранный, напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1884 года, т. XLI, стр. 660, но отъ текста 1826 года онъ отличается лишь немногими *варіантами,* которые и приводимъ:

Ст. 2-й: *Въ твоихъ объятіяхъ я вѣчно* омраченъ...
„ 10-й, 11-й: *Короткій день блаженствовать* дано:
Отъ юности, отъ *жизни* сладострастья...

Разсматриваемое стихотвореніе любопытно для характеристики тѣхъ настроеній, которыя Пушкинъ переживалъ въ своей ранней молодости; какъ справедливо замѣтилъ Поливановъ (см. его 2-е изданіе, т. I, стр. 65), „этою граціозною элегіей.... убѣждаемся, что тотъ вихрь столичной жизни, который захватилъ Пушкина въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ, не составлялъ всей жизни его и не изгладилъ хорошихъ чувствъ прошлаго. Въ душѣ его жила всегда потребность чистыхъ чувствованій...“ Принимая это во вниманіе, Поливановъ не безъ основанія сближаетъ разсматриваемую элегію съ піесой 1817 же года „Къ ней“ (см. выше № XXVI), въ которой Пушкинъ

вспоминалъ свою любовь къ Е. П. Бакуниной; обѣ означенныя піесы могутъ служить сильнымъ возраженіемъ противъ мнѣнія, неоднократно высказывавшагося, что ранняя молодость поэта была посвящена только разгулу.

XXXII.

Краевъ чужихъ неопытный любитель...

(Стр. 273).

Автографъ этого стихотворенія находился въ бумагахъ Н. И. Кривцова и отъ него перешелъ къ его зятю П. Н. Батюшкову: нынѣ находится въ альбомѣ С. Н. Батюшковой, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Впервые піеса была напечатана въ газетѣ *Молва* 1857 года, № 3, стрр. 29 и 30; затѣмъ вошла въ изданіе *Анненкова*, т. VII, стрр. 21 и 22, а въ изданіи 1859 года, вышедшемъ подъ редакціей Г. Н. Геннади, т. I, стр. 184, ей произвольно дано заглавіе: „Къ А. И. Голицыной“.

Княгиня Авдотья Ивановна Голицына, рожденная Измайлова (род. въ 1780 году, ум. въ 1850), къ которой относится этотъ мадригалъ, была извѣстна въ свое время умомъ, хорошимъ образованіемъ и прекрасною наружностью. Императоръ Павелъ выдалъ ее замужъ за некрасиваго и ограниченнаго человѣка, князя С. М. Голицына, но по кончинѣ государя княгиня разсталась съ мужемъ и стала жить самостоятельно. Князь П. А. Вяземскій, въ своей „Старой записной книжкѣ“ (Сочиненія, т. VIII, стрр. 378—384), сообщилъ о ней очень любопытныя свѣдѣнія, часть которыхъ необходимо привести здѣсь для объясненія стиховъ Пушкина: „Княгиня Голицына была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива, и въ красотѣ

ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этимъ преимуществомъ. Не знаю, какова была она въ первой своей молодости; но и вторая, и третья молодость ея плѣняли какою-то свѣжестію и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плечи извилистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная; придайте къ тому голосъ, произношенія необыкновенно мягкія и благозвучныя — и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея. Вообще, красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее греческое изваяніе. Въ ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротивъ, въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. По обезпеченному состоянію своему, по обоюдно-согласному разрыву брачныхъ отношеній она была совершенно независима. Вслѣдствіе того устроила она жизнь свою, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго благочинія... Но эта независимость, это свѣтское отщепенство держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія не отемняли чистой и свѣтлой свободы ея... Она на молодомъ вѣку своемъ внушила нѣсколько глубокихъ и продолжительныхъ приверженностей, почти поклоненій. До какой степени сердце ея, въ чистотѣ своей, отвѣчало на эти жертвоприношенія, и отвѣчало ли оно, или только благосклонно слушало, все это остается тайною... Домъ княгини, на Большой Милліонной, былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ. Хозяйка сама хорошо гармонировала съ такою обстановкою дома. Тутъ не было ничего изъ роскошныхъ принадлежностей и прихотей своенравной и скороизмѣнчивой моды. Во всемъ отра-

жалось что-то изящное и строгое. По вечерамъ немногочисленное, но избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ: хотѣлось бы сказать: въ этой храминѣ, тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать не обыкновенною свѣтскою барыней, а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія. Вся постановка ея вообще, туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нея собиравшемуся, что-то — не скажу: таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тутъ собирались не просто гости, а и посвященные... Княгиню прозвали въ Петербургѣ: „La Princesse Nocturne“ (княгиня Ночная). Впрочемъ, собирались къ ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и бесѣды длились обыкновенно до трехъ и четырехъ часовъ утра. Лѣтомъ живала она на дачѣ своей на Невѣ. Прозрачныя и свѣтлыя невскія ночи еще болѣе благопріятствовали этимъ продолжительнымъ всенощнымъ... Событія 1812 года живо расшевелили патріотическую струну княгини. Помнится, вскорѣ по окончаніи войны явилась она въ Москвѣ на обыкновенный балъ благороднаго собранія въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами. Невозмутимо и съ нѣкоторою храбростью прохаживалась она по залѣ и посреди дамъ въ обыкновенныхъ бальныхъ платьяхъ; съ недоумѣніемъ, а можетъ быть, и съ насмѣшливымъ любопытствомъ смотрѣли онѣ на эту возрожденную Марѳу Посадницу; во всякомъ случаѣ эти барыни худо понимали, что̀ это значитъ“. Внѣшнія проявленія своего патріотизма княгиня простерла еще далѣе: она составила предложеніе петербургскому дворянству ходатайствовать предъ императоромъ Александромъ о водруженіи, на стѣнѣ Московскаго Кремля, знамени съ изображеніемъ креста въ память событій Отечественной войны (см. Отчетъ Императорской Публичной

Библіотеки за 1884 годъ, стрр. 45 и 46); не извѣстно однако, былъ ли данъ ходъ этому предложенію. Искренность патріотическихъ чувствъ княгини не можетъ подлежать сомнѣнію; на ея надгробномъ памятникѣ въ Александро-Невской лаврѣ, въ Свято-Духовской церкви, можно прочесть слѣдующую надпись, ею самою составленную: „Прошу православныхъ русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа Русскаго“ (*В. Саитовъ*. Петербургскій некрополь, стр. 35).

Пушкинъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду этотъ пламенный патріотизмъ княгини Авдотьи Ивановны, когда въ своихъ стихахъ противополагалъ ея достоинства своему предубѣжденію противъ всего русскаго. О томъ, какъ онъ увлеченъ былъ этою оригинальною женщиной, сохранилось свидѣтельство Карамзина, свидѣтельство, тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ немъ заключается и его собственное сужденіе о ней. „Поэтъ Пушкинъ“, писалъ Карамзинъ Вяземскому 24-го декабря 1817 года, — „у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ пиѳію Голицыну и теперь уже проводитъ у нея вечера: лжетъ отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ пиѳію: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ“ (*Старина и новизна*. Кн. I. С.-Пб. 1897, стр. 43). Самъ Вяземскій (Сочиненія, т. VIII, стр. 384), на старости, тоже вспоминалъ объ этомъ увлеченіи молодого поэта. „И Пушкинъ“, говоритъ онъ, — „въ медовые мѣсяцы вступленія своего въ свѣтъ былъ маленько привороженъ ею... Въ сочиненіяхъ его встрѣчаются стихи, на имя ея написанные, если не страстные, то довольно воодушевленные. Правда, въ тѣхъ же сочиненіяхъ есть и оборотная сторона медали. Едва ли не къ княгинѣ относится слѣдующая замѣтка по поводу появле-

нія въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи государства Россійскаго“: „Одна дама, впрочемъ весьма почтенная (въ первоначальномъ текстѣ сказано: *милая*), при мнѣ открывъ вторую часть („Исторіи“), прочла вслухъ: *Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его...* Однако! Зачѣмъ не *но?* Однако! Какъ это глупо! Чувствуете ли вы всю ничтожность вашего Карамзина?“ Очевидно, княгиня, въ качествѣ пламенной патріотки, считала долгомъ судить о Карамзинѣ, какъ о писателѣ, по шишковски; но это не мѣшало ей посѣщать домъ исторіографа, и ее тамъ очень любили, хотя и хорошо знали крайность ея сужденій; можно думать, что А. И. Тургеневъ выразилъ мнѣніе, преобладавшее въ кружкѣ Карамзина, когда писалъ Вяземскому: „Она благородная, и когда не на треножникѣ, а просто на стулѣ — умная женщина“. Любопытно, что строгость ея приговора объ „Исторіи государства Россійскаго“ внесла даже рознь въ среду арзамасцевъ: между тѣмъ какъ влюбленный въ Авдотью Ивановну Пушкинъ посмѣивался втайнѣ надъ ея сужденіями о сочиненіи Карамзина, другой страстный ея поклонникъ, тоже арзамасецъ, М. Ѳ. Орловъ, по словамъ нашего поэта, „пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ...“

Увлеченіе Пушкина княгиней Голицыной было непродолжительно; 2-го декабря 1818 года А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому: „Я люблю ее за милую душу и за то, что она умнѣе за другихъ, нежели за себя. Это прекрасное качество, но не всегда хорошо въ женщинѣ и въ столицѣ. Жаль, что Пушкинъ ужь не влюбленъ въ нее, а то бы онъ передалъ ее потомству въ поэтическомъ свѣтѣ, который и для насъ былъ бы очаровательнѣ, особливо въ нѣкоторомъ отдаленіи во времени“.

XXXIII.

Н. И. КРИВЦОВУ.

(Не пугай насъ, милый другъ...).

(Стр. 274).

Стихотвореніе это извѣстно намъ въ двухъ текстахъ, собственноручно писанныхъ авторомъ: одинъ изъ нихъ находится въ рукописи Моск. Публ. музея № 2364, л. 78 об., въ видѣ чернового наброска, а другой — на особомъ листкѣ, вклеенномъ въ альбомъ С. Н. Батюшковой, нынѣ принадлежащій Императорской Публичной Библіотекѣ, въ видѣ перебѣленнаго списка, подъ заглавіемъ: „Къ Анаксагору“, съ помѣтой: „1817, дек.“ и подписью: „А. П.“. — Впервые стихотвореніе напечатано въ изданіи 1826 года, стрр. 151 и 152, и въ изданіи 1829 года, ч. I, стрр. 73 и 74, при чемъ оба раза невѣрно отнесено къ 1819 году.

Черновой набросокъ въ музейной рукописи чрезвычайно изчерканъ, вслѣдствіе чего первоначальная редакція почти совершенно не поддается чтенію; перебѣленный текстъ въ альбомѣ представляетъ редакцію уже обработанную, но сравнительно съ печатнымъ текстомъ въ ней все-таки могутъ быть указаны слѣдующіе *варіанты:*

Ст. 7-й, 8-й: *Лучше вдругъ зарю мы* нашу
Смѣнимъ ночью гробовой...
„ 10-й: Мы *приляжемъ* на порогъ
„ 14-й: *Лишній осушимъ* сосудъ.

Николай Ивановичъ Кривцовъ, къ которому написано это посланіе (род. въ 1791 году, ум. въ 1843), служилъ сперва въ военной службѣ, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и затѣмъ въ кампаніи 1813 года, когда подъ Кульмомъ ему оторвало ногу; послѣ того, онъ нѣкоторое время

состоялъ по дипломатической части, потомъ былъ губернаторомъ въ Тулѣ, Воронежѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, а послѣдніе годы жизни находился въ отставкѣ и провелъ въ деревнѣ. Человѣкъ умный и съ независимымъ характеромъ, онъ былъ близокъ къ Карамзину и хотя не принадлежалъ къ Арзамасу, но былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ арзамасцевъ, въ томъ числѣ съ Пушкинымъ (см. о Кривцовѣ статьи *Б. Н. Чичерина* въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 года, кн. I, и *В. П. Гаевскаго* въ *Вѣстникѣ Европы* 1887 года, № 12). Карамзинъ называлъ Кривцова „добрый esprit fort“ (*Старина и новизна*, кн. I, стр. 43); Николай Ивановичъ дѣйствительно слылъ въ молодости за вольнодумца и въ политическомъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ; по всему вѣроятію, это послѣднее обстоятельство дало Пушкину, который познакомился съ Кривцовымъ въ первой половинѣ 1817 года, поводъ дать ему имя Анаксагора, то-есть, того греческаго философа (V в. до Р. Х.), который былъ обвиняемъ въ безбожіи. Согласно съ этимъ именемъ и все посланіе облечено въ форму антологическаго стихотворенія.

Перечень изданій сочиненій Пушкина, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ.

I. Изданіе 1826 года, то-есть: Стихотворенія Александра Пушкина. С.-Пб. 1826. Въ 8-ку.

Ссылки на это изданіе на стрр. 110, 112, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 143, 187, 232, 246, 296, 302, 303, 304, 308, 324, 326, 327, 337, 350, 365, 379, 380, 386, 387, 390, 414, 420.

II. Изданіе 1829 года, то-есть: Стихотворенія Александра Пушкина. Четыре части. С.-Пб. 1829 — 1835. Въ 8-ку.

Ссылки на первую часть этого изданія на стрр. 110, 112, 131, 132, 134, 187, 246, 296, 308, 324, 327, 337, 350, 365, 366, 379, 380, 386, 390, 414, 420.

III. Посмертное изданіе, то-есть: Сочиненія Александра Пушкина. Одиннадцать частей. Съ портретомъ, факсимиле и статьею Жуковскаго о смерти Пушкина. С.-Пб. 1838 — 1841. Въ 8-ку.

Ссылки на третій и девятый томы этого изданія на стрр. 9, 18, 20, 38, 40, 42, 52, 55, 56, 58, 69, 72, 73, 74, 76, 102, 110, 119, 129, 131, 133, 140, 146, 147, 156, 165, 168, 170, 172, 180, 194, 226, 232, 233, 239, 250, 251, 257, 260, 261, 273, 277, 280, 287, 288, 289, 291, 293, 297, 300, 303, 304, 314, 315, 316, 321, 324, 328, 333, 336, 338, 344, 346, 347, 348, 354, 356, 361, 370, 372, 381, 383, 385, 388, 391, 398.

IV. Сочиненія Пушкина, съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рисунковъ, и проч. Семь томовъ. Изданіе *П. В. Анненкова*. С.-Пб. 1855 — 1857. Въ 8-ку.

Ссылки на первый, второй и седьмой томы этого изданія на стрр. 4, 18, 20, 21, 23, 26, 28, 31, 33, 35, 45, 46,

57, 58, 69, 72, 73, 76, 85, 87, 89, 93, 98, 99, 100, 101, 112, 121, 126, 140, 146, 151, 153, 157, 165, 173, 181, 186, 187, 190, 196, 216, 217, 227, 230, 237, 239, 251, 252, 254, 262, 270, 277, 281, 288, 290, 293, 298, 301, 302, 303, 304, 309, 316, 321, 324, 328, 336, 342, 350, 359, 361, 363, 377, 383, 389, 391, 395, 396, 404, 415.

V. Изданіе 1859 года, то-есть: Сочиненія А. С. Пушкина. Шесть томовъ. Съ портретомъ автора и его факсимиле. Изданіе *Я. А. Исакова*. Подъ редакціей *Г. Н. Геннади*. С.-Пб. 1859 — 1860. Въ 8-ку. Съ приложеніемъ брошюры А. Н. Амосова: „Послѣдніе дни и кончина А. С. Пушкина“ и библіографическаго списка сочиненій Пушкина, дополненій, черновыхъ отрывковъ, не вошедшихъ въ текстъ, и примѣчаній, составленныхъ *Г. Н. Геннади*.

Ссылки на первый томъ этого изданія и на приложенія Геннади на стрр. 165, 196, 237, 252, 254, 316, 328, 363, 372, 385, 390, 415.

VI. Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій. Дополненіе къ шести томамъ петербургскаго изданія. Изданіе *Р. Вагнера*. Подъ редакціей „Русскаго“ (то-есть, *Н. В. Гербеля*). Берлинъ. 1861. Въ 8-ку.

Ссылки на это изданіе на стрр. 240 и 367.

VII. Изданіе 1870 года, то-есть: Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Шесть томовъ. Изданіе 2-е, *Я. А. Исакова*, подъ редакціей *Г. Н. Геннади*. Съ двумя портретами Пушкина и его факсимиле. С.-Пб. 1870. Въ 8-ку.

Ссылки на первый томъ этого изданія на стрр. 54, 100, 196, 317, 328, 341, 344, 346, 348, 366, 383.

VIII. Изданіе 1880 года, то-есть: Сочиненія А. С. Пушкина. Шесть томовъ. Изданіе 3-е, *Я. А. Исакова*, исправленное и дополненное, подъ редакціей *П. А. Ефремова*. Съ двумя портретами Пушкина. С.-Пб. 1880 — 1881. Въ 8-ку.

Ссылки на первый томъ этого изданія на стрр. 52, 99, 100, 102, 119, 133, 146, 194, 196, 240, 290, 291, 297, 318, 326, 328, 337, 344, 345, 346, 347, 348, 365, 366, 367, 379, 386, 409, 410.

IX. Изданіе 1882 года, то-есть: Сочиненія А. С. Пушкина. Семь томовъ. Изданіе 8-е *(Ѳ. И. Анскаго)*, исправленное и дополненное, подъ редакціей *П. А. Ефремова.* Съ двумя портретами Пушкина, двумя его факсимиле и съ изображеніемъ памятника поэту въ Москвѣ. Москва. 1882. Въ 8-ку.

Ссылки на первый томъ этого изданія на стрр. 140, 196, 277, 328, 346, 366, 367, 372, 380, 410.

X. Изданіе литературнаго фонда, то-есть: Сочиненія А. С. Пушкина. Семь томовъ. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями *П. О. Морозова.* Съ тремя портретами Пушкина. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку.

Ссылки на первый томъ этого изданія на стрр. 140, 157, 180, 196, 226, 234, 250, 251, 257, 262, 291, 303, 314, 315, 321, 328, 335, 338, 342, 348, 356, 388, 392.

XI. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіемъ ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, *Льва Поливанова*, для семьи и школы. Пять томовъ. Съ двумя портретами Пушкина. Москва. 1893 — 1898. Въ 8-ку.

Ссылки на первый томъ этого изданія на стрр. 117, 153, 159, 174, 190, 195, 238, 259, 271, 276, 281, 296, 298, 318, 389, 414.

УКАЗАТЕЛЬ.

А *).

А., см. Огарева, Елизавета Сергѣевна.
——— „А. А. Шишкову“, посланіе 327—333.
——— Августъ, императоръ 407.
——— Авзоній, римскій писатель 48—50.
——— Авзонія 106.
——— „Агатонъ“, романъ Виланда 162.
——— „Аглая“, сборникъ 121.
——— Адольфъ-Фридрихъ, король Шведскій 354.
——— Адонисъ 187, 188.
——— „А. И. Тургеневу“, посланіе 410—413.
——— „Академическій словарь“ 66.
——— Академія наукъ 191, 192.
——— Академія Россійская 32, 83, 207, 208, 405, 407, 408.
——— Академія художествъ 200.
——— Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ 330, 331.
——— „Актрисѣ“, посланіе 7.
——— „A la nuit“, стихотвореніе Парни 295.
——— Александро-Невская лавра 418.
Александръ Невскій 146. ——— 194.
Александръ I Благословенный 78, 82, 97, 105, 152—154, 189, 242. ——— 94, 99, 217, 219—221, 223—225, 319, 320, 334, 335, 362, 405, 413, 417.
——— „Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета“. Сочиненіе А. В. Никитенка 60, 61, 192.
——— Алкидъ-юноша — Пушкинъ 402.
——— Алцей, греческій поэтъ 123.
Альбанъ (Francesco Albani), живописецъ 138, 197. ——— 186, 280.
——— Альбіонъ 124, 190.
——— Альбомъ С. Н. Батюшковой 415, 420.
——— Альбомъ А. Н. Маркевича 371—374.
——— Альбомъ И. И. Пущина 384, 385.
——— Альбомъ княгини А. А. Хованской 409.
——— „Альзира“, трагедія Вольтера 208.
——— „A madame la princesse Ulrique de Prusse“, мадригалъ Вольтера 354, 355.
——— Amaryllo (въ „Épitre au père Bougeant“ Грессе) 109.
——— Амбодикъ, Несторъ Максимовичъ, писатель 189.
——— Америка 106.
——— „A mes amis“, стихи Парни 361.
——— Амосовъ, А. Н. 423.
——— „Амуръ и Гименей“, сказка 245—250.
Амуръ, Amour 33, 36, 64, 107, 146, 157, 158, 166, 170, 171, 173—175, 186, 191, 198, 224. ——— 22, 44, 132, 150, 186, 246—249, 251, 312, 360.

*) Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ словомъ или передъ цифрами, указываетъ на текстъ примѣчаній.

——— „Амфіонъ“, журналъ 41, 286.
——— Анаксагоръ, философъ 420, 421.
Анакреонъ, поэтъ 109, 110, 112, 118, 175, 177. ——— 136 — 140, 183, 184, 197, 202, 210, 250 — 252, 268, 273.
——— „Анакреонъ подъ доломаномъ“, см. Давыдовъ, Денисъ.
——— Anacharsis 351.
——— „Angeleida“, эпопея Еразмо Вальвассоне 128.
——— Англійская набережная 413.
——— Анна Павловна, великая княгиня 274, 275, 365.
——— Анненкова, Глафира Александровна 118.
——— Анненковъ, Павелъ Васильевичъ 4, 6, 10, 13, 20, 21, 23, 26, 28, 31, 33, 35, 45, 57, 58, 65, 69, 72, 73, 76, 77, 80, 85, 87, 89, 93, 95, 98 — 101, 112, 113, 118, 121, 126, 140, 144, 146, 153, 157, 159, 160, 165, 167, 173, 174, 178, 181, 182, 186, 187, 190, 191, 196 — 198, 216, 217, 219, 227, 228, 230, 231, 233, 237, 239, 241, 251 — 254, 257, 261, 262, 266, 270, 277, 279, 281, 288, 290, 293, 294, 298, 299, 301 — 304, 306, 309 — 311, 316, 321, 324, 328, 330, 333, 336, 342, 350, 359, 361, 363, 377, 382, 389, 391, 395, 396, 404, 415, 422.
——— Анскій, Ѳ. И. 424.
——— „Anthologia Palatina“ 47.
Антошка (въ стих. „Городокъ“) 71.
——— Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ 75.
Аониды (музы) 50, 62, 82. ——— 62, 177, 400.
Аполлонъ (Фебъ) 15, 16, 48, 50, 53, 62, 63, 67, 68, 82, 90, 91, 113, 118, 119, 141, 142, 145, 164, 173, 181, 197, 220, 221, 253, 256, 258, 264, 267. ——— 104 — 106, 196, 258, 330, 364, 387, 407.
——— Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ 113, 118.
——— Араповъ, Пименъ Николаевичъ 154, 347.
——— Арбутнотъ, докторъ, посланіе къ нему Попа 408.
Аргусъ 3, 241.
——— Арей, см. Марсъ.
——— Арзамасъ (общество) 154, 155, 397, 400, 401, 403 — 405, 413, 419, 421.
Арзоморъ (изъ поэмы „Бова“) 98, 99.
Арина Родіоновна, няня поэта 196. ——— 279.
——— „Аристарху“, посланіе 7.
„Аристархъ“, см. Кошанскій, Н. Ѳ.
Аристиппъ, философъ 177, 178. ——— 254.
——— Аристотель, философъ 236.
Аристъ 15 — 18, 85. ——— 30, 31, 101.
Аріостъ, Arioste 63. ——— 128.
——— Аркадія 369.
——— „Ars amandi“ Овидія 352.
——— Арторій 114.
——— Asgar (изъ поэмы „Isnel et Aslegä) 38, 39.
Аспазія 178.
——— „А. С. Пушкину“, посланіе Дельвига 106.
——— „А. С. Пушкинъ въ его произведеніяхъ“, сочиненіе А. И. Незеленова 57, 79.
——— „А. С. Пушкинъ“, эскизъ Д. Н. Анучина 75.
——— „Атеней“, журналъ 386.
——— Атриды 138.
——— Аттербуръ, англійскій поэтъ и богословъ 408.
——— „Au chevalier de Bouillon“, посланіе Шольё 212.
——— „A une jeune veuve“, посланіе Вольтера 340.
Афродита, см. Венера.
Ахеронъ, рѣка 112.
——— Аѳанасьевъ, Александръ Николаевичъ 389.
Аѳины 246. ——— 369.

Б.

——— Б., см. Бакунина, Е. П.
——— Б-го, переводчикъ 50.

Баболовскій дворецъ 242. ——— 362.
——— Бакунина, Екатерина Александровна 282.
——— Бакунина, Екатерина Павловна, фрейлина 245, 282, 283, 303, 316, 318, 336, 340, 365, 366, 396, 415.
——— Бакунинъ, Александръ Павловичъ, лицеистъ 1-го курса 282.
——— Бакунины 316, 332.
——— Бакхилидъ, греческій поэтъ 256.
——— „Балладникъ“, см. В. А. Жуковскій.
——— Бантышъ-Каменскій, Дмитрій Николаевичъ 161.
Барковъ, Иванъ Семеновичъ 66. ——— 83, 84.
——— Бартелеми, аббатъ, писатель 351 — 353.
——— Бартеневъ, Петръ Ивановичъ 93, 160, 401, 402.
——— Батюшкова, Софія Николаевна 415, 420.
——— „Батюшкову“, второе посланіе 150 — 153.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ 50 — 53, 118, 256. ——— 12—14, 16, 19, 24—26, 30, 32, 38, 42, 46, 49, 54—57, 59, 68—71, 77, 78, 81, 97, 107, 127, 134, 143, 144, 147, 150—153, 156—158, 161, 167, 170, 171, 173, 174, 176—180, 194, 195, 202, 207—210, 212, 213, 238, 260, 266—268, 273, 278—280, 284, 286, 287, 290, 308, 340, 341, 358, 391, 407.
——— Батюшковъ, Помпей Николаевичъ 415.
——— „Бахаріана“, повѣсть въ стихахъ Хераскова 121, 122, 124, 125.
Бахусъ, см. Вакхъ.
——— де-Башомонъ, Франциск, Bachaumont, французскій писатель 247 — 250.
——— „Безвѣріе“, стихотвореніе 391—395.
Безриѳминъ, Бибрусъ, см. Бобровъ, Сергѣй Семеновичъ.
——— Безтолковъ (въ посланіи „къ Дельвигу“) 104.
——— Белленъ-де-Баллю, Ж.-Н., французскій эллинистъ 353.
——— Беллона 79, 82, 256.
——— Бендокиръ Слабоумный 96 — 98, 101 — 103.
——— Бенингсенъ, графъ Леонтій Леонтьевичъ 375.
——— Бервилль (Saint-Albin Berville), французскій писатель 212.
——— Бергъ, Николай Васильевичъ 160.
——— Берлинъ 240, 354.
Бершу (Joseph Berchoux), французскій поэтъ 194. ——— 280.
——— Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Александровичъ 216, 377.
——— „Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности при Имп. Моск. университетѣ“ 375.
——— „Бесѣды любителей русскаго слова“ 32, 71, 83, 207, 208, 405.
——— „Billet“ (Dès que la nuit...), стихотвореніе Парни 359, 360.
——— „Billet“ (Apprenez, ma belle), стихотвореніе Парни 359, 360.
——— Библіотека Императорскаго Александровскаго лицея 102.
——— Библіотека Императорская Публичная 168, 371, 376, 415, 418, 420.
——— „Bibliothèque Elzevirienne“ 248.
——— Битобѐ, переводчикъ древнихъ классиковъ 16.
——— „Библіографическія Записки“, журналъ 23, 58, 76, 165, 233, 237, 252, 254, 257, 260, 261, 270, 309, 310, 324, 327, 356, 363, 371, 380, 381, 388—392, 410.
——— „Библіографическія Записки“ М. Н. Лонгинова 270.
——— „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“, статья Д. А. Смирнова 375.
——— Біонъ, греческій поэтъ 202.

——— Благовѣщенскій, Николай Михайловичъ 114.
——— „Благонамѣренный“, журналъ 50.
——— Благородное собраніе (Московское) 417.
——— „Блаженство“, стихотвореніе 57, 58, 241.
Бобровъ (Безвѣминъ, Бибрусъ), Сергѣй Семеновичъ, стихотворецъ 16, 143, 164. ——— 30, 32, 194, 238.
„Бова Королевичъ“, отрывокъ изъ поэмы 95 — 103, 196. ——— 118 — 129, 151, 288.
——— „Бова“, поэма Радищева 121, 122, 124.
——— Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ 42, 98, 216.
——— „Боже, Царя храни“, гимнъ 333 — 335.
——— Болингброкъ, виконтъ, англійскій государственный дѣятель и писатель 408.
——— Болонская школа живописи 186.
——— „Больны вы, дядюшка?...“, стихотвореніе 341.
——— Большая Милліонная, улица 416.
——— „Бонапарте“, посланіе 7, 8.
Бородино, село 153. ——— 219.
Брогліо (де-Броль), графъ Сильверій Францовичъ, лицеистъ I-го выпуска 47. ——— 63.
Брутъ 246. ——— 113.
——— Брянскій, Яковъ Григорьевичъ, актеръ 154.
Буало (Boileau-Despréaux, Nicolas) 164, 231, 266. ——— 109, 114, 210.
——— „Будущая эпитафія“, см. „Моя эпитафія“.
——— Бужанъ (Bougeant), аббатъ-іезуитъ 109, 213.
Бурбоны 190. ——— 266.
——— Бурунъ 120.
——— Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ 188, 189.
Буфлеръ (de Boufflers, Stanislas), маркизъ, писатель 256. ——— 49.
——— „Буфлеръ русскій“, см. К. Н. Батюшковъ.
——— Буяновъ 66.
——— Бычковъ, Иванъ Аѳанасьевичъ 313.
——— „Бѣдная Лиза“, повѣсть Карамзина 299.
——— Бѣлградъ 201, 202.
——— Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ 12, 13, 26, 38, 42, 53, 55, 56, 70, 81 — 84, 96, 97, 120, 121, 126, 130, 131, 134, 143, 146, 150, 152, 156, 166, 172, 173, 180, 182, 195, 199, 209, 227, 235, 238, 259, 260, 266, 272, 275, 279, 288, 290, 298, 327, 384, 389, 395, 404, 406.

В.

Вавилонъ 162. ——— 236.
——— Вагнеръ, Р., издатель 367, 423.
——— „Вакху“, четверостишіе Дельвига 145.
Вакхъ, Бахусъ, Либеръ 43, 44, 47, 49, 50, 112, 115 — 117, 126, 140, 142, 144, 146, 194, 220, 224, 235 — 237, 247. ——— 59, 139, 145, 147, 250, 251, 256, 283, 328, 350 — 353, 374.
——— Вальберхова, Марья Ивановна, актриса 154.
——— Валгалла 25.
——— Вальвассоне, Еразмо, италіанскій поэтъ 128.
——— Вальсъ, англійскій поэтъ 408.
——— Варшавяки 87.
Варяги 265. ——— 404.
——— Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ 376.
——— Ватерло 274.
——— Вейентонъ (изъ III-й сатиры Ювенала) 115.
Великая жена, см. Екатерина II.
——— Веллингтонъ 274.
——— Вельо, баронесса Софія (Sophie), см. Ребиндеръ.
——— Вельо, баронесса Софія Ивановна, жена банкира 362.

——— Вельо, Іосифъ, баронъ, банкиръ 362, 363.
Венера, Vénus, Venus, Афродита, Пафія, Пафосская царица 32, 43, 95, 108, 157, 167, 169, 175, 177, 220, 246, 256, 274. ——— 45, 47—50, 142, 184, 187, 188, 214, 243, 328, 330, 373, 374.
——— „Венерѣ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала“ 45—52.
——— Венеція 127, 128.
Вергилій, Virgile 63, 70, 95, 119. ——— 80, 109, 124.
Вержье (Jacques Vergier), стихотворецъ 64. ——— 82.
——— Верстовскій, Алексѣй Николаевичъ 308.
„Веръ-Веръ“ („Ver-Vert“), поэма Грессе 149. ——— 210, 211.
——— „Весенніе цвѣты“, альманахъ 133.
Ветулій 92—94. ——— 111, 112, 118.
——— „Вечеръ“, элегія Жуковскаго 397.
——— „Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ....“, стихотвореніе 384, 385.
——— Вигель, Филиппъ Филипповичъ 400.
——— „Видѣніе на берегахъ Леты“, сатира Батюшкова 70, 83.
Визговъ, см. Висковатовъ.
Виландъ 126. ——— 160—162.
Вильгельмъ, Виля, см. Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ.
Вильгельмъ, принцъ Оранскій, супругъ великой княгини Анны Павловны 189, 190. ——— 273—276, 403.
Висковатовъ (Визговъ), Степанъ Ивановичъ, писатель 52, 65. ——— 71, 82.
Витгенштейнъ, князь Петръ Христіановичъ 16.
Вихромахъ, рыцарь (изъ поэмы „Бова“) 98.
——— Віельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ 54.
——— Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ 307.
——— „Владиміръ Мономахъ“, трагедія Висковатова 71.
——— Владиміръ (Володиміръ) Св., великій князь 122, 123, 152, 419.
——— „Вода и вино“, стихотвореніе 146.
——— Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ 107.
——— Война 1805 года 199.
Волконская, княжна Варвара Михайловна, фрейлина 216. ——— 317—320.
——— Волконскій, князь Петръ Михайловичъ 319.
——— Волуева, фрейлина 317, 319.
Вольтеръ 63, 96, 102, 103, 126, 177, 239. ——— 46, 48—50, 80, 124, 125, 127—129, 154, 160, 208, 211, 212, 253, 254, 340, 346, 354—358.
——— „Вольтеръ германскій“, см. Шлегель.
——— „Voltaire et ses maîtres. Episode de l'histoire des humanités en France“, сочиненіе Al. Pierron 48.
Вольховскій, Владиміръ Дмитріевичъ, лицеистъ I-го выпуска 46. ——— 62, 63.
——— „Воспоминанія“ Вигеля 400.
——— „Воспоминанія“ В. К. Кюхельбекера 61.
——— „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“, Л. Н. Павлищева 27.
——— „Воспоминанія“ С. Д. Комовскаго 5.
——— „Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ“... эпиграмма 346, 347.
——— „Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...“, четверостишіе 385, 386.
——— „Вотъ милый всѣмъ творецъ!...“, четверостишіе Дмитріева къ портрету Карамзина 369.
——— Воронежъ 421.
——— „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стихотвореніе 7, 89—98, 107, 112, 218, 220, 402.

——— „Воспоминанія 1807 года", стихотвореніе Батюшкова 71.
——— „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce", сочиненіе аббата Бартелеми 351 — 353.
——— „Voyage litteraire de la Grèce, ou Lettres sur les Grecs anciens et modernes, avec un parallèle de leurs moeurs", сочиненіе P.-A. Guys 49, 51, 52.
——— Вуазенонъ, аббатъ 126.
——— Вульфъ, см. Осипова, Прасковья Александровна.
——— „Въ альбомъ А. Н. Зубову", стихотвореніе 377.
——— „Въ альбомъ Илличевскому", стихотвореніе 383, 384.
——— „Въ альбомъ И. И. Пущину", см. „Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ".
——— „Въ надеждѣ славы и добра", стансы 276.
——— „Въ часы забавъ иль праздной скуки", стихотвореніе 276.
——— Вындомская, см. Осипова, Прасковья Александровна.
——— Вѣна 365.
——— „Вѣстникъ Европы", журналъ, 20, 28, 29, 33, 45, 46, 56, 57, 84, 154, 203, 278, 318, 340, 358, 367, 369, 408, 421.
——— Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ 411.
——— Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ 24, 25, 32, 79, 127, 207, 208, 212, 222, 237, 268, 274, 275, 345, 346, 368, 375, 400, 403, 404, 410, 412, 415, 418, 419.

Г.

——— Гаве (Havet), издатель 292.
——— Гаевскій, Викторъ Павловичъ 5, 6, 18 — 20, 29, 31, 33, 34, 42, 50, 53 — 56, 58, 63, 67, 74, 76, 77, 80, 99, 100, 107, 108, 129 — 131, 137, 147, 156, 171, 173, 182, 185, 186, 193, 196, 198, 201, 202, 215, 219, 232, 239 — 241, 257, 259, 271, 274, 275, 277, 284, 285, 295, 306, 311, 316, 322, 334, 339, 340 — 344, 346 — 348, 354, 358, 359, 361, 363, 376, 387, 395 — 397, 406, 421.
——— „Galanteries de la Bible (Les)", сочиненіе Парни 210.
Галичъ, Александръ Ивановичъ 46, 47, 131 — 133, 140 — 144. ——— 6, 7, 59 — 63, 92, 94, 164 — 167, 190 — 194, 205.
Галлія 82, 106. ——— 129.
Галлы 80, 81.
——— „Гальскія стихотворенія", переводъ Кострова 38.
——— Гамбургъ 375.
Гамильтонъ, Антуанъ, писатель 12. ——— 27.
——— „Гамлетъ" (съ передѣлки Дюси) 71.
——— Ганнибалъ, Марія Алексѣевна 160.
——— „Ганріяда" (Генріада, поэма Вольтера) 125.
——— Гартъ, англійскій поэтъ 408.
——— „Gastronomie (La)", поэма Бершу 280.
——— Гауеншильдъ (фонъ), Фридрихъ 148 — 150.
Геба (Гебея, Hébé) 138. ——— 182.
——— Heidenstam (de-), O., писатель 355.
——— Гейльсбергъ 71.
Геликонъ 15, 52, 68, 113, 118, 220. ——— 258.
——— „Hellénisme en France (L')", сочиненіе Em. Egger 52.
——— Геннади, Григорій Николаевичъ 65, 254, 316, 328, 372, 415, 423.
——— Гентъ, 129.
——— Гера 188.
——— Гераклъ, Геркулесъ 138, 188, 231.
——— Гербель, Николай Васильевичъ 367, 423.
——— Германія 161, 224.
——— Гермесъ (Меркурій, Эрмій) 43, 48, 57, 118.

Гермогенъ, патріархъ 84.
——— Геростратъ 111.
——— Гесснеръ, писатель 161.
——— Геттингенскій университетъ 375.
Геттингенъ 33.
——— „Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich“, Th. Süpfle 162.
Гименей (Гименъ, Hyménée, Hymen) 158, 173, 174. ——— 247 — 249.
——— „Гимнъ лиро-эпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества“, Державина 94.
Глазуновъ, Иванъ Петровичъ, книгопродавецъ 16, 228. ——— 30, 32, 342.
——— Глинка, Михаилъ Ивановичъ 259.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ 256. ——— 391.
Глицерія (Глицера) 93, 177, 230.
Глупонъ 65.
——— Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ 152, 154, 341.
——— „God save the King“, англійскій гимнъ 334, 335.
Голицына, княгиня Авдотья Ивановна, рожденная Измайлова 273. ——— 415, 419.
——— Голицынъ, князь Сергѣй Михайловичъ 415.
Гомеръ 63. ——— 34, 80, 124, 125.
——— „Horace“, трагедія Корнеля 117.
Горацій 63, 122, 125, 258. ——— 19, 78, 80, 143, 160, 177, 197, 407.
——— „Горацій“, стихотвореніе 397.
——— „Горе отъ ума“, комедія Грибоѣдова 83.
——— „Городокъ“, стихотвореніе 76 — 89, 161.
——— Горчакова, княжна, см. Кантакузина, княгиня Елена Михайловна.
——— Горчакова, княжна, см. Хвощинская, Софія Михайловна.
Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ, лицеистъ I-го выпуска 145, 146, 186 — 188. ——— 54, 63, 194, 195, 270 — 273, 336, 337.
Горчаковъ, князь Дмитрій Петровичъ, писатель 65. ——— 82, 83, 151, 391.
——— Gaussin (въ „Epitre au père Bougeant“, Грессе) 110.
——— Грановскій, Тимоѳей Николаевичъ 114.
Графовъ, Графонъ, см. Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ.
Граціи, Grâces 33, 53, 63, 69, 122, 150, 216, 258, 264, 268. ——— 22, 78, 285, 381.
——— Гревенсъ, баронъ Петръ Ѳедоровичъ, лицеистъ I-го выпуска 74.
Грей (Thomas Gray), поэтъ 12. ——— 27.
——— Греки (Grecs) 51, 52, 123, 127, 187, 188, 247.
Грекуръ (Joseph Villars de Grécourt), аббатъ, стихотворецъ 64. ——— 82.
——— Гренвиль, государственный дѣятель Англіи 408.
Грессе (Gresset, Jean-Baptiste-Louis), поэтъ 149. ——— 109, 210 — 213.
——— „Gresset, sa vie et ses oeuvres“, par Saint-Albin Berville 212.
——— Грецiя 47, 51, 63.
——— „Греческая антологія“ 46 — 48, 50.
——— „Греческіе классики“, переводъ И. И. Мартынова 217, 218.
——— Гринвальдъ, учитель музыки 27.
——— „Гробъ Анакреона“, стихотвореніе 134 — 140, 392.
——— „Гробъ Анакреона“ (подражаніе Парни)“, піеса Алексѣя Милославскаго 137.
——— „Громобой“, баллада Жуковскаго 173, 174.
——— Громобурь (изъ поэмы „Бова“) 99.

——— Гротъ, Яковъ Карловичъ 5, 6, 10, 13 — 16, 18, 29, 31, 56, 63, 65 — 67, 75, 77, 80, 89 — 91, 129, 130, 140, 141, 151, 161, 163, 166 — 168, 174, 183, 191, 193, 195, 200, 201, 203, 204, 206, 233 — 235, 238, 270, 273, 276, 282, 283, 287, 289 — 291, 300, 301, 333, 337, 338, 341 — 344, 346 — 348, 362, 363, 365, 366, 368, 375, 378, 397, 399.
——— Густавъ III, король Шведскій 354.
——— Гюи (Guys, P.-A.), французскій писатель 49 — 52.

Д.

Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ 256. ——— 172, 233, 235, 268, 269, 284, 286, 287, 391.
——— Давыдовъ, Левъ Васильевичъ, братъ партизана 268.
——— Дагобертъ, король, изъ поэмы „Толіада“ 3.
——— Даль, Владиміръ Ивановичъ 65, 66.
Даметъ (въ посланіи „Лицинію“) 93. ——— 111.
——— Даная 181.
——— Данзасъ, Борисъ Карловичъ, лицеистъ II-го выпуска 10.
Дафнисъ 108.
——— Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ 24, 26, 29, 97, 207.
——— Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ 23.
——— „Два голубя“, басня Дмитріева 333.
——— „Два гусара“, повѣсть графа Л. Н. Толстого 172.
——— „29-го января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея“, брошюра 8, 58, 65, 66, 102.
——— „Два посланія“, В. Л. Пушкина 403.
——— „Двѣ пѣсни“, стихотвореніе 7.
——— „19-е октября“ (1825 года) 255, 283.
——— „Déguisements de Vénus (Les)“. Tableaux imités du grec, Парни 8, 241 — 245.
——— Дедалъ 114.
Делія 3, 4, 260. ——— 18 — 20, 394.
——— „Делія“, стихотвореніе 20.
——— Deltour, F., французскій писатель 109.
——— „Дельвигу“, посланіе 7, 380 — 383.
Дельвигъ, баронесса Марія Антоновна, сестра поэта 157, 158. ——— 230 — 232.
——— „Дельвигъ“, статья В. П. Гаевскаго 67, 108, 193.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, лицеистъ I-го выпуска 47, 89 — 91, 112, 113, 144, 250. ——— 8, 11, 31, 63, 65, 67, 102, 103, 106 — 108, 145, 149, 193, 198, 204, 205, 230, 277, 278, 380 — 384.
Дельфира 224.
——— Демидовская премія 191, 192.
——— Демосѳенъ 369.
——— Демьяново, село 163, 164.
Денисъ (въ стихотвореніи „Козакъ“) 74. ——— 86.
——— „Денисъ храбрецъ“, см. Д. В. Давыдовъ.
——— „Денница“, альманахъ 308.
——— Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 413.
——— „Dépit“, стихотвореніе Парни 21, 22, 171.
Депрео, см. Буало.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ 16, 63, 79, 145, 264. ——— 32, 42, 78, 84, 89, 90, 92 — 97, 107, 121, 130, 131, 151, 181 — 184, 207, 220, 240, 366, 401, 402, 408.
——— „Divorce de l'Amour et de l'Hyménée (Le)“, поэма де-Башомона 247 — 250.
——— „Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les

hommes", сочиненіе Ж.-Ж. Руссо 292.
——— „Диѳирамбъ", стихотвореніе Кюхельбекера 256.
——— „Диѳирамбъ. Изъ Бакхилида", стихотвореніе 256.
Діогенъ, философъ 178, 179. ——— 254.
——— Діонисіи Великіе, праздникъ 353.
——— Діонисіосъ, см. Вакхъ.
——— Дмитревскій, Иванъ Аѳанасьевичъ, актеръ 407, 408.
Дмитріевъ (Дмитревъ), Иванъ Ивановичъ 16, 64, 257. ——— 14, 46, 84, 149, 208, 238, 280, 307, 318, 333, 345, 369, 391, 401, 402, 408.
——— „Дневникъ" В. К. Кюхельбекера 279.
——— „Дневникъ" Михайловскаго-Данилевскаго, А. И. 375, 376.
——— „Дневникъ поэта", см. „Записки".
——— „Добрый esprit fort", см. Н. И. Кривцовъ.
——— „Добрый совѣтъ", стихотвореніе 361.
——— „Добрый человѣкъ", эпиграмма 379.
Добрыня Никитичъ, витязь 197. ——— 279.
——— „Добрыня", богатырская пѣсня Львова 121 — 124.
Додонъ, царь (изъ поэмы „Бова") 96 — 100.
——— „Домикъ въ Коломнѣ" 32.
——— Домиціанъ, императоръ 115.
Дорида 45, 108, 221. ——— 333.
——— Драйденъ, англійскій поэтъ 408.
——— „Древнія россійскія стихотворенія" 279.
——— „Другъ просвѣщенія", журналъ 121.
——— „Друзьямъ", посланіе 7.
——— „Друзьямъ (Богами вамъ еще даны...)" 324, 327.
Дубыня, рыцарь (изъ поэмы „Бова") 98.
——— „Духъ лицейскихъ трубадуровъ", рукописный сборникъ 11, 18, 20, 56, 58, 59, 133, 146, 147, 151, 168, 169, 179, 180, 186, 232 — 234, 257, 260, 273, 287 — 289, 300, 301, 307, 308, 314, 316, 317, 333.
——— „Душенька", поэма Богдановича 53, 98, 180, 216.
——— Дюдеффанъ (Du Deffand, marquise) 128, 129.
——— Дюпоръ, французскій танцоръ 346, 347.
——— Дюси (Ducis), писатель 71.

Е.

Ева 232.
——— „Евгеній Онѣгинъ", романъ въ стихахъ 5, 22, 61, 62, 81, 176, 179, 384.
Евгеній Онѣгинъ (А. С. Пушкинъ) 375.
Евреи 270. ——— 413.
Европа 81, 104 — 106, 153, 189. ——— 51, 52, 221, 277, 365.
——— Европейцы 51.
——— Египетъ 256.
Екатерина II (Великая жена) 78, 79, 82, 154. ——— 51, 94, 207, 220.
——— Елагина, Авдотья Петровна 93.
——— „Élégie", стихотвореніе Парни 311, 312.
——— „Élégie en France avant le romantisme (L')", сочиненіе H. Potez 242, 267.
Елена 5 — 7, 146, 174. ——— 185, 247.
——— Éléonore (въ „Élégie Парни) 312.
——— Еллины, см. Греки.
——— Елизавета Алексѣевна, императрица 319, 320.
——— „Ennemis de Racine (Les)", сочиненіе F. Deltour 109.
——— Епиктетъ 254.
——— „Épitre au père Bougeant, jésuite", посланіе Грессе 109, 213, 214.
——— Еразмъ 52.

Ермакъ 257.
——— Ернштедтъ, Викторъ Карловичъ 46 — 49, 236.
——— Ершова, актриса 194.
——— Ершовъ, Петръ Павловичъ, поэтъ 384, 385.
——— Есаковъ, Семенъ Семеновичъ, лицеистъ I-го выпуска 362.
——— „Escamoteur (L')“, комедія 4.
——— „Е. С. Огаревой, которой м . . . . . ть прислалъ плодовъ изъ своего сада“, стихотвореніе 410.
——— „Etwas über die Zöglinge der höhern Abtheilung des Lyceums“, рукопись Энгельгардта 215.
——— „Études critiques sur la littérature“, par Edm. Scherer 128.
Eudoxie (въ стихотвореніи „Stances“) 35. ——— 55.
——— Eurotas (у Парни) 43.
——— Ефремовъ, Петръ Александровичъ 52, 65, 76, 99, 133, 140, 239, 240, 277, 290, 291, 297, 324, 326, 328, 423, 424.

Ж.

Жанлисъ (Stéphanie-Félicité Ducrest de Saint-Aubin, comtesse de Genlis), писательница 12. ——— 26, 27.
„Жанна Орлеанская“, „Жанета“, см. „Іоанна д'Аркъ“.
——— „Желаніе“, стихотвореніе 237 — 239, 324.
——— „Желаніе“ (Медлительно влекутся дни мои....), элегія 297—300, 302.
——— Genèse („Бытіе“, первая книга Библіи) 127.
——— „Жертва Мому, или лицейская антологія“, рукописный сборникъ 99.
——— Жильберъ (Gilbert, Nicolas-Joseph), поэтъ 271.
——— Жихаревъ, Михаилъ Ивановичъ 318 — 320, 367, 368.
——— Жихаревъ, Степанъ Петровичъ 154.
——— Жоржъ, французская актриса 347.
Жуковскій, Василій Андреевичъ 11, 51, 82, 264. ——— 5 — 7, 12 — 14, 16, 19, 20, 24 — 26, 29, 30, 41, 59, 71, 84, 93, 97, 131, 134, 147, 152, 154, 155, 158, 173 — 176, 178, 180, 220, 221, 223 — 225, 227 — 230, 250, 260, 271, 275, 276, 282, 284, 286, 290, 306, 308, 313, 333, 340, 396, 397, 400 — 408, 422.
——— Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 114.
——— „Journée champètre (La)“, поэма Парни 285.
——— „Jusqu'au plaisir de vous revoir“, стихотворная тема для состязанія 364.
——— Жюстина (героиня въ „Tableaux“ Парни) 244.

З.

——— „Забавныя сказки“, см. „Komische Erzählungen“, Виланда.
——— Завадовскій, графъ Василій Петровичъ 376.
——— „Завѣщаніе“, посланіе 7.
——— „Завѣщаніе“, четверостишіе 344.
——— „Заздравный кубокъ“, стихотвореніе 257 — 259.
——— „Заира“, трагедія Вольтера 154.
——— „Записки И. И. Мартынова“ 89.
——— „Записки“ Д. Б. Мертваго 164.
——— „Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова“ 330.
——— „Записки Н. Н. Муравьева“ 331.
——— „Записки поэта“ (Дневникъ) 92, 154, 171, 175, 269, 282 — 284, 402.
——— „Записки“ И. И. Пущина 4, 46, 63, 64, 92, 93, 147 — 150, 201, 218, 283, 343, 385, 386.
——— „Записки“ Д. Н. Свербеева 371.

——— „Записки“ А. О. Смирновой 379.
Захарово, Захарьино, сельцо подмосковное 125. ——— 160.
——— „Заутра съ свѣчкой грошевою...“, стихотвореніе 342 — 344.
Звигнелъ (изъ стихотв. „Осгаръ“) 27.
Зевсъ 30, 79, 136, 157. ——— 43, 145.
——— „Земля и море“, идиллія Моска 202.
Зенонъ 177. ——— 254, 372.
Зефиръ (Zéphyre) 5, 36, 44, 51, 167. ——— 244.
Золотаревъ, помощникъ лицейскаго эконома 131. ——— 167.
Зоя, Зоинька, служанка (изъ поэмы „Бова“) 100 — 103. ——— 119, 120.
Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ 248. ——— 171, 377, 378.
——— Süpfle, Th., писатель 162.

И.

——— Иванова, Александра Ивановна, актриса 269.
Ивашка (изъ поэмы „Бова“) 99.
——— „Избранные эмблемы и символы. Selecta emblemata et symbola“, сборникъ Н. М. Амбодика 189.
——— Измайлова, см. Голицына, княгиня Авдотья Ивановна.
——— Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ 29, 46, 65, 133.
——— „Измѣны“, стихотвореніе 20 — 22, 171, 190.
„Изъ моихъ воспоминаній“, статья Б. Н. Чичерина 421.
——— „Изъ Марота“, см. стихотвореніе „Старикъ“.
——— „ій, шій“, см. Илличевскій, А. Д.
Икаръ 119. ——— 104, 105.
——— Иконниковъ, Алексѣй Николаевичъ, лицейскій гувернеръ 21.
——— „Иліада“ 16, 124.
——— Иліонъ 234, 236.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ, лицеистъ I-го выпуска 47, 138, 251.
——— 5, 6, 8, 11, 14, 15, 18 — 20, 46, 54 — 56, 63, 74, 89, 134, 140, 143, 151, 168, 172, 185, 193, 201, 233 — 235, 245, 246, 250, 257, 260, 283, 290, 295, 300, 307, 337, 339, 341, 342, 344, 346 — 348.
——— Илличевскій, Демьянъ Васильевичъ, отецъ лицеиста 89.
——— „Иллюстрація сочиненій Державина“, статья Буслаева 189.
——— „Илья Муромецъ“, богатырская сказка Карамзина 120, 121, 123, 124, 126, 127.
——— „Именины“, стихотвореніе 365.
——— „ИмператоруНиколаю“, стансы 357.
Индія 235. ——— 353.
——— „Инеса де-Кастро“ (изъ Ламотта) 71.
——— Институтъ С.-Петербургскій главный педагогическій 60, 218.
Иппократъ 122.
Иппокрена 13, 118, 182.
——— Ираклъ, см. Гераклъ.
——— Ириса (въ стих. Башомона) 249.
——— Исаковъ, Яковъ Александровичъ, издатель 119, 254, 423.
——— „Isnel et Aslegä“, поэма Парни 38, 40, 41.
——— Испанцы 222.
Истина 183.
——— „Истина“, стихотвореніе 7, 260, 261.
——— „Историческій Вѣстникъ“, журналъ 84, 93, 98, 117, 119, 216, 285, 328, 332, 333.
——— „Историческій очеркъ Императорскаго Александровскаго лицея“, сочиненіе Селезнева 148, 158, 274.
——— „Историческія сочиненія“ Стоюнина 96, 118, 153, 174, 278, 298.
——— „Исторія государства Россійскаго“, сочиненіе Карамзина 126, 419.

——— „Исторія л.-гв. гусарскаго Е. В. полка“, К. Н. Манзея 371, 378.
——— „Исторія стихотворца“, эпиграмма 380.
——— Италіанцы 177.
——— Италія (Italie) 117, 199.

I.

——— Іезуиты 413.
——— „Іоанна д'Аркъ“, драма Шиллера 313.
——— „Іоанна д'Аркъ“ (Орлеанская дѣвственница, Pucelle d'Orléans), поэма Вольтера 124, 125.
——— „Іоанна д'Аркъ“, поэма Шапелена 127.
——— Іоаннъ Богословъ 156.

К.

——— „К. А. Б.“, см. Бакунина, Екатерина Павловна.
——— Каблуковъ, генералъ 331.
——— „Каверину. 1817“(„К...ну“„Къ К.“), см. „Къ П. П. Каверину“.
Каверинъ, Петръ Павловичъ 246, 247. ——— 368, 370 — 376.
——— „Кавказскій Плѣнникъ“, поэма 395.
——— Кавказъ 62, 331, 332.
Кагульскій брегъ 78.
——— Кадмъ 138.
Каломона, Коламона, источникъ 19 — 23. ——— 35 — 37.
Камена 181, 250.
——— Камилла(въ трагедіи „Horace“ Корнеля) 117, 118.
Камоэнсъ 17, 95. ——— 124.
——— Кампанія 1813 года 420.
——— Кампанія 1815 года 274.
——— Кампанія 1828 года 374.
——— Кампанія 1829 года 62, 63, 374.
——— Кампанья, мѣстность въ Италіи 114.
„Кандидъ“ (Candide), поэма Вольтера 63, 196. ——— 127, 128.
——— Кантакузина, княгиня Елена Михайловна, рожденная княжна Горчакова 54.
Кантъ 46.
——— „К. П. Бакуниной“, мадригалъ 365, 366.
——— Капнистъ, Василій Васильевичъ 50.
——— Капнистъ, графъ Петръ Ивановичъ 293, 294, 309, 324, 325, 371.
——— Карабановъ, Петръ Матвѣевичъ, писатель 208.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ 64, 264, 267. ——— 14, 21, 27, 32, 33, 83, 120 — 124, 126, 127, 161, 207, 237, 238, 240, 274, 275, 279, 299, 369, 400 — 404, 406, 408, 411, 418, 419, 421.
——— Карамзины 345, 403, 421.
———Каргласъ (изъ поэмы „Кольна“) 37.
——— Каррачи 186.
——— „Картина человѣка“, психологическая монографія А. Галича 191, 192.
——— „Картины“, стихотвореніе 7, 8.
Карулъ, Каруль (изъ поэмы „Кольна“) 19 — 21. ——— 33, 35 — 38.
——— Каткартъ, англійскій посолъ 275.
Катонъ 36, 177. ——— 113, 254.
——— К*** 329.
——— Катуллъ, поэтъ 114.
——— Кауфманъ, Анжелика, живописица 181.
——— Кашпиревъ, Василій Владиміровичъ 89, 218.
——— Квашнина-Самарина, Анна Петровна 341.
Киприда, см. Венера.
——— Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 93.
Киѳера, Киѳерія, Киѳира, прозвище Венеры 169, 177, 191, 220, 247. ——— 47, 136, 142.
——— Клеонъ, см. Клефонъ.

Клеронъ, французская актриса 39.
Клефонъ, Клефон(т)ъ, (Клеонъ), греческій драматическій поэтъ 162. ——— 236, 237.
Климена, въ стихотвореніи „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ 33.
——— „Клитемнестра“, трагедія Софокла 202.
Клитъ 52, 84, 93, 193, 194, 231. ——— 111.
Клопштокъ 95. ——— 124.
Клоэо 130. ——— 164.
——— Клута, источникъ 37.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ 64.
——— „Княжнѣ Волконской“, четверостишіе 318 — 320.
——— „Князю А. М. Горчакову“, посланіе 194, 195.
——— „Козакъ“, см. Малиновскій, И. В.
——— „Козакъ“, стихотвореніе 84 — 89, 120.
——— „Causeries du lundi“, сочиненіе Сентъ-Бёва 248.
——— Козицкая, А. Гр., см. Лаваль, графиня.
——— Козловъ, Василій Ивановичъ 349.
——— „Кольна“, „Кольна-Дона“, поэма 33 — 38.
„Кольна“ (героиня поэмы того же имени 19 — 23. ——— 33 — 38.
——— „Komische Erzählungen“, Виланда 162.
——— Комовскій, Сергѣй Дмитріевичъ, лицеистъ 1-го выпуска 5, 160, 163, 203, 282.
Комъ 140, 194, 195. ——— 193, 373.
——— Конгревъ, англійскій драматическій писатель 408.
——— „Конекъ-Горбунокъ“, сказка П. П. Ершова 384, 385.
——— Конлъ (изъ поэмы „Кольна“) 37.
——— „Conservateur impartial (Le)“, газета 353.
——— „Considérations sur la grandeur et la décadence des Romains“, сочиненіе Монтескьё 117.
——— „Contes“, Лафонтена 208.
——— Кормаково племя (изъ поэмы „Кольна“) 37.
Корнелій (въ посланіи „Лицинію“) 93. ——— 111.
——— Корнелій Непотъ 61.
——— Корнель (Corneille, Pierre) 117.
Корсаковъ, Николай Александровичъ, лицеистъ I-го выпуска 48. ——— 11, 19, 67, 232.
——— Корсаковъ, Павелъ Александровичъ, братъ лицеиста 74 — 76.
——— Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ 6, 20 28, 33, 45, 76, 85, 98, 100, 146, 153, 166, 167, 190, 203, 204, 239, 240, 241, 362, 368, 375.
Костровъ, Ермилъ Ивановичъ 17. ——— 33 — 35, 38, 228.
——— Коссъ (изъ III-й сатиры Ювенала) 115.
——— Коттенъ, писательница 266.
——— Кочубей, Аркадій Васильевичъ 345.
——— Кочубей, графиня Наталія Викторовна, см. графиня Строганова.
——— Кочубей, графъ Викторъ Павловичъ 22.
Кошанскій, Николай Ѳедоровичъ, профессоръ русской и латинской словесности 147. ——— 4, 5, 16, 33, 34, 166, 190, 191, 199 — 206, 214, 215, 219, 237, 350, 383.
——— Краевскій, Андрей Александровичъ 168, 170, 371 — 373.
——— „Краевъ чужихъ неопытный любитель...“, мадригалъ 415 — 419.
——— „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“, стихотвореніе 52 — 54.
——— „Красный гусаръ“, см. Каверинъ, Петръ Павловичъ.
——— „Красота“, эпиграмма Капниста 50.
——— „Краткое руководство къ ораторіи россійстѣй“ 403.

——— Кребильонъ (Crébillon, Jolyot de), писатель 71.
Крезъ 142.
Кремль московскій 80. ——— 417.
Кривцовъ, Николай Ивановичъ 274. ——— 415, 420, 421.
——— „Критическіе этюды", Валеріана Майкова 229.
Крона, источникъ 19 — 23. ——— 36, 37.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ 64. ——— 83.
Ксантиппа 178.
——— „Ксенія и Темиръ", трагедія 71.
——— Куломзина, Елена Дмитріевна 54, 74, 225.
Кульмъ 153. ——— 219, 420.
——— Кумы, городъ 114.
Купидонъ (Амуръ) 36, 45, 146, 165, 167, 169, 171, 175 — 177. ——— 149.
——— „Couplets", стихотвореніе 363 — 365.
——— „Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa, von V. Hehn " 188.
——— Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 51.
——— „Къ А. И. Галичу" („Къ Г...у"), второе посланіе 61, 164 — 167.
——— „Къ А. И. Голицыной", см. „Краевъ чужихъ неопытный любитель....".
——— „Къ Александру", посланіе 7.
——— „Къ Анаксагору, см. посланіе „Н. И. Кривцову".
——— „Къ Анжеликѣ Кауфманъ", стихотвореніе Державина 181, 183.
——— „Къ Баболовскому дворцу", четверостишіе 362.
——— „Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ", стихотвореніе 230, 231.
——— „Къ Батюшкову" („Къ Б-ову"), посланіе 7, 69 — 71, 82.
——— „Къ Батюшкову", посланіе Жуковскаго 158.
——— „Къ біографіи А. С. Пушкина", статья И. А. Шляпкина 147.
——— „Къ В. А. Жуковскому", посланіе Батюшкова 84.
——— „Къ В. А. Жуковскому", посланіе В. Л. Пушкина 29, 30, 405.
——— „Къ Галичу", посланіе 6, 7, 61.
——— „Къ Д. В. Дашкову", посланіе В. Л. Пушкина 24, 29, 30.
——— „Къ Д. В. Дашкову", посланіе К. Н. Батюшкова 97.
——— „Къ Деліи", см. стихотвореніе „Пѣсня".
——— „Къ Дельвигу" („Къ Д.", „Къ Д***"), посланіе 102 — 110.
——— „Къ Доридѣ", см. „Лилея", стихотвореніе Дельвига.
——— „Къ другу стихотворцу", посланіе 28 — 33, 101, 407.
——— „Къ живописцу", стихотвореніе 179 — 186, 273, 283.
——— „Къ Жуковскому" (Благослови, поэтъ!), посланіе 6, 7, 397—408.
——— „Къ И. И. Пущину. 4-го мая", см. „Пущину", посланіе.
——— „Къ И. М. Муравьеву-Апостолу", посланіе Батюшкова 407.
——— „Къ Каверину", см. „Къ П. П. Каверину", посланіе.
——— „Къ князю Вяземскому и В. Л. Пушкину", посланіе В. А. Жуковскаго 404.
——— „Къ Лицинію", см. „Лицинію".
——— „Къ Машѣ", стихотвореніе 232.
——— „Къ молодой актрисѣ", посланіе 56, 316.
——— „Къ молодой вдовѣ", стихотвореніе 337 — 341.
——— „Къ Морфею", стихотвореніе 293 — 295.
——— „Къ Натальѣ", стихотвореніе 55, 56, 316.
——— „Къ Наташѣ", стихотвореніе 316 — 318.
——— „Къ ней" (Въ печальной

праздности я лиру забывалъ...), посланіе 396, 414.
——— „Къ ней“ (Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку) 300 — 302.
——— „Къ Н. Г. Ломоносову“ („Путешественнику“), стихотвореніе 55, 72.
——— „Къ П. П. Каверину“, посланіе 371 — 377.
——— „Къ письму“, четверостишіе 297.
——— „Къ портрету Варвары Васильевны Энгельгардтъ“, мадригалъ Державина 366.
——— „Къ портрету Каверина“, четверостишіе 370.
——— „Къ портрету П. Х. Молоствова“, четверостишіе 370, 371.
——— „Къ портрету П. Я. Чаадаева“, четверостишіе 367 — 369.
——— „Къ принцу Оранскому“, стансы 273 — 276, 357.
——— „Къ П-ну“, см. „Пущину“.
——— „Къ своей дѣвушкѣ“, стихотвореніе Н. А. Львова 183.
——— „Къ сестрѣ“, стихотвореніе 23 — 28, 77, 161.
——— „Къ сну“, „Сну. Элегія“, см. „Къ Морфею“.
——— „Къ Темирѣ“, посланіе Дельвига 145.
——— „Къ товарищамъ передъ выпускомъ“, см. „Товарищамъ“.
Къ *** (Городокъ) 60. ——— 76.
Къ *** (Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой), элегія 272. ——— 414, 415.
——— „Къ Филалету“, посланіе Жуковскаго 271.
——— „Къ Юдину“, посланіе 7.
——— „Кюхельбекеру“, посланіе 7.
——— „Кюхельбекеру“, см. „Разлука“.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, лицеистъ I-го выпуска 49, 231. ——— 7, 31, 32, 61, 67, 68, 100, 101, 255, 256, 279, 346, 386, 387.

Л.

——— Лаваль, графиня Александра Григорьевна, рожденная Козицкая 413.
Лаваль, графъ Иванъ Степановичъ 271. ——— 413.
Лагарпъ (Ла-Гарпъ) 64. ——— 46, 48, 80.
——— „La discorde“, басня Лафонтена 292.
——— Лазаричь (въ „Добрынѣ“ Львова) 123.
Лаиса, Лаида (Laïs, Lais) 32. ——— 45, 46 — 50.
——— Ламоттъ (Lamotte-Houdard), французскій писатель 71.
——— „Langage des fleurs (Le)“, сборники 189.
Де-Ланкло, Нинона (Ninon de Lenclos) 177. ——— 253, 254.
Лары 93, 119, 127. ——— 79, 145.
Лафаръ, К.-А. (Charles-Auguste, marquis de Lafare) 150. ——— 210 — 213.
Лафонтенъ (La Fontaine, Jean de) 63, 64, 125. ——— 43, 80, 160, 162, 208, 247, 292.
——— Лаціумъ, мѣстность въ Италіи 115.
——— Левантъ 51.
——— „Леда“, кантата 7, 42 — 45, 241, 284.
——— „Léda“, стихотвореніе Парни 43 — 45.
——— Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ 229.
Лета 13, 66, 249, 266, 274.
——— „Lettre à mademoiselle de Lenclos“, Шапелля 253.
——— Летурнеръ, Пьеръ, французскій литераторъ 33 — 35.
——— „Libertins en France au XVII siècle (Les)“, сочиненіе F.-I. Perrens 210, 211.
Либеръ, см. Вакхъ.
——— Либровичъ, С. 75.

Лида 177, 226, 241, 257.
——— Лиза (въ подражаніи Дмитріеву) 149.
Лила 7, 165 — 169, 171, 172, 225, 230, 336. ———243, 244.
Лилета 50, 51. ——— 193.
——— „Лилея“, стихотвореніе Дельвига 193.
——— „Лилѣ“, стихотвореніе 337.
——— „Липецкія воды“, см. „Урокъ кокеткамъ“, комедія князя А. А. Шаховского.
——— „Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne“, сочиненіе Ла-Гарпа 46.
——— „Листки граціи, или собраніе стихотвореній для альбомовъ“, сборникъ 377.
——— „Лицей“, журналъ 50.
——— Лицей Алѣксандровскій Царскосельскій 3—5, 7—8, 14—17, 21, 22, 33, 51, 58 — 62, 64, 65, 67, 68, 74, 75, 92, 99, 102, 127, 147, 148, 151, 158, 159, 161, 164 — 167, 171, 191, 194, 198, 200, 204, 205, 218, 232, 235, 237, 274, 292, 317, 325, 332, 343, 363, 366, 368, 370, 384, 387, 390, 391, 396, 400, 405, 409, 411.
——— „Лицейская антологія“, рукописный сборникъ 6, 168, 290, 300, 341, 342, 344, 346 — 348.
——— „Лицейскій мудрецъ“, рукописный сборникъ 344.
——— „Лицейскія воспоминанія“ М. А. Корфа 166, 203, 204, 334, 343, 362, 368.
——— „Лицейскія годовщины“, стихотвореніе 68.
——— Licidas (въ „Épître au père Bougeant“ Грессе) 109.
Лициній 92 — 94.
——— „Лицинію“, посланіе 7, 110, 118, 351.
Ліонъ 125.
——— Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ 154.
——— „Ложный страхъ“, элегія Батюшкова 150.
——— „Ломоносову“, посланіе 7.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ 16, 266. ——— 29, 183, 401.
Ломоносовъ, Николай Григорьевичъ, братъ лицеиста 54, 56, 72.
Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ, лицеистъ I-го выпуска 72.
——— Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ 237, 254, 270.
Лора 22, 26.
——— Лоржъ, гувернантка Пушкина 161.
——— „Lorsque je vois de vous....“, посланіе (Теппера?) 364.
——— Лотарингія 357.
——— Луиза-Ульрика, принцесса Прусская, сестра Фридриха Великаго, въ послѣдствіи королева Шведская 354, 355.
——— Лукіанъ Самосатскій 353.
Лунина, Е. С., см. Уварова.
——— Львовъ, Николай Александровичъ 121 — 124, 138, 183, 202.
——— Львовъ, Павелъ Юрьевичъ 194.
——— „Лѣтопись русскаго театра“, П. Н. Арапова 154, 347.
——— Любовь 373, 374.
——— „Любовь одна—веселье жизни хладной...“, стихотвореніе 280—287.
——— „Любовь въ челнокѣ“, стихотвореніе Батюшкова 266.
Людмила, баллада Жуковскаго 11.
——— Людовикъ XIII, король Французскій 27.
——— Людовикъ XIV, король Французскій 210.
——— Людовикъ XVIII, король Французскій 129.
——— Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій, король Французскій 26, 27.
——— Lucifer 128.
——— Lutteroth, H. 413.
——— Ляминъ, садовникъ 319.

М.

——— Мазаевъ, Михаилъ Николаевичъ 113.
——— Мазуры 87, 88.

——— Майкова, Александра Алексѣевна 361, 371.
——— Майковъ, Валеріанъ Николаевичъ 229.
——— Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ 402.
——— Макаровъ, Петръ Ивановичъ, издатель журнала „Московскій Меркурій“ 32, 33.
——— Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ 308.
——— Макферсонъ, поэтъ 35, 40.
——— Малиновскій, Василій Ѳедоровичъ, первый директоръ лицея 66, 148.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ, лицеистъ I-го выпуска 48. ——— 66, 67, 148 — 150.
——— Малороссы 88.
——— Малый театръ (въ С.-Петербургѣ) 153.
Мальвина (изъ стихотв. „Осгаръ“) 27, 28.
——— Манзей, Константинъ Николаевичъ 371, 378.
Маринъ, Сергѣй Никифоровичъ 257.
Марія, см. Дельвигъ, баронесса М. А.
——— Марія Ѳеодоровна, императрица 97, 273, 274, 403.
——— Маркевичъ, Андрей Николаевичъ 371 — 374.
——— Маркевичъ, Николай Андреевичъ 371.
——— Маро, Клеманъ (Marot, Clément), поэтъ 132, 133.
Маронъ, см. Вергилій.
——— Марсель 51.
Марсъ, Арей 109, 258. ——— 106.
——— Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ 217, 218.
Мартынъ (изъ стихотв. „Портретъ“) 248.
——— Марѳа посадница 417.
——— Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ 239.
——— „Матеріалы для біографіи Пушкина“, статья П. И. Бартенева 93.
——— „Матеріалы для словаря русскихъ писателей“, С. Д. Полторацкаго 355.
——— Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, лицеистъ I-го выпуска 6, 11, 54, 74, 99, 119, 187, 194, 225, 252, 256, 277, 290, 296, 307, 324, 338, 342, 344, 354, 363, 378, 383.
Махметъ 257.
Маша, см. Дельвигъ, баронесса Марія Антоновна.
——— „Маякъ современнаго просвѣщенія и образованія“, журналъ 74.
Мевій 265 — 267. ——— 407, 408.
Мелецкій, см. Нелединскій-Мелецкій.
Мельпомена 52, 66. ——— 82.
——— „Mémoires de Grammont“, сочиненіе Гамильтона 27.
——— Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ 155.
——— Меркурій, см. Эрмій.
——— „Меркурію“, стихотвореніе Державина 58.
——— „Mercure de France“, журналъ 267.
——— Merlet, G., писатель 266, 267.
——— Мертваго, Варвара Марковна, рожденная Полторацкая 164.
——— Мертваго, Марія Дмитріевна 163, 164.
——— Мертваго, Дмитрій Борисовичъ 164.
——— „Мечта“, стихотвореніе Батюшкова 176, 178.
——— „Мечтатель“, стихотвореніе 7, 172 — 179.
Мидасъ 142.
——— Мидяне 47.
——— „Mien, tien“, изреченіе Паскаля 292.
——— Милена (прозвище второй жены Державина) 181.
Милитриса, жена Бендокира (изъ поэмы „Бова“) 97, 98, 100.
Милонъ 40.
——— Милославскій, Алексѣй, писатель 137.
——— Мильвуа 308.

Мильтонъ (Milton) 95. ——— 124, 127, 128.
Минерва, Паллада 15, 63, 78. ——— 106, 181, 184.
Мининъ, Козма 84.
Мировзоръ (изъ поэмы „Бова“) 99.
——— „Miroir de Vénus (Le)“, эпиграмма Буфлера 49.
——— Миртисъ (Myrtis), пастухъ 243, 244.
——— „Митрополиту Филарету“, стансы 357.
——— Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ 375, 376.
——— Михайловское, село 280, 281, 396, 401, 409.
——— „Мнемозина“, сборникъ 168 — 170.
——— „Модная жена“, сказка Дмитріева 84.
——— „Мое завѣщаніе друзьямъ“, стихотвореніе 140 — 145.
——— „Моему Аристарху“, посланіе 190, 195 — 216.
——— Можайка, дорога 160.
——— Можайскъ 160.
——— „Мои досуги“, Ѳ. И. Буслаева 189.
——— „Моимъ пенатамъ. Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому“, Батюшкова 24, 25, 77 — 80, 107, 144, 156 — 158, 161, 179, 212, 213, 407.
——— Moise, пророкъ 127.
——— „Молва“, газета 415.
——— „Молитва русскихъ“, стихотвореніе Жуковскаго 334.
Молоствовъ, Памфамиръ Христофоровичъ 246. ——— 370, 371.
Мольеръ (Molière, Jean-Baptiste) 64. ——— 4, 80, 210.
Момъ 63.
——— „Mon portrait“, стихотвореніе 74 — 76.
——— Монтескьё 117.
———Морвенъ, рѣка 36.
——— Морозовъ, Петръ Осиповичъ 10, 84, 408, 424.
Морфей 12, 90, 141, 191, 192, 194, 196, 204.
Москва 80 — 82, 105, 126, 152, 189. ——— 3, 93, 97, 121, 160, 164, 200, 217, 218, 222, 237, 348, 402, 403, 417, 424.
——— „Москвитянинъ“, журналъ 12, 53, 55, 80, 95, 160, 258, 317, 377, 402.
——— „Московскій Вѣстникъ“, журналъ 170, 372.
——— „Московскій Журналъ“ 238.
——— „Московскій Меркурій“, журналъ 32.
——— „Московскія Вѣдомости“, газета 29, 93, 401, 402.
——— Мосхъ, поэтъ 202.
Моцартъ 12.
——— „Моя Эпитафія“, стихотвореніе 216, 217.
——— „Муза“, стихотвореніе 81, 153, 179.
——— Музей Московскій Публичный 8, 282.
——— Музей Пушкинскій Александровскаго лицея 58.
Музы (Піериды, Пермесскія дѣвы, царицы) 18, 47, 53, 89, 90, 110, 111, 113, 118, 126, 130, 132, 133, 140, 141, 146, 149, 151, 197, 198, 217, 221, 237, 250, 251 256, 262, 264 — 267. ——— 5, 9, 12, 78, 79, 103, 144, 178, 179, 181, 305, 325, 332, 408.
——— Муравьева, Екатерина Ѳедоровна 413.
——— Муравьева - Апостолъ, Елизавета Ивановна, см. Ожаровская.
——— Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ, писатель 199, 200, 203, 413.
——— Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ 203, 407.
——— Муромскіе лѣса 280.
Муромскія пустыни 197. ——— 279.
——— „Мудрость“, пѣсня Д. Давыдова 172.
——— „Мѣсяцъ“, стихотвореніе 302 — 304.
——— „Мячковскій курганъ“, стихотвореніе Мерзлякова 155.

Н.

——— „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году“, стихотвореніе 217 — 225.
——— Навсикая (изъ „Одиссеи“) 202.
——— „На графа А. К. Разумовскаго“, эпиграмма 99.
——— „Надпись къ бесѣдкѣ“, стихотвореніе 290, 291.
——— „Надпись на мой портретъ“, стихотвореніе 342.
Назонъ, см. Овидій.
——— Naïs 243, 244.
——— „Наполеонъ“, ода 276.
——— „Наполеонъ на Эльбѣ“, стихотвореніе 7, 129 — 131.
Наполеонъ I, императоръ 79—82, 97, 104 — 106, 153, 189. ——— 91, 120, 129—131, 221—224, 266, 274—276.
——— „Народныя русскія сказки А. С. Пушкина“, изданіе Я. А. Исакова 119.
——— „Наслажденіе“, стихотвореніе 289, 290.
——— „На смерть кучера Агаѳона“, стихотвореніе Дельвига 205.
——— „На смерть стихотворца“, эпиграмма 347.
Наталья, актриса 36 — 39. ——— 55, 56, 317.
Наташа, прислуга 215. ——— 317 — 319.
——— „Наѣздники“, стихотвореніе 261 — 269.
Наяды 77.
——— Неаполь 114.
Нева 11, 12. ——— 24, 417.
——— „Невскій Зритель“, журналъ 113, 386.
——— Невтонъ, см. Ньютонъ.
——— Незеленовъ, Александръ Ильичъ 57, 79, 119, 139, 172, 216, 253, 260, 272, 279, 313.
——— „Неизданное посланіе Пушкина“, см. „Посланіе къ князю А. М. Горчакову“.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ 220. ——— 154, 212, 274, 318, 328, 332, 355, 403.
——— „Несчастіе Клита“, эпиграмма 99, 100.
——— Нижній-Новгородъ 421.
——— Никитенко, Александръ Васильевичъ 60, 61, 192.
Никола, святой 101.
——— Николай I, императоръ 357.
——— Nicolas Mathurin (въ поэмѣ „la Tolyade“) 3.
——— „Н. И. Кривцову (Не пугай насъ, милый другъ...“), посланіе 420, 421.
Николевъ, Николай Петровичъ, стихотворецъ 164. ——— 238, 239.
——— Никольскій, Борисъ Владиміровичъ 84, 93, 94, 98, 117, 216, 285, 333.
——— Никольскій, Владиміръ Васильевичъ 102.
Никонъ, патріархъ 266.
Нимфы 30, 220, 236. ——— 186.
Нинета 271. ——— 411.
Ниса (въ стихотв. „Твой и Мой“) 203.
——— Nitouche (въ поэмѣ „Tolyade“) 8.
——— Новоторъ, см. Торжокъ.
——— Новосильцова, Елизавета Сергѣевна, см. Огарева.
——— „Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина“, статья А. И. Незеленова 119.
——— Нѣманъ 224.
Нѣмцы 38, 95, 99. ——— 67, 162.
——— Ньютонъ (Невтонъ) 373.

О.

——— „Оберонъ“, поэма Виланда 162.
——— „Обзоръ россійской словесности за 1828 годъ“, статья О. М. Сомова 240.

——— Общество Арзамасское, см. Арзамасъ.
——— Общество Библейское 413.
——— Общество Женское патріотическое 413.
——— „Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ“ 217, 391.
——— „Объ А. А. Шишковѣ“, статья Д. Д. Рябинина 328, 332.
——— „Объ употребленіи розы у древнихъ“, В. П. Боткина 188.
Овидій Назонъ 53, 191. ——— 353.
Огарева, Елизавета Сергѣевна, рожд. Новосильцова 230, 269. ——— 344, 345, 410.
——— Огаревъ, Николай Ивановичъ 345.
Оденъ 28.
——— „Одиссея“ 16, 124, 202.
Одульфъ, Odulf (изъ стихотв. „Эвлега“) 24, 25. ——— 38, 39.
——— „Oeuvres complètes de Clément Marot“ 132.
——— „Oeuvres de Chapelle et Bachaumont“. Nouvelle édition revue et corrigée sur les meilleurs textes, notamment sur l'édition de 1732, précédée d'une notice par M. Tenant de Latour“ 248, 253.
——— „Oeuvres de La Fontaine, édition Régnier“ 292.
——— Ожаровская, графиня Елизавета Ивановна, рожденная Муравьева-Апостолъ 203, 205.
——— Ожаровскій, графъ Францъ Петровичъ 203.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ 64, 267. ——— 154, 404, 408.
——— Olbrown (изъ поэмы „Isnel et Aslegä“) 40.
——— Оленина, Анна Алексѣевна 410.
——— Олимпъ 106.
——— „Она“, стихотвореніе 345, 346.
——— „Опасный сосѣдъ“, повѣсть въ стихахъ В. Л. Пушкина 83.
——— Опочецкій уѣздъ 409.
——— „Оправданная лѣнь“, см. „Сонъ“, отрывокъ.
——— „Опытность“, стихотвореніе 56, 57, 241.
——— „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія“, сочиненіе Д. В. Давыдова 268.
——— „Оранскому принцу“, стихотвореніе 7.
——— „Орлеянка“, см. Іоаннад'Аркъ.
——— „Орлеанская дѣва“, переводъ Жуковскаго 313.
——— „Орлеанская дѣвственница“, поэма Вольтера, см. Іоаннад'Аркъ.
Орловъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ 79.
——— Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ 419.
——— „Освобожденіе Бѣлграда“, стихотвореніе А. Илличевскаго 201.
Осгаръ (изъ стихотв. „Эвлега“ и „Осгаръ“) 24 — 28. ——— 40, 41.
——— „Осгаръ“, стихотвореніе 40, 41, 229, 284.
——— „Осеннее утро“, стихотвореніе 315, 316.
——— Осипова, Прасковья Александровна, рожденная Вындомская, по первому браку Вульфъ 409.
Оссіанъ 19. ——— 33 — 36, 38, 40, 97, 228, 229.
——— „Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“ 223, 274, 400, 410, 412.
——— Островскій, Александръ Николаевичъ 73.
——— „Отвѣтъ“, стихотвореніе Дельвига 102, 106.
——— „Отелло“, трагедія Шекспира 313.
——— Отечественная война 94, 220, 221, 268, 417, 420.
——— „Отечественныя Записки“, журналъ 13, 72, 93, 160, 199.
——— „Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и Пастушка“, см. „Фавнъ и пастушка“.

——— „Отрывокъ изъ посланія В. Л. П-ну“, см. „Посланіе В. Л. Пушкину“.
——— „Отставка“, стихотвореніе Карамзина 299.
——— „Отчетъ Академіи наукъ о четвертомъ присужденіи Демидовскихъ премій“ 192.
——— „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки“ 418.
——— „Отъ живописца“, посланіе А. Илличевскаго 185.
——— „Очерки Гоголевскаго періода“, статья Н. Чернышевскаго 258.

П.

——— Павелъ I, императоръ 415.
——— „П. В. Анненковъ и его друзья“, сборникъ 28.
Павлищева, Ольга Сергѣевна, рожденная Пушкина 11 — 14. ——— 3, 4, 23, 75.
——— Павлищевъ, Левъ Николаевичъ 27, 75.
——— Павловскъ 273, 274.
——— Паллада, см. Минерва.
——— Pallazzo del cambio 11.
——— „Памяти Пушкина“, сборникъ 307.
——— „Памятники новой русской исторіи“, сборникъ 89, 218.
——— „Памятникъ“, стихотвореніе Державина 84.
——— „Памятникъ“, стихотвореніе 153.
——— „Памятникъ Н. А. Львову“, статья 121.
——— „Памятникъ отечественныхъ музъ“, альманахъ 73, 180, 239, 240, 257, 259, 297, 298.
——— Пандора 200.
——— Пантеонъ (парижскій) 125.
——— „Пантеонъ русской поэзіи“, журналъ 24.
Парижъ 82, 152. ——— 129, 203, 219, 222, 353.
Парка 42.
„Парнасскій бродяга“ (Галичъ) 140. ——— 191.
„Парнасскій волокита“ (Дельвигъ) 47.
„Парнасскій лѣнивецъ“(Батюшковъ) 50.
„Парнасскій отецъ“ (В. Л. Пушкинъ) 107.
Парнассъ, (Parnasse) 15, 18, 66, 148, 197, 244, 266, 271. ——— 104, 105, 165, 401, 402, 407.
Парни, Эваристъ 50, 64, 150, 198, 220. ——— 8, 19, 21, 22, 38, 40, 43, 69, 80, 137, 143, 150, 152, 171, 182, 185, 197, 210, 241 — 245, 273, 284, 285, 287, 311 — 313, 322, 323, 328, 332, 340, 341, 351, 359, 361.
——— „Парни Россійскій“, см. Батюшковъ К. Н.
——— Паскаль (Pascal, Blaise), авторъ „Pensées“ 292.
——— Паскаль, Марія, рожденная Charon-Larose, въ первомъ бракѣ Смитъ 337, 339, 340.
——— Пафія, см. Венера.
Пафосская царица, см. Венера.
Пафосъ (Paphos) 175. ——— 285.
Пахомъ (изъ стихотв. „Добрый человѣкъ“) 249.
——— Пашковъ, Андрей Ивановичъ 376.
Пегасъ 15, 18, 66, 148, 197. ——— 197.
——— Пезаровіусъ, Павелъ Павловичъ 154.
——— Pélissier (въ „Épitre au père Bougeant“ Грессе) 110.
Пенаты 140. ——— 79, 111.
——— „Pensées“ Паскаля, édition Havet 292.
——— Пера 52.
——— „Первые опыты въ прозѣ“, сборникъ Пучковой 348.
——— „Переписка А. И. Тургенева и князя П. А. Вяземскаго“ 274, 400.
——— „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“ 10, 113, 365.
Периклесъ 246.

Пермесскія дѣвы, Пермесскія царицы, см. Музы.
——— Перренъ (F.-J.-Perrens), французскій писатель 210.
——— „Персей и Андромеда“, кантата Державина 42.
——— Перуджія 11.
——— „Петербургскій некрополь“, В. Саитова 418.
Петербургъ (Петроградъ, Петрополь) 14, 60, 131. ——— 24, 61, 127, 129, 148, 151, 153, 164, 199, 217, 218, 237, 275, 316, 332, 348, 353, 365, 403, 413, 414, 417, 419.
Петровъ, Василій Петровичъ, стихотворецъ 79. ——— 220.
——— Петронъ, латинскій писатель 111.
——— „Петръ Павловичъ Ершовъ. Біографическія воспоминанія А. К. Ярославцова“ 385.
——— Петръ Перуджинскій, живописецъ 11.
——— „Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. (Изъ воспоминаній современника)“, статья М. И. Жихарева 318 — 320, 367.
Пешель, Францъ Осиповичъ, врачъ при лицеѣ 229. ——— 342, 343.
——— Пилецкій-Урбановичъ, Мартынъ Степановичъ, надзиратель въ лицеѣ 378.
——— Пиндаръ 78.
Пиндъ 15, 16, 39, 140, 149, 220, 265. ——— 191.
——— „Пирующіе друзья“, см. „Пирующіе студенты“.
——— „Пирующіе студенты“, стихотвореніе 7, 58 — 68, 77, 167, 193, 385.
——— „Письма А. И. Тургенева“ 412.
——— „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“ 97, 221.
——— „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“ 238.
——— „Письма русскаго офицера“, Ѳ. Н. Глинки 391.
——— „Письма русскаго путешественника“, Карамзина 162.
——— „Письмо къ Лидѣ“, стихотвореніе 359, 360.
Пиччини, Николо, италіанскій композиторъ 12. ——— 28.
——— Пиѳія 256, 418.
Пиѳонъ 267. ——— 407.
Піериды, см. Музы.
——— Pierron, Al., французскій писатель 48.
Платовъ, графъ Матвѣй Ивановичъ 48.
Платонъ (Левшинъ), митрополитъ 269. ——— 410.
Платонъ 177, 178. ——— 47, 48.
——— Плетневъ, Петръ Александровичъ 10, 15, 22, 113, 301, 365, 384, 385.
——— Плѣнира (прозвище первой жены Державина) 181.
——— „Плѣнный“, стихотвореніе Батюшкова 266, 268.
——— Плюскова, Наталья Яковлевна, фрейлина 317.
——— „Погребъ“, стихотвореніе 146, 147.
——— „Подражаніе Персіевой сатирѣ. Къ Рубеллію“, сатира К. Рылѣева 113.
Подщипа (изъ шуточной трагедіи „Трумфъ“) 66.
——— „Le poète mourant“, элегія Жильбера 271.
——— „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія“. Поэма въ трехъ пѣсняхъ князя С. А. Ширинскаго-Шихматова 100.
Пожарскій, князь Дмитрій Михайловичъ 84.
——— Пококуранте (Pococurante) (изъ „Кандида“, Вольтера) 127.
——— Полевой, Николай Алексѣевичъ 898.
Полемонъ 171.
——— Поливановъ, Левъ Ивановичъ 117, 118, 153, 159, 174, 189, 190, 195, 238, 259, 271, 272, 276, 281, 286, 296, 298, 318, 324, 389, 414, 424.

Полканъ 98, 99, 197. ——— 123.
——— Paul (въ поэмѣ „Tolyade“) 3.
——— Полторацкая, см. Мертваго, Варвара Марковна.
——— Полторацкіе 164.
——— Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ 28, 29, 355.
——— „Полуденная Сибирь“, см. Кавказъ.
——— Польша 365.
——— Поляки 88.
——— „Полякъ“, баллада Дельвига 193.
——— „Полярная Звѣзда“, альманахъ 293, 294, 390.
Помона 125, 126.
——— Попъ, англійскій поэтъ 408.
Портикъ 247.
——— „Портретная и біографическая галлерея“, статья 93.
——— „Портретъ“, эпиграмма 378, 379.
——— „Portrait d'une réligieuse“, стихотвореніе Парни 182.
——— „Посланіе Лидѣ“ 252 — 254.
——— „Посланіе къ А. А. Плещееву“, Карамзина 279.
——— „Посланіе къ А. И. Галичу“ (второе) 190 — 194.
——— „Посланіе къ В. Л. Пушкину“ 389 — 391.
——— „Посланіе къ графу М. Ю. Віельгорскому“, Батюшкова 54.
——— „Посланіе къ императору Александру“, Жуковскаго 97, 220, 223, 225, 406, 407.
——— „Посланіе къ князю А. М. Горчакову“ („Къ кн. А. М. Г.“) 270 — 273, 290.
——— „Посланіе къ С. Г. Ч.“, см. стихотвореніе „Измѣны“.
——— „Посланіе къ Юдину“ („Къ Ю.“) 157 — 164, 197.
——— „Посланіе отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту“, Дмитріева 408.
——— „Послѣдніе дни и кончина А. С. Пушкина“, брошюра А. Н. Амосова 423.
——— „Послѣдняя весна“, стихотвореніе Батюшкова 308.
——— Потаня 123.
——— Потемкинъ - Таврическій, кн. Григорій Александровичъ 366.
——— „Потерянный рай“, поэма Мильтона 127, 128.
——— Potez, H., французскій критикъ 242, 267.
——— „Похвальное слово сну“, сочиненіе Батюшкова 278, 279.
——— „Поѣздка въ Тригорское“, статья М. И. Семевскаго 409.
Прадонъ, французскій трагическій поэтъ 90. ——— 104, 109.
——— Прачъ, Иванъ, издатель 122.
——— Прейсишь - Эйлау 42.
——— „Привидѣніе“, переводъ Парни Батюшкова 340, 341.
——— „Princesse Nocturne (La)“ (княгиня Ночная), см. Голицына, княгиня Авдотья Ивановна.
——— „Причудница“, сказка Дмитріева 280, 307.
——— „Пробужденіе“, стихотвореніе 295, 296.
——— „Простите, вѣрныя дубравы“, стихотвореніе 409.
——— Протасова, Марья Андреевна 306.
——— „Прощаніе съ лицеемъ“, рукописный сборникъ 388.
——— „Прощаніе съ Тригорскимъ“, см. стихотвореніе „Простите, вѣрныя дубравы“.
Психея 64.
——— Псковская губернія 409.
——— „Пуншевая пѣсня“ 254 — 257, 259.
——— „Punschlied“ (Шиллера) 255.
——— Пустовъ (въ посланіи „Къ Дельвигу“) 104, 105.
——— „Путешественнику“, стихотвореніе, см. „Къ Н. Г. Ломоносову“.
——— „Путешествіе въ замокъ Сирей“, статья Батюшкова 358.
——— Путятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ 56, 233 — 235.

Пучкова, Екатерина Наумовна, писательница 232. ——— 348, 349.
——— Пушкина, Надежда Осиповна 160, 409.
Пушкина, Ольга Сергѣевна, см. Павлищева.
——— Пушкинъ, Александръ Александровичъ 8.
——— „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки". Сборникъ Л. Н. Майкова 4, 5, 24, 46, 54, 63, 64, 70, 83, 92, 127, 145, 147, 152, 160, 219, 232, 283, 286, 317, 319, 341, 343, 362, 384.
——— „Пушкинъ въ его поэзіи", А. И. Незеленова 139, 172, 216, 253, 260, 272, 279, 313.
——— „Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія", статья В. П. Гаевскаго 5, 18, 21, 29, 33, 42, 50, 53, 54, 56, 58, 63, 74, 77, 99, 100, 107, 129, 137, 147, 150, 156, 171, 173, 182, 185, 186, 196, 198, 201, 215, 219, 232, 240, 274, 277, 284, 295, 306, 311, 316, 322, 334, 339, 341 — 344, 346 — 348, 354, 358, 359, 361, 363, 376, 387, 395, 396, 406.
——— „Пушкинъ въ портретахъ", Либровича 75.
——— „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", Я. К. Грота 5, 13, 16, 17, 29, 31, 63, 65, 67, 75, 77, 80, 129, 151, 161, 163, 166, 167, 174, 191, 193, 195, 200, 203, 204, 206, 233, 235, 238, 270, 276, 282, 283, 334, 343, 362, 368, 375, 378.
——— „Пушкинъ и его предшественники", статья П. В. Владимірова 307.
——— „Пушкинъ и Кривцовъ", статья В. П. Гаевскаго 421.
——— Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, его автографы 6 — 8, 18, 23, 54, 56, 58, 74, 84, 89, 102, 118, 140, 155, 157, 186, 225, 230, 232, 233, 254, 273, 280, 287, 289 — 291, 293, 300, 309, 324, 333, 337, 341, 342, 344, 347, 348, 359, 361, 363, 367, 370, 371, 377, 387, 389, 391, 397, 410, 415, 420.
——— Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, его подписи: I....14 - 16 — 57, 99, 101; I....14 - - 16 - 57, 69, 72; I....14 - 17 — 165, 172; I....16 - 14 — 190, 216; I....17 - 14 — 21, 76, 110, 129, 146, 153, 156. А.....Аннибалъ - Пушкинъ 85; Александръ Н. - П. 131; Александръ Н. к. п. ш. 28, 33; Александръ Нкпш. 151; Александръ Пушкинъ 90, 134, 217, 293, 296, 297, 300, 308, 347, 380, 391; Ап. 216, 376; А. П. 102, 133, 386, 420; А. Пушкинъ 252, 257, 287, 371, 372, 377; А. Пуш. 280; Арзамасецъ 397; П. 45. Пушкинъ - Сверчокъ 411.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 66, 89, 164, 228, 256 — 258. ——— 24, 26, 29 — 31, 83, 103, 107, 108, 113, 133 — 135, 164, 207, 212, 217, 237 — 239, 389 — 392, 403 — 405.
——— Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 75, 254.
——— Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 14, 93, 160, 390.
——— Пушкины 3, 108, 112, 160, 161, 164, 402.
——— „П***ну", см. „Посланіе В. Л. Пушкину".
——— „Пущину", посланіе 6, 7, 64, 155 — 157.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ 47, 48, 113, 116, 121 — 123 252. ——— 4 — 8, 46, 54, 61, 63, 64, 85, 87, 89, 92, 99, 142, 145, 147 — 150, 155 — 157, 185, 201, 232, 283, 317, 319, 320, 343, 362, 384 — 386.
——— „Пѣвецъ", стихотвореніе 7, 307, 308.
——— „Пѣвецъ", стихотвореніе Жуковскаго 282, 284.
——— „Пѣвецъ въ Кремлѣ", стихотвореніе Жуковскаго 97, 173.
——— „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славяноссовъ", стихотвореніе Батюшкова 30, 59, 68.

——— „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, стихотвореніе Жуковскаго 30, 59, 97, 173 — 175, 221.
——— „Пѣсни“, стихотвореніе 5.
——— „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ 230.
——— „Пѣсня“, Жуковскаго 306.
——— „Пѣсня“, стихотвореніе 18—20.
——— „Pucelle d'Orléans“, см. „Іоанна д'Аркъ“.

Р.

——— „Радамистъ и Зенобія“ (изъ Кребильона) 71.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ 96. ——— 121, 122, 124, 125.
——— Раевскій, Николай Николаевичъ 235, 368.
——— „Разлука“, романсъ Батюшкова 171, 266, 267.
——— „Разлука“, стихотвореніе, см. „Унынiе“.
——— „Разлука“, стихотвореніе Кюхельбекера 386, 387.
——— „Разсудокъ и любовь“, стихотвореніе 133, 134, 241.
Разумовскій (Разумникъ), графъ Алексѣй Кирилловичъ 83, 93, 99, 148, 150, 151, 217, 218, 274.
Рамаковъ, см. Макаровъ, Петръ Ивановичъ.
Рамо (Jean-Philippe Rameau), французскій композиторъ 12. ——— 28.
Расинъ (Racine, Jean) 64, 265. ——— 80, 109, 210.
——— Рафаэль 11.
——— Ребиндеръ, Софія Іосифовна, рожденная баронесса Вельо 362.
——— Ребиндеръ, генералъ 362.
——— „Revenant (Le)“, стихотвореніе Парни 340.
——— Ременниковъ сынъ (въ „Добрынѣ“, Львова) 123.
——— Ренье (Régnier), издатель 292.
——— Рени, Гвидо 186.
——— „Rechûte (La)“, элегія Парни 322, 323.
——— Ривароль (Rivarol, comte de-), французскій писатель 248.
Римляне (Romains) 92, 93. ——— 111, 116 — 118, 123, 187.
Римъ (Rome) 92 — 94, 96, 246. ——— 67, 111, 114 — 117.
——— „Ринальда“, стихотвореніе 7, 8.
Риѳматовъ, Риѳмовъ, см. Ширинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ.
——— Роде, Петръ, скрипачъ 59, 67.
——— Родосъ 183.
——— „Родъ и дѣтство Пушкина“, статья П. И. Бартенева 160.
——— „Роза“, стихотвореніе 5, 186—190, 296.
——— Розовый павильонъ 274.
——— „Романсъ“, стихотвореніе 72—74.
Ромулъ 92. ——— 111.
——— Роскрана (изъ поэмы „Кольна“) 37.
——— „Россійскій Музеумъ“, журналъ 21, 65, 69, 72, 76, 85, 89, 90, 93, 98, 100, 107, 110, 131, 133, 146, 151, 153, 155, 165, 166, 172, 173, 190, 193, 216, 227, 349, 402.
Россія, Русь 78, 80 — 82, 84, 126, 154, 164. ——— 51, 73, 96, 218, 221 — 223, 347, 353, 369.
Россіяне, Россы 16, 52, 78, 79, 81, 82, 153, 266. ——— 29, 69, 90, 91.
——— Рукопись Московскаго Публичнаго музея № 2364 стихотвореній Пушкина 8, 9, 52, 58, 66, 102, 103, 131, 134 — 136, 140 — 143, 157, 165, 168 — 170, 179, 185, 186, 195 — 197, 225 — 227, 233, 234, 246, 250, 252, 257 — 262, 265, 287, 290, 291, 293—295, 297, 300 — 304, 307 — 310, 314, 315, 320, 321, 324, 325, 327, 335 — 339, 356, 359, 371, 372, 379, 382, 384, 388, 391—393, 410, 414, 420.
——— Рукопись Московскаго Публичнаго музея № 2367 стихотвореній Пушкина 377, 378.
——— Рукопись Московскаго Публичнаго музея № 2370 стихотвореній Пушкина 134, 137, 275.
——— Рукопись Московскаго Пу-

бличнаго музея № 2395 стихотвореній Пушкина 18, 20, 38, 42, 55, 72, 89—91, 102, 103, 119, 133, 140, 141, 146, 147, 168, 169, 226, 232, 233, 250, 251, 260, 261, 280, 289, 291, 293, 294, 297, 300 — 304, 314 — 316, 320, 321, 324, 325, 333, 336, 338, 339, 345, 347, 356, 362, 370, 380, 381, 383, 387, 388, 391, 397, 399.

Румянцовъ, графъ Петръ Александровичъ 79.

——— „Русланъ и Людмила", поэма 107, 162, 412.

——— Русло, гувернеръ А. С. Пушкина 3.

——— „Русская Старина", журналъ 9, 61, 67, 157, 159, 196, 279, 328, 335, 342, 348, 362, 376, 414.

——— „Русскій Архивъ", журналъ 97, 164, 193, 269, 286, 331, 335, 367, 370, 410, 411, 413, 421.

——— „Русскій Инвалидъ", газета 154, 342, 349.

——— „Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа", стихотвореніе князя Вяземскаго 268.

——— „Русскій", см. Гербель, Н. В.

——— „Русскія сказки", Чулкова 124.

Руссо (Rousseau, Jean-Jacques) 12, 17, 64. ——— 26, 80, 292.

——— „Ручная книга древней классической словесности", Эшенбурга 16.

——— Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ 113.

——— Rusla (изъ поэмы „Isnel et Aslega") 41.

——— „La Russie et les jésuites", par H. Lutteroth 413.

——— Рябининъ, Дмитрій Дмитріевичъ 328, 332.

С.

С..... 270. ——— 413.

Савва, мученикъ 101.

——— „Сазоновіада", шуточная поэма 343, 344.

Сазоновъ, Константинъ, лицейскій дядька 229. ——— 342 — 344.

——— Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ 418.

Саксонія 96.

——— Саларевъ, Д., переводчикъ 50.

——— Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ 151.

——— Самарина, см. Квашнина-Самарина.

——— „С.-Петербургскія Вѣдомости", газета 409.

——— „Satire I-re: Les embarras de Paris", Буало 114.

Сатиръ (Satyre), Эрміевъ сынъ 43—45, 118, 169, 170, 236. ——— 57, 243.

——— „Саша", см. Шишковъ, Александръ Ардаліоновичъ.

——— „Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ", изданіе Прача 122.

——— Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ 371.

——— Свида, лексикографъ 236.

Свистовъ, см. Хвостовъ.

——— Свифтъ, англійскій писатель 408.

„Свѣтлана", баллада Жуковскаго 12. ——— 176, 228.

Свѣтозаръ, пажъ царскій (изъ поэмы „Бова") 101.

Свѣтомиръ, городъ (изъ поэмы „Бова") 96.

„Святки", сатирическое стихотвореніе князя Д. П. Горчакова 257, 391.

——— Святополкъ Окаянный 419.

——— Северина, мать баронессы Тепперъ-де-Фергюсонъ 363.

——— Северина, дочь, см. Тепперъ де-Фергюсонъ.

——— Селезневъ, Иванъ Яковлевичъ 148, 158, 274.

Сельма (изъ поэмы „Кольна") 20. ——— 36, 37.

——— „Сельское кладбище", элегія Грея 27.

——— „Сельское кладбище", переводъ элегіи Жуковскаго 27.

——— „Сельцо Захарово“, статья Н. В. Берга 160.
——— Семевскій, Михаилъ Ивановичъ 409.
——— „Семейная хроника“, записки Арк. Вас. Кочубея 345.
Семела 111. ——— 141, 145.
——— Семенова, Екатерина Семеновна, актриса 153, 154.
Сенека 46, 177. ——— 254.
——— Сентъ-Бёвъ (Sainte-Beuve), писатель французскій 248.
——— „Сестрѣ“, посланіе 7.
——— Сеянъ 113.
——— Сибирь 385.
Сильваны 236.
——— Silvie (въ „Épitre au père Bougeant“, Грессе) 109.
Силенъ 183, 236. ———139, 193, 353.
——— „Символы и эмблемы“, сборникъ 189.
——— Сирей, замокъ 357, 358.
——— „Скажи, что̀ новаго?...“, эпиграмма 347, 348.
Славяне 79, 154. ——— 91, 405, 419.
——— Славянофилы 405.
——— „Слеза“, стихотвореніе 7, 168—172, 185, 267, 273, 283.
——— „Словарь“, Даля 65, 66.
——— „Словарь достопамятныхъ людей“, Бантыша-Каменскаго 161.
——— „Слово милой“, стихотвореніе 336, 337.
——— Смирнова, Александра Осиповна 379.
——— Смирновъ, Дмитрій Александровичъ 375.
——— Смитъ, Марія, см. Паскаль.
——— Смоленскъ 222.
——— „Сновидѣніе“, стихотвореніе 354, 355.
——— Соболевскій, Сергѣй Александровичъ 254.
——— „Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева“, 121.
——— „Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій“ 286.
——— „Собраніе русскихъ стихотвореній“, изданіе Жуковскаго 71, 155, 176, 178.
——— „Современникъ“, журналъ 5, 18, 21, 29, 33, 42, 50, 53, 54, 56, 58, 63, 67, 74, 77, 99, 100, 107, 108, 129, 137, 147, 150, 156, 171, 173, 182, 185, 186, 193, 196, 198, 201, 215, 219, 232, 240, 257 — 259, 270, 271, 274, 275, 277, 284, 295, 306, 311, 316, 322, 334, 339, 341 — 344, 346 — 348, 354, 358, 359, 361, 363, 376, 384, 385, 387, 395, 396, 402, 406.
Сократъ (Socrate) 178. ——— 253, 254.
——— Сомовъ, Орестъ Михайловичъ 240.
——— Сомерсъ, Джонъ, юристъ 408.
——— „Songe (Le)“, одна изъ картинъ Парни 244.
——— „Сонъ“, отрывокъ 120, 276 — 280.
——— Сора, городокъ въ Италіи 115.
Sorbonne 58.
——— „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, журналъ 256, 380.
——— Софоклъ 202.
——— „Сочиненія Батюшкова“ 30, 70, 127, 150, 152, 171, 176, 194, 202, 203, 209, 213, 238, 267.
——— „Сочиненія В. П. Боткина“ 188.
——— „Сочиненія Бѣлинскаго“ 13, 38, 42, 53, 55, 70, 81, 96, 97, 120, 121, 126, 130, 131, 134, 143, 146, 150, 152, 156, 166, 172, 173, 180, 195, 199, 209, 227, 235, 238, 259, 260, 266, 272, 275, 279, 288, 290, 298, 327, 384, 389, 395, 404.
——— „Сочиненія Вяземскаго“ 24, 71, 208, 375, 412, 415, 418.
——— „Сочиненія Давыдова“ 269.
——— „Сочиненія Дельвига“ 106, 193.
——— „Сочиненія Державина“, 58, 183, 366.
——— „Сочиненія Дмитріева“ 402.
——— „Сочиненія Жуковскаго“ 71.
——— „Сочиненія Ломоносова“ 183.
——— „Сочиненія Плетнева“ 301, 304.

——— „Сочиненія В. Л. Пушкина“ 24, 29.
——— „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“ 113.
——— „Сочиненія Тихонравова“ 220, 224, 406.
——— „Спартакъ, герой Германіи“, трагедія 71.
——— „Сраженный рыцарь“, баллада 225 — 230.
——— „Стансы (изъ Вольтера)“ 356—359.
——— „Stances“, стихотвореніе 55, 56.
——— „Старая записная книжка“, князя П. А. Вяземскаго 375, 412, 415.
——— „Старикъ“, стихотвореніе 131, 132.
——— „Старина и Новизна“, историческій сборникъ 275, 418, 421.
——— „Стихи, пѣтые на праздникѣ англійскаго посла лорда Каткарта“, Жуковскаго 275.
——— „Стихотворенія Анакреона Тійскаго“, переводъ Н. А. Львова 138, 139.
——— „Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго лицея“, см. Тетрадь Ѳ. Ѳ. Матюшкина.
——— „Стихотворенія Жуковскаго“ 24, 41, 402.
——— „Стонетъ сизый голубочекъ“, пѣсня Дмитріева 318.
——— Стоюнинъ, Владиміръ Яковлевичъ 96, 118, 153, 174, 179, 272, 278, 298.
——— Строганова, графиня Наталія Викторовна, рожденная графиня Кочубей 22.
——— Строгановъ, графъ Александръ Григорьевичъ 22.
Суворовъ, князь Александръ Васильевичъ 79. ——— 145.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ 265, 266. ——— 240, 399, 402, 407, 408.
——— Сумароковъ, Панкратій Платоновичъ 355.
——— Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ 87, 88, 271, 279, 323.
——— Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ 183.
——— „Счастливецъ“, стихотвореніе Батюшкова 280.
——— „Сынъ Отечества“, журналъ 107, 129, 137, 154, 239, 275, 333, 349, 397, 398.
——— „Сѣверная Звѣзда“, альманахъ 216, 372, 373, 377.
——— „Сѣверный Архивъ“, журналъ 137.
——— „Сѣверный Наблюдатель“, журналъ 76, 252, 296, 300, 347.
——— „Сѣверные Цвѣты“, альманахъ 240.
——— Сѣмечкина, Татіана Борисовна 10, 11, 18, 20, 56, 58, 133, 146, 147, 150, 168, 179, 186, 232, 233, 257, 260, 273, 287, 289, 300, 307, 314, 316, 333.
——— „Сѣтованіе“, стихотвореніе 268.
——— „Sur Laïs, qui remet son miroir dans le temple de Vénus“, эпиграмма Вольтера 49.

Т.

——— „Tableaux (Les)“, поэма въ 9 главахъ Парни 242.
——— „Tableaux imités du grec“, см. „Déguisements de Vénus“.
——— „Tableau de la littérature française 1801 — 1815“, G. Merlet 267.
Талія 36, 66.
——— Тальботъ, Карлъ, англійскій государственный дѣятель 408.
——— Тарутино 174.
Тассъ (Tasse) 63. ——— 80, 128.
Тацитъ 46.
——— Тверь 345.
——— „Твой и мой“, стихотвореніе 291, 292.

Телемахида 15, 266.
Телемахъ 265.
Темира 7, 112, 147, 258.
——— „Temple du Gôut“, сочиненіе Вольтера 211.
——— Tenant de Latour, писатель 248.
——— Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ 376.
——— Тепперъ-де-Фергюсонъ, варшавскій банкиръ 363, 365.
——— Тепперъ-де-Фергюсонъ, баронъ, учитель музыки и пѣнія въ лицеѣ 362 — 365.
——— Тепперъ-де-Фергюсонъ, жена барона, рожденная Северина 363.
——— Тетрадь Я. К. Грота 168, 333, 337, 346.
——— Тетрадь графа П. И. Капниста 293, 309, 324, 325.
——— Тетрадь графа М. А. Корфа 6, 20, 28, 33, 45, 76, 85, 98, 100, 146, 153, 190, 239, 240, 343.
——— Тетрадь Ѳ. Ѳ. Матюшкина 11, 119, 187, 197, 252, 256, 257, 277, 290, 296, 307, 324, 338, 344, 354, 363, 378, 383.
——— Тетрадь М. Л. Яковлева, см. „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“.
Тибуллъ 118, 198, 220. ——— 19, 285, 286, 332.
Тибурскіе лѣса 258.
——— Тибуръ, городъ 177.
——— „Tien-et-Mien, dit La Fontaine“ (мадригалъ) 292.
——— Тиртей Отечественной войны, см. Жуковскій.
——— Тиссо, графъ, писатель 242.
——— Тихановъ, Павелъ Никитичъ 291, 342, 344, 348.
——— Тихонравовъ, Николай Савичъ 220, 224, 405, 406.
——— Теосскій мудрецъ, Тіисскій пѣвецъ 50; см. также Анакреонъ.
——— Тобольскъ 385.
——— „Товарищамъ“, стихотвореніе 387 — 390.
——— „Tolyade (La)“, поэма 3.
——— Толи (Toly), карло (изъ поэмы „La Tolyade“) 3.
——— Толстой, графъ Варѳоломей Васильевичъ 55, 316, 317.
——— Толстой, графъ Левъ Николаевичъ 172.
——— Thomassin (въ „Épitre au père Bougeant“, Грессе) 110.
Томсонъ (James Thomson), англійскій поэтъ 12. ——— 27.
——— „Торжество Вакха“, стихотвореніе 350 — 353.
——— Торжокъ 123.
——— „Тоска по миломъ“, пѣсня Шиллера 228.
Тоскаръ, Тоскарь, Toscar (изъ поэмы „Кольна“) 19 — 23. ——— 33 — 38.
——— „Трактатъ о гармоніи“, сочиненіе Рамо 28.
Тредіаковскій, Василій Кирилловичъ 52, 84, 265. ——— 70, 402.
Тригорское, село 265, 268. ——— 409.
——— „Три пальмы“, стихотвореніе Лермонтова 229.
*** (въ заглавіи „Посланія“) 272.
*** (въ „Посланіи къ Юдину“), см. Мертваго, Марія Дмитріевна.
——— *** (въ Посланіи „Къ Д.“) 105.
——— „Трубецкому“, посланіе 7, 8.
——— „Труды Общества любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“ 134—136, 217, 391—394.
——— „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной И. Р. Г. О.“ 88, 89.
——— „Трумфъ“, трагедія въ стихахъ И. А. Крылова 83.
——— Тула 421.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ 270, 271. ——— 97, 221 — 223, 271, 274, 400, 410 — 413, 419.
——— Тургеневъ, Николай Ивановичъ 375, 376.
——— Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ 375, 376.
——— Турція 51.

——— Тырковъ, Александръ Дмитріевичъ, лицеистъ I-го выпуска 148.
——— Тянисловъ, см. Карабановъ.

У.

Уварова, рожденная Лунина, Екатерина Сергѣевна 271. ——— 413.
——— Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ 151, 413.
——— Уваровъ, Ѳедоръ Семеновичъ 413.
——— „Узникъ къ мотыльку, влетѣвшему въ темницу“, стихотвореніе Жуковскаго 26.
——— „У кого душевны силы истощилися тоской“, пѣсня Нелединскаго-Мелецкаго 318.
——— Уллинъ (изъ поэмы „Кольна“) 36.
——— Умбрицій (въ сатирѣ III-й Ювенала) 114.
——— Университетъ Московскій 199, 217.
„Унынiе“, см. „Желанiе“.
——— „Унынiе“ (Мой милый другъ, разстался я съ тобою....), стихотвореніе 304 — 307.
——— „Унынье“, см. „Къ К***“.
——— „Urbis incommoda“, III-я сатира Ювенала 114 — 116.
——— „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды“, комедія князя Шаховского 154, 155, 404.
——— „Уставъ наѣздника“, см. „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія“.
——— „Усы“, стихотвореніе 7, 233 — 237.

Ф.

——— Фабратерія, городокъ 115.
——— „Фавнъ и пастушка“, піеса въ картинахъ 8, 239 — 245, 284.
Фавнъ 43, 165 — 170, 172.
Фебъ (Phébus), см. Аполлонъ.
——— „Федра“, трагедія Расина 109.
——— „Федра и Ипполитъ“, трагедія Прадона 109.
——— „Фелица“, ода Державина 92, 97.
„Фернейскій крикунъ“, см. Вольтеръ.
——— Филаретъ (Дроздовъ), архимандритъ 151, 357.
Филомела 3.
Филонъ 166, 167, 169. ——— 243.
Фингалъ 19, 28. ——— 35 — 38.
Фирсъ (изъ стихотв. „Добрый человѣкъ“) 249.
——— „Фіалъ Анакреона“, стихотвореніе 250 — 252.
Флора 125.
——— Флоренція 67.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ 64.
Фортуна 16, 93, 142, 186. ——— 111, 114.
Франція 28, 96, 102. ——— 48, 52, 57, 63, 161, 247, 267, 284.
Французы 16. ——— 51, 52, 71, 81, 162.
——— „Frayeur (La)“, элегія Парни 150.
——— Фридрихъ Великій, король Прусскій 354, 355.
Фроловъ, Степанъ Степановичъ, инспекторъ лицея 248. ——— 150, 378, 379.
——— Фрузинона, городокъ 115.
——— Фуссъ, Павелъ Николаевичъ, пріятель А. Д. Илличевскаго 63, 233, 235.

Х.

Хариты 50, 110, 138, 239, 269. ——— 78, 180, 184, 186.
Харонъ 146.
——— „Хата“, стихотвореніе Дельвига 193.
——— Хвостовъ, Александръ Семеновичъ 346.
Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ 16, 52, 91, 148, 162, 164. ——— 30, 32, 68, 71, 81, 84, 105, 110, 208, 346.
——— Хвощинская, Софія Михай-

ловна, рожденная княжна Горчакова 54, 55.
——— Хвощинскій, Абрамъ Петровичъ 54.
——— Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ 121, 122, 124, 125.
Хлоя 4, 39 — 41, 44, 230. ——— 196.
Хлыстовъ, см. Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ.
——— Хованская, княгиня А. А. 409.
——— Хованскій, князь Григорій Александровичъ 355.
——— Хомутовъ, Михаилъ Григорьевичъ 375.
——— „Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго монастыря", сочиненіе Батюшкова 174.
——— Хрущовъ, Иванъ Петровичъ 11, 119, 186, 194, 252, 257, 276, 290, 296, 307, 324, 338, 344, 354, 363, 378, 383.

Ц.

Царское Село 77 — 82. ——— 7, 14, 22, 61, 62, 95, 154, 203, 218, 227, 230, 235, 282, 316, 320, 332, 343, 345, 362, 363, 367, 368, 402, 403, 411.
——— Царскосельскій дворецъ 317.
Царскосельскій садъ 78. ——— 5, 96, 317, 319, 368.
Царскосельскія поля 254.
——— „Цвѣты греческой поэзіи", сборникъ Кошанскаго 202.
——— Церковь Свято-Духовская (въ Невской лаврѣ) 418.
Цитера, Цитерея, см. Кипера.
Цицеронъ 177. ——— 254.
——— Цыгане 259.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ 246. ——— 235, 367 — 369.
Чернавка (изъ „Трумфа") 66.
——— Чернышевскій, Николай Гавриловичъ 258.
——— Четвертая элегія въ IV книгѣ сборника Парни 284, 285.
——— „Четыре времени года", поэма Томсона 27.
——— Чириковъ, Сергѣй Григорьевичъ, лицейскій гувернеръ 21.
——— Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ 421.
——— Чубинскій, Павелъ Платоновичъ 89.
——— Чулковъ, Михаилъ Дмитріевичъ 124.

Ш.

——— Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ 330.
Шапеленъ (Jean Chapelain), французскій писатель 95, 266. ——— 127.
Шапелль (Claude-Emmanuel Luillier, dit Chapelle), французскій поэтъ 149. ——— 210 — 213, 247, 248, 253.
——— дю-Шатле, маркиза (Le Tonnelier de Bréteuil, marquise du Châtelet, Gabrielle-Émilie) 357, 358.
Charon-Larose, см. Смитъ Марія.
——— „Chartreuse (La)", посланіе Грессе 211 — 213.
——— Шаховской, князь Александръ Александровичъ 154, 155, 404.
——— Шевыревъ, Степанъ Петровичъ 11, 12, 53, 55, 80, 95, 170, 258, 317, 401, 402.
——— Шекспиръ 313.
——— Шенье, Андрей 52.
——— Шенье, Франсуа 52.
——— Шенье, госпожа, мать поэтовъ 52.
——— Шереметевъ, графъ Алексѣй Васильевичъ 309.
——— Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичъ 410.
——— Шереръ, Эдм. (Scherer, Edm.), французскій критикъ 128.
——— „Шесть статей о Пушкинѣ", сочиненіе Незеленова 119.
Шиллеръ, Фридрихъ 180. ——— 161, 228, 254, 255, 259, 340.
Ширинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ 84, 164.

——— 30, 32, 81, 82, 100, 105, 238.
——— Шишкова, Дарья Алексѣевна 331.
——— Шишкова, Екатерина 331.
——— „Шишкову“, „Ш-ву“, посланіе 7, 8, 330.
——— Шишковъ (2-й), Александръ Ардаліоновичъ 327 — 333.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ 220. ——— 30 — 33, 83, 207, 238, 327 — 333, 348, 403, 408, 419.
——— Шлегель 161.
——— Шляпкинъ, Илья Александровичъ 147.
де-Шольё, Г. Анфри (Guillaume Amphrye abbé de Chaulieu), писатель 150. ——— 197, 210 — 212, 247, 253, 328, 332.
——— Шредеръ, гувернантка 362.
——— „Шутники“, картины московской жизни, піеса Островскаго 73.
——— „Chute des feuilles (La)“, элегія Мильвуа 308.

Щ.

——— Щениковъ, Александръ Гавриловичъ, актеръ 154.

Э.

——— „Эвлега“, стихотвореніе 38, 39.
Эвлега (Elveige) 24, 25. ——— 38, 39.
Эврипидъ 63.
——— „Эвтерпа“, альманахъ 168, 170, 233.
——— Эгжеръ (Egger, Em.) 51, 52.
Эзельдорфъ, лѣкарь (изъ поэмы „Бова“) 98, 99.
——— „Экспромтъ на Агареву“ (на А.) 344, 345.
——— „Экспромтъ тѣмъ, которые укоряли меня, для чего я не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина“, стихотвореніе Пучковой 349.
——— „Элегія“ (Опять я вашъ, о юные друзья!), стихотвореніе 320 — 324, 327.
——— „Элегія“ (Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ...), стихотвореніе 314, 315.
——— „Элегія. Подражаніе“ (Я видѣлъ смерть, она сидѣла...) 309 — 313.
——— „Элегія“ (Я думалъ, что любовь погасла на всегда) 335, 336.
——— „Элегія“ (на смерть графини Е. И. Ожаровской), Кошанскаго 203, 205.
Элизій, Елизіумъ 67, 78.
Эллада, см. Грепія.
——— Эллина 90.
Эльба, островъ 97, 104, 106. ——— 120, 129.
Эльвина (изъ стихотворенія „Наѣздники“) 185, 207. ——— 264.
——— Энгельгардтъ, Варвара Васильевна, племянница князя Потемкина-Таврическаго 366.
Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ, 248. ——— 149, 214, 215, 274, 319, 320, 334, 339, 363, 365, 368, 379, 387.
——— „Эолова Арфа“, стихотвореніе Жуковскаго 41, 229.
——— Эолъ 5.
Эпафродитъ 177.
——— „Эпиграмма“ (Аристъ намъ обѣщалъ...) 100, 101.
——— „Эпиграмма“ (Бывало, прежнихъ лѣтъ герой...) 153 — 155.
——— „Эпиграмма“, см. „Исторія стихотворца“.
——— „Эпиграмма на поэму князя С. А. Ширинскаго-Шихматова“ 100.
——— „Эпиграмма“ (подражаніе французскому) 98.
——— „Эпиграммы на Пучкову“ 348, 349.
Эпикуръ 47, 146. ——— 278.
——— „Эпитафія“, см. „На смерть стихотворца“.
Эрата, Эрато 63, 220. ——— 328, 330, 332.

——— Эрмитажъ 200.
Эрміевъ сынъ, см. Сатиръ.
Эрмій, см. Гермесъ.
Эротъ 31, 41, 42, 53, 62, 103, 108, 111, 122, 148, 165, 169, 173, 236. ——— 53, 193, 246, 247, см. Амуръ.
Эскулапъ 98.
——— „Этюды о Пушкинѣ“, сочиненіе Сумцова 87, 271, 323.
——— Эшенбургъ, писатель 16.

Ю.

Ювеналъ 17, 52, 94. ——— 111, 113 — 117, 351.
Юдинъ, Павелъ Михайловичъ, лицеистъ I-го выпуска 124 — 130. ——— 157 — 164.
——— Юзефовичъ, Михаилъ Владиміровичъ 286.
——— Юліанъ Египетскій IV вѣка по Р. Х. 47.
——— Юліанъ Египетскій VI вѣка по Р. Х. 47.
——— „Юношескіе годы Пушкина“, біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса 344.
——— Юпитеръ, см. Зевесъ.

Я.

Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ, лицеистъ I-го выпуска 48, 144. ——— 10, 64, 65, 168, 186, 193, 204.
——— Якушкинъ, Вячеславъ Евгеніевичъ 9, 85, 155, 157, 159, 196, 335, 362.
——— Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ 23, 58, 165, 233 — 235, 237, 239, 257, 260, 261, 265, 309, 310, 327, 328, 356, 371 — 373, 380, 381, 385, 388, 391, 392.
Янусъ 154.
——— Япетъ 111.
——— „Я помню чудное мгновенье...“, стансы 396.
——— Ярославцовъ, Андрей Константиновичъ 385.

Ѳ.

Ѳемида 257.
Ѳесписъ 266.
——— Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ, издатель 73, 180, 239 — 241, 297.
Ѳома (въ стих. „Городокъ“) 71.
——— Ѳома, дядька въ лицеѣ 149.